СФ
С421

СКАЗКИ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

NLRK 00225436

1132309 кр

...льной
и краеведческой
литературы

21.08.06 переучёт

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

СКАЗКИ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

ТОМ
I

Под общей редакцией
проф. М. К. Азадовского, проф. Б. А. Ларина, акад. И. И. Мещанинова
А. А. Прокофьева, А. П. Чапыгина

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК
1939

С9Р
С 421
„ВКЛЮЧЕНА В КАТАЛОГ"

К.66

СКАЗКИ М.М.КОРГУЕВА

КНИГА ВТОРАЯ

Записи и комментарий
А. Н. Нечаева
Статья о языке М. Коргуева и словарные пояснения
проф. Б. А. Ларина

МУРМАНСКАЯ ОБЛ. БИБЛИОТЕКА

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК
1939

Государственная публичная библиотека КАССР

1939

Ответственный редактор
проф. *Б. А. Ларин*

Технический редактор и корректор
Б. Я. Бибер-Сендер

Художник-редактор *Н. Ф. Лапшин*

Переплет, форзац, титула, заставки, концовки и инициалы — работы художника *М. И. Разулевича*

Сдано в набор 17 марта 1939 г. — Подписано к печати 27 октября 1939 г. — Формат бум. 62 × 90 см. — 42,25 печ. л. — 38,25 уч.-авт. л. — 36816 тип. зн. в печ. л. — Тираж 10.000 — Уполн. Карельского Главлита № В—3967. — Заказ № 254 Каргосиздат № 50

Набрано и отпечатано в типо-литографии Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

21

30. ТРИ ЦЯРЬ ДЕВИЦИ

Вот был старик со старушкой. У них не было сначала дитей, а потом родилсе сын, ёго звали Иваном. Ванюша этот стал подростать и стал учитьце грамоты и подучилсе: хотя знат читать, писать и коё-што. Потом старик говорит своей старухи:

— Вот што, старушка, у нас состояния нет, и мы ёго воспитывать дома не можем, надь ёго куда-нибудь повести отдать на роботу.

Вот сынок собралсе, старушка, старичок оделись, сели в лодку и поехали.

Долго они ехали всё рекой, озером. Наконець приехали оне к каменной ограды. Да, когда оне приехали к каменной ограды, остановились у ней и вышли на бéрег. Шли оне долго дорожкой, наконець приходят к большому дому и заходят в нёго. Когда оне зашли в дом, тогда приходит к ним старой-престарой старичок:

— Зачем, дедушко и баушка ко мне пожаловали?

— Мы пришли, дедушко к тебе, конечно, не знали, што к тебе, а так нецянно, привели своёго́ сына. Ёго надь отдать в какую-нибудь науку, штобы он научилсе чему-нибудь и потом мог нам помогать.

Тот старичок и говорит:

— А вот што, дедушко, оставьте мне сынка своёго́ на три го́да, — говорит, и — у меня нет никого, и он пробудет у меня три года, научитце на все штуки и будет вас потом корьмить и пропи́тывать.

Вот старичок подумал немного и говорит:

— Што, старушка, давай, оставим.

Тогда старичок, которой принял ёго, вынимает деньги и говорит:

— На вот тебе покамест на три года хватит, а потом придёт сынок и будет вас обеспечивать.

Когда получил старичок деньги и говорит:

— Но, до свиданья, пусть мой сынок служит у тебя рабом три года и потом придёт домой.

Старичок попрощалсе со старичком и вместе со старушкой вышли, дошли до каменной ограды, сели в лодку и поехали.

Старичок заводит Ваню в особу комнату и говорит:

— Вот, приготовляй для меня и для себя, токо тебе и будет во сёгодной год роботы.

Провёл он год и говорит дедушку:

— Дедушко, почему ты не даёш мне никакой роботы и как я приеду домой, дак чем отця-мать буду радовать?

Старичок говорит ёму:

— Ванюша, я бы дал тебе роботу, но ты еще мо́лод, поживи еще немного.

Пожил он опеть с полгодика и говорит:

— Дедушко, но как мне жить в одном мести скучно, прожил я у тя теперь полтора года и ничему ты меня не научиш.

— Ну, ладно, Ванюша, спи до утра. Утро мудренее вечера, утром я тебе, наконець, дам роботу.

Когда оне переспали до утра, на утро стали, попи́ли чайку, дедушко приносит ёму двенатцеть ключей и говорит:

— Вот, Ванюша, в одинатцеть комнат ходи как хош, а в двенатцету и сам не попадёш.

И сам улетел.

Теперь он получил у нёго двенатцеть ключей и пошол по комнатам ходить, смотреть старика редкости. Да. Когда он

это всё обсмотрел, и все эты редкости были для нёго тёмные и мёртвые, так што это всё ёму было как не в утеху. Наконе́ць приходит к этой двери, к двенатцетой (которую он обещал ёму зайти) но попасть в ней он, конешно, никак не мог. А ёму оцень хотелось было посмотреть, и нацял смотреть, как бы высмотреть, и полез по стенке. Вылез по стенке повыше и смотрит небо́льшенька щёлочка и сквозь щёлочку видит он хрустальную дверь. Когда обсмотрел хорошенько, то видит, сидит три девушки — точно три ягодки.

— Эх, каки хоро́ши, как бы мне лучче их высмотреть.

Сам с собой говорит громко. Услыхали девушки Ванин розговор и вдруг все заговорили:

— Ванюша, если ты жалаеш нас посмотреть, то напой завтрошной день дедушка пьяного. Когда напоиш дедушка-пьяного, то посмотри которым он боком повалитце спать, правым или левым. Когда дедушко повалитце, если левым боком кверьху пьяной, то поворачивай ёго правым кверьху, он не будет слышать. Когда ты ёго поворотиш правым боком кверьху, то посмотри у нёго за у́хом есть золотой ключик, ты этот ключик возьми и тогда попадёш в комнату и отопрёш наши ящыки с красноцьветным платьём и оденеш нас, ты увидиш нас три раза лучше.

С тема́ словами Ванюша попрощалсе с девицями сквозь стенку и вышел обратно в свои покои. Приходит Ванюша в покои свои, черезь день прилетает к нёму дедушко и спрашиват:

— Ну, каково́, Ванюша тебе посмотреть было?

Переда́ёт Ванюша ключи дедушку и говорит:

— Дедушко, эта ли забава молодому цёловеку? Это не забава!

Топерь дедушко и говорит:

— Ну, еще поживи годик, сынок, тогда я тебе боле интересно покажу, ты ещё молод.

Да. А Ванюша всё-таки напирает на своём.

— Дедушко, я сегодне именинник, мне сегодне день ангела, давайте выпьем с тобой хоть ради празника.

Дедушко был согласен:

— Давайте, сынок.

Завёл дедушко ёго в свой буфет и нача́ли пить. И так напоил дедушка, што дедушко повалилсе спать на диван на левой бок, а он сам мало пил. Когда старицёк заснул, успокоилсе, то Ванюша подходит к нёму, поворацивает ёго на правой бок. Когда он поворотил на правой бок, то и увидал у нёго сразу золотой клюцик, взял ёго, дедушка оставил, а сам пошол смотреть красавиць. Когда он подходит к этым дверям, то сразу же о́тпер двери, подошол к красавицям. Оне оцень обрадели. Вот и говорят девушки:

— Вот, Ванюша, коли достал клюцик, отпирай эти три ящыка, и одень нас, увидиш, што сразу мы будем лучче, достань нам красноцьветное платьё.

Ваня в ту же минуту стал отпирать ящыки и одевать их поодиночке. Когда оне оделись и сказали:

— Ну, Ванюша, прощай топерь мы полетим!

И так сделались голу́бками и улетели.

Ваня запёр ящычки и комнату, но было ёму уж очень неприятно, пошол домой и всё думал:

— Ну, што мне скажот дедушко.

Пришол он домой, также поло́жил ключик на старое место и сам лёг спать.

Да. Дедушко проспалсе, посмотрел у себя за ухом, ключик шевелёной. Ваня стал, обед приготовил, позвал дедушка обедать. Стали оне с ним обедать. Когда стали обедать, то дедушко и говорит:

— Ваня, эх, Ваня, Ваня, как я тебе говорил, не спешись, что ты сделал, отпустил трёх цярь-девиць!

(Ну, хорошо. Топерь дальше).

Вот Ванюша, я даю тебе другое дело. Топерь я полечу и буду их има́ть, и обратно принесу. Пролечу три года, а ты пока живи в этом доме.

Дедушко пообедал, обернулсе орлом и улетел. А Ванюша осталсе проводить эти три года в том же мести.

Вот в скором времени, конешно, прошли и три года, дедушко прилетает и приносит обратно эты все три цярь-девици. Когда он принёс обратно, поло́жил их на старые места́, ото-

21

брал у них разноцьветно платьё, замкнул и пришол к Ванюши. Пришол к Ванюши, пообедал и говорит такую реч:

— Ну, Ваня, теперь тебя жоню, любую выбирай из трёх.

Вот дедушко и говорит:

— Ну, пойдём теперь выбирать тебе невесту со мной вместе.

И Ванюша обрадел, вместе с дедушком пошли к красавицям. Когда оне пришли:

— Ну, вот, выбирай, Ванюша теперь любую из трёх.

Вот он берётце снацяла за старшую, та ёму понравилась. Дедушко и говорит:

— Нет, Ваня, не бери этую, много беды примеш, а жив не будеш.

Тогда он берётце за среднюю, а дедушко ёму:

— Нет, Ванюша, не бери и эту, много беды примеш, но жив не будеш.

— Тогда, дедушко, ну на какой же я буду жонитьце?

— Вот бери мéньшую эту, хоть много беды примеш, но жив будеш.

Так. Теперь берёт он себе в жоны прекрасную чаревну, то-есь чарь-девицю и идут оны к дедушке, а остальные остались у старика в зáмке. Когда оне приходят к дедушку, дедушка и говорит:

— Ну вот, Ванюша, теперь я тебе даю ключик самому, и три года будеш с ней жить и не отмыкай ящичка, хотя как бы она у тебя не просила разноцьветно платьё, ну не давай.

Потом дедушко ёму и говорит:

— Если ты отдаш ей раньше трёх годов, то она с тобой жить не будет, а ты не утерпиш, пойдёш ей искать.

Так. Вот он тогда роспрощалсе с дедушком и отправилсе в путь, домой, где он жил. Приходит он домой когда, отець-мать оцень обрадовались, што вернулсе у них сын, уже был жонатой. Да, вот когда он приходит домой, то нацинает жить. Живёт он с ней полгода. Приходит празник большой, она и говорит:

— Ваня, дай мне одетьце ради празника, пускай меня люди посмотрят, какая я есть.

То он сказал:

— Нет, дорогая, я тебе не даю до трёх годов, лучче не проси, а то я с тобой сделаюсь ина́це, как мне говорил дедушко.

Тогда она провела опеть, второй год уж проходит. Начинает опеть просить:

— Дай, Ванюша мне одетьце, ведь сегодне па́сха, люди как хорошо оделись.

Он сказал:

— Нет, не даю, — ударил ей по щёки. Отцю и матери стало жалко, што он ударил ей по щёки, оны стали просить:

— Почему ты, Ваня, не даёш ей одетьце, посмотри люди как хорошо одеты.

Он ответил:

— Это, мамаша и папа, не ваше дело, я токо знаю моего дедушку.

Так. Топерь она наоборот, вместо того, штобы одетьце в какое платьё хорошее, было у ней тако платьё, но она одела платьё плохое, как хуже у ней не было. Когда увидели люди, што эта женщина оделась в плохоё платьё, стали обсуждать.

— Почему же тебе муж не даёт хорошей одёжды?

Она говорит:

— Ну, не даёт, што же я буду делать.

Дошли вести до Ивана. Тогда опеть говорит отець и мать:

— Ну, што же ты не даёш, она оделась в самую плохую одёжду, дай ей, хоть не сразу, но дай.

Он не мог выдержать, сходил отыскал ключик, и принёс разноцьветное платьё.

— Ну, на, милая, одевайсе, коли жалаеш, ну помни, што тебе дедушко сказал.

Так. Когда она берёт это платьё, переоделась, то кряду же обернулась го́лубем, полетела, сказала:

— Досвиданья, прощай, ищи меня в тридесятом государьстве.

Он и говорит:

— Ну, вот, отець и мать, я ваше желанье исполнил, но себе уже нашол работу на три года, итти за ней.

Топерь наш Иван говорит:

— Но, мама, пеки подорожнички, а я пойду. Как мне-ка дедушко сказал, так и родилóсь.

Мать приготовила сухариков торбочку ёму и он попрощалсе с отцём с матерью, одел торбочку и отправилсе.

Вышел на большую дорогу и долго, долго он шол по большой дороге, не видать ни крещёной души. Когда устанет, лягет, отдохнёт и дальше идёт и идёт. Дорога ёму стала очень скýчна. Стали ёго запасы все уницьтожатьце, так што уж идёт сутки голодной. И так идёт двое и третьи сутки, совсем изголодал и сам думает:

— Хоть бы кто-ни попал настречу.

Вдруг смотрит стоит избушка на курьих ножках, на петушьих головках и кругом вертитце.

— Изба, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротáми; мне не век вековать, а одну ноч ночевать.

Когда зашол он в избушку, то смотрит сидит там старуха старая, сидит, зубами скрипит и ёму говорит:

— Фу, фу, на Руси не бывала и руського духу совсем не слыхала, а топерь вижу, я сьем тебя, молодéць. Тридцеть лет цёловецьёго мяса не едала.

Он и заговорил:

— Што ты, баушка, ты спервá напой, накорьми, баню истопи, мои кости попарь, да спроси, куда я иду, а потом и еш.

Старушка скоцúла со стýла, себя по щёки ударила, по другой прибавила:

— Фу, фу, не накорьмила я, не напоила, а стала вести выспрашивать.

Накрыла стол, напоила, накорьмила и спать уложила, потом байну истопила и в байны выпарила. В байны выпарила, в кровать уложúла и потом сама села вести выспрашивать:

— Ну, скажи, молодéць, куды идёш, куды путь дёржиш, какого ты есь роду, какой племени?

Вот он начáл говорить:

— Вот, баушка, иду я половина волей, а друга неволей, а третья своей охотой. Была за мной из тридесятого государь-

ства цяревна, цярь-девиця, но когда я отдал ей разноцьветное платьё, она от меня улетела.

— Дак вот, сынок, не надо бы тебе было отдать до трёх годов ей платьё, ведь эта цярь-девиця будет моя племянниця, а ты мне будеш зять.

Вот она и говорит:

— Вот, зятюшко, отдохни ище, путь тебе дальняя, потом и пойдёш.

Старушка стала пекчи́ ёму подорожнички. Прожил он трое сутки, она напекла ёму подорожнички и говорит:

— Вот тебе, сынок, ище колобо́к, этот колобо́к ты никуды не девай, покуда не придёш ты еще к другой избушки. Когда ты придёш к другой избушки и будеш заходить, тебе на пороге броси́тце моя сестра, ты ей этот колобок в рот.

Топерь он распростилсе с баушкой и пошол. Когда он походи́л от баушки, она дала ёму в запас щучьи зубы.

— Это, — говорит, — тебе понадобитце.

Идёт, идёт он опеть до́лго-ли, коро́тко-ли, близко-ли, дале́ко-ли, но дорога всё вперёд подаваетце. Вот у ёго опеть нацинает уницьтожатьце сьестные припасы. Он и думает:

— Наверно тётушка отгадала, сколько времени мне надо итти до жилья.

Топерь идёт сутки, у нёго уже ёись нету. Потом и думает:

— Я уж топерь сутки голодной, а как быть дальше, не знаю.

Потом на вторые сутки смотрит, стоит избушка на курьих ножках, на петушьей головке. Подошол к избушки:

— Избушка, избушка, повернись, избушка, к лесу ногами, а ко мне воротами́, не век вековать, одну ноч ночевать.

И сам заране достал колобо́к. Избушка остоялась, заходит он в избушку. Когда увидала ёго старуха, то броси́лась кряду на нёго на пороге. Он сецяс протягивает руку ей ко́рту и сразу нацинает ей совать колобо́к. Когда она колобок захватила, то сразу поняла, што этот есть какой-то свой. За стол посадила, в то же времё байну истопила. Напоила, накорьмила, в байны вымыла и в кровать повалила, и сама стала вести выспрашивать, кто он такой есть. Он и говорит:

— Тётушка, я есь от чарь девици, была за мной чарь девиця, я дал ей красноцьветно платьё, она улетела. Вот я есь Иван, кресьянской сын.

— Напрасно поторопилсе отдать ей ране трёх годов, коли тебе дедушко не велел. Ну, топерь поживи у меня до трёх дён, а я тебе всё подготовлю.

Вот он жил у ней трое сутки, старушка пекёт ёму сухарики, подорожнички и проводит он у ней все три дня. Когда она ёго совсем зготовила, и даёт ёму ноготь.

— Вот, зять, это тебе пригодитце, когда понесёт тебя орёл, то ткни ёму под задницю.

И он запоходил. Баушка приносит ёму полотенцё:

— Вот, зять, когда придёш к третей моей сестры, к третьей избушке, то сестра выскоцит на улицю, ты смотри сразу бей ей этым полотенцём по лицю, а то ина́це она тебя не узнает и ты не пройдёш.

Так роспростилсе в путь дорогу. Подойдёт, отдохнёт, да опеть дальше.

Долго он шол, стали у нёго запасы опеть уницьтожатьце, опеть стал споминать тётушку:

— Наверно тётушка не рощытала колько мне нужно было на дорогу запасов.

Посмотрел вперёд и смотрит, стоит избушка, на курьих ножках, на петушьей головки и кругом вертитце.

— Избушка, избушка, повернись избушка к лесу глаза́ми, ко мне воротами, не век вековать, одну ноч ночевать.

Только он успел дверей открыть, старуха выскоцила на улицю.

— Сьем, сьем, молоде́ць, тридцеть лет человечьего мяса не едала и духу не слыхала и на Руси не бывала.

То сразу вытаскивает полотенцё. Вытащил полотенцё и нача́л бить старуху по щёкам полотенцём. Старуха кряду опомнилась, как узнала, што это посёл от сестры. Берёт ёго за руку, заводит в избу. Накрыла стол, посадила его йись, и в то же времё истопила байну. В байны помыла, в кровать уложи́ла, сама села рядом, стала спрашивать ве́сти.

— Скажи, молоде́ць, кто ты есь, какого роду, какой племени, и как тебя зовут, племянници ли ты есь муж, зятюшка?

— Так вот, тётушка, я был жонатой на чарь девице. Побыла она у меня два года, я не утерпел, дал ей разноцьветно платьё, она улетела.

— Ага, зятюшко, ты есь, она мне ро́дна племянница. Побудь у меня, я тебе ко́е-што роскажу.

Прожил день, два, тётушка ёму и говорит:

— Слушай, зятюшко, хотя к ней сецяс тебе итти далеко́, но я тебя довезу на своей лошади, быстро ты по́падёш, только́ не сказывай, я тебя довезу прямо к ей в сад. Когда из саду она тебя увидит и будет спрашивать: „Кто тебя сюды привёз?“ — узнает тебя сразу. Ты скажи ей то, што я попал сам, никто меня не учил, и попал как не знаю, никто мне не помогал. Тогда она тебе скажет: „Вот пришол ты топерь на явну смерть. Топерь я тебя убью или посажу в кожаной мешок“. Тогда ты ей скажи так: „Слушай, чарь девиця, не попомни старого зла, дай мне хоть до смерти три раза́ от тебя ухоронитьце“. Перьвой раз ты куда ухоро́нишсе? Ты побежиш в лес, и около одного озера закопаешсе. Она ведь сильне́йша волшебниця, она узнает тебя в одну минуту, куда ты ухорони́лсе. Вот она сецяс же прикажет щуки вытти из озера и притащить тебя. А тебе перьва моя сестра дала што-нибудь?

— Дала мне щучьи зубы.

— Вот и помни. Вот, эты щучьи зубы, когда тебя схватит щука в зубы и потащит, ты старайсе ей сунуть тоже зубы в рот, штобы она тебя не крепко жала. Вот и притащит к чарь девици. Когда она притащит тебя к чарь девици, то она прикажет тебе второй раз хоронитьце. Второй раз ты куда? Второй раз ты убежиш в лес и закройсе в одно болото, конешно не близко тебе покажет, а ей то уж очень близко. То она прикажет одному волшебному орлу тебя принести. Вот тебе дала вторая сестра што-нибудь?

— Дала орлиной ноготь.

Вот и сунь ёму под задницю, вот он тебя лёхко и притащит. Вот когда он тебя, орёл этот, притащит, то она тебе прикажет третий раз хорони́тьсе, а потом уж будет своим судом тебя судить. (Это всё тётушка наперёд

ёму даёт). Топерь куда будеш, дорогой мой зятюшка, хоронитьце.

— Не знаю, тётушка.

— Вот когда выйдеш от ней, хлопни дверьми и стань за дверь. Она тебя не найдёт, хоть будеш недалёко от ней, но она тебя не найдёт. До тих пор она будет тебя искать, што озлитце и когда наведёт зерькало на зерькало, тогда тебе скажет: „Выйди, Иванушко" — но ты, смотри, не выходи, сама она за тобой не придёт. Второй раз она тебе скажет: „выйди, Иванушко", ты ответа ей не давай и всё стой. Третий раз скажет: „Ну, выйди, Иванушко дорогой, наверно, нам с тобой судьба". Тогда ты выйди и увидиш, што с ней случилось.

Тогда сели обедать. Пообедали, она ёму и говорит:

— Правда, зятюшко, если бы ты такой не ласков был и не в таких молодых летах, мне бы тебя не жалко было, а топерь сядем и поедем.

Сели на лошадь и поехали. Очень скоро дорога двигалась, Иван перед собой посмотрел и видит уже чарьство. Тётушка и говорит:

— Видиш, Иван, ейно чарьство. Скоро спустимсе в сад.

— Вижу, тётушка.

Подьежжают к ейной ограды, кругом ограды стоит стража, не пропускат никого. Старуха не смотрела ни на што, нажимат на своёго коня, перескоцил конь черезь ограду. Она выпустила Ивана в сад и говорит:

— Помни, зять, што тебе тётушка говорила.

Потом выскоцила обратно и уехала. Когда он осталсе один и пошол по саду, видит: откуль ни возьмись идёт чарь-девиця. Когда она стретилась с йим и узнала ёго.

— А ты зачем пришол, Ванюша, ко мне на явную смерть. Вот я тебя топерь сказню или посажу в каменной мешок. От меня ты топерь никуды не уйдёш.

— Слушай, прекрасная цярь-девиця, не помни зла, дай мне от тебя хоть три раза ухоронитьце, а уж потом делай што хош.

— Иш ты, берёш на хитрость. Ну, ладно, даю тебе три раза́ ухорони́тьце от меня, но всё ровно ты никуда не уйдёш, што задумала, то я сделаю.

Тотчас приказала хорони́тьце и скрылсе он у ней из глаз. Сецяс же он прибежал к озеру и закопалсе подле озера в ямочку, думает:

— Не найдёт она меня здесь.

Сецяс она берёт волшебну книгу и сразу розыскала, моментальнё приказала щуке принести ёго. Вылезает из озера щука, схватила ёго, а он стараетце сунуть ей в пасть щучьи зубы, и так и сунул. И щука потащила ёго и мигом представила к цярь-девици. Она приказала:

— Ну, хоронись второй раз.

Но он сразу опеть скрылсе из ейных глаз. Вот, бежал, бежал, прибежал к одному болоту и думает, што он уж убежал далеко́ и скрылсе у этого болота. Она сецяс посмотрела в волшебну книгу и приказала орлу́ волшебному принести ёго. Орёл прилетает, захватывает ёго в свои когти, а он орлиной ноготь вло́жил ёму в задницю, штобы он лехко́ ёго нёс. Мигом орёл принёс ёго и представил опеть цярь-девици. Она ёму и говорит:

— Иш ты, здумал от меня ухорони́тьце, от меня никуда не ухоро́ниссе. Ну, хоронись третий раз.

Тогда он вышел из комнаты и очень крепко ударил дверь и сам стал за дверь. Вот она сецяс берёт волшебную книгу в руки и начинает ёго искать, где он есть. Всю книгу она россмотрела и не могла найти и говорит:

— Наверно он скрылсе, всё-таки он хитрой.

Потом смекнула ище один способ, взяла нача́ла наводить зерькало на зерькало. Когда навела зерькало на зерькало, то сразу увидала, што стоит он за дверьми и говорит ёму:

— Выйди, Иван.

Он молчит. Второй раз она ёму говорит:

— Но, выйди, Иван.

Он всё молчит, не даёт ей ответу, а сама вывести ёго не может. Вот уж она говорит третий раз:

— Выйди, Иван, выйди, дорогой, наверно нам с тобой судьба.

И залилась слезами.

Тогда Иван вышел из-за дверей. Она броси́лась ёму на шею и говорит:

Ну, дорогой мой Ваня, не помни никакого зла, топерь будем мы с тобой жить до глубокой старости вместя́х.

Сеця́с приказала строить бал, вроде свадьбы и провела Ивана в начальство, и стали жить и быть, и до сих по́р живут.

1132309 кр

Государственная публичная библиотека КАССР

31. ЧЕРВОННОЙ ВАЛЕТ

Она нацинаетце, конешно, с купця. Не́ в котором чарьстве, не́ в котором государьстве, именно в том, в котором мы живём, жил был купець. Этот купець был страшнейший милионер и имел у себя двенатцеть магази́нов и двенатцеть кораблей для выхода товаров заграницю. У ёго семьи было—одна жона и сын. Сын еще был мал. И вот в одно прекрасноё времё купець собираетце заграницю за товарами. Да. Конешно, средил кораблей там, и отправилсе в скороё времё. И́дут себе, по́ветерь хоро́ша, тянет, и идут спокойно по мо́рю. И вдруг все корабли остоялись посередь моря. По́ветерь тянет, паруса все надуты, а корабли стоят. Потом хозяин заговори́л:

— Дак што, робята, тако́ слуцилось: по́ветерь тянет, а суда стали, нет ли у нас водолаза, надо бы узнать, што слуцилось.

Он сецяс дал знать по всем кораблям:

— Не найдётце ли водолаза узнать почему корабли стоят.

Да, потом отозвалось два водолаза: один молодой, а другой старой. И вот решили опустить молодого водолаза на петьдесят сажен. Когда ёго опустили, то он там ницёго не увидал, а корабли всё стояли на месте. Хозяин роспросил этого молодого водолаза, тот ёму ответил:

— Я ницёго, хозяин, не видал и незнай, поцёму корабли стоят.

Потом хозяин стал просить старого водолаза, которой раньше испытывал на большой глубины. Тот, конешно, не отказалсе. Приказал спустить на сто сажен ёго. А когда этот водолаз спустилсе на́ сто сажен, то видит против кораблей стоит одна старуха, котора задерживала корабли. Когда увидела старуха этого водолаза и заговорила:

— Ну, скажи, водолаз, своему хозяину: „пока ёго не опустят в лодки на́ воду, то до ти́х пор вы нихто не уйдёте отсюда, и ваши корабли".

Тогда он дал сигнал. Ёго вытащили, этого водолаза. Когда вытащили, то хозяин стал спрашивать:

— Но, скажи, старой водолаз, кого ты видал, наверно, ты видал кого нибудь?

Он тогда и говорит:

— Слушай, хозяин, я тебе што скажу. Конечно, ты можеш мне поверить, а можеш и не поверить, но только нам дальше не уйти будет до ти́х пор, пока мы тебя не опустим на́ воду, не пожалаеш сам в лодку. Мне лично передала старушка одна, што до ти́х пор вы не уйдите́, пока хозяина не спустите, и все тут поги́нете.

Тогда хозяин сказал:

— Дак што же, робята, чем нам всем погибать, лучче я буду согласен, только мы сделам договор.

И собра́л он всех капитанов и матросов и обьевил йим такое дело:

— Вот, капитаны и матросы, и штурмана́, вам корабли вручаю — всякому капитану по отдельности все в том, што если я вернусь обратно, тогда вруцить обратно мне все эты корабли, а если уж не вернусь, то держите, сами всё делите и не обижайте матросов и приходите обратно в город, из которого вышли.

И так капитаны, конечно, согласились, обещали всё поделить поровну, и наш хозяин собралсе. Ёго пустили в шлюпку. Он повалилсе внич. Ёго понесло по воды, и корабли кряду пошли все двенадцеть и скрылись в мори.

Вот этого хозяина несло, несло, а он лежал внич, и слышит, стало о́ берег шлюпку колотить. И он поднял голову.

Выходит на бе́рег и ёго повела дорожка в лес. И он пошол по этой дорожке. Вот он шол, шол, шол и увидал дом такой большой стоит. Подходит к крыльцю. Токо подошол к крыльцю, выходит молодая барыня такая красивая. Она берёт ёго за руки и вводит к себе в дом. Привела когда в дом, посадила за стол и стала угощать: поит винами и так далее. И вот когда она ёго напоила, накорьмила и говорит:

— Ну, вот, купцик-голубцик, я тебя давно себе в мужья жалала, а уж топерь ты приехал ко мне, когда я остановила корабли ваши. И вот топерь ты будеш у меня жить и от меня никуда не уйдёш. Думай, я тебе даю три дня, подумай, а уж потом будеш окончательнё со мной жить. Да, а топерь можеш мои интересы, мое хозяйство смотреть, и по кажной комнаты ходить эты три дня, но отсюда всё ровно не уйдеш, покуда не согласиссе со мной жить.

Он ответил:

— Ну, хорошо, подумаю три дня, а потом тебе скажу. Только дай мне все высмотреть, пожалоста.

Она повела, отвела ёму комнаты, и он стал осматривать. Конечно, много было редкостей разных, но для нёго это было всё чужое. Да. Потом он зашол в одну комнату и смотрит: кругом от полу и до потолку стоят игральные карты, колоды. И вот он подходит к одной полки, берёт колоду карт и начинает её розбирать. Розобра́л там несколько колод и опеть новую принёс. Роскинул, и смотрит, в этой колоде два червонных валета, и подумал:

— Это не спроста́, што в одной колоде два червонных валета.

И берёт одного валета в руки и смотрит. Потом перекинул ёго из одной руки в другую, и вдруг из валета образовалсе мущина и говорит:

— Здраствуй, дорогой купець, будеш ты скоро щастлив. Ну, што тебе надь топерь, купцик-голубцик?

А он и говорит ёму:

— Ну, што ты мне мож сделать? Вот я што думаю, кабы ты мог меня представить на родину, откуда я, вот што я думаю.

Валетик заговорил:

— Вот забирай меня в корман и иди к морю, а уж там будет стоять корабь. Только помни: когда отойдёш от берега, то увидиш, прилетит орёл, сядет на мачту, будет судно топить, ты перекинь меня с руки на́ руку, как можно скорей. А потом я уже там сделаюсь, и ты в скороё времё будеш в отечестве.

И вот он кряду же ёго сунул в корман, валетика, и пошол к морю. А уж она за йим не следила, потому што знала, што он никуды не уйдёт. И вот когда он пришол к морю, то видит, што уж стоит корабь, и кряду же приплыла шлюпка, и он сел и поплыл на корабь. Кряду же этот корабь и пошол. И ёму не было никакой заботы. Корабь всё плыл вперёд. Прошло три дня, и он видит, прилетел вдруг орёл и сел на мачту, и кряду корабь стало топить. И он сразу спомнил. Берёт этого валетика и перекинул с руки на́ руку. Образовалсе мущина, берёт ружьё и стре́лил ей. Она упала на дек, и оне задрали́сь с ним. И уж в это времё, когда она упала, стала девушкой, и валетик её схватил, и оне давай дратьце. Он её розрубил на мелкие цясти и по куску во времё ходу всё рыл в морё. И сказал:

— Но, купцик-голубцик, она топерь не придёт двадцеть лет к тебе, а церезь двадцеть лет она к тебе придёт, то уж будет не девушка, а в другом виде, и ты смотри, если она меня возьмёт, то тебе уж трудно будет меня искать тогда. *(Он сецяс не сказал, хто он такой есть).* И потом еще сказал:

— Церезь сутки, как придём мы домой, при́дут и твои корабли, можеш полуцить йих обратно.

Затем он перекинул валетика с руки-на́-руку и сунул ёго в корман, подальше. Да, и вот всё по́ветерь тянет и тянет, и вот уж он видит и свой город. Корабь подошол к той пристани, где он всегда становил свои корабли. И вот кряду же пришол домой. Жона издивилась:

— Ну, как ты, муж, пришол всего на одном корабле, где же твои другие все корабли?

И он обсказал своё путешествие жоны. Она очень задумалась.

А на второй же день, когда пришли все двенадцеть евонные корабли, она очень обрадела. Да. И он зашол на пристань. Капитаны тоже обрадели, што вернулсе йихний хозяин, и оне вручили ёму корабли по до́говору, как у йих это было сделано, когда ёго спустили в морё. И вот розгрузил он все товары, розло́жил йих по магази́нам. Этых капитанов рощитал и наградил йих щедро, так же и матросов. Сам стал торговать, и прибыль у ёго теперь пошла двойная против прежнего.

И вот он всё думал:

— Куда мне этого валетика скрыть, штобы ёго не нашла ведьма через двадцеть лет?

Не сказал ничего жоны и сыну, а сам всё думал. Наконець, придумал, и заказал сошить себе двенадцеть чободанов маленьких, так, штобы чободан в чободан входил и этого валетика вло́жил в самой маленькой чободан и потом вло́жил этот чободан в следующий и так далее и далее, и в двенадцетой. И потом пригласил к себе мастера, штобы вырезали у ёго в стены такую дыру, в ёго спальни, штобы вло́жить туда эти чободаны и загремировать там. И это всё остальнё он делал своима́ рукамы, штобы нихто не знал. И вот замазал ёго в стену, прикрыл обоями и говорит:

— Ну, теперь ведьма скоро не найдёт.

И никому ницёго про это не сказал.

И потом не в до́лгих он заболел. И времени уж прошло лет восемьнадцеть, заболел купець и заболела у нёго жона. И не черезь долго оне умерли оба с жоной. И сыну своёму он ницёго и не сказал, што у ёго захоро́нено в стены́. Да. И вот когда родители умерли, этот сын, он, конечно, и раньше был розгульной, всё отцёво имущество, которо роздавал, которо про́пил, и у нёго ницёго не осталось, только остались почти одне пустые стены. Даже и мебель и ту всю он пропил. Пил он с однем только конторщиком, а все остальные служащие были уж рощитаны, так как держать йих было не́ на што и не стало у ёго никакой торговли. Конторщика этого звали Мишей. И вот у йих ничего уж кроме пустых стен не осталось, даже о́кна и те были роспроданы. И вот этот купецькой сын и говорит:

— Вот што, Миша, у меня ище осталась не роздётой только отцёвска спальня. Я сецяс отдеру там золотисты обои и мы опохмéлимсе.

Вот он оттащил пóлосу и сказал:

— Ну, Миша, тащи это на опохмéлку, а я остальнё буду снимать.

И ёго отправил. Вот оттащил втору пóлосу и смотрит в стены́ втулка.

— Вот ище куда отець клал деньги. Ну, топерь заживём — сам себе думает.

И стал вынимать эту втулку.

Когда он вынял и вытащил оттуда чободан.

— Вот, — думает, — где деньги-то. Этта уж ништо другó отець прятал, как золото.

В это время заходит Миша. И вот оне взяли сороковоцьку роспили.

— Топерь неси, Миша, втору пóлосу, а я розберу этот чободан.

Ёго отправил, а сам стал розбирать. Да. Вот нацинает он розбирать, открыл перьвой, так, и второй опеть тоже чободан — и так до двенадцети, и всё видит один одного меньше эты чободаны. Когда он открыл последний и увидал там всего одну игральнюю карту, червонного валета, сам и говорит:

— Што за глупы отци были, я думал там деньги, а он хоронил пусту игральню карту.

Берёт этого валета в руки и перекидыват с руки-на́-руку, и вдруг перед ним образовалсе цёловек и заговорил:

— Здраствуй, Иван, купецькой сын, чего тебе надо? Я доста́той был твоим отцём, и могу для тебя всё сделать, што надо.

— Ты сам видиш, што я стал совсем голой. Вобщем уж и все помещенья стали пустыми, и ни торговли, ницёго нету.

— Ну, ладно, Иван купецькой сын, всё тебе будет по старому, только меня ты держи всегда при себе и никуда без себя не оставляй, а всё у тебя даже на сегоднешной день будет по-старому. Твои магази́ны и всё будет пополнено.

Вдруг и приходит этот самой Миша.

— Ну, што, Иван купецькой сын, твой батюшко хранил в этом чободане?

— Да ничего такого особенного, пойдём-ка лучче выпьем, — ничего ёму больше не сказал.

Да, вот оне зашли в одну комнату и вот когда выпили, повалилсе Иван купецькой сын спать, а Миша куда-то пошол шлятьце. И вот он только успел заснуть, немного поспал и, как скинет глаза, смотрит, уж у ёго в избе всё стоит по старому, вся мебель, зеркала́ и всё как раньше было. И у ёго кряду хмель продёрнуло. Он вышел из комнаты и пошол в город. Смотрит, там егонны магази́ны полны товаром и все прикащики уже торговали по-старому.

— Нет, больши я пить не буду, надо мне жонитьце.

Кряду же пришол домой, и в это времё пришол Миша и очень издивилсе:

— Што это сделалось, што всё назад вернулось богатьство, и все редкости вернулись купецькому сыну?

И топерь говорит он Мише:

— Ну, Миша, топерь иди к тому купцю свататьце, у которого был до́говор сделан с моим отцём, как оне уж раньше сговорились по йихному соглашению.

И Миша кряду же пошол. Когда приходит к купцю, обьевил евонное положение и посваталсе на ёго дочери. Купець сказал:

— Хорошо.

И пошол к своей жоны и обьевил, што сватаетце вот такой-то купця сын, которой хорошо знаком.

— Отдать надо.

Ну, Миша стоял, ответа всё дожидал. А жона и говорит:

— Как же ты отдаш свою дочерь, когда он весь пропилсе, у нёго нет ничего: я проежжала вчера, стоят пустые магази́ны.

Тогда купець говорит:

— Умная ты женщина, но сёгодне, повидимому, ничего не понимаеш. Я сёгодне проежжал мимо, все магазины торгуют по-старому.

Тогда она не уверилась на это, што она видела два дня тому назад, всё было розорено. Поехала смотреть.

Когда она приехала обратно, увидала, што всё стоит: дом, и магази́ны, прикащики торгуют, она сказала:

— Ну, воля твоя, муж, а я согласна.

И кряду же устроили почестной пир, выдали дочь замуж за этого купецького сына Ивана. Иван прожил с жоной шесть месецев и всё ёму жить было хорошо, торговля велась по-старому всё дальше. Потом он говорит своей жоны:

— Ну, жона, я сёгодне хочу ехать охотитьце и поеду, а ты побудь дома, может я проежжу день или два.

— Ну, он забыл этого валетика, которой вернул ёму весь капитал обратно. Из кормана ёго вынял и оставил на полке. И вот когда он уехал, то прошло этому времени дватцеть лет, когда воскресла эта колдунья, котора изрублена была на корабле этым валетиком. И вдруг приходит к этой моло́душке, к евонной жоны старая престарая старуха, такая старая, што ноги не может перекинуть черезь порог. Когда она пришла и говорит:

— Здраствуй, милая красавиця, купецькая доць.

— Здраствуй, баушка, здраствуй.

— Можно у вас будет обночевать ночку одну мне-ка старушке, я уж очень утомилась, шла с дальней дороги, и вам кое-што обьеснить.

Тогда она и сказала:

— Ну, ночуй, баушка, што же.

Тогда она ей напоила, накорьмила, усадила за стол. Подошла жона Ивана купецького сына и спрашивает:

— Ну, дак што ты, баушка, жалаеш мне поеснить, скажи топерича, а то ложись спать.

Она и говорит:

— Слушай, милая красавиця, хочеш я тебе дам карты в золотых рамках, которы ты еще сроду не видала.

И начинает розбирать карты.

— Ну, токо в оммен.

И вот она ей говорит:

— Ну, дак што же, какие же карты я тебе даю в оммен, когда у меня йих нету, я не знаю. Ну, конешно, твои карты очень хоро́ши, дорогие.

— Дак вот, красавиця, я тебе отдаю йих.

Потом она и говорит:

— Слушай, красавиця, ты дай мне ту карту, што лежит у мужа на полке, она мне очень ну́жна.

Она и говорит:

— Да, я не знаю, где она хранитце у нёго.

Если позволиш мне итти, то я знаю, где она лежит.

Берёт она старуху, старуха пошла вперёд. Когда старуха приходит в спальню, она и говорит:

— Вот, отпирай свою спальню, тут на полочки лежит карта, вот подай мне ей, я остальные карты тебе все отдам.

Ну, жона Ивана, купецького сына, не узнала никакой у старушки хитрости, берёт карту, приносит и подаёт ей. Когда она подала карту, то старуха даёт ей двадцеть карт в золотых рамках и сказала:

— Ну, спасибо тебе, красавиця, а я топерь пойду.

И она очень обрадела, што получила двадцеть штук карт в золотых рамках, стала йих розбирать и радоватьце над картами. Потом, не прошло после этого, как ушла эта старушка, час или два, то сделалсе сильной пожар. Дом этот не сгорел, но выгорели все интересы, которо богатьство было в дому́, и она осталась чуть не нага́. Посмотрела когда, то видит, не осталось ни одного магази́на, и она со слезами побежала к отцю. И вот в это времё находилсе муж её в лесу, и образовалсе почти как токо осталсе в одном белье нижнем. И вот он кряду спомнил то, што валетик ёму говорил; когда он нашол ёго в стены́ у отця. Когда валетик вернул ёму богатьство прежное, которо он прогулял, да еще сказал ёму валетик: „Ты меня не оставляй без себя ни одного часу и всегда носи за собой“.

— А я топерь оставил валетика, нет топерь моего капиталу, топерь што хош со мной, то и делай.

Топерь он сел на кустик и стал роздумывать:

— Што мне делать: вернутьце в город стыдно, я опеть стал хуже, чем и был, когда жил с Мишей, которой был у меня конторщик.

И решил на то:

— Нет, я не пойду больше в город, а лучче повешусь на лисины, и пусть моя жизнь кончитце.

И подошол к одной берёзки, отвезал свой шнур от поясу и полóжил петлю. Токо хочет удавитьце, и вдруг перед ним образовалсе старичок и говорит ёму:

— Слушай, Иван купецькой сын, не дависъ, тебе еще надо жить. Я тебе добра хочу и к разуму научу, токо слушай меня.

Тогда начинает ему старичок говорить:

— Прежде, чем давитьце, ты иди в свой город, и это тебе изьян за то, што ты не хранил своёго́ валетика у себя. И вот коли хош обратно этого валетика достать, то я тебя научу. И вот топерь иди в город, конешно, извинись, попроси своего батюшка, штобы он дал тебе корабь и матросов и продуктов на год с собой. Когда ты поедеш в открытое море, то иди челых шесть месецёв в середи восток, не сворачивай никуда. Когда пройдёш шесть месецёв, то сворачивай в север и пройдёш еще три месеца, никакого судна ты не увидиш всё ровно. И вот когда пройдёт деветь месецёв, то будет хорошая ясная погода, и смотри, што тебе будет. Увидаеш ты пловучее дерево, и иди к нему, но это будет не дерево, а земля. Когда придёш к этой волшебници, то валетика ты скоро не розыщеш, будеш ты три дня думать, и приснитце тебе во сне, токо так ты ёго и найдеш, инáче не розыщеш. Вот как раз и иди сецяс в город и проси батюшка.

С темá словáмы старик исчез. И вот он немного подумал:

— Ну, давай, уж пойду, послушаю дедушка.

Приходит он, конечно, в город. Когда он зашол в город, осмотрел свой дом, то едва мог удержатьце от слёз. И пошол дальше и видит, што всё разорено, нет ни магазúнов, ничего. И он, конечно, идёт дальше. Приходит к своёму батюшку, к жéниному, и кланяетце ёму в ноги. И вот он ёму топерь и говорит:

— Ну, батюшко, ты меня извини, што я нахожусь в нещастном положении, а выручи меня.

И сам залилсе слезáмы. Тогда он посмотрел на нёго и сказал:

— Ну, што тебе нужно, зятюшко? Как ты оказалсе, как и твоя жона чуть не нагая прибежала ко мне; она живёт у меня.

Потом он ёму сказал:

— Слушай, батюшко, ты меня ни об чём топерь не спрашивай, тебе потом роскажу, а дай мне корабь матросов и продуктов на год, я пойду туда, где улетело мое щастьё.

И вот, конешно, он ёму против ничёго не сказал, дал ёму корабь, погрузил ёго сьестны́ма припа́самы, дал команду, капитана, и всё это было сделано. И вот вдруг приходит ёго жона, и он сказал ей:

— Вот, дорогая, прощай. Я уежжаю, жив буду, вернусь.

И с тема слова́мы пошол на корабельную пристань. Она заплакала, но делать было не́цёго. И вот потом, Иван купецеской сын, поплыл в открытоё морё. Плывет он челых шесть месецёв, никакой земли не видно, и капитаны стали сильно печалитьце, што куда он пловёт. Когда прошло шесть месецёв, то он поворачивает в север и плывёт еще три месеця. Капитаны уже совсем стали печаловатьце, што куда он плывёт, а всё земли не видно и продуктов у них стало уж совсем мало. Когда оне плыли три месеця, то стоял сильной шторм, во времё этых трёх месецёв. Когда пала хорошая погода, все капитаны, матросы стояли на палубы, а также Иван купецеской сын. То капитаны и матросы стали спрашивать:

— Скажи, Иван купецеской сын, куда мы плывём, плывём уже деветь месецей, а всё земли не видать, куда-то мы должны приплыть.

То Иван им сказал:

— Вот, робята, скоро вам будет земля.

Выходит на бак и увидал каку-то пловущую пла́вину. Приказал поворотить к этой пла́вины и потом говорит капитану:

— Вот, смотри, там будет земля.

Капитан увидал и поворотил судно, и так проплыли они еще челой месець, вдруг увидали черезь два месеця, што это земля.

Вот когда они проплыли еще два месеця, то уж увидали землю. Капитаны, матросы, очень обрадели, сеця спустили

якоря́ и вывезли ёго на́-гору. Когда он запоежжал и говорит матросам и капитану:

— Вот, слушай, капитан, ты можеш меня не ожидать, если я не вернусь через трое сутки или четверо; если я не вернусь черезь четверо сутки, то можеш итти проць, не выбратьце мне будет.

И так с тема́ слова́мы ёго перевезли на го́ру, и он пошол по дорожке вперёд, куда эта дорожка вела.

И вот ёго дорога привела к большому дому. Дом стоял на видном месте и очень был красив. Когда он подошол к крыльцю, то выходит оттуда молодая барышня, берёт ёго за руки и ведёт в избу, сажает за стол, корьмит, по́ит и обращаетце с ним вежливо и говорит ёму:

— Ну, Иван купецеской сын, мне не удалось отця твоёго́ здесь поимать, а я знаю, зачем ты пришол сюда. Вот топерь думай не думай, как хотиш, а придетце тебе здесь жить со мной. Ты хочеш у меня валета найти, за ним пришол, я знаю, но тебе ёго сецяс не найти, а лучче говори, што будеш со мной жить. И тебе не бывать обратно в доме своём.

— Да я ничёго не думаю, ну токо то думаю, штобы ты мне дала три дня посмотреть, подумать, показала бы, какие у тебя есть интересы.

Тогда она сказала:

— Ну, хорошо, Иван купецеской сын, даю тебе три дня, ходи по моим комнатам, посмотри, а уж потом решим на одно.

Так Иван пошол. Вот и пошол, конешно; ходил, ходил по разным комнатам и зашол в такую комнату, што комната была совершенно пустая, токо на столе лежало евангельё и в углу лежал белой камень. Вот ёго заинтересовало это евангельё, он берёт ёго в руки и начинает читать. Он читал челой день ёго и видит этот камень зашевелилсе, закаталсе кругом, на нёго пал страх, он бро́сил это евангельё, пошол повалилсе спать. И этот камень затих кряду, когда он перестал читать. И вот он, когда заснул, то видит во сне своёго́ валета, которой у нёго ушол.

— Ну, Иван, купецеской сын, ты близко был у меня, токо я еще далёко от тебя. Завтрошной день приходи в это же

место и читай евангельё до половины. Когда этот камень закатаетце и оборотитце девушкой, и вот эта девушка сердито станет на тебя глядеть и скажет: „Я тебя убью“, а ты скажи: „Нет, красавиця, не убивай, я возьму тебя замуж“. Когда она услышит, што ты возьмёш ей замуж, она снимет с руки перстень и скажет: „Ну вот и я даю тебе перстень, которой имеет большую силу“. Когда она тебе отдаст, надень ты ей на руки и брось это евангельё, не читай больше, и она обратитце в камень. Тогда отдирай половицю от по́лу и смотри туда книзу, там пойдёт в тёмной погреб лестниця и спускайсе по этой лестници. Спустиссе лестницю и вторую, и третью, еще у тебя до земли но́ги не хватет. Потом уж опускайсе от лестници, лети, всё ровно на произвол судьбы. Паде́ш, сломаеш себе ногу, но будет там тёмно. Хотя тебе трудно тогда будет, больнё, ты будеш плакать, но ползи хотя на коленках, ползи, пока не упрёш в камень лбом. Потом полож под камень руку, у тебя будет кольцё, которое ты взял у сестры, и ты этот камень отве́ртиш вполне. И под этым камнем я лежу. Когда ты возьмёш меня в руки, перекинеш с руки-на́-руку, тогда уж дело будет наше, найдём свет, и поправитце твоя нога.

Вот он спал, спал, как скоцит утром.

— Што мне снилось, дай-ко подумаю.

И вот он роздумал:

— Это снилсе мне валет, как говорил дедушко.

И вот он на утро кряду же пошол в эту комнату. Пришол когда в комнату, берёт это евангельё, садитце, начинает цитать. И вот цитал, цитал, до ти́х пор, камень зашевелилсе, закаталсе, упал на пол и образовалась девушка. Заходила скрыпя зубами.

— Сьем, сьем тебя, Иван купецеской сын, или убью, если не возьмёш меня замуж.

Он и говорит:

— Ну, што, прекрасная девиця, я возьму тебя замуж, токо дай мне с руки обручальной перстень.

Она с радостью согласилась и сказала:

— Ну, дочитывай топерь наше житьё с братом, это есть наша жизнь в евангельи.

Он спомнил как раз валетика, што не читать дальше, взял загнул книгу, и она опеть обратилась в камень. Оторвал половичу, и смотрит, пошла лестниця, и стал спускатьце, хотя ёму и было страшно, была сильная тёмень. Вот он лестницю спустилсе, вторую, третью спустилсе, видит, што у нёго до земли ноги не дотянули, но приходитце спускатьце, и он кряду же опустил, пал на зёмлю и побил себе ногу, и не может даже ничего. Ну всё-таки он пополз на коленках и полз до тих пор, пока не упёр камень лбом. Когда он упёр камень лбом, то положил руку правую с кольцём под камень и потянул слегка камень. И стал ощупывать руками, попал ёму под руку валет червонный. Он ёго взял, раз с руки-на-руку перекинул. Как токо перекинул с руки-на-руку, так образовалась такая светлота, как будто што-то переменилось. Потом заговорил ёму валетик:

— Ну, Иван купецеской сын, молодець, ты это всё вытерпел, а топерь ты будеш щастлив. Которо ты читал евангельё, это есть наша жизнь с сестрою, а топерь я тебе очелю ногу.

И он сецяс, валетик, куда-то сбегал, приносит воды. Сецяс помазал этой водой ногу, нога окрепла и пошли. И кряду же приходят в эту комнату, где лежало евангелье на столы. Тогда он говорит ёму:

— Ты меня полагай на стол, а сам читай евангелье до тих пор, пока не кончиш. Не бойсе, хотя вставает моя сестра, но я не даю ей броситьце на тебя.

И вот он сел за стол, конешно, и нацял цитать евангельё. Доцитал до половины, этот камень закачалсе и образовалась девиця. И валетик тоже уже стоит мущиной. Да. И это начинает девушка бросатьце на Ивана, купецеского сына, а валетик не даёт. Она и говорит:

— Слушай, брат, зацем он меня омманул, это кольцё взял.

— Взял, ну это дело ёго, ёму было приказано взять. Читай дальше, Иван купецеской сын.

Когда он процитал всё евангельё до конця, то валетик взял свою сестру, отрубил ей голову, и розрубил всю на мелкие цясти и хотел ей сжеч.

— Ну, Иван, пойдём с другой росправлятьце, штобы оне никаких кораблей на мори не травили и не губили людей.

И вот приходят к другой сестры́, она и ахнула.

— Ну, как же мог Иван купецеской сын найти моёго́ брата валета?

Валет ей сказал:

— Ну, сестра, довольнё тебе чарьствовать, ты чарьствовала уже петьдесят лет, топерь тебе конець пришол.

Взял и отрубил ей голову. И сказал Ивану:

— Ну, топерь погрузим корабь серебром и золотом и пойдём в твоё чарьство. А уж твоё богатьство к тебе вернулось, магазины торгуют по-старому, и жона живёт в доме.

И оне кряду же нагрузили корабь золотом, серебром полной. Взял Валет и сжог дом, и по ветру пустил, и сказал:

— Ну, топерь пройдёт триста лет полных, когда оне очелеют, может нас и в живых не будет.

И вот сецяс же оне уселись на корабь и пошли в своё государьство. И за скоро времё оне пришли, конешно, в своё государьство. И это серебро, золото выгрузили, конешно, а потом сделали такой богатой пир, што это пошло по всему государьству. Потом собра́л, конешно, он всех князей и королей на этот бал и все дивились ёго богатьству. И он выбрал себе, Валетик, невесту и весели́м пирком, да за свадебку. Откупил себе каменной дом и жонилсе он на княжеской доцери, повенцялсе, открыл торговлю и стали жить да быть со своей жоной и вместе с Иваном стали торговать до глубокой старости.

32. ШУТ

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви был жил прожиточной цёловек, имел большое количество земли и имел скота разного тоже много. Ну, у нёго были два сына, но они еще были мáлые, и в одно прекрасное времё он говорит жоны:

— Слушай, жона, уж нам слишком стало тяжело роботать на земли, хотя мы и дёржим роботников, но роботы уж очень много. А я што, жона, надумал, давай так сделаем. Продаём часть скота рогатого, а потом накупим товару и будем торговать. Сыновья уже подросли, они нам будут помогать.

— Ну, што же, хозяин, давай, сделаем так.

Вот он, конешно, сделал так: взял коров, овець, быков и повёл на базар, поехал в город. Вот нужно ёму было переезжать черезь мост, и проехал. Роспродал на ярмонке скота этого, накупил товару, нагрузил пять подвод и поехал домой. Когда подъехал он домой, то едет он обратно по этому мосту. Мост был, конечно, большой, река была быстрая. И случилось, обрушилсе этот мост, и он со всем своим товаром, и понесло ёго туды. Когда понесло ёго по реки, он думал, што погúнет, но выбралсе всё-таки, вышел на гóру и повесил голову чуть не до самой земли, и сказал:

— Вот мой куды ушол капитал, в рéку!

Ёму было очень жалко. Вдруг послышалсе голос с той стороны реки:

— Што, мужичок, задумалсе, повесил голову до самой земли? Хош я тебе помогу?

— Чем ты мне мож помоч топерь, как оно ушло?

Он сецяс перескочил на своей лошадú черезь рéку и пришол к нёму. Он ёго и спрашивает:

— Ну, скажи, хто ты такой есь из молотцёв?

— Я есь Шут.

— Ну, што ты мне мож помоч, коли мой капитал ушол в рéку, и унесло.

— Я тебе ёго обратно верну, только отдай, што у тебя есть незнаемо дома. Отдаш, то верну.

Он подумал:

— Што у меня есть незнаемо? Двое сыновей, жона, скот у меня известен, богатьство тоже; што у меня есть незнаемо, я только два месеця из дому.

И не знал, што у нёго есть незнаемо. Подумал, ну всё-таки ёму жалко своего, и сказал:

— Ну, ладно, вернёш — отдам.

Он делает с ним запись такую: што вот подпишись, што я к тебе приеду за этим делом черезь деветь месецев и тогда возьму.

Вот он, конешно, подписалсе.

— Ну, а топерь иди против течения, где стоял мост.

И так он пошол, а этот Шут исчез.

И только приходит напротив мóста, где этот мост стоял по старому и ёго подводы шли по мóсту. Он сел и поехал домой, только очень дивилсе:

— Подумай, как он мне их быстро вернул. Што такое у меня дома есть незнаемо?

Когда приежжает в свой дом на двор, то выбегают два сына:

— Здраствуй, папенька!

Отвечает:

— Здраствуйте, сынки.

И они заговорили:

— Папа, у нас родилсе брат, которого зовут Иваном. И он с нас ростом и говорит, и уже знает грамоту.

— Вот какое дело, што же она мне не сказала, што она в положении. Вот беда!

Это он подумал и вот он, конешно, этот товар розло́жил по своим лавкам, нача́л торговать, сыновья ёму помогали. Жить ёму стало очень хорошо, только он очень заботилсе, што посулён у нёго сын. Был он меньше всех и ростом был больше всех, и умной, и довольнё грамотной. Вот однажды сидят, пьют чай, она и спрашивает у мужа:

— Что же ты такой печальной, или ты што потерял доро́гой; ведь нам, слава богу, жить стало хорошо, сыновья помощники, и не́ о чём печаловатьце.

Да. Он сказал:

— Да, жона, был такой слу́чай. Когда я продал скота́, поехал обратно, а ехать нужно было по мо́сту черезь ре́ку: и вот этот мост обрушилсе, унесло меня в ре́ку, и я еле выбралсе на бе́рег и крепко задумалсе, што вот весь капитал топерь пропал. И вдруг послышалсе голос с той стороны реки: „Што, мужичок, задумалсе, повесил голову"? Я отвечаю: „Как же не думать, у меня весь капитал унесло в ре́ку". Тогда опеть-же отвечает: „Отдаш незнаемо дома, тогда я верну". И он перескочил черезь ре́ку на лошади́ и пришол ко мне. Я ёго спросил: „Кто ты такой"? — „Я есть Шут, и вот отдаш, то верну". Я о́тдал и пошол проць, этот мост был по старому, и шли подводы, я сел и поехал домой. А это я посулил ме́ньшого сына Ивана, а ты меня не повести́ла. И он приедет черезь деветь месецев. Вот за это я и печалуюсь, што он годами меньше всех, а умом и ростом больше всех.

Тогда она сказала:

— Слушай, муж, уж раз так пришлось, делать нецёго А вот у нас есть три сына, и когда он приедет, то пусть узнает. Если не узнает, то мы не дадим ни которого.

И он стал меньше думать, на том оне и порешили.

И вот, конечно, живут себе. Вдруг однажды обедают и у них в избе затемни́лось. А это уже прошло деветь месецев.

Посмотрел он в окно и говорит жоны:

— Ну, посмотри, вот он и приехал.

На дворе уже стояла такая бо́льшая лошадь, што с йихну избу была высотой. И вот он спустилсе с лошади́, приходит в дом и заговорил:

— Здраствуй, здраствуй, хозяин и хозяюшка.

— Здраствуй, Шут, садитесь.

— Сесть не долго, но помни, хозяин, я пришол за до́лгом к тебе, который ты мне обещал.

Тогда говорит хозяйка:

— Ну, ладно, коли узнаеш, то получай долг, а уж не узнаеш, тогда остаютце нашими сыновьями.

Вот она привела всех трёх.

— Ну, выбирай!

Ну, конешно, он посмотрел и улыбнулсе:

— Иш ты, хозяйка, вздумала обмануть Шу́та. Вот который больше всех, тот и млаччий, тот будет мой.

Вот берёт ёго, роспростилсе и поехали. А хозяин и хозяйка остались плакать, очень им жалко было сына: большой, сильной, умной и грамотной.

Вот он вёз ёго челой месець. Приежжают к большому дому, вокруг дома жолезной тын, очень высокой, так што никакая лошадь черезь нёго не перемци́т. Ну нигде не было дверей. И он разгони́л свою ло́шадь, перескоцил черезь и вот заводит он ёго в дом. Когда он заводит ёго в дом, и трои сутки прожил, и говорит:

— Ну, Ваня, вот здесь ты будеш жить.

Ну, у него в этом жительстве не было исключительно никого, жил один, ни собаки, ни кошки. И приносит ему он двенатцеть ключей.

— Вот, Ваня, ходи в одинатцеть, а в двенатцетую не ходи, котора в тёмном углу, лы́ком завязана, навозом запечатана. Если я вернусь, узнаю, што ходил, убъю тебя. А я проежжу три года, а потом приеду. А тебе достаточно всего здесь, будеш жить один.

И вот, конешно, он кряду же росказал ёму и уехал.

И вот он пропустил день-два, потом нача́л ходить, отпирать по комнатам. И вот он ходил челой месець, всё смотрел

редкости, чего у нёго только нé было: и вино, и припасов, и товаров, и сбруи, и золота, и сéребра, ну только не было живого цёловека или хоть собаки и кошки. Это ёму было очень скучно. И вот он уж на второй месець задумал:

— Што он мне не велел в ту дверь входить? Однако, дай схожу, две смерти не быть, одной не миновать. Он уехал далекó, топерь и не узнает.

И вот надумалсе, на другой день приходит, лы́ко розрывает, навоз отрывает, открывает дверь. Только открыл дверь, то полилась кровь оттуль так сильнё черезь порог, што он еле стоит на ногах. Он стоит, смотрит, и кровь эта окончилась, он заходит в дверь и смотрит, стоит конь связанной. Он обрадел, што конь, взял ёго, розвязал, вывел на двор, дал ему напитьце, принёс пшоници, и конь стал наливатьце. И Ваня очень обрадел.

— Вот топерь эти три года я проведу с ним, будет мне хорошой товарыщ.

И такой был конь большой, што неменьше был Шута́, ну он хоть росту был порядошного, но не мог заскочить на нёго, а ёму охота. Он взял лéсенку нашол и выстал на него. Ну, конь стоял, поглядывал и ел. И вот когда он забралсе нáверьх, то там начáл сидеть на нём и заснул.

Спал он долго-ли, коро́тко, уж Шут обратно вернулсе, узнал, што вывел он коня. Приехал, так ударил ёго кнутом и он вылетел оттуда чуть не мёртвой с коня. Встал на ноги, опомнилсе. Шут ёму и говорит:

— Ну, што ты сделал, зачем вывел коня, сецяс я тебя убью.

Ну, он знает, што виноват, молцит, только говорит:

— Мне стало оцень скуцьно, хотел испытать коня и вывел ёго.

Топерь и говорит ёму Шут:

— Ну, топерь, сукин сын, на этот раз я тебя прощу, не убью, а если ты еще выведеш коня, всё ровно я уеду на три года, то я тебя убью.

Взял коня, накачал ёму воздуха и запер. А сам сел на лошадь, перескочил черезь тын и уехал. Он топерь и думает:

— Ну, больше не знаю, што делать, нельзя пойти.

И прожил он челой месець, не ходил. Потом опеть ёму сильняя скука навалилась, надо еще жить три года, думает:

— Пойду, открою, смерть, так смерть, всё ровно убъёт. Уж така моя судьба видно, делать нéцёго.

И вот кряду же пошол к этой двери, розрыл навоз, роскидал, открыл, и опеть кровь полилась. Потом это уничтозылось, выводит он коня, накачал воды, принёс пшоници, кормит и пóит ёго. Конь ест, пьёт, и поглядывает на нёго, сам наливаетце. Когда он ей накормил, лошадь стала, поглядела на него и говорит:

— Ну, мой дорогой Ваня, торопись, Шут едет. Беги, неси заступ, вырой у меня перед передними ногами яму. Уж коли ты вывел меня второй раз, я тебе помогу, не думал, што ты осмелиссе вывести меня другой раз.

И он принёс, конешно, заступ, отрыл яму.

— Ну, наклонись, што там видиш?

— Там, дорогой мой конь, золото ключом кипит.

— Ну, опускай наперёд руки, золотú выше локóт.

И вот он спустилсе туды, позолотúл руки и вылез оттуда.

Конь и говорит:

— Ну, Ваня, зарывай яму, Шут это еще не знает. Топерь рой яму под заднима ногами и торопись скорей, Шут едет.

И он вырыл под зáднима. Когда вырыл под зáднима:

— Ну, наклонись, што там?

— Дорогой мой конь, там сéребро ключом кипит.

— Ну, серебрú скорей ноги.

Он спустилсе, посеребрúл ноги выше колен и вылез обратно.

— Ну, зарывай яму, Шут еще не знает и пускай не узнает никогда. А топерь бежи скорей в комнату, принеси мне уздечку, она висит на гвоздю и скорее, а то Шут приедет.

И он побежал, уздечку хочет снять и поднять ее не может. Прибежал и говорит:

— Да не могу поднять уздечку, она тяжóла.

— Да она только сто пудов! Ой, Ваня, Ваня, ты еще мóлод, ну бежи обратно скорее. Увидиш тут есть шкап, открой пониже

шкап, увидиш три бутылоцьки, одна с белым, друга с красным, третья с зелёным. Выпей с белым и принеси мне уздечку.

Он побежал, выпил бутылоцьку с белым, по́днял уздечку, приносит.

Он говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, принеси скорее седёлко. Ну седёлко тяже́льше. Выпей вторую бутылоцьку с красным, а то не поднять тебе будет седёлко, а потом бежи сюда, торопись, Шут близко.

И он прибежал, выпил вторую бутылочку, принёс седёлко. Конь и говорит:

— Ну, топерь заскакивай на меня, я два кру́га сделаю по́ двору, если удержиссе, то поедем, еще некоторые вещи возьмём с собой.

И вот он, конешно, садитце на нёго и он только первой винт сделал по́ двору, как Иван выскоцил из седла.

— Эх, Ваня, Ваня, сла́бой ты еще, не уехать нам от Шута́. Ну, бежи скорей, выкупайсе в колодце с живой водой и захвати с собой пузырек с водой и потом сбегай и выпей последнюю бутылочку и захвати мыло и щотку, неси скорей, Шут близко.

И вот он побежал. Приходит к колодцю, выкупалсе и захватил пузырёк. Потом побежал, выпил последнюю бутылочку и захватил мыло и щотку.

— Ну, дорогой мой конь, я всё принёс.

— Ну, молодець, Ваня, топерь еще бежи, скорей бежи, Шут совсем близко, штобы нам убратьце.

И он опеть побежал и сказал:

— Захвати оттуда платок, в том же шкапу есть, и сунь себе всё в корман.

Тогда еще сказал:

— Ну, бежи в сад, наломай яблок золотых и перекидывай черезь меня, и садись на меня.

И вот он сбегал, наломал два мешка, перекинул черезь нёго и сел на коня.

— Ну, Ванюша, топерь держись, как мож, я еще два винта́ сделаю и перескочу черезь тын. Если мож удержатьце, то уедеш, а уж не мож, то обоим гибель.

И вот когда он скоцил на нёго, он и сказал:

— Я могу ехать петьсот вёрст в час, а конь ёго тышецю вёрст.

И вот он сделал два винта́, на третий перескоцил черезь тын. И вот отъехали недалеко, стал их Шут догонять. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, Шут то нас нача́л догонять и стрелы спускать. Как стрела наткнёт до чего, так то место и горит.

Ну, до Ивана ничего не достаётце, только горит на ём платьё. И потом говорит ёму конь:

— Ну, Ванюша, спусти топерь щотку под хвост мне.

Когда он спустил щотку, то стали непросветимые леса, а Шут осталсе за лесами. И оне в это времё, опеть едут далеко́.

Шут вернулсе домой, за скре́бками пропилить деревья, прогрыз и погналсе опеть снова за нима́. И вот он гналсе, гналсе, опеть стал волшебные стрелы спускать и кричит:

— Ах ты, подлець, утащил у меня волшебного коня, ну всё ровно не уйдёш никуда.

Конь ёму и говорит:

— Ну, Ваня, спускай мыло мне под хвост.

И только мыло спустил, образовались горы и Шут вернулсе к лесам, берёт скре́бки и опеть прогрызает дыру себе на хо́д. Пока он прогрыз, оне в это времё далеко́ отъехали, а он опеть гонитце и начинает огненные стрелы спускать. Конь и говорит:

— Ну ка, Иванушко, спустись на землю, и узнай, далёко ли Шут гонитце.

И Ванюша, конешно, спустилсе. Только спустилсе, слышит земля так тресётце, што Ваня закаталсе, как мячик, и упал на землю, што стоять не может. Конь и говорит:

— Ну, Ваня, близко ли Шут?

— Не знаю, земля очень тресётце, стоять не могу, упал и поднятце не знаю как.

— Эх, Ваня, Ваня, сла́бой ты, ну, да ладно!

Спустилсе конь на колени, взял Ванюшу в зубы и подкинул ёго на́ спину.

— Ну, спускай мне топерь под хвост платок. Уж сецяс мы уедем, а не уедем, так убьёт нас Шут.

И вот он токо успел спустить платок, то стало огненное морё назади.

— Ну, топерь, Ваня, мы уедем.

И закричал Шут позади, бросúлсе в огненно морё и сгорел в мори. И закричал:

— Ну, щаслúв, што увёз у меня платок; а не увёз бы, догнал и убил бы вас обоих.

И так Шут залетел и сгорел в мори.

И вот оне приехали на одну ровнину. Это было наверно недалёко от города, уж конь это знал.

— Ну, топерь, Ванюша, сходи с меня и повались спать. Ты сам знаеш, мы утомились, не спали долго.

— Да, дорогой мой конь, спать-то бы не долго, да ты сам видиш, платья нет у меня, я наг.

— Ну, што же, Ваня, што наг, вот видиш волы ходят, сдери с нёго шкуру, завернись в шкуру и повались спать.

И Ваня пошол, сдернул с одного вола шкуру, завернулсе в неё и повалилсе на траву, а конь ёго ушол траву йись. И вот конь, конешно, пошол не траву йись, а побежал в город и узнал, што у чаря доч выходит замуж и чарь ищет сáдников, штобы засадить сад золотыма яблоками, и поспели яблоки черезь три дня. И за это отдаст, што тот пожалает; и доч ёго выходит замуж за одного германского короля, и вот нужно это к сватьбы приготовить. И вот прибегает конь, конешно, и будит Ивана.

— Ну, Иванушко, ставай, ведь выспалсе топерь уж.

— Дорогой мой конь, разве я долго спал?

— Да, порядошно отдохнул. Вот топерь ты иди в город. Вот отсюда неподалеку будет город, верстáх, может, в пяти, и там цярю нужно сáдники, и ты становись, где сáдники стоят. Как ты большого росту, становись на правой фланг. Тогда будет чарь выкликать сáдников по очереди, кто может засадить ёму сад золотыми яблоками и вырастить ёго. Он будет предлагать за трú дня. И вот когда дойдёт до тебя очередь, тогда берись ты. И берись с таким условием, штобы он обещал, што ты хош, а он будет говорить, што уж если не сделаеш, то твоя голова проць. Когда порéдиссе, то пусть чарь приго-

товит, и земля будет вы́пахана, а мы приедем садить. Цярь скажет, хорошо, приежжай. Поди, и берись, и приходи сюда, а я тебя буду здесь ожидать.

Тогда Ванюша, конешно, стал и пошол в город. Приходит на площадь и стал туда, где стоят са́дники.

И вот не черезь до́лго приходит чарь и выкликает са́дников к работы, што кто может сад россодить золотыми яблоками и во сколько времени. И вот назначает им срок — за три дня. Ну, са́дники стали откли́киватьце, и никто не берёт, только месеця три, четыре и пять, и больше двух с половиной месяцев никакой са́дник не решил ёму это сделать. И, конешно, дошла очередь до этого Ивана. Он вышел, росту был порядошного, и в воловой шкуры. И спросил у нёго:

— Ну-ка ты, молоде́ць, што ты можеш сказать, как ты стоиш в очереди са́дников?

— Ваше велицество, я, конешно, могу вам сделать, как вы говори́те, за три дня, но только што вы обещаете, то отдаите́ мне?

— Отчего, отдаю! Я отдаю дочерь черезь три дня замуж, так мне нужно будет. А если не сделаеш?

— Если не сделаю, то рубите мне голову.

— Ну, ланно.

Конешно, он ёму пореди́лсе, и приказал:

— Вот што, ваше величество, вы́пашите мне землю и укажите где.

Чарь сказал:

— Хорошо, вот на этом-то месте будеш садить сад.

И он пошол к своёму́ коню. Приходит к своёму́ коню, конь и спрашивает:

— Ну, дорогой мой Ваня, как пореди́лсе у цяря сад садить?

— Да, порядилсе, ну, не знаю, што будет.

— Ну, как, што редил?

— Дорогой мой конь, а што ты мне говорил, царь мне то даёт, ну, я не знаю, што он даёт. А если мы не сделаем, то уж я не знаю, што будет.

И сильнё Иван задумалсе. Тогда немного конь помолчал и говорит:

— Ну, ладно, Ваня, не печалуйсе завтро поедем. Знаеш где, сказал про землю па́ханую?

— Сказал.

— Хорошо.

И вот конешно, оне переспа́ли ноць и пе́режили челой день. Приежжают на вечеру́, где земля была паханая. Говорит ёму конь:

— Ну вот, Ваня, бери эти мешки с яблоками и повернись личом к заду, а я буду ходить в круг и ты смотри на мои задние ноги, и успевай спускать яблоки в эти дыры, которы я сделаю ногами. А я уж знаю, где ходить в круг.

И вот, конешно, приехали, Иван поворачиваетце к хвосту головой, конь ходит, а Иван начинает спускать яблоки. И вот спускал, спускал, у нёго не стало.

— Больше не стало, дорогой мой конь.

— Не стало? Ну, хорошо. Топерь отъедем проць. Я то уйду от тебя топерича, а тебе придётце следить за твоим садом. И вот смотри три дня, а черезь три дня я к тебе приду.

И вот так Иван наш нача́л следить за своим садом. И вот в перьвые сутки росцвела яблоня и налились яблоки, так быстро роботалось. И чарь очень удивилсе, ну не знает, што дальше будет. На вторы сутки яблоки все налились и аромат понёссе по всему чарьству. Вот на третьи сутки, когда яблоки вызрели все, то Иван заснул, и вдруг приходят чарские дочери все, смотрят са́дника, как он быстро сделал. Две были замужние, а третья выходит сецяс замуж, ме́ньшая самая. И вот оне ходили, ходили и увидали спящего са́дника. Старшая посмотрела, от нёго воняет там очень, ну, как в шкуре, то мух там и всего. Она остраши́лась, пришла к се́страм и говорит:

— Я не знаю, хто там зверь ли чоловек спит.

Пошла вторая. Втора тоже посмотрела, ей больно опротивело, пришла обратно. Ме́ньшая говорит:

— Я не знаю, што вы, сёстры, надо же посмотреть, он спит, не бро́ситце же на нас. Вы подождите, а я пойду.

Пришла меньшая смотреть, подошла к нёму очень близко и стала поднимать у нёго руку от копыта от воловьего. Ну, она ёго не боялась. Когда она отогнула, то смотрит, рука у нёго

золотая, пальци золотые, но слишком толстые. Посмотрела вторую, тоже золотая. Тогда стала засматриватьце на но́ги. Видит ноги серебрены и подумала:

— Нет, это есть не са́дник, а какой-нибудь уж очень ченной.

Она скидовает свой перстень и хочет ёму надеть на какой-нибудь перст, но ёму не лезет. Тогда взяла свой именной платок и продела в перстень и привезала ёму к руки. Пришла и говорит сёстрам:

— Се́стры, знаете што, всё-таки нам надо са́дника хоть воточкой напоить. Он спит, а мы пока принесём, станет и выпьет.

И сёстры пошли, и принесли ёму два графина вина и разных десертов на подносе. Оставили всё рядом, а сами ушли. Ну, не сказала она, што она там еще оставила или чего видела.

Иван пробудилсе:

— Как же быть-то, чарь начинает меня уже дарить топерь, а я заснул.

И спомнил своего́ коня. Тот явилсе:

— Ну, милой мой коньчик, чарь уж начинает нас дарить топерича, а яблоки совсем созрели.

— Ну, хорошо.

— Ну, дак што ж, дорогой мой конь, выпьем, што-ль?

— Давай, давай, выпьем. Еще што тебе подарили? — спрашивает конь. (Уж он знает всё).

— Да вот, дорогой мой конь, я не знаю, каким путём тут образовалось связаное кольцё, наверно чарьской дочери.

— Да, это чарьской дочери, меньшо́й, стало быть она хочет за тебя замуж выйти. Так вот, дорогой мой Ваня, знаеш што, топерь сорви-ка я́блок один и иди в магази́н, и он тебе наверно не откажет, даст за это яблоко одежду, всю по́лну, а эту бросай и умойсе, побрейсе там же, как будеш. И приди сюда, я здесь буду.

Вот он, конешно, сецяс срывает один я́блок и приходит в магазин.

— Вот вам, прикащик, я́блок, как вы ёго оче́ните и дайте мне одежду всю.

Прикащик даже ничего не мог сказать и оценить золотое яблоко и сказал:

— Ну, вот, молоде́ць, мы тебе приносим одежду всю, выбирай, и одевайсе, как только тебе нужно будет.

И вот наносили ёму саму большую одежду, и он это всё для себя подобра́л и оделсе, и сапоги и так дальше, пальто, фуражку, и всё, и сказал:

— Ну, до свиданья.

И пошол.

Прикащик, конешно, обраде́л, што такое яблоко оставил, ёго даже и не оценить, очень оно дорогое. Иван зашол, конешно, попутно в паликмастерскую, побрилсе, подстригсе, и пришол обратно в сад. Когда он пришол обратно в сад, и говорит:

— Ну, дорогой мой коня, я оделсе.

— Вот хорошо, топерь ты стал на цёловека походи́ть. Топерь ты срывай три яблока, поло́ж на поднос и иди к чарю, сдавай роботу. И помниш за што ты редилсе с ним, проси то.

Ну, он еще не знает, за што он редилсе.

— А што, дорогой мой конь, топерь за роботу взять?

— Да как што, раз он обещал, што ты пожалаеш, проси у нёго дочерь замуж взять; и он обещал и должо́н отдать.

— А если он не отдаст, дорогой мой конь?

— Нет, отдаст. А если не отдаст, там видно будет, придёш сюда.

И вот он со́рвал три яблока, поло́жил на поднос и пошол к чарю. И приходит он, конешно, уже не в том виде, как был са́дником, а в хорошем порядке; пришол и говорит:

— Здраствуйте, ваше велицество. Я принёс вам покушать яблоки и хочу сдать роботу.

— Очень доволен я, Иван, а почему ты сецяс снял одёжу са́дническую, котора у тебя была?

— А у меня уж такой обряд, ваше величество, не снимать ту одёжду, пока я не кончу роботу.

— Молоде́ць, Иван!

— И вот вам принёс топерича три яблочка, можете покушать и принять мою роботу.

— Оцень доволен, Иван, мы уже второй день наедаемсе ароматом, ты исполнил свою роботу за три дня для меня, которая была очень нужная. Говори топерь, што ты хочеш, што тебе надо?

— Ваше величество, а мне больше ничего не надо, а раз обе́щано, ты сказал, што даёш, што я хочу, отдай свою доч за меня замуж.

— Ах, доч тебе замуж? Ну-ко, слуги, идите сюда, повалите ёго на скамью и дайте ёму дватцеть пять ро́зог.

Конешно, приходят слуги, приказали ёму повалитьце, он послушал, ёму дали дватцеть пять ро́зог. И это ёму было так лехко́, будто били ёго сени́нкой или лёхким прутиком. И он стал на́ ноги и пошол обратно в сад к своему коню.

— Ну, што, дорогой мой Ваня, скажеш топерича, што тебе чарь сказал?

— Слушай, дорогой мой конь, мне чарь вот што пожаловал. Он приказал повалить меня на скамью и дал дватцеть пять.

— Мало, этим он думает отделатьце? Нет, не за то мы роботали. Ну-ка, поди топерь снова к нему и скажи ёму так: „Ваше величество, я роботал вам сад не за да́ром, и што ты мне обещал, то должо́н отдать. Я роботал три дня и в три часа уничтозу и тебе ничего не будет. И к тому же она обещалась итти за меня замуж и дала мне свой перстень.

И, конешно, он пошол опеть обратно к чарю. Когда приходит к чарю, чарь и спрашивает:

— Ну, што, Ваня, топерь тебе надо?

— Ваше величество, я пришол обьеснитьце опеть-же.

— Ну, говори, Иванушко, што тебе надо?

— Дак вот што, ваше величество, так ли вы думаете отделатьце, што за дватцеть пять я вам сад роботал? Если не отдаш мне доць замуж, я за три часа́ всё уничтозу и больше ты нас не увидиш. А к тому же мне твоя доць обещалась. У меня есть от ней перстень.

Чарь ёму ницёго́ не сказал, а приказал позвать свою доцерь. Когда пришла доць, он у ней и спрашивает:

— Ну, доцька моя любимая, ты обещалась за са́дника замуж выйти?

— Да, папенька, обещалась, и я хочу за нёго выйти.

Она смотрит на нёго, какой он стал стройной, и знает, што он за цёловек, и переходит на сторону к нёму. Тогда говорит чарь:

— Ну, ланно, доцька, коли так ты изменила мне, сделала конфуз, стыд, сегодне приедет зять, а мне уж подать нéкого, то уходи из чарьства совсем со своим Иваном, совсем с глаз долой.

И вдруг услыхала мать и приходит к нёму.

— Слушайте, муж, вы сýдите очень лехкó и хóчите свою доч выкинуть совершенно и считаете как то чужой. Хош не для зятя, для своей дочери вы должны смиловатьце. Должны ей дать какую-нибудь осёдлость или какое-нибудь приданое, всё-таки нельзя так, отець, поступать со своей дочерью. Она у нас последняя, и те наделёны, а уж ейная, видно, судьба такая, што выйти за этого сáдника, и нéцего, видно, делать.

Тогда сказал отець:

— Ну, ланно, жона. Вот у меня есть тритцеть вёрст отсюда хутор, вот пусть она там живёт со своим Иваном и не ходит ко мне никогда.

Тогда она сказала:

— Ну, ланно, Ваня, пойдём.

Вот оне приходят, конешно, в сад, конь и заговорил:

— Ну, што, Ваня, получил прекрасную чаревну?

— Получил. Вот он велел ехать на хутор.

— На хутор? Ну, ладно, дорога знакомая, садитесь на коня и поедем.

Жона, конешно, удивилась такого коня, што может говорить, но не знала, што за конь.

И вот оне приежжают на этот хутор, где узнали наследницю, встретили её, конешно, начáли жить. И вот прошли одне сутки, приежжает германской король, а у нёго уж дочери нет. Тогда он ёму объевил войну, за што он ёго обманул. И вот, конешно, объевил войну и кряду же нагнáл войскá в большом количестве, так што чарь испугалсе и выступил тоже с войскáмы. А Иван живёт со своей жоной и ницёго не знает. И потом подошол к нёму конь:

— Слушай, дорогой Ваня, ведь твой батюшко в большой беды, ведь германской король ёго розгромит и возьмёт в плен. Ты знаеш, взял доць, так и помоць надо.

— Ну, што же, дорогой мой конь, и поедем.

И вот он, конешно, сел на коня, взял кладенець, и поехал. Приехали на полё и кинулсе этот конь на войско. Иван рубил мецём, а конь топтал и зубами рвал. Не прошло и шести цясов, как всё полё было усеяно этим войском. И пришлось чарю смотреть, но не знал хто этот воин. Когда он вернулсе обратно, остановил ёго чарь.

— Позвольте вас спросить, молодой рыцерь, хто вы есть и за што вы мне так помогли. Поедемте ко мне, я вас угощу и прославлю по всем государьствам, и даю большое вознаграждение.

Он сказал:

— Ваше величество, мне ницёго́ не надь от вас, это я тебе всё помогал за дватцеть пять.

Повернул лошадь и уехал. Чарь очень удивилсе и не понял:

— Што это за дватцеть пять?

Приехал Иван домой, отпустил свою лошадь, сам пошол спать. А этот германской король со́брал в два раза больше во́йска и выступил опеть на чаря в скороё времё. Опеть подходит к нёму конь и говорит:

— Ну, слушай, Иван, опеть надо поехать помоць отцю, ёму без нас будет трудно.

Он сказал:

— Ну, хорошо.

Сел на лошадь и поехал. Приехал на полё и броси́лсе опеть бить это войско. Не прошло шесть часов, как всё войско было перебито, ну, больше конь рвал зубами и ногами, не успевал даже Иван роботать мечём. Ну, чарь опеть же заинтересовалсе таким храбрым воином. Когда Иван вернулсе обратно, чарь ёго остановил и говорит:

— Слушай, доброй витезь, скажи, за што ты мне помогаеш и хто ты есь? Поедем со мной, я тебя прославлю по всем государьствам.

— Слушай, ваше велицество, мне ничего не надо, я тебе всё помогаю за дватцеть пять.

Повернул свою лошадь и поехал обратно.

— Што такое за дватцеть пять, ничего не понимаю,— говорит чарь, — и ёму ничего не надо.

Ну, этот германской король со́брал во́йска еще больше и взял двенатцеть богатырей и сам выехал делать окончательной бой. Вот когда приехал, конь ёму опеть и говорит:

— Ну, слушай, Иван, опеть придётце отцю помогать, ну уж не знаю, што будет, ты поищи-ко пузырёк с живой водой, от Шута́ взятой. Дай мне попить, сам попей, да смаж свой меч.

Он отыскал пузырёк, попи́ли оба, смазал меч, он сел на коня, конь и говорит:

— Ну, Иван, десеть богатырей это тебе лехко с нима́, а два богатыря чуть не супроти́в тебя, а два коня чуть не супроти́в меня, и я боюсь, штобы тебя не обранить. А войско то — это што, хоть в петь раз больше, нам не страшно. Ну, ницёго, поедем.

И так оне поехали.

Когда приехали на полё, то нацинает рубить по старому, так ужасно бьёт, што не успеваеют подоставлять войско́в. как всё уничтозаетце. Всё полё было посеяно войскамы, и чарь стоял и дивилсе такому сильному воину. Когда это войско па́ло, то сразу выступило три богатыря напро́тив Ивана, один за однем. Ну, Иван с нима́ очень лехко́ справилсе. Тогда выступило пять. И таже была учесть с пяти́ма. Потом выехало два, и с этыма двума он очень лехко отделалсе. Выежжает одинатцетой богатырь один. Тогда, когда съежались, то он так сильнё мечом ударил Ивана, што он выпал из седла и был ранен. Но сгорячки богатырь проскоцил мимо. Конь, конешно, не ростерялсе, стал на колена и зубами перекинул ёго на́ спину, увёз в лагерь, сам выбежал битьце с этым богатырём. И вот когда увидал богатырь, што бежит один конь на нёго, он поворачивает свою лошадь и хочет ударить ёго мечем. И вот с розмаху Иванова лошадь, как только подъежжает к нёму, опустила голову книзу, и этот богатырь хотел ударить ей, а попал в свою лошадь и убил её. И эта лошадь Иванова заскоцила и росколола ёму пополам голову. Тогда ище выежжает двенатцетой богатырь. Ну, чарь стоял, диво-

валсе этой лошади без хозяина, как она роботает. И вот когда увидал, што бежит лошадь на богатыря какая-то, он поворачивает лошадь и несутце друг на друга. И так съехались когда, высоко стали на дыбы, што богатырь выпал из седла, лошадь захватила глотку у этой лошади и перегрызла, потом кинулась на богатыря. И проломила ёму голову.

И вот конь вернулсе к своему хозяину, но только была тоже сильно ранена в ногу, и вот прибегает и говорит:

— Ну, дорогой мой Ваня, жив топерича?

— Жив, мой конь, только очень тяжело.

— Ну, тяжело, это не страшно, поедем.

Стал на колени, закидывает ёго на́ спину, и поехал. Тут подбегает чарьская свита и говорит:

— Куда ж ты, доброй витезь, поедеш ра́неной, и лошадь твоя обранена. Мы поведём тебя в чарьство, вылечим и прославим по всему свету.

— Нет, ваше величество, я поеду. Это я тебе всё помогал за дватцеть петь, а топерь поеду.

И жалко ёму было отпустить, но делать не́цёго, поехал. Приежжает на свой хутор, жона перепугалась и наця́ла ёго лецить. Докторов позвала, сама была сестрой милосердной, все меры приняла и так стали ёго лецить. И вот когда этот чарь приехал домой, то собирает пир, созывает всех своих гостей, зятевéй, и так далее. И выславилсе этот чарь большим воином, победителем такого крупного королесьтва. И вот когда все гости собра́лись и стали беседовать, сидеть, жона ёму и говорит:

— Слушай, муж, я тебе опеть скажу, как хош, у нас есть три дочери, две сецяс сидят на пиру́. А почему же третьей дочери не сидеть? Я думаю, она у нас всё ровно, што и другие. А почему же и зятя не позвать, может и придёт. Я думаю, што должо́н ты сделать это.

Тогда он сказал:

— Ну, ланно, слуга, сьезди на хутор и позови мою дочéрь и зятя.

И вот приежжает слуга, заходит в ихной дворець, то встретила ёго дочь. И он ей поклонилсе и стал просить на пир,

вместе со своим мужем, што батюшко велел приехать. Она ответила так:

— Слушай, слуга, скажи моему отцю так, што я от мужа никуда не поеду. Он у меня бóлен, и я никуда не поеду. Он сильнё ранен.

Тогда слуга сразу понял из слов ейных, што вот хто помогал, ёго зять, и уехал проч к чарю. Приехал туда, вызвал чаря отдельно и сказал:

— Вот што, ваше велицество, я был у вашей доцери, и она отказалась. Почему? Потому што у неё муж болен, он сильнё ранен.

И он сразу догадалсе, што это зять был на коне.

— И он мне сказал, што вот, батюшко, я роботал за дватцет пять, это за дватцеть пять розог.

Пришол к жоны и говорит:

— Собирайсе, поедем на хутор за своей доцерью и зятем, а вы, гости, подождите.

Вот оне приежжают на хутор и он кряду же приходит к доцери своей. Поздоровалсе и стал ей просить на бал и спрашивать:

— Ну, как зять, в каком положении?

— Да, папенька, я не знаю ничего без мужа. Можете пойти к нёму и спросить, пойдёт он на бал или позволит мне пойти, а я не пойду без ёго позволенья, тем более, што он как бóлен. И вы, наверно, сами знаете.

— Я, доцька, только сецяс узнал, когда приехал курьер, а раньше он мне ничего не говорил, как помогал. Тогда розрешите, доцька, ёго увидеть?

— Пожалоста.

Повела она ёго в спальну, где он лежал бóлен. Подошол к нёму и говорит:

— Ну зятюшко, прости меня, што я не давал тебе доцерь и што ты мне не сказал, ведь я тебя спрашивал. А топерь пойдём на бал и наши гости охотно бы посмотрели на тебя. И мы тебя прославим и наградим и наделим тебя получарьством.

— Слушай, батюшко, я не поеду с вами, потому што ваш экипаж меня не возьмёт, а жона пусть с вами едет, я дозво-

ляю. А уж если конь сможет снести меня, я спрошу у нёго, то и я приеду.

— Хорошо, ну, ладно, мы будем ждать, приежжай на коне.

Жона средилась и поехала с отцём-матерью на бал. А он оделсе и пошол к своему коню, и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, как чарь нас просит на бал, дак как поедем или нет, говори мне топерь правду?

Конь немного подумал и сказал:

— Дорогой мой Ваня, поеду, если будеш исполнять, што я тебе буду говорить. Вот когда мы приедем к чарю на бал, а там есть широкой двор, где приежжающие прынци и короли ставят лошадей и там их стоит может быть сотня, и для меня там место будет приготовлено. И вот ты приедеш туда, поставь меня в ту конюшню, но только не вяжи. И я поем немного и выбежу из этой конюшны и все ло́шади передавлю и буду носитьце по́ двору, как бешеной. И все конюхи и слуги перепугаютце и придут к чарю и будут просить тебя, штобы ты меня поймал. И вот когда, конешно, скажет чарь, все эти гости станут на дыбы, ну чарь не позволит меня ни кори́ть, ни бить, скажет только: „Поди, Иван, уйми свою лошадь". А ты пойди со шпагой и скажи: „бешену скотину никогда не де́ржут". И пойди отруби мне голову. Если сделаш это, то я поеду, а там уж увидиш што будет.

Иван немного подумал и го́ворит:

— Дак как же, дорогой мой конь, разве мне не жалко будет тебя убить, как ты мне делал много хорошого, женил на чарьской дочери, и я добилсе до большого почета и славы. Што ты говориш такое?

Потом он немного подумал и сказал ему:

— Ну, ладно, дорогой мой конь, коль ты так велиш, то я сделаю.

— Сделаеш?

— Сделаю.

— Ну, садись на меня, и поедем. Есть мне топерь единственной слуця́й.

И так приехали на двор. Так, как конь ёму сказал, так он и сделал, поставил ёго и зашол на бал. Конешно, ёго с радостью встретили, посадили за стол и нача́ли угощать

и все гости радовались, ченили ёго, такого сильнёго витезя Не прошло полчаса, как бежат конюха́, кучера́ со страхом, и говорят своим хозяевам такое слово:

— Вот не знаем, што творитце с лошадью Ивановой, перегрызла всех лошадей и носитце по́ двору. Попросили бы Ивана, штобы он ей убрал или што сделал.

Тогда чарь говорит:

— Ну, зять, слушай, поди убери свою лошадь. Вы, гости, не волнуйтесь, я заплачу убытки, она нам много хорошего сделала. Ты ей только убери, и будем держать её до тех пор, как жалает зять.

Тогда стаёт Иван на́ ноги.

— Ну, бешену скотину никогда не дёржут, пойду, отрублю ей голову.

Чарь скоцил и говорит:

— Слушай, Иван, не надо, я заплацю все убытки, только ты ей ницего не делай.

— Нет, надо отрубить.

И пошол на двор. Все присуствующие бегут за ним и просят. Он прошол на двор, лошадь увидала ёго, вытянула голову и стоит. И он подходит к ней рядом и ударил ей мечом и отсек ёму голову. В этот же момент выскоцил мущина такого же росту и говорит:

— Ну, здраствуй, зять, а я твой шурин. А топерь пойдём на бал и я тебе скажу еще хто я есть такой.

И, конешно, чарь пошол домой, а он стал ёму говорить доро́гой:

— Вот я есь этого государьства сын, Иван чаревиць. А помниш мы с тобой были у Шута́, и вот я пробыл там дватцеть лет, и тебя бы он обратил конём, но ты сумел меня второй раз взять, и я уверилсе, што ты парень боевой и помог тебе. А топерь молци пока, и пойдём на бал, и я там выесню, хто я есь.

Когда оне пришли на бал, не знали, конешно, хто такой незнакомець, ну, такого же росту богатырь, как он сам. Посадили их рядом, стали угощать. Потом, когда он немного подвыпил, стал на́ ноги и стал говорить:

— Слушайте, ваше величество, я вам поясню, хто я есь такой, может вы меня узнаете, хотя это было да́вное дело. Бывал ли у вас когда от роду сын?

— Да, доброй витезь, бывал у меня сын, но только этому уже лет дватцеть.

— Ну, а каким путём он у тебя не стал, можете поеснить мне?

— А вот каким путём. Однажды я был на охоты и я завяз в болоти так сильнё, што не мог попасть домой. А потом послышалсе голос. „Вот, ваше величество, отдаш, што не знаеш дома у тебя есть, я тебя спасу, а не отдаш, умрёш в болоти". И вот мне пришлось отдать, а приежжаю домой, у меня сын, ну я этого не знал. И вот росту был сын помню большого, ну пришлось всё ровно отдать. Черезь деветь месецев приежжает Шут и пришлось ёму сына отдать. И вот сегодне исполнилось дватцеть лет, как я о́тдал сына.

— Да, ваше велицество, верно, дватцеть лет назад. Я ваш сын и был у Шута дватцеть лет. И вот ваш зять, што у вас здесь сидит, он меня два раза́ выводил от Шута́, и вот вывел.

Цярь очень обрадел и говорит:

— Ну, сын, топерь ты жонись и становись на престол, а я отдам престол, потому што стал стар, а зятю нашему дадим полчарьства.

Тогда, конечно, отыскали ёму невесту и чаревиць жонилсе и гости дивились очень, два таких славных богатыря, и как оны скрылись от Шута и могли ухи́трить ёго.

А это он, конешно, росказал сам, как он уехал.

Тогда, конешно, весели́м пирком да за сва́дебку. Споженилсе чаревиць и стали жизнь проводить до глубокой старости, как Иван чаревиць, так и ёго зять.

На этом мы и кончим.

33. НЕЗНАЙКО

Вот не́ в котором цярстви, не́ в котором государстви был жил купець. У этого купця, он был молод, у нёго жона тоже молодая была. Оне жили хорошо и любили друг друга. И вот так подошло, што она сильнё заболела. Только успела ро́дить сына и умерла. Ну этому сыну дали имя Иван. И вот она умерла, этот сынок Ванюша стал расти не по дням, а по часам, што час, то и бо́ле. Этот купець очень обрадел, што сын так быстро ростёт, но ёму было скучно жить без жоны. Ну во што бы ни стало ёму надо приискать жону. И он взял у одного ку́пця доцерь и жонилсе на ней.

И вот он, конешно, жонилсе у одного купця, сыграл сватьбу и взял себе жону. Да. И вот наня́л няньку к этому мальчику, штобы ёго хранила и воспитывала как лучче. И вот ёго о́тдали в школу, когда ёму было пять лет. И он росту был не ма́лого, хотя ёму еще было годо́в мало.

И вот этому купцю, конешно, не ста́ло у нёго товаров в магази́не, ёму пришлось поехать за товарами. И жона, конешно, осталась от нёго, и он приказал:

— Вот ты ходи по магази́нам, когда случа́й, присматривайсе, а уж там без тебя будут прикащики торговать и деньги получать, только следи за порядком.

И вот, конешно, в онно прекрасно времё она приходит в магази́н, приходит один молодой генерал. И этот генерал ей настолько понравилсе, што она без нёго жить не могла, и пишет ёму письмо, штобы он пришол к ней. И этот генерал был настолько сильнейшой колдун, у нёго была баушка колдунья, и он, конешно, знал колдовство. Когда он пришол к ней, конешно, она приняла ёго за гостя и обсказала ёму все обстоятельства её мужа. И вполне ёму уверилась на всё, на што он только согласилсе. Конечно, он уже с ней нача́л гулять. И так прошло уже месець времени.

Потом в одно прекрасно времё он говорит:

— Слушай, дорогая, я бы к тебе ходил, но у тебя есть мальчик, хотя не от тебя, но спаси бог, если приедет твой муж. А ты думаеш, как нам от нёго избавитьце?

— Я не знаю, дорогой, как от нёго избавитьце, потому што никаких средствов не имею.

— А я знаю, у меня есть баушка, ужасная колдунья, она нам поможет. И тогда мы с тобой нацьнём жить по настоящему, а с купцём с этым мы справимсе.

Она была на всё согласна. Но этот мальчик, конешно, училсе, ничего не знал. Но у нёго, у батюшка, была кобыла сужере́бая, и всё ходил смотрел, когда она родит жере́бетка, ёму было очень интересно выростить ёго для себя. Однажды приходит он из училища и видит кобыла родила́ жере́бетка. Он ей отвёл от матки и кормил её, чего сам ел, и стал ро́стить её для себя.

И в одно прекрасное времё приходит он из училища́, евонной жере́бяток переменилсе, стоит по колен в крови. Он и спрашивает:

— Што ж ты, милой мой жере́беточек, переменилсе, стоиш по колен в крови, чуеш невзгоду над собой или надо мной, скажи мне пожалоста.

Жере́беток заговорил по человечьи:

— Слушай, Иван купецькой сын, я тебе скажу правду, только слушай меня. Твоя мать хочет тебя сгубить. У ней есть уже возлюбленной генерал, которой хочет тебя злой смерти предать. И вот ты топерича придёш домой, она при-

несёт тебе чаю и два пирожка. Ты этих пирожков не ешь и не пей чаю, а поешь хлеба и иди в школу. А если хочеш испытать ты этот чай, розлей за окно, бери книжку и читай, и увидиш, што будет. Если хочеш испытать над пирожком, по переломи ёго пополам и брось кобелю́, а другую половину сунь в карман, но сам не еш.

Это говорит ёму конь.

И потом, конешно, он пошол домой. Маманька ёму и говорит:

— Што ж ты, Иванушко, долго этто, а я уж приготовила чаёк и пирожки напекла. Садись, кушай.

— Хорошо, маменька, седу.

И вот он сел за стол, она принесла ёму чай и пирожки. Вот он ёго ро́злил и поло́жил на окно, сам сел взял книжку и стал читать, и толкнул стакан за окно. И видит, што там трава загорела. Он взял пирожок, разломал ёго и бежит к нёму кобе́ль, ластитце. Он этот кусок ёму и бро́сил. Кобе́ль съел, ёго котышко́м закатало и он розлетелсе на две́ части. И он побежал к матери и говорит:

— Мама, мама, кобе́ль лопнул, не знаю што с ним сделалось.

— Што ты сделал, Ванюша, заморил кобеля, я скажу отцю.

— Ну, ланно, мама, коли ты скажеш, то и я скажу отцю, што ходит к тебе какой-то генерал.

И так ушол в школу. И вдруг, когда он ушол, приходит этот генерал и говорит:

— Ну, што случилось с сыном с твоим?

— Да ничего, заморил кобеля́, а чаю не стал пить, опрокинул за окно.

— Как же это, как он мог понять, уж баушка у меня знает всё это, не должо́н он понять. Дак вот слушай, дорогая. Завтро мне не́когда будет ехать к баушке, а ты поежжай, я тебе дам адрес, приспособь для нёго што-нибудь второё, она тебе даёт. А мне нужно ехать по чарьским указам.

И вот она на второй день отправилась сама. Розыскала эту тётушку, та стала спрашивать:

— Ну што, не вышло што-ли?

— Да нет, тётушка, не вышло, кобеля́ заморил, а чай вылил или што, не знаю уж. Приспособь ина́це.

— Ну, ланно, я приспособлю кообыть ина́це.

И вот она приносит не черезь до́лго ёму рубашецьку.

— Вот слушай, племянниця, истопи сегодне байну и вели ёму эту рубашецьку надеть, он наденет эту рубашецьку и кряду же умрёт.

И вот она приехала домой, сеця́с кряду велела вытопить кухарке байну.

Ванюша идёт домой и приворачивает к своему коньку и видит конёк ёго стоит по груди́м в крови.

— Што ж ты, мой милой ко́ничек, стоиш по грудям в крови, чуеш незгоду над собой или надо мной? Скажи мне пожалоста, мне охота бы узнать.

И вот он говорит ёму.

— Слушай, мой хозяин Ванюша, на тебя опеть незгода есть. Придёш ты домой, маменька пошлёт тебя в байну. Пошлёт она тебя в байну и даёт тебе новую рубашецьку. Ну ты рубашецьки не надевай, а коли хочеш испытать, брось дворовому кобелю́ на шею или на го́лову. А потом увидиш, што будет.

И вот он приходит домой, конешно, ёго стретила мать и говорит:

— Ну, Ванюша, сходи в байну, а потом пообедаеш.

И даёт ёму эту рубашецьку.

— Вот оденеш эту рубашецьку и будеш чистенькой.

Ванюша, конешно, ни слова, и пошол в байну. Не пеняет ни слова маменьки своей и пришол в байну. Помылсе, одел старое бельё и выходит из байны. И бежит к нёму кобе́ль дворовой, он эту рубашецьку возьми и накинь ёму на́ голову. Этот кобель закаталсе, роздуло ёго, и был мёртвой. И вот он приходит домой и говорит мамы:

— Мама, мама, я не знаю, што случилось, я этой рубашецькой махнул перед кобеле́м, и он погиб.

— Ладно, ладно, ты верно собаку зашиби́л, я скажу батюшку.

— Ладно, мама, коли ты скашеш, то и я скажу.

И вот черезь день или черезь два приежжает этот генерал и спрашивает:

— Ну, што, как случилось с твоим сынком?

— Да ни цёрта не выходит, только кобеля́ заморил, махнул рубашецькой, надел-ли, уж я не знаю, только ницёго́ не вышло.

— Ну, погоди, я поеду сам, надо с ним сделать, пока не приехал твой муж, уж цетвёртой месець кончаетце, а уехал на цетыре месеця. Я съежжу завтро сам и узнаю достоверно, как он содействоват этим делам, сам ли он может, или хто ёму помогает. Уж не ина́це, есть у нёго кто.

И вот оне переспа́ли ноць, на утро он уходит.

Только он уходит, и пришол к своей тётушке и сказал:

— Ну, тётушка, как хочеш, а не можем мы мальчишка сгубить, ништо не влияет на ёго.

Вот она берёт себе волшебну книгу, смотрела, смотрела и говорит:

— Слушай, племяш, это он не сам отгадывает, а у нёго есть лошадь на конюшни, жере́беток, которого он сам вырастил. И он это всё ёму отгадыват. И ёго ина́це никак не сгубить будет до ти́х пор, пока не убить евонного коня, накормить этой жолочью, ёго и этого купця, которой сегодне приедет. И вы вполне будете владеть евонным богатьством со своей женой. И как он сегодне придёт, вели ей притворитьце больне́й, и он вполне велит ёму убить эту лошадь, штобы она поправилась. И вот когда накормите купця и ёго этой жолочью, они оба умрут.

Вот только што объеснил этот генерал ей всё, што нужно сделать, только што уходит, и купець этот пришол. И она в это времё сделалась больне́й. Пришол купець, посмотрел на свою жону, она лежит больняя.

— Ну, што ж ты, дорогая, больняя?

— Ой, муж, сильнё больняя, неизлечимая у меня болезь, если ты не посоветуеш сделать, што я хочу.

— Ну, говори, дорогая моя, што с тобой случилось, уж врачи с тобой не обращались што ли?

— Уж я переходила ко всем врацям, никто не может со мной признать болезни. Вот какоё дело. Ко мне приходила одна ворожительниця, старушка. Она ворожила мне и сказала: „Вот у вас на конюшни есть жере́бетоk, ёго надо убить и накормить меня ёго серцем". А этим жере́бетком заведует твой сын.

— Хорошо, придёт сынок, я спрошу.

И вот когда он идёт из школы, он заворачивает к своёму́ жере́бетку, и видит весь жере́бетоk стоит в крови, только одни уши у нёго челые. И он посмотрел на нёго и сильнё испугалсе и заговорил:

— Што ж ты, милой мой ко́ничек стоиш сильнё переменной, чуеш незгоду над собой или надо мно́й, скажи мне пожалоста.

Конёк ёму и заговорил:

— Слушай, Иван купецеськой сын, теперь я незгоду чую над собой, меня хоти́т погубить твоя маменька. Почему? Потому што она хочет погубить и тебя и твоего отця. Слушай, Ванюша, ты не жалей меня, дай убить, но только слушай, я тебе росскажу. Только проси у своёго́ отця, штобы он дал меня провести по Невскому раза́ два. А уж на третий раз садись на меня, а там дело наше, там видно будет. А он тебе розрешит.

И вот, конешно, он приходит домой и увидал отця своёго́.

— Здраствуй, папа.

— Здраствуй, здраствуй, Ванюша. Ну, как учиссе?

— Ничего, папа, хорошо.

— Ну, как здоровьё?

— Тоже ничего, хорошо.

И вот оне сели за стол с отцём кушать, отець ёму и говорит:

— Слушай, Ванюша, у тебя есть жере́бетоk на конюшни, родивши не знаю когда?

— Есть папа, есть.

— Да. Так вот што, сынок, ну, он как ростёт, хоро́шой?

— Ой, папа, хорошой. Ну и конь будет!

— Дак вот што, Ванюша, у нас мама-то неможет. Надь ей вылецить, надь убить этого жере́бетка и скормить ей печонку,

а то у нас мамы не будет, и у меня жоны не будет второй раз.

— Да, папа, жалко́ такого ко́ньчика, конешно, убивать, ну твоя воля. Токо дай мне ёго самому свести на бойню и раза два по Невскому провести, показать своим товарищам ученикам. А потом я сам своима́ руками сведу на бойню, потому што, папа, я ёго ро́стил и сам кормил своим куском, што и сам ел, так мне уже будет жалко, если кто ёго поведёт на бойню другой. Розреши мне только это.

— Ну, ладно, сынок, я тебе розрешаю, коли ты очень жа́лостной до него, то веди.

И вдруг приходит ёго жона, услыхала эти речи. И вот она приходит и говорит:

— Слушай, муженёк, если хочеш, штобы я была здоровая, то прикажи кому-ни другому вести, пусть он лучче не ведёт.

И он стоял, тряссе, думает, што отець не позволит вести и думает:

— Пропадёт наша жизнь обоих с отцём, — ну боялсе сказать.

Говорит купець.

— Слуша́й, дорогая, куда ж он денет ей, приведёт на бойню, убьют, мясо принесут сюда.

— Я боюсь, што он от нас уедет.

— Ну, куда он от нас уедет, глупая, ведь он еще моло́дой, куда он от своей семьи?

— Ну, ладно.

Убедил, и Иван пошол на конюшню. Приходит на конюшню, уж конь стоит в порядке, весёлой и говорит:

— Ну, Ванюша, надевай на меня седёлко, уздецьку, и выводи отсюда как мож скорее.

И вот Иванушко достал седёлку, уздечку и повёл ёго за узду. Выводит на Невской и ведёт дальше. Встречаютце ёму ученики и купци и спрашивают:

— Куда ж ты ведёш такого красивого жере́бетка?

— На бойню.

— Што ты, неужто не жалко вам такого жере́бетка?

— Ну, што ж я могу сделать, как папа приказал.

— Ах, какой красивой, стройной.

Даже робята со стороны жалеют этого жере́бетка. Когда он повёл третий раз обратно в сторону, то встречаетце купець ёму и говорит:

— Куда, Ванюша, такого жере́бетка ведёш?

— На бойню, вот батюшко хоцет ёго убива́ть.

— Зацем такого красивого жере́бетка убивать, я лучче ёго куплю.

— Ну, дело не моё, поди к отцю, рядись с ним.

Купець ушол, и вот он подходит к своим окнам, к своёму́ дому, жеребе́ток и говорит:

— Ну, садись Ванюша, пока не поздно.

Вот он скоци́л на нёго и говорит:

— Ну прощай, батюшко, больше мне тебя не видать долго, и матка моя злодейка.

Только видели се́дучи, а не видели пое́дучи. И скрылсе.

И наш Иван купецеськой сын ехал, ехал, покуль ёго конь вёз. И он не знал только куда едет. И приежжает он в цисто полё. Конь и говорит ёму:

— Но, Ванюша, ты спусти меня, а сам иди по этой дорожки, и зайдёш ты в сад. Когда ты зайдёш в сад, то там ты увидиш са́дника. И цёго бы у тебя этот са́дник не спросил, одно отвецяй, што не знаю. И вот он тебя возьмёт себе подмета́лом. Ты, конешно, знаеш это и будеш делать, но што бы он у тя ни спрашивал, ты онно говори, што не знаю. И вот потом этот са́дник доло́жит до цяря, што евилсе мальцик красивой и исполняет все должности, только одно всё говорит, цёго бы у ёго не спросил — не знай, да не знай; есть у ёго язык, ли нет, а всё говорит: не знаю. И вот чарь приедет в сад со своей млаччей дочерью, а всех то их у нёго три. Ну, две старшие то уж замужем. Вот, конешно, приедет чарь, и он будет у тебя выпытывать — „скажи нам хто ты есь такой красивой молодой чоловек? А ты онно отвецяй, „што не знаю. И будет он тебе говорить, што служи у нас рыцарем, ли рабом, а ты всё отвецяй: „не знаю“. И будет даже у тебя цярьская доцерь выспрашивать, ну, ты смотри, ей тоже ницёго не отвецяй, а говори „не знаю“ и всё. И вот топерь

иди, а если будет тебе какой случа́й, што может быть я тебе буду ну́жен, то выходи з городовы́е стены и кликни меня, уж я там буду. Коли я тебя спас два раза от смерти, а ты меня спас в последний раз, то я тебе будут служить до ти́х пор, покуда тебя не поставлю на чарьство. И отомстим твоей мацехи впоследствии.

С тема́ словамы Иванушко роспростилсе со своей лошадью, пошол в сад. И вот приходит он в сад и увидал ходящего по саду молодого цёловека. Са́дник как увидал, и сказал:

— Здраствуй, молодой цёловек.

А он отвецял:

— Не знаю.

— Ну, как ты не знаеш. Откуль ты пришол?

— Не знаю.

— Ну, как тебя звать?

— Не знаю.

И спросил:

— Ну, што ты хош роботать?

— Не знаю.

— Дак умееш ли ты што роботать?

Тоже отвечает:

— Не знаю.

Топерь он говорит ёму:

— Умееш ли ты пахать? На́ метлу в руки, буде умееш пахать, я тебя возьму в помощники са́дника.

Отвечает Ванюшка:

— Не знаю.

И вот са́дник дал ёму метлу и видит, што стал быстро пахать и сор убирать, справляетце со всеми должностя́ми, хотя и говорит, што не знаю. И са́дник очень удивилсе такому мудрецю и сразу же отправляет кульера к цярю и наказывает ёму:

— Вот скажи так чарю, пусть немедленно приедет посмотрит, как ко мне евилсе молодой цёловек очень хорошой и исполняет все должности даже лучче, чем я сам.

Когда этот кульер приехал, цярь процитал это письмо и говорит:

— Надо обязательнё поехать посмотреть, што за редкость евилсе к нам в сад.

Доцерь узнала про это письмо и тоже стала проситьце.

— Батюшко, возьми меня, мне тоже хоцетце поехать посмотреть.

Он сказал дочке:

— Ну, давай, поедем.

Вот оне приехали. Садник и говорит Незнайки:

— Пойдём, цярь приехал с доцерью, жалают тебя посмотреть.

И взял ёго за руку. Незнайко ответил:

— Не знаю.

И привёл его к цярю. Цярь говорит:

— Здраствуй, молодой цёловек.

А Незнайко ёму отвецяет:

— Не знаю.

Цярь глядит на нёго што такой хорошой молодой цёловек, а говорит „не знаю“ и ницего не отвецят. Цярь опеть же снова ёму:

— Ну, скажи, как же тебя звать?

— Не знаю.

— Ну, дак ты откуда пришол, по какой дороги?

Опеть же отвецяет:

— Не знаю.

И чарь сильнё удивилсе, што больше он ницёго не можот говорить и всё отвецят: „не знаю“. Потом цярь ёму и говорит:

— Ну, дак слушай, Незнайко, жалаеш ли ты у нас служить в чарьстви или будеш у са́дника роботать?

— Не знаю, — отвецяет Незнайко.

Тогда чарь ницёго ёму больше не сказал и пошол к са́днику. Да. И за ним же вместе пошла доць. А Незнайко взял метлу и стал за има́ вслед пахать. Чарь смотрит на нёго и видит, как он быстро и хорошо пашет и убират пру́тышки и сори́нки. И вот чаревна говорит отцю:

— Ты, папа, иди к са́днику, а я испытаю этого молодого цёловека, может быть он стесняетце с вами говорить, а не скажет ли што мне.

— Но, пожалоста, доцька, если мож убедить такого молодого цёловека, то он нам годитце при чарьстви.

И вот видит, што он пашет. Она подошла к нёму и спрашивает:

— Скажи, Незнайко, как тебя звать, ты ведь наверно, такой же цёловек, как и мы. Скажи мне онной, и я никому ницёго не скажу про это. Если ты мне скажеш, то будеш щасливой, я ведь тебя очень люблю.

Он отвецяет ей:

— Не знаю.

Одно всё говорит, што „не знаю". И как она ёго ни спрашивала, откуль он пришол и хто он есть, он всё помнил своёго́ коня и не забыл этого слова — „не знаю". И она всё шла вперёд по саду и манила ёго, штобы шол вслед за ней. Он одно всё ей говорит: „Не знаю", а сам тайным образом наки́дывал ей цветы в ко́су. И так ей сложным образом цветов накидал, што у ей образовалась в косы́ корона. И она этого не знала до ти́х пор, пока не приехала домой. Когда она приехала домо́й и стала против зерькала, сразу увидала эту корону. Потом нежно сняла эты цветы и подумала:

— Этот Незнайко наверно есть нихто, как из знатных людей, потому што составил мне из цветов таку корону.

И потом пошла к батюшки и сказала ёму:

— Батюшко, позволь мне слово сказать, утеш меня, што я думаю.

И он коли слышал от своей дочери от последьней, которая была самая любимая и сказал:

— Ну, доцька, говори, я всегда слушаю твое приказаньё.

— Батюшко, слушай, што я тебе скажу — я хоцю этого Незнайко взять во дворець, пусть он хоть ницёго не умеет работать, но хоть будет подпахивать на дворе, а иногда и здесь. Я может быть со временем выуцю ёго говорить. Как хотиш, батюшко, я ёго возьму, потому-што я ёго очень полюбила.

Тогда сказал ей батюшко:

— Ну, ладно, доцька, сецяс ёго достанем, коли ты жалаеш.

И сецяс послали кульера в сад за Незнайком. Кульер даже и не спрашивал Незнайка, жалает ли он ехать, посадил

ёго на лошадь и увёз. И вот когда он приехал в чарьство, то государь спросил ёго:

— Ну, вот, Незнайко, жалаеш ли ты, мы возьмем тебя ближним подмета́лом — будеш подметать на дворе и в комнатах?

Незнайко отвецяет:

— Не знаю.

— Ну, ладно, коли ты не знаеш, то будеш поставлен на эту должность.

Незнайко стал на эту должность и справлял ей без всякого приказанья.

И вот в да́вно времё уже несколько лет сватался за млаччую доч один король, но этот чарь щыгал ёго каким-то неверным, и дочери за ёго не выдал; а топерь этот король со́брал многочисленное войско и требовал, што если он не отдаст доцери добро́м, то он идёт войной. И объевил он войну. Конечно цярь этого не испугался, как он был могу́тной, конешно, он со́брал войско и отправил главнокомандующима двух зятевёй напро́тив этого короля. И в это времё, конешно, Незнайко был на дворе. И спомнил он своёго́ коня. Вышел он за городовы́е стены и крикнул:

— Эх, ко́ницёк мой, евись ко мне.

И только скрикнул, а уж конь был у ёго.

Тогда он подошел к своёму́ коню́ и говорит:

— Ну, ко́ницёк мой, ведь цярьскую доцерь хоцет силой отобрать один неверной король.

— Ну, вот што, Ванюша, садись на меня, и поедем помогать цярю, я тебя овверну́ рыцерем, и мы поедем мимо цярьских балхонов.

И вот, конешно, уже войска́ были отправлены, и едет рыцерь мимо цярских балхонов. Так тихо лошадка бежит. А в это времё цярь с доцерью стоял на балхоне. И доцька увидала ёго и говорит:

— Папа, папа, смотри рыцерь какой красивой едет. И лошадка-та у ёго, што бо́бушка* бежит.

---

* Хорошая вещь, красивая (объяснение М. Коргуева).

И вот она нагнулась, глядит на ёго, и цярь нагнулсе, и в это времё оба обронили платки. Рыцерь обернул лошадь и взял эты платки в корман, потом понýдил лошадь и скрылсе. Цярь и говорит:

— Как же, доцька, нужно погоню за им послать, ведь он увёз наши именные платки.

Она и заговорила:

— Да слушай, батя, мало ли у нас есть этых платков, а пусть он едет, бывает он там нашим поможет.

И так цярь согласилсе на это.

И приежжает рыцерь в эти войскá. А дело было зимой. Войска мёрзнут. Он видит, стоят. И неподалеку палатки; он в палатку заглянул, а там эты зятья сидят, играют в карты и не подают никакой команды войскáм, хотя уже неприятель начинает наступать и бить их войска. Вот он заходит в шатёр и говорит:

— Да разве можно так, как вы поступаете: ваша сила мёрзнет, а вы тут в карты играете, разве тáк надо защищать отечество?

И давай их чесать. И так их начесал, што оне остались тут лежать без памети, а он скоцúл на коня и пустилсе на неприятеля; и так он сильнё стал бить и не столько сам бил, сколько конём топтал. И не прошло шесть цясов, как всё полё было усеяно войсками. И этот король не удержалсе и убежал с остальним своим войском.

И он приехал домой, конешно и повалилсе спать. Спал двое суток. Не черезь дóлго зятья опомнились и со своим войском приходят в чарьство. Цярь их благодарит и сóбрал пир по случáю победы. Все думают, што навсегда успокоили этого неверного короля. И вот этот пир продолжалсе два дня.

А Незнайко спал это времё и когда пир кончилсе, цярь увидял Незнайку и спросил:

— Где ты ходил это времё?

Он отвецяет:

— Не знаю.

— Ну, дак поцему ты долго спал?

— Не знаю.

Ну, цярь отступилсе, а Незнайко стал продолжать своё дело. И вот не прошла неделя, как этот неверной король со́брал войско в два раза больше и пришол на этого чаря войной. Тогда чарь со́брал своих зятевéй и говорит им:

— Ну, зятья, уж ра́з вы победили неверного короля, дак иди́те опеть с им воевать.

И так, конешно, сформировали войска́ и отправились против этого короля.

Да. И вот, опеть же Незнайко, как только войска́ тронулись, на второй день пошол к своей лошадки. И потом едет опеть мимо цярских балхонов, где стоял цярь и следил за направлением своих войсков. Да, и вот опеть доць увидала:

— Папа, папа, смотри, опеть едет этот прекрасной рыцерь и как он сегодне тихо едет.

И вот она нагнулась черезь перила, протянула руки и выронила перстень с руки своей именной. И заговорила:

— Батюшко, перстень у меня выпал с руки.

А рыцерь повернул лошадь, взял этот перстень и скрылсе по тому направлению, куды ушли войска.

— Отобрать обязательно, надо собрать погоню, — заговорил чарь.

— Да, батюшко, уж теперь оннако, у нас не один перстень есть, а может не поможет ли он нашим войска́м.

И так и решили.

А он приежжает в войска́. Видит неприятель наступает, а главнокамандующих никого нет. Заходит в шатёр, а зятья сидят там, вино пьют, да в карты играют. И вот давай их опеть плетью стегать. И так настегал, што оне остались лежать без памети. А сам выскоцил и стал бить эты неприятельски войска. И бил их двенатцеть часов. И войска́ свои тоже отцясти, конешно, помогали. Потом этот неверной король побежал. И он повернул лошадь свою, уехал домой.

А эты зятья только опомнились ото сна, настёганы. И вышли, то видят, што всё полё засеяно телами, но своих войсков потери было мало. Вот оне обрадовались и пошли в чарьство.

А Незнайко приехал домой и повалилсе спать. И эты войска вернулись когда домой, то чарь очень обрадел, што с ихной стороны потери были малые, а неверного короля прогнали. Он со́брал пир и всё росспрашивал их про битву.

А Незнайко проспал цетверо сутки и встал, когда пир уже отошол совсем. Ходит в саду, убирает и по комнатам, своё дело делат. Цярь пришол и спрашиват:

— Где ты был, Незнайко?

— Не знай.

— А што же ты долго спал?

— Не знай.

И цего бы цярь ни спросил, он всё отвецят „не знаю". Так цярь и отступилсе он нёго. И вот не прошло как двое сутки, тот король собрал ище в три раза́ больше войска и выехал сам на переднюю линию. Ну, тогда чарь сказал своим зятьям:

— Вот што, зятья, поежжайте ище раз, а уж тогда буду вас награждать и награжу чем только могу.

Оне в скороё времё собра́ли войска и направились против неверного короля.

А Незнайко опеть же не теряя времени едет против балхона совершенно тихим шагом. Сровнялсе только с балхоном, как оне скоцили оба на ноги и стали на ёго смотреть.

— Это тот же самой рыцерь.

— Уж наверно, этот рыцерь ездит не так, он помогает нашим войскам.

Цярь нагнулсе и уронил свой перстень именной. Он скоци́л с ло́шади, взял этот перстень и поехал дальше.

Цярь сказал:

— Ну, топерь уж не спущу так, надо за им погнатьце в погоню.

Тогда цяревна заговорила:

— Папа, у нас там столько во́йска нагнано, наверно, уж это жальче́е перстня, как если он им цем-нибудь поможет, смотри он ездит кажной раз, как только идёт там битва.

И король с этым согласилсе. И он приежжает к войска́м, а уж неверной король наступает и бьет ихны войска беспо-

щадно. Он заехал в этот шатёр, где сидели зятья. Приходит. Оне опеть же выпивают и в карты играют. А там войска́ делай што хош, как нет никакого главнокамандующего. Теперь он их опеть давай пороть, и так начесал, што оне остались чуть живые. Потом пошол на этого короля с во́йском и в саму средину заехал, где стоял сам этот неверной король на передней линии. И нача́л так жостоко бить, как и в перьвые разы. Не столько сам бил, сколько конём топтал и копьём колол, и носилсе как вихорь. И видит король, што поевилсе опеть это рыцярь и как бойко бьёт войско. И решилсе король сам ехать на нёго. Видит Иван купецеськой сын, што король выежжает на нёго. Он повернул лошадь и говорит:

— Но, милой ко́ницёк, поедем на этого короля.

Конь ёму и говорит:

— Держи мець крепце, и давай поедем.

И вот как съехались, то Иван купецеськой сын ударил ёго мецом, отсек ёму голову и броси́лсе на остальнё войско. И это войско совсем ростерялось, што пал ихной король. А Незнайко всё кругом во́йска летал, как вихорь и бились челы сутки. Больше половины неверного войска убил, а остальных в плен взяли и Незнайко поворотил лошадь и поехал домой, спустил лошадь, сам закрылсе в избу и повалилсе спать.

И вот черезь сутки, двое вернулись войска. Цярь, конешно, оцень обрадовалсе и собра́л пир. На этом пиру́ там зятья цяря благодарили с победой, а сами такие сонны́е, сидят, конешно, оне на пиру́ и веселятце. Пир продолжалсе двое сутки. Да. Чарь потом сам себе и думает:

— Што же у нас Незнайко? После перьвой битвы спал сутки, после второй битвы спал двое сутки, а теперь спит ужи третьи сутки, раньше с им этого не было (уж он тут несколько лет живёт, дак оне знают).

Потом и говорит онному тут служащому:

— Поди-ко, посмотри, где спит Незнайко, и обсмотри у ёго все корманы. Ну только если што найдёш, то у ёго не бери, только мне росскажи (стал видно догадыватьце).

И вот приходит, конешно, этот денщык или, скажем вельможа, и нацинает ёго будить. Тот не стаёт. Он нацинает ша-

рить у ёго корманы. И вытащил платок, розвязал, смотрит, платок именной, цярьской, а в платке завязан платок цярьской доцери и именны перстни цяря и цярьской доцери. Он посмотрел, потом всё это завязал и сунул ёму в корман обратно. Потом приходит к цярю и говорит:

— Вот, ваше величество, конешно, Незнайко спит без сознания, но у нёго есть вещи ваши.

— Што такое, поесни, каки вещи у ёго наши?

— Да ваше величество, у ёго платок ваш именной и перстень именной и платок и перстень вашей доцери.

— Дак вот оно што! Вот он хто есть, — и спрашивает зятевéй:

— Слушайте, зятья, приежжал ли к вам рыцярь вот тогда то?

— Да, приежжал, (им детьце то некуда!).

Потом он спросил их:

— Дак как он уцяствовал в войске, помогал вам?

— Не только помогал, батюшко, а если бы не он, дак не выстоять бы было нашему войску. Только при егонной помощи мы овворацивались всегда с малой потерей. Он же своимá руками убил короля и помогал розбить войскá и остальные взять в плен. А сам после этого уехал, и мы сами не знаем, откуль он приежжал и куды уехал.

Тогда ответил этот чарь.

— Ну, я знаю, хто это был и куды он уежжал. Это был наш Незнайко. Ну, доць, пойдём ёго будить.

И доць оцень обрадовалась, што Незнайко это всё сработал для государьства и спас их от неверного короля. И вот когда оне пришли, то говорят:

— Но, Незнайко, ставай, и если говорить не можеш, всё ровно иди к нам на пир.

Будил ёго чарь, будил, розбудить не мог. Потом чаревна бросúлась ёму на шею и сказала отцю:

— Я останусь здесь до тúх пор, пока ёго не розбужу.

И потом уж в конце концёв всё-таки она розбудила ёго. Он стал. Чаревна заговорила:

— Мы знаем, што ты спас наше чарьство от неверного короля. Иди топерь на пир, и тебе папа наделит, чего ты жалаеш.

Тогда он заговорил:

— Но, прекрасная чаревна, я раньше не говорил, потому што мне было не приказано говорить, а топерь мне лошадь сказала, становись на што жалаеш.

И вот оне пошли во дворець. Вот когда увидал чарь, што идёт Незнайко, он стал на́ ноги и говорит:

— Но, топерь молоде́ць, скажи нам хто ты есть и какого роду?

— Я есь роду купецеського — Иван купецеськой сын.

— Ну, садись, тогда за стол и што хош получай с меня, я даю тебе предложенье.

Он сказал ёму:

— Слушайте, ваше величество, я не могу наперёд сказать. Вы должны мне сами сказать, што вы хотите дать.

— Ну, дак вот што я тебе дам. Дам тебе полчарьства и даю дочерь замуж, если жалаеш.

— Я очень доволен, ваше величество, этым предложением.

И тут оне садятце и начинаетце у них бал и свадьба. А эты зятья нача́ли немножко смеятьце, што наша доцька цярьска пошла за Незнайка замуж, и он получил наследство полчарьство.

Он стал на́ ноги и заговорил:

— Слушайте, свояки́, вам кажетце не надо смеятьце над людьми. Раз мне нельзя было, значит я не говорил. Спомните, што вам было при бое, и как вы обращались с войной, и как ваши салдаты мёрзли на улици. Я бы, батюшко, попросил вас, штобы оне сняли по рубашки, посмотрел бы ты на ихно тело. Оне, наверно, сами скажут потом.

А батюшко сказал:

— Ну, дак што же, зятья, коли вы так смеете́сь над молодыми, дак скиньте рубашки и покажите ваше тело.

Когда оне сняли рубашки, то у их тело было чорно у обоих.

— Ну, а это почему у вас?

Тогда сказал Иван купецеськой сын:

— А вот поцему, батюшко: потому што оне делали беспорядки. Когда я приежжал, то войска́ мёрзли, а оне сидели в полатки, наливались водкой и играли в карты, а в войне не участвовали. И я наказывал их. Пусь оне сами скажут.

Оне молчали, и с тех пор перестали смеятьце. Тогда чарь заговорил:

— Ну, молоде́ць, Иван купецеськой сын, как сумел их наказать.

А уж им говорить было не́цёго.

В скором времени он повенцялсе и получил полцярьства. Прожил он один месець и сказал своей жоны.

— Слушай, прекрасна царевна, я поеду навестить моёго́ отця, он наверно бедняжка в нещастном положении. Если он жив, то привезу сюда, а уж если не жив, то мне надо рощытатьце со своей мацехой.

Она и говорит:

— Слушай, Иван купецеськой сын, ты уедеш, дак, наверно, не приедеш, а я от тебя не останусь.

— Как не приеду, уж всё ровно мне там жить не́ у цего. Хоть я и купецеськой сын, но наверно отець уж не владеет капиталом. А топерь, милая, ты останьсе, я скоро приеду. Проводи меня до моей лошади.

Она пошла провожать и чарь тоже с има́ вместе. Вышли только из ворот, он скрыкнул:

— Ну, милой мой ко́ницёк, скаци ко мне.

И лошадь сразу прибежала. Царевна смотрела на лошадь и очень дивилась на ейну красоту, и такжи смотрел чарь. Вот он скоци́л на лошадь и оне видели се́дучи, а не видели, как он уехал. Чарь с доцерью воротились домой. Да. И вот он прискакал близко к самому чарьству и видит пастуха, гонит свиней полтораста штук. Поглядел на этого старика и узнал своего отця. И оцень ёму было жалко. Стал ёго спрашивать:

— Здраствуй, дедушко!

— Здраствуй, здраствуй, сынок! (молодой, дак он его так просто сынком на́звал).

— Дак давно ли, дедушко, ты пасёш свиней?

— Да, дитятко, как не давно́. Заставила нужда пасти свиней на старость.

— А каким ты, дедушко, раньше жил?

Он у ёго спрашиват.

— Да раньши то я был купець, да милионер, а вот топерь то она уж живёт с другим, и меня поставила пастухом.

Тут уж он оконцятельно уверилсе. Опеть старик говорит:

— Да пасти то ище не беда, а вот как к ручейку пригоню, дак кажну надо через ручеёк перенести, да ище и под хвостиком почеловать, вот как она надо мной измываетце.

Да. И вот он говорит:

— Плохо твоё дело, дедушко. Возьми-ко, я тебе даю сабельку, да руби голову, котора не пойдет черезь ручеек.

— Да што ты, дитя, ведь она меня за это убьёт.

— Нет, ницего не убьёт.

— Да кабы ты, дитятко, за меня постаралсе.

— Постараюсь, дедушко, постараюсь.

И сам повернул лошадь и поехал с им. Когда подогнал к ручейку, то свиньи все остановились, хвосты подняли и ждут, когда их будут перездымывать. Подходит дедушко ближе и начинает рубить голову. И так штук до полсотни розрубил, остальни видят это, и побежали домой сами. И он идёт вслед за има́.

Да, пригоняет он к дому, она выбежала на крыльцё:

— Ты што, старой бес, мало сегодне пригнал, где остальние?

— Дак што я их стану перездымывать всё времё?

— Ах ты, старой бес, ище будеш розговаривать! Ведите ёго, конюха́, на конюшню, дайте ёму сто палок в жопу.

И ко́нюха повели. А Иван купецеской сын стоял в это времё у конюшни, где он привязывал свою лошадь. И вот увидал, ведут старика. Он им говорит:

— Вы старика не троньте и сами отсюда не уходите, пока я вам не скажу. Не послушаетесь если, то всем го́ловы срублю.

Оне очень ёго забоялись и старика не тронули. А он скорым шагом пошол в дом. Приходит в дом:

— Здраствуйте, бароня.

— Здраствуйте, витезь.

Видит, што хто-то из военных. Посадила за стол, стала спрашивать, но ёго то не узнала:

— Ну, где ваш муженёк?

Он ей наперёд спросил.

— Муженёк наш уехал по указам чарьским, так как он цёловек военной, дак ёму приходитце ездить часто.

— А есть ли у вас какой старицёк живет?

— Есть.

— Ну, а где он сецяс?

— Да он сегодня дурака свалял, розрубил наверно свиней петьдесят, я ёго отправила на конюшню, велела розги дать.

— Позовите-ко ёго сюда.

— Да, не знай, жив ли нет.

Послала за им и сама как будто ростерялась.

Привели старика, и он стал спрашивать:

— Но, скажи, дедушко, чей этот дом, хто хозяин этому дому? (Он знат для чёго спрашиват — посмеет ли старик говорить!). Старик поглядел на нёго и заплакал:

— Но, скажу, дитятко, всё ровно мне не долго на свети жить.

— Но, поживём, дедушко.

А уж она стоит ни жива́, ни мертва́, сбелела вся.

— Да, дитятко, раньше то был этот дом мой, я был купець. А топерь правит домом генерал, а уж она меня положила свиней пасти.

— Ну топерь ты мне ище скажи: было́ ли у тебя из семьи кого?

— Да, дитятко, был у меня сын. И вот выростил он в молодых летах коня, да попросил меня по Невскому проехать, и с тех пор ёго нету. Да и к луччему, хоть здесь не мучитьце.

— Так вот, дедушко, ты не спознал сына своёго́.

— Да где мне спознать, как он уехал маленьким, а топерь уж мужик че́лой.

— Ну, дак вот я есь твой сын, и приехал за тобой. А с тобой, голубушка, я сецяс рощытаюсь за то, што ты меня хотела уходи́ть, а потом над отцём надрыгалась.

Так сеця́с ей берёт за́ косы и берёт верёвку и повесил ей за́ косы. Потом взял отця, вышел из дому и дом запецятал.

— Этот дом мой и моего отця, а не какого нибудь енерала, и в ёго нихто не имеет права заходить.

Потом распродал все магази́ны и с отцём вместе поехал в чарьство.

Приежжает в чарьство, увидала жона и чарь встретил их и устроил пир.

Потом чарь передал ёму чарьство и он жил на чарьстви до глубокой старости.

34. ВИНОГРАД ВИНОГРАДОВИЦЬ

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви жил был нарь. И у чаря была доць — красавиця прямо в мире первая. И вот она так в единастви росла, што не видала никого, только нянюшки ей охраняли. Она вела себя хорошо, была, конечно, грамотна.

Ну вот, значит, когда она прожила до полного возрасту, обеременела. И не знают от кого. А знаеш, как в прежно времё, даже и крестьянину было это неудобно, а уж чарю это было большой удар и сильнейшой стыд. Ну, што ёму делать? Он взял выстроил высокую башню, такую высокую, што выше в чарьстви не было. И кругом этой башни выстроил высокую каменную стенку. И посадил доць в эту башню. Дал ей туда онну нянюшку. Пусть она там живёт и свету не видит, коли она это сделала.

Когда он ей посадил тут, времё подошло, што пришол ейной день рождения. Она сидела в этой крепости. И вот она приносит двух сыновей и спрашивает у нянюшки:

— Ну каки имена даём мы нашим сыновьям?

Ну оне были оба равные, уж как однобрюшные.

Вот она и спрашивает у нянюшки:

— Ну скажи, которой перьвой родилсе?

— Да вот этот.

— И вот которой в перьвых родилсе, то дай ёму имя Виноградом, а которой вторым родилсе, — пусть будет Виноград Виноградович.

И робята стали так быстро рости, што не по дням, а по цясам, как цяс, так бо́ле. Ну, когда им сполнилось три года, то оне были порядочны мальцики. И она их стала уцить грамоты.

Вот когда оне проуцились два года — им стало уже по пять лет. Оне вычитали в книгах, што где каки города есть, каки чарьства и люди живут, однем словом, все науки прошли.

Раз оне приходят к матери и говорят:

— Мама, поцему же мы живём и не видим свету никогда, а ведь мы знаем по науки, што есть и свет, люди, города, леса и моря.

Тогда она заговорила им и сама заплакала:

— Ой, дети, дети, я уж пять лет не видала свету и вам веки не увидеть будет ёго.

Тогда оне ей и говорят:

— Мама, благослови нас, мы пойдём свету искать и найдём людей.

— Нет, дети, вам не найти будет свету. Кругом нашей башни обнесе́на высокая каменная стена, и вам не выйти из ней никогда.

Тогда оне ей сказали:

— Мама, ты всё-таки укажи нам, где двери, мы пойдём.

— Я вам укажу двери, подите с богом, буде жалаете.

И вот она указала им двери и оне вышли. Вышли и видят, што каменная стена кругом глухая и свету не видно. Тогда заговорил Виноград Виноградович, ме́ньшой брат:

— Виноград, брат, становись на мои плеця́ и ударь ногой в стенку, наверно, будет нам путь.

Тогда Виноград стал на ёго плеця́, тот немного приклонилсе, и ударил правой ногой и россыпалось несколько камней и очутилсе свет. Теперь говорит ме́ньшой брат Виноград Виноградович:

— Ну, пойдём, свет ви́дно стало.

— Нет не пойдём, — заговорил Виноград, — вернёмсе к матери, попросим ей, штобы она вышла с нами вместе.

И оне вернулись, зашли обратно в темницю. Вот приходит старшой брат Виноград:

— Но мама, скажи нам, каких мы есь родов и хто мы есь, мы топерь пойдём, и ты, если жалаеш, поди с нами.

— Што вы, дети, куда вы пойдите́, кругом глухая каменная стена!

— Топерь хош на тройке поежжай, мы такую путь устроили. И скажи нам, каких мы родов, мы тебя спрашиваем.

— Ну, сынки, коли вы хо́тите итти — идите́, а я с вами не пойду. А будут вас спрашивать, каких вы родов, каких городов, скажите — родов мы салдацьких, а городов не знаем.

Дальше оне роспростились с матерью и пошли путём-дорогой. Пришли оне к морю. И увидали на мори у берега замывши корабь в песок. Корабь был целой, паруса и всё в исправности, наверно выкинуло ёго бурей. Вот и говорит старшой брат млаччему.

— А што, брат, достанем этот корабь, поплывём по морю, уж нам этта ждать не́цёго.

— Да вот достанем, — заговорил Виноград Виноградовиць.

И оне кряду, один за корму, другой за нос, прижались и подняли ёго и спехну́ли в воду (ницёго была у робят силы, да и много ей им надо было; побилсе этот Виноград Виноградовиць то!). Вышли на корабь, посмотрели — всё исправно. Коё-што исправили и пошли в морё. И и́дут оне, не знают, долго-ли, близко и́дут. И вдруг увидали чарьство.

— Давай зайдём в это чарьство.

— Давай, зайдём, — отвецяет другой брат.

Пристали. И вытащили этот корабь на сушу или хош на́ гору.

— Што ёму тут на воды быть, пусть сохнет.

Вытащили корабь и самы пошли, и вот и спрашивает млачий брат:

— А куда мы, брат, сецяс пойдём?

— Куда пойдём, надо итти к чарю, — отвечает Виноград Виноградовиць, — надо поискать у нёго какой-нибудь роботы, сам знаеш, надо нам как-нибудь кормитьце.

Вот и оне йдут прямо в чарьство. Приходят на чарьской двор и стречаетце йим чарь. Оне здороваютце, конешно.

— Здраствуйте, ваше чарьское величество.

Посмотрел на их чарь и сказал:

— Здоро́во, бравы молотцы́, откуда попадаете и как вас звать?

Вот и заговорил старшой брат Виноград:

— Ваше величество, я как старшой брат, Виноградом меня зовут, а это мой ме́ньшой брат, ёго зовут Виноград Виноградович.

— Ну хорошо, топерь ы скажите мне, каких вы родо́в, каких городо́в.

— Ваше величество, мы родо́в, как от матери слыхали, салдацьких, а городо́в не знаем, как матерь наша ницёго́ про это не сказала.

Чарь пожал плецями и сказал им:

— Жалко, што вы родо́в простых, были бы вы из хороших родо́в, купецеських там, ли боярских, ли княжеских, я бы провёл вас на хорошую должность, а топерь скажите, што вы можете делать и цему жалаете уцитьце.

Говорит старшой Виноград:

— Я, как старшой брат, Виноград, дак я могу быть конюхом.

— А вы, млаччий, Виноград Виноградович цему будете уцитьце?

— Я могу быть поваром, — тот ответил.

И вот так оне поступили на свои места: один поваром, а другой конюхом. Виноград Виноградович жил на кухни или на пова́рни, там и ёго цясто видала чарьская доць и оцень ёго полюбила. Видит, што парень хорошой, становитой. Потом, один раз опеть же ёго стала спрашивать:

— Каких ты есть родо́в, каких городов будеш?

А он отвецяет ей:

— Я не знаю, прекрасная цяревна, как слышал от матери — родов салдацьких, а городов не знаю каких.

Она потом ёму и говорит:

— Напрасно ты от меня скрываеш, Виноград Виноградович, я в это плохо верю.

— Ну, как хоти́ш.

Потом она пошла к отцю и говорит:

— Ну, папа, как хоти́ш, а я пойду за Винограда Виноградовича замуж. Отдаш — пойду, и не отдаш — пойду, всё ровно пойду, даже без нёго я жить не могу.

И вот выслушал отець и говорит:

— Правда, доць, парень Виноград Виноградович хорошой, мне и самому он нравитце, но ты молода́ и не знаш, он роду простого, а городов даже и не знат каких.

— Ну, всё ровно, он мне ндравитце.

— Ну, дак што же, доцька, поди с богом, ёму пока хоть цин какой придётце дать, и он будет жить на жалованьи, проведём ёго наперёд в енералы.

И он пишет сецяс же приказ.

— Провести такого то Винограда Виноградовиця в енералы.

И, конешно, подаёт. А эта цяревна пошла к Винограду Виноградовичу, пришла и говорит:

— Ну, скажи, Виноград Виноградович мне топеричу правду, любиш меня или нет, — конешно, отóзвала ёго и сказала наедине.

— Слушай, прекрасная цяревна, вы может быть смеетéсь надо мной, как я такого низкого роду. Я, конечно, люблю тебя, но боюсь это сказать, штобы для вашего высоцества было не обидно.

(Товар прилюбитце, дак и ум отступитце — жонитьце будет и брата на свадьбу не позовёт).

Она говорит:

— Прекрасной мой Виноград Виноградович, если бы я тебя не любила, дак не предлагала бы самой себя.

Потом подаёт ёму руку.

— Батюшко тебя любит и отдаёт меня за тебя замуж, пойдём к нёму.

И вот оне пришли оба вместе, заевились.

— Ну, дети, любите друг друга и живите щáсливо. Ты, дорогой зять Виноград Виноградович, живи пока енералом, а потом получиш полчарьства и станеш впоследствии на чарьство.

Сецяс оне устроили пир и нацяли играть свадьбу. Вот наш Виноград Виноградович играет, конешно, свадьбу, а брата

своёго́ забыл и не пригласил на свадьбу. Когда это окончилось всё, Виноград Виноградович стал жить со своей жоной.

Потом, немного времени прошло, приходит к нёму брат.

— Здраствуй, Виноград Виноградович.

— Ой, здраствуй, братець, извини меня, я как топерь жонилсе на цяревны и забыл тебя совсем.

— Ну, ладно, жонилсе, дак и живи́те с богом.

Посадил ёго за стол и приносит угощенье, тот говорит:

— Нет, брат, я уж как не пил, дак и пить не стану, дай мне лучче стакан холодной воды.

Вот он приносит холодной воды стакан и ставит стакан на стол. Когда поставил стакан на стол, старшой брат и сказал:

— Ну, брат, смотри: когда в этом стакани будет вместо воды кровь и эта кровь польётце из стакана на стол, знай, што меня живого не будет, и тогда приежжай, выручай меня. Досвиданья, я ухожу, уж коли ты не по́звал меня на свадьбу.

С этима́ словами вышол из чарьства, и приходит к этому кораблю, где он был вытянут у их на берег. И берёт ёго. С берегу спехну́л и стал по ветру спускатьце, куда ветер несёт. И вот шол, шол, и пал такой сильной шторм, што ёго кидало корабь как щепку. Потом ёго корабь каким-то путём попал на́ мель и тут ёго рострепало. Но земля была недале́ко и тут Виноград стал попадать на берег, хотя ёму и трудно было, но всё-таки до́плыл. Когда до́плыл до берега, он так обессилил, што долго лежал без чуства. Когда опомнилсе, пошол вперёд и видит стоит город. Он пошол в этот город и как раз угадал в чарьство. Когда он зашол в чарьство, то видит, надо зайти в трактир, с дороги хоть обогретьце. Зашол и заказал там пивця, закусить и немного водоцьки.

Вот сидит себе, выпивает, а против ёго сидят два каких-то товарыща и россуждают промеж собой:

— Знаеш што, товарыщ, какоё дело у цяря предстоит?

— Да не знаю, а што?

— Вот чарь хочет што устроить: штобы кругом цярьского дворця протекла река Нева, и по реки Невы штобы плавали кораблики и уточьки, и штобы черезь реку Неву устроить мост серебреной, позолотить ёго золотом, поставить перильця

тоцёны, маковки позолоцёны, и штобы на кажной маковки сидели пташки и канарейки и пели на разные голоса́, когда едет цярь по́ мосту. А за это он отдаёт свою доць замуж и наделит ёго полцярьством, хто это исполнит ёму. Ну, а если возьмётце да не исполнит, конешно, потеряет свою голову.

Другой товарыщ говорит ёму:

— Едва ли найдетце такой мастер.

Виноград всё слушал, немного подумал и себе и говорит:

— Дай возьму я подряд у цяря.

И пошол к цярю, ницёго не говоря этым товарыщам. Пришол к цярю и говорит:

— Здраствуйте, ваше величество.

— Здраствуй, молодой цёловек, как вас звать, и зачем пришли ко мне?

— Звать меня — имё простое, зовут меня Виноградом.

— Ну, каких ты родо́в, каких городо́в?

— Городо́в, как я слышал от матери, не знаю, а родо́в салдацьких.

— Топерь скажи, зацем ко мне пришли?

— Вот я зацем, ваше величество, пришол к вам: я слышал, што у вас есть робота. Может быть, будет мне подходящая, дак я возьмусь.

— Есть у меня робота, если бы ты мог ей исполнить, дак был бы у меня дорогим гостем — я тебе ей сецяс скажу. Вот такоё дело, Виноград, надо сделать, штобы кругом моёго́ дворця протекла река Нева, и по реки Невы штобы плавали кораблики, утоцьки разные, и кроме того церезь реку Неву выстроить мост серебреной, позолотить ёго золотом, поставить перильци тоцёны, маковки позолоцёны, и на кажной маковки штобы сидели пташки канарейки, пели на разные голоса, когда я поеду по мосту. А за это отдам я за того доцерь в замуж и наделю полчарьством, а впоследствии будет чарём на чарьстви. А если не исполнит, да возьмётце, знацит, голова с плець.

Виноград всё слушал и потом ёму и говорит:

— Ну што же, я возьмусь делать, ну только с условием, насколько ты даш мне строку, и думаю, што сделаю.

— Дак вот, сколько ты, Виноград, строку просиш?

Виноград подумал немного и отвецял:

— Так што в три года я могу сделать, робота не ма́лая.

Цярь заговорил:

— Ну, хорошо, роботай в три года, но помни, што если не сроботаш, дак што я тебе говорил.

— Ладно. Топерь, ваше величество, напишите приказ полковнику, штобы я мог выбрать себе из полка салдата, какого мне надо, а потом я скажу дальше. И когда я выберу себе этого салдата, розрешите нам с им безданно, беспошлинно пить и гулять все три года, штобы вы уплацивали за все эты три года.

Тогда цярь сказал:

— Конешно, надо розрешить, ведь вам цем-ни питатьце надо.

Потом даёт приказ полковнику. И вот он с этим приказом приходит к полковнику. Тот процитал и сразу велел поставить весь полк, потом сказал:

— Но, Виноград, выбирай какого тебе надо салдата.

И вот сецяс он пошол по полку́. Выбирал, выбирал и выбрал одного цёрненького салдата, небольшого роста, звать Иваном.

— Пойдём, Ванюша, в город.

Зашли к перьвому трактиру, заказали вотоцьки и начинают выпивать. И так проводят месець из трактира в трактир, из трактира в трактир. Однажды спрашивает этот Ванюша:

— Дак што, Виноград, мы будем делать то? Ведь только пьём и ницего не делаем.

— Слушай, Ванюша, ты об роботы не думай, нам надо выжить строк три года — пей, гуляй, а там будет што будет. Што будет мне, то и тебе, может быть и го́ловы потеряем.

Салдат подумал:

— А хоть голову потом потеряю, да за то эты три го́да ве́село проживу.

И так оне провели целой год, но робота нисколько у их не подвинулась. И провели другой год челой, опеть и спрашивает Иван:

— А когда же мы будем роботать то, Виноград? Да ты бы мне хоть обсказал, какая будет робота.

Конешно, Виноград ёму обсказал, какая будет робота — салдат и говорит:

— Но уж теперь нам не миновать — потерять го́ловы.

— Но ладно, попьём, погуляем, а там пусть што хош будет, всё ровно.

И вот прошол последний год, оставаютце одне сутки, завтро надо роботу сдать. Зашли оне в трактир, и больше Виноград не пьёт. И спросил ёго Иван:

— А почему ж ты, Виноградушко, сегодне не пьёш?

— Нет ты уж пей, а я сегодне не буду.

— Ну ладно, а я напьюсь, хоть пусть уж у пьяного голову отрубят, дак не так страшно.

И вот оне провели весь день, потом салдат осталсе пить-гулять, а Виноград провёл до полно́ци времё и вышел. Вышел и сказал:

— Дедушко мой, евись ко мне.

И вдруг евилсе старицёк, поклонилсе в пояс и сказал:

— Чего тебе надо, Виноградушко?

— Дедушко мой, взялсе я чарю за роботу, и надо ей исполнить; вот што чарю нужно: штобы кругом егонного дворця протекла река Нева, и по реки ходили кораблики и плавали утоцьки разные, и кроме того, надо черезь реку Неву построить мост серебреной и позолотить золотом, построить перильця тоцёны, маковки позолоцёны, и штобы на кажной маковки сидели пташки-канарейки и пели на разные голоса, когда чарь проедет по мо́сту; и кроме того построить мне золотой дворець с надписью, и построить хрустальной мост от моего дворця до цярьского дворця, а за это за всё он даёт мне доць и полцярьства.

Теперь дедушко поклонилсе ему в пояс и говорит:

— Ну, Виноградушко, теперь напейсе квасу, да ложись спать без опа́су, а утром ставай, да работу сдавай.

И вот Виноград ушол, напилсе и повалилсе спать. Спал, спал, как глаза скинул, смотрит, уж он в золотом дворце в своей спальни; скоцил, молотоцик схватил и выбежал на

хрустальной мост и хряпнул там, потом выскоцил и побежал дальше. Смотрит: река Нева, по реки плавают кораблики и утоцьки, построено всё по договору цярьскому. Да, и ходит он по мосту золотому, молотоцьком постукивает. Времё уже деветь цясов утра. И пошол к цярю.

— Ну, ваше велицество, можете принять мою роботу — вышел строк и робота концена.

Чарь как зглянул в окно, и видит, всё переменилось. И не только мостик и река построена, а даже дворець золотой и с надписью Виноградовой. Посмотрел и сам удивилсе.

— Ну, Виноградушко, как ты за малое времё сроботал это всё и даже с добавкой, дак я боюсь ехать по мо́сту, поежжай-ко сперьва ты сам.

Вот тогда он сказал ёму:

— Ваше величество, дайте мне тройку лошадей и корету, я поеду и укажу, как надо ездить.

Сецяс же была подана корета, и Виноград скоцил и поехал. Да, поехал в ту сторону, пташки-канарейки не пели, он приходит назад и говорит:

— Ваше величество, уж коли я проехал, вы поежжайте и не бойтесь — все сделано не омма́нно и не фальшиво.

Тогда чарь сел в корету, поехал и сразу запели пташки и канарейки. Когда обратно приехал, то уснул, и ёго привезли сонно́го, так ёго утешили. И вот как он только проснулсе, то приказал себе позвать Винограда.

— Ну, зять мой Виноградушко, коли ты всё сумел это сделать, я даю тебе доцерь и полчарьства и впоследствии будеш чарём на чарстви, топерь соберу я пир.

И вот так черезь день уже пир был в разгари, и оне пиршествовали челых пять дней и не успел еще пир розойтись, вдруг приходит посёл из моря от бабы еги, костеной ноги, штобы чарь отдал в замуж дочерь старшу за ейного сына трёхглавого змея. „Если не отдаст, то сама приду, чаря в поло́н возьму, из пя́т жи́лья вытяну, до́мы хвостом росколоцю".

Цярь процитал, оцень испугалсе такого приказанья, гостям росказал. Гости оцень удивились и стали решать это дело: как, выдать ли чарьскую доць или отдавать по цёловеку на

съеденье змею. И вот как оне не решали, согласились на том, што лучче отдать онну чарьскую доць, цем отдавать по цёловеку, и он так загубит полчарьства. И так ей кряду же снарядили в чарьску корету и отправили к морю, а ейной муж, этой чаревны и говорит:

— Како есть у чаря правосудие, што от живого мужа жону уводят.

И сам пошол и заплакал.

Виноград взял свою жону и отправилсе домой, ницёго им не сказал. Вот пошол, конешно, поужинал и повалилсе спать. Приходит полно́ць, и он вышел на крыльцё:

— Дедушко мой, евись ко мне.

Вот приходит к ёму старицёк.

— Дедушко мой, скажи мне, вот топерь проклятое цюдовищо унёс цярьскую доцерь, дай мне силы и могуты́ и мець-кладенець, я поеду спасать цярьскую доцерь.

— Ну, ланно, Виноградушко, поежжай. Сецяс же иди в ци́сто полё, там найдёш камень и под этим каменем всё, што тебе надо. Возьми там две бутылоцки и выпей по рюмоцьки из кажной бутылоцьки, и больше не пей, тебе больше силы не надо будет. И тебе, Виноградушко, придётце ездить три раза́, ну когда поедеш в третий раз, то так не поежжай, спомни меня.

И дедушко скрылсе.

Так. И Виноградушко пошол. Приходит к этому камню, выворацивает ёго и выводит оттуль вороного коня. Одел потом латы богатырские, опоясал мець-кладенець и выпил из кажной бутылоцьки по онной рюмоцьки. Почуствовал в себе силу и скоцил на коня (и нихто не будет знать, што он ездит). И вот кряду же достиг свою неве́стоцьку и крыцит:

— Вернись, прекрасная чаревна, пока тебя песком не занесло.

Она и говорит:

— Напрасно ты, доброй витезь, меня обжалел, коли я уж отправлена на то, штобы умирать.

— Ну, воротись!

Взял ей, вернул обратно в чарьство, сам поехал дальше. Приежжает к морю и вдруг видит, што вода ставает уже раз, другой и третий. На четвёртой вылезает змей.

— Фу-фу, я ждал прекрасной чаревны, а мне послали Винограда. Нет, — напрасно ты приехал, Виноградушко, ты бы тогда поехал, когда твою жону повезут.

— Ну ланно, — ответил Виноград, — надо вас отучить, штобы вы не ездили в цярьство жонитьце.

Змей озлилсе и бросйлсе на нёго. Виноград с перьвого раза ударил ёго мецём и зараз сосёк у ёго две головы. На другой раз остальнюю, и россёк туловищо на мелкие цясти. Потом вырыл эти цясти в морё.

— На́ тебе, баба ега, цярьскую доцерь в замужество.

Сам сел на лошадь и поехал обратно. И вот он токо сел, выехал недалёко, смотрит, завязла чарьская доць, змея поганая ей завела в песок. И он подправил корету скорее, вытащил ей из песку, а сам скорее поехал домой. Сецяс приежжает на то место, отпускает лошадь и зашол домой, повалилсе спать.

И вот вдруг приежжает эта чарьская дочь домой обратно, чарь так обрадел, што сецяс же устроил пир.

И вот Виноград спал два дня, стал и позвали ёго на пир, он тоже пошол на пир со своей жоной. Да, вот оне сидят, веселятце на пиру́ гости все; токо пир начинает отходить, и вдруг приходит посёл опеть от моря, от бабы еги, костеной ноги. Опеть же баба ега, костеная нога просит вторую дочь в замужество за шестиглавого змея и стращает: „Если не отдаст, как и в перьвой раз, то сама приду, всё чарьство прижгу, чаря в полон возьму, до́мы хвостом росколочу".

Чарь конешно, опеть же испугалсе, и кряду же повезли вторую доч к морю. Виноград отправилсе с жоной своей в свой золотой дворець. Пришли они, конешно, и повалились спать. Вот токо жона заснула, он в полно́ць вышел, взял своёго́ коня и поехал. И вот сецяс достиг опеть эту чаревну и кричит:

— Воротись, прекрасная чаревна, пока тебя песком не занесло.

Она плачет и говорит:

— Всё ровно уж мне гибель.

— Нет, нет, воротись, я приказываю.

Она остоя́лась, а он поехал к морю.

Вот змей опеть же такую погоду поднял, што её всю песком занесло, её корету, она не уехала никуда.

Вот он приежжает к морю, и поднимаетце, видит, вода. До шести раз поднялась, а на седьмой выходит змей и заговорил:

— А, ты брата убил, Виноград, а меня не убьёш, я с тобой поступлю ина́це.

Отвецяет ёму Виноград:

— Отучу и я тебя ездить, как отучил брата, в чарьство ездить жонитьце.

И броси́лсе на нёго. Перьвой раз отрубил ёму три головы мецём и за второй раз отрубил две; в третий раз отрубил и последнюю. Розрубил ёго всего на мелки цясти и броси́л в морё и сказал:

— На́ тебе, поганая баба ега, в замужество чарьскую дочь.

Сам сел на лошадь и поехал. Поехал сецяс и догнал опеть эту чаревну, видит, што ей опеть в песок занесло, и корету. Отпряг коня, вытащил ей из песку и отправил домой. А сам поскакал тоже домой. Прискакал домой, отпустил своёго́ коня, а сам повалилсе спать. Спал он четверо сутки беспробудно. И вот приехала эта вторая доць и оцень цярь обрадел, што не взял ей поганое чудовище в замужество. Опеть же собирает пир, нача́ли веселитьце. И вот все гости на пир собра́лись, токо не было одного Винограда. Сецяс же он сам побежал за Виноградом, за дорогим своим зятем. Пришол когда, увидал дочерь свою и говорить:

— Што же вы дочка, не идите́ на пир со своим Виноградом, когда вы приглашо́ны в перьвую очередь.

То она отвецяет ему:

— Слушай, батюшко, я бы рада пойти к тебе на пи́р, но не могу оставить Винограда сонно́го дома, он спит уже четвёртой день, пока не проснётце, я не пойду.

— Ну, так ланно, пускай проснётце, мы и обождём.

Вот прошло четыре сутки, Виноград стал. Она сказала:

— Где ты, Виноградушко, ездил, как ты крепко спал.

А он ей сказал:

— Прекрасная чаревна, узнаеш потом, где я ездил, а пока не спрашивай, пойдём на пир.

И так оделись, пошли. Приходят на пир, конешно, все ёго встретили, посадили за стол, пошло у них весельё, нача́ли проводить пир. И вот ве́село провели этот пир, токо хотели расходитьце, то опеть пришол посёл от моря с письмом от бабы еги, костеной ноги. И вот пишет баба ега, костеная нога: „Ме́ньшую везите чарьскую дочь за деветиглавого змея в замужество. Если не привезёте, то сама приду, чаря в поло́н возьму, всё чарьство прижгу́, до́мы хвостом росколочу".

Тогда чарь подошол к Винограду:

— Ну, што я, Виноградушко, буду с тобой делать. Ты мне такую службу сослужил, устроил мостик, реку Неву и себе золотой дворець устроил, и как я могу твою жону отдать, посудите сами.

А он отвецяет, Виноград:

— А што же, ваше величество, моя жона ника́к отме́нная, ведь и те вернулись, пускай испытает своё щастьё, может и она вернётце.

И вдруг жона залилась слезами, начала обнимать, ласкать ёго, прощатьце со своим Виноградом. А он ей и говорит:

— Слушай, дорогая, поежжай, не плаць!

— Да тебе и не жаль меня, я и плакать не буду, и прощатьце с тобой.

— Да чего плакать, нихто слезам не верит, и вот вернёсєе обратно и хорошо!

Она еще больше обиделась, што муж её не жалеет.

Вот средили ей и отправили. И вот он пришол домой и вот проводит време до по́лноци. Встал, оделсе и вышел на крыльцё, вспомнил про дедушка и сказал:

— Дедушко мой, евись ко мне!

Вдруг перед ним стоял дедушко.

— Топерь, дедушко, увезли у меня жону змею деветиглавому в замужество; как мне топерь делать, надо наверно мне еще силы-могуты́ прибавить.

— А вот што, Виноградушко, тебе силы больше не надо, тебя конь не понесёт, а этой силы тебе довольнё, поежжай так. Когда этого змея ты убьёш, отрубиш го́ловы все, то головы будут кататьце по земли, а ту́лово по́дниметце кверьху. Когда туло́вище подниметце кверьху, а го́ловы буду́т кататьце по земли, то как голова с головой сто́лкнетце, то и сростутце, ту́лово падёт на них сверьху, и змей оживёт. Ну не допускай до этого, второй раз змея тебе не убить будет. А если струсиш, то конь тебе покажет, што делать. Ну, поежжай.

И вот он сел на лошадь и поехал и догони́л свою жону.

— Ну, прекрасная чаревна, поверни обратно.

— Напрасно ты меня, доброй рыцерь, пожалел, коли не пожалел свой родной муж, отправил меня змею в замужество.

Тогда он соскочил с лошади, повернул её корету и сказал:

— Ну, поежжай обратно!

Она ёго, конешно, не узнала, а он поехал к морю и вот он приехал к морю смотрит: уже нацинает вода ставать. До девети раз вы́стала, на десятой выходит змей и заговорил:

— Ну, Виноград, ты уж двух брата́нов убил, меня не убьёш, тебе я буду со́лоно́й.

— Слушай, поганое чудовище, я и тебя отучу, как ездить в чарьство жон доставать, да стращать чаря таки́ма слова́ми.

Тогда змей очень озлилсе, броси́лсе на нёго. И вот он ударил ёго мецём, с первого разу отрубил три головы, на второй три головы, на третий раз отрубил две, а на последний раз еще одну, на цетвёртой. И вот кряду же туловище поднялось кверьху, а го́ловы закатались по земли. И как голова с головой сто́лкнетце, то и сростётце. То он сильнё испугалсе.

— Ну, уж если он топерь сростётце, то мне ёго не убить будет.

Конь увидал, што Виноград струсил, подбегает, да как ударит копытом голову, то сразу размножил, она и не шеве́-

литце больше. Виноград сразу понял, што делать, и давай головы копьём колоть, а конь помогал ёму. И вот он как токо головы эты уничтозыл все, то туловище упало на́ земь, так сильно, што ёго немного задело, обранило у нёго руку и у коня ногу. Ну, он сел и поехал на лошади́ вперёд. Приехал и смотрит, што жону песком занесло настолько, што еле корету было видно. Он слез со своёго́ коня, откопал ей из песку, отправил своего коня, а сам зашол к ней в корету.

Когда он зашол в корету, поздоровалсе и он ей предложил:

— Вот што, прекрасная чаревна, вы меня топерь полюбите, как я спас вас всех се́стер, тем более пожалел тебя еще́ в таких молодых летах.

Топерь она и говорит ёму:

— Слушайте, доброй витезь, за это тебе большое спасибо, што ты спас нас всех се́стер, но на это я не соглашусь, как я есь законная жона и не могу этого вынести. Вы, как сильной цёловек, богатырь, можете со мной всё сделать, ну только я не соглашусь.

И залилась слезами. Топерь она еще добавляет.

— Слушай, доброй витезь, ты лучче поежжай в чарьство наше, куда я еду, тебя батюшко щедро наградит, даёт тебе што ты захочеш, а уж я на это согласитце не могу.

— Топерь знаеш што, прекрасная чаревна, хорошо, обвяжи у меня руку раненую, я поранил.

Она вынула платок и обвязала ёму руку.

— Топерь выйди из кореты и обвяжите у моёго́ коня ногу.

Она вылезла из кореты и обвязала коню ногу. Топерь она села опеть в коре́ту и поехала спокойно домой, и он пое́хал.

Приежжает домой, завёл коня в конюшню, сам написал записку: „што ежели хто меня раньше девети суток розбудит, у того голова с плець“ — и сам завалилсе спать. Вдруг не черезь до́лго приежжает жона на чарьской двор. И вот жона когда приехала, увидал чарь, што приехала ёго любимая доць, сецяс же приказал собрать пир. Она спросила:

— Што, батюшко, видал ли ты Винограда?

— Нет, не видал.

— Ну, наверно лежит, бедняжка, печалуетце, што меня нет.

И пошли вместе с отцём своим. Вот когда вошли оне в дворець золотой, то кряду же побежала в спальну. А отець остался в комнаты и процитал письмо: „што если хто розбудит меня раньше девети суток, то голова с плець". И отець кряду же побежал в спальну.

— Доць, доць, не буди ёго, он топерь будет спать деветь суток, это он всех сéстер спасал и тебя тоже.

— Да, да, это он! — она ёму кричит и начинает ласкать и обнимать Винограда.

— Ради бога не буди, а еще проснётце, розрубит всё наше чарьство.

И оны оставили ёго отдыхать, а она отцю сказала:

— Он спас всех нас сéстер, и мы не ездили к морю. А последний раз, когда я поехала, то он зашол ко мне в корету рáненой и пытал на разные штуки, но я ёго, конешно, не узнала.

— Ну, ланно, доцька, пускай спит, а мы сецяс пока пир собирать не будем.

И вот обождали, пока он проснулсе. Чарь и говорит:

— Ну, зятюшко, уж ты мне сослужил топерь последнюю службу, мы токо сецяс узнали. А топерь пойдёмте на пир. Уж я тебе отдаю совсем престол.

И оне пошли с жоной на пир. И вот, конешно, приходят оне на пир, нацинают веселитьце. И пир продолжалсе у них шесть дней. И все веселились и хвалили Винограда, што он спас всё чарьство и нихто не знал, даже чаревны, токо жона смотрела ёму в глаза и улыбалась. За то она улыбалась, што спомнила, как он зашол к ней в корету, но она ёго не узнала, ну никому ничего не сказала.

Вдруг опеть посёл приходит от моря, от бабы еги, костеной ноги, приносит письмо. Чарь прочитал и сказал:

— Вот то мне беда, эта окоянная баба ега опеть всех зовёт нас на пир — вместе с Виноградом и, если не приедем, то

обещает то сделать, что и на перьвой кон. И ище пишет, пусь сделает до полморя мост и деветь корет одинаковых, и деветь кучеро́в одинаковых, и деветь ко́ней одинаковых, штобы все были рост в рост, одной масти, и даёт строку только три дня.

И вот чарь конешно уже говорит:

— Беда, однако, мне эта проклятая баба ега!

И вот начинает делать деветь корет, и кучеро́в подбирает, а Виноград ушол с жоной домой, ёго это дело не касаетце, это не ёму.

Вот колько оне не выбирали ко́ней, но найти не могли во всём государьстви и также корет и кучеро́в найти не могли, и мост колько не делали, всё розмывало. И так прошло двое сутки, и чарь сильно испугалсе. Ничего не вышло из евонной роботы. И пришол к Винограду сам.

— Ну, Виноград, как нам поступить, я ничего не мог сделать, пособи, што можеш, а уж не можеш, то я и не знаю, што делать.

Тогда ёму сказал Виноград!

— Ну, обожди ноць, а там видно будет.

И вот он дождалсе ноць, вышел в полно́ци на крыльцё и говорит:

— Дедушко мой, евись ко мне!

И кряду же евилсе дедушко и сказал:

— Ну, што тебе надо, Виноградушко?

— Вот што, поганая баба ега опеть нас просит, штобы мы приехали к морю и построили мост, и привезли деветь корет одинаковых, и деветь ко́ней одинаковых и деветь кучеро́в одинаковых. Подобрать чарь не может, можеш ли ты это сделать или нет?

То дедушко ёму и говорит:

— Ну, эты кучера́, кореты и ко́ни скоро будут, ну мосту ты не делай, я тебе не советую. Так што если ты сделаеш мост, то назад не приедёш. А вот это будет всё к завтри готово к утру́. И как соберёссе ехать, то там у моря увидиш, стоит баня старая, и снимай у этой бани три десни́чины и когда загони́ш лошадей своих на две, а третью настилай, те

созáди обирай, да вперёд настилай, так и поежжай. А там гляди в оба, а мóсту не надо, а то и не приедеш. Ей не чарь важен сгубить, а важен ты, злость у ней есть, што сгубил ты у ней сыновей всех. Она уж топерь вас просит на омман. И вот когда ты приедеш туда к ней, она посáдит вас за стол, нацьнёт угощать: там скатерти брáны, напивки, наливки, разные вина заморские. И вот ты не будеш йисть, она так устроит, што гостям кажет — што еш, а ты ничего не будеш йисть, токо одни кости сосёш. А потом будет вас угощать ходить, начнёт с чаря: „Вот, сватьюшко, поеш, покушай, гости, поеш, покушай, и Виноградушко, поеш, покушай". Тут ты и не зевай, хвати ей так, штобы у ней глаз выбил, скоци на стол и скажи: „Гости, собирайтесь". И все вы будете на мосту и поедете обратно. А она опеть за вами. Тут ей ты сунь и другой глаз.

И вот ушол дедушко, а он повалилсе спать. Проспал до утрá, вы́стал и видит: уже всё готово. Пришол к чарю и говорит:

— Ну, батюшко, у меня всё готово, кореты и кóни, и кучерá.

Чарь очень удивилсе, как это у нёго всё быстро рождаетце, и собрáлись все и поехали к морю. И вот приехали к морю, то моста не было нисколько, то чарь и спрашивает:

— Слушай, Виноградушко, как всё же мы топерь поедем?

— Погодите, устроим ваш путь и дальше.

Сецяс он выходит, берёт три десни́чины из этой бани, устраивает две в воду и вы́гонил эти все деветь корéт. И вот он берёт созáди и постилает, так и ехали. Вот когда они достигли до полмóря, то раскинулась вода и образовалась земля. Видят, стоит медной дворець, у ворот стоит баба ега и кланяетце.

— Сватушко, сватушко, ваше велицество, хлéба-сóли кушать, зятюшко, зятюшко, Виноградушко, хлéба-сóли кушать.

И топнула ногой, слуги сецяс накрыли на стóл и гости сели угощатьце, а Винограду она устроила и вот пошла по всему столу кланятьце.

— Сватушко, поеш, покушай, зятюшко, поеш, покушай, Виноградушко, поеш, покушай.

Его такоё зло взя́ло, што дал ей как следует, правый глаз вышиб. Она три раза перекувырнулась, озлилась, топнула ногой.

— Сеця́с же штобы все гости были на мосту́.

И вдруг гости образовались на мосту́. Пускает баба ега на́ мост, начинает их топить, то дал ей Виноград второй раз и вышиб второй глаз, она перекувырнулась, упала в море и сказала:

— Ну, ща́слив ты, што не сделал мост, не быть бы тебе живо́му, всех бы затопила.

Топерь оне приехали на́ берег, выложил Виноград эти мости́ны на староё место, сели на лошадей и поехали в чарьство.

Когда оне приехали на го́ру, все гости со своима́ доцеря́ми, с зятьями и гостями стали спрашивать:

— Почему ты, Виноград, дал бабы еги раз, што у ней, вылетел правой глаз?

— А вы когда сидели в гостях, видели, што я пил-ел?

— Видели.

— А нет, я только кости сосал, вот за то ей и дал раз, што у ней вылетел правой глаз, коль она меня пришла потчевать да дразнить.

Тогда сели на лошаде́й, на эты три тройки и поехали обратно в чарьство. Вот когда он приехал оттуда со сватьбы со своей жоной, то он повалилсе спать. И заснул он крепко, а конь у ёго стоял на дворе. Да, вот жона проспала́ ноць и ушла к отцю — думает, как он всегда долго спит, а тут ище с дороги, пускай он спит. Вот он спал, спал, глаза скинул и видит, што в комнаты бегат свинка, золота щетинка, и видит, што это не свинка, а ведьма. Он сразу догадалсе, скоцил, схватил мець и броси́лсе за ней. Она выскоцила на двор и броси́лась к морю. Он вслед выскоцил за ней, скоцил на коня и поехал в дого́н за ней. Жона и отець видели, што Виноград выехал на лошади́ со двора, но не знают куда.

И вот он за ней гонитце, а она бежит к морю. Когда она подскоцила к морю, он только хоцет схватить, как она зажрыцяла:

— Олёша кривой, помоги мне утопить Винограда.

Тот прибежал и оне схватили ёго вдвоем и утопили. Поло́жили на камень, а другой накатили сверьху и розжали ёго вместе с коне́м.

В это времё цярь Виноград Виноградович жил на чарьстви. И увидал он, што эта вода обратилась кровью и полилась по́ столу. Он сецяс же узнал, што погиб ёго брат. И сецяс же пришол к своей жоны и говорит:

— Ну, жона, скажи, есть ли у нас в чарьстви такой конь, што нихто на нём не е́жживал? Если есть, я поеду брата выручать.

Она спросила ёго:

— Слушай, Виноград Виноградович, куда ты поедеш и где будеш ёго искать? Ведь ты не знаеш, где он находитце.

Он отвецяет ей:

— Где бы он не́ был, это есть мой долг, што я должо́н ёго найти. Скажи лучче, где этот конь?

(Бабы, дак бабы и есть, сразу и сунутце перецить).

— Ну ланно, муж, коли та́к, я тебе скажу: я слышала от отця, есть у нас конь, стоит он по колен в земли, и на нём нихто не е́жживал. И в той же конюшни хранитце сбруя ёго и мець, и латы богатырские. Если можеш на нем ехать, то поежжай.

Кряду же он приказал конюху отпереть эты конюшни. Как конюх о́тпер только восемь замков, а уж девятой отпирал, он выбил дверь ногой, порва́л цепи и выскоцил на волю. Выскоцил на волю и стал перед Виноградом Виноградовичем, как вкопаной, почуял своёго́ хозяина. А Виноград Виноградович одел в это времё латы богатырские, обуздал, обседлал ёго и поехал. Жона только видела, как сел он, но не видела, как скрылсе.

И вот он кряду же броси́лсе к окиян-морю. И далеко ехал, окру́живал окиян-море и ницёго дорогой не стречал. Конь ёго нёссе как молния. И вот как раз наскоцил на поско́ки богатырские и поскакал, куда у богатыря ска́кано. И приежжает опеть же к морю и видит, што тут происходило сражение и по колен земля выбита.

— Ну, тут нихто больше был, как сражалсе мой брат Виноград.

И опеть же поскакал по следам, куды ска́кано у богатыря. И эты следы довели ёго до чарьства и привели ко дворчу Винограда (это следы как последний то раз он ехал, дак!) И вот как раз подскакал к дворцю и видит дворець с надписью Винограда. Он сошол с коня и пошол во дворець. Жоны Винограда дома не было. Он пришол в спальню к брату и повалилсе на кровать. Да, и вдруг немного погодя приходит жона Винограда, увидала спящого Винограда Виноградовича и броси́лась ёму на шею.

— Ну, скажи, мой Виноградушко, где ты ездил так долго, как мы все соскучились по тебе.

Он ей и говорит:

— Уходи, прекрасная чаревна, пока ты чела́, а то я тебе голову сказню.

Она отошла проць, залила́сь слезами и стала у ёго спрашивать:

— Ну, што же ты, мой Виноградушко, всегда ты был до меня доброй, да ласковой, а то́перь угрожаш такими словами, скажи хоть за што?

Он ей ище добавил:

— Уходи, уходи, пока чела́, будет времё, тогда поговорим обо всём, а топерь уходи.

Она заплакала ище пуще и ушла к отцю. Приходит она к отцю, а в это времё к Винограду Виноградовичу прибегает в спальню свинка, золота щетинка, узнала што приехал уж второй брат, хоцет и того погубить. Виноград Виноградович видит, што это не свинка, а ведьма, скоцил, схватилсе за мець и побежал за ней. Она на двор и он за ней. Она побежала со двора, он скоцил на коня и поехал в догóн. Она бежала оцень сильнё, но Виноград Виноградович не оставалсе и всё таки ей догонял. И вот как старалась, штобы ей в море броси́тьце, штобы позвать Олёшу кривого, но не успела. И вот он сгреб ей за волоса́ и вытащил на гору повыше. Бьёт ей мецём, а сам держит за волоса́. И до того он ей доби́л, што у ей из кажной шерсти́ны выступила кровь, градом полилась. И вот она потом смолилась:

— Слушай, Виноград Виноградович, не бей меня, дай воды мне испить, а там делай со мной, што хош.

(Знала, курва, как зовут ёго. Думала как с Виноградом, нет, этот не ломаной, покрепче будет!).

— А нет, не получиш, поганая ведьма. Ты вот скажи, где мой брат есть, тогда я тебе даю воды попить: нихто иной, как ты ёго погубила.

— Дай снацяла мне напитьце, а потом скажу тебе.

— Нет, снацяла скажи, а потом тебе даю напитьце.

Вот она и говорит:

— Твой брат зато́пленой в мори лежит на ка́мени вместе с конём, и другим каменем сверьху прида́вленой и роздавлен, как лепёшка.

— А это хто сделал, ты?

Она молцит. Он ей наця́л бить пуще старого. И вот он до тих пор ей бил, што у ей ручьём кровь полилась. Она опеть смолилась.

— Виноград Виноградович, дай мне воды попить.

— Нет, не даю, пока не достанеш моёго́ брата из моря на го́ру, до ти́х пор не дам.

Вот она и закричала:

— Олёша кривой, отверни камень и вытащи Винограда на го́ру.

И так сразу Олёша кривой приступил, вытащил Винограда и сам опеть ушол в воду.

Посмотрел Виноград Виноградович на своёго́ брата и наця́л бить опеть эту ведьму снова. До того он ей доби́л, што у ней полилась кровь, што из реки, она опеть смолилась:

— Виноград Виноградович дай мне воды испить, хоть с онну ложку.

— Нет, не дам, поганая, до тих пор, пока не скажеш, как моёго́ брата оживить.

— Скажу, только дай попить.

— Нет, не дам, пока не скажеш.

Потом она закрычала:

— Олёша кривой, притащи, там у меня есть под жорновами две бутылоцьки с живой водой и с мёртвой, принеси их сюда передай Винограду Виноградовичу.

И вдруг море заволновалось, и выходит Олёша кривой, несёт к Винограду Виноградовичу две бутылоцьки, а он в это времё подвил косы ейны по́д ногу и заступил к земли и в онну руку берёт бутылоцьку, а в другу руку захватил Олёшу кривого. И поставил бутылоцьки на землю. И взял Олёшу пополам пе́рервал (теперь будет ведьму пытать еще). И сецяс взял из онной бутылоцьки, конецьно, надпись была, мёртвой водой, тело срослось, помазал из другой и Олёша о́жил и ускоцил в море.

— Но, ты мне не больнё и ну́жен.

Сецяс подошол к своёму́ брату, спрыснул мёртвой водой, тело оцелело, спрыснул живой водой, то скоцил на́ ноги.

— Эх, долго спал, да в пору встал!

— Да́, брат Виноград, если бы не я, ты бы долго́нько ище поспал.

— Здраствуй братець Виноград Виноградович — это был твой долг, и спасибо, што ты ёго исполнил.

— Ну-ко, роскажи, брат, поцему ты заснул, где был и как очутилсе в мори?

Вот он нацинает ёму говорить.

— Да, брат, Виноград Виноградович, когда я был у ей в гостях в мори и приехал домой, повалилсе спать. И прибежала ведьма под видом свинки, золотой щетинки. Ну, и вот я хватил мець и погналсе за ней к морю. До моря догна́л ей, только хотел схватить, а она закрычала Олёшу хромого, и оне вдвоём затопили меня в мори. А теперь не знаю, где она есть.

Это всё Виноград Виноградович слушал:

— Ну, а где она сецяс, брат, есть?

— Ну, коли хоцеш знать, посмотри у меня под ногой што.

Он зглянул.

— А, вот она где, ведьма!

И вот оне принялись ей бить двое. Она уж была без памети. Потом оне взяли ей. Виноград Виноградович нагнул берёзу, а Виноград привяза. ей за́ косы к березе, и Виноград Виноградович опустил берёзу.

— Пусть теперь пове́трет!

А Олёша Кривой вышел из воды, когда братья уехали, нацял смотреть, когда она оттуль выпадет.

Вот оне приехали в чарьство, прямо во дворець Винограда. Когда пришли, только ступили в избу, жона увидала.

— На́, у меня топерь уж два мужа!

Она спознать не могла, который ейный муж. Обрадела сильнё, но не знает. Топерь, как только приехал Виноград, увидал чарь, пришол кряду к нему во дворець, посмотрел, а их двое за столом и тоже не может узнать, которой зять ёго́в. Топерь заговорил Виноград Виноградович:

— Вот ваше величество, выбирай которой будет ваш зять и вашей дочери муж, и ты, прекрасная чаревна, выбирай своёго́ мужа. Если не выбереш, то в чарьстви здесь ёго не увидаете.

Тогда чарь ухватил за голову себя и сильнё задумалсе. Оне обы были равны и лицём, всё равно што один. И жона залилась слезами, как услышала эту рець от Винограда Виноградовича. А оне друг на друга смотрели и похмы́ливали и выпивали изредка по бокалу вина. Топерь опеть же заговорил Виноград Виноградович:

— Да, прекрасная чаревна, если бы ты ище раз ко мне пришла, то я тебя бы убил, настолько мне было обидно, што ты жона не моя, и мне было не до тебя, а я приехал выручать брата.

Когда она узнала, што говорит брат мужа, она сразу броси́лась к Винограду на шею и стала очень просить, штобы он ей простил, што она не узнала ёго. Чарь в это времё стал на́ ноги и стал просить их к себе на пир. Ну, конешно, оне обещали.

— Придём!

И зять Виноград добавил:

— А я роскажу, где я был после.

Вот сецяс же на второй день пошли оне к чарю на пир. И на пиру́ на этом всё россказал Виноград, как он уехал из дому и как ёго затопила ведьма в мори.

— Брату было известно, когда мы росставались, што если што со мной произойдёт, то ёму будет знак. И вот он при-

ехал и спас меня, спасибо ёму. Топерь мы здесь оба на пиру́, я и брат мой Виноград Виноградович. Вот он тут сидит рядом со мной.

И этот пир, конешно, продолжалсе восемь дней, и от ведьмы не слышно было никаких приказаньев. И тогда чарь сказал:

— Времё тебе, Виноград, зять мой, стать на чарьство, я стал матёрой и отказываюсь от престола, а ты достоин этого. Если бы не ты, да не брат твой, Виноград Виноградович, то от нашего чарьства не осталось бы камня на камни.

Тогда сказал ему Виноград:

— Слушай, батюшко, пока я на чарьство не стану. Мне надо съездить к брату своёму́ в гости. Ты пока правь, а когда вернусь я обратно, тогда уж стану на чарьство. Топерь живите, не бойтесь ничего, потому што эта ведьма поднята в лесйну и сохнет.

Потом сказал брату:

— Ну, давай, брат, пойдём и простимсе с отцём и с матерью.

И сказал своей жоны:

— Собирайсе и поедем к брату в гости, ты ище там не бывала.

Вот оне сели на лошадей и кряду поехали. Прискакали они в то чарьство. Когда прискакали, тогда увидала жона Винограда Виноградовича и кряду броси́лась к им навстречу. Очень там все обрадовались и сели за стол и началсе у их пир.

(Вот почему тут ницего не ска́зано про матерь про йихну: оне ей больше не споминают).

Этот пир продолжалсе у их шесть дней, после этого Виноград говорит:

— Ну, брат Виноград Виноградович, ты сам знаеш, как стоиш на чарстви, што мне батюшко обещал чарьство, дак я должо́н топерь ехать, а ты не забывай меня и приежжай ко мне в гости, если будет возможность.

Тогда оне роспростились с братом и невёсткой, сели на лошадь и поехали. И когда приехали домой, то чарь собра́л

пир, и тут Виноград принял у ёго престол и стал чарьствовать и чарьствовал до глубокой старости.

На этом пиру у ёго я был, мёд пиво пил, дали там мне кафтан. Пошол домой, птицька говорит: „Синь кафтан“, а я думаю — „скинь кафтан“, взял да и скинул. Дали мне там блин, которой три года в . . . . . гнил, нашолсе один смел, да этот блин и съел.

Конець.

35. БОВА КОРОЛЕВИЧ

Вот не́ в котором чарьстви, не́ в котором государьстви был жил король Гвидо́н. И он жил очень богато и был силён, токо был холост, одно не доставало у него — жоны. При нем жил слуга ве́рной, которому имя было Лича́рда.

Вот он задумал жонитьце, и прихо́дит к слуги ве́рному своёму Лича́рды и говорит:

— Вот слушай, ве́рной слуга мой Лича́рда, отнеси это письмо славному королю Кирьбиту Верьзеулычу, штобы он отдал доч за меня Милитри́цю Кирьбитьёвну.

Вот ве́рной слуга получил письмо и сказал:

— Хорошо.

Отправилсе к этому королю Кирьбиту Верьзеулычу. Приносит письмо, подаёт ёму. Он прочитал, и очень был обрадованый, приходит к своей дочери:

— Ну, доч моя Милитриця Кирьбитьёвна, у тебя есть жоних славной, за которого я жалаю тебя отдать.

— Ну скажи, папаша, што за жоних? — она отвечает.

— Славной могу́чий король Гвидо́н, за которого уж нужно тебе пойти.

Вот она и думает:

— Лучше бы я пошла за Додо́на, не́жели за Гвидо́на.

Но не смела противитце отцёвского благословленья: — дала слово, што она пойдёт. Король написал ёму ответ.

Вот слуга Личáрда получил ответ и пошол обратно к королю Гвидону. Топерь, когда приносит это письмо, он прочитал и говорит:

— Ну, вот и хорошо, топерь и женимсе.

Началась у их сватьба, и пир продолжалсе чéлых пять дней.

Ну, вот она прожила с королём Гвидóном три года, у их уже был сын, которому имя былó дáно Бова. А она хотя и жила с им почти три года, но все-таки она ёго по-настоящому не любúла, потому што ей нужно было выйти за Додона, нéжели жить за Гвидоном. Топерь так: она надумала тó, што нужно ей сделать. Сечас пишет письмо и приносит верному слуги Личáрды:

— Вот, верной слуга Личáрда, отнеси это письмо куды я велю. Это письмо передай королю Додону.

А в письме напúсано, штобы он выехал с войском на полё, а будёт посланой король Гвидон на поле. И вот ты убей ёго, а я в это време закрою городóвые воротá, подниму подъёмные мосты, уж он не придёт. Когда ты убьёш ёго, я открою городóвые ворота и ты войдёш в город, будёш городом править короля Гвидона, то-есть королесьтвом.

— А ежели, верной слуга Личарда, не пойдёш, то сечас прикажу тебя розжаловать и сказнить, если не отнесёш или скажеш про письмо кому-нибудь.

Вот верной слуга Личарда не смел отказатьце от такого предложения и даже не смел никому сказать, и говорит:

— Я отнёсу и не скажу никому.

Взял это письмо, сел на лóшадь и поехал. Вот приежжает к королю Додону, подал это письмо, и король начáл читать. Король прочитал это письмо и сказал:

— Врёш ты наверно, верной слуга Личарда. Если только ты это врёш, то сечас прикажу тебя казнить.

Верной слуга Личарда клялсе и говорил:

— Нет, король Додон, я не вру, если жалаёш, то можеш дёржать меня у себя, пока не сходиш в это чарьство; жизнь моя дороже, чем мне-ка врать.

Он сел за стол, пишет ей ответ и велел слуги подождать.

— Ну, слушай, верной слуга Личарда. На́, отвези письмо, а сам буду то́ делать, как она приказала.

Он приехал обратно, подал это письмо Милитрици Кирьбитьёвной. Она сказала:

— Ну, молодець, верной слуга Личарда, и никому про это не говори, штобы не узнал муж, а то будёш наказан.

Вот она успокоилась, пошла к мужу своёму, села с ним рядом и говорит ёму:

— Слушай, дорогой мой король Гвидон. Ты знаеш, што я чую себя беременной, а во время беременности женщины всегда бывают прихотли́выи: вот мне бы жалательнё было, кабы ты съездил сам лично, своима́ руками убил вепря. Я бы ёго покушала, тогда я бы успокоилась.

Король Гвидон три года жил соёй жоной, не слыхал еще такого ласкового слова, как то́, што услы́шал. А маленькой Бова королевиць бегал по́ полу; отец гладил ёго по головки. Так вот он сказал:

— Ну, для тебя Милитриця Кирьбитьёвна, я поеду, коли ты жалаеш.

Сечас приказал запреч лошадь, и поехал из города.

Когда только он выехал из города, то она сечас же приказала закрыть городо́вые ворота и поднять подъемные мосты, штобы ёму обратно в город не заехать.

Топерь и он едет и смотрит: видит на большом поле стоит войско че́лое, как увидали, што вы́ехал король Гвидон, то кинулись кряду на нёго, и этот король Додон вместе. Вот когда он увида́л себя омманутым, то он броси́лсе обратно к городу́, а за ним уже гнали́сь вслед. Едет и думает:

— Если у меня было́ бы с собой кладене́ць или хоть што́, то я бы не вернулсе, ну уж топерь приходитце удирать.

Когда подъежжает к городу, то видит уже подняты подъемные мосты, так што ёму уж проехать в город нельзя. Тут же ёго и поймали. Король Додон сам же у нёго сказнил голову.

И Милитриця Кирьбитьёвна смотрела и всё вида́ла, всё это бы́ло на ейных глазах. Когда она увидала, што не стало короля Гвидона, то сечас приказала открыть городо́вые ворота

и спустить подъемные мосты, штобы король Додон зашол в королесьтво. Вот сечас же увидал король Додон: уже опущены мосты́, открыты городо́вые ворота, так поехал в город. Зашол в город. Увидала Милитриця Кирьбитьёвна, берёт ёго в свой дворець, и начинаетце у их пир. Пир продолжалсе че́лых три дня, а в это времё маленькой Бова бегал по́ полу, а этот король Додон пыталсе ёго брать на́ руки, ласка́ть ёго, но он рвалсе с рук, как маленькая собачка, потому што он был ёму незнако́мой, казалсе какой-то чужой.

Милитриця Кирьбитьёвна стала жить с королём Додоном, и весёло проводить времё, а маленькой Бова всё рос.

Бова видит, што ёму уж делать нечего; живёт он не с тем отцём, какой у нёго был, а совсем другой. А у нёго при дворе жил дядя, которого звали Симба́льдой. Вот он приходит, Бова королевич, к дяде Симба́льды. Симба́льда и говорит:

— Ну, сыно́к, я сёгоднёшной ночью бежу из королесьтва и беру тебя с собой, если только можеш сидеть в седле. Я тебя увезу в город Врагиль, в котором ты будёш жить у меня и рости спокойно. Когда мы приедем, закроём городо́вые ворота, поднимём подъёмные мосты́, так што к нам нихто не въедёт. А потом, когда выучишсе в грамоту, подрастёш у меня, будеш полным, ну, тогда росплачивайсе с этым отцём за своего родителя, и я тебе помогу.

Вот так оне и порешили.

В эту же ноць он отыскал спокойную лошадь для Бовы, сам сел на другую, и так оне уехали в ночную по́ру. Как узнали в городу́, розыскивали этого мальчика, так и знали, што за собой увёз никто больше, как Симбальда, дядя ёго. В ту же минуту отправили рыцарей в догон, штобы притащить обратно этого мальчика, а Симбальда сказнить.

Дядя увида́л, што погоня за нима́, нажа́л лошадь быстрее и сказал:

— Ну, Бова королевиць, дёржись если можеш.

И лошадь понеслась вслед. Ну, Бова королевиць был еще маленькой, не мог усидетьце в седле, вы́пал, а Симба́льда уехал. Вот оне взяли этого мальчика, а за ним уже и гнатьце не стали, повёрнули обратно в королесьтво. Когда вёрнули

ёго обратно в королесьтво, то берёт ёго король Додон на́ руки, утешат, носит по комнатам, а он от нёго рветце, как какой-нибудь хищной зверь. А вот тогда вышел цярь на двор и увидал придворного. Этот придворной один был из министров, из старых. Подходит этот придворной и говорит:

— Слушайте, король Додон, я вам скажу такую реч. Я вам роскажу, это до вас касаетце дело.

(А он был немного кудесник, так што знал это отгадывать, што будет дальше).

Вот, знаете, этот мальчик, которой у вас есть, Бова королевич, через него получите большую неприятность, и даже можете погибнуть, он отомстит за своёго родителя.

Он ёму ничего боле не сказал. А король Додон сказал:

— Ладно.

И пошол к себе во дворець и стал думать, што с ним делать. Подумал и приходит к своей жоны Милитрици Кирьбитьёвной и говорит:

— Слушай, прекрасная моя жона, Милитриця Кирьбитьёвна.

— Ну, я слушаю, говори, што́ хоти́ш.

— Вот я вам скажу: вы оберите сына или ди́теща своёго, куда хотите, или посадите в темницю или предайте злой смерти, он мне грозит опасностью, но иначе я жить с тобой не буду.

Вот она на нёго посмотрела и сказала:

— Ну, ладно, это я все сделаю.

Сама заплакала, пошла проч. Пришла к служанки и говорит:

— Возьми сына моёго и отвези в темницю, и пускай он там умрёт с голоду.

Не решилась больше ни на што. Так. Сечас приходят, берут Бову и уводят в темницю.

И вот он сидит уже день и второй, голодной. Да, и вот видит, што идёт девушка черна́вка по́ двору, и он стал кричать, штобы она подошла к нёму ближе. Вот он и говорит этой девушке:

— Скажи, девушка, моей матери, што сын ее томитце в темници голо́дной, пускай она пошлёт хоть какого чорного хлеба, уж очень он голо́дной, нуждаетце.

Она посмотрела на нёго и сказала:

— Ну, ладно, Бова королевиць, я пойду, скажу твоей матери.

И ушла. И она пришла и добавила еще несколько слов:

— Слушайте, Милитриця Кирьбитьёвна, ваш сын томитце в темници голо́дной и просил у вас хоть какого-нибудь хлеба или делайте с ним, што хоти́те.

Да, она поглядела на эту служанку и принёсла ей кусок большой хлеба и сказала:

— Ну на́, неси, што же делать, пусть поест.

И сама заплакала. Когда служанка вышла, то как раз случаетце этот же министр придворной и говорит:

— А ты куда пошла, служанка, и кому понесла хле́ба?

— Я понесла в темницю Бовы королевицю, он просил йисть.

Он говорит ей:

— Дай сюда этот кусок, я помажу ёму маслом, штобы ему йисть было приятно.

И служанка вида́ла, как он мазал кусок. Он этот кусок, под видом масла, покрыл ёго са́лом, и смазал ядом.

— Ну, на́, топерь неси.

Думает:

— Как съест этот кусок, так штобы и умер.

Когда несёт этот кусок, сама и думает:

— Вот нещастной Бова королевич, как поест, так и умрёт.

Топерь пришла к нёму и говорит:

— Вот я принесла тебе кусок хлеба, но ты ёго не еш, так што он смазан я́дом, лучче я тебе из до́му принесу. Как поеш, так и умрёш.

И побежала домой. Принесла она ёму своёго хлеба и молока, и сказала:

— Вот еш, а потом я тебе еще принесу.

А он сказал:

— Когда я поем и тебе еще чего-нибудь скажу.

И со жадности нача́л йись и запивать молоком. А она всё стяла. Когда он поел и говорит этой чернавке:

— Слушай, девушка, сделай для меня это: вот ты не закрывай темници на́ ноч, а я эту в ноч сбежу, может удастце уйти из этого королесьтва.

Вот она так и сделала. Оставила на ноч дверь по́лую, под видом бы́ла будто закры́тая. И вот сделалось в городу́ всё тихо, никого на это времё не было часовых. И он спокойно вы́шел из двери и вы́бежал из города. Когда он выбежал из города, то скрылсе в леса́, и пошол ле́сом, пока было тёмно. Когда росвело, он подумал:

— Топерь меня будут искать и может поимают.

Он скрылсе под один дуб, где уж ёго не найдут совсем.

Когда узнали, што ушол Бова королевиць из темници, конешно, искали ёго по леса́м, но не нашли, куда он исчез. Когда он пролёжал под ду́бом до те́мени, вот он вышел и опеть же побежал, куда-нибудь вы́тти на живо́ё место. Но он был, хотя лет ему было мало, но он был уже с порядочного сурово́го мальчика, ну так лет на двенатцеть, а ёму от роду было только четыре года. Так, топерь дальше: вот он по три дня хи́тилсе, и ёму уж очень захотелось йись, и он, как раз, в одном прекрасном ле́се попал на шайку розбойников, и эта шайка розбойников взяла Бову королевиця к себе. И очень оне ёго любили, што он был очень красив и сурово́й мальчик. А он отвечал про себя:

— Я есть роду простого — отець мой был музыкант, а мать моя бы́ла прачка, и я пошол по свету скитатьце.

Вот оне ёго, конешно, очень любили, и ходили за ним и водили ёго с собой на роботу на одну корабельну пристань, штобы он от них никуда не ушол. Однажды приходят эти розбойники на корабельну пристань, и он за ними. И походи́л тут корабь одной иностранной державы. Вот хозяин этого корабля увидал таково красивого мальчика, и стал он спрашивать:

— Чей это такой красивой мальчик?

И не продают ли оне ёго. Вот эти розбойники посмотрели друг на друга и сказали:

— Мы этого мальчика не продаем за дёшо́вую че́ну, потому што он нам очень дорого стоит.

И вот этот корабельщик, хозяин и сказал:

— Дак вот, сколько он будёт стоить, я за него заплацю, только вы мне ёго продайте.

Когда оне сговорились и сказали:

— Нам он сто́ит триста червонцев, дешёвле мы ёго не отдаём.

Корабельщик ответил:

— Ну, што же, триста, так триста.

Отдает им деньги, и корабь приготовилсе к отплытию. Когда оне вышли в море, то стал этот корабельщик спрашивать:

— Кто ты есь такой, как тебя нашли эты розбойники, или ты родилсе с нима́?

— Нет, доброй купець, я с нима́ не родилсе; я попал к ним случайно и жил с нима́.

— Ну, хто ты есь, из какой семьи, и хто у тебя есть отець и мать?

Он также сказал, как и розбойникам, скрыл, што он королевич.

— Я есь из простого ро́ду: отець у меня был музыкант, а мать прачка.

И дальше пошли оне плыть, опеть в море глубже и глубже но Бова королевиць не знал, куда он сечас плывёт. Вот он так обжилсе с матросами и капитаном, и ёго все любили. И он не считалсе, при шторме помогал, хотя он был очень молодо́й, но робота́л за пятерых. Когда капитан и хозяин узнал, што такой сильной, хотя и молодо́й парень, то уж очень ёго стал чени́ть.

Вот оне приходят в чарьство, и спросили кому это королесьтво принадлежит. Отвечают ёму на пристани:

— Это королесьтво принадлежит славному королю Зинзевею Ондроновичу, город Сумин.

Вот, когда оне уже совсем пристали и стали розгружать товары, то приходит на пристань Зинзевей Ондронович и увида́л этого красивого юношу. Когда он увидал ёго, то сразу спросил:

— Чей это юноша, надо мне-ка узнать; скажите мне про нёго.

Тогда выходит капитан и хозяин и говорит:

— Этот красивой юноша есть мой. Я ёго купил у однех розбойников на пристани́.

Вот он и говорит этому хозяину:

— Вот продай мне-ка, хозяин, этого юношу. Если не продаш, то я не розрешу тебе торговать, а если продаш, то розрешу безданно беспошлинно в моих пределах торговать.

Вот этот хозяин и говорит:

— Зинзевей Ондронович, я, конешно, продам тебе ёго, токо я платил за нёго очень дорого, может вы мне-ка это не даите́.

— Ну, скажи, сколько ты за нёго платил?

— Я платил триста червонцёв за этого мальчика и деше́вле я не хочу ёго продать.

— Ну, я тебе даю, и ты продай мне этого мальчика, а, кроме того, торгуй в моих пределах безданно, беспошлинно, покуда у тебя хватит товаров.

Капитан согласилсе, и пошол Бова за Зинзевеем в город Суми́н. Вот они зашли в город Суми́н. Привёл он ёго домой, посадил за стол, стал ёго кормить и поить и потом спросил:

— Ну, скажи, чей ты есь мальчик и как тебя зовут?

— Зинзевей Ондроновичь, меня зовут Бовой.

— Ну, хто у тебя родные, какого ты роду и откуда ты есь?

И он также отказалсе, не сказал, хто он есь, сказал:

— Роду я простого, отець у меня музыкант, а мать прачка.

Вот тогда Зинзевей подумал:

— Он есь ро́ду простого; ёго на роботу поставить нельзя, хоть из каких-бы он был дворян, тогда ёго можно проводи́ть на роботу, ну, сечас оказываетце нельзя.

Вот прожил он у нёго дней пять, и увидала ёго доч, котора была прекрасная Друже́вня Зинзевеевна. Вот она увидала когда этого прекрасного мальчика, то стала спрашивать:

— Скажи, мальцик, как тебя звать и какого ты есь роду?

Так как уж он очень ей понравилсе. Вот он и говорит:

— Прекрасная Друже́вня Зинзевеевна, я есь роду простого, отець у меня музыкант, а мать прачка, а зовут меня Бовой.

Она ёму посмотрела в молодо́ ли́цико, и сказала:

— Нет, пускай тебя зовут Бовой, ну, твоя физёно́мия всё ровно не подходит к такому низкому ро́ду. Не тай, скажи мне токо.

Он всё ровно ей не сказал, стыдясь себя, што он еще мо́лод, ёму сказать было нельзя. Она еще ёму повторила:

— Напрасно, Бова, ты не говори́ш, если б сказал, то был бы щасливой, а топерь я дальше тебе говорить ницёго не стану.

Тогда прекрасная Дружевня попрощалась с им, а Бова королевиць остался на дворе. Прожил он у Зинзевея уж десеть дней, даже и бо́ле, потом Зинзевей Ондроныць ёго призываёт:

— Ну, Бова́, дак ты што можеш роботать, надо поступить на какую-нибудь роботу, раз ты простого роду.

— Зинзевей Ондроныч, я могу быть ко́нюхом.

— Ну, бы́ть ты ко́нюхом, иди к конюха́м, поступай, хотя не старшим снацяла, а млаччим.

Он просто написал ёму письмо и отправил к конюха́м, штобы ёго принели. Он получил это письмо и пошол на конюшню. Ста́рший конюх прочитал это письмо, ёго принели на роботу, и стал роботать вместе с конюха́ми.

Ну, прекрасная Дружевня была в городе, всё смотрела на этого мальчика, и думала:

— Ну, хто он есть такой, што он от меня скрывает?

И несколько раз пытала ёго, но он ничего не говорил. Прожил он у нёго пять лет на конюшне. Вот сватаетсе к Дружевне Зинзевеевне Лукопёр. Это был могучего славного султана сын. Но король Зинзевей Ондроныч отказал ёго. Он не хотел ей отдать, потому што в общом он ненави́дял Султана и сына ёго Лукопёра. Лукопёр росту был очень большого, трёх са́жон; голова у нёго бы́ла, как пивной котёл; в пле́чах он был косу́ю сажёнь, а между глазами выходи́ла калена́ стрела, и очень был си́лён богатырь. Когда узнал Лукопёр, што Зинзевей Ондронович отказал, не отдал дочери за нёго, то сразу же взял войско и с ними двенатцеть богатырей и поехал сам, штобы взять ей силою. Когда он приехал к Зинзевею Ондроновичу, на ёго територию и объевил ёму войну, ну, Зинзевею уже делать было не́чего, надо было выехать с войском со своей стороны. Когда он выехал с войска́мы своима́, то Лукопёр сразу же побил ёго

войско и самого взял в плен. Вот тогда уж было делать больше нéчего, и приступили сразу к городóвым воротам и заехали на двор войско ихно, токо не было самого Лукопéра. А в это време стоял Бова на дворе. Когда видит Бовá королевиць об нещастьи Зинзевея Ондроныча, и спомнил, как он вы́купил ёго от разбойников. Сам видит, стоит большая мётла, а больше нéчего взять ёму. Вот он взял ей в рýки, пошол на войско и давай их бить. Много он их числом убил, остальные убежали, и Бовá закрыл городóвые ворота нáкрепко. А Дружевня Зинзевеевна смотрела это всё в окне, и трепеталось у неё серцё.

— Вот-вот убьют Бову, бедного моёго красавця.

Когда она это всё увидала, што Бовá с нимá круто развёрнулсе и закрыл городóвые ворота, то выбежала на крыльцё, а Бова идёт по крыльцю. Когда он пришол к нёму, она подала ёму руку и пожалá, и сказала:

— Ну, милой мой Бовá, вот тебе большая благодарность, токо попал наш батюшко в плен и погибнет, а тебе большоё спасибо, што ты побил ихно вóйско и закрыл городóвые воротá.

Он и говорит:

— Ну, прекрасная Дружевня Зинзевеевна, дай ты мне большого коня, да кладенéць, да латы богатырскии, ну, я хотя и мóлод, но выручу Зинзевея Ондроновича, за то, штó выкупил меня с корабля и заплатил, ну всё это я ёму вы́куплю.

Тогда она и говорит:

— Слушай, Бовá, я бы тебе не советовала ехать, ты очень красивой юноша, и ты погинёш вместе с моим батюшком и лучше бы тебе остатьце, я тебе не советую ехать. Я тогда тебе скажу про коня, ты сначала скажи, не тай, чей ты такой и какого королесьтва или чарьства? Ты не есь музыканта сын и мать твоя не прачка. Вот тогда я тебе скажу про коня.

Он и говорит:

— Ну, прекрасная Дружевня Зинзевеевна, токо ты никому не говори, я токо тебе скажу одной до-врéмени. Вот и слушай: я есь славного могучого короля Гвидона сын, Бова королевиць.

Когда она услышыла, и очень этому обрадовалась:

— Ну, прекрасной мой Бова́ королевиць, я топерь тебя совсем не отпущу.

(Вот беда то еще приходит!).

А он ей опеть же говорит на ответ:

— Нет, прекрасная Дружевня, я поеду, и скажи мне про коня, потому што надо выручить нашего ба́тюшка; это есть мой долг.

Она и говорит ёму:

— Ты слушай, милой Бова́ королевиць, ведь он си́лён, он ростом три сажени, у нёго голова, што пивной котел, меж плечей у нёго косая сажёнь, меж глазами проходит калена́ стрела. И во́йска у него невиди́мо и, кроме того, двенатцеть богатыре́й, где тебе будет с ним росправлятьце.

А он ей опеть же на ответ:

— Нет, прекрасная Дружевня, ты токо мне скажи про коня и дай один кладене́ць, больше мне ницёго не надо.

Тогда уж она больше ницёго не могла сделать и согласилась на ёго предложениё. И напнсала от себя письмо ко́нюху, которой содя́рживал этого коня: он стоял за двенатцетима стена́ми железными и больше никто не мог с ним справитьце, токо один ко́нюх.

— Ну, если ты можеш на нём ехать, то молодець! И там же меч кладенець.

Да. Он получил от ней письмо и дал ко́нюху письмо. Конюх открывает конюшню и начинает выпускать эту лошадь. А Бова пошол, одел ла́ты богаты́рские и кладенець, и стоит. Вот когда ко́нюх вывёл этого коня, как токо конь почувствовал своего хозяина, так сразу остоялсе. Он ёго взял обуздал, обседлал и поехал к крыльцю, где стояла прекрасная Дружевня Зинзевеевна. Вот когда он подъехал и говорит:

— Прекрасная Дружевня Зинзевеевна, топерича ты прощай, а я поеду.

Подходит дворецькой, один из них, и говорит:

— Прекрасная Дружевня Зинзевеевна, тебе бы неприли́чно с таким коровятником розговаривать, как ты есь роду знатного.

Бова королевиць на этого дворецького очень россердилсе, но ёму бы́ло жалко ёго жизни отнять. Он взял и́з-полу, ударил ёго тупым концём в грудь. Он упал и лёжал че́лых четыре часа. А в это време Бова королевич роспрощалсе и поехал к городо́вым воротам, но не откры́вал их, а перескочил черезь сте́ну. Выехал, приехал к войскам и нача́л бить их безпощадно: го́ловы летели, што мячики. Тогда пришли к Лукопе́ру и говорят:

— Какой-то приехал витязь очень молодой из Су́мина и войско очень бьёт, очень он си́лён, ну моло́дой, так што у него и матерно молоко с губ не сошло.

Тогда он приказал выехать одному из богатырей и снять у нёго голову и привезти к нёму. Когда приехал этот богатырь, то он слехка с ним съехалсе, отрубил ёму голову, поставил на кол и бросил им в шатер. Когда Лукопе́р узнал, што убил ёго богатыря, то он послал трёх. Тоже постигло и с трёма́. Тогда узнал, што убил и трёх богатырей, он еще послал шесь богатырей. Когда он послал шесь богатырей, то тоже постигло и с шести́ма, што с перьвым и с трёма́, и так же с шести́ма. Он узнал што убито у него десеть богатырей, тогда он не стерпел, выехал сам. Когда он выехал сам, то подъехал к нёму близко и сказал:

— Иш, какой молокосо́сик, ты побил у меня храброё войско и думаеш всех побить, знаеш ли, хто я есь? Я есь си́льной могу́чой Лукопе́р, сын Султана, а ты ещё больно молод, потому што я вижу у тебя и ма́терно молоко с губ не сошло.

Он ёму сказал:

— Вот когда ты съездиш со мной в битву, ты узнаеш, как я мо́лод, а больше мы говорить не будём.

С э́тима словами розъехались в разные стороны в гневе, и богатырь заскрипел зубами. Когда оне съехались, то ударили меця́ми друг друга, ну никото́рый никото́рого не мог вышибить из седла. Поехали второй раз. Когда оне съехались второй раз, то Бова́ королевиць Лукопе́ра ударил так сильно, што просек кряду у него стальной шиша́к и осадил ёго до поду́шки. Тогда уж видели все, как пал Лукопе́р и Бова

королевич кряду пошол к лагерю, где сидел Зинзевей Ондроновиць, выпустил ёго и сразу отправил ёго домой, и сказал:

— Ну, Зинзевей Ондронович, ты поежжай топерь домой, а я с остальны́ма сделаюсь.

Когда он вёрнулся домой, то кряду спустила ёго прекрасная Дружевня Зинзевеевна, и говорит:

— Ну, папаша, не да́ром ты заплатил деньги, тебя выручил Бова́ королевиць, он есть сильной и храброй. Он у нас был на конюшни, а он есть Бова королевиць.

— Слушай, прекрасная моя Дружевня, ну я этого, конешно, не знал, што он Бова́ королевиць; я бы, конешно, не посадил ёго конюхом, но я этого ничего не знал, он мне не сказал. А топерь ланно, как приедёт, я ёго отблагодарю и награжу ёго, чем он токо жалает.

И не сказал своей дочери больше ничего.

А Бова осталсе на по́ле. Остальние больше не хотели воевать, все сдали́сь в плен, и он с войскамы своима́ вернулсе домой.

Вот, когда приехал Бова королевиць с войска́мы своима́, то отпустил их, поставил коня на конюшню, а сам пошол во дворець, увидать Зинзевей Ондроновиця.

А за это време, пока он ездил в битву, то всё времё дворецкий злилсе на нёго, што уж я тебе отомщу, и ожидал. Вот узнал, когда он приехал. Зашол Бова во дворець к Зинзевею Ондроныцю и заходит в евонной кабинет, где он занимаетце всёгда, то в кабинете не было никого, как под видом быдто спит Зинзевей Ондроныч на кровати под одеялом, а на столе было письмо написано: „Получи это письмо, Бова Королевиць, и отвези в чарьство Султана и передай ему лично". А это лёжал ва кровати чарьской дворецький и это письмо написал он. Так. Топерь когда Бова королевиць посмотрел это письмо, прочитал и кряду же не стал будить Зинзевея Ондроновиця.

Думат што он спит, дак стоит ли?

Вышел со двора, берёт своёго коня, одел латы, взял кладенець и отправилсе в путь.

Долго он ехал полями и лугами больши́ма. Было време очень жаркоё. Вот в одно прекрасноё време ёму уж очень захотелось пить, и терпеть не может, штобы где-нибудь такая лужёйка была́. Потом видит идет старичок с кукши́ном в руках. Когда сровнялсе он с ним, он ёму и говорит:

— Слушай, дедушко, напой меня ради бога, то я што хочеш, то и заплачу.

А это был старик Чилигри́м. Тогда старик спустил кукшин и сказал:

— Ну, так што же, напейсе.

И в это време спустил ёму в кукшин со́нных капель. Когда со жадности Бова королевиць напилсе, вы́стал с лошади и ёго ударил си́льной сон. Не мог усидетьце Боба королевиць на седле, упал на́ земь и захрапел. Спал он ровно двенатцеть суток. А в это време Чилигри́м убра́л у нёго лошадь, снял у нёго латы со себя и кладенець, и ушол. Когда он проснулсе, Бова королевиць, то смотрит, всё ли у него че́ло, письмо есь, а нету у нёго уж коня, кладенця и лат богаты́рских. Вот он и подумал:

— Нихто больше, как это украл у меня старик Чилигрим.

Больше делать было не́чего: пошол путём-дорогой.

— Всё ровно пойду.

Вот он идёт. Уже близко подходит к этому чарьству и нача́л спрашивать:

— Кому принадлежит это королесьтво.

— То прохожие отвечают:

— Это королесьтво принадлежит славному могучему королю Султану.

— Вот мне ёго и надо.

И он пошол прямо к Султану во дворець. Когда он приходит к Султану, подаёт ёму письмо, и он прочитал это письмо и очень на него розгневалсе. А в этом письме было написано: „Это тот пришол к тебе, хто убил твоего любимого сына Лукопе́ра и всё твоё храброё войско. Это есь Бова́ королевиць". Тогда Султан говорит ёму:

— Ты знаеш, пришол куда? Ты пришол на верную смерть. Ты убил моёго сына Лукопе́ра и всё моё храброё войско, Слуги, бери́те ёго, ведите в темницю, замори́м ёго го́лодом.

Вот он сидит и думает:

— За што же меня Зинзевей Ондроновиць отправил, не знаю. Я ничего плохого ёму не делал, делал все, как было лучче.

И случилось этой дочери Султановой проходить мимо этой темници. И она увида́ла очень красивого юношу, и он ей понравилсе. Пришла она к окну и говорит:

— Слушай, прекрасной витезь, скажи кто ты есь такой, я, может, тебя освобожу из темници.

— Я есь Бова́ королевич, сильного славного короля Гвидона сын.

— Слушай, Бова́ королевиць, возьми меня замуж за себя, а я тебя из темници избавлю, а мой батюшко, думаю, согласитце на моё предложение.

А звали её Мильцигрия. Он говорит:

— Слушай, прекрасная Мильцигрия, я еще мо́лод, мне-ка не времё жонитьце, и я тебя замуж не возьму.

Она потом пошла к отцю, штобы просить отця своёго, а потом снова притти и уговорить ёго. Пришла и говорит:

— Слушай, батюшко, позволь мне-ка такую реч сказать, котора, может, и до тебя касаетце.

Тогда отець выслушал и говорит:

— Ну, говори, любимая моя, я послушаю, в чом тут дело?

— Вот, батюшко, я спрошу у тебя такоё дело: нам не вернуть храброё войско, а также Лукопе́ра. А вот которой в темници витезь сидит, Бова королевиць, я хочу за нёго замуж выйти. Он будёт нам опо́ра и также королесьтву.

Вот он и говорит:

— Ну, дак што же, доч, поди веди ёго и выходи, я согласён, так и быть.

И она снова пошла в темницю, Когда она пришла в темницю и говорит ёму:

— Слушай, прекрасной мой Бова королевиць, вот возьмёш меня замуж, то батюшко освободит тебя из темници, и будёш у нас жить и впоследствии будёш на чарьстви.

Он отвечает ей:

— Нет, прекрасная Мильцигри́я, лучше голодной смертью помру, но тебя замуж не возьму.

И все думал об своей Дружевни Зинзевеевной, как она сечас живёт.

Тогда она, эта чаревна, очень на это озли́лась, приказала зарыть всю эту темницю песком, штобы не было и свету. Так. А во всё это времё, ходил этот колдун Чилигрим тайным образом и носил ёму еду, ну, он не знал ёго. Вот прошло шесь суток и думают, што топерь Боба королевиць замёр, у нёго нет такой силы, топерь вывести ёго и сказнить. Вот и залезли по крыши, спустили лесницю и пошли ёго выводить. А Бова королевич это слышал:

— Ну вот, — думат, — топерь меня увёзут.

А палач идёт по лесници и спускаетце со шпагой. Он видит, што палач спустилсе с последней присту́пки, то выскакиват, выхватил у нёго шпагу из руки и отрубил ёму голову. И все дожидали долго и нача́ли по одному, по два спускатьце, и он всё отрубал и отрубал. И не стали спускатьце бо́ле. Он выскочил по лесници, видит стоит стража, он розбил эту стражу и сам побежал из го́роду. Вот кряду же Султан послал погоню. Догонили ёго, привели и опеть же завели в темницю, кото́ра бы́ла больше, и зарыли песком. И томили ёго голодной смертью, штобы он выбилсе из сил, тогда с ним легче справитьце. Вот просидел Боба королевиць деветь дней. Тогда опеть же Султан ёго приказал вывести и казнить. Вот когда Боба королевиць услыха́л, што по лесници опеть же спускаетце палач и заходил по стенам:

— Нет ли какого запо́ра или дубинки, штобы мне с ним справитьце и не попасть в ру́ки.

И в одном тёмном углу попалсе ему меч в ру́ки.

— Да свой, кладенець!

А это принёс ёму Чилигрим. Он взял в руки и обрадел.

— Ну, топерь-то я посмотрю!

Вот и нача́ли спускатьце. Но оттуль нихто но вышел. Долго ждал Бова королевиць, поднялсе по лесници, а тут стояла стража. Броси́лсе он на ту стражу, всех перебил и побежал опеть же из городу. Когда он выбежал из го́роду и прибежал на корабельную пристань, где корабь токо отходил от го́роду.

Вот он стал просить корабельщикам, штобы оне взяли ёго на корабь. И те не отказали, конешно. Взяли ёго на корабь. Когда он токо сел на корабь, корабь недалёко еще отошел от пристани, то войско уж было на пристане́ и требовали этого Бову́ королевича, штобы корабельщыки ёго выдали, а то оне поступят ина́че. Капитан и проччие штурмана́ уже стали говорить:

— Не хотим ослушатьце этого короля.

То он стал говорить:

— Вы смотрите, не остановите корабь, спустите ёго на полные паруса́ в море.

Они сначала ёго не слушались. Ну и подходят, хочут ёго увезти на го́ру. Бова королевиць очень россердилсе и нача́л рубить головы направо и налево, и зарубил капитана и штурма́нов. Тогда остальные согласились и спустили паруса́. Ушол корабь в море, хотя не с полной камандой.

Вот оне плыли всё времё и слушались этого Бову королевича. Но Бова Королевиць принимал участие во всех роботах, и даже на семь раз бо́ле, потому што он был си́лён. И подходят оне к одному государьству. А тут едёт в лодки два старичка рыбака́. Вот он сечас стал кли́кать этих стариков. Оне приплыли ближе к борту. И он нача́л у этих стариков спрашивать:

— Скажите, старички, кому это чарьство принадлежит?

— Это чарьство принадлежит сильному храброму Маркобруну.

Топерь он сказал:

— Ну, товарыщы, плови́те, куда знаете, и не обделяйте друг друга, а я с этыма старичками уеду.

А старикам сказал:

— Вы везите меня на го́ру, я вам заплачу.

Простилсе и уехал со ста́риками на го́ру. Вот когда он выехал на го́ру, и дал старикам за роботу такую плату, што оне и веко́м не вида́ли, сам пошол в путь. Идёт он дорогою и, как раз, стретилсе ёму этот Чилигрим настрету, и он ёго спознал. Вот и нача́л так ёго сильно трести, што старик и говорит:

— Слушай, Бова́ королевиць, не треси меня, а я тебе скажу, где твой конь, а меч ты уже получил. Да, еще скажу, тебе это будёт нужно.

Вот он говорит:

— Ну, говори.

— Вот, Бова королевиць, когда я напоил тебя, ты заснул на двенатцеть дней, для того, штобы ты не приехал на кони, не для́ ху́да, а для добра́, твой конь в той же конюшне, где и раньше был. Когда придёш, скрычи, он и будёт. Вот, а топерь я тебе даю двух сортов зельё, которы очень тебе будёт нужен, а третий сорт даю со́нных капель. Когда ты придёш, сечас твоя Дружевна Зинзевеевна выходит замуж за Маркобру́на. Когда ты придёш на двор, она́ там подаёт нищим ми́лостину, эти все три дня, а потом будут играть свадьбу и будут с Маркобруном жить. Ну, ты в этом виде сечас во двор к ней не ходи, за тобой следят и знают тебя. Вот, на́, возьми, я тебе даю это зельё, вот чо́рной порошок, ты умойсе и сделаисе таким старым стариком, што тебя никто не узнает. Сделаютце морщины на лице и голова́ и борода́ будут седые. А второй порошок белой — хочеш сделатьце таким, какой был, умойсе белым порошком и будеш такой, как раньше был. И вот тебе еще пузырёк с одныма каплями: кому вольёш, то он проспит без пробуду двенатцеть дней, как и ты спал.

Вот он это всё по́дал, да еще сказал:

— Держи из этых порошков не всё сразу, может, тебе еще понадобитце, и также сонны́е капли.

Вот он поблагодарил этого Чилигрима, и сам пошол в город. Приходит в город, то попросил у одной девушки воды и умылсе этым чорным порошком и сделалсе старым, старым стариком. А в этом городе было запрещо́но: „Кто про Бову королевиця вспоме́нёт или скажет про нёго, то голова с плеч", потому што Дружевня часто споминала про нёго и всё плакала. Вот он заходит во двор и заходит в ту же толпу, где толпитце народ, а там стояла Дружёвня и подавала деньги нищим. И вот он толпилсе, пробиралсе, и смотрели на этого старика, што он всё торопитце вперёд. И дошол до Дружевни. Вот

когда он пришол к Дружевни, посмотрел ей в глаза и сразу обрадел, хотя еще ничего не сказал. Потом немного постоял и заговорил:

— Прекрасная Дружевня, дай мне-ка милостину старику хоть не ради меня, а ради Бовы королевиця!

Когда она услыхала это слово, што спомянýл этот старичок Бову королевиця, то у ней сразу из рук казна выпала, так она обрадела, начáла спрашивать этого старичка:

— Скажи, где мой Бова королевиць, дедушко, ты, наверно, врёш.

— Нет, прекрасная Дружевня Зинзевеевна, я врать не намерён, и росскажу, где он живёт, не скрою от тебя ничего.

Она тогда берёт старика зá руку и говорит:

— Ну, пойдём мы с тобой наедине поговорим, — и ушли.

А топерь стала ёму продолжать:

— Ну, скажи-ко, дедушко, где находитце топерь Бова королевиць?

— Он уже приехал в чарьство Маркобрýново, и он у тебя уж очень близко. И, может, видиш ты ёго, ну не знаеш, а он стоит около тебя и смотрит на тебя.

— Да што ты, дедушко, ведь Бова королевиць если бы смотрел на меня, ведь я бы узнала. Ведь Бова королевиць был красив, волоскá кудрявыи, сам был бравой, а личко у него как у хорошей девушки. Нет, дедушко, ты скажи-ко лучче, я это не пойму.

— Слушай тогда, Дружевня Зинзивеевна. Принеси мне хотя немножко холодной воды, я тогда тебе ёго покажу.

Когда она сечас же сбегала за водой, принёсла воды, он бросил туда белого порошку и стал умыватьце. И кряду же у пёго морщины стали терятьце, заводитьце кудри, заиграл румянець. Вот когда она увидáла, што стоит перед ней Боба королевиць, то броси́лась ёму на шею, начала человать и говорит:

— Тебя ли я вижу, прекрасной мой королевич?

Вот и стала с имá говорить:

— Вот, прекрасной мой Бова королевич, топерь делай, што хош, и бери меня, как мож, а я на всё согласна.

— Нет, прекрасная Дружевня, мы сечас сделаем ина́че: топерь сходи еще за водой, я умоюсь чорным порошком и оборо́цюсь стариком, а тебе дам пузырёк с сонны́ми каплями и дальше скажу.

Вот она сбегала за водой. Умылсе он и превратилсе таким же стариком, как и был. Она смотрела на него и улыбалась.

Он дал ей со́нны капли и сказал:

— Вот што, прекрасная Дружевня, иди на завтрешний день к своёму нареченному жениху сама лично, скажи ему так: „милой мой жоних наречонной, по началу нашей свадьбы я бы жалала с тобой выпить сладкого мёду по ку́бку". Вот сечас он же прикажет по кубку́ сладкого мёду, и вы сядете с ним за стол, и старайсе ёму вылить в кубо́к со́нных капель, штобы он не заме́тил. Вот когда он выпьёт, это от тебя с радости, то повали́тце и заснёт на двенатцеть дней, а мы уж с тобой в это време уедем дале́ко".

Вот он всё это ей рассказал; топерь он сказал еще:

— Я уйду, а уж буду дожидать, когда ты выйдеш, будет конь и все наготове.

С тема́ словами он скрылсе. Она пе́респала эту ноч, и на второй же день кряду пошла к Маркобруну. Вот она приходит к Маркобруну в кабинет, где он сидел один всёгда. Вот как он увида́л, што пришла прекрасная Дружевня Зинзивеевна, то стал на ноги. Поздоровались, посадил ей на стул, и стал спрашивать:

— Ну, зачем пожаловали, прекрасная Дружевня Зинзивеевна?

— Милой мой Маркобрун, я думаю, што вы, наверно, исполните мою просьбу. Я думаю так, што по нача́лу нашей свадьбы выпить с тобой по ку́бку сладкого мёду, а потом уже начать играть свадьбу.

Маркобрун очень обрадел и сказал:

— Ну, сечас потешу тебя, прекрасная Дружевня Зинзивеевна.

И приказал принести. Когда принесли, то она берёт ку́бок этот свой поближе, а ёму протяга́ет и сыплёт порошок, штобы он не видал. Это всё было сделано, и сказала:

— Ну, топерь с тобой выпьём, милой мой Маркобрун!

И с тема́ словами стали пить. Когда он выпил этот куб6́к сладкого мёду, тогда ёго ударил си́льной сон, и не прошло пети минут, как уж он улегсе на кровать и заснул. Вот и нача́л спать двенатцеть дней. Она вышла на двор, и Бова королевич уж всё это ущытывал, достал своего коня, посадил ей на коня и выехал проч из этого чарьства.

Вот когда Маркобрун проснулсе в двенатцетый день, то кряду спросил:

— Здорова ли моя прекрасная Дружевня и где она находитце?

Так как в городу́ уже многие узнали, што был Бова королевиць, тогда ёму сказал один слуга, што нет ей дома.

Ей увёз Бова королевиць.

Когда он это узнал всё и сказал:

— Нет, я не позволю над собой смеятьце такой девйци, поимаю Бову королевиця и привёзу ей обратно.

В это време сечас же приказал собрать войско и послал за нима́ вслед.

А Боба королевиць ехал, продолжал путь вперёд не так дале́ко. И сказал:

— Ну, прекрасная Дружевня, сечас я роскину шатер, ты побудь в шатре, а уж я знаю сечас будет пого́ня, я выеду на Маркобруново войско, с нима́ справлюсь.

А она сказала ёму на ответ:

— Милой мой Бова королевиць, ты поедёш, а меня оставиш, ты знаеш, у Маркобруна сильноё войско.

— Вы ничего это, прекрасная Дружевня, не бойтесь, всё это будет на твоих глазах, я тебя в обиду не дам, пока жив.

И видит: уже наступает Маркобруново войско.

— Топерь я выеду навстречу Маркобрунову войску.

Броси́лся к ихнему войску и стал бить их так жесто́ко, што у них головы летели, как мячики. Не успели посмотреть, как уж войска не стало, осталось токо несколько человек. Бова королевич вернулсе к шатру.

Вернулись к Маркобруну войско и обсказали все это обстоятельство. И сказали:

Великий наш победитель Маркобрун, твоё войско всё побúто Бовой королевицём, токо мы вёрнулись успешно к тебе с ответом, и што топерь прикажете делать, то и делайте.

Так. Он сечас призвал своих знатных бояр, и стали этот вопрос осуждать, как поступить дальше. То эты боя́ра ёму говорят:

— Вот што, Маркобрун, тем, чем всё войско посылать, то всё ровно на него не напасёссе. А у нас есть Полкан-богатырь, то он с ним справитце: он по-колен в земли стоит, с головы до поясу человек, а с поясу до ног — конь, и он имеет огромную силу. Он вполне справитце с Бовой королевицём, приведёт ёго и вернёт тебе обратно Дружевню Зинзивеевну.

А он пошол, Маркобрун, сечас к за́мку, открыли за́мок и подошол он к Полкану и говорит:

— Ну, Полка́нушко, сослужи мне сечас службу ту, которую я тебе укажу.

Вот Полкан выходит и сказал:

— Ладно, от меня он не увернётце.

И поскакал. По семь вёрст один прыжок скачет.

Вот услыхала прекрасная Дружевня эты поско́ки и говорит:

— Ну, милой мой Бова королевиць, теперь едет за тобой погоня. У Маркобруна есть богатырь Полкан, с головы до поясу человек, а с поясу до ног — конь, и он огромную силу имеет, один прыжок — семь верст, и вот я слышу земля колеблетце, наверно, он скачет.

Бова королевиць кряду стал одеватьце, берёт свой кладенець и говорит:

— Ну, ладно.

Когда роспрощалсе он с ней и выехал напротив Полкана. Полкан скакал напротив ёго. И вот Полкан увида́л Бову королевиця, то кряду броси́лсе в лес, вырвал дуб с корнём и скачет на Бову королевича с ду́бом. Подъехал к Бовы королевичу и розмахнулсе на нёго ду́бом, но не ударил, вокурат половина дуба залезла в зе́млю. А в это време Бова королевиць, не теряя ни одной минуты, ударил ёго кладенцём. Полкан застонал и был сильнё ранен. И потом заговорил:

— Ну, прекраснейший Бова королевиць, не убивай меня а возьми меня хоть ме́ньшим братом, и куды хоти́ш, туда вместе и поедём, и не изменю тебе ни в чом. Когда мы будём с тобой вдвоём, тогда нас нихто больше на свете не победит.

Боба королевиць спустилсе с лошади, поднял ёго с земли и сказал:

— Ну, если мож, то шагай ко мне к шатру.

И оба спокойно пошли к шатру. Дружевня Зинзивеевна это всё видела и видит, што идут обеи к шатру. Потом занялсе Бова лечить Полкана-богатыря, и прожили оне с ним на этом месте двенатцеть дней. И Полкан-богатырь поздоровёл.

Когда Бова королевич победил Полкана-богатыря, то Маркобрун сильнё задумалсе, што он победил такого могучего богатыря. И вот за это времё, двенатцеть дней, то, всё ровно, король Маркобрун собирал во́йско и всё надёжно, и выдвинул столько во́йска, што не думал, што не поимат топерь Бову королевиця, где бы он не был.

Ну, Полкан-бо́гатырь с нима́ вместе не́ жил, так што предупредил Бова королевиць:

— Ты лежи отдельно от нашего шатра.

Ну, Полкан-богатырь, конешно, согласилсе и выходил всёгда, когда оне опочива́ли, а когда оне не опочива́ли, был всегда с нима́.

И вот стали на горызонте уже видны Маркобруновы войска, тогда сказал Бова королевиць:

— Ну, ладно, надо уже, видно, сражатьце.

Вот тогда прискакал Полкан от ле́су и говорит:

— Слушай, Бова королевиць, я хочу сослужить службу: пусти меня против Маркобрунова войска одного, я тебе постараюсь и вернусь. А ты будь в шатре спокоино со своей Дружевной Зинзивеевной.

Тогда сказал ёму Бова королевиць: хотя и думает, штобы он не изменил ёго напротив, не пошол с войскамы, а сказал:

— Ну, ланно, поежжай, коли хоти́ш услужить, — а сам был наготове и смотрел, што будёт творитьце с Полканом-богатырём. Полкан роспростилсе с Бовой королевицём, броси́лсе

к лесу, вырвал дуб с корнём и поскакал прямо на Маркобруново войско. А Бова королевич стоял со своей Дружевней и смотрел, как будёт росправлятьце Полкан-богатырь. Полкан-богатырь прискакал к войску и начáл этим дубом махать почóм-зря. Не прошло шесь часов, как всё это вóйско былó убито, а которое розбежалось. Полкан-богатырь посмотрел, што нет, не стало никого, приежжает к шатру и говорит:

— Вот, Бова королевиць, што хотúш, тó я и сделал, услужил тебе перьвую службу.

Тогда Бова королевиць похвалил ёго:

— Ну, спасибо, Полканушко, за твою работу.

Дальше сели оне за стол и стали кушать. Когда воины последние пришли к Маркобруну, объевили о таком нещастьи, што участвует Полкан-богатырь вместе с Бовой королевицём и побил всё нашо войско, то узнал Маркобрун и собрал последнёё войско и сам выехал на Бову королевиця. Вот выехали они, конечно, напротив Бовы королевича.

Бова королевиць увидал на горызонте, как наступал Маркобрун, подошол к Полкану и говорит:

— Ну, Полкан, уже опеть выступает Маркобрун со своим войском и, скорей всёгó, едет он сам.

Тогда Полкан-богатырь скочил, сорвáл дуб и сказал:

— Бова королевиць, спусти, я тебе вторую службу сослужу, убью ёго храброё войско.

А Бова королевиць говорит ёму на ответ:

— Нет, Полкан-богатырь, мы поедем оба вместе с тобой.

Он боялсе ёго отпустить, штобы с ним што-нибудь не случилось. Вот Бова королевиць скочил нá лошадь, берёт свой кладенець.

— Ну, едем.

Вот подъежжает к Маркобрунову войску и говорит:

— Вот подъежжай ты с левой стороны, а я с правой, и бейсе не нá живóт, а нá-смерть, живой в руки не попадайсе.

И так и кинулись на войскá и так начáли валить, што люди валились, точно грязь. Не прошло как шесть или семь часов, как было уже чúсто, не осталось никого на поляны. Побежал Маркобрун, только пятки засверкали. Но Бова коро-

левиць не хотел отнимать жизни Маркобруновой и не побежал ёму вслед. А Маркобрун прибежал домой, закрыл городо́вые воро́та и закрылсе кре́пко-на́-крепко. И сказал:

— С Бовой сражатьце, да за Бовой гонятьце — лучче решетом во́ду носить, да на доло́ни блины печ.

Прошло несколько времени, всё ожидали, — ответа никакого не было от Маркобруна. И оне пустились в путь вместе с Полканом-богатырём. Приехали к онному князю Ури́лу в княжество и тут успокоились отдохнуть. Ёго приняли с радостью. А Полкан-богатырь, конешно был при дворе, потому што ёму нельзя было́ зайти в комнату, ну ёго там кормили, што ёму полагалось. Когда Бова королевиць приехал в княжество Ури́ла, то он успокоилсе и заснул со своей Дружевней Зинзивеевной и спал он очень долго.

А за это времё, пока он спал, то выступил опеть же Маркобрун со своим войском и требовал Бову королевиця из города. Ури́ло-князь имел трёх сыновей, сильных, храбрых витезей и сам ище был ничего́. Собрал войско, не захотел трево́жить гостей, „пусть спят“ и выехал со своим войском. Когда он выехал, то Урило бы́ло очень трудно напротив Маркобрунова войска. И Маркобрунова войска́ взяли Ури́ла со всема́ сыновьями в плен и побили Урилово всё войско. Тогда ихны войска зашли в городо́вые ворота и пришли в город, где лежал Полкан-богатырь на дворе. Полкан видит, што какоё-то влило́сь незнакомоё во́йско, то пришол в большую отчаянность и схватил дуб, што лежал на дворе, и стал этил дубом розмахивать. А это войско валилось, што мячики. Когда убил он это всё войско, остальноё разбежалось, то закрыл Полкан-богатырь городо́вые ворота и нача́л будить Бову королевиця ото сна своим крыком. Когда услыха́л Бова королевиць крык неспокойной Полкана, то кряду оделсе, вышел на двор. Увидал своёго Полкана и спросил:

— В чом же дело, милой мой Полканушко, росскажи топерь, как я долго почивал.

Полкан ёму всё обсказал, как што случилосе, и што взят Урило со своима́ сыновьямы в плен, как пришол нахал Маркобрун со своима́ войска́мы, зашол в городо́вые ворота.

— А я их всех отстёгал. А топерь поедём.

Вот, кряду же Бова королевиць оделсе, сел на коня и вместе с ним отправились. А Полкан-богатырь скакал вперёд. Вот подъехали к войскам, то сразу розделились на две сто́роны и стали бить беспощадно. Вот прошло опеть же несколько часов, как всё это войско было́ посеяно. Выскочил Урило из плена со своима́ сыновья́мы, и поехали домой. Урило, когда приехал, обрадованный со́брал пир и нача́л угощать Бову королевиця и просить, штобы он осталсе у него жить сколько жалает. Бова королевиць пожил немного и сказал:

— Нет, мне надо ехать туда, куда я думаю.

Роспростилсе с Урилом и вместе с Полканом поехали вперёд. Вот немного подъехали, а прекрасная Дружевня и говорит:

— Слушай, Бова королевиць, я чую день своего рожденья, так што я в положении, и надо мне родить.

— Ну, и ланно.

Роскинул шатёр, пришол к Полкану и говорит:

— Слушай, Полкан, ты отойди от шатра, хотя на сутки или на двоё, ты знаеш моё положение.

Полкан, конешно, отошол, а она через сутки прино́сит двух сыновей, которым дали имё Терве́с и Симвальда. Топерь ёму отъехать никуды нельзя, потому што жона была с ма́лыма детьми, а ёму нужно бы́ло ехать. То он пришол опеть же к Полкану и говорит:

— Ну, милой мой Полкан, ты знаеш, в чом я тебя буду просить?

— Ну, говори, Бова королевиць, я тебе никогда не отказывал и всё исполню, што ты хоти́ш.

— Вот я хочу ехать в чарьство Вра́гиля к своему дяде Симбальды, а ты побыть с моей женой здесь и последи за моима́ детьми и не давай их в обиду, потому што оне ма́лые, ехать сечас со мной не могут.

— Ну, дак што же, поежжай, Бова королевиць, все меры приму, но ей в обиду не отдам, до те́х пор, пока я жив.

Тогда он пришол к своей жоны и говорит:

— Ну, прекрасная Дружевна Зинзивеевна, я поеду, а тебе оставлю Полкана хранить тебя, не скучай, я скоро вёрнусь.

Сел Бова королевиць на своего коня, взял кладенець и поехал. Прошол месець, нет Бовы королевиця. Стала очень печалитьце прекрасная Дружевня со своима́ сыновья́мы. День был очень красивой, ясной, она берёт своих сыновей и выходит из шатра, прохо́дитьце на волю. Вот как токо она вышла, то видит неподале́ко бежит два льва прямо на ней, и она громко, громко закрычала. То Полкан богатырь скочил и видит два льва. Схватил дуб и броси́лсе на львов. Ударил одного дубинкой, повалил и не успел подня́ть дуб, как этот, второй лев, скочил ёму на грудь и нача́л ёго грудь рвать, а Полкан богатырь ухватилсе за ёго голову и нача́л раздирать пасть. Лёв вырвал всю у него грудь, а Полкан богатырь вырвал у нёго все челюсти и почти што го́лову, и па́ли оне обои на́ земь ме́ртвыма. Вот, а это всё ви́дела Дружевня и стояла в ужасе и всё плакала.

— Што я топерь осталась одна, и нет у меня Бовы королевиця.

И очень горько заплакала. Ей больше уже делать было нечего. Она еще подо́ждала сутки трои, а потом уж надо ей итти с этого места проч. И вот она берёт своих сыновей и выхо́дит из шатра и идет к речки. Поло́жила своих сыновей спокойно, зачерпнула воды, поло́жила немного чорного порошку и умылась чорным порошком. Когда она умылась, то сделалась уже пожилой женщиной, хотя не так што была седа́тая, но была уже мате́рая. И вышла она на большу дорогу и видит едет ей какой-то барин навстречу на лошадях. Вот когда барин сровнялся с ней, то спросил:

— Куда ты идеш, тётушка?

А она ёму отвечает:

— Вот што, барин, я иду в город, нанятьце куда-нибудь в работници и воспитать своих сыновей. Если у вас будёт какая-нибудь работа, то я к вам тоже пожалаю.

Выслушал барин и сказал:

— Вот есть токо робота в прачечной, если жалаеш, то садись на ло́шадь, поедем, будь прачкой у меня.

Барин повернул лошадь, посадил ей и увез домой. Она поступила к нему на роботу в прачечную.

А Бову королевиця долго затянýло в дорогах, пока ездил он до Врагúля. Когда вернулсе на мéсто, то уж прекрасной Дружевни не было, токо видит он три трупа. Когда увúдел, подошол близко, што лежат розóрванный Полкан-богатырь, то сказал:

— Ну, пожрал мою жену лёв вместе с Полканом. Мне здесь делать больше нéчего. Пропала моя нещастная Дружевня Зинзивеевна.

А сам повёрнул лошадь и обратно поехал во Врáгиль. Приежжает обратно во Врáгиль к дяди Симвáльды и говорит:

— Ну, дядя, дай мне немного хоть вóйску, пойду росправлятьце, отомщу королю Додону за своёго родителя.

Сейчас же Симбальда сóбрал несколько вóйска, и кряду же отправились в путь. И дал ещё он вдобавок Тервéса, брата своёго.

— Вот тебе будет помощник.

Вот скоро оне двинулись в королесьтво короля Додона, которой владел королесьтвом Бовы королевиця.

Когда увидáл Додон, то сечас приказал собрать войско и выступил на нёго и выехал сам. А он сказал Тервéсу:

— Ну, Тервéс, ты хочеш, управляйсе с войскáмы, а я брóшусь прямо на короля Додона.

И Бова королевиць бросúлсе што тúгра сквозь войска и поскакал к королю Додону. И сказал ёму:

— Вот топерь я отомщу за своёго родителя, короля Гвидона, я есь сын ёго Бова королевиць.

И ударил ёго мечом по головы́ и пробил ёму голову. Скоро оне справились с вóйскóм, заехали оне в город. И идёт он прямо во дворець к матери своей Милитрици Кирьбитьёвны. Когда подошол к ней, поздоровалсе и сказал:

— Здраствуй, мать моя, Милитриця Кирьбитьевна!

Она не могла ёму ничего сказать, заплакала и бросúлась к нёму к ногам. Он тогда сказал:

— Ну, мать, если бы ты не мать мне бы́ла, то я с тобой сделалсе бы инáче.

Сам заплакал, и утёр глаза и сказал:

— Ну, ставай, уж я тебя прощаю, живи до глубокой старости.

Тогда мать очень обрадéла, скочила, бросúлась ёму на шею и повёла в зал и начáли угощатьце.

После этого всёго, спросил у своей матери:

— Все ли чéнности сохраняютце от моёго батюшка после меня; росскажи, как он жил, я еще был малóй, ничего не знал.

Тогда она сказала:

— Сын мой, все чéнности я тебе покажу, всё сохраняетце, ну может быть не знаеш, но тебе россказал Симбáльда, он всё знал и жил при нашем дворце.

Ну, он сказал:

— Ладно, я смотреть сечас не буду, на это будет времё, потом посмотрим.

Вот прошло петь лет, как живёт Бова королевиць в своём госудáрьстве, все грустит и споминает часто свою прекрасную Дружевню.

Потом в одно прекрасноё времё он задумал:

— Ну, ладно, надо жонитьце, уж прошло семь лет, пока я ей не видáл, может уж ей и нет живóй.

То он садитце кряду же за стол, пишет письмо Султану, штобы он óтдал дочерь свою за Бову королевиця, он находитце в своём королесьтви. А отправил посла с письмом. Опеть на нёго пáла какая-то скука. Он вышел прохаживатьце по гóроду и увидал проходящих двух маленьких юношей, но они были точно, как один. Вынимает свой патрет из кормана, посмотрел, но они были точно, как он. Ну, им было от рóду только семь лет, восьмой. Вот он их задёржал:

— Скажите, мальчики, хто вы есть, и какого роду, и как вас звать, мне бы надо знать? И хто ваш есть отець и мать?

Оне, конечно, ёго не узнали и говорят:

— Вот я как старший Тервéс, а вот мой млаччий брат Симвáльда. А топерь мы, конечно, не знаем, хто наш был отець, ну, как мать нам говорила, што отець был славной, могýтной и славилсе по всем государствам, име ёму былó Бова королевиць.

Он во вторых же посмотрел на этих мальчиков, чуть удержалсе от слез и сказал:

— Ну, где ваша ма́тка, скажите мне топерь, жива́ она или нет, и где она находитце?

— Она живёт у одного барина уже семь лет в прачечно́й, и вот она нас воспитывала всё времё.

Тогда он сильно обрадел и сказал своим сына́м:

— Ну, сынки, вы топерь будете мои, пойдемте со мной во дворець.

Когда он завел их во дворець, посадил за свой стол, прихо́дит ёго мать и спрашивает:

— Бова королевиць, скажи мне пожалуста, што у тебя есь эты за юноши, может ты мне скажеш, мне бы жалательнё было узнать.

Он сказал:

— Мама, это есть мои сыновья́.

В ту же минуту приказал запреч лошадь, посадил своих сыновей в корету и сказал:

— Ну, скажите, где ваша мать, везите туда.

Вот токо оне приехали к этому барину, то сразу же выскочили из кореты, и так Бова королевиць пошол за нима́ вслед. Как оне токо привели ёго, то сказали:

— Мама, мы нашли отця своёго Бову королевиця, вот он тут.

Она увидела ёго и ничего не могла сказать, броси́лась ёму на шею и заплакала:

— Тебя ли я вижу, Бова королевич?

И не упомнила, што она умытая тем порошком. Вот он говорит ей:

— Моя прекрасная Дружевня, токо опомнись, да умойсе.

Он знал, што у ней есть зельё. Она сейчас наливает воды, начинает умыватьце, и сейчас же сделалась такой красавицей, как была, и даже сыновья́ не могут ей узнать, потому што еще не видали кака́ она бы́ла. Вот узнал этот барин, што прие́хал Бова королевиць, пришол к своей прачки, посмотрел на ней, совсем не узнал. Потом стал просить прощенья, што он дёржал ёго жону прачкой.

— Што я ей дёржал, не грубил, и пусть спросит у своей Дружевни Зинзивеевной, што я ей за семь лет какоё грубóё слово сказал, потому што я и не знал, она была у меня под видом старушки.

Она сказала:

— Нет, Бова королевиць, жил он со мной очень хорошо.

— Ну, ладно, это всё прошло топерь. Собирайтесь, поедем!

Вот роспростилсе барин с Бовой королевичем, они сели в корету и все поехали во дворець.

Не прошло дня два, как этот пришол посёл обратно и подаёт ёму письмо. Пишет Султан ему так: „Я жалаю такого зятя иметь, пусть приежжает". Прочитал, показал. Дружевня тоже прочитала:

— Ну, што же сделаеш, ведь семь лет это не семь дней, нужно было ждать.

Он сечас призывает брата Тервéса и говорит ёму:

— Ну, Тервéс, жалаш жонитьце, то сечас я тебя жоню у Султана на дóчери.

Тот, конешно, не отказалсе:

— Да, если будёт возможность, то давай, я согласён.

И сразу же оне на этом порешили. Сели на лошадей и поехали к Султану, а Дружевня осталась с сыновьями в королестьви.

Вот скоро оне приехали в столицю Султана и кряду же приходят к Султану. Султан узнал о приезде зятя своёго, и сечас же приказал собирать пир.

И вот этот самой Тервéс жонилсе на Мильцигреи. После всёго этого он сказал:

— Ну, брат Тервéс, топерь поедем в город Сумúн, посмотрим моёго тестя королесьтво.

И вот оне приехали в королесьтво Сумúна и кряду же заходит во дворець. Подходят к этому дворецькому и говорят:

— Ну, помниш, как ты меня отправил к этому Султану, топерь я с тобой росправлюсь.

И этот дворецькой кряду сбелéл и задрожал. А Бова королевиць вынел шпагу и приказал ему выйти из комнаты и сам

пошол за ним след. Отвёл ёго на один колидор, розмахнулсе, снял у нёго голову, приказал убрать тело проч. И сразу же провёл Тервéса на королесьтво и оставил ёго править этым королесьтвом. Сам прожил три дня и сказал:

— Ну, Тервéс, живи́, а мне больше жить некогда, ты сам знаеш, я ведь был розлучóный со своей жоной, топерь поеду отдыхать.

Тервéс, конешно, поблагодарил Бову королевиця, и оне роспростились. Вышли все во двор. Бова королевиць сел на лошадь и поскакал в своё королесьтво.

Когда он приехал в свое королесьтво, то устроил пир, созва́л всех своих подданных, и этот пир продолжалсе три дня. Все пили, гуляли, веселились и хвалили Бобу королевиця, и все узнали, прославили ёго по всем государьствам.

С ти́х пор Бова королевиць стал править своим государьством и стал жить до глубокой старости. Тем и концилось.

36. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЦЬ

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви жил был чарь по имени Картаус. У чаря Картауса был князь Лазарь Лазаревиць. И вот он был оцень сúлен, ездил он на шпáжные поединки и также на рать силу. И с бою достал у онново короля дочерь, на которой он жонилсе и жил несколько поры без детей, а потом родилсе у них сын, которому имё дали Еруслан Лазаревиць. И он был трёх лет, играл с робятами на цярьском дворце, вместе с другúма. И он такую силу имел, хотя ёму и щыталось за шутку, што кого ухватит зá руку, того и рука проць, а кого зá ногу, того и нога проць; а ежéли кого ухватит зá голову, того и голова проць. Проччие кнезья и бояра стали жаловатьце.

—У вас при чарьстви живёт Лазарь Лазаревиць, а у нёго есть сын Еруслан Лазаревиць, которой ходит на цярьской двор играть с робятами и делает шутки не хорошие. Вот он за это времё погубил двоих нá смерть, а двоих сделал калеками. И он кого схватит зá ногу — того нога проць, кого зá руку — того рука проць, кого зá голову — того голова проць. И ёго надо убрать с чарьства или посадить.

Тогда призывает сецяс же князя своёго Лазаря Лазаревиця, которой ченилсе у нёго лучче всех из князей.

— Слушай, князь Лазарь Лазаревиць, я тебе скажу такоё дело. Твой сын ходит на цярьской двор, играет и делает шутки нехорошие: кого схватит за́ голову — того голова проць, кого за́ руку — того рука проць, кого за́ ногу — нога проць. И я тебе приказываю ёго посадить или куда из чарьства́ отправить, потому што он силу имеет громадную, хотя ище и молод, четырёх годо́в.

Конешно, выслушал это всё от короля Лазарь Лазаревиць, пошол от короля и заплакал. Приходит он, конешно, домой и говорит жоны такоё дело, сам сквозь слезы:

— Вот, жона, людям ро́дитце дитё в малости — на утеху, среди ве́ку — кормилець, а при старости — на помин души. А нам бог дал чадо: мы с младости ёго воспитывали не на утеху, а среди веку — не кормилець, в старости — не на помин души.

Вот топерича мать и говорит:

— Ну в чом же дело, Лазарь Лазаревиць?

— А вот в чом: чарь Картаус велел ёго посадить или выслать за предел государьства, потому што он ходил на чарьской двор и делал шутки нехорошие с робятами, наш Еруслан Лазаревиць: кого хватил за́ руку — рука проць, кого хватил за́ ногу, то нога проць, а кого попало за́ голову — то и голова проць. Вот за это и велел чарь посадить ёго в темницю. И мне своёго́ сына в темници томить голодом не охота, делай же сама, мать, со своим сыном, как знаеш, а я не знаю.

И это выслушал Еруслан Лазаревиць, хоть был пятилетний, но рост у нёго был полной, как у полного мущины. Тогда пришол, говорит Еруслан Лазаревиць отцю своёму́ и матери:

— Слушай, отець мой Лазарь Лазаревиць и матерь, достань мне из цяря Картауса конюшни коня, и я поеду куда голова несёт. Пускай он живёт как хочет без меня, и вас не будут тревожить за меня.

Тогда Лазарь Лазаревиць пошол к чарю Картаусу, и говорит:

— Ваше величество, смилуйсе, найди моёму́ сыну в вашем чарстви коня, и я ёму даю, пускай едет куда знает, коли ёму жить в чарстви Картаусовом нельзя.

Потом сказал чарь Картаус:

— Ну, слушай, Лазарь Лазаревиць, я дам Еруслану Лазаревицю коня, и пускай он идёт, сам выбирает, какой ёму понравитце и какой ёго может нести.

И вот приходит отець, Лазарь Лазаревиць, и говорит сыну:

— Ну, Еруслан Лазаревиць, иди сам и выбирай; какой тебе надо, такой и бери.

И конюха́ открыли конюшню и нача́ли ёму выводить. Нача́ли выводить, и он нача́л их смотреть. Как только руку налагает, так тот и падает на коленки, ростягаетце. И сколько оне из конюшни не выводили, так все и падают, никакой не терпел ёго руки. Потом пришол Еруслан Лазаревиць домой и говорит:

— Нет, отець Лазарь Лазаревиць, я не нашол себе коня, наверно нет у вас в чарстви ко́ней, в чарстви Картаусовом.

Тогда заговорил Лазарь Лазаревиць, отець его:

— Ну, так што, сынок, мне не найти тебе коня будет, ищи сам и выбирай, где хочеш. Я токо даю, што у самого есь, когда ездил, когда был порядошным богатырём. Ну, уж топерь моё дело прошло.

Топерь он приносит ёму уздечку бронзову, седе́лко тесмя́ное и приносит кладенець.

— Вот, сынок, это тебе от меня, а уж остального больше нет ничего.

Тогда он это всё со́брал и говорит:

— Ну, топерича прощай, отець Ласарь Лазаревиць и мать моя родная.

И оне обои горько заплакали. И так оне попрощались, конешно, жалко было, но делать было нечего.

И пошол Еруслан Лазаревиць из города, из чарьства Картаусова. И вот он идёт, и идёт, и идёт. И вышел он на широкую дорогу, так што в глубину дорога будет доброму коню по-пле́чь, а в ширину дорога — доброму коню не перескочить. И вот он уселсе к этой дороге и стал выжидать — кто по этой дороге ездит. Уселсе и сидит челой день и до но́чи и даже до следующего утра. Вот и видит, идёт стадо лошадей, громадное, большое. Сровнялись с ним и прошли. Потом видит еще стадо лошадей. Прошли. И видит ище стадо лошадей на проходе,

идёт с нима́ сзади пастух. Идёт пастух, и когда заметил Еруслана Лазаревиця, остоялсе и заговорил:

— Чего ты сидиш, Еруслан Лазаревиць?

— А ты кто есь?

— Я есь пастух Иванушко, пасу лошадей чарьских, которы не стоят никогда в конюшни. Эты лошади все ченные.

— Дак слушай, Иванушко, есть ли у тебя какая лошадь, котора могла бы меня нести? Я не нашол в чарьстви Картаусовом никакой лошади, котора могла бы моей руки нести.

И вот он заговорил, этот Иванушко:

— Да Еруслан Лазаревиць, есть у меня такая лошадь, она уж побежала в перьвом стаде. Когда приходит на море пить, то на море волны сходятце, на дерева́х соловьи поют, и ли́стья сыплютце, и земля дрожит, когда она пьёт. И только Еруслан Лазаревиць, тебе не знаю, можеш ли ей держать или поймать, а мне бы дать ей не жалко. Ну, сёдне ты всё ровно ей не увидиш. А топерь пойдём мы с тобой к морю.

Вот так отправились оне к морю с Еруслаком Лазаревицем. А уж перьво стадо бежит обратно. Он указал лошадь. Она только мелькнула, а больше ничего. И вот пришли оне к морю, конешно, остальные лошади напи́лись. Он и сказал:

— Ну, Еруслан Лазаревиць, ты дожидай топерь здесь сутки. Завтро она пройдёт, и если ты можеш ей поймать, то и будет тебе лошадь. И она пьёт всегда у одного места.

И указал место.

— И дай ей имё, какое она пожалает; не скажет она тебе, но пожалает, и дай ей это имё, если ты ей достанеш.

Вот он осталсе дожидать челые сутки. На второй день утром видит опеть бежит табун лошадей. Он указал это место, сел на это место и сидит. Сидел и вдруг прибегает лошадь. Как токо нача́ла пить, то по́ морю волны, по дубам соловьи поют, под ней земля дрожит и с деревов ли́стья сыплютце. И вот он выскакиват, как ударит ей по пле́ць доло́нью, и она стоит как вкопаная. И он достал уздечку бронзовую, седе́лко тесмя́ное, скочи́л на неё и говорит:

— Ну, я тебе дам имё, лошадка моя мила, Чорной Вихорь.

Вот он подъехал, поднялсе Чорной Вихорь и поехал. Ну, это, конешно, ей не понравилось. Тогда он на второй день ей имё дал Оро́ш Вещий. Поежжает он в полё, видит, всё поле засеяно людьми — рать-сила, значит, убита. Он и скричал:

— Есть ли один цёловек жив, рать-сила?

Ответа не было. Он опеть скричал:

— Есть ли один цёловек жив, рать-сила?

Один цёловек ответил:

— Есть.

Он поскакал туда к раненому. Прискакал и спрашиват:

— Кто эту рать-силу побивал, скажи мне-ка?

— Побивал Иван, русской бо́гаты́рь.

— А где он сецяс?

— А вот выедеш на вторую рать-силу и увидиш поско́ки богатырские. И вот он там.

Вот он поехал; едет, увидал вторую рать-силу побитую, видит поско́ки богатырские. И он поскакал. И ёго лошадь перескакивает в полтора раза больше поско́ков богатырских и он увидал Ивана-богатыря́.

Когда он подскакал, то увидал шатёр стоит. Когда он подъехал, то увидел, богатырская лошадь стоит, ест пшоницю. Он насыпал и своей лошади пшоници и пошол в шатёр. Приходит в шатёр, а в это времё спал Иван, русской богатырь. Посмотрел на нёго Еруслан Лазаревиць и сказал:

— Ну, што-же, сонно́й, как мёртвой, мне уж делать с ним нечего, — и сам повалилсе спать. Повалилсе спать, потом стал Иван-русской богатырь, посмотрел у нёго есть какой то гость. Он пошол к своёму́ коню и видит: евонной конь стоит отби́той от пшоници, конь Еруслана Лазаревица отбил ёго от пшоници. И очень обиделсе Иван, русской богатырь, на нёго. Топерь приходит в шатёр, берёт мець и хочет рубить ёму голову. И роздумалсе:

— Как же я буду рубить у ёго у сонно́го? Сонно́й — што мёртвой. Однако, я с живыми справлялсе, а тут хочу сонно́го. Неужто я с ним, живым, не справлюсь?

И стал ёго будить. Когда он проснулсе, то кряду Еруслан Лазаревиць и говорит:

— Ну, товарыщ, как вас звать?

— Меня зовут Иван, русской богатырь, а тебя как?

— Меня зовут Еруслан Лазаревич.

И вот заговорил ёму Еруслан Лазаревич:

— Я как приехал к тебе гость, ты мне дай напитьце.

Он говорит:

— Гость то гость ко мне приехал, я не спорю, ну дело в том, што почему ты приехал ко мне таким нахалом, поставил своёго коня и отбил от моёго пшоницю. Прежде всего я тебе напитьце не дам, я тебя не знаю, кто из нас будет старшой, тогда я тебя буду поить.

— Всё-таки, Иван, русской богатырь, сначала ты меня напой, а потом мы с тобой съездим помéримсе силой, которой из нас старшой.

Иван, русской богатырь, подаёт, конешно, воды.

И розъехались. И в самой перьвой раз ударил, конешно, Еруслан Лазаревиць ёго мечом и вышиб ёго из седла. И Орóш Вещий наступил ёму ногой на грудь и стоит. Тогда заговорил Иван, русской богатырь:

— Еруслан Лазаревиць, не убивай меня, а лучче назовёмсе: я буду млаччий брат, а ты старшой, потому што мне нужно еще одну рать-силу окончить, а потом я возьму прекрасну королевну за себя замуж. Беру с бою.

Потом Еруслан Лазаревиць отвернул свою лошадь, оне побратанились, конешно, и поехали в шатёр. И вот когда приехали в шатёр, он и говорит:

— Вот, Еруслан Лазаревиць, мне еще одну рать-силу надо убить, с потом я жонюсь на прекрасной королевны.

— Ну, ладно, брат, я посмотрю, как ты будеш убивать, а в случáе чего, так помогу.

Кряду же на другой день наступает Иван, русской богатырь, на рать-силу великую; Еруслан Лазаревиць тоже поехал посмотреть, как Иван, русской богатырь, побивает рать-силу великую. И с этой ратью уже вывезена была королеськая доць. Когда он победит эту рать, тогда и возьмёт за себя замуж. Видит Еруслан Лазаревиць, што хорошо дело идёт, Иван, русской богатырь, рать побивает и лошадь у нёго робо-

тает хорошо, хотя слабже Еруслана Лазаревиця, но всё-таки ничего. И вот он кряду же, конешно, не черезь до́лго убил эту рать, берёт прекрасную королевну и поехал в шатёр, куда уже скрылсе Еруслан Лазаревиць. Он в это времё лег на кровать и лежал, стал слушать, што она будет говорить, как будет ей спрашивать Иван, русской богатырь. И вот когда оне повалились спать, то он спрашивает прекрасную королевну:

— Скажи, прекрасная королевна, есть ли тебя кто красивее на свете, или сильнее Еруслана Лазаревиця?

— Я твоёго́ брата Еруслана Лазаревиця не знаю, про нёго ничего неизвестно, а сильнее ёго есть Ивашко-Епанця, Тарати́нская Шапка. Он сохраняет Индейское чарьство тритцеть лет и мимо нёго птиця не проля́тывает и молодець не прое́живает. Ну, а краси́ве меня я тебе скажу: у чаря Вахрамея в Вахрамеевом чарстви есть доч Настасья Вахромеевна, красивее её нет на свети.

А Еруслан Лазаревич всё это слышит и очень осерчал. Вышел и говорит:

— Если бы Иван, русской богатырь, это не твоя жона, я бы ей убил. Ну, уж ланно.

И вышел проч из шатра, осерчал. Потом вышел вслед Иван, русской богатырь, и говорит:

— Слушай, Еруслан Лазаревич, вернись, не сердись на меня, простимсе, может ты поедеш в Индейское чарьство, и мы не увидимсе. Не сердись на меня, я ничего не знаю, токо должен был спросить.

Потом он, конешно, вернулсе, простилсе с Иваном, русским богатырём, и с этой королевной, сел на лошадь и поскакал:

Приежжает в чарьство Доломата и зашол к чарьским дочерям и спрашиват их:

— Скажите, прекрасные, есть ли вас красивее на свете и сильнее меня, Еруслана Лазаревича?

Оне и отвечают:

— Мы твоей силы не знаем, а есть, наверно, сильнее тебя Ивашко-Епанця, Таратинская Шапка, пасёт Индейское чарьство, мимо нёго никто не прое́жживат, и все девици ёго знают.

Па́ла ёму такая злоба, взмахнул са́шкой, отрубил обеим головы и пошол проч.

Чарь Доломат собрал войско и отправилсе на Еруслана Лазаревиця войной. Еруслан Лазаревиць повернул лошадь свою на их рать и нача́л так жестоко их бить, што не прошло и трёх часов, всё полё было усеяно телами. И больше не медлил ни одного часу, повернул лошадь свою и поскакал проч. Топерь вот Доломат собрал второё войско и пошол опеть на Еруслана Лазаревиця, а уж ёго не было, уж он скрылсе.

Еруслан Лазаревиць скачет топерь в чарьство Индейское, в гости к Ивашки-Епанци. Прискакал он в чарьство Индейское и к самой заставы, где спал Ивашко-Епанця, под дубом спящий. Подскакал Еруслан Лазаревиць, ударил ёго кнутом.

— Што ты спиш? Так ли охраняеш чарьство Индейское?

Тогда он скинул глаза.

— Какой ты такой подъехал, молоде́ць, я тебя еще не знаю, мимо меня тритцеть лет птиця не проле́тывала, богатырь не прое́жживал, молоде́ць не проска́кивал. Кто ты такой? Пойдём-ко в полё, рощитаемсе.

Нача́л укоризной ёму прямо говорить в глаза. Он токо ответил:

— Я есь Еруслан Лазаревиць.

Вот оне и выехали в полё и нача́ли сражатьце. Токо съехались, Еруслан Лазаревич ударил ёго мечом и вышиб ёго из седла. А Оро́ш Вещий наступил ему на грудь и стоит. Потом заговорил Ивашко-Епанця.

— Еруслан Лазаревиць, не предавай злой смерти. Пусть я буду млаччий брат, а ты старшой.

— Ага, заговорил! Нет, я тебя не прошу, потому што тебя знают все молоды девиці и ты хвалиссе своей силой во всяком государьстви. Нет убью, всё ровно убью.

И уби́л. Индейской чарь узнал, што у нёго пал самой сильной богатырь Иван-Епанця, то он открывает городо́вые воро́та и стречает Еруслана Лазаревиця с радостью в чарьство. Когда он пришол в чарьство, то завёл в свои полаты и нача́л ёго угощать, и уговаривает ёго, штобы он осталсе у ёго в госу-

дарьстви служить, и охранять евонное государьство. А он впоследствии обещает ёму престол и дочерь. Вот он говорит, Еруслан Лазаревиць:

— Ну, покажи топерь, ваше величество, мне-ка твою доч.

Вот он привёл доч. Еруслан Лазаревиць садитце и спрашивает:

— Ну, скажи, прекрасная чаревна, есть ли меня сильнее и тебя красивее на свети?

Вот она и говорит:

— Топерь нет у нас на свете тебя сильнее, потому што ты убил нашего Ивашко-Епанчу, которой тритцеть лет охранял наше государьство. Я щытаю, што топерь нет тебя сильнее. А красивее меня есть. Доч чаря Вахрамея краси́вее меня на два раза́, нет ей краси́вее на свети.

Вот он и говорит:

— Ну, ланно, коли есть краси́вее тебя, я тебя замуж не возьму, а поеду дальше. Если там нет, то вернусь и возьму тебя.

Сел на коня и поскакал дальше. Приежжает он к морю, где стояла рать великая, ожидали змея. На чарьство Вахрамеево наступал змей, пожирал войско. И чарь Вахрамей собра́л войско, штобы мог ёго уничтозыть. Вот он токо подъехал, уже змей, три раза́ вода поднялась, на четвёртой выступает.

— У-у, какой чарь милосливой, собра́л людей и еще дал какого-то богатыря́.

Вылез на го́ру, начинает людей ись. Тогда Еруслан Лазаревиць скоцил на нёго, ударил ёго мецём и отрубил ёму две головы. Тогда заговорил цёловечьим голосом:

— Слушай, Еруслан Лазаревиць, не губи меня, отпусти в воду, а я тебе дам за это драгоценной камень. И пусь ты хвалиссе по всему свету своей силой, а я больше не буду у чаря Вахрамея никого трогать.

Так. Он и говорит:

— Ну, давай мне драгоценной камень и отвези в чарьство Вахрамеево, а я не буду рубить тебе голову и отвезу в чарьство Вахрамеево и покажу чарю Вахрамею и ёго дочери и всему свету, што ты есь за змей.

Она ёму сецяс же подаёт драгоченной камень и говорит:

— Ланно, я тебя отвезу к чарю Вахрамею.

Садитце на нёе и едет к чарю Вахрамею. А конь ёго бежит по́ боку. Когда приехал токо в чарьство Вахрамеево, то весь народ заплакал и говорит:

— Кто ты есь, богаты́рь?

— Я есь Еруслан Лазаревиць.

И весь народ стал на колени и нача́л просить:

— Слушай, Еруслан Лазаревиць, убей ты такое цюдовище, штобы ёго больше не́ было.

Все очень испугались. И чарь Вахрамей стал тоже просить и Настасья Вахрамеевна. Тогда он розмахнул своим мечом, она упала, и розрубил ей на части. И кряду же вырыли яму, прикрыли ей землёй. И он заходит в чарьство. Вахрамей ведёт ёго к себе во дворець. Тогда он спросил чаря Вахрамея:

— Ну, што-же, чарь Вахрамей, даёш ли Настасью Вахрамеевну за меня?

— Посмотри, пожалоста, если она тебе понравитце, то бери. А я ничего не имею. Ты проне́ссе по всем чарьствам, тебя топерь все знают и к тому же избавил моё чарьство от змея, он у меня людей много погубил.

Тогда Еруслан Лазаревиць жонилсе на Настасье Вахрамеевны.

Когда повали́лись спать, то он спрашивает:

— Ну, скажи, милая моя, Настасья Вахрамеевна, есть ли сильнее меня на свете и красивее тебя?

Она и говорит:

— Я сильней тебя не знаю и не слыхала, ты топерь самой могу́тной богаты́рь. И красивее меня нет, не слыхала. Есть, конецьно, деви́цьё чарьство, есть там красивые девици и сама красивая, но не красивее меня. У неё токо красивее житьё. Если заехал какой богатырь на́ день, на́ два, то, значит, и проживёт веки там.

— Ну, ланно Настасья Вахрамеевна, я тебя не брошу и не поеду покуда. Покамест обживусь здесь, а потом видно будет.

Вот он прожил месець и всё ёму не нравитце. Как богаты́рь, дак надо поехать.

— Ну, Настасья Вахрамеевна, я поеду, токо не в чарьство девичьё, а поеду по разным чарьствам. Может и съежжу в чарьство Картауса, посмотрю своёго́ отця.

И вот он надумал ехать в чарьство Картауса, посмотреть отця и матерь. Уж ехал он далёко, так, што был недалёко от чарьства Картаусова. Встречает он одного цёловека прохожего. Остановил ёго, стал спрашивать.

— Скажи мне, доброй цёловек, што де́етце в чарьстви Картаусовом и как живёт Лазарь Лазаревиць, мой отець? Я еду их посетить, может ты и знаеш, живёш недале́ко от чарьства.

Он и говорит:

— Слушай, вы кто есь?

— Я есь Еруслан Лазаревиць.

— Дак, слушай, Еруслан Лазаревиць. Я знаю доподлинно всё и тебе роскажу, токо слушай меня. Я и тебя знаю, слышал про тебя, токо не видал. Выступило чарьство Дани́ла Белого на чарьство Картаусово и погибло всё чарьство Картаусово, пожга́ло огнём, камня на камни не осталось, и взяло в плен самого Картауса вместе с Лазарем Лазаревицем. Выкопали им глаза и посадили в темницю. В чарьстви Картаусовом топерь там нет уж никого.

Тогда он сказал:

— Ну, спасибо тебе, прохожой.

Повернул свою лошадь и поехал в чарьство Данилы Белого. И сразу прискакал к за́мкам, где стояли эты темници. Снял стражу, побил замки́ и зашол в ту темницю, где сидел чарь Картаус и ёго отець Лазарь Лазаревиць. Тогда он пришол к им и сказал:

— Ну, здравствуй, мой отець Лазарь Лазаревиць, здраствуй чарь Картаус.

Оне сидели слепые, то оне по голосу ёго узнать не могли и говорят:

— Ты если есь Еруслан Лазаревиць, то большое тебе спасибо, што нас посетил, но как токо ты мог попасть в за́мок? А мы тебя не видим, сам видиш, у нас вы́копаны глаза и сидим в темници.

Да. Говорит им Еруслан Лазаревич:

— Вот тебе, чарь Картаус, у тебя за то глаза вы́копаны, што ты отправил меня из своёго́ чарьства от моёго́ отця. А топерь не знаю, што с вами делать. Я, конешно, вас могу выручить, но дело в том, што вы слепые.

Топерь говорит ёму отець, Лазарь Лазаревиць:

— Слушай, Еруслан Лазаревиць, сделай такоё добро́, тогда я поверю, што ты есь мой сын Еруслан Лазаревиць. Сьезди к Огненому Щиту, Пла́менному Копию́, убей ёго, достань жолоч и смаж нам глаза. Тогда мы прозреем и поверим, што ты есь Еруслан Лазаревиць. А топерь может нам и во сне снитце.

— Ну, хорошо, я поеду, попробую, што будет.

Пошол, роспростилсе с нима́. Токо сел на лошадь и поехал, а Данило Белой уж узнал, што был какой то витезь, но не знал ёго. Со́брал войско и послал за ним. Но Еруслан Лазаревиць не обращал на них внимания, потому што ёму было некогда, пустил своёго Оро́ш Вещий и так уехал. И вот поскакал. Скакал, скакал, скакал и видит рать-сила великая лежит на поли. Вот он скричал:

— Есть ли един жив цёловек в рать-силы великой?

Ёму отвечают:

— Есть.

— Хто эту рать-силу побивал?

— Рослоне́й-богатырь.

— А где он сам?

— Он на втором поли, убит.

Скачет он на второё полё. И смотрит, на поли бугор, как гора. И подъехал он к этой горы́, то видит, голова Рослоне́й-богатыря. А Рослоне́й-богатырь был к тому же сильнейшой ище колдун. Вот когда он подъехал, то и закрычал.

— Есть ли жив цёловек в рать-силы великой?

Ответа нет. Второй раз скрычал — ответа нет. И в третий раз скрычал, никто не ответил. Потом заговорила ёму голова Рослоне́я-богатыря:

— Ну, а ты хто есь, молоде́ць, скажи мне топерича.

— Я есь сильной, храброй богатырь Еруслан Лазаревиць. А ты хто такоё, голова?

— Я есь Рослонéй-богатырь, — отвечает ёму голова. — Ну, топерь скажи, Еруслан Лазаревиць, куда ты идёш?

Он и говорит:

— Я еду к Огненому Щиту, Пламенному Копию, хочу ёго убить, очелить своёго чаря Картауса и батюшка Лазаря Лазаревиця.

— Нет, тебе не убить, Еруслан Лазаревиць, будет Огненого Щита, Пламенного Копия. Я посильней ёго был, да он убил меня.

— А как же, Рослонéй-богатырь, не убить?

— Да так, што не убьёш, потому што он ведь волшебник сильной, сам Кощей Бесьмёртной.

— Так научи меня, как ёго убить.

— Ну вот, так сразу бы и говорил. Я тебя научу. Если ёго убьёш, то и меня попутно очелиш. Я живой, токо голова отдельнё, туловище отдельнё, руки, ноги, всё отдельнё. Ну, уж давай, я тебя научу, так токо не ошибайсе. Вот ты поежжай к Огненому Щиту, Пламенному Копию. Он тебя не будет пускать близко. Тогда ты снимай шлем и маши им, он тебя допустит. Когда ты приедеш к нёму самому, то он тебя будет спрашивать: „Хто ты есь такой?“ А ты ёму отвечай: „Я есь Еруслан Лазаревиць и еду тебе послужить верой и правдой.“ А он на это соблазнитце с тобой. „Коли так, послужить ты едеш ко мне, то у меня есь слуги, все из богатырей. У меня есь одинатцеть богатырей. И вот все ездят к Рослонéевой головы и не могут достать меч из под головы. Если ты мне можеш достать меч, то я тебя возьму в слуги, если не можеш, то не возьму и убью тебя.“ А ты скажи: „Я достану, не надь мне твоих богатырей, я один достану“. И приезжай ко мне, я откацюсь, и ты достанеш меч, и етым мечом токо сможеш убить.

Вот сецяс он это выслушал и поехал к Огненому Щиту, Пламенному Копию. Вот подъехал уже близко. Огненой Щит увидал, што едет богатырь, начáл стрелять. Ну, уж он как в лáтах, то ёму нипочом. И он начáл ёго огнём жеч, дальше уж ехать нельзя. И он снял со себя шлем, начáл махать. Когда он начáл махать, то Огненой Щит видит — какой то едет

с покорностью. И допустил ёго до себя. Допустил до себя и спрашивает:

— Ну, хто ты есь, молодéць, говори мне сецяс, ко мне ведь так не ездят.

— Я есь богатырь Еруслан Лазаревиць. Еду к тебе с большой нуждой. Хочу послужить у тебя в рабах. Везде я уж переездил, по всему свету, хочу у тебя послужить.

— Вот я возьму такого раба, которой может меч от Рослонéя-богатыря достать. У меня есть одинатцеть богатырей, ну оне достать не могут. Вот если ты поедеш с нимá двенатцетой и достанеш меч, то я тебя возьму рабом к себе.

— Тогда, если хотúш, Огненой Щит, Пламенное Копиё, то мне не надо твоих одинатцети богатырей, я поеду один и привезу тебе меч.

— Ну, вот и хорошо, поежжай. Если привезёш меч, то поступиш ко мне.

И вот он кряду же отправилсе к Рослонéю-богатырю. Голова ёму ничего не говорит, только откатилась, и он берёт меч. Сам думает:

— Раньше я не подчинялсе никаким богатырям, а топерь должóн слушать головы, и быть ёго мéньшим братом.

Токо поехал обратно, голова и закрычала:

— Воротись, Еруслан Лазаревиць, а то поедеш и погубиш мой меч.

Он вернулсе, конешно, обратно.

— Ты знаеш, ведь я думу твою наперёд знаю. Ведь ты не хотел меня спросить. А знаеш, как приедеш к нёму, то не утерпиш и удариш ёго мечом. А слуги закрычат: „Бей дрýгожды“. И ты удариш ёго и не убьёш. Он тебе убьёт и возьмёт мой меч. И мне не учелеть и тебе жúву не быть. Вот когда ты приедеш к нёму, то как бытто начнёш подавать, он обрадуетце, заскачет на одном мести. Ты ударяй ёго, и розрубиш пополам. То слуги закрычат: „Бей собаку дрýгожды“. Ты отвечай: „Нет, у нас на Руси однежды бьют“: Сецяс же ёго тащи с того места, потом ёго пласта́й и доставай жолоч. Тогда выедут на тебя одинатцеть богатырей. Ты скочи на лошадь с нимá ты лехко справиссе. А потом приежжай ко мне.

И так Еруслан Лазаревиць сел на своёго́ коня и поехал к Огненому Щиту, Пламенному Копию́ снова. Когда он приехал туда, к нёму, то видит — Кощшей Бесьмёртной на одном мести не может стоять.

— Вот, вот, везёт мне меч Еруслан Лазаревиць. Топерь я ёго убью.

Вот он подьежжает к нёму, как бытто хочет подать. Тот протягает руку. Как ударит ёго и россёк пополам. Вот ёго одинатцеть богатырей, ёго слуги, скрычали:

— Бей собаку дру́гожды.

— Нет, у нас на Руси одне́жды бьют.

И тащит ёго на друго место. Роспорол ёго грудь, конешно, достал у нёго жолоч. И вдруг едут одинатцеть богатырей. Он скочил на своёго Оро́ш Вещий и нача́л с нима́ росправлятьце. Не прошло и два часа́, как оне все полегли. И поскакал обратно к Рослоне́ю. Когда прискакал он к Рослоне́ю, он и говорит:

— Ну, молоде́ць, Еруслан Лазаревиць, хорошо, што ты вернулсе обратно. Ну, а топерь, катись голова к своёму телу обратно.

Покатилась голова к телу и остоя́лась. Он помазал этой жолочью и срослась голова с телом. Потом Еруслан Лазаревиць поодиночке принёс эты ноги, спрыснул этой жолочью, и Рослоне́й стал на́ ноги.

— Ну, вот, Еруслан Лазаревиць, ты быть можеш ме́ньшим братом, а я уж, конешно, старшим.

То не имел ничего против Еруслан Лазаревиць.

— А топерь поежжай очеля́й своих родных.

Так оне, конешно, с ним роспрощались. И Еруслан Лазаревиць поехал обратно, а Рослоне́й пошол к морю. Вот Еруслан Лазаревиць скачет в чарьство Данилы Белого. Когда он прискакал в чарьство Данилы Белого, то Данила Белой уж был совсем вооружо́ной. Войска́ стояли на деле, после этого как он приежжал. И вот кряду же, токо подъехал на войска́, и он нача́л их бить беспощадно. А конь бьёт копытами. От нёго пули отскакивают, как всё ровно, как от какого-нибудь камня.

Данило Белой вооружил второё войско, и выехал сам. И он сначала броси́лсе в саму середину. Перерезал войско пополам, броси́лсе на Данилу Белого и убил ёго и покорил чарьство всё Данилы Белого. Когда он заехал в чарьство Данила Белого, тогда уж порядок был совсем другой. Стретили ёго у городо́вых стен с музыкой и поскакали в город и так далее. И он заехал сразу к темницям, приказал отпирать темници. Стража ёму, конецьно, повиновалась. Пошол к этым темницям, отпер их и зашол туда к ним.

— Ну, здраствуй, отець мой, Лазарь Лазаревиць и чарь Картаус.

Оне и заговорили:

— Ты ли есь опеть приехал, Еруслан Лазаревиць.

— Я.

— Достал ли то, зачем поехал?

— Конешно, достал.

И нача́л им сразу глаза мазать, оне и увидали. Очень обрадели, и броси́лсе Лазарь Лазаревиць на шею к сыну своёму, сказал:

— Ну, топерь верю я, сын мой Еруслан Лазаревиць, спас нас, и топерь мы видим, и также цярь Картаус.

И очень оне обрадели и говорят:

— Ну, Еруслан Лазаревиць, топерь делай што хош, а наше чарьство всё спале́но, так што камень на камень розоре́но.

Тогда он говорит своёму́ отцю и чарю Картаусу.

— Ну, как ваше чарьство все спале́но и разоре́но, то становись на чарьство Данила Белого и пропиши ёго, так што будет чарьство Картаусово.

Говорит ёму чарь Картаус.

— Слушай, Еруслан Лазаревиць! Я не достоин быть чарём Картаусом и ёго прославить, потому што мое чарьство всё спале́но, а это всё твоё. Если ты розрешиш кому или сам встанеш и поставиш, то ёму быть здесь чарём, а я не достоин.

— Я вам розрешаю становитьце, только не розрешу отцю. Почему? Потому што он не знает чарьского дела и не способен, а вам розрешу становитьце и быть на чарьстви. А отець пускай живёт при чарьстви до самой смерти. А я поеду сецяс,

потому што уж давно не был у своей жоны Настасьи Вахрамеевны. А может вас и посещу еще потом, но не знаю.

Тогда чарь Картаус взошол на трон, устроил пир и произвёл чарьство Картаусово. И он у них пробыл двое суток и потом сказал:

— Ну, отец, прощай, Лазарь Лазаревич, я поеду.

Жалко было отцю росстатьце с сыном и говорит:

— Ну, посети еще нас, сын мой Еруслан Лазаревич, я еще живой буду.

— Ланно!

Затем роспрощалсе с нима́ и поехал в чарьство Вахрамеево. Когда он приехал в чарьство Вахрамеево, то чарь Вахрамей очень обрадел, што приехал зять ёго, Еруслан Лазаревиць, и сказал:

— Ну, зять мой Еруслан Лазаревиць, топерь бери престол и правь чарьством моим. Я больше не могу, стал стар.

Он ёму говорит:

— Слушай, батюшка, чарь Вахрамей, я покамест чарьства не возьму, ище поежжу, посмотрю, а там видно будет.

Вот он прожил в чарьстви Вахрамеевом челой год. Никуда не ездил. Когда он прожил год, говорит Настасьи Вахрамеевной:

— Нет, всё-таки, Настасья Вахрамеевна, я поеду, съежжу в чарьство девичьё, проживу там три дня, а потом вернусь.

— Слушай, Еруслан Лазаревиць, не езди, она тебя соблазнит, и ты там останессе навеки. А ты знаеш, я чую себя беременной.

— Ну, слушай, Настасья Вахрамеевна, коли так, што ты беременна, то я даю тебе драгоченной камень. Если родитце сын у меня, то ты слей ёму кольцё; если родитце доць, то ты слей ей крес. А я всё-таки поеду, съежжу и не пробуду больше, как три дня. И если родитце сын, то ты дай имё ёму Еруслан Ерусланович.

Потом опеть же она и просит:

— Слушай, Еруслан Лазаревиць, не поежжай, поверь моей совести, не поежжай, ты забудёш меня с малым дитём.

А он её ласкает, уговаривает:

— Слушай, Настасья Вахрамеевна, неужели я настолько глуп, што тебя забуду?

— Забудеш, всё ровно забудеш. В девичьем чарстви есть деветь богатырей, которые охраняют ейное чарьство, которые оцень сильные, то может ты там и погинеш.

— Не забуду, а всё-таки поеду.

Он, конешно, боле того ище поехал.

— Уж коли есть богатыри, то поеду, померюсь с нима.

И так сел на лошадь и поехал. Когда приехал к застáвы девичьёго чарьства, то стал просить поединщиков. Один приехал, он ёго победил, и тот запросил пощады. Так приежжали три богатыря, он всех победил. Тогда ёго пустили в девичьё чарьство и поставили старшим над всема богатырями. Тогда приходит самая красивая девушка, которая была у них всех красивее, это была ихная чариця. Берёт ёго за руку и повела в палаты. Тогда он начинает там жить, сам думает:

— Я долго здесь не проживу.

И вот с такима красивыма девицями он не знал, как прошло семь лет, как он приехал. Ёму показалось может за семь дней.

После этого, как уехал Еруслан Лазаревиць, то не в долгих Настасья Вахрамеевна приносит сына, и дали ёму имё Еруслан Ерусланович. И он был настолько силен, што ёго силы нихто не мог знать. И ёго боялось всё чарьство. Ну, как он был чаревич, дедушка у нёго чарь, его держали в государстви, никогда не выпускали, пока он не стал сам проситьце. И однежды он приходит к своёму дедушки, чарю Вахрамею и говорит:

— Дедушко, дай-ко мне лошадь, я поеду покатаюсь, узнаю где мой отець.

Дедушко ёму и говорит:

— Слушай, Еруслан Ерусланович, ты сначала узнай у матери, где он есть, а потом обратись ко мне. Ты ище молод, тебе от роду семь лет, и тебя нам отпустить не охота, как нет твоёго отця здесь.

Вот он пришол к матери своей.

— Вот што, мама, Настасья Вахрамеевна, скажи, где мой отець, может, ты знаеш?

Она заплакала и сама говорит:

— Слушай, сын мой, Еруслан Ерусла́новиць, на што тебе отець?

— Да как же, нужно узнать, где он есть?

Вот она и говорит:

— Слушай, сын мой Еруслан Ерусла́новиць, когда батюшко отъежжал твой отсюда в чарьство девичьё, он ладилсе уехать не бо́ле, как на три дня, а вот топерь уже семь лет, как ёго нет.

— Ну, слушай, мама, Настасья Вахрамеевна, я поеду искать отця в чарьство девичьё.

— Сын мой дорогой, Еруслан Ерусла́новиць, ты поедеш и не приедеш. Отець твой уехал и не приехал, и ты не приедеш, по молодости твоей могут оне тебя убить, и не узнат тебя твой отец, если он жив. Ты еще молод.

— Нет, мать моя Настасья Вахрамеевна, я поеду и всё. Найду отця своёго и привезу сюда, всё ровно не спущу ёго в чарьство девичьё, когда стречу.

— Ты всё ровно ёго не узнаеш, и он тебя не узнает, она говорит. — Слушай, сын мой, Еруслан Ерусла́новиць, ты поедеш стретиссе с отцём своим, и он тебя убьёт, или ты ёго убьёш, у вас што-нибудь произойдёт нехорошее.

Уж ей чуствовало ейно серцё. А он одно настреч, што поеду и всё. Ну, она тогда и сказала:

— Ну, ланно, сын мой, я даю тебе кольцё на́ руки. Одень ёго, может, он по кольцю и узнает, ина́че не узнает.

Потом одел он кольцё на́ руку и говорит:

— Ну, мать моя, топерь я поеду.

Потом идёт к дедушки и говорит:

— Ну, дедушка, дай мне коня, которой может меня нести, я поеду и привезу отця сюда. Я топерь узнал от матери, где он есть.

Дедушко бо́ле того стал ёго уговаривать. Ну, ништо не помогло, всё ровно: поеду и поеду. Тогда дедушко призвал конюха и говорит:

— Ну, выведи топерь коня, которой стоит дватцеть пять лет. На нём ежживал токо Еруслан Лазаревиць, и более нихто ездить не может.

Тогда, конешно, Еруслан Ерусла́новичь берёт кладенець, латы богатырские. Надевает коню седе́лку, уздецьку, садитце на своёго́ коня и поехал. Конь стоит перед ним как вкопаной, учуял своёго́ хозяина. Когда он выехал, прямо едет в чарьство деви́цьё. Приежжает на заставу и скрыкнул себе поединщика. Вдруг выежжает один богатырь. Когда выехал богатырь и скрыкнул ёму:

— Иш ты, какой молокосос ищё приехал, ма́терно молоко на губах не обсохло.

Он ёму ничего не сказал на ответ, токо говорит:

— Вот когда узнаеш, давайте съедемсе.

Когда оне съехались, то он отрубил у нёго голову, по́днял на копьё и броси́л на заста́ву. Выехал второй богатырь, из самых лучших, токо не Еруслан Лазаревичь. И такая же честь постигла и второму богатырю. Убил и второго богатыря. Тогда вышел ехать Еруслан Лазаревичь. И сказали ёму:

— Такой молодой богатырь приехал, ище ма́терно молоко на губах не обсохло; и такой моло́дый, а си́лен.

И пришлось ехать Еруслану Лазаревицю. Он уж был главой деви́цьёго чарьства. Когда выехал Еруслан Лазаревичь, ничего не говоря, кряду же ударили друг друга и так сильнё, што никакой никакого не мог из седла выбить. Ко́ни бросились их на задници, но не упали. Разъехались снова и думат:

— Ну, ничего себе богатырь: си́льной и такой моло́дый.

Когда оне съехались второй раз, то такой сделали удар сильной, но разрубить друг друга не могли, потому што были у них латы хорошие. Ну, тогда пал уже Еруслан Ерусла́новичь из седла на сыру́ землю́, и лежит. Наступил ёму Оро́ш Вещий на грудь и стоит. И рука у нёго лежала на земли, и проблеснуло кольцё, и сразу па́ло на ум:

— Уж не сын ли это мой есть?

И говорит ёму:

— Скажи, хто ты такой есь, витезь, какого роду-племени, тогда я тебя не предам к смерти.

— Слушай, доброй витезь, если бы мой конь стоял на твоей груди, ну я бы не спрашивал ни роду, ни племени, ни отця, ни матери, ну рубил бы голову беспощадно.

— Нет, я не хощю такую молодую жизнь губить, а хощю узнать. Твоя жизнь тебе ище понадобитце, а я тебе могу защитить. А ты должóн сказать. И скажи, кто твой отець, и кто тебе мать, и как тебя звать?

— Мать моя — Настасья Вахрамеевна, отець мой был сúльной, храброй богатырь Еруслан Лазаревиць, как говорила мать моя. А я есь сын ёго, Еруслан Ерýслановиць.

Тогда он скоцúл с лошади, óбнял ёго, поднялл и говорит:

— Ну, сын мой, поедем домой. А тебе сколько лет?

— Мне уже семь лет от рóду.

И так сели на кóни и поехали в чарьство Вахрамеево, даже не вернулсе в чарьство девúчьё. Когда приехали обратно, то увидала жона, што это приехал муж Еруслан Лазаревиць и сын её, пошли такие радости. Устроил чарь Вахрамей пир. Гуляли, пили, и продолжалось это челу неделю. Тогда сказал чарь Вахрамей:

— Ну, слушай, зять Еруслан Лазаревиць, я тебя бы попросил принять престол и стать на чарьство, я стал стар.

Он тогда сказал:

— Я, пожалуй, согласен, топерь у меня есть замéна, котора становитце сильнее меня. Он будет охранять наше чарьство.

А потом он поступил на чарьство и стал править чарьством до глубокой старости. И больше никуда не отъежжал.

И на этом и кончаетце, а уж про сына не знаю.

Прибавлять и сбавлять не знаю, сколько слыхал, столько и передаю.

37. ФРАНЦЕЛЬ ВЕНЬЦИАН

В ишпанском королесьтви жил король Брамбеу́с. У короля Брамбеу́са жил при дворе князь Фри́дор с княгиней Санфи́дой. И вот в одно прекрасноё времё княгиня Санфида родила сына, которому име дали Веньциан. И вот когда родилсе этот Веньциан, то во времё рождения своего скрычал громким голосом три раза́. Князь Фридор очень удивилсе такому мальчику, што он скрычал три раза́ громким голосом. И у нёго признаки были на правой руки и на головы. Волоса́ были полные, наподобиё короны, а на правой руки признаки были наподобиё копья или меця́. Потом князь Фридор призвал к себе астроло́гов, узнать, што будёт с евонным сыном в жизни. И вот астроло́ги когда пришли, посмотрели этого мальчика и сказали:

— Князь Фри́дор! у тебя сын будет си́лен и хра́брой и славитце будет во всех государьствах. А волоса́ у нёго на подобие короны: он овладет мно́гима государьствамы и на руках будет иметь огромное чарьство, а на руках у нёго тоже признаки такие: в правой руке наподобие меця, а в левой наподобие копья. Ище князь Фри́дор, осмелимсе тебе сказать, если тебе угодно будет знать, то мы скажем.

— Говорите астроло́ги, за это будете щедро награжо́ны.

— Вот, князь Фри́дор, вы будете разлучо́ны с сыном своим, может, пройдёт деся́тки годо́в, и не будете иметь вести от нёго, и са́мы будете вы́гнаны из этого государьства.

Потом он сказал астроло́гам:

— Слушайте, астроло́ги, за это, што вы всё росказали, спасибо. А это, што вы сказали, што я буду розлучо́н с сыном, то я кладусь на бога.

И так он их наградил, и они пошли домой.

А в это же времё у короля Брамбеуса родила́сь дочь Рыньцывена. И вот когда Веньциан вырос в три года, то уж ро́сту по́рядошного, никто ёму́ не дал три года. И кряду же ёго отдали учитьце. Он был краси́в и по́лной из себя. И вот Веньциан училсе до семи лет, и все он школы произошол гороцкие и прихоцкие, так што уж в городу́ ёму учитьце было́ не́где. Но уж он росту был почти по́лного. Потом князь Фри́дор отдал ёго в военно-французское училище учитьце, штобы он научилсе по-французски и привыкал к французскому языку́ и прошол грамоту. И вот он поступил во французскую школу и училсе там три года, и с одним братом названым побрата́лись. Ёго звали Маркисом, он родом был из Германии. И оне ходили вместя́х всегда. И всякой год съежжались лыцери на Мальтийской о́стров на шпа́жные поединки, а в это време марша́лы приежжали с подарками и патретами. Хто выйдет победителём, тот выбирал разных королевен и княжо́н. И так же Рыньцывена отправила своёго марша́ла с подарком и патретом, она росту была большого. Марша́ла звали Фло́ренць. И вот Веньциан сказал, раз брату своёму Маркису:

— Вот, Маркис, пойдём на Мальтийской остров, хош посмотрим, как эты рыцери сражаютце.

— Ну, пойдём

Он взял свою шпагу и пошол. И у всех лыцарей были наве́шаны патреты своих девиць, всяк сражалсе за свою. И вот когда пришол Маркис с Веньцианом, то сказал:

— Пойдём смотреть патреты, каковы́ красавици.

И сразу оне пошли к марша́лам. Когда посмотрел он на патрет Рыньцывены, то уж очень она ёму понравилась, лучче быть не может, и сказал:

— Ах, красивая девушка у нашего короля. Слушай, брат Маркúс, я пойду на шпажной поединок за честь, красоту короля Брамбеуса дочери.

То сказал ёму Маркúс:

— Слушай, брат Веньциан, так нельзя. Ты смотри здесь наехали лыцари здорóвые, толстые.

— А што — тóлстые, я тоже у себя имею две руки.

Потом объевил, с однем рыцарем поздоровалсе, он был из Кунского королесьтва, по имени Песáрець. Он поехал за свою из Кунского королесьтва красавицю, а Веньциан за короля Брамбеуса доць. И вот оне розъехались. Потом ударил Веньциан этого Песáрця шпагой в грудь, тот вылетел из седла и уступил ёму свой патрет.

И тогда выступил Палтус по имени, и с укоризной подъехал к нёму:

— Иш ты, какой молокосóс, еще мáтерно молоко на губах не обсохло. А ты не знаеш по младости своей, ты можеш получить смерть.

Он сказал:

— Зачем, граф Палтус, до времени говорить? Надо сначяла испытать, а уж потом увидим.

Тогда оне розъехались. При перьвой схватке ударил Веньциан ёго шпагой, што тот токо еле мог усидеть в седле. Тогда оне съехались снова, он сказал:

— Ну, брат Палтус, так каково тебе обращатьце со мной?

Тогда сказал ёму Палтус:

— Иди со мной до смертного поединка.

Тогда Веньциан оставил шпагу острой стороной и поехал на нёго. Когда съехались, он проткнул ёго насквозь мецём, и тот упал. Тогда уже никто не хотел выступать с ним на поединок.

Потом съехались все маршáлы и отдали ёму патреты и все подарки отдавали и перстни именные, а рыцари отступили и отказались от своих патретов. И ещё дали ёму свидетельство. Это, конечно, он взял, тогда ёго в этой во Франции провели в самые старшие рыцери и дали ёму второё имя Францель Веньциан.

Когда оне окончили эту школу и он сказал Маркйсу:

— Ну, теперь поедем со мной в Ишпанию, побудём у меня, а потом я поеду с тобой в Германию.

И так вместе оне поехали. К когда приехали в Ишпанию, он говорит:

— Ты, брат Маркйс, не зови меня нонёшним именем, а зови прежним именем: Веньцианом, да Веньцианом. Почему? Потому што меня здесь еще никто не знает, ни мать, ни отец, и наше все королесьтво, а там уж видно будёт.

И вот когда приехал Веньциан домой, то очень обрадели отець и мать. Стретили ёго, конешно, и стали спрашивать, как училсе и што у тебя за товарыщ? А он был очень красив и становит из себя. Он ответил:

— Отец, этот товарыщ будет из Германии, он уж очень мне знакóм, так што я поеду вместе с ним в Германию, в гости к нёму. И он со мной вместе училсе.

Тогда князь Фрйдор устроил в своем доме небольшой банкет. Позвал своих князьёв и пригласил короля Брамбеуса с жоной и дочерью. И было несколько девиць тут же на банкете. И вот когда гости собралйсь, то сидел Веньциан и Рыньцывена и смотрели друг на друга. Ничего оне не говорили, но уж сразу полюбили друг друга.

Потом посидели немного, подошол король Брамбеус к Веньциану.

— Скажи мне, Веньциан, как училсе, бывáл ли в потешных в каких в училищи?

— Да, ваше королескоё величество, бывáл немного.

— Умееш играть?

— Да, умею.

Тогда приказал брату Маркису принесть арфу. Он начáл играть, а брат Маркис нежным гóлосом спевать. И вот долго слушали, наконец, он подошол к нёму и говорит:

— Ну, хорошо играеш, Веньциан, видно, ты там выучилсе кóё чемý.

Посли этого стали гости росходитьце и благодарить князя Фрйдора за угощеньё. И Рыньцывена ушла, ну ей не-

удобно было́ с ним говорить, ну уж очень ей Веньциан понравилсе, и Рыньцывена понравилась ёму. Очень оне полюбили друг друга. Когда она приехала домой то кряду же приказала притти своему марша́лу к себе.

— Ну, што надо, ваше высочество?

— Вот што, марша́л Флоренць, ты сделай в завтрашной день у себя банкет, позови нескольких фрейли́н, и приду я. И позови несколько рыцерей: — Веньциана и там у него есь брат.

Этот Флоренць уехал и со́брал у себя в доме банкет. Позва́л девиць, фрейли́н и рыцерей пригласил. Ну, в-перьвых, Веньциана и ёго брата Маркиса. И вот когда пришол марша́л, сказал им, што вас звали на банкет, то Веньциан сказал:

— Ну, брат Маркис, топерь пойдём на банкет, и оденемсе в хоро́шу францусску одежду.

И так, конешно, оне оделись и отправились на банкет,

— А будет ли там Рыньцывена?

— Будет.

Вот они прихо́дят на банкет, а уж там фрейли́ны все собравшись. Конецьно, во-перьвых посидели, а уж потом пошли танцевать. Только один Веньциан не танцевал, да Рыньцывена. Ей и хочетце танцевать, а он не смеет ей проси́ть. Тогда Рыньцывена смотрела на Веньциана, а Веньциан на Рыньцывену.

— Што же ты, Веньциан, не танцуеш?

Ответил ей Веньциан.

— Ваше высочество, я не имею па́ры.

— Ну, берите, кого жалаете.

Тогда он подаёт ей ру́ку, она с радостью пошла танцевать, и думаёт про себя:

— Уж, наверно, любит меня Веньциан.

И он про себя думаёт:

— Уж, наверно, любит меня Рыньцывена.

Когда эты все ковалеры шли проститьце вместе со своима́ дамами, и также Рыньцывена отвёла Веньциана. Уселись оне наедине́ она и говорит ёму:

— Слушай, Веньциан, я бы жалала для тебя остатьце при нашем королесьтве рыцярём.

Прекрасная Рыньцывена, я еще не могу быть рыцерём, потому што рыцярьской славы не имею.

И так он не сказал ей ничего больше, и потом немного посидели, конешно, и стали разъежжатьце. Всё-таки она думала:

— Ну, меня Веньциан любит.

И черезь день приказала собрать второй банкет маршáлу и пригласить тех же гостей, што и раньше были. И так кряду былó сделано. У этого маршáла все были созваны. Тогда опеть он пришол к брату Маркису и говорит:

— Ну, брат Маркис, пойдём, одевайсе, сходим еще раз а потом уж поедем в Германию.

Когда оне опеть пришли на банкет, то всяк брал свою пáру и шел танцевать. Оставалсе только один Веньциан. Она опеть стала нá ноги, подошла к нёму:

— Што же ты, Веньциан, не танцуёш?

— Я пока пáры не имею.

И она пóдала ёму с радостью рýку. Пошли опеть танцевать. И вот все пары пошли опеть остынуть, и также Веньциан пошол со своей Рыньцывеной. И отошли, сели наединé, она опеть стала ёму докладывать про своё и думает:

— Што он не откажетце от моёго предложения.

Вот она и говорит:

— Слушай, Веньциан, я чего хочу у тебя спросить: почему же ты не жалаеш быть при нас рыцерем или при мне, при королеськой дóчери. Тебе, смотри, будёт лучче.

Он сказал:

— Как же я могу быть рыцерем, когда я не имею рыцерьской слáвы, а тем более при девици я не могу.

Категорически отказалсе. Не осмеливаетце: боитце короля, значит. И вот она тогда не сказала ёму ничего, а подумала:

Веньциан откладывает от себя любовь, он поэтому не любит меня.

Уехала, и кряду ушол Веньциан. С тех пор не стала больше собирать банкет.

И вот когда он пришол домой, и говорит ёму Маркис:

— Слушай, Веньциан, топерь я у тебя пробыл, давайте, поедем ко мне в гости — в Германию.

Когда зашол к нёму отец и мать, и говорят:

— Ну, Веньциан, когда ты поедеш в Германию со своим Маркисом, ты ни одной пошты не пропускай, пиши, а то мы будем очень о тебе беспокоитьце.

— Хорошо, отець.

И так и собралйсь, поехали. Вот когда поежжал Веньциан то дал от спальны ключи́ матери и сказал:

— Ну, мама, вот тебе ключи от спальны, никому не открывай и не показывай, потому што там много есть чённого.

И у нёго там хранились патреты, похвальной лист, знаеш, и всё.

Когда уехали, то он за четыре месеця ни одного письма не пóслал, забыл или што. Отец и мать очень печаловались, даже мать свалилась в постель лежать. И вот узнала Рыньцывена про это, што лежит мать Веньциана, Санфида. Подошла к отцю и сказала:

— Слушай, папа, спусти меня посетить кнегиню Санфиду, потому што она сильнё болеет.

— Ну, поди со своей нянюшкой.

Вот она справилася, конешно, и пошла. Приходит к княгини Санфиды, и та посадила ей угощать. А она спрашивает, когда он уехал и што, почему не пишет и так далее. Потом говорит:

— Слушай, княги́на Санфида, дай мне ключи от ёго спальны, я посмотрю, как водитце у рыцерей.

Она, конешно, не могла отказать и забыла про это, што ей сын не велел никого пускать в спальну. И вот она приходит в ёго спальну. И походила и кряду же открыла завесу, где были эты три патрета и похвальной лист. Этот похвальной лист она прочитала и думает про себя.

— Видиш, он отказываетце, не хочет быть рыцерем, што не имеет рыцерьской славы, а уж он давно имеет.

Берет этот лист к себе.

— Ну, уж топерь я ему докажу.

И так лёгла на ёго кровать и заснула. Заснула, и уже видит во снях и закрычала во снях в голос:

— Тебя ли я вижу, мой прекрасной Францель?

Тогда подходит к кровати нянюшка и будит её:

— Стань, прекрасная королевна Рыньцывена, неудобно так крычать, ты спиш не дóма.

Она кряду стряхнулась, убрала, хоть не так, место, как у него было убрано. Ничего больше не взяла, токо похвальной лист. Ну, у нёго былó редкостей много. И вот приходит она обратно из спальны, подаёт Санфиды ключ и сказала:

— Ну, спасибо.

Пожалала всего хорошего, здоровья, роспрощалась и пошла домой.

Наконець, она пришла домой

Не черезь долго приежжает Веньциан. Только узнала о приезде Веньциана, то кряду маршáлу сказала:

— Ну-ко, ты собери банкет сёгодне и зови гостей, которы у нас и раньше были.

И это, конечно, былó всё сделано. На второй день маршáл приежжает звать Веньциана. Тот обещалсе ёму, маршáл уехал. И он подошол к брату Маркису и говорит:

— Ну, брат Маркис, пойдём на банкет, давай, оденемсе в хорошоё платьё.

И вот когда зашли оне на банкет, то там уже все приехали и ждали токо Веньциана. И вот пошли все плесать по пáрам, а Веньциан опеть же сидел, не танцевал. Тогда подошла опеть Рыньцывена и говорит:

— Ну, што же ты, Веньциан, не танцуеш?

— Да я не имею пáры.

Берёт он ей, пошли танцевать. Вот оне, конешно, потанцевали, пошли остынуть. Сели наединé, опеть она начáла заводить реч, как и раньше:

— Ну, скажи Веньциан, почему ты отказываессе быть рыцерем при нашем дворце или при мне? Я тебя еще раз прошу.

Он и говорит:

— Слушай, прекрасная Рыньцывена, не могу же я быть рыцерем, как не имею рыцерьской славы.

Сечас она вынимает из кормана похвальной лист и начинает ёму читать. Когда вы́няла похвальной лист и сказала:

— Почему, Веньциан, ты от меня скрываеш, ты уж давно имееш рыцерьскую славу. Ты был на шпажных поединках на Мальтийском острову́ и получил всех красавиць патреты и похвальной лист. Тебя зовут Францель Веньциан. И отказывать тебе уж не приходитце.

Тогда Веньциан стал на́ ноги и кряду же пошол проч. Тогда Рыньцывена тоже ушла проч, и думает:

— Веньциан совершенно не любит меня.

И сильнё она заболела. И Веньциан заболел. Веньциан пришол когда домой и сказал матери:

— Мама, кто-же у меня был в спальны, там у меня не всё че́ло.

А уж мать, когда болела, то не помнила, што приходила Рыньцывена, и говорит:

— Нет, сынок, у тебя нихто не́ был.

Ну, он больше спрашивать не стал и сам, конечно, заболел, тоже лёжал больнёй. И вот ходил к этому один, знаеш, врач, и он ходил к Веньциану и также к Рыньцывене, к обоим. И он же стал спрашивать врача:

— Скажи, врач, куда вы еще хо́дите, какую посещаете больнюю или больнёго?

Тогда он сказал:

— Вот што, Веньциан, я хожу к короля Брамбеуса до́чери, Рыньцывены, и она тоже сильнё болеет.

— Ну, дак тогда погоди, врач, я тебе напишу письмо, и ты передай этой Рыньцывены, короля до́чери.

Тогда он сел и написал ей письмо. И описал, всё, што он думаёт, и как бы им свидетьце наедине́ и обо всём поговори́ть. И передаёт этому врачу письмо. Он берёт это письмо в руки и говорит:

— Слушай, Веньциан, князя Фри́дора сын, я боюсь это нести письмо.

— А чего ты боиссе?

— Да как не боятьце, ты знаеш, если узнает король, то моей головы уж не будет, — я буду погибший, мне за это не охота нести ёго.

Тогда сказал ёму Веньциан:

— Слушай, врач, ты не бойсе, токо ты ей передай самой лично, и пусть она даст мне ответ. А тебе ничего не будет, и я тебя награжу щедро.

И даёт ёму несколько цервонцев. Тогда, конечно, он уж взял письмо. Несёт и сам боитце, што будет, не знай. Когда принёс, так сра́зу же подал ей письмо. Она спросила:

— Откуда это?

— Это от одного больнёго.

Когда прочитала, то скочила, будто и не болела никогда.

— Подожди, доктор, я напишу, а ты отнесёш.

А доктор стоял ни-жив, ни-мертв, думал:

— А вдруг она скажет королю Брамбеу́су, што мне тогда будет?

А у ней сразу и болезнь прошла. Вот она составила письмо и сказала:

— На́, отнеси этому больнёму, ну, смотри, не давай никому в ру́ки читать, за это ты будеш наказан.

— Я не токо не даю никому в руки, но совершенно и не скажу никому.

И кря́ду же пошол опеть к Веньциану. Приходит, подаёт ёму письмо. Он спросил:

— Это от кого?

— Да вот от одной больнёй.

— Хорошо. Подаёт ёму еще несколько червонцев и говорит:

— А топерь поди и никому не говори про это письмо.

— Да я не токо никому не скажу, я и забуду про это до самой смерти.

Вот так, конечно, у ней всё бы́ло написано в письме.

„Вот, Францель Веньциан, ты приежжай ко мне, как хочеш свидетьце, под видом одной мнимой Сусанны. И сошёй платьё, сам знаеш, какое, уж не мусское, а какоё полагаетце, для Фре́лин. И приежжай меня посетить, а уж там я тебя стречу, и поговорим обо всём".

И вот он, конечно, когда прочитал письмо и кряду же пошол в швейну, где шили платья женские. И говорит этим портным:

— Вот, сошейте мне такоё платьё.

— Сошить-то мы сошьём, а куда ты поедеш?

— А уж это дело моё.

— А если ты куда поедеш, да тебя достанут, тогда и нам будёт худо.

— Вы слушайте, не бойтесь, ничего вам ни будет, а я вам даю больши́е деньги, которых вы еще и не вида́ли.

Оне нача́ли роботать платьё. На второй же день он пришол, это платьё было́ готово, и он такую дал им сумму денег, што они еще не вида́ли. Он взял это платьё, оделсе и кряду же, он видом был молодоватый, так што нельзя бы́ло узнать: девиця или мущына, красивой был из себя. И он кряду же отправилсе. Сел он в корету и поехал в королеськой дворець. Когда токо приехал, это доло́жили нянюшки, што приехала какая-то мнимая Сусанна, она выбежала ёго стрецять. Король спросил:

— А это кто, дочка, такая?

— А это приехала меня навестить одна мни́мая Сусанна.

— Взяла она ёго за́ руки и провёла в свои комнаты, и уселись оне двоё. И тут оне поговорили, конечно, обо всём. И она ёму сказала:

— Ну, милой Веньциан, меня топерь ты доставай как знаеш, я на всё согласна. Скажи своему отцю, штобы он просил мою руку у батюшка, што он скажет, а уж потом доставай, как знаеш.

Про́жил он сутки у ней, уж больше-то нельзя, а потом уехал. И Рыньцывена совсем справилась от боле́сти. Уже ясно. И вот на второй же день, он приходит к своему отцю и говорит:

— Ну, отець мо́й князь Фри́дор, я жалаю жонитьце.

Отець очень тому обрадел, што он жалает жонитьце, ну сказал только:

— Ну, на ком ты жалаеш?

— Я жалаю у короля Брамбеу́са на до́чери Рыньцывены.

— Да, сын Веньциан, а если я пойду к королю свататьце на дочери, да если не понравитце королеському величеству, то знаеш што мне будет за это?

И он приносит похвальной лист, што он уж давно имеет рыцерьску славу. Отець прочитал и сказал:

— Да, не знаю уж што делать?

— Если ты, отець, не пойдёш, откажессе от такого предложения, то на завтро же ты меня в городу́ не увидиш, я уйду обратно в Германию.

Тогда отець сказал:

— Ну, ланно. Итак твое жаланье исполню.

Взял похвальной лист и пошол к Брамбеу́су. Когда он пришол к Брамбеу́су, поздоровалсе и стал перед ним на колени. И дал ёму похвальной лист в руки. Король берёт похвальной лист и говорит:

— Да, мой князь Фри́дор, я жалаю иметь твоёго сына нашим рыцерем, Францеля Веньциана, он уж давно имеет рыцерьскую славу. И скажи мне, князь Фридор, почему вы так низко себя сегодне ставите? Я всегда исполнял твои жаланья, што бы вы ни пожалали.

Тогда князь Фридор встал на ноги и говорит:

— Ну, ваше королеське величество, я тебе скажу, ну токо меня пощадите и не отказывайте мне от моей должности.

— Зачем? Ну, говори.

— Вот што, ваше королеськоё величество, жалает мой сын просить тебя, штобы ты дал руку своей дочери, её за нёго замуж.

Тогда это слово так королю не понравилось, што король зато́пал ногами и сказал:

— Уходи проць с моёго гла́зу и больше ко мне не приходи с таки́ми словами, а то будеш наказан. Вот тебе, посватайсе, суньсе!

И он черезь это был перева́дён в другой город, не сразу. А сичас он кряду же пошол домой. Пришол домой и говорит сыну своёму:

— Ну, сын мой Францель Веньциан, я твое жаланьё королю Брамбеу́су поручи́л, а себя от королеського величества наве́ки отлучил.

— Ну, ланно, отець, коли ты это сделал, то так и быть, а уж вперёд всё ровно будёт по-мóему.

Больше ёму ничего не сказал. Пришол к брату Маркису, и говорит:

— Брат Маркис, поедемте в город, закажем плáтьё драбанскоё портным.

И вот оне приходят к этым портным и заказывают платьё. Оне опеть же отказыватьце:

— Што если вы будете носить платьё драбанскоё, и вас поимают, то король может нам сказнить гóлову.

Тогда говорит им Францель Веньциан.

— Слушайте, товарыщы, вы не так судите. Токо вы сами не сказывайте никому, а уж мы не попадемсе.

Тогда оне черезь день, через два сошили им по костюму. И вот когда оне сошили, то оне сразу же вечером оделись и пошли в трактир. Этот трактир стоял у óзера близь королеського дворця, напротив окон Рыньцывены. И он приказал взять Маркису арфу. И пришли оне в этот трактир часов в восемь вечера и брали напиток токо одну бутылку сладкого. Провели они в этом трактире часов до двух ночи. Один играл на арфы, а другой нежным голосом роспевал. И Рыньцывена знала, што здесь Францель Веньциан. Всё слушала, не спала всю ноч и радовалась, пока оне не вышли. Вот оне вышли, она легла спать. И оне тогда тоже пришли, повалились спать. И вот утром стаёт король Брамбеýс и спрашивает:

— Почему же у меня Рыньцывена долго почивает?

То говорят нянюшки:

— Она сёгодне долго нé спала. И это были в трактири люди: один играл на арфы, а другой пел. Она их слушала, потому и опочует долго.

Тогда король Брамбеус пишет полковнику такой строгой приказ:

„Почему твои салдаты ходят ноцью по трактирам? И приказываю на другую ноць назначить круг трактира караул от восьми часов вечера, хто пойдет, штобы задя́рживать".

Сецяс полковник, конецьно, процитал и стал спрашивать своих салдат. Но сколько ни допытывал, узнать не мог, хто

там был. На второй же день вы́строил караул с восьми цясов до у́тра. Тогда, когда стал вецер, так цясов в восемь, и говорит Франциль Веньциан брату Маркису:

— Ну, пойдём, еще сходим в трактир.

Одели драбанскоё платьё и отправились в тот же трактир, в котором раньше сидели. Только подходят к трактиру, то их караул стал не допускать. Он тогда сказал:

— Брат Маркис, на-ко мою арфу.

А сам обнажил шпагу. Рыньцывена в это време сидела у окна и уже смотрела на их. Франдель Веньциан кинулсе перьво на зводного командира и зарезал ёго, потом взял и перебил почти всех. В живых оставил только четыре человека. Потом оне с Маркисом зашли в трактир, взяли бутылочку красного вина и стали выпивать. Франдель Веньциан заиграл на арфы, а Маркис ёму стал подпевать нежным голоско́м. И вот так оны просидели до полно́ци. Маркис и говорит:

— Слушай, Франдель Венциан, пойдём домой, штобы нас здесь не накрыли це́лой ротой.

И так оне ушли домой, легли спать. На у́тро узнали, што этот караул весь был розбитой и осталось в живых только четыре человека. Дошла весть до короля. Тогда король Брамбеу́с приказал выстроить весь полк — и носить этых салдат, што не призна́ют ли оне виновных, хто был в трахтире. Это ёго распоряженьё было́ всё исполнено, но салдаты никого не могли признать, хто был вчера около трахтира. На вто́рой день была выставлена в караул че́ла рота салдат и с нима́ же был ротной командир. Как стало восьмой цяс, он опеть и говорит:

— Но, брат Маркис, сходим еще раз, а больше уж не пойдём. Одели оне драбанскоё платьё и пошли. И так оне приходят вдвоём к этому трахтиру, смотрят, а там че́ла рота и с ней ротной командир. Их стали задя́рживать. Франдель Веньциан и говорит:

— На́-ко, брат Маркис, подержи арфу, а я с нима́ росправлюсь.

Вынимает свою шпагу и перьвым делом броси́лсе на ротного командира и зарезал ёго. А Рыньцывена смотрела в окно и всё времё думала:

— Ну, топерь Францель Веньциана убьют.

Но он перебил всех салдат и оставил токо из всей роты шесть человек. Потом оне зашли в трахтир, взяли красного вина и стали выпивать. И он взял арфу и нача́л играть. А брат Маркис ёму говорит:

— Слушай, Францель Веньциан, нам долго здесь сидеть нельзя, как бы за нами не́ было погони, и цюю по городу, што-то пошло шумно.

Потом сказал Францель ёму:

— Слушай, Маркис, если не утёрпитце серцё моё, то я много беды сделаю в этом городе.

И вот он опеть же заговорил:

— Брат Францель, пойдём.

— Но, пойдём.

Вот оне до́пили вино и пошли. Только оне вышли из трактира, то сецяс же че́лой полк салдат обступил кругом этого трахтира. И зашли в трахтир, но в трахтире никого не нашли из салдат. Потом арестовали этого трахтирщика и сецяс же привели прямо к королю. Когда привели трахтирщика к королю, то король ёго начинает спрашивать.

— Ну, скажи, трахтирщик, поцему ты пускаеш в ноцьную пору моих салдат в трахтир? Оне убили столько народу и наделали большой скандал.

Тогда говорит трахтирщик королю:

— Слушайте, ваше величество, вы знаете, што трахтир — дом вольной, и я пускаю всех, хто жалает войти. Я за это вам плацю большии деньги, пошлины. Оне мне никакой обиды не наносили, за напитки росщитывались щедро и вели себя тихо, смирно. Один играл на арфы, а другой ёму подпевал.

Это всё обсказал трахтирщик королю. Тогда король отпусти́л ёго. Трахтирщик ушол на своё место. А король велел розыскивать этых салдат. Но, конечно, их найти не могли.

Когда оне пришли домой, переспали ноць, Францель Веньциан и говорит:

— Ты, брат Маркис, иди на корабельню пристань и готовь корабь, к отходу, я сёгоднёшну ноць заберу Рыньцывену королевну и приеду вместе с дядей Еганом.

И вот так Маркис ушол, а Францель Веньциан нацял приготовлятьце к побегу. Нанял корету глухую, и ночью подъехал к той стены, где жила Рыньцывена. И кряду же она услыхала ёго и спустилась из окна к нему прямо в корету. Оне уехали из города к дяди Егану. Он их там дожидал. Вот, кряду же, как оне выехали, пала такая сильняя гроза: молния, дождь, што было страшно. Но в это време Рыньцывена спала и ничего не слышала. Да, и вот оне подъежжают к одному мосту, которой надо было переехать, когда попадали на пристань. Но этот мост в сёгоднёшну ноць этой бурей снёсло. И потом дядя Еган пошол, поехал на лошади смотреть, где брод. Лошадь у ёго споткнулась, и он упал в реку. Ёго унёсло, и он сконцялсе. Тогда Францель Веньциану делать было нецёго. Итти отыскивать брод и оставить Рынцывену было нельзя. Он тогда решил ехать и увидал один костёл, где жил священник. Он приехал к нему на двор и зашол в костел. Подошол к этому священнику и говорит:

— Слушай, батя, укрой нас вмести с королевной.

Тогда он сказал, этот священник:

— Слушай, Францель, я не могу тебя скрыть вместе с королевной. Я скрою тебя только одного и до тех пор, пока не придут за Рыньцывеной. Как только ей отсюда увёдут, то и тебе надо будёт уходить, а то узнают, то и мне будет худо.

Тогда он, конецьно, попростилсе со своей Рыньцывеной. Она заплакала. Этот священник повел ёго в погребá. В это времё уж начинаетце день. Королевну священник посадил за стол и угощал разными яствами.

Как король Брамбеус узнал, што куда-то делась ёго доць, он кряду послал погоню. Как оне доехали до этого места, и больше ехать было нельзя, оне заехали в этот костёл. Токо заехали в этот костёл, то увидали сидящую королевну за столом. Сразу стали выспрашивать священника:

— Хто ёе сюда привёз?

Конецьно, священник докладывал со своей стороны:

— Просто привёз ей на двор и сам уехал, так што я и не знаю, кто это был.

Когда спросили Рыньцывену, она сказала:

— Я и сама не знаю, кто меня вёз, и как я сюда попала.

Тогда, конечно, королевну посадили в корету и представили к королю Брамбеу́су. Тогда король Брамбеус спросил этых гонцёв.

— Где вы ей взяли?

— Мы ей взяли у онного священника в костёле. Она сидела за столом и ела, а священник не знает, хто ей привёз, и она сама тоже говорит, што не знает, кто ей увёз.

И вот тогда сказал король Брамбеу́с:

— Ну, щастливой тот, кто не попал мне, тогда бы от меня не ушол.

И больше ничего не сказал.

Когда токо увезли королевну, то сразу же священник пошол к Францелю и сказал:

— Ну, уходи, пока не приехали второй раз, а то если найдут тебя здесь, то и меня убьют.

И Францель от него ушол. Дал, конечно, священнику денёг и ушол. Ну, так, он перебралсе через эту реку́ и пришол на корабельню пристань, где стоял корабь совсем наго́тове у Маркиса. Потом, конечно, Францель приказал итти в Германию. И вот во время ихного пути пал сильной шторм, и их прибило к алжирским берегам. Корабь ихной попал на́ мель и ёго розбило. Вся каманда погибла, и спассе один только Францель. Он доплы́л до су́ши. И потом он, когда немножко приобо́дрел, то пошол попадать куды-нибудь в жило́ё место. Шол он, шол, и попал на алжиря́н. Эты алжиря́на взяли ёго к себе и стали корьмить, потому што он был очень красив, и оне думали ёго продать и взять за нёго большие деньги. Эты алжиря́на ходили роботать на одну корабельню пристань, где приходили заграничные суда́ и отходили в разные города. И ёго всякой раз брали с собой. И раз пришли оне роботать на корабельню пристань. И один капитан увидал этого красивого мальцика. Он стал просить алжиря́н:

— Продайте мне этого красивого мальцика.

Тогда сказали алжиряна:

— Мы за дёшову́ чёну ёго отдать не можем.

— Дак сколько вы жалаете?

— Мы продаём тебе ёго, если отдаш нам триста цервонцев зо́лотом.

Он ницёго не говоря, отщытал им деньги и взял Франциля Веньциана к себе на корабь.

— Ну, поедем с нами?

— Дак што, поедем.

А корабь этот, как раз шол в Турцию, И вот, конецьно, оне пошли. Этот мальчик, конецьно, уж ни мальцик (мы-то знаем) Францель, сильнё помогал каманды во времё шторма или погоды. И этот купець-капитан глядел на нёго и думал:

— Ну, я не зря купил ёго.

Когда оне прибыли в Турцию, то сразу же паша́ Султага́н приехал на прописку загранищьного корабля. Он сразу заметил этого красивого мальчика и стал купцю говорит:

— Слушай, купець, продай мне этого юношу и сколько он у тебя сто́ит?

Вот ёму говорит этот купець, хозяин корабля:

— Я этого мальцика не могу продать дёшево и, пожалуй, совсем не продам, потому што я сам за нёго заплатил очень до́рого.

Тогда паша́ Султага́н ёму сказал:

— Если ты не продаш мне ёго, то я не розрешу твоёму короблю быть в наших вода́х, а если продаёш, то пропишу корабь и дам розрешенье тебе торговать в наших пределах безданно, беспошлинно.

Тогда купець, конечно, согласилсе на такоё предложение и сказал:

— Я дёшево его, как говорил, не продам. Если даш триста литр золотом, тогда я тебе ёго продам.

Султага́н слова не переменил, отщытываёт ёму деньги и взял за собой этого юношу. Конечно, не знал, как ёго зовут. Когда он привёл домой ёго и спросил:

— Скажи, как тебя звать?

— Меня зовут Францель Веньциан, — отвецяет он Султа-та́ну.

— А откуда ты сам есь?

— Я дальний, из западных стран. Шол на судни, и судно розби́ло, я попал к алжиря́нам. Алжиря́на продали меня капитану, а капитан вам, вот таким манером я попал в Турцию.

Тогда он ёго стал, паша́ Султага́н, уцить в грамоту по-турецьки. И прожил он у нёго восем месецёв. За это времё он хорошо науцилсе по-турецьки говорить и читать и писать. И вот в онно прекрасно времё, у их бывает празник Магомету: служат на поле, где собираютце все турки молитьце, и там сам султан стоит на высоком месте, и также и Султаган поежжает. Когда запоежжал Султаган, то Францель Веньциан и говорит ёму:

— Слушай, возьми меня, хозяин, я посмотрю, как ваши турки молетце.

— Слушай, Францель, я тебя возьму, дак ведь ты не умееш молитьце по-нашему. У нас турки два цяса стоят на коленках, молятце, а потом съежжаютце на шпа́жные поединки, после этой молитвы. И я тоже поеду с однем соперником сражатьце.

— Ну, што же, и я постою тоже два часа на коле́нках и хоть посмотрю, как турки сражаютце.

И оне поехали. Вот приехали, а уж султан стоял на возвышенном мести и смотрел, как турки стали на коле́нка и крычали своёму Магомету. И также Султаган стал на коле́нки и с ним вмести и Францель Веньциан. (Как говоритце, по какой воды плысть, ту и пить надо.) И вот промолились два часа. После этого выехали на шпажные поединки. Францель Веньциан смотрел. Выехал и ёго хозяин. Когда выехал ёго хозяин, то ёго победил один рыцерь, и он отступил и вернулсе к Францелю. Францель ему и говорит:

— Слушай, хозяин, дай мне своёго коня и шпагу, я поеду с твоим противником битьце.

Вот он ёму и говорит:

— Слушай, Францель, ты смотри, как турки жесто́ко бьютце, тебе с ним не справитьце, мне тебя будет жалко.

— Слушай, паша́, я тоже имею у себя две руки́, не думай, токо дай мне коня да шпагу.

Потом конечно, ёму дал коня и шпагу, и Францель выехал с тем рыцярем. И так он сильнё ёго ударил, што этот упал с коня ме́ртвой. Потом увида́ли турки, што самой главной у них пал визи́р, которой токо с паше́й сражалсе. Им стало жалко, оне стали наежжать на нёго по́-двоё и по́-троё, а потом по деся́тку и броси́лись все на нёго. Тогда Францель по настоящему перевёрнул острым концом шпагу и стал их бить. И вот он числом турков порубил около петисот чоловек. Остальные видят, што будет плохо и побежали проч. А султан стоял на горы́ и смотрел и все это видел. И кряду же позвал к себе пашу́ Султага́на и стал спрашивать про этого юношу, которого он купил.

— Што у тебя это за человек? Наверно, он необыкновенную силу имеет, как он жесто́ко росправлялсе с нашими турками. Где ты ёго достал и почему ты раньше мне не докладывал?

Вот он подошол к султану и говорит:

— Ваше султанское величество, я не знал про нёго и сам до си́х пор, пока он не вызвалсе ехать сражатьце с турками.

— Ну, где ты ёго достал или купил?

— Я купил на однем корабле, у одного корабельщыка и платил за нёго триста литра зо́лотом. Вот он у меня уже восемь месяцёв и хорошо по-турецьки, прилично знает.

— Дак ты слушай, паша́ Султага́н, как ёго звать?

— Францель Веньциан.

— Ну, так отдай ёго мне, я это тебе заплачу, што ты за нёго отдал, а за это я ёму прощаю, што он турков победил. И буду дёржать ёго при себе.

Когда позвал ёго к себе, то он подошол к Султага́ну и султану:

— Великий султан, я обскажу немножко об себе. Когда я выехал сражатьце с однем рыцярём, то турки потом стали наежжать на меня, и я защищалсе и защищал сам себя, не сдалсе и не сдамсе никогда в ру́ки живой. А топерь делай со мной, што хочеш.

— Султан тогда сказал:

— Молодець, ты Францель Веньциан, што с нашими турками справилсе, за это тебе ничего не будёт. А топерь пойдём со мной во дворець, я тебя буду кормить со своёго стола и ростить своим визи́ром.

И тогда сразу же зашли во дворець. Султан ёго приказал кормить тем же, што и сам ест. И так прожил он у него че́лой год и прошол все военные науки и действия. И славилсе он первым визи́ром у них в Турции.

И вот у них была война в давнёе времё с шахом персицьким. Ну, шах персицький платил дань ту́рку все времё, а больше он отказалсе от платежа́. Значит, пришлось с ним воевать. И вот пришлось турку выступить со шахом персицьким в войну. Он приказал паше́ Султагану выступить со своим войской и итти к шаху на границю. Паша́ со́брал войско и выступил за свои пределы. И вот он стал их же́стоко побива́ть, середи села огнём пожигать людей, и потом, когда узнал, шах персицький, што сильнё бьёт их султан, то подошол к своему визи́ру Злобилану на решеньё, как бы турков побить на войны. Тогда этот визи́р всё ёму обсказал:

— Вот, конешно, мы сечас во́йско выставлять не станём. А у меня есть сёстра Лю́тра и у неё есть во́йско девиць,— сто человек. И кажная девиця побивает сто че́ловек, а уж сама́ она у них атаманом и она сильнее их всех втрои. Вот пуст оне и выступят на нёго и побьют.

Сечас же он призыват эту Лю́тру, и она согласилась выехать со своим отрядом. И как токо увидала ту́рок, сечас броси́лась на них и так стала их бить, што турки не знали куда деватьце. И видит паша́ Султаган, што ёго во́йска совсем мало стало, и он побежал проч в Турцию, но Лю́тра броси́лась за ним в погоню. И хотел паша́ Султаган перескочить реку вплавь, но Лютра наскочи́ла и успела ёго ударить мечо́м, и пересекла пополам. Когда султан узнал о таком великом ударе, што у него пал такой сильнёй визи́р, которой был у нёго главной камандир или главнокамандущий, то сильнё задумалсе:

— Кого же послать? Не́кого.

Потом подошол Францель к нёму и говорит:

— Великой султан, повели-ко мне ехать с Лю́трой, дай хоть немного войска, я с ней справлюсь.

Султан и говорит:

— Нет, Францель Веньциан, мне тебя жалко, ты мне очень до́рог, хоть ты и имееш силу у себя, но ты знаеш сильная Лю́тра, а ты еще мо́лод.

Уж как он был красив из себя, то и казалсе молод. Ну, всё-таки он прибрать никого не может. Ну, Францель сильнё настаивал.

— Отправь меня, я докажу́ тебе на факте, у меня тоже есть две руки́.

Тогда султан уже решил послать ёго и дал ёму войско. Когда приехал на территорию ша́ха персицького, то нача́л также войско побивать и се́ла огнём пожига́ть. Когда услыха́ла это Лю́тра, што приехал второй турецкий визи́р, то поехала к нёму. И кряду же поехала к нёму настречу. И как только съехались, то он пожалел ей крепкий удар давать, што она девиця, ударил слехка́. А она так сильнё ёго ударила, што просекла у него шлём и ла́ты. Он и подумал:

— Вот по своей глупости чуть не погиб!

И съехались второй раз, он ударил ей так сильнё мечо́м, што просек ей до сидельней подушки. И эты девици, у них был сговор, што живыми не сдаватьце, нача́ли колоть са́ми себя и всех перерезали, штобы живыми в руки не здаватьце, когда увида́ли, што ихна па́ла Лю́тра. Тогда Францель Веньциан сечас же посылает кулье́ра к султану и поздровляет ёго с победой, а Лю́тра уже со своима́ девицями убита. В скором времени он сам приежжает к султану. Когда султан прочитал это письмо, то сильнё обрадел и думает:

— Ну, топерь я Францеля поблагодарю.

Когда Францель приехал, он берёт ёго за́ руки и говорит:

— Ну, милой Францель, ты сделал такую победу, што нашим бы никому такой победы не одёржать. И я тебя проведу старшим из визи́ров, и ты будеш даже наследником у меня.

Когда узнал шах персицькой, што па́ла Лю́тра со своим войском, то он сильнё задумалсе. По́звал к себе сразу же главного визи́ра Злобилана и стал с ним советоватьце.

— Кого топерь выставить против султана, или приходитце ёму платить дань по-прежному.

Тогда заговорил ёму визи́р и на которого у него были надежды, этот Злобилан:

— Нет, шах персицькой, мы дани платить не будём, а вот предло́жим султану поставить ёго войска́ против нашего во́йска, и потом я выеду со своей стороны и предло́жу выехать со мной битьце тому визи́ру с ихной стороны, хто убил Лю́тру. Я вы́зову ёго на поединок и, если мы падем оба, то пусь войска́ сражаютце, а если я его убью, то пусть султан плати́т нам дань.

Топерь уже шах даёт согласие, и шлют ту́рку такой приказ, што выставляй свои войска против моих и посылай своего визи́ра сражатьце с моим Злобиланом. Когда султан это процитал, то сильнё упал ду́хом, што у ёго послать не́кого против такого визи́ра, как Злобилан. Тогда узнал про это всё Францель Веньциан и говорит:

— Ваше величество, пошлите меня, я поеду с этим Злобиланом, мне охота с ним сразитьце и узнать, што у ёго за си́ла.

То заговорил султан ёму:

— Слушай, Францель Веньциан, я тебя не пошлю до тех пор, пока у меня не падёт последний салдат, мне тебя жалко. Будём искать какой-нибудь другой выход, неужели у меня в государстви не найдетце сильнёго человека?

Так стали приискивать такого человека. Нашли такого человека, которой был очень большого росту, прямо великан, но не знали, какая у нёго есть сила. Францель Веньциан взял ёго к себе до выезда на поединок со Злобиланом. Когда назначили выездку этому богатырю, то он сильнё ростерялсе. Тогда Францель Веньциан увида́л, што он уж струсил еще не видавши Злобилана, то взял и сам отсек ёму голову. Пришол и сказал султану:

— Ну, великой султан, отправь меня. Ехать у тебя не́кому нужно собирать войска́ и отправлятьце на шаха персицького.

Тогда сказал султан:

— Ну, што же сделать, ты в таких моло́дых лета́х погубиш сам себя, но уж коли поежжаш, то смотри.

Тогда были все войска собраны, и Францель берёт этот до́говор, которой надо было прибить между войсками, и едёт туда, где уж были войска шаха персицького. И вот как только они прибили листы на столбы, и Францель выехал на середину, ёму навстречу выехал Злобилан. Конечно, оне снацяла поздоровались, потом нача́ли розговаривать друг с другом. Злобилан сразу покрыл ёго таки́ма нехорошими словами:

— Эх ты, богатырь, у тебя еще и ма́терно молоко на губах не обсохло. Тебе, такому красовитому богатырю только бы с девицями воевать, а не со мной Злобиланом, таким сильным богатыре́м сражатьце. Мой мець и не таких богатырей, как ты, наказывал:

Тогда говорит ему Веньциан Францель:

— Да, я обращалсе и с девицями, посмотри, как обратилсе с твоей сестрой Лю́трой.

После этого оне оба броси́лись с гневом друг на друга и так оне ударились сильнё меча́ми, што ихны кони сели, но оне никоторой из седла не упали. И когда стали розъежжатьце второй раз, то Злобилан спросил ёго:

— Скажи, как тебя звать?

— Меня зовут Францель Веньциан.

Топерь он ёму и сказал:

— Друг Францель Веньциан, нам не стоит губить друг друга, а лучче мы побратаемсе и слава об нас пойдёт по всему свету, об таких сильних богатыря́х, а шах персицькой будет попрежнему платить дань вашему султанському величеству.

Он ёму ответил:

— Ну, коли так, брат Злобилан, дак ты знаеш, што как я обратилсе с твоей сёстрой Лю́трой, и также и с тобой. Ну, а топерь я тебе скажу, каки́ мы будём с тобой богатыри́, как сецяс побратаемсе и не докажем своим государям на фактах, што каки́ мы есть сильнии. И кака́ об нас пойдёт слава, если мы отступимсе от сраженья. Лучче давай станём битьце, пока

не победим друг друга до самого смертного поединка. А если падём мы оба на́-смерть, тогда пусть наши войска́ побьютце и цья будёт сильней, тот и будёт платить дань.

И потом, когда поехали, то Злобилан оцень был в плохом виде и в туманном настроении, а Веньциан поехал очень весёлой. Когда оне съехались, то Веньциан так сильнё ударил ёго в грудь, што пробил ёму мечом до самого серця. И потом сошол с лошади и отрубил ёму мецём голову, взял ей и повесил себе на копьё. Потом отправил кульера проздравлять султана с благополуцьной победой, а сам осталсе заключять до́говор с шахом персицьким. Тогда подошол к нему шах персицькой и говорит:

— Ну, великий человек Францель Веньциан, я предлагаю тебе свои услуги и скажу тебе, што я буду тебе платить дань, как и раньше плати́л, а тебе даю большую награду.

Ёму больше не на кого было надеятьце. И вот топерь-то он ёму всю правду и скажет тут.

— Чего ты топеричу жалаеш, Францель Веньциан, в награду, топерь я уже буду числитьце, как под турецьким султаном.

Тогда шах персицькой подарил ёму триста аргамаков. Эты аргамаки цытаютце там кони, самые хорошие кони. Потом еще ёму предло́жил:

— Вот у меня ростёт богатырь Змиулан, он сын Лю́тры, только сецяс еще оцень молод, ему кажетце семь лет. Если хочеш, я ёго тебе подарю.

Когда посмотрел ёго Францель.

— А што, какую он силу имеет?

— А вот какую. Ёму выпускаеш розъерённого буйво́ла и он нараз ёму голову оторьвёт. (Буйво́л это бык, наверно).

Тогда Францель Веньциан пошол и смо́трит: там стоит Змиулан, и на него выпущон розъерённой бык-буйво́л. И кряду же, когда буйво́л побежал на Змиулана, тот оторвал ёму голову руками по-плець.

— Ну, хорошо, я этого Змиулана возьму у тебя, — сказал Францель Веньциан, — только мне сецяс ёго не надо, а когда потребуетце, ты вышли мне ёго.

И потом поехал он к своему султану со всемá договорáмы. Когда приехал к султану, то поднёс голову на копье.

— Нá, великий султан, узрú голову своего неприятеля. Он уж никогда больше не будёт твоим противником.

Тогда настолько обрадел султан и сказал:

— Ну, великий Францель Веньцьиан, я тебя проздравляю своим наследником. Если бы не ты, никто бы не совершил этого великого дела, и ты единственной спаситель нашего государьства и нашего султанского величества. И даже я тебе скоро уступлю престол, потому што я стал уже стар.

И стал ёго обнимать и целовать. Тогда про Францеля Веньцьиана прошла великая слава, по всем государьствам. Когда узнал француськой король, ли цярь, король, пожалуй, то выступил войной на султана и взял с собой Кунського короля и короля Брамбеуса, ишпанского короля. Нáгнал вóйска очень много и объевил султану войну. Вот оне когда приплы́ли к турецьким берегам и высадили десáнт, тогда надо было́ турку собирать свои войскá. Тогда созвáл султан кряду же своего любимого наследника на совет.

— Как поступить с французом и насколько у них вóйска.

Он сказал:

— Да, вóйска нам собирать надо много, потому што войск у них с трёх государьств, но я сам поеду главнокамандующим.

— Ну, я буду на тебя надеятьце, — сказал султан, — если ты победиш их, ты еще больше прослависсе.

Топерь у них пойдёт переписка со шахом персицьким, будут требовать у их вóйска.

Тогда Веньциан пишет шаху персицькому, штобы выслал вóйска триста тышець. Войскá были эты высланы и свои тоже собраны, и оне отправились на ту территорию, где стояли неприятели. Свои войскá постановили напротив француських войскóв, и тогда сказал Францель Веньциан своим визúрам, пашáм. Вызвал к себе пашý Сулум-бека и второго из визúрей, не помню тоже имя како-то есь, да не помню. И сказал им:

— Ну, топерь вы одевайтесь в хорошую француськую одёжду и поедем смотреть француськие войскá. Умеете говорить по-француськи?

— Умеем.

— Ну вот и хорошо. И я с вами поеду в тре́тьих, надо посмотреть французские войска, как оне стоят крепко легуля́рно. Но смотрите, там надо быть окура́тныма, штобы нас не поимали.

На себя надетце, их предупреждат еще. Потом оне сели, конечно, на лошаде́й и поехали осматривать французские войска́. Когда оне хорошо вы́смотрели французские войска́, особенно Францель, которой хорошо умел по-французьки говорить. Ёго там заподо́зрили и послали за ними погоню. Но было уже позно. Оне уехали в свой лагерь.

Потом французький король посылает тоже от себя узнать росположение турецких во́йск, и как оне стоят, и хто у их начальник. (Приедут, дак он их поима́т). И вот он послал, во-перьвых, короля Брамбеу́са, как он умел хорошо по-турецьки говорить, и еще двух из визи́рей. Когда оне приехали, то Францель смотрел на их и по́нял, што это французские шпионы, и приказал захватить. И кряду же были пойманы все троё и приведе́ны к Францелю Веньциану. Когда были приведе́ны, то он их кряду же спрашиват и признал короля Брамбеу́са по личности, кака́ она есть.

— Говорите, хто вы есь? Вы есь посланные от французького короля!

— Да, нет!

Конечно, оне сначала отпирались, а потом пришлось признатьце, што оне шпионы и посланы от французького короля. Вот Францель Веньциан и спрашивает Брамбеу́са.

— Ну, скажи, хто ты есь такой?

Тот потом и обьевляет сам себя:

— Я есь, конечно, с западных стран король Брамбеу́с.

Ну, хорошо, он их сецяс отправляет в Турцию к султану и даёт наказ:

— Двух посадить под арест, а третьёго держать под охраной и без наси́льства, но так строго, штобы он не ушол, и дёржать ёго до моёго приезда.

Вот это всё было сделано, и оне отправлёны. И так оне жили там до тех пор, пока он не вернулся, но уж об этом после там.

Топерь когда француськой король узнал, што король Брамбеу́с и два визи́ра захвацёны наследником султана, то пишет ёму такоё ругательноё письмо и посылает с письмом посла. Да, и в письме было́ написано там, он узнал у какого-то купця, што он есть не природной турецькой наследник, а из западных стран откуль-то. Посёл приехал, и ёго допустили до самого́ Франделя. И подаёт ёму это письмо. Франдель прочитал, и в письме было написано:

„Как ты есь какой-то выходець или проходимець из западных стран, и убежал со своей родины и топерь защищаеш ту́рков, но погоди, мы с тобой росправимсе".

Когда Франдель процитал это письмо, он розо́рвал ёго на мелкие цясти и бросил ёму в глаза и сказал:

— Поди проць и поежжай с ответом, я конечно пошлю своёго посла. Жизнь твою я не отнимаю, потому што ты есь посёл.

Того отправил, а сам сел и написал тоже письмо ругательнёё и позвал своего визи́ра, пашу́ Сулум-бе́ка, и сказал ёму:

— Поежжай, передай это письмо прямо в руки француському королю, и што он там еще будет говорить, передаш мне это всё на словах.

Ну, вот, этот, конечно, паша́ Сулум-бек поехал и подал письмо француському королю. Когда тот процитал это письмо, то пришол в такую горяцьку, што заговорил паше́ Сулум-беку так:

— Ты знаеш, што твоя жизнь находитце в моих руках, и везёш мне такоё письмо. Ты топерь не уедёш от меня никуда.

Тогда он сказал ёму так:

— Вы мне, ваше королеськое величество смертью не угрожайте. Вы знаете, што я есь посёл, должо́н был приказаньё своего главнокамандущего исполнить, и вы меня отправите к нему обратно. Мы тоже бы с вашим послом могли сделать, што хотели, но мы ёго отправили к вам обратно.

Тогда он ёго отправил проць и приказал своим войскам двигатьце на турецькие войска. Посёл-паша́ приехал и обска-

зал всё Франделю Веньциану, што говорил француський король. И тогда он кряду же приказал собратьце своим визи́рам и дал им такой совет и росказал:

— Вот топерича, друзья, мы своё войско розделим на три цясти, и тебе, Сулумбек, надо ехать главнокамандующим с правой стороны.

И другому визи́ру сказал:

— А тебе надо ехать главнокамандующим с левой стороны. Сам я поеду напротив фронта француського в середину и вам извещу трубо́й, когда надо будёт наступать с правой стороны, а когда затрублю другой раз, приступайте с другой стороны, и потом оне не будут знать, с какой стороны турецькое войско наступает. Я брошусь в середину и смешаю их, таким манером мы перервём француський фронт.

Так и всё было сделано. А потом, когда затрубел в трубу, Сулумбек кинулсе спра́ва. Французы поворотились и стали бить их беспощадно, думают столько и есть турецького войска. Тогда он затрубел в другой раз в трубу, посыпались турки с другой стороны, сам броси́лсе в середину и про́рвал фронт. Французы перепугались и не знают, откуда и сы́плётце турецькое во́йско. И нача́лась у них битва. Тогда видит Франдель, што турецького войска много, а французы уж прирозбе́гались. Он кинулсе за кунським королём и так ударил ёго мецём, што тот упал с ло́шади и осталсе лежать на земли. Франдель броси́лсе тогда за француським королём. Этого кунського короля сразу подо́брали и снесли на быстроходноё судно. И на это же судно успел убежать и француський король. Потом оне, сколько успели собра́ть войска, посадили на суда́ и убежали. А остальни войска и все припасы, и снаряженьё, всё оставили там, где был высажон ихной десант.

Когда вернулсе Франдель к своим визи́рам, то сказал:

— Вы теперь обирайте тела́, а я поеду к султану сам, и вы потом попада́йте сами, когда это всё оберёте и устроитесь, двигайте войска́ обратно и забирайте с собой все сокровища и припасы, и также пленных.

Вот он кряду же поехал к султану.

— Вот, ваше султанское величество, я вас проздравляю с победой.

Когда султан узнал об этом, он настолько обрадел, што и говорит:

— Ну, эта победа твоя, и ты мож сецяс же от меня брать престол, потому што нихто бы для своёго отечества такой подвиг не мог совершить оприч тебя. (Обрадел старикашка!) Тогда он спросил султана:

— Где у меня хранятце наши пленные?

— Оне хранятце, как ты приказал — двоё под арестом, а один под строгой охраной на во́ли, и ты можеш ёго увида́ть в любоё времё.

И кряду же приказал привести к себе этого короля Брамбеу́са. Когда он ёго увида́л, то спросил:

— Ну скажи, король Брамбеу́с, есть ли у тебя из семьи до́ма кого, ну скажем, из детей или жона?

Тогда король Брамбеу́с ёму сказал:

— У меня есть жона и доць, прекрасная Рыньцывена.

— Ну, вот, если ты отдаёш ей за меня замуж, то я отпущу тебя обратно в твоё государьство и на твой престол.

Король ответил ёму:

— Великий наследник султанского государьства, я не токо отдаю, но буду рад, кабы ты её взял и возвратил мне престол.

Тогда он ёго посадил за свой стол и сказал:

— Ну, тогда будеш моим тестём. Я схожу к султану, и мы поедём на скороходном параходе. Жонитьце я буду на вашей доцери.

Тогда он кряду же воротилсе к султану.

— Ваше величество, я, ты знаеш, не жонатой, а ты мне предлагаеш престол. Пока не жонюсь, я не могу править вашим турецьким королесьтвом.

Тогда сказал султан:

— Ну, што же, Францель Веньциан, жонись, на ком хочеш, но токо бы я жалал, штобы ты жонилсе поскорей. Сам знаеш, я уж старый и ты должо́н поскорей принять у меня престол. Все турки наши и паши́, и визиря́, все очень довольни тобою

за твои победы и заслуги. Оне все ждут и будут довольни, што ты станеш на престол.

— Слушай, султанское величество, я хочу жонитьце на доцери ишпанского короля Брамбеу́са, и хочу взять ёго на скороходной корабь и ехать туда с им, и там оввенцятьце.

— Ну, што же, поежжай, но только смотри, штобы там тебе не было чего-ни худо́ от француського короля. Возьми, я тебе советую, с собой во́йска турецького эскадру и войска персицького, и обезательнё пиши мне в каждом письме об своём здоровьи, а то я буду очень об тебе беспокоитьце.

Он тогда сказал:

— Слушай, ваше султанское величество, я пока ницёго не думаю об плохо́м. Раз я еду жонитьце, и со мной идет сам король Брамбеу́с. Ну, а уж в крайном случа́е я тебе обо всём напишу.

И кряду же после этого оне сели на быстроходной пароход вместе с королём Брамбеу́сом и эты́ма други́ма пленныма. Как только пришол домой король Брамбеу́с, жона и доць ёго стретили и стали спрашивать, как он выбралсе из Турции. Но оне не видели, с кем ихной отець приехал домой, с каким незнакомцём. И отець спе́рьва обсказал это всё происше́ствиё своей жоны, а потом пошол к доцери. Пришол и сказал:

— Ну, доць моя, прекрасная Рыньцывена, ты есь моя единственная спасительниця из плена и ты одна мне помогла вёрнуть моё королесьтво: ты до́лжна выйти замуж за наследника турецького султана. Он здесь у нас, приехавши, и вот я ёго сечас пошлю к тебе познакомитьце.

И сам ушол. Обратилсе к турецькому наследнику и сказал:

— Ну, поди топерь с моей доцькой на свиданьё и поговори, ты сам знаеш об чем, познакомьсе с моей царевной.

Тогда, значит, Францель, конечно пошол к Рыньцывены:

— Здраствуй, прекрасная Рыньцывена.

Она поздоровалась, посадила за́ убранной стол и стала ёго угощать. И он говорит:

— Ну, прекрасная Рыньцывена, ведь ты знаеш, зачем я сюда пришол, ведь тебе батюшко наверно объеснял. Я ёго выпу-

стил из турецького плена и помог получить обратно престол. И за это он обещал тебя выдать за меня замуж.

Она потом ёму и говорит:

— Ну, хорошоё дело, наследник великого султана, што ты выпустил из плена моего ба́тюшка, но я да́ла обет не выходить ни за кого никогда замуж.

И потом залила́сь слезами и упала в омморок, то́ль ей было́ тошно. Да. Потом он ей стал в цюство приводить и сказал:

— Ну, прекрасная Рыньцывена, дак возьми обратно свой ма́лой подарок, который ты мне послала с марша́лом, коли́ ты не хош выходить за меня замуж.

И подаёт ей кольцё-то, которое бы́ло ёму послано на Мальтийский остров с патретом. Тогда она глаза скинула и скоцила на ноги:

— Тебя ли я вижу, мой прекрасный Веньциан?

Он ей стал в цюство приводить и сказал:

— Ну, топерь всё дело наладитце, прекрасная Рыньцывена, только молци.

Оне с ней только двоё наедине. Тогда она очу́ствовалась и села рядом. Всё глядела ёму в глаза и радовалась. Он ей и говорит:

— Слушай, прекрасная Рыньцывена, ты никому не говори, што я сын князя Фри́дора, и не зови меня Францелем Веньцианом до те́х пор, пока мы не повенчаемсе. Потом я сам роскажу, кто я есь и какого ро́ду. Это, наверно, некоторым гостям придёт не по нраву, што меня зовут Францель Веньциан, и в первую очередь, я знаю, француському королю.

Тогда кряду же пошли обеи в весёлом настроении к королю Брамбеу́су. Когда она пришла и сразу сказала:

— Ну, батюшко, я согласна итти замуж за турецького наследника.

Отець очень обрадёл.

— Ну, доцька, ты моя спасительниця, — сказал король Брамбеу́с.

И кряду же стали готовитьце к сватьбы. (Она топерь узнала, дак и отдавать бы не стали, и то бы ушла).

И со́брали гостей, вместе тут же участвовал кунськой король и француськой король — сидели на сватьбы. Когда сватьба подходит к концю, еще гости не розъехавши, тогда становитце Францель Веньциан на́ ноги и обьявляет им такоё дело:

— Слушайте, все гости и вы, король Брамбеу́с, топерь батю́шка мой, я буду вам докладывать об себе, и вы будете знать, кто я такой есь. Я есь не приро́дной ту́рок, а я есь западных стран. И уехал отсюда. Я уехал и попал к туркам и там жил, я князя Фри́дора сын — Францель Веньциан. И скажите топерь, королеськое величество, где мой находитце отець с матерью Санфидой? Я его не видал семь лет.

Скорое времё отыскали, конечно, отця и матерь и их представили на бал.

А в это времё становитце вдыбы́ француськой король и кунськой, как только он объевил себя, и говорят ёму:

— Ты есь предатель своёго государьства и воёвал против своих западных стран со стороны ту́рок. Простить тебя нельзя, и я пойду на тебя войной, объевил ёму король француськой.

Тогда король Брамбеу́с говорит этым короля́м:

— Друзья, вы не до́лжны розбивать бра́ка, будёт времени сощытатьце, когда окончитце сватьба.

Тогда оне с гневом розъехались с пира́. На отъезди сказали:

— Не более даю строку, как одну неделю, и потом пойду войной.

И токо што окончили сватьбу, вдруг приходит скороходноё судно и посе́л просит скорее приехать Францеля Веньциана и принять престол от султана, которой сильнё заболел. И вот он говорит:

— Топерь мне всё ровно, так или не так, надо ехать в Турцию принимать престол или поставить временно кого-нибудь на престол.

Рыньцывена сказала:

— Слушай, Францель Веньциан, я от тебя никуды не останусь, я и так семь лет тоскова́ла и топерь лучче умру с тобой вместе, но никуда не останусь.

И сразу же сели на быстроходной пароход и поехали в Турцию. Когда приехали, то еле застали в жи́вности султана. Он увида́л Францеля Веньциана и сказал ёму:

— Но, великой Францель Веньциан, победитель наших турецьких прав, теперь пришло времё тобе принять престол. Я уже нахожусь при смерти, и топер увидал твою жону прекрасную Рыньцывену и передаю вам престол.

Сам тут же не черезь долгоё времё умёр. Францель Веньциан взял от второй султанши сына и временно поставил ёго на престол. А сам со́брал свои войска́ и взял войска́ персицьского шаха и вызвал к себе Змиулана. Сразу же собрали́сь к отходу и приплы́ли к француському королесьтву. Высадили свой десант и остановились у одной реки. А француськие войска́ стояли напро́тив. Французы не ме́шкали ни минуты и не́ дали ёму даже укрепитьце, как стали напирать. А Рыньцывена от нёго никуда ни на шаг. Тогда подошол к нему Змиулан и говорит:

— Ну, великий наш спаситель всего нашего государьства и турецького звания всего — Францель Веньциан, позволь мне итти одному против французов, и я их роздавлю один, как комаро́в. А вы оставайтесь все в спокое.

Французы уже тем временём напирали близко и стали перебиратьце черезь реку́. Тогда сказал Францель Змиулану.

— Ну, если жалаеш, то поди́, но помни, штобы не слуцилось што худоё, ты еще мо́лод.

— Нет, я их роздавлю один.

— Ну, иди.

И он ёго отпустил, а сам думает:

— Как бы он не сдумал отомстить за смерть своей матери Лю́тры.

И всё времё следил. Когда Змиулан подъехал к ле́су, где уж перебрали́сь которы французы, и напал на них. Не черезь долго времени их розбил и перебралсе черезь реку. Там опеть напал и кряду же розбил всё француськоё войско. Только убежали одне главнокамандующие с известиём королю.

Теперь француський король опеть же со́брал войско в два ра́за больше и отправил против их кунського короля. А в это

времё Францель Веньциан переправил своё войско черезь реку́ и укрепил ёго там. В это времё уже опеть напирают французькие войска́. Змиулан это видит и просит Францеля Веньциана:

— Слушай, великий наследник султанского величества. Позволь мне опеть ехать напротив фронта французького, дай мне хош малоё количество во́йска.

То он ёму сказал:

— Слушай, Змиулан, тебе нельзя одному ехать. Видиш, сколько французького во́йска стоит. Мы поедём оба и возьмём с собой войска часть. Я поеду в середину, а ты напада́й с боко́в, или где знаеш.

(Ёму вера есть — убить французького короля, оттого он и пойдёт в середину-то).

И так оне кинулись на французькие войска́ и так стали жесто́ко избивать, што у французов головы летели, как мячики. Но французького во́йска было столько на́гнано, што не видно было никакой убы́ли. Тогда видит Францель опасность перед Змиуланом, подсекли у нёго коня и самого ранили. Он кинулсе, как молния, к ёму на помощ и увёз ёго в свой лагерь, а сам кряду воротилсе и взошол в такую горяцьку, што ницёго не помнил и рубил направо и налево. Потом кинулсе на кунського короля и ударил так ёго сильнё по головы мецём, што россек вплоть до седельнёй подушки. А французький король побежал так сильнё, што только пя́тки замелькали.

И кряду же французький король объевил мир, обещаетце платить дань турецькому султану. Да. Тогда Францель Веньциан со́брал свои войска́ и вернулсе в ишпанскоё государьство. Потом стал переправлять в Турцию свои войска́. Оставил только одного Змиулана, потому што тот был больнёй. Ишпанский король со́брал пир. Во време пира́ говорит король Брамбеу́с:

— Слушай, зять мой, Францель Веньциан, великий турецького королесьтва наследник, тебе бы не лучче ли взять своё родноё государьство, я дал бы такоё предложение, если ты будёш согласен.

Тогда он сказал:

— Ну, ладно, хорошо, отець мой, король Брамбеу́с. Я согласен, только мне надо подписать все до́говоры с государь-

ствамы с вашима́ и также с турецькими и персицькими, штобы принадлежали оне одному ишпанскому государьству.

И так это было́ скоро сделано. Все согласны были короли западных стран.

Тогда, когда он до́говоры окончил, сказал Рыньцывены своей:

— Ты поежжай домой, а я поеду в Турцию и скоро вернусь.

— Ну, смотри, как бы с тобой не случилось, што в перьвой раз.

— Ну, што ты, дурна́я, топерь уже все кончилось.

И так отправилсе в Турцию со своим войском, токо оставил одного Змиулана и тот уже стал поправлятьце. Когда он приехал в Турцию, то ёго стретили как своёго наследника турецького звания, точно своёго султана. И он кряду же пришол к этому королю турецькому, которой был оставлен вместо него и сказал:

— Ну, топерь тебе надо владеть этым турецьким государьством, только под названием королесьтва ишпанского.

И также сказал ша́ху персицькому. Ну, все были согласны.

Тогда он в скороё времё обратно вернулсе в Ишпанию, получил престол и стал со своей Рыньцывеной проводить жизнь до глубокой старости.

38. ПОЛКАН-БОГАТЫРЬ

Вот нé в котором чарстви, нé в котором государстви был жил чарь. У этого чаря была доць — красавиця очень. Да. И вот когда она пришла в годá, в это времё ей неизвесно кто-то взял. Унесли. И цярь не знат, где она и находитце. И как он розыскивал, и сколько людей не посылал, нихто ей не мог розыскать. И ответа он не мог никакого дождатьце. А потом он услыхал, што есть ище Полкан-богатырь. И вот он вызывает ёго себе, што не может ли тот што узнать. Когда пришол Полкан-богатырь к ёму, он стал ёго спрашивать:

— Слушай, Полкáнушко, не можеш ли ты мне как достать доцерь, а я тебе заплацю што только хоцеш.

Полкан ёму и говорит:

— Слушайте, ваше велицество, ваш вор ходит в сад, я знаю ёго, и таскает он с орешного дерева орехи.

— Ну, милой мой Полкан, если знаеш, то поймай ёго и узнай, куда моя доч нещасная делась.

Так Полкан-богатырь, конешно, ёму сказал тогда:

— Ваше велицество, позвольте мне зайти в ваш сад и просидеть ноць, а уж там я ёго прослежу.

И вот он сказал:

— Ну, Полка́нушко, даю тебе полную свободу, заходи и следи этого вора.

Полкан-богатырь собралсе и зашел в вечеру́ в сад. И зашол он тайным образом, и сел под орешное дерево, и сидел потихоньку, пока он не пришел. И вот видит, пришол безрогой цёрт, вы́стал на дерево и начинает отрывать с дерева орехи. И он ёго ухватил за хвост. И этот безрогой цёрт так слехка́ думал отойти от нёго, нача́л рватьце, кусатьце, но Полкан-богатырь ударил ёго па́лицей в лоб, так што у безрогого цёрта искры посыпались из глаз. И заговорил безрогой цёрт.

— Слушай, Полкан-богатырь, не бей меня, а отпусти меня, а я тебе роскажу всё, што ты жалаеш.

— Видиш, безрогой цёрт, змолилсе кряду, думал уйти от меня. Нет, не уйдёш. Ну, говори, куда унёс чарьскую доч, нихто как ты унёс.

— Скажу, Полка́нушко, токо я не унёс, а это скрыла баба-яга, моя госпожа. (А это такая волшебниця). Я уж у неё боле́ как тритцет лет слугою, и она заставляет меня сюда в сад ходить. Если она только знает, а я не знаю.

— Ну, неси меня к своей бабы-яги и к своей госпожи, а я у неё спрошу, куда она дела чарьскую доч.

— Слушай, Полкан-богатырь, если я тебя снесу к своей бабы-яги и к своей госпожи, то она тебя убьёт, она сильняя вошебниця. У ней есь такая волшебная клюка́, раз она ей ударит, то никакой богатырь не может на свете жить. И так и тебе не советую к ней итти. И она меня дёржит топерича рабом тритцеть лет, раньше у меня были рога́, она их все обломала, и она мне приказывает всё, што я должо́н делать, и я от ней отойти никуда не могу, исполняю ейну должность.

— Ну, я тебе говорю, неси меня к ней, а там видно будет.

И безрогой цёрт посадил на себя Полка́на-богатыря и понёс к бабы-яги.

И вот притащил ёго к своей бабы-яги. Баба-яга очень обрадела такой редкости, как притащил ей безрогой чорт Полкана-богатыря. И она кряду с ним начинает управлятьце, хоцет ударить волшебной клюко́й, но Полкан-Богатырь был

парень не пóмах, имел великую силу и имел за собой тоже волшебство. Когда баба-яга хватила волшебну клюкý и бросúлась на нёго, то он захватил большой дубовой стол и начáл этым столом махать и ударил бабу-ягу, она упала на пол, чуть не мёртвая и заговорила:

— Ну, Полкан-богатырь, не бей меня, а я тебе роскажу, што ты жалаеш.

И вот он говорит:

— Ну, говори, поганая баба-яга правду всю мне, а если не скажеш, то всё ровно хорошó тебе ницёгó не будет. Я тебя решý.

Посадила она, конешно, ёго за свой стол, где она всегда кушала, и говорит:

— Ну, милой мой Полкáнушко, я тебе всё роскажу, только не будем мы с тобой больше дратьце.

И тогда он ей сказал:

— Ну, поганая баба-яга, скажи, куда ты похитúла цярьскую доць. Ты ей, наверно, кому-нибудь передала или дéржиш ей у себя. А не скажеш, всё ровно тебе не миновать от меня хорошего.

— Слушай, милой мой Полкан, я тебе скажу всю правду: я ей не брала, но знаю, где она есть. Она есть топерича унесéна чарём Черномором, которой дёржит ей в своём подземельи. И он отсюда за тридеветь земель. Я не знаю, как он ей унёс, токо знаю, где она есть.

Тогда он ей сказал:

— Ну, поганая баба-яга, ты наверно врёш, говори правду, а то худо будет.

Она клянётце:

— Не знаю больше, Полкáнушко, ничего, только знаю второе. Когда стретилсе Черномор-чарь с Богуслай чаревичем, то друг друга оне не узнали, и Черномор чарь бросúлсе на нёго, как на зверя. Богуслай чарь был очень сúльной, он ударил ёго своим копьецём. Черномор чарь упал на землю. Когда он упал на землю и сказал ёму: „Слушай, Богуслай чаревич, не бей меня, а лучче мы побратаемсе. Приходи ко мне в гости, я тебе все редкости роскажу и знаю, где эта

чарьская доць сидит". Ну, он ёму сказал: „Ну говори правду мне, если хочеш ты ещё жизни". „Она хранитце в подземельи у меня. Если хочеш ты ей испытать, то я тебе даю зелья, поежжай домой, умойсе в зельи, и будеш ты знать, где она есть". Он, конешно, поверил ёго, взял это зельё, поехал домой, умылся и стал слепым. С тех пор Богуслай чарь живёт дома слепой и никуда не выежжает, хотя он такой же сильной цёловек, поцьти, как и ты.

Ну, это всё росказала ведьма, эта сама волшебниця, баба-яга. Полкан сказал ей:

— Ну, если ты не врёш, то я топерь повалюсь спать, и буду спать три дня, смотри дай мне отдых.

Баба-яга оцень обрадела и сказала:

— Ну, спи, Полка́нушко.

Когда Полкан-богатырь ложилсе спать, то спрыснул себя водою и повалилсе спать. И заснул так крепко, што у ней все хоромы треслись. Баба-яга очень обрадела, што заснул Полкан-богатырь так крепко. И приносит свою волшебну клюку́ и нацинает ёго бить этой клюкой. Но клюка отпрыгивала, как от какого волшебного камня, но к нёму ницёго́ не приставало: богатырь еще пуще храпел, спал. Потом она сеця́с приказала безрогому цёрту принести большой куст хворосту ве́ресу. И она возьмёт зажгёт на ёго лице этот ве́рес, облила ёго карасином и зажгла, штобы ёго сожга́ть. Этот хворост весь сгорел, но Полкан-богатырь крепче еще спал. Она сильнё росердилась, ударила этого безрогого цёрта доло́нью. Цёрт сильнё заплакал, замотал головой. Потом говорит:

— Ну, неси топерь олова, у меня есть слиток, пудов дватцеть, и растаём ёго на лице, всё ровно сожгём.

Притащил безрогой цёрт ей. Она берёт это олово, ростаело на ёго лице, но олово стекло, всё ровно как с какого-нибудь стекла, а Полкан-богатырь спал и ничего не слышал. Тогда она броси́лась на безрогого цёрта и плюнула на ёго морду. У нёго сли́на на морде загорелась.

— Што ты моя госпожа, так сильнё надо мной издеваессе?

Заплакал сильнё безрогой цёрт.

— Зачем ты мне принёс Полкана, што с ним ницёго́ не сделаеш, и я ницёго́ не могу.

— Слушай, баба-яга, моя госпожа, я же не знал. Ты меня послала в сад за орехами, он меня схватил, я рвалсе, кусалсе, но ничего не мог сделать, он приказал мне нести к тебе, и я принёс.

И безрогой чорт всё стоял перед ней, плакал, утиралсе, и у нёго морда горела от ейной сли́ны огнём. Вот прошло три дня и проснулсе Полкан-богатырь.

— Ну, што, поганая баба-яга, надумала?

— Я всё тебе, Полканушко, росказала, больше ничего не знаю. Поежжай к Богуслай-чаревичу, он тебе всё роскажет, как следует.

— Ну, поганая баба-яга, если ты не хочеш говорить, то ладно. А если я съежжу к Богуслаю чаревичу, да будет неправда, то всё ровно тебе не жить со своим безрогим цёртом, не будет он у тебя рабом, а тебя или повешу или сожгу.

— Ну, воля твоя, Полка́нушко, как хоти́ш, а я сказала правду.

— Ну, я поеду, а если врёш, то всё ровно тебя найду.

И так Полкан-богатырь отправилсе к Богуслаю чаревичу. И вот он, конешно, всё ёму итти было хорошо, но не было у нёго коня. И вот он идёт ночью и день, и слышит, хто-то за ним бежит. Он оглянулсе и видит, этот самой безрогой чорт бежит. Он ёго захватил за хвост, а тот и говорит:

— Слушай, Полка́нушко, я тебе всё роскажу, и могу послужить твоим рабом.

И он стал ёму говорить:

— Слушай, Полкан-богатырь, у этой волшебници бабы-яги я прожил тритцеть пять лет. И она мне так надоела, а уж сёгоду перепалила мне лицё, и теперь меня прогна́ла. Возьми меня своим слугой, я тебе помогу, хотя я не знаю, где прекрасная чаревна скра́дена, но помогу в твоих делах.

— А што ты мне можеш помоч, безрогой цёрт? Коли б ты мне мог быть конём, я бы тебя взял, а ты цёртом токо будеш удивлять людей, когда я приеду в город, и тебя будут боятьце.

Тогда он ёму сказал:

— Слушай, Полкан-богатырь, я не токо конём могу быть, могу и кораблём быть, и китом, тебе далёко придётце итти, за несколько морей, и я могу тебя переправить.

— Ну, тогда так, будеш исполнять мои должности, то я тебя награжу и буду кормить, не буду обижать так, как баба-яга.

И вот он кряду же обернулсе ёму конем, и поехал Полкан-богатырь на коне. И так он быстро ёго понес, што Полкан-богатырь за несколько времени был у Богуслай царевича. И приехал он в царьство Богуслая царевича и видит, дом серебреной стоит, а крыша золотая. Это было царьство Богуслая царевича. На нём царьствовал еще отець до тих пор, пока был Богуслай царевич слепой. Когда приехал в царьство Богуслаево и говорит:

— Я приехал повидать твоёго сына и узнать про Черномора.

Он очень обрадел, што приехал такой богатырь, и такая лошадь была, как сильняя гора стояла перед ним. Он удивилсе такого богатыря, кряду же повёл к сыну своёму Богуславу царевицю. Привёл ёго к нёму и посадил за дубовой стол, наклал ёму пищу и принёс вина, и сказал сыну:

— Ну, милой мой сын, выходи, я тебя проведу, какой то просит Богуслава царевича, ёму оцень нужно за тебя. Пойдём в кабинет, где он сидит за столом.

Сын, конешно, очень обрадел.

Вот Полкан-богатырь начинает говорить:

Я есь Полкан-богатырь, приехал к тебе узнать, как ты стречалсе с чарём черномором.

— Оцень приятно, Полканушко, коли ты у меня спрашиваш, правда, это есть единственный случяй. Ну, я тебе говорить топерь не могу, потому што я есь слепой. А вот если ты меня вылечиш, я тебе потом всё роскажу и с тобой поеду вместе.

Тогда Полкан богатырь ёму сказал:

— Ну, погоди, Богуслай царевич, я вылецю тебя.

Достаёт пузырек с живой водой, которой у нёго хранилсе, подходит к нёму, спрыснул у нёго глаза и Богуслай царевиць увидел.

— Ну, милой мой Полка́нушко, пусть ты старшим братом, а я буду млаччим, и я буду тебе топерь говорить, как я встретилсе с Черномором. И поеду с тобой доставать эту прекрасную чаревну, и хочу взять ей за себя замуж.

И вот он начинает ёму говорить:

— Я раз стретилсе около море-окиян с этым Черномором, поехал искать эту прекрасну чаревну, которая была покра́дена им. Ну, я конешно, не узнал ёго, я ударил ёго так сильнё мецём, што он упал на землю и змолилсе: „Слушай, Богуслай чаревич, не бей меня, а я роскажу тебе, где эта прекрасная чаревна хранитце, и будем мы с тобой друзьями. И вот коли хош найти ей, то приходи ко мне. Ина́це ты меня не найдёш, я тебе даю зелья, умойсе и найдёш меня, я тебе ей отдам". Я, конешно, поверил, приехал домой, умылсе и сделалсе слепым. А вот уж топерь я знаю — ехать до синего моря, остальнё ничего не знаю.

— Ну, ладно, поедем вместе, наверно найдём, где живёт эта прекрасная чаревна этого государьства, которой меня отправил розыскивать ей.

Потом он с ним согласилсе, сели на лошадей и поехали. Когда приежжают в окиян, то эта лошадь обратилась кораблём и поплыли. Удивилсе Богуслай чаревич, што у нёго за лошадь. Вот переплыли этот окиян, переежжают землю, и опеть второй окиян. Эта лошадь обернулась китом и переплыли второй окиян. Когда переплыли второй окиян, вышли на землю, то он у нёго стал спрашивать:

— Скажи, Полка́нушко, што у тебя за лошадь, как она может быть кораблём и китом?

Он ёму сказал:

— Эта ло́шадь моя есть слуга бабы-яги, и она ёго настолько избила, што он прибежал ко мне, и служит у меня лошадью, или чем я пожалаю.

Издивилсе Богуслай чаревиць и сказал:

— Ну молоде́ць, Полкан-богатырь, коли такую лошадь приобрёл. Это не лошадь, а челое щастье.

Когда оне поехали по земли, то спросил Полкан-богатырь своёго́ цёрта:

— Ну, скажи, мой верной слуга, где живёт чарь Черномор, ты знаеш ёго ка́пища или подземелья?

— Знаю, Полкан-богатырь, я тебя доведу до подземелья, ну уж дальше не знаю. Вам будет трудно попадать, и придётце оставить нас с конём, мы будем ожидать.

И потом он ище говорит:

— Вам придётце попадать к Черномору сорок дней и сорок ноцей. Там есть сорок железных дверей и у кажной двери стоит охрана, какие-нибудь звери, или крокодилы, или еще какие цюдовища. И он закрылсе топерь накрепко, как встретилсе с Богуславом царевичем.

И вот обсказал это всё и довёл их до тех подземелий, где пошла дорога.

— Ну, идите топерь, а мы вас будем здесь ожидать.

И вот оне спустились в подземельё. У первого замка́ лежало две змеи одноглавые, а замо́к висел пудовой. И Полкан-богатырь розмахнул мецём и ударил этых зме́ев, а Богуслай царевич сшиб замо́к, и так оне проходили. У кажного замка́ стречали крокодилов, зме́ев, и так у кажного — до сорока дверей. Когда оне подошли к последней двери в сороковую ноць, то там стояла такая страшная тигра и крокодил. Полкан-богатырь ударил эту тигру и убил, а Богуслай царевич ударил крокодила. И крокодил в пасть захватил евонной мець, и было бы плохо Богуслаю царевичу, если бы не ударил Полкан-богатырь. Ну, он скорей розвернулсе и перебил ёму шею. А перед ними стоял замо́к в сорок пудов, висел над этой темницей. Тогда Полкан богатырь захватил свой мець, ударил по этому замку́. И видят скрозь стеклянные двери: чарь Черномор стоит с большим вя́зом в руки, на котором были кольця — и был триста пудов. Когда он увидал Полкана-богатыря, идёт, во перьвых ударяет ёго вязом. Но Полкан-богатырь удачно подставляет мець, и этот вяз сломалсе пополам. А в это времё подходит Богуслай царевич и отрубает ёму голову. Когда отрубил голову, то открыли еще дверь. И видят скрозь стеклянную дверь, сидит девушка красавиця, сидит за дубовым столом, кушает пищу хорошую и заедает пряниками печатными, и плачет горькими слезами. Только она увидала, сильно заплакала и говорит:

— Зачем вы зашли до́бры молодцы́ сюда, и как вы попали? Придёт чарь Черномор и вас убьёт, и я пропаду. Я здесь живу три года и отбиваюсь тем, што я еще моло́дая, хочет за себя взять замуж.

Заговорил Полкан-богатырь:

— Ты знаешь, прекрасная чаревна, я по́сланной от отця твоего́ розыскивать тебя, а уж про чаря Черномора больше и говорить не будем, так што ёго живого нету. Мы решили ёго с Богуславом чаревичем, вот он тут сам на личо́.

Тогда про всё Богуслав чаревич ей нача́л говорить.

— Слушай, прекрасная чаревна, у меня было жаланье тебя спасти, и я стретилсе с чарём Черномором, он был от меня ра́неной, но удачно сумел спастись, а я ослеп. И сказал: „Мож меня найти, я тебе даю зельё". Я помазал глаза и ослеп, и с тех пор не мог выехать из дому, пока не приехал Полкан-богатырь, и он меня очелил. И я вот теперь тебе то предлагаю, штобы ты вышла за меня замуж, я раньше тебя знал, хотя еще в глаза не видал.

Она ответила:

— Слушай, Богуслай чаревич и Полкан-богатырь, представь меня к родителям, я тогда благословлюсь у отця-матери и тогда выйду за тебя замуж. Я сюда попадала, я наверно и сама не знаю, как утащил он меня с саду орешного, и вот я жалаю еще посмотреть своё государьство и свой садик, которой у меня всегда был любимой.

Тогда сказал чаревич.

— Ну хорошо, это мы тебя можем представить.

И вот оне выходят из подземелья, где стоял ёго конь отко́рмленой, и этот цёрт безрогой оцень рвалсе в подземельё, когда слышал, как трудно приходилось Полкану-богатырю. И токо тогда успокоилсе, когда услы́шал, што убили чаря Черномора.

Тогда оне сели на лошадей и поехали к перьвому окиян-морю. Приежжают к морю, в это времё Полкана-богатыря конь обернулсе китом и поплыли по этому морю. Переплыли это морё, переехали, он обернулсе кораблём и переплыли спокойно второе морё.

И приежжают к этому цярю, у которого была похищена доць. И чарь очень обрадел, когда увидал Полкана-богатыря и своёго́ зятя Богуслая. И кряду же у них пошло весельё, устроили бал и потом оне, конешно, повенцялись. А Полкану-богатырю сказал чарь:

— Ну, Полка́нушко, што тебе только надо, всё бери, я тебе за это отплацю.

А он сказал:

— Слушай, ваше величество, мне ничего не надо. Почему? Потому што я уж слишком большой великан, ко мне ни одна невеста не подойдёт. А я уж буду жить в твоём чарстви и охранять.

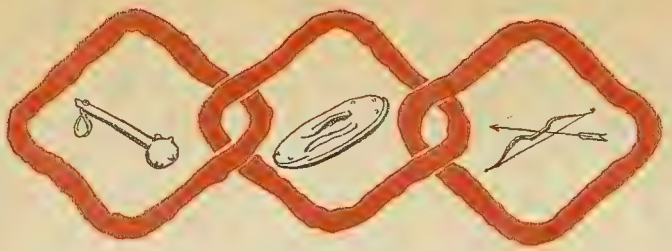
Тогда чарь очень удивилсе и наградил ёго енеральским цином и сказал:

— Ну, Полкан-богатырь, живи, а если найдёш себе невесту, то жонись.

Тогда Полкан сказал:

— Ланно, ваше велицество, если найду, то жонюсь, а уж не найду, то и так ланно.

Тогда чаревич роспростилсе со своим отцём, и уехал с жоной в своё чарьство, где и жил до глубокой старости.



39. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЬ

Во городе во Муроме, во селе Карачарове жил был прожиточной человек. У их не было никого детей. Оне жили до глубокой старости и стали у бога просить, штобы дал им бог какого-нибудь дéтища, и вот тогда родилсе у них сын, назвали ёго Ильёй. Он был на родáх испорцёной и лежал без рýк, без нóг. Отець-мать ёго плакались.

— Вот бог даёт людям дéтище, при старости опóру, а при смерти на помúн души. А нам дал калúку без рýк, без нóг.

И пролёжал Илья ровно тритцеть лет.

Раз ушли отець с матерью нá полё, и приходят к нёму две калúки перехóжие и просят мúлостинку Христа-рáди. Он нацинает им говорить:

— Ох, калúки перехóжие, не могу я встать; не могу я встать и вам милостúну подать. Вы откройте шкап, да возьмите себе, што надо.

Потом стал их спрашивать:

— А што на Руси делаетце? Как живёт Соловей розбойник?

Он раньше слыхал про Соловья́. Отвецяют калúки перехожие:

— Да што Соловью жить? Живёт он не плохо. Загородил дорожку прямоежжую и чарьствует тритцеть лет и сидит он на двенатцети дубáх. Раньше до Киёва былó ездú три дня, а топерь в объезд три годá. Сидит Соловей и свищёт по-соловьёму, и лаёт, собака, по-собацьёму, и крыцит, зверь, по-звери́ному. Но-ко, ставай, Илья, прошол твой строк тритцеть лет, подымай-ко свои рукú, нóги резвые, — говорят калики перехожие.

Вот Илья нацинает руку подымать, подымаетце. Стал ногу ростягáть, ростягáетце: и стал Илéюшко нá ноги. Говорит калúка перехóжая:

— Ну-ко, принесú у отця из погрёба пúва эту чашку пóлную.

И пошол Илья в глубóкой погрёб, и зацерпнул эту чашку пúва пóлную, и приносит эту чашку калúки. Калúка передаёт другому калики. А этот передает чашкý Ильи:

— На-ко, пей Илéюшко, эту чашку пива, и мы спросим тебя, каковó будет?

Когда выпил Илья на один дух, и спросили калúки:

— Ну-каковó, Илéюшко, в себе поцюствовал сúлушки?

Отвецят Илья каликам перехожиим:

— Во мне силушки? Как бы был столб от земли до нéба, в тым столби золотó кольцё, и я бы за это схватил кольцё и перевёрнул бы всю землю-матушку.

То говорит калúка другому:

— Черезь меру мы силы Ильи дали, надо сбавúть, а то не будет ёго носить мать-сыра земля.

Потом сказали Ильи Муромцю:

— Ну-ко, сходи, Илья Муромець, принеси чашку пива из погрёба.

Вот пошол Илья второй раз за пúвом. Приносит чашу пива и передаёт калики перехожей. Калика передáл второму и даёт пить Ильи Муромцю:

— Ну пей, Ильюшенька, топерь второ́ чáрочку.

Выпил Илéюшко на едúный дух. И спросил калúка перехожая:

— Ну, каковó Илéюшко, цюствуеш в себе сúлушки?

— Во мне си́лушки во полови́нушку, — отвеця́ет Илья Муромець, сын Ивановиць.

Да, говорит калика опеть перехожая:

— Ну, Илья Муромець сын Ивановиць, тебе смерть не пи́сана во цисто́м по́ле. Со всема́ сражайсе на бе́лом све́те, только не сражайсе с однем со Святогором с богатырём. Святогора-богатыря мать-сыра́ земля не носит, и он только ездит по крути́м бора́м, скаця́т на своём добро́м кони. Да, потом не сражайсе с ро́дом Нику́линым. У ро́ду Нику́лина андельской волос есть, не победить тебе ёго, и ёму тебя, да ище не сражайсе с Иваном Деревенщиной, у нёго тоже есь андельской волос: он знает про житьё-бытьё и што деетця на свято́й Руси́.

Топерь ему ище говорят:

— Ну, Иле́юшко, твой конь только сеця́с родилсе, на котором ты будеш ездить. Вот ты пойдёш из своёго го́рода и зайдёш в одну деревёнку, и стретиш, — старик ведёт трёх лошадей. Одна лошадь во тышецю рублей, друга́ лошадь в две тышеци, а третья лощадь уже чены́ нет. Залага́й отцёвсько имущество и откупи эту лошадь, она будет по виду хуже всех. Потом корми эту лошадь один год, и уж после этого поежжай, куда хош. Вот и поежжай, поклонись ко гробу господнёму, поклонись гробу этому, и до ти́х пор не крова́вь своёго меця́. И тебе Иле́юшко, когда будёт оцень трудно, то спомени́ нас, тебе будут в цистом поли такие слуця́и. И когда ты спомниш нас, в тебе си́лушка прибавитце непомѐрна: победишь противника в любу́ по́рушку.

И розошлись кали́ки перехожие.

И пошол Иле́юшко на бе́лой двор: подбирать житьё-бытьё отцёвськое — стал роспа́хивать бе́лой двор. И вдруг идёт ёго отец и мать. Мать и говорит отцю:

— Ну-ко, смотри, отець, полюбуйсе-ко, смотри, Иле́юшко пашет нам бе́лой двор.

— Ох ты, баба, моя жо́ноцька, ты ведь глу́па совсем, разве мыслимо, што цёловек лежит без рук, без ног тритцеть лет, разве может он пахать наш бе́лой двор.

Она говорит опеть ёму:

— Да, смотри, ведь это Илéюшко пашет наш бéлой двор.

— Ох ты, глýпая баба, если бы ты не жона мне была, я бы тебе за это голову срубил, где же он может пахать, как такой рослаблённой был?

Когда пришли уже совершенно близко, тогда отець увéрилсе.

Вот подошли к нёму рядом, и так сильнё обрадéли и прославили бога.

— Ну, родилсе нам сын, хоть и не в утеху при младости, но будет опóрой при старости и после смерти на упокой души.

Тогда заговорил им Илья Муромець, сын Ивановиць:

— Ну, отець и мать роднá, я родилсе, сын, в младости не утехой был, а лёжал тритцеть лет без рук, без ног и под старость вам не кормилец бýду и при смерти вам не на помин души. Сразу все росказал. А вот топерь пойду я искать себе добрá коня и потом поеду поклонюсь гробу господнёму и прочищу путь-дорогу прямоежжую. Там проеду, где сидит Соловей розбойник на двенатцети дубáх.

И пошол Илéюшко по дороженьке. И видит, идёт старик и ведёт старик трёх лошадéй на базар продать. И вот он спрашивает чéну перьвой лошади.

— Сколько стоит, дедушко, перьвая лошадь?

Отвецяет старик:

— Тыщу рублей.

— Ну, сколько стоит у тя вторая лошадь?

— Вторая лошадь моя — две тыщи рублей.

— А сколько стоит третья твоя лошадь, она хýденькая?

— Этой лошади даже и чены нет. Потому она хýденькая, што даже и не доросла́.

— Ну, продай её, я подрóщу её.

— Коли хош купить, дóброй мóлодець, ну продам её, только стоит она оцень дóрого.

Не щиталсе Илéюшко с денёжками и сказал таковó слово:

— Но скажи ты мне, дедушко, прáвду-истину, сколько она будет стоить?

— Ну отдам тебе, коли нужно. А отдам тебе за десеть тышець с половиною.

И подаёт Илéюшко дéнёжки и берёт себе эту лошáдку лохмáтую. И уводит в свой дом и начинает ей корьмить чéлый гóдик и катать ей в росы́. А когда он вы́ростил её до возраста до полного, тогда он пришол к отцю, к матери и сказал таковы́ слова:

— Ну, топерь, отець с матушкой, пустите меня, дóбра мóлотця, добра молотця Илью Муромця, я поеду ко гробу господнёму; ко гробу господнёму поклонитися, мне нужно исполнить заповедь кали́чию, то зака́зывали кали́ки перехожие.

Тогды отець с матерью заплакали.

— Ты поедёш дорогою прямоежжею, увидиш там Соловья розбойника, он убьёт тебя и не оставит даже на пóмины.

То сказал Илья Муромець:

— То отець ты мой, рóдна матушка, вы не думайте о мне, добром молотце, мне не пи́сана смерть в чистóм поле.

И роспростилсе он с отцём, с матерью. Отець с матушкой приросплáкались. И садилсе Илéюшко на добра коня и пустил ёго в путь дорóженьку. И наехал он на шайку розбóйников. Задёржала ёго шайка розбойников и стала ёго чени́ть и выспра́шивать:

— Ты скажи-ко топерь, дóброй мóлодець, хто ты есь, да откулёшной?

— А што вы, воры розбойнички, думаете, што с меня взять с дóбра молотця?

Очени́ли оне очень дорого.

— Доброй конь твой — чены́ нет; цвет-кафтан твой — десеть тышец рублей. И вот, друзья, мы розбойнички, оберём у нёго цвет-кафтан, отнимём у него добра́ коня, а ёму отрубим буйну голову.

Сказал им Илья таковы́ слова:

— Уж вы, воры-розбойнички, отпустите меня на все на четыре на сто́роны. Вам не след ссоритце с Ильёй Муромцём. Я кровавить меча не стану до ти́х пор, пока не приеду во Киев-град поклонитьце гробу господнёму.

И говорит Илья Муромец еще им, розбойникам, таковы́ слова:

— Отойди́те от меня честью, отпустите меня до́бра мо́лотця.

Но оне этого не пытаютце, заредили своё. Тогда Илья Муромець берёт стре́лоцьку кале́ную и спустил стре́лоцьку в розбойников, их не оставил и на се́мена. Поехал Илья Муромець дальше в путь. Видит войска́ громадные стоят, подъежжает к войска́м и спрашиват:

— Хто эты войска́ побиваёт здесь?

Отвечает князь один ёму:

— Ох ты есь богатырь незнающий, кабы ты нам помог войски́ побить, я бы отплатил не знаю чем. А уж привёл войска последние, больше нет у меня, и возьмёт меня топерича себе в плен.

Тогда отвечает Илья Муромець:

— Уж я окровавил мець свой.

И спустил стрелу́ на противника. Как спустил он токо, тут смешалась вся земля евонная и ёго противника. И поехал Илья Муромець дальше. Тут не спрашивал никакого вознагражденьиця, стал спешитце в Киёв-град, попасть ёму к зау́трени, а не к зау́трени, то хоть в обедёнки. Так он едёт опеть путём-дорогою и видит Соловья розбойника: сидит он на двенатцети дуба́х. Засвиста́л Соловей по-соловьи́ному, закрычал зверь по-звери́ному, залаяла собака по-собачьёму — на все двенатцеть голосо́в. Ёго до́брой конь на коле́ни пал, заговорил он своёму до́брому коню:

Эх, ты волчья шерсть, травяной мешок, не слыхал ты свисту соловьиного, иль не слыхал ты граю вороньёго, как грает во́рон на святой Руси, так же и Соловей поёт.

Зарядил он калену́ стрелу́ и спустил Соловью розбойнику прямо в правой глаз. И упал Соловей на сыру́ землю. Подъежжает Илья Муромець, сын Ивановиць, приковал он Соловья к стре́мена́м, поехал дальше и идёт к двору соловьиному, где сидела жена и сын ёго. И сын матери и говорит топерь:

— Ну, смотри-ко, мама, отець мужика ведёт, мужика ведёт да деревенщину.

Посмотрела мать и сказала сыну:

— Нет, сын, не отець мужика ведёт, а мужик отця ведёт.

Не стерпел сын, сказал матери:

— Я убью ёго топеричу.

— Нет, сын, уж коль отець не убил, то и тебе не убить, надо просить ёго с честью, с милостью, штобы оставил дома ёго в покое. А спустить ёго во двор, да поить, корьмить, да просить милостью.

Потом, открылись широкие ворота́ и запускали Илью Муромця, стречали ёго с поклонами. Заехал Илья Муромець на широкой двор, просила ёго жена Соловья розбойника:

— Ты скажи-ко доброй молодець, хто ты есь, и оставь Соловья розбойника дома здесь. И бери с нёго выкуп, какой жалаеш себе.

То сказал им Илья Муромець:

— Не оставлю ёго у вас здесь, свёзу ёго во Киёв-град, — почему дорогу загородил прямоежжую.

И повёрнул с широка́ двора прямо в Киёв-град. Не стерпел сын и сказал:

— Подниму воротничу триста пудов и ударю этого добра молотця.

Так он и сделал, — ударил Илью Муромця воро́тницёй. Но Илья Муромець не заметил, не трёснул ёго стальнёй шиша́к. И поехал Илья Муромець в путь-дороженьку. Когда выехал, природумалсе:

— Ну уж не хотел меча́ я кровавить-то, ну еще спущу калену́ стрелу́.

И спустил на этот двор калену́ стрелу́, заметало́ землёй всё ёго жительство. И поехал Илья Муромець дальше. Приежжает топерь он во Киёв-град, и как раз успел к обедёнке. Вот послушал он обедню всю до конця, а стоял у обедни Владимир Красно Солнышко, всё смотрел на бога́тыря незнаема, и пригласил ёго на почёстной пир. Вот сидел Илья Муромець на почёстном пиру́; подавали ёму чару зелена́ вина́, зелена́ вина́ — полтора́ ведра́. Брал молодець на одну́ руку́, выпивал молодо́й на единый дух. Богатыри друг на дружку оглянулисе, оглянулисе — усмехнулисе. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Ну-ко ты скажи молодець ты откулёшной, какого ты роду есь, какой племени, да как тебя звать?

— Меня зовут Илья Муромець, Илья Муромець, сын Ивановиць; из города я есть из Муромля, из села я есть Карачарова.

— Ты скажи, доброй молодець, какой ты дорогой ехал во Киёв-град, в како́ времё вы́ехал со двора своёго?

— Ты Владимир есь Красно Солнышко, ехал я дорогой прямоежжею, ехал я три дня.

То не поверил Владимир Красно Солнышко и все князья бо́яры.

Што не может быть, што ты ехал дорогой прямоежжею, той дорогой тритцеть лет нихто не ездит.

Заговорили богатыри мо́гучие, Олёшенька Поповиць, Самсон Колупаевиць, Добрынюшка Никитинець:

— Што врёт топерь доброй молодець — Илья Муромець, сын Ивановиць.

— А коль не верите, пойдём на широкий двор, то увидите вы всю тут правду, истину.

И все пошли на широкой двор, и вышел Владимир Красно Солнышко. Подошол Илья Муромець ко своёму́ коню, отковал Соловья розбойника от стремён своих и сказал Соловью таковы́ слова:

— Ну, Соловей, пропой впо́лсвиста по-соловьиному, вполголоса прокрычи по звериному, вполлая пролай по-собачьёму, штобы убедились все князья-боя́ра, узнал Влади́мир — Красно Солнышко, хто ты есь такой.

Засвистал Соловей по-соловьиному в полной голос, закрычал зверь по-звериному и залаял собака по-собачьему в полный голос. Тут па́ли все князья-боя́ра на́ зень, упал и Владимир Красно Солнышко со своей Опраксой королевичной, а богатыри все забегали со страху по́ двору. Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Уж ты есь богатырь, Илья Муромець, уж ты уйми, Соловья розбойника, а то попадали мы все на́ землю, не слыхали мы крику Соловьиного, а то мы все погинём. Уж топерь верим мы, где ты ехал.

То вынимает Илья Муромець свой мець, отсекает у Соловья голову.

— Ну, собака, Соловей розбойник, не послушал меня, закрычал на все двенатцеть голосóв, то убью тебя топерича.

И так отрубил у нёго бýйну гóлову. И приходит снова на почёстной пир. Вот тогда Владимир Красно Солнышко поил, корьмил и дарить его стал. Подарил ёму шубу цвéтную, и поил ёго дóбра мóлотця вином. Он пил тóлько, кóлько хотел.

Когда был Илья выпивши, то он волочил шубу пó полу, да приговаривал:

— Кабы мне Калина-чаря таскáть, как эту шубу, за жолты кудрú, то было бы очень хорошо!

А про это слуги на Илью наврали, што говорил „кабы мне таскать Владимира Красно Солнышко за жолты́ кудрú".

То Владимир Красно Солнышко обиделсе, призыват Илью Муромця и говорит ёму таковы́ слова́:

— Уж ты есь богатырь Илья Муромець, уж я это слово тебе не прощу, ты хотел меня таскáть за жолты́ кудрú, посажу я тебя за это в ямушку.

И открыли ёму яму тритцеть сажен глубиною и шириною и засыпали жóлтым песком. И Илья Муромець не противилсе, шол в эту яму без розговóрицю. А Опраксия королевишна сделала тунель в подземельё и кормила Илью Муромця все времё, пока сидел Илья Муромець в ямушке. И прошло тому тридтцеть лет, всё сидел Илья Муромець в этой ямушке.

Вот узнал Калин-чарь, што уж нет у Владимира богáтырей, — потому што все богатырú розъехались, как посадили Илью Муромця в ямушку, — и пошол на Владимира Красно Солнышко войной, нагонúл войска в Киёв-град столько, што не было, где котла сварить, а под Киев-град стóлько, што не было, сонця видно и еще было с ним несколько богáтырей. И осталсе он под Киёв-градóм. Вот Владимир Красно Солнышко и запечалилсе:

— Нет у меня славного богатыря Ильи Муромця, нет у меня Олёшеньки Поповиця, нет и Добрынюшки Никитиця, не знаю, куда оне розъехались — приходит, видно, конець Владимиру Красну Солнышку.

Тогда Опраксия королевишна ёму и говорит:

— Слушай ты, Владимир Красно Солнышко, отрой ты в ямушки Илью Муромця, ведь он живой теперь. Попросиш его, Илью Муромця, штобы он шол в войну с Калúн чарём.

Тогда заговорил Владимир Красно Солнышко:

— Што ты, бáба, волос долог, ум короток, рази может жить человек без пищи, без питья тритцеть лет?

Она ёму говорит второй раз:

— Уж ты сделай милость отрой ямочку.

То он опеть ей говорит:

— Слушай, бáба, ты не жона мне была бы, то я велел у тебя голову срубить.

То она опеть:

— Открой ямочку, а я знаю, Илья еще жив сецяс.

Не стерпел, Владимир Красно Солнышко, взял приказал отрыть ямоцьку и смотрит: стоит Илья у стола и читает святое евангельё, а сам седой уж стал. То стал просить ёго с поклонами:

— Уж ты смилуйсе, Илья Муромець, помоги, то пришел тут к нам Калин-цярь, наступил под Киёв-град, уж ты выйди к нам на помóгу.

— А слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, я для тебя не пойду, Владимир Красно Солнышко, ни для тебя, Опраксия королевишна. А я пойду для сирот, для божьúх черьквей, што сиротушек всё повыдавит, а божьи черьквы все повы́жигёт.

И стал Илéюшко из ямоцьки, поехал во чистó полё. Вы́ехал в чисто полё, видит шатёр стоит, а в том шатри три брата: Олёшенька Поповиць, Самсон Колупаевиць и Добрынюшка Никитинець.

— Ставайте вы, братья, поедём на дело ратноё, на кровавоё побоище, наступил теперь на нас Калин-чарь.

Вот ставали богатыри скорёшенько, сади́лись на добры́х коней, и приехали во Киёв-град, ко тому ли к Владимиру Красну Солнышку.

Тут заговорил Илья Муромець, сын Ивановиць:

— Ну, робята, што поедём теперь к Калину-чарю с подарками, попросить ёго, штобы он дал нам три дня служить

молебны с панафидами, а потом мы пойдём на дело ратноё, на побоище смёртноё.

Тогда сразу он сказал Добрыни Никитичу; Добрыня Никитич отказалсе:

— Я не смею, Илья Муромець, сын Ивановиць.

И отказалсе Самсон Колупаевиць и Олёша Поповиць. Тогды он сказал богатырям:

— Ну, тогды дайте, я пойду.

И даёт Владимир Красно Солнышко ми́су кра́сна зо́лота и вторую ми́су чиста се́ребра, штобы он там дал три дня пропеть молитвы с панафидами, а потом пойдём на дело ратноё, на побоище смёртноё. И так Илья Муромець отправилсе под Киёв-град. Приходит он к Ка́лину-чарю и говорит:

— Ну, Калин-чарь, вот я тебе подарок дам от Красна Солнышка: ми́су кра́сна зо́лота и чи́ста се́ребра, за то дам, штоб ты нам дал три дня пропеть молебны с панафидами, а потом мы с тобой станём на дело ратноё, на побоище смёртноё.

Топерь заговорил Калин-чарь:

— Нет, доброй молодець, я не дам вам ни одной минуты. Я сюды не гулять пришол, не ростешивать вашей милости, не ожидать вашего моленьиця, сечас же пойдём на дело ратноё, на побоище смёртноё.

Тогда заговорил Илья Муромець:

— Ах ты, собака Калин-чарь, отойди от нашей святой Руси́, а то не оставим тебя и на се́мена.

То вызывает он татар бога́тырей, захватили Илью Муромця, обвязали ёго шелкамы бога́тыма и повели ёго на плаху убитую. И сам шол Калин-чарь. И говорил Ильи таковы слова:

— Ах ты ста́рой богатырь, скажи, хто ты есь, зачем ты вы́кинул слова дерзнове́нные. Вот скажеш про себя, отпущу тебя.

Да шол, да и́зредка ёму в бороду трёсткой поты́кивал, да в глаза поплю́ивал. То он сказал, Илья Муромець:

— Ах ты, собака Калин чарь, не скажу я тебе ничего, до́ тих пор, пока не сломите моей буйной головы́.

Привели Илью Муромця на плаху убитую; повалили на плаху убитую, и заговорил про себя Илья Муромець:

— Верно пришла смерть непи́саная во чисто́м поли, коли говорили кали́ки, што не будет тебе, Илья Муромец, смерть во чисто́м поли́.

Тогда Илье Муромцю силы прибавилось, хватил он в грудь одного татарина, то поднялсе выше земли стоячей, выше облака ходячего, схватил одного татарина за́ ноги, нача́л им Иле́юшко пома́хивать. Как в ту сто́рону вернёт, так валит их у́лками, в дру́гу сторону ма́хнёт, вали́т переу́лками. Ну крепкой татарин, жи́лковатый, не со́рветце. И убил Илья Муромець до одной души, ударил татарина о сыру́ землю́. Осталась от татарина токо грезь да вода. И пришол во палаты белокаменны ко тому ко чарю-Ка́лину. Захватил ёго за жолты́ кудри́, открыл окно и броси́л ёго на панель из палаты трехъветажные. От Ка́лина-чаря токо грезь осталась. И пришол Илья к Владимиру-Красну Солнышку и сказал ёму таковы́ слова:

— Дал прослужить молебны с панафидами три дня.

Вот прослужили молебны с панафидами и выступили под Киёв-град — рать-сила великая и всё бога́тыри. А под Киёв-гра́дом бы́ло силы столько, што сонцё не пропёкало, не было где котла сварить. Вот бились оне че́лы суточки и не было ни у́были, ни при́были, все богатыри и Илья Муромець. Вот на вторые сутки немножко сонцё стало пропёкатисе, заговорили ёму бога́тыри:

— Слушай, Илья Муромець, сын Ивановиць, надо отдых сделать нам, до́брым мо́лотцям.

Добавил Илья Муромець, сын Ивановиць:

— До ти́х пор не будём отдых дёржать, пока не убьём до одной души.

Опеть розъехались до́бры мо́лотцы, стали силу бить по-старому. Вот и наехала на Добрыню Никитиця баба Коло́мёнка, и оне с ней сразилисе, ударились копьём долгомерным, — ко́пья пополам переломились. Ударились меча́ми, — меци пополам переломились, ну дру́г дру́га с коней сбить не могли. Потом схватились рукопашкою; возились оне шесть

часов. Подвернулась у Добрынюшки ноженька, упал Добрыня на сыру́ землю, и села баба Коло́мёнка на бе́лу грудь и спрашивает у Добрыни Никитиця:

— Ну, скажи-ко ты, до́брой мо́лодець, кто ты есь, чьёго роду, чьей племени и как тебя звать?

А он отвечает ей таковы слова:

— Если я бы лёжал у тебя на бело́й груди́, не спрашивал бы ни роду, ни племени, ни отця с матерью, колол бы брюхо до пе́чени.

И вдруг едет Илья Муромець, сын Иванович:

— Эй, мужик, грит, под бабой лёжиш?

— Выручи, Илья Муромець, сын Иванович, видно, пришла Добрынюшки смерть в чисто́м поли.

Отвечает ёму Илья Муромець:

— Бей бабу по ти́тькам, пихай под жо́пу, будёт баба мяхче. И сам проехал дальше, токо и помог.

Потом спомнил заповедь Ильи Муромця; — стал бить по ти́тькам, пихать под жо́пу, и стал наверьх. Потом уж не спрашивал у ней отця с матерью, а колол брюхо до пе́чени и убил ей на́-смерть. И сел он на добра коня с этого стыда и поехал по крутой скалы́, и видит, што корабь плывёт и броси́лсе со скалы на этот корабь, а тот был не корабь, а просто скала, и у́билсе на́ смерть со своим конём.

Побили бра́тья всё войско и стали ждать Добрыни Никитиця, нигде ёго в войска́х не нашли. И спомнил Илья Муромець, сын Ивановиць, што он лёжал под бабою, нет ли ёго там. Поехал туда, приежжает, видит, што баба Коло́мёнка убита.

— Ну, не больше, ни меньше, што брат наш поехал куда со стыда.

Поехали дальше и видят, што лежит он на скале убитой. И поехали братья в Киёв-град к Владимиру Красну Солнышку. Владимир Красно Солнышко очень обрадовалсе и сделал почёстной пир и стал спрашивать:

— Што где у вас, богатыри́, Добрынюшка Никитинець?

То говорит ёму Илья Муромець, сын Ивановиць:

— При войны бывают слу́чаи, што кто-нибудь лёжит в чисто́м поли. Убит Добрынюшка или, вернее не убит, а со

стыда скончалсе, што лёжал под бабой Колóмёнкой. Убил он ей, а потом со стыда бросúлсе на скалý и скончалсе наш Добрынюшка.

Пожалел Владимир Красно Солнышко, да делать нéчего.

Вот поил, корьмил, и хвалилсе имá:

— Ну, если не вы бы, богáтыри, да Илья Муромець, то не быть бы нам на святой Руси, не оставил нас Кáлин-чарь даже на пóмины.

Заговорил ёму Илья Муромець, сын Иванович:

— Все-таки надо мне итти на святую Русь да посетить свою родину, увидеть отця с матерью, есть ли нет хоть и в живы́х. А вы, братья мои, да товарыщи, вы останьтесь у Владимира Красна Солнышка на охрану нашего отечества, до ти́х пор, пока я приду, не давайте ёго во обидушку.

И сам роспростилсе с Владимиром Красным Солнышком, и пошол он в путь-дороженьку. Вот он шол далёко, и подходит он уж к своёму селу, к своёму селу Карачарову. Приходит он в дом отецькой. Не было уж отця-матери: — все оне были прúмёрши. Отдал он дом этот нищим бедным калúкам перехожиим, рóздал деньги всем поровну, сам отправилсе опеть вперёд. И вот стретилсе он с калúкою с Иванищем с Деревенщиной и начáл у нёго он спрашивать:

— Ты скажи-ко мне, Иванище Деревенщина, што у нас на Руси да деетце, как живёт Владимир Красно Солнышко? Ты ходиш по святой Руси, так знаеш все нóвости.

— Да, Илья Муромець, сын Ивановиць, на Руси хорошего нет топерь. Приступил к Владимиру Красну Солнышку Идолищё поганоё. Владимир Красно Солнышко связан ко дубовому столу за шелкóв ремень, а с Опраксой королевишной пьёт, ест с одного стола. И спит он с ней на одной кровати и держит руки в пазухи и ниже поясу.

Заговорил Илья Муромець:

— Ты отдай мне, Иванище, эту свою клюшечку.

— Нет, не отдам.

Вот Илья Муромець стал у него отнимать, оне с ним возились три дня, никоторой никоторого победить не мог. Илья Муромець клюшечку не отнял. Росердился Иванище Дере-

венщина, броси́л клюшку в землю, улетела клюшка в землю сóрок сажен, и пошол он дальше, не сказал Илье Муромцю ни одного слова.

Илья Муромець на это не розгневалсе, нача́л землю рыть, рыл он ровно три дня и достал эту клюшечку. И пошол он с клюшкой пробиратьце в Киёв-град.

Вот, конешно, он пришол топерь уж в Киёв-град, под окно Владимира Красна Солнышка и просит ми́лостину Христа́ради́.

— Дай, Владимир Красно Солнышко, мне ми́лостину.

Владимир Красно Солнышко, конешно, ничего не знат. Сидел Идолищё поганоё у окна, услышал кали́чий крык и позвал кали́ку в и́збу. Приходит Илья в и́збу к Идолищу поганому, где сидела с ним Опракса королевишна. Вот когда пришол он к ней, она и спрашиват:

— Ну скажи, кали́ка перехо́жая, ты много ходиш по святой Руси, ты знаеш, наверно, про Илью Муромця, какой он был богаты́рь до́брой мо́лодець.

— Знать-то я ёго знаю, росту был как будто и я.

— Ну, скажи топерь, кали́ка перехожая, много ли он пил и ел, как он славилсе силой непомерною.

— У ёго выть была окуратная, ел он всёгда по кала́чику, а пил он всёгда по стаканчику.

— Эх не есь богатырь ваш был Илья Муромець. Вот я есь до́брой мо́лодець, — говорит ёму Идолищё поганоё.

— Я молодець уда́лой, вот у меня какая выть: я ем семь печей хле́бов, три коровы ем за один обед, три ведра вина выпью, на закуску ем двенатцеть гусей, запиваю ведром молока коровьёго. Вот эта выть моя уме́ренна.

— А ты есь доброй мо́лодець. У мово батюшки была корова такая же обжо́ра, как и ты есь, много ела, пи́ла, да и ло́пнула, такой же конець и тебе будет, доброй мо́лодець, не смерть, а уж лопнёш, — сказал ёму Илья Муромець.

Не понравилось Идолищу поганому, он схватил кинжал, да и бросил в Илью Муромця. Но Илья Муромець увёртист был: отвернулсе, конешно, Илья Муромець, не попало, а ударило в стойку с дверьми, стойка с дверьми провалилась на

улицю. Тогды видит он Владимира Красна Солнышка, связанного у ножки столовой, а питалсе он костями да объедками:

— Уж ты слушай-ко, Владимир Красно Солнышко, дай-ко твою каменную палату белу окровавить теперь.

Отвечает ёму Владимир Красно Солнышко:

— Делай што хош, калика доброхо́жая, власть уж не моя сечас.

А Идолище сидел за столом, смотрел, што говорит кали́ка перехожая.

Тогды Илья Муромець, сын Ивановиць, ударил ёго клюшкой. Идолище вы́летел на улицю с просте́нками. И отвязал Владимира Красна Солнышка от столовой ножки. И сказал ёму таковы́ слова:

— Вот я есь старо́й богаты́рь Илья Муромець, спас тебя Владимира Красна Солнышка, и живи теперь в спокое. Послежу я за тобой теперь. Еще тебе Владимиру Красну Солнышку будет много беды, да напасти вперёд. Ну где твои бога́тыри: Олёшенька Попович, Самсон Колупаевиць?

— Мои богатыри испугалисе, уехали оне из чарьства, не знаю где. Испугались оне Идолища поганого.

— А почему мне не надо бы́ло, Владимир Красно Солнышко, пугатисе, надо было ёго уничтожить со земли.

И так обрадовалсе Владимир Красно Солнышко, посадил за свой стол, угощал только чем было́, приказал Опраксе королевишной:

— Корьмить, поить, да уговаривать, штоб не ездил Илья Муромець. — А уж я тебя Опраксия королевишна за то прощу, што жила́ с Идолищем поганым, — это было дело насильнёё.

Отыскал Илья Муромець своего коня и поехал розыскивать бога́тырей.

Вот он ездил, ездил, наконець нашол во чисто́м поли шатёр, и сказал:

— Ну што же вы, бра́тья бога́тыри, так ли охраняете Владимира Красна Солнышка?

Но оне сильнё перепугались, што Илья Муромец убьёт, но он ничего не убил, не наказал, и сказал:

— Ну, теперь поедем к Владимиру Красну Солнышку.

Когда приехали, то Илья Муромець поло́жил Олёшу Поповиця на охрану города и дежурить, каки́ проежжа́ющи богатыри́ будут. Вот он стоял, все охранял и вдруг приежжает богаты́рь, такой большой, што Олёша Поповиць со страху испугалсе. На правом плече ясной голубь был, на левом ясной со́кол, и крычал поединщика. Олёша Поповиць так перепугалсе, прибежал сказывать Илье Муромцю. Илья Муромець ёму и говорит:

— Почему ж ты не выехал с ним на поединок? Ты бы выехал и скрыкнул, если ёго конь падёт на коленки, то поежжай смело, уж если не падёт, то не выёжжай.

И так он отправил ёго на пробу. Отказатьце Олёшенька Поповиць не смел. Когда выехал, скрыкнул по-богатырски, ну, конь ёго не почуствовал; повёрнул и Олёшенька Поповиць, поскакал обратно к городу.

— Ну, Илья Муромець, я не смел поехать на нёго: скрыкнул, — конь повернул на меня, и я поехал обратно.

— Ну ладно, тогда я поеду, старой богатырь Илья Муромець.

Вот и выехал Илья Муромець, сын Ивановиць. Скрыкнул, — конь у него и пошатнулсе. Съехались оне, ударились копьямы: копья пополам переломились, но никоторый никоторого не мог из седла вышибить. Меча́мы ударились, мечи пополам переломились. Потом схватились рукопашкою, этот богатырь послал с левого плеча голубя матери:

— Нашол в поли поединщика, не знаю, справлюсь-ли, нет?

Вот оне возились с Ильёй Муромцём че́лые сутки, никоторой никоторого не может победить. Вот он посылает с правого плеча я́сна со́кола.

— Нашол в поли поединщика, мама, ну не справитьце.

Тогда всё-таки Илья Муромець ёго свёрнул; берёт нож, роспорол брюхо до пе́чени, сам сел на коня и уехал. Вот приехал домой, а топерь поставил Самсона Колупаевиця.

— Вот топерь дежурь город, мало ли кто приде́т, скажеш.

Вот в одно прекрасноё време приежжает богатырь. Богатырь был Соко́льничек-роско́льничек. Конь у богатыря был,

как сильняя буря; богатырь был, как сильняя туча. Богатырей ничем щитал, а Красное Солнышко смехóм вёл. Вот и приежжает Самсон Колупаевиць к Илье Муромцю, росказал, што видел. Илья и говорит:

— Эх вы, богáтыри, не смеете выехать на богáтырей, какие же вы богáтыри, надь опеть выехать старому Илье Муромцю.

Когда выехал Илья Муромець на него, скрыкнул, — конь на него поворотил. Съехались оне, ударили копьём — копья, переломились, ударились мечом — мечи переломились, — никоторой никоторого победить не может. Засмеялсе богатырь, схватилсе с Ильей рукопашкою. Возились, возились оне чéлы сутки, — никоторой никоторого победить не может. На вторы сутки подвернулась у Илéюшки ноженька, — богатырь на него. Сидит на грудú и спрашиват:

— Эх ты, стар богатырь, ну удáлый был, ты скажи-ко как тебя звать, какого роду, какой племени?

Говорит Илья ёму на ответ:

— Кабы я у тя, дóброй мóлодець, сидел на грудú, не спрашивал ни роду, ни племени, колол бы брюхо до пéчени.

А он ёго всё спрашиват:

— Ты скажи, скажи, дóброй мóлодець, не убью тебя, побратáемсе.

А Илья ёму ничего не говорит, токо так промеж себя сказал.

— Верно пришла Ильи смерть непúсаная во чистóм полú:

Тогда Ильи сила прибавилась непомерная. Ударил он в грудь богатыря кулаком, и он поднялсе выше лесу стоячего, ниже облаку ходячего и упал о кáменья, россыпалсе на мелкие дребезги. А Илья Муромець стал на добрá коня, поехал к Владимиру Красну Солнышку.

Владимир Красно Солнышко обрадел, собрáл почестной пир, собрáл богáтырей на пир. И говорит Илья Муромець:

— Ну, Владимир Красно Солнышко, топерь я поеду к брату старшему, к тому ли Святогору богáтырю. А вы оставайтесь, да чарьствуйте, споминайте Илью, да не увидите.

И говорит ище брáтьям Самсону Колупаевицю да Олёши Поповицю:

— А вы, бра́тья, не пугайтесь, не розъежжайтесь, охраняйте Владимира Красна Солнышка.

И так роспростилсе он с Владимиром Красным Солнышком, с братьями, сел на добра коня и поехал.

Вот приехал он к крутой горы, нача́л ставать в гору, конешно, и поднялсе; поднялсе, увидал шатёр стоит. Заехал к шатру, — конь стоит богатырской, как сильняя гора.

— Нихто больше, как здесь Святогор.

Поставил своёго коня, заходит в шатёр; заходит, видит Святогор богатырь спит с жоной. Будить он не стал; делать ёму нечего, и сам повалилсе спать. Вдруг стала Святогора-богатыря жона, улыбнулась, вышла из шатра, взяла мешок и спустила в мешок Илью Муромця и коня. И сунула мешок Святогору-богатырю в корман. Когда стал Святогор-богатырь, нужно ёму бы́ло ехать, говорит жоны:

— Ну, поедём на третью го́ру.

Сели на лошадей и поехали. Лошадь поднялась в перьву и вторую го́ру, а на третью и поднятьце не может. Вот он и говорит ей:

— Ну што ж ты, волчья шерсть, травяной мешок, раньше скакала с горы на́ гору, а топерь и поднять не можеш?

Она и заговорила человечьим голосом:

— Раньше я носила богатыря и богатырьскую жону, а теперь несу двух богатырей и богатырьского коня. Богатырь хоть и не супротив тебя, и конь не супротив меня.

— А где же оне? — спрашивает.

— А посмотри у себя в кормане.

А Илья спал и ничего не чуял. И вот он сунул, протянул руку в корман, и вытряс Илью с конём и спросил жону:

— А как он мне попал в корман?

— А я, грит, клала ёго.

Взял он жону, конешно, и убил, и стал Илью Муромця спрашивать:

— Какого ты роду, какой племени и как звать тебя?

Он ёму и нача́л:

— Я есь Илья Муромець, сын Ивановиць, посмотреть мне тебя захотелось.

— Ну ланно, коли так пришлось, то побы́ть у меня и будь ты ме́ньшим братом, а я буду старшим, и поедем с горы́ на́ горы.

Сели оне на ко́ней и поехали.

Прискакали на одну гору, и стоит на горы́ гроб, и был открытой этот гроб. Ну, он был слишком большой. Вот и говорит Святогор богатырь Илье Муромцю:

— Ну-ка, Илья Муромець, примени́сь к гробу, по тебе ли он будет?

Илья Муромець повалилсе в гроб и не хватают ни руки, ни ноги.

— Нет, Святогор богатырь, этот гроб не по мне. Нас таких войдёт деся́тками в этот гроб.

Потом слез с коня Святогор богатырь, повалилсе в гроб. Как повалилсе, крышка закрылась, и Святогор богатырь поднятьце не может. Потом заговорил Святогор богатырь:

— Бей мечо́м, росколи, я не хочу умирать.

Как ударил по гро́бу, покрылсе гроб обручом. То заговорил Святогор богатырь:

— Возьми мой меч, да ударь, твой ле́гок.

Тогда он берёт ёго мець, захватил, поднять не может, сам по колено в землю ушол.

— Нет, Святогор богатырь, я твой мець поднять не могу.

— Ну, приклонись ко мне, я силу дам.

Вот дохнул он на нёго, у Ильи силы прибавилось, взял он мець, как ударит им по гробу, то опеть сделалась жолезная полоса.

Тогда опеть Святогор богатырь говорит:

— Припади еще раз, я опеть силы дам, ударь топереч, крышка и россыплетце.

— Нет, я второй раз не припаду, ударить я ударю.

Потом Святогор богатырь ёму заговорил:

— Ну, ударяй, не ударяй, все равно я уже начинаю коле́ть. Хорошо што не припал, я бы тебе земляны́м духом дал, тебе бы тут и живым не быть. А мне уж здесь смерть. Привяжи моего коня ко гробу, им никому не владеть, и мой меч оставь тут.

Потом роспростилсе Илья Муромець с Святогором богатырём, и тот тут умер, а он поехал вперед.

И вот подъежжает он ко второму гробу и сказал:

— Ну, наверно, этта моя смерть, уж коль умёр Святогор богатырь, то, наверно, и я умру.

И он сошол с коня, привязал к гробу, зашол в гроб, крышка закрылась и Илья кончилсе.

40. ДОБРЫНЯ НИКИТИЦЬ

Ну вот, не́ в котором чарстви, не́ в котором государстви был Никита князь. У нёго был сын, звали ёго Добрыня Никитиць. А́ чарь был Владимир Красно Солнышко. И вот всё Добрыня Никитиць любил ездить на го́ры Сороци́нские, топтать молодых змее́нышей, выруцять руских полонов. И ёго мать всё унима́ла:

— Не езди, Добрынюшка, на горы Сороци́нские, не топци молодых змее́нышёв, не выруцяй руских полонов, за это тебе будет ху́до.

Ну, он был очень си́лен по отцю, отець ёго был богаты́рь.

— И не купайсе в Пота́й-реченьки, Пота́й-реченька она змеиная, да лебединая.

И он всё не слушал, ездил на го́ры Сороци́нские, топтал молодых змее́нышев, выруцял русских полонов. И раз поехал опеть на го́ры Сороци́нские, приехал к Пота́й-реченьки, розделсе и нача́л купатьце. Когда нача́л купатьце и спомнил:

— Мать мне говорила, што Пота́й-реченька она змеиная, да и лебединая, а она хоро́ша, купатьце можно.

Вот во перьву́ струю забрёл, нырнул, да и вы́нырнул, и во второ́ струю забрёл — вы́нырнул. Во третью́ струю забрёл,

не успел вы́нырнуть, как налетела змея лютая, змея пещерная, и говорит Добрыни таковы́ слова:

— Захочу, Добры́нька, я тя съем, сожру; захочу Добрынька, в хоботе́ сожму, унесу тебя детям на съеденьицё.

Ответил Добры́нька ей таковы́ слова:

— Не хвастай, поганая, пока не поймана.

И он был очень масták нырять. У того бе́режку нырнёт, у дру́га вы́станет. И вот нырнул он у того бе́режку, у дру́га вы́нырнул. А змея всё поглядыват, не даёт ёму вы́стать, одетьце, ни сесть на добра́ коня́. Раз Добрынюшка нырнул — не вынырнул, дру́гой раз нырнул — вынырнул у того бе́режку, где лежало ёго платьицё. Успел токо Добрынюшка схватить шляпу земли грецеской, как налетела змея. И он зачерпнул шляпу земли грецеской жолтого песку и ударил змею так сильно, што у ей отвалилось три хобота, и па́ла змея на сыру́ землю́. И змолилась змея, и говорит:

— Слушай, Добрыня, сын Никитинець! Ты не бей меня больше, а мы сделаем с тобой заповедь, штобы мне, змее лютой не летать на святую Русь, а тебе, Добрыни, не ездить на го́ры Тарати́нские, не топтать молодых змеёнышей, не выручать русских полонов.

И вот так оне сделали с ним заповедь и решили, што бы им ни тому, ни другому, одной не летать на святую Русь, а Добрыни не ездить на горы Тарати́нские.

И так Добрыня оделсе и поехал домой на своём Бурушке.

В это времё змея поганая наруши́ла заповедь, полетела черезъ святую Русь, утащила молодую Заба́ву, дочь Путятишну. Тут Владимир Красно Солнышко узнал это, собирал он почёстной пир. Вызывал на почёстной пир русских бога́тырей: Илью Муромця, Самсона Колупаевиця, Добрыню Никитиця и Олёшеньку Поповиця. И вот он собра́л это всех бога́тырей, обьевил им таковы́ слова:

— Вот вы, бога́тыри, сослужите мне службу, съездите на горы Тарати́нские и достаньте молоду Забаву, дочь Путя́тишну. Унесёна она змеёй лютоей и запрятана в пещеру.

И вот он даёт заповедь Ильи Муромцю. Илья Муромець говорит:

— Я уж старóй богáтырь есь, моложе топерь есть меня, пускай едут.

Отказалсе. Тогда велит заповедь эту исполнить Самсону Колупаевицю. И тот говорит:

— Я тоже уже к этому не приспособлен, мне дорóга незнакомая.

И тоже отказалсе.

Тогда налóжили эту службу Олёшеньки Поповицю. Он и говорит:

— Владимир Красно Солнышко, напрасно вы на меня эту службу налагаете: вы знаете, роду я поповського, у меня кафтан дóлгой, я побежу, испугаюсь, заплетусь в кафтан и падý, она меня в это времё убьёт. А лучче налóжьте вы эту службу на Добрыню Никитиця, он и раньше бывал на горах Таратúнских.

И вот налóжили Добрыньке эту службу. Добрыня отказатьце не мог. Пошол с пирý, гóлову повесил, не пил, не ел, ничего не кушал. Повесил бýйну голову, приходит домой. Мать видит, Добрынюшка пришол печальной. Начáла она ёго спрашивать:

— А што же ты, Добрынюшка, запечалилсе, или тебе мéстечко было не пó чину, или на тебя дурак обсмеялсе, или тебя чáрой óбнесли?

— Нет, моя мать, чáрой меня не óбнесли, и мéстечко мне было пó чину, и дурак надо мной не посмеялсе. А лучче бы ты не родúла на белой свет, родилá бы ты меня белым кáмешком и спустила бы ты меня во синё́ морё́. И не проливал бы я крови ни чужой, ни своей.

— Да што тебе, Добрынюшка, не понравилось?

— Да вот, маменька, дали мне такý заповедь: съездить на горы Таратúнские, вытоптать молодых змеёнышев, доставить молодý Забаву, дочь Путятишну.

Вот она ёму и говорит:

— Я тебе раньше сказала, што не езди на гóры Таратúнские, не топчи молóдых змеёнышев, не выруцяй русских полонов. Ну, вот тебе топерь и служба, ехать надо по приказанью Владимира Красна Солнышка.

Потом она и говорит:

— Ну, ланно, Добрынюшка, уж я тебе даю плётушку. Когда ты, приедеш на го́ры Тарати́нские, молодые змеёнышки подто́чат у Бу́рушка резвы но́женьки. А ты хлопни бу́рушка промежду ушёй и промеж за́дних ног. Как начнёт Бу́рушко поска́кивать, за три выстрела ка́мешки от ног потря́хивать, вытопчет младых змеёнышей. А потом вылетит змея лютая, лютая змея пещерная, шестиглавая, шестихобо́тная.

Вот он тогда простилсе с матерью, поехал на го́ры Тарати́нские, стал топтать моло́дых змеёнышев, выручать русских пу́лонов. И вот подтоцили у Бу́рушка ноженьки, упал Бу́рушко на коленки на сыру́ землю́. И он вытянул плётоцьку, котору мать дала, хлопнул Бу́рушка между́ ушёй и между за́дних ног. Начал Бу́рушко поска́кивать, за три выстрела ка́мешки от ног побра́сывать. Вот и вылетела змея лютая, змея пещерная, шестиглавая, шестихобо́тная, и говорит Добрыни таковы слова:

— Ты, Добрынюшка, Добрынь, до́брой молодець, почему ты едеш черезь заповедь, ты не помниш, как мы с тобой сделали заповедь?

— Ах, змея лютая, змея поганая, не сама ли ты нарушила эту заповедь, полетела на святую Русь и утащила Забаву Путятишну. Молоду Забаву, доць Путятишну отдай мне без бою, без драки, без кроволи́тия.

Отвецяет змея лютая:

— Не дам тебе, Добрынька, Забавы Путятишны без бою, без драки, без кроволи́тия.

Начала́сь у их драка с Добрынюшкой. Билсе Добрынюшка че́лы суточки. Приуста́л Добрынюшка, измуцилсе. И хоцет Добрынюшка на отды́х еха́ть. И слышит Добрынюшка го́лос гласи́т:

— Уж ты билсе, Добрынюшка, челы суточьки, уж ты бейсе еще три́ цяса.

Наконець устала змея поганая. И вот убил ей Добрынька черезь три́ цяса́. Потом из этой змеи поганой навалилось столько крови могу́тной, что доброму коню по колен. И хоцет Добрынька на отды́х еха́ть, отдохну́ть на малоё времечко. Опеть бытто слышит голос гласит:

— Уж ты билсе, Добрынька, челы сутки и три́ часа, и еще пробейсе три́ часа. Бей копьём в зе́млю, да приговаривай — „ты упей, упей, мать сыра́ земля, кровь змеиную да лебединую". Тогда кровь эта уницьтожитце.

И вот Добрынька так и сделал. Стал бить копьём да приговаривать:

— Ты упей, упей, мать-сыра́ земля, кровь змеиную, кровь лебединую.

Черезь три́ часа́ вся кровь уницьтожилась. Но не до́ сну было до́бру молотцю. Привязал Бу́рушка ко сыро́му дубу́ и сам полез в но́ры змеиные искать молодую Забаву, доч Путятишну. И вот увидал он там много си́лушки: однех было цярей сорок цяревицей и сорок королей было королевичей, а простого народу и счету нет. И вот отыскал он молоду Забаву, дочь Путятишну, вывел ей из пещеры змеиные, посадил на своего́ добра́ коня и повёз к Владимиру Красну Солнышку. И повстречал он своего́ брата названого, смелого Олёшу Поповича.

— Слушай, брат, Олёшенька Попович, ты свези-ка молоду Забаву, дочь Путятишну, ко Владимиру Красну Солнышку, а я поеду путём дорогою.

И сказал ёму брат на́званной Олёшенька Попович:

— Коли так, я свезу ей ко Владимиру.

Роспрощались оне и розьехались.

Отъехал Добрынюшка недале́ко, роски́нул шатёр, да и лёг спать. Он насыпал коню пшоници белояровой. Выспалсе Добрынюшка да опеть сел на добра́ коня. Едет и наехал на поско́ки богатырские. Впереди ёго богатырь скакал. Вот роскипелось серцё богатырское, не стерпел Добрынюшка и ударил Бу́рушка между́ ушей́ и между за́дних ног. И нача́л Бурушко поска́кивать, за три выстрела ка́мешки от ног побра́сывать, и настиг этого бога́тыря. Подъехал Добрынюшка к бога́тырю и ударил ёго мецём. А бога́тырь назад не овве́рнулсе. И сказал Добрынька таковы́ слова:

— Верно силушка у Добрыни не по прежному, но смелость у Добрыни по-старому.

Отъехал Добрынька к обохва́тну дубу́ и ударил дуб мецём, и россыпалсе дуб на мелкие щепоцьки. И сказал Добрынька опеть:

— Верно сила у Добрыньки по-прежному, а смелость у Добрыньки не по-ста́рому́.

И подьехал опеть к этому бога́тырю, и ударил бога́тыря опеть мецём. А бога́тырь назад не оглянетце — всё едет путём-дорогою. Отьехал Добрынька опеть в сто́рону и увидел дуб в два охвата в то́лщину, ударил — дуб весь россыпалсе.

— Верно сила у Добрыньки по старому, да смелость не по прежнему.

И поехал опеть к тому бога́тырю. И подьехал к нёму и ударил мецём так си́льнё, што бога́тырь назад огля́нулсе (*донял все-таки*). И сказал бога́тырь таково́ слово́:

— А я думала кома́рики поку́сывают, а и́жно руские бога́тыри пощолкивают.

И схватила Добрыньку и спустила ёго в ко́жаной мешок вместе с конём, и поехала.

Ехала, ехала, изве́щилсе под ней доброй конь:

— Слушай-ко ты, Настасья, да доць Микулишна. Не могу я вас тащить да и с бога́тырем. Ведь бога́тырь у тебя да чуть не супроти́в тебя, а доброй конь у ёго да чуть не супроти́в меня.

Вот она наця́ла мешок трести, да приговаривать:

— Если стар бога́тырь — смерти предам, а млад бога́тырь — в поло́н возьму, а по мраву бога́тырь — заму́ж пойду.

И наця́ла ёго из мешка трести. Он ей пришол по мра́ву, и она согласилась итти за ёго заму́ж.

Вот оне и поехали во божью́ церкву и обвенцялисе. Приехали домой и устроили поцёсной пир, ба́льной стол. Всех звали на этот поцёсной пир пированьицё — Владимира Красно Солнышко и кнегиню Опраксию королевицьну и молоду Забаву доць Путятицьну, старого бога́тыря Илью Муромця, Олёшеньку Поповиця, Самсона Колупаевиця и князёй-боя́р и всего роду Владимира Красно Солнышка.

Но, вот когда прошол у их поцёсной пир, жил с жоной Добрынюшка три́ года́. И говорит жоны таковы́ слова:

— Слушай-ко ты, Настасья, да доць Никулицьна. Я поеду топерь во цисто́ поле́, не могу я быть доброй мо́лодець, без гуляньиця, да без наслажденьиця. Не приеду я три́ года, дожидай Добрыню шесть лет; не приеду я шесть лет, дожидай Добрыню двенатцеть лет, а уж не приеду черезь двенатцеть лет, тогда заму́ж пойди, а хош вдовой живи. Только не ходи за брата за крести́вого, за Олёшеньку Поповиця; а за других, за кого хош поди.

Потом роспростилсе с ро́дной матушкой и говорил жоны да таковы́ слова:

— Не споминай лихом, Настасья Никулицьна, буде не приеду я и́з поля.

Потом садилсе на добра́ коня и выехал в цисто́ поле́, во цисто́ё полё, во широкоё. И проездил Добрынька три́ года. И никакой от Добрыньки вести нет. И прошло уж и шесть годо́в, и всё от Добрынюшки вести нет. И проходит уж и двенатцеть лет, и всё от Добрынюшки вести нет.

Вот и стала Опраксия королевицьна поха́живать, стала за смелого Олёшу Поповиця сватать Настасью Микулицьну.

Говорит Настасья Микулична:

— Уж я выполнила́ свою заповедь двенатцеть лет, выполню еще двенатцеть лет. Тогда только я заму́ж пойду.

Вот приходит уж и еще двенатцеть лет, а от Добрынюшки вести нет.

И прошла потом вестоцька нехорошая, што убит Добрынюшка, испора́нен весь; буйны плеци у Добрыни испроло́млены и скрозь плецики у Добрыни трава́ проросла́.

И приходит опеть Опраксия королевицьна и говорит Настасье Никулицьной.

— Ты поди заму́ж за Олёшу Поповиця. Уж нет твоёго́ Добрынюшки живого давно. Убит твой Добрыня, изра́нен весь, буйны пле́ци у Добрыни испроло́млены и скрозь пле́цики трава́ ростет. Нет топерь Добрыни давно в живых.

Тогда Настасья доць Микулична согласилась, и пошол у их поде́сной пир.

А Добрынька спал в шатри, ницего не знал. И потом изве́щилсе под им доброй конь:

— Ты спиш, Добрынька, да усыпаешсе, а уж твоя то семья да в замýж пошла.

Тут ставал Добрынюшка скорёхонько, умывалсе Добрынюшка белёхонько. Тут говорит ёму ище добрый конь:

— Натягáй-ко ты на меня все шпоры да до двенатцети; где нужно было ехать три года, тут проедем мы три часа. Ты ударь-ко меня плéтоцькой промежду́ ушéй и промеж зáдних ног, тогда успеем на поцéсной пир.

Вот натянул Добрынька шпоры все да до двенатцети и ударил ёго промежду́ ушéй, да промеж зáдних ног. И нацáл Бýрушко поскакивать, реки, озёра промеж ног спускать, маленьки моря перескакивал. И приехал в столицю князя Владимира, и перескакивал черезь крéпи черковные и черезь башни высокие и не спрашивал не плéтников, не заворóтников, и заскакивал к себе на почесной двор. Мать идёт со слезами да плачетце.

— Нет у меня моей лáдушки, нет крепкой моей застáвушки. Не заехал бы гонець из цистá поля, как бы был мой сын Добрыня Никитиць, то бы стрéтил гонця да порáнил всего.

Повела старуха Добрыньку в свои комнаты, посадила Добрыню за дубовой стол. И стала ёго выспрашивать.

— Ты скажи-ко, доброй мóлодець, не знаеш ли про моего сынкá, про Добрынюшку, про моего, про Никитиця. Есть ли он хоть на свети жив?

— Как же мне про ёго, баушка, не знать, как мы вместе то с им да на свети жили. А уж топерь то Добрыни на свети нет. Убит-то Добрынюшка, изрáнен, буйны плéцики у ёго испролóмлены, и скрозь плéцика ёго трава проросла. Но при смерти мне Добрынька оставлял таковы́ слова: велел выдать шляпу земли грецеской.

Принесла старуха шляпу земли грецеской. Приносит шляпу и подаёт ёму:

— Да ище Добрынюшка при смерти обещал мне сапожки скоморошные, да ище Добрынюшка мне при смерти оставлял гýсельци звóнцятые.

Приносила старушка, подала ёму. Одевал Добрынька сапоги скоморошные, одел шляпу земли грецеской и пошол на поцéс-

ной пир, ко тому ли Владимиру Красну Солнышку, где сидела Настасья доць Никулицьна. А в это времё мать из окошецька посматривала.

— По головоцьки как не Добрынюшка, и по бородушки не Добрынюшка, а по походоцьке, как он и есть.

Приходит он ко клетницькам, да коворотницькам. Он не спрашивал ни клетницьков, ни заворотницьков, всех взашéй отталкивал. Вот идут клетнички да заворотнички к Владимиру Красному Солнышку, со жáлобой. А потом спросил Добрыня Никитич:

— Где местецько да скоморошноё?

Владимир Красно Солнышко озлобилсе на нёго:

— Твоё местецько на пецьке скоморошноё.

Садилсе Добрынюшка на пéць и стал играть про своё житьё бытьё и про жизнь свою да молодечкую, молодечкую, дватцетилетнюю, про жону свою Настасью доць Никулицьну, как исполняла она заповеди Добрынины и как она черезь заповедь замýж пошла за того ли за смéла Олёшу Поповиця. Все гости сидели да слушали. И выслушал Владимир Красно Солнышко всю игру молодечкую. И выходит он с пирá и говорит Добрыньки таковы́ слова:

— Я даю тебе, молодеч, три мéстечка. Хоть прямь меня́ садись, хоть прямь Опраксии королевицьной, а хош прямь Настасьи садись свет Никуличной.

Вот не сел он протúв Владимира Красна Солнышка и не сел протúв Опраксии королевичной, а сел протúв жоны своей Настасьи Никуличной. Тогда наливает Настасья свет Никулична ёму чáру зелена́ вина́, зелена́ вина́, да в полтора́ ведра́. (Так хорошо пропел про старо, дак за это). Брал детинушка чáру на одну руку́ и выпивал он во едúной дух. И говорит Добрыня таково́ слово:

— Ой, Настасья есь да доч Никулична, ты налей-ко ище мне чáру зелена́ вина́, зелена́ вина́ да полтора́ ведра́.

Вот и налила́ она ёму чару́ зелена́ вина́. Он снимает с руки золотой перстéнь и спускает в чару зелена́ вина́. Подаёт эту чару Настасьи Никуличной.

— А ты свет Настасья есь Никулична, пей эту чару зелена́ вина́, да пе́й до дна́, увида́ш добра́, а не выпьеш до дна́, не увида́ш добра́.

Вот бра́ла Настасья доч Никулична эту чару во белы́ руки́ и выпивает эту чару на еди́ной дух всю до дна́. И увидала она свой злачон перстень.

— Ты послушай-ко, Владимир Красно Солнышко и ты, Опраксия королевична. Не тот мой муж, которой по́дле меня, а тот мой муж, которой напроти́в меня.

Тут стаёт-то на ноги Олёшенька Поповиць, тот ли брат да на́званой. Говорил Добрыни он да таково́ слово:

— Ты прости-ко меня, Добрыня Никитинець, во этой вины́.

Потом стаёт Настасья доць Микулицьна тоже с извиненьицём:

— Ты прости-ко меня, Добрыня свет Никитиць. Я выполнила твою заповедь двенатцеть лет, и выполнила свою заповедь ище двенатцеть лет. Тогда решила заму́ж итти.

— Я тебя прощаю, доць Никулицьна — баба есть баба, во́лос до́лог — ум коро́ток, куда ей ведут, туда и идёт. А тебе, Опраксия королевицьна не со́вестно, от живого мужа жону высва́тывать. А тебе, братець на́званой, Олёша Поповиць, прощенья нет. Не за то тебя не прощаю, што с жоной посидел, а за то не прощу, што привёз вестоцьки нера́достны из циста́ поля́. Зацем на зло брал да омма́нывал, коли сам не знал, да не ве́дал ницего́. Ты говорил, што Добрынька убитой лежит, буйны плецики у Добрыньки испроло́млены, скрозь плецики у Добрыньки трава проросла; мою матушку ты до слёз довёл, жону мою ты заму́ж смутил.

И хватил ёго за желты́ кудри́ и ударил ёго о кирпи́чну стену́.

Тут стал на ноги Илья Муромець, Илья Муромець, сын Иванович, захватил Добрыньку за буйны́ плеця́.

— Ты слушай-ко, Добрыня Никитиць, ты не бей брата до смерти, оставь брата на помин души.

И только Олёшенька и жонат бывал, и столько Олёшенька и с жоной сыпа́л.

Тут Добрыня Никитиць берёт свою Настасью свет Никулицьну и ведёт в свою полату белокаменну. Тут увидала ёго

да ро́дна матушка, со слезами сынка да она стре́тила, стала плакать да приговáривать:

— Ты не езди-ко, сын, боле никуда с до́му, ты не е́зди-ко, уж ты состарилсé. Ты оставь-ко мое серцё на спокой топерь, штобы я об тебе больше не боле́ла никогда.

Да сказал ей Добрынька таковы́ слова:

— Ты родимая моя маменька, никуды больше не поеду я.

Тут пошол он к своему добру́ коню, роспряг ёго, да росседлал ёго и сказал ёму таковы́ слова:

— Ты мой конь дорогой, ты мой Бу́рушко, ты стой топерь тут до́ смерти, мне топерь на тебе, Бу́рушко, не скáкивать.

И тут стал Добрынька жить да быть.

Тут она и концяетце.

41. БРАТ И СЕСТРА

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви жил был купець. Вот у нёго было дитей сын да доч, и такие были красивые дети, што они сами дивились очень. И вот, конешно, когда они выросли, умер у них отець. Так пошол ихной капитал пóд гору, што они стали переживать, как попало. И пришлось этому брату Ивану итти к купцю нанятьце куда-нибудь на корабь матросом, штобы воспитать сестру, не была она голодная. И вот, конешно, он нанялсе к этому купцю. И он сказал:

— Сестриця, дай мне-ка свой патретик, я хоть не буду скучать о тебе.

Она, конешно, дала ёму.

И вот, конешно, они пошли заграницю и приходят в одно чарьство. Вот пришли в государьство, они роботают на прúстани, грузят товары.

Пришлось чарю смотреть молодому. И он увидал этого красивого юношу и подошол к нёму:

— Здраствуй, молодой цёловек.

— Здраствуйте, ваше величество.

— Кого же у тебя есть еще в семье дома, как ты такой красивой, тебе пристúгла нужда итти на корабь матросом.

— Да, ваше величество, постигло такое дело. Почему? Потому што уж сестру не отправиш, а у меня одна сестра.

— И такая ли сестра твоя краси́ва, как ты сам?

Заговорил Иванушко:

— Да, наверно красивее меня еще будет. Хо́чете увидать если, то я могу показать патрет ейной.

— Ну, дак хорошо, Иванушко, дай я посмотрю на патрет ейной.

Он принёс, тот посмотрел и говорит:

— Дак вот, Иван, я тебе даю корабь и матросов, а патрет оставь здесь, привези ей сюда. Я возьму ей за себя замуж.

И, конешно, сразу же он согласилсе. Сеця́с он снарядил корабь со съестными припасами, дал охрану и матросов, и отправили ёго за сестрой. А в то времё в городе жила Ягисня с дочерью. И она подалась на этот корабь вместе итти с нима́, ну, этого Иванушко ничего не знал. И вот в скороё времё пришли они тамотки в свой город. Приходит он к своей сестры. Ну, она была сильная мастериця вышивать и всё такое, очень хорошо шила. И вот сказал брат сестры:

— Ну, сестриця, одевайсе, за цяревича замуж, я ёму твой патрет отдал, ты ёму очень понравилась и я пришол за тобой.

Она конешно, средилась, оделась и в скором времени отправились в это чарьство. Ну, охрана ей берегла, конешно, нянюшки там, женщины, не пускали ей никуда.

Идут они около какого-то берега, близко уж этого чарьства и такой пал штиль, совершенно штиль, никуда их не несёт. И, конешно, как эдако тихо, то пошли на берег гулять все, и эта купецеська доць со всеми, и вышла Ягисня со своей доцерью на берег, говорит ей:

— Слушай, красавица, пойдём с тобой погуляем этта по садику.

И вот она каким-то путём могла ей омануть, увела. И вот она взяла у ней, у живой, глаза выколола и роздела эту одёжу на ней, а дала до́церину и оставила ей в лесу однуси. А сама дочерь свою ведёт под видом этой красавици, и приходят они на ко́рабь. А брат этого, конешно, не знал дела, и приходят они в тоё чарьство. Когда пришли в чарьство, чарь их встретил, привел домой и говорит:

— Почему же, Ванюша, ты красив, а твоя сестра некрасива, ты видиш патрет — совсем другой, ты меня омманул.

И посадил ёго за это в темницю. А сам стал жить с этой Ягисней, и не знал он, конешно, ничего.

Топерь эта красавиця, конешно, путалась по лéсу, и не знала куда итти. И вдруг стретилсе с ней один старичок и вывел ей в этот город к себе. Вот, конешно, она пришла когда к нёму, замотала золота и сошила ёму платок, и сказала:

— Ну дедушко, сходи этот платок продай.

— За сколько я, красавиця, продам ёго?

— А кто даёт глазок, тому продай этот платок.

— Ну, ланно.

Дедушко взял этот платок и пошол. Ну, приходит в чарьство, зашол на рынок и ходит там предлагает, ну, никто не берёт, никто, конешно, не может дать глазок. И увидала это Ягисня, увидала и пришла к нёму.

— Дедушко, продай платок, сколько стоит?

— Ну, прекрасная чаревна, продам этот платок за один глазок.

— Што ты, дурень старой, кто тебе может глаз свой дать?

— Ну, инáче я не продам.

И потом она сбегала домой, принесла от матери глазок и купила этот платок. Он принёс домой и дал ей. Она вымыла ёго в чистой воде и вставила.

— Ну, слава богу, топерь я пол свéту увидела.

И тогда не через дóлго времени еще вышила в два разá лучче платок и посылает ёго:

— Ну, дедушко, пойди, продай этот платок.

— А за сколько, красавиця?

— А за один глазок.

И вот он опеть и пошол, и сразу приходит на чарьской двор и увидела опеть чаревна:

— Дедушко, продай платок, сколько стоит?

— Один глазок.

И ей стало оцень зáвисть, она сбегала к матери, выпросила глазок и купила этот платок. Ну, он, конешно, принёс ёго красавице и говорит:

— Ну, вот я принёс тебе глазок.

Она ёго вымыла, вставила.

— Ну, слава богу, теперь я све́ту увидела, ну нещасной брат мой не знаю где.

И она стала коё-што вышивать, на рынок продавать, и они за́жили очень хорошо.

И вот это узнала Ягисня, што эта красавиця есть и продаёт эти вещици на рынке, и никто таких вещей золотом сделать не может.

— Во што бы то ни стало ей надо сгубить, а то чарь узнает и возьмёт ей к себе.

И она отправила дочерь, Ягисня, свою к ней.

— Пойди, позови ей в гости к нам, а уж мы ей здесь уходим, она не вернётце.

И вот, конешно, приходит чаревна, поздоровалась, та не знает никаких ейных выдумок, пришла, как за гостью и сидят, бесёдуют за столом. Потом, конешно, она посидела и говорит:

— Вот што, красавиця, пойдёмте к нам, я тоже вас угощу.

Она, конешно пошла с ней. И вот она сначала угостила ей, а когда она запоходила проч, то она приказала ей убить и броси́ть за го́род проч. И так, конешно, слуги-дворники это всё сделали, надо было слушать чарицю. И она вынела, у ней из нутра, выпорола ду́шу, поло́жила в еицько и держала у себя в шкапу.

И вот этот молодой чаревич часто ездил гулять на своей лошади, и как раз наткнулсе на эту красавицю, а у нёго как раз в кормане был ейной патрет, и он посмотрел на этот патрет и на ней, — точно она.

— Каким же путём она здесь взялась?

И хотя она была мёртвая, спустилсе и ей почеловал. И прикрыл ей, штобы не нагревало сонце и думает:

— Куда бы ей завезти, штобы не знала жона или тёща.

И стал ездить кажной день посещать ей.

В онно прекрасноё время смотрит, сидит ребёнок у ней на груди. И такой красивой мальчик, што патретик. И он берёт этого мальчика и увёз его за собой во дворець. Когда он привёз ёго во дворець и сказал слугам и своей жоны:

— Што он только захочет, или вы будете плохо воспитывать, или он будет реветь, то я вас сказню.

И нашол няничек хороших за ним ухаживать. И вот, конешно, этот мальчик стал расти. Как поднесёт ёго няничка к этому шка́пу, где сердце ма́терино, то он проситце в этот шкап, и не могут никак утешить. И вот приежжает чарь и спрашивает:

— Ну, почему он у вас ревёт, што он просит?

— Смотрите, ваше величество, я ничего не могу сделать, проситце в этот шкап, ну этот шкап закрыт у вашей жоны, и от этого шка́па ёго оторвать никак нельзя.

Он сечас сказал своей жоны:

— Ну ты сецяс открывай свой шкап, видиш, мальчик проситце.

Ну ей было жалко открывать этот шкап, ну, делать нечего. Она открыла шкап, он увидал это еичко, в руки взял и успокоилсе и не выпускал ёго из рук никуда. И вот как раз пришлось чарю што сделать. Он поехал гулять и захватил этого мальчика. Как приехали к красавице, он сел на грудь к ней и замолк, обрадовалсе, и как раз играл, играл и это еичко сунул ей в рот. И она села сидеть и сказала:

— Ну, слава богу, я опеть воскресла.

И заговорил Иван чаревич:

— Ну, красавиця, кабы не я, ты не воскресла.

— Да, Иван чаревич, из-за тебя и я страдаю.

— Где же ты, красавиця, это времё пропадала, как я живу топерь с жоной несколько лет, а тебя не́ было.

— Да, Иван чаревич, это всё Ягисня сделала и она меня перьвой раз слепой сделала, а потом по́звала к себе, убила и выбросила за горо́д.

И она спросила потом:

— Где мой нещасной брат?

— Ладно, красавиця, найдётце твой брат, он был поса́жен, ну, я ёго освобожу. Все мы страдали из-за этой Ягисни. А топерь поедем со мной в чарьство, я тебя возьму к себе.

— Нет, Иван чаревич, тебе сначала надо розделатьце с этой Ягисней, а ина́че она меня сгубит. А ты сецяс отвези меня к этому дедушке, у которого я жила, обеих со сыном, я сына тоже туды не дам. Вот тебе нужно приехать в чарьство,

и вытопить байню ей самой, настелить су́кна и вести ей по́д руку за су́кна в ту байну. А в этой байны нужно покрыть ей полотном, а потом уж должна быть смола и порох, и всё такое. Она как занесёт ногу че́рез порог, пину́ть ей и она там сгорит, а старуху росперете на воро́тах и росстрелять. Тогда я к тебе пойду, а ина́це не смею и показатьце.

И он, конешно, очень обрадел этому и сразу же повёз ей к старику. Привёз и сказал:

— Ну, дедушко, похрани прекрасную чарицю мою, а я тебя награжу.

И он когда приехал домой, всё быстро так сделал, што она приказывала, приказал ростелить до байны ковры и вести ей под руки в байню. И вот, конешно, он сказал:

— Ну, жона, топерь иди, а потом я помоюсь.

И она очень обрадела.

— Вот как чаричу любят, ведут по ковpам в байну.

Когда привели ей в байну, она стала на поро́г, эти слуги толкнули, и она сгорела, токо охнула и успела вырвать клок волос и скричала:

— Пусть эти волосы по земли червями плавают!

И кряду же выпустил брата, привёл ёго домой, посадил за стол и стал угощать. А с этой Ягишней самой стал росправлятьце. Приказал ей связать, поднять на воро́та и рострелять. И это так быстро было сделано, што баба яга и не знала, што творитце. Ростреляли ей, ни куска от ней не осталось.

Потом, конешно, взяли́сь весели́м пирком да за свадебку, повенчались, и стали жить до глубокой старости. И брат остался жить в том чарьстви.

42. АЛЕНЬКОЙ ЦВЕТОЧЕК

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви жил был купець, у купця былó три дочери. И все были они красавици, но мéньшая всех была красивее. А отець всё ходил загранúцю кажной год за товарами. И вот эты дочеря́ все заказывают ёму по обновке. Старшая дочь заказывает ёму:

— Батюшко, привези мне хоть шолку на сарафан.

Средняя:

— Привези мне-ка батисту хорошего, самого дорогого.

А мéньшая просит:

— Батюшко, привези мне аленькой цветочёк.

Ну, он всё это исполня́л, а уж аленькой цветоцек найти не мог. Двум старшим исполнил, а где он хранилсе, этот аленькой цветок, найти не мог. Когда он перьвой год пришол, то по́дал старшим дочерям эти подарки, а мла́дша спросила:

— Батюшко, а мне-ка привёз ли аленькой цветок?

Она и заплакала.

— Ну, вот, старшим сёстрам привёз по подарку, а мне нет.

— Ну, слушай, дочка, неужели бы я пожалел, не купил для тебя? Ну, ладно, дочка, успокойсе, на другой год пойду, приму все меры, а достану.

И стала дожидать. Вот похóдит на второй год. Дóчери опéть стали наказывать подарки, там шолку, батисту, или еще што, а она опеть аленькой цветоцек.

— Мне больше ничего не надо.

И опеть пошол купець. Сказал команды:

— Вот вы грузите такими-то и такими-то товарами, а я пойду розыскивать для своей дочери.

Старшим купил по обновке по хорошей, а ей пошол розыскивать. Вот он ходил, весь город обошол, у всех спрашивал, все сады обошол, нигде найти не может, Вот пришол на корабь, а там уж всё готово. Што делать? Простóй дóрого платить. И так решилсе итти домой. Приходит он опеть-же домой и этим дочерям даёт по обновке. Она и говорит:

— Ну, што, батюшко, а мне-то привёз?

— Да нет, дочка, нигде найти не мог, уж я везде искал, спрашивал у всех местных старичков и старушек, где ростет такой нигде найти не мог.

Дочка опеть заплакала.

— Батюшко, всё-таки ты не можеш меня утешить, што я просила у тебя. Вот тем сёстрам привёз, а мне нет.

— Дак ты бы тó заказала, што и сёстры, уж я бы привёз. Успокойсе, дочка, я ещё на третий год пойду, постараюсь, может и найду.

Она успокоилась. И вот похóдит он на третий год. Она кряду ёму и даёт наказ:

— Батюшко, уж если ты не найдёш, уж не знаю, што со мной и будет. Наверно ты не ищеш. Этот цветок токо меня бы и утешил, инáче я без нёго жить не могу.

— Уж ладно, дочка, наверно найду, не уйду до тúх пор, пока не найду.

Вот приходит он на третий год в город и говорит капитанам:

— Вот вы грузите товары, покупайте в таких-то магазинах, грузите все двенатцеть кораблей, а я до тúх пор буду в городý, пока не найду заказ дочери.

Вот он тогда их оставил, а сам пошол. Оставил город и пошол лесной дорогой. Вот идёт и идёт, и всё ёго тянет лесной дорожкой. Идёт по дороге, и смотрит стоит сад.

— Вот зайду в этот сад, нет ли чего, посмотрю.

Пришол в сад, и смотрит, цветов до чего, не окинеш взглядом. Воздух хорошой, ароматы по всему носит. Вдруг он и увидал, стоит аленькой цветочек. Подошол к этому цветку и токо што он дотронулсе, сóрвал ёго, вдруг такой сделалсе шум, гром, што прямо ужас, и какоё то налетело чудовище и такоё стрáшно, што он не знает, што тут и деетце. И вот это чудовище заговорило:

— Ну, вот, дорогой купець, коли ты этот цветочек хочеш взять, то я тебе даю, токо отдай мне-ка дочерь. И вдобавок даю кольцё, я ей потешу. Пусть уж она поиграет с ним. И вот топерь нá, ей это кольцё отдай. Пусть когда она поиграет, наденет нá руку. А топерь и поди.

И так купець берёт этот цветок да кольцё и приходит к кораблям, уж они были готовы. И поплыли.

Вот когда пришол он домой, принёс и дочерям по обновке, какие они заказывали, уж я не помню, что они заказывали, кажной раз сменные. Отдал он им, а млаччая и спрашивает:

— Ну, как, батюшко, принёс ли мне.

— Привёз.

Вот она очень обрадéла, стала с им играть и уж больнё ей хочетце узнать, где этот цветок живёт, сходить туда. Несёт от этого цветка рáзныма ароматамы. И она стала спрашивать отця:

— Батюшко, а где этот сад, где ты достáл этот аленькой цветок?

—О, дочка, далёко, за разныма морями.

— Вот, батюшко, мне надо этот сад увидать.

Он и подумал:

— Дать ей кольцё, она тогда и узнает, што это за сад.

Но молчит, не даёт еще. Ну, дальше думает:

— Ну, как-ни быть, надо доч успокоить, штобы ей не думалось.

— Ну, дочка, на тебе это кольцё, штобы ты успокоилась до гóду. А потом, когда этот год будет, я тебя возьму на корабь, увезу в этот сад.

Так, ладно. Вот когда она одела токо это кольцё и в ту же минуту образовалась в этом саду, и до чего ей понравилось. Она и думает:

— Дак как же я образовалась в этом саду? До чего здесь хорошо!

Духи́, растения, дворець стоит, блестит, што облитой золотом! И до чего ей стало ве́село, што она не знает, што делать. Вот ей так жить хорошо, што она не знает, как времё идёт. И тут же аленькой цветоцек. Пере́жила этот день, и зашла во дворець и пошла в свою спальню. И смотрит, такая у́бранная хорошая кровать, пуховая кровать, всё ковровоё, зерькала́, духи́, ну, такое удовольствие! Её одолел сон, она и заснула. Вот она, конешно, проснулась, пошла к столу. Ну, чего токо нет на столе! Играют музыки, весельё, чего бы только она ни задумала, у ней всё есть.

И раз она сидит, пьёт чай, и себе и думает:

— Кто же это такой у меня есть благодетель, кто меня так держит? У меня всё здесь есть, чего бы я ни жалала, я и дома так не живала, у меня всего хватает. Покажись, хозяин, кто ты есть такой.

И вдруг роздалсе голос:

— Слушай, прекрасная Олександра, я бы и показалсе тебе, но ты меня испугаессе. Я тебя всем те́шу, што ты захотела, аленькой цветочек, бери всё, што пожалаеш, но показатьце я тебе не смею, я уж больнё стра́шен, ты испугаессе меня.

А она ёму опеть и говорит:

— Ну, покажись, хозяин, всё ровно, я бывать, тебя и не забою́сь.

— Ну, ланно, потешу я тебя, покажусь, токо смотри, не бойсе.

И вдруг выплыло такое чудовище стра́шно, она и в омморок упала. Полежала, пришла в чувство, он и спрашивает:

— Ну, што, видела топерь?

— Ничего, хозяин, это хорошо, что ты показалсе, топерь я тебя боятьце не буду.

— Ну, вот, и живи, я тебя буду тешить, што ты ни захочеш, всё исполню для тебя, только живи Санечка.

И вот она после этого пошла в сад, и там ароматы, духи́, до чего ей ве́село! Любуетце аленьким цветочком и вспомнила:

— Што как бы мне увидать родных!

Когда она спомнила, што ей хочетце повидать родных, он и говорит:

— Ну, так што, Санечка, поди, сходи к родным. Токо аленького цветочка не бери, а у тебя есть кольцё, токо подумай, и будеш здесь. Токо не долго живи там, не больше, как неделю, а потом возвращайсе домой.

А когда она исчезла из дому, ушла, то прошло несколько лет. Отець с матерью стали очень печаловатьце, што у них доч пропала.

— Напрасно я ей дал кольцё. Не ина́че как её какой дух унёс.

И вот она отправилась домой. Вот она не взяла аленького цветочка, оставила ёго здесь. Вот она задумала и оказалась дома. Когда она домой пришла, то мать, отець до чего обрадели!

— Да што ты, дочка, мы уже тебя несколько лет не видали, соскучились, да как ты живёш, хорошо ли тебе там?

Долго они ей спрашивали, она всё росказывала.

— Жить мне хорошо, до чего там весело, каких веселий нет, духо́в, цветов, всего! Хозяин корьмит меня хорошо, одёжи много, у вас ничего здесь такого нет. И я здесь долго жить не буду, опеть же уйду к моему хозяину. И мне хозяин не велел долго жить у вас, а то ёму будет скушно без меня.

И вот, конешно, она прожила́, не знаю, сколько у неё там прошло, неделя или больше, и вспомнила про аленькой цветок.

— Ой, сколько я прожила́, наверно, много. Надо мне полететь домой.

Спомнила про аленькой цветок и полетела домой. Когда она токо туда явилась, сразу побежала в сад этот, где аленькой цветок. Приходит к этому аленькому цветку, а смотрит, ее хозяин оввил этот аленькой цветок рукой, совершенно мёртвой. Вот она обняла ёго и стала плакать:

— Кто же меня топерь утешать будет, ведь я осталась топерь сиротой! Как же жить буду! Кто станет меня корьмить, поить, кто услаждать будет! Не стало тебя, милой хозяин!

Тогда вдруг такая сделалась страсть, гром, стон, треското́к! Она сильнё забоялась, упала в о́мморок. Когда она только очумела, то смотрит, такой красавець стоит перед ей и приводит ей в чуство. И сад тоже осталсе, а дворець стал еще лучче, хоть и тот хорошой был. И говорит:

— Ну, стань, Санечка моя, я чаревич, ты обласкала меня и тем спасла. Многие были у меня, да нихто не захотел спасти, а ты обласкала и топерь будеш моей жоной, знать нам здесь и судьба. Топерь ты спасла мою жизнь и пойдём с тобой под венець.

Она подала ёму руку́ и заходит во дворець.

А там уже князья, боя́ра, стречают их слуги, везде по́лно людей.

Весёлы́м пирком, конешно, да за свадебку. Повенчались, и стали оне жить да быть со своей прекрасной Олександрой.

43. БАРХАТ ЧАРЕВИЧ

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви был один купець. А у купця было три дочери. Этот купець был, конешно, богатой. И вот эты дочеря́, когда батюшко уежжает за товарами, заказывают ёму по обновки, там шолка или што. А мéньшая доць заказывает кровать с четырёма́ голубка́ми.

И, конешно, он съездил заграницю перьвой раз, не мог дочери найти кровать с четырёма́ голубка́ми. Доч очень обижалась, што ей не пожалил отець, не мог найти кровать с четырёма́ голубка́ми, находил только с двума́. Потом поехал он второй раз, она и говорит:

— Ну, папа, привези мне кровать с четырёма́ голубка́ми, где хош найди, а привези.

И вот он поехал второй раз. Погрузил товары полностью, и пошол искать дочери подарок, и приходит он на край города, в одну избушку и спрашивает старичка и старушку:

— Не знаете ли, где есть кровать с четырёма́ голубка́ми, не нашол я в городе.

Говорит ёму старичок:

— Да, доброй купець, есть у меня кровать с четырёма́ голубка́ми, только она стоит дорого. И эти голубки́, если она

их не покорьмит во времё, то много ей сделают худого. А если будет корьмить, то и хорошее сделают. Даш если две тышеци, то продам.

Вот он не пожалел две тышеци, о́тдал старику и привёз ей кровать с четырёма́ голубка́ми. Приехал домой, о́тдал дочери.

— Ну, вот, дочка́ я твое жаланье исполнил.

Она очень обрадела, стала их корьмить да поить и те́шилась всё времё с этыма голубка́ми. И вот она прожила почти год с нима́, и взяла раз двух не накорьмила.

— Што будет из них, — думает про себя.

Эты два голубка́ и заговорили:

— Коли, Василиста, ты нас не накормила, то полетим, понесём тебя Бархату цяревичу.

А двое говорят:

— Нет, не полетим и не понесём.

И так, конешно, не улетели, а она ожидала другого слуцяя. И вот взяла и не накорьмила ни одного голубка́. И вот оне все в голос запели:

— Полетим, полетим, понесём Василисту к Бархату чаревичу.

И схватили ей и понесли со всей кроватью, конешно. В скороё времё принесли ей к Бархату чаревичу.

Бархат чаревич увидал, конешно, красавицю и обрадел. А она дала клятву три года ницего́ не говорить, как понесли ей бытто насильнё. И он ей оцень любил, ну она ницего́ не говорила, и с матерью ёго не говорила. А мать была страшне́йша колдунья, не только колдунья, но яга-баба. И вот она всё времё Бархату чаревичу говорила:

— Ей надо сгубить, не жить с ней, как она ницего не говорит.

И стала ей придумывать разные службы.

Вот она даёт невёстке на сегодняшной день задачу:

— Вот, невёстка, сходи, выстриги стадо овець и принеси сюды шерсть.

Она пошла из дверей, а муж вышел из других и говорит:

— Слушай, Васили́стушка, послушай, я тебе слово скажу,

а то назад не вернёсьсе. Вот когда придёш в лес, то увидаш пень. А вот тебе карты, ножници и коробо́к, матушка дала, и когда придёш, сядь на пень и скажи:

— Пень пе́ня выше, пень пе́ня выше, — и ты подымессе кверьху. И прилетит к тебе сорок волко́в волшебных, ну, они тебя достать не могут. И ты скажи: „Овци, стригитесь и в короб кладитесь". И потом скажи — „пень пеня ниже, пень пеня ниже", и ты опустиссе книзу. Бери коробо́к и иди домой.

И вот она это всё сделала и обратно спустилась и принесла домой к матушке.

— Ну, што, невёстка выстригла?

И та ей ницёго́ не сказала, а она еще больше росердилась, што она немая, то немая, или упрямая, надо ей сгубить. И вот отправляет ей:

— Ну, невёстка, поди, подой-ка коров.

Вот она берёт подойник, идёт из дверей, а Бархат цярэвич из других бежит и говорит:

— Пойдёш доить, Василиста, сама не дой, это будут не коровы, а медведи, и они тебя розорву́т. Положи подойник и скажи: „вы, коровушки, дойтись, сами дойтись, а молочко лейсе в подойник". А сама стань на пень, и скажи: „Пень пе́ня выше, пень пе́ня выше", — и поднимессе, они тебя и не доста́нут.

Ну, вот она конешно всё это пришла, сделала. Когда оне ушли эти медведици вместо, коров она сказала:

— Пень пе́ня ниже, пень пе́ня ниже.

И спустилась. Вот она конешно, принесла молоко домой.

— Спасибо, невёстушка, как то подоила?

А она ей опеть ницёго́ не сказала. Старуха розозлилась еще больше и вот на третий день она и говорит, (уж не на третий день, а щитаетце на третий год), она и посылает ей:

— Вот, невёстушка, сходи, недалёко есть избушка, посмотри щи, как оне кипят. Если не кипят, то поло́ж огня.

А эти щи такие были кипучие, што они цёловека ошпарили, и у ворот две собаки, мимо не пройдёш, розорву́т, и двери скрипучие, как подойдёш, роздавят. И вот она конешно, походит из дверей, а муж бежит из других:

— Слушай, Василистушка, возьми с собой сала кусочек, да хлеба, да соли. Когда подойдеш к кобеля́м, кобели́ тебя не пропустят. И бросай им хлеба на́ сторону, они тебя и пропустят. Когда пройдёш к воротам, не спеши́сь заходить, а спеши́сь са́льця поло́жить. А зайдёш в избу, кот сидит на печи́, он на тебя броси́тце, коту сальця дай, ну, он тебя не потронет. А подойдёш к пе́чи, увидиш, што брызги летят из щей, как на цёловека попадёт, так и смерть, ты спеши́сь соли броси́ть. А потом посмотриш и иди проць, она сама пойдёт потом.

Ну вот, наша Василистушка и пошла. И вот она, конешно, приходит к дому, два кобеля́ броси́лись на ней с лаем. Она броси́ла им два куска хлеба, они и пропустили ей. Идёт она к воротам, а ворота́ всё ходят на месте и она подошла к ним, поло́жила кусочек сала и оне не заходи́ли, остоя́лись. И зашла в избу, смотрит сидит на печи́ кот, и броси́лсе на ей. Она дала ёму кусок сала, он стал исть, хвостом вертеть. И подходит к пе́чи, шти до того сильнё кипят, што и подойти нельзя. И она броси́ла в них соли, они и усмирились. Она минутку посидела, и пошла проць, и двери ей не пошевелили, кобели́ не прыгнули, и она прошла домой. Когда она только пришла домой, узнала, што ей ничего не сделали, старуха сама побежала туда и так сердито нача́ла кобеле́й ругать.

— Почему ей не задержали, не вырвали ей и пропустили?

Они отвечают:

— Да вот, хозяйка, мы у тебя служили тритцеть лет, да от тебя горелой корки не видали, а добрая женщина нам по куску хлеба дала, и мы ей всегда пропустим.

И вот она приходит к дверям, начинает ругать их:

— Почему ей пропустили, не розмя́ли, не ростёрли?

— Да, хозяйка, мы от тебя тритцеть лет страдаем, а она пошла, сала поло́жила.

И вот Подходит к коту:

— А ты што не очарапал у ней глаза?

— Да, хозяйка, я и не буду ей чарапать, потому што пришла женщина и дала мне сало, которо я еще и не видал.

Подошла к щам:

— Зачем вы не кипели и близко ей не ошпарили?

Шти и заговорили:

— Да, хозяюшка, тритцеть лет мы кипели, да ничего не видели, а добрая женщина пошла, да успокоила, дала соли.

И так сильнё шти закипели, што ошпарили ей глаза, а кот бросúлсе и стал ей рвать. Ну, не всю еще рóзорвал, она побежала к воротáм. Когда она подходúт к воротáм, воротá так сильнё россердились, ростёрли ей в куски, даже кобелям ничего не осталось, те бы дали ей ходу.

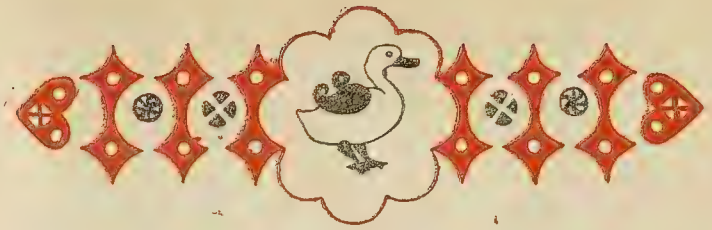
Топерь Бархат чаревич и говорит:

— Ну, Василистушка, теперь наша мачеха погибла, которая владела чарьством и задавала тебе вопросы, топерь нам нужно жить и друг с дружкой совéтно говорить.

Ну, она сказала:

— Ну, ланно, Бархат чаревич, коли прилетела, не лететь мне обратно.

И он очень обрадел, конешно, и стали жить да быть до глубокой старости и владеть этым чарьством и всем имéньем.



44. НЕ-МАЛ ЦЁЛОВЕК (ПОРТУПЕЙ ПРАПОРЩИК)

Вот нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви был жил чарь, у нёго была одна доч. И вот он ей берёг, конешно, и не отпускал никуда одну гулять, штобы она никуда не дéлась. А потом вдруг приходит параходик, которых ище не было в чарстви. А на этом параходе был хозяин купець Нирáнда. И когда он приплыл к чарьству, то был такой красивый, што многие ходили, интересовались. И пришлось чарьской дочери пойти со своимá нянюшками посмотреть этот параходик. И вот когда она пришла, то этот купец Нирáнда и говорит:

— Слушай, красавиця, зайдите ко мне в параходик, только одна, я тебе покажу редкости.

И вот она, конешно, не знала евонной никакой хитрости и сказала няничкам:

— Ну, подождите минутку, а я пойду посмотрю.

И вот только она зашла на параход, то параход полетел стрелой в морё и скрылсе из виду.

Ну, чарю это нещастье было очень тяжело, што погибла неизвесно куда доч.

И вот он привёз, конешно, ей в своё жительство, а чарь стал розыскивать людей таких, богатырей, штобы где-нибудь

ей розыскали. И вот у нёго в чарьстви был, конешно, салдат, звали ёго Портупеем. А у нёго дедушко был волшебной, и он россказал ему всё, как эту достать чаревну.

— И вот иди топерь к чарю и объеви себе, што „я достану тебе доч твою, только дай мне корабь и матросов, капитанов и продуктов на́ год и напиши власть, штобы меня слушались капитаны, куда нужно мне итти, и поставь мне какой-нибудь чин".

Вот когда услыхал чарь, што называетце салдат, то он обрадел, конешно, и говорит:

— Ну, а если ты не достанеш, то тогда как?

— Ну, уж я ручаюсь своей головой, только сделай это мне всё

Тогда, конешно, чарь даёт ёму чин —Портупей прапорщик,

И в скоро времё он средил корабь, дал матросов и капитанов и дал ёму власть править этими капитанами. И вот, конешно, Портупей прапорщик в скороё времё пошол, как обсказал ёму дедушко.

Вот они плыли шесь месецёв. И эти капитаны все соскучились, не знали, куда Портупей прапорщик плывёт. И потом вдруг образовалась земля, черезь три месеця оне приплыли к берегам. Когда приплыли к берегам, то он берёт матросов и шлюпку.

— Я поеду на го́ру.

Берёт он двенатцеть ма́тросов и выехал. Выежжает конешно, на го́ру, идут по дороге вперёд вместе с матросами. И приходят они в один дом. Когда пришли в дом, то он сказал матросам:

— Вот, товарыщи, вы идите, охотитесь чего-нибудь, а я сварю сам суп.

Матросы ушли, а он заходит на двор, убил два вола, и стал варить. Вот у нёго уж суп почти готов, он берёт кусок мяса, попробовал и говорит:

— Вот, кабы к этому супу да была вишнёвка, было-бы очень хорошо.

И вдруг являтце к нёму не-ма́л цёловек — с потолок ростом. Когда явилсе и заговорил:

— Здраствуй, Портупей прапорщик.

— Здраствуй, не-мал цёловек.

— Дай мне-ка супу и мяса.

— Пожалоста, только жалко, што нет выпивки.

— Выпивки достанем.

И нанёс не-мал цёловек выпивки столько, што полно́ прямо, и садятце оне за стол и начинают выпивать. И этот не-мал цёловек сильно напилсе, а Портупей прапорщик пьёт окуратно, думает:

— Што дальше будет?

И этот не-мал цёловек свалилсе лежать. Портупей прапорщик сразу выдумал, отстягивает ёму мець и отрубил ёму голову и роздумалсе:

— Если я отрубил ёму голову, то надо отрубить и ноги, а то он станет на ноги, не знаю, што может со мной сделать.

И взял отрубил ноги. И потом обшарил его все корманы, и нашол ключей. И кряду же пошол открывать все помещенья, узнать, где сидит эта чаревна. Вот ходил, ходил по евонному подземелью, добралсе до стеклянной двери и видит сидит красавиця, это она как раз и была. Подошол к ней:

— Здраствуй, прекрасная чаревна.

— Здраствуй, здраствуй, кто ты такой есь, и зачем ты сюда пришол? Придет не-мал цёловек и тебя убьёт.

— Нет, прекрасная чяревна, не-мал цёловек больше не придёт, он уж у меня убитой, а я есь Портупей прапорщик, послáнной от твоёго батюшка тебя достать. И вот одевайсе сецяс и поедем.

Она очень обрадела и говорит:

— Ну, Портупей прапорщик, коли ты меня достал, то тебе мной и владеть.

И даёт ёму перстень свой, обещатце выйти за нёго замуж. И вот он выходит с ней оттуда, из зáмку, смотрит шум такой на кухни, эти матросы розодрались из-за винá, одни говорят:

— Не всё пейте, оставьте Портупей прапорщику, он придёт, потому што убитой не-мал цёловек.

Он пришол и говорит:

— Слушайте, товарыщи, вы не деритесь, а пейте колько хочите. А вот уберём этого не-мал цёловека.

И он, штобы не запачкать перстень, поло́жил ёго на окно. Вот оне убра́ли всё и кряду же собрались и пошли на корабь, а этот перстень он забыл. Когда он приехал на корабь, то схватилсе, у нёго на руки перстню нет. Он и говорит:

— Ну, матросы, везите меня обратно на го́ру, возьмём што я оставил, а вы, капитаны, подождите.

И вот он, конечно, собра́л матросов и поехал. Сходил на го́ру, взял этот перстень и пришол обратно. И видит, што уж эти капитаны уехали, оставили ёго с матросами. А капитан, когда пошол, то сказал этой красавици.

— Если ты не скажеш, што это я тебя спас, то мы тебя в воду бро́сим.

Она сказала:

— Хорошо.

И видит Портупей прапорщик, корабь ушол, и он в шлюпке поехал ёго догонять. И пал сильной шторм и вся каманда погибла, только Портупея прапорщика выбросило на го́ру. И вот, конешно, ёму было делать нецёго, мокрой, холодной и он пошол на кухню, где осталось мясо. Пришол, поел, по-отдохнул и подумал:

— Всё ровно мне надо куда-нибудь попадать.

И вот, конешно, он пошол. И шол он далеко́ ли близко, высоко́ ли ни́зко, и сам не знает, куда он сецяс идёт. И вот вдруг приходит он на какой-то двор, прибегает к нёму молодой парень:

— Здраствуй, Портупей прапорщик.

— Здраствуй, здраствуй, молодой парень. Как тебя звать?

— Меня зовут Ванюша.

— И давно ты здесь живёш?

— Я живу у одного полковника очень давно.

— Дак вот, дорогой Ванюша, как бы мне попасть на родину?

— Слушай, Портупей прапорщик, тебе нужно у меня пожить немного. Вот поживёш у меня шесть месецёв, охраняй, што я тебе велю, потом я тебе скажу и попадёш.

Он сказал:

— Ну, ланно, коли так, то буду я и у тебя жить.

— И вот, Портупей прапорщик, не ставай на эту крышу, и там есть два рожка, не труби в них, а то вернётце зверья, и тебя оне ростерзают.

И вот он прожил два месеця, ёму показалось очень скушно.

— И што же Ванюша не велел поиграть в эти рожки, какие они есть?

И вот он вылез на эту крышу и нача́л играть в рожок.

И вдруг бежит полковник и этот Ванюша. Ванюша и кричит:

— Портупей прапорщик, не играй, брось, а то пожрут оне тебя.

И он спустилсе и пошол проць.

Полко́вник сказал:

— Ну, отправь ёго топерь домой, как он не прожил шесть месецев у нас.

И сам куда-то ушол.

Ванюша ёго призвал и говорит:

— Ну, Портупей прапорщик, топерь можеш ехать домой тебя больше полковник не велел держать.

И приносит он ёму саблю́ ржавую, и хорошую одежду. И вывел ёму коня худенького, такого, што чуть на ногах стоит. И заговорил ёму Портупей прапорщик:

— Слушай, Ванюша, на што ты мне такую худую саблю́ дал, случае чего мне и не обернутьце будет, и такого худого коня, мне на нём не доехать будет.

— Нет, Портупей прапорщик, я тебе дал саблю́ не худую, самую хорошую, лучче у нас нет. Ты поедеш дорогой, заедеш в лес, махнеш направо и налево и увидиш, што будет. И этот конь не будет худой, а самой луччий будет, садись на нёго, только держись крепче, штобы не выпал.

— Ну, спасибо, Ванюша, если будет так.

— Ну, слушай, Портупей прапорщик, я тебе скажу, только жоны всей правды не сказывай, а то будеш нещасной. А уж если какой случа́й, то приходи ко мне.

И вот он роспростилсе с Ванюшей, сел на коня, конь понёсссе как стрела, и у нёго выпала с головы шляпа. Он и говорит:

— Эх, ко́ничок, шляпа выпала.

— Ну, уж топерь делать не́цёго, петьсот назади.

Он и подумал:

— Вот так конь, а я подумал, будет худой.

И вот он заехал в густой лес, и ёму захотелось испытать эту саблю́. Как махнёт рукой, и за несколько вёрст лес поклонилсе.

— Да, это хоро́ша сабля́.

И вот в скоро времё он приежжает в чярьство. Ну еще не успел корабь притти, как уж он был у этого короля. И вот пришол к чарю и говорит:

— Вот, ваше велицество, ваша доч доста́та и везут ей на корабле, ну, а меня оставили, вот по такому то случа́ю, я ездил за кольцём, и меня оставили.

И вдруг не черезь до́лго приходит этот корабь и этот капитан всё времё радовалсе, што женитце на цярьской доцери. Только пришол, как Портупей прапорщик был на корабли, и он кряду испугалсе ёго. И все матросы, конешно, сказали, што капитан захотел итти, а тебя оставили. И он у нёго взял ссек голову, а чаревну повёл во дворець.

Увидал чарь, што объевилась ёго доць, и оцень обрадел и сказал:

— Ну, што, Портупей прапорщик, топерь тебе надо за спасенье моей дочери?

— Ваше величество, отдайте ей за меня замуж, она мне обещалась и дала перстень, и я из за нёго осталсе на берегу.

И она, конешно, всё это подтвердила, што действительно всё правильно, убил не-мал цёловека.

Ну, конешно, там чарь розрешил ёму женитьце на дочери.

В это время узнал один король, што у нёго евилась доць, и выдана была за Портупей прапорщика, за низкого чина. И он открыл войну на чаря, штобы взять ей силой за себе замуж. И вот когда он открыл войну, эта доч, конешно, согласна выйти за этого короля, ну, ничего не высказывала.

Чарь и говорит Портупей прапорщику:

— Ну, зять, надо мне помоч в войны.

— Хорошо, батюшко, я помогу, мне никакого войска не надо.

И он всегда выежжал один. И вот выежжает Портупей прапорщик и смотрит во́йска много. И он вы́стал на камень и нача́л махать шпагой. И эта сила валилась так быстро, што не прошло несколько часов, как во́йска не стало. И вернулсе обратно в чарьство. Чарь ёму очень обрадел и хвалил Портупей прапорщика, зятя своёго. Этот чарь, конешно, со́брал второй раз войско, еще в два раза́ больше и пошол на чаря. Тогда Портупей прапорщик опеть пошол, стал на камень, войска́ стали подходить к нёму, и нача́л саблёй махать, и кряду же оне клонились, как будто мячики падали на землю, и за несколько часов всё войско было уницьтожено.

И вот, конешно, этому королю было делать нецего, уж он не стал последнюю силу губить, а стал писать чаревны, штобы она испытала мужа своёго, што чем он владеет, какие у нёго есть средства́. И вот однажды она и стала спрашивать:

— Скажи, Портупей прапорщик, как ты можеш столько войска убить, чем ты можеш владеть?

Он, конешно, не знал хитрости жоны и возьмёт ей скажет:

— У меня есть сабля́, и сколько бы ни было во́йска, всё ровно я их уничтожу, и она у меня всегда хранитце в своей спальны, я ей держу.

И она это дело смекнула, вот сецяс же и приискала на подобие этой сабли́, а эту саблю́ унесла, подменила и послала эту саблю́ королю, и сказала:

— Приежжай хоть с малым войском, топерь уж он не может вас побить, у нёго сабля о́тнята.

И этот король как получил саблю́ и письмо, приехал и объевил чарю войну. Тогда король сказал!

— Ну, Портупей прапорщик, опеть он приехал.

— Хорошо.

И вот когда тот выступил, король, он пришол на этот камень и начал махатьце, и не один цёловек не падёт больше. Он сразу и понял, што это омман от жоны, как я ей сказал.

Вот ёго захватили в плен и посадили в темницю, а этот король жонилсе на чаревны и увёз ей домой. И вот, конешно, он сидит теперь в тюрьме и думат:

— Ну, вот теперь уж я попал, и сказнят наверно меня.

Вдруг заходит к нёму девушка чернавка, носила хлеб, хоть и понемногу. Вот он и говорит чернавке:

— Слушай, чернавка, выпусти меня из тюрьмы, а как я вернусь обратно, то тебя не забуду, или возьму замуж за себя, сделай тако добро.

И она тогда сказала

— Ну, ланно, Портупей прапорщик, я тебя отпущу, оставлю темницю по́лу, а ты бежи, куда знаеш.

И вот так она и сделала, а он в ночную пору выбежал из темници и давай бежать, где жил этот Ванюша. Конешно, ёму было долго бежать, ну, всё-таки добралсе, хоть с большим трудом. И вот тогда он пришол к Ванюши, Ванюша на нёго посмотрел и говорит:

— Эх, Портупей прапорщик, зачем ты сказал жоны правду, уж теперь ты сделалсе нещасным. Уж теперь и я не знаю, што с тобой сделать. Коня то я тебе даю того же проехать, а уж сабли́ то больше я подобрать такой не могу. Тебе придётце другой выход дать, штобы ты мог обратно у нёго эту саблю́ достать. И вот ты топеричe што сделай. Когда ты приедеш в ёго королесьтво, а у нёго тут есть неподалёчку озёрко, где он всегда купаетце. Я тебе даю порошок и ты обернись голубочком или уточкой, он тебя будет стрелять, саблёй махать, и узнает жона, што это явилсе Портупей прапорщик в другом виде, и захоцет тебя убить. А этот король уже без сабли́ никуда не ходит. И он вся́ко будет придумывать, как тебя достать. И розденетце нагой и будет плавать за тобой. А ты в то времё норни и вы́стань на том берегу, где это ёго платьё лежит и мець. Ты тогда одевайсе, и бери эту саблю́, а уж тогда ты будеш правой. И вот бери коня и поежжай.

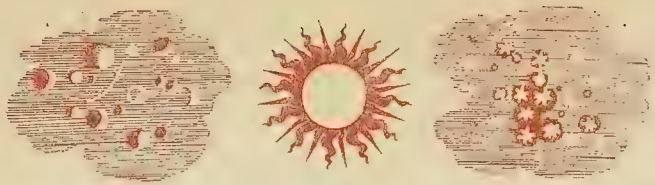
И вот он топерича поехал оттуда и поблагодарил Ванюшу, што он дал ёму совет.

И вот приежжает уж к этому озёрку и отпустил коня. И увидали, што приехал Портупей прапорщик, и кряду же

он стал меры принима́ть, как ёго сгубить, а уж в эту пору он обернулсе уточкой и стал нырять в озеро. И этот коро́ль всяко умудрялсе ёго, и под видом, бытто бы он ей обра́нил и достать никак не может, и взял розделсе нагой и поплы́л, штобы ей достать. И вот только отплы́л от берега, та уточка нырнула и вы́стала на берегу, где он розделсе, и тут же была сабля́. И он кряду побежал, захватил саблю́ в руки. Да. Когда коро́ль только пришол на берег, он сразу у ёго отрубил голову и сказнил эту чаревну.

Потом пошол на двор розыскивать, где была эта девка чернавка. Но она была посажена тоже в темницю, в ту, из которой она ёго выпустила. Но, он ей ослободил и взял за себя замуж. И, конешно, повенцялсе, и поступил на королесьтво.

И нача́л жить, и жил до глубокой старости.



45. ШОЛМОНИ

Был жил купець, да такóй богатой, што богаце нé было ёго на свете и хитрее не было ёго. А у ёго дитей нé было никого. И вот, конецьно, он взял у онной вдовки мальцика рóстить так, штобы впоследствии сыном ёго провести. А сам был оцень жадной. И вот этот, конецьно, мальцик вырос до полного возраста, и этому купцю стало завидно. Зависть такá нашла, што он овладеет моим животом.

И ёму задумалось вобщем убить приёмыша. Да. И вот он сецяс и говорит:

— Поди, Ванюша, сходи к Шолмóни, узнай, хто хитрей на свете, хто сильней и хто богаце.

Ну, што сделаеш, пришлось Ванюше, знацит, итти. И он пошол. И вот приходит он в онно село. А в селе в этом от собора потерялись клюци. Ёго и спросили:

— Куда идёш?

— К Шолмони.

— Дак вот што, молодéць, как идёш, дак спроси у ёго, где клюци от нашего собора, куда оне пропасть могли. Возьми нашу службу тоже.

— Хорошо.

Он переночевал и пошол дальше. Приходит он к реки и видит сидит перевощик, перевозит черезь реку людей. Этот перевощик стал спрашивать:

— Куда ты, молодець, идёш?

— Иду к Шолмони.

— Возьми, брат, моё дело, узнай: долго ли я буду этта людей перевозить, будет ли конець, узнай пожалоста.

— Хорошо.

Он идет дальше. Смотрит, на дороге пень стоит и смеётце.

— Хе-хе-хе!

Он прошол дальше, ницёго ёму не сказал. И вот он приходит к Шолмони. На ёго щастьё Шолмóни не было дома, а была онна жона. Молóденька была така жóноцька, украдена где-то видно. Вот он когда пришол, она и заплакала:

— Ой ты, молодéць, пришол ты сюды нá смерть. Ведь придёт Шолмони, дак тебя убьёт, и меня то с тобой вместе, по щастью, што ёго сецяс нет.

Он топерь и говорит ей:

— Слушай, прекрасная, ты меня как-нибудь ухорони, пока ёго нету, а я тебе скажу, ты ёго будеш спрашивать, он тебе скажет, когда он придёт домой да повалитце спать. И вот во-перьвых, спроси ёго лично, бытто во сни будеш говорить, он тебе скажет, што хто на свете сильнее и хто будет хитрее, богаче. Он тебе это скажет. Потом спроси у нёго, куда же делись от одного собора ключи, найти их не могут. Он тебе это пояснит. Потом спроси еще долго ли этому перевощику перевозить будет людей. И почему на дороге стоял пень, смеялсе. Да спроси, кака у нёго летает сорока, што она всё летает от нёго, он тоже скажет.

Она, конешно, ёго убрáла, увела в другу комнату и закрыла в ящик, так што он не узнал.

И вот этот Шолмóни и пришол вечером домой, и говорит хозяйке:

— Што-то у тебя сегодне какой-то запах, нет ли у тебя кого, хто же к тебе мог притти?

Ну, ланно! Вот она накорьмила ёго, конешно, напоила, и вот повалилсе он отдыхать на́ ноць, и она повалилась с ним рядом. И она во сни начинает с ним говорить. Он ей будит:

— Што ты говориш, што тебе снитце?

— Да што снитце, как у меня спрашивают, куда же делись ключи от собора.

— Хм, куда делись, о́тдали мне, дак! Оне у собора ж и есть, только двенатцеть сажен под землёй с восточной стороны.

Вот она замолчала, да и захи́мкала снова:

— Ну, што ты, — говорит.

— Видиш, дак спрашивают у меня, стоит перевощик на реки, долго ли он будет людей перевозить?

— Да до ти́х пор будет перевозить, пока не посадит этого хитрого купця в лодку. Вот перевезёт черезь, даёт ёму весло в руки, он веки будет перевозить.

Она опеть бытто засыпат и опеть начинает говорить:

— Слушай, Шолмо́ни, меня всё спрашивают, стоит пень на дороги и смеётце.

— Хм, да это золото смеётце, даваетце в руки, ткнуть посохом только, а потом взять золото.

Она опеть засыпат, и начинает говорить:

— Опеть у меня спрашивают, Шолмо́ни, я не знаю, покою прямо нет, всё спрашивают.

— Ну, што у тебя спрашивают?

— Да вот, какая у тебя тутотки летает сорока и почему она у тебя всё летает около избы.

Он заговорил:

— Да это не сорока, эта девушка мне отдана.

— Ну, а как ей вернуть обратно?

— Как вернуть, да выдернуть из хвоста перо, сожга́ть и она опеть будет девушкой.

Он стал засыпать, она и заговорила:

— Слушай, Шолмо́ни у меня опеть спрашивают, хто сильнее всех на свете?

— Хм, — ухмы́лил. — Да сильнее меня нет, да хитрее купця на свете.

Она немного перемолчала и говорит:

— Меня спрашивают, што хто тебя бы мог убить?

— Меня нихто не убьёт, оприч своёго́ меча, у меня души нету, у меня она в ящику́. А мой меч не поднять никому будет, оприч как не наденут мои ве́рхници. Как наденут ве́рхници, да ударят по этому ящику́, тогда я мёртвой буду.

И вот она, конешно, переспала, утром он походит.

— Ну, жона, я топерь пойду, наверно дня три прохожу, а потом приду.

И вот, конешно, он ушол, она утром ёго выпустила и росказала, што узнала ночью.

— Ну, коли узнала, надо делать. Во-перьвых, ёго сгубить, а потом остальнёе сделаем.

И вот оне сразу же пошли к ёго мечу, где ёго мець лежал, и эти ве́рхници. Приходят, конешно, и она приказала надевать евонны верхници на́ руки.

— Тогда только поднимеш мець, а я укажу, где евонной ящик стоит.

И вот он одел эти ве́рхници и поднял мець. Потом пошли в погреб, где стоял этот ящик, конешно, ящик был жолезной. И вот она привела, он замахнулсе, как ударит по этому ящику́, только гром пошол, звон, оне роздавили евонну смерть, и топерича щитают себя свободными, он не придёт.

И вот он топерь и говорит:

— Ну, как мы топерь с этой девушкой-то будем делать?

— А вот он велел перо выдернуть да сжеч.

Он сецяс берёт перо, сжог, и девушка очелела и говорит:

— Ну, Иван крестьянской сын, выведи меня отсюда, не оставляй меня здесь.

Топерь оне пошли дальше. Подходит он к этому пню, по́сохом ударили, пень свалилсе, смотрят, золото там.

Вот оне́ набра́ли золота, колько им надо, пошли дальше.

Приходят оне к перевощику, перевощик и говорит:

— Слушай, молодець, долго ли мне людей перевозить, што сказал Шолмо́ни?

— А вот перевези, потом я скажу.

Вот он йих перевёз, он осталсе в лодке, потом и говорит:

— Вот когда после меня придёт этот самой хитрой купець сюда, ты ёго перевезёш черезь, а потом выскакивай из лодки и подай ёму весло в руки, и он останетце тут навéки. Вот когда тебе будет конець.

Приходят оне в это село, из которого спрашивали ключи:

— Ну, скажи, доброй цёловек, про наши ключи, может што знаш.

— А пóдьте с восточной стороны, отройте двенатцеть сажен, оне там под углом и есть.

— Ну, спасибо, доброй цёловек.

Переноцевали, пошли вперёд. Вот приходят оне, конешно, к купцю. Ну, конешно, он не знает, што кого там привёл.

— Вот тебе Шолмóни наказывал поклон и звал к себе сецяс, а мне-ка дал золота.

И этот самой купець:

— Как же он дал? Што тебе дал золота, — ни за што не поверю, пойду сам.

А он был очень жадной и побежал скорее, оставил всё тут дома. Приходит к этой реки к перевощику и говорит:

— Ну, перевези меня.

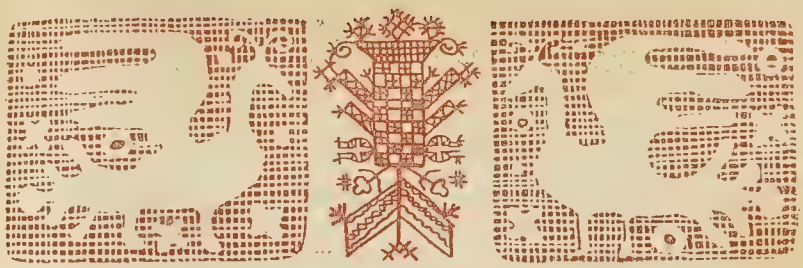
И вот он перевёз, выскоцил на берег и дал ёму весло в руки:

— На-ко топерь, перевези, колько я перевёз!

И этот купець осталсе в кáрбасе, и ни туда не пришол и назад не попал.

А потом он взял жонилсе на этой, што ёму помогла убить Шолмони, а другую выдал замуж и стал жить поживать, богатьством править, а купець всё правит лодкой.

На этом и кончилась она.



46. ЦЯРЬСКОЙ САД

Нé в котором цярьстви, нé в котором государьстви жил был цярь. И он имел роскошной сад, в котором сохранялись золотые яблоки. И очень он их ченил. И имел слуг, которые охраняли евонной сад, — садники, и эты самые яблоки.

Да, и вот сложилось так: каким то путём стали эты яблоки уницьтожатьце, не могут уследить слуги. И цярь даёт такой приказ, вернее, розыскивает такого знатокá, кто бы это мог узнать, кто у их ворует. И в этом городе не находилось никого, только жил один крестьянин с двумя сыновьями. Он был прожиточной. И вот у этого крестьянина былó два сына, а у нёго еще был брат старшой. И вот раз оне собрáлись, эти братья. Говорит этот старшой брат второму:

— Што вот, брат, я знаю, хто ходит в этот сад, только нам с тобой этого хищника не поймать будет. Ну скажи мне, брат, которого ты топерь сына любиш лучче, я ёму буду говорить. И призови ёго сюда.

— У меня оба они рáвные, ну только мéньшой будет хитрéе, и я ёго больше ченю. Ёго звать Иван.

Вот он призывает мéньшого сына, конешно, оне оба были грамотны хорошо. И он говорит:

— Ну, племяш, садись сюда, ты можеш этого хищника узнать, и я тебе роскажу. Вот, Ванюша, ты сеця́с иди к отцю на сарай за соломой и устрой такую юрту́ у цярьского сада, настолько же высокую сделай, сколько этот сад позволяет высоты. И вот когда это ты всё сготовиш, сделаеш, когда сонце пойдёт книзу, ты ставай кверьху. Когда сонце сядет совершенно, ты штобы был наверьху под самой крышой. И вот смотри тебе прилетит на эту юрту́ жар-птиця, постарайсе её захватить, держи, как мож крепче.

— Хорошо, — ответил Ванюша.

И кряду же вступил за это дело, пошол к отцю на сарай за соломой, вытаскивает и делает юрту́. Когда он это всё приготовил, сонце пошло книзу спускатьце, а он ставает кверьху. Сонце всё ниже и ниже, а он всё выше поднимаетце. И сонце опустились на самой низ, закатилось, а он уже был наверьху и держал руку на этом месте, куда прилетит птиця.

И вот не прошло десяти минут, как прилетела птиця. И он постепенно протягает и двумя руками учепилсе ей за хвост. И эта птиця так сильнё рванулась и потащила ёго за собой. И он всё держалсе. И вот она тащила ёго далёко ли, близко, прилетает, конешно в цярьство. Как только опустилась, сделалась девушкой и заговорила:

— Ну, Иван крестьянской сын, хорошо, поймáл цярьского хищника, как я все летала в цярьской сад. Ну смотри, топерь не сказывай, што я всё летала, а я больше летать не буду. А топерь пойдём со мной, я тебе подарю два подарка, которы тебе будут очень нýжны, только цярю не сказывай, што я летала, пусть останетце между нами.

Вот. И повела она ёго себе в комнату и говорит:

— Это всё цярьство моё, Иван крестьянской сын, этым цярьством владею я, и никто не знает, какие ченности у меня здесь есть.

Да, конешно, она ёго угостила и потом приносит ёму туалетик — пустой, конешно, и говорит:

— Вот тебе туалетик. Когда захочеш кушать, скажи: „туалетик, накройсе“, и тебе будет всё довольнё. Когда откушаеш

то скажи: „туалетик, уберись“, и ничего не будет, только один пустой.

И вот он получил этот подарок, потом она выводит ёму козлика:

— Вот этот тебе козлик второй подарок. Скажи „козлик, потенись“, то червонци тебе посыплютце, колько тебе надо; скажи „козлик, не надо“, и тебе ничего не будет. Ну, и топерь поди проч. Доро́гой ты зайдёш в постоялой двор, ну смотри будь окуратен, мимо того двора тебе не пройти. И тебе нужно будет жить на этом дворе три дня. И вот, конешно, когда ты будеш жить, у тебя продукты с собой. И отдаш этого козлика и туалетик на сохранение хозяйке. Только смотри, будь окуратнее, когда придёш к туалетику и будеш кушать, штобы хозяйка не знала, а то она может их подменить. Если ты это всё потеряеш доро́гой, то уж этых вещей больше не будет. Снова уж я тебе помоч не знаю чем.

Ну, когда оне роспростились, он пошол и сказал:

— Ладно, хорошо.

И пошол с этим козликом и туалетиком.

Вот скоро времё он, конешно, приходит на этот постоялой двор. Выходит старушка, берёт ёго, заводит в дом и спрашивает:

— Што для тебя нужно?

— Для меня особого ничего не нужно, только мне нужно две комнаты. В одну поло́жу туалетик и козлика, а в другую сам.

— Ну, хорошо, всё будет для тебя готово.

И кряду же она отвела ёму две комнаты. И вот он живёт у ней и ничего ей не заказыват, ни кушать ничего не берёт. И вот эта старушка, конешно, на вторы сутки сме́тила это дело, она была хитрая волшебниця.

— Што ж такое, што у меня квартирант ничего не берёт, никаких продуктов, чем он питаетце?

Наконець старуха сецяс же стала прислушиватьце.

— Чем он питаетце?

Приходит он в комнату, садитце к туалету:

— Туалетик, накройсе!

Кряду же накрылось всё, што полагаетце на столе.

Покушал, сказал:

— Туалетик, уберись!

И стал пустой. Тогда он сказал:

— Козлик, потенись!

Сразу посыпались червонци. Он собра́л несколько и сказал.

— Козлик, довольно!

И сразу же всё уничтозилось.

А в это времё старушка всё слушала. Да. Когда покушал, закрыл комнату и кряду повалилсе спать. Старуху смекнула всё это.

— Погоди, не уйдёш ты от меня так, што пока я у тя не подменю.

Кряду же она схватила, прибрала́ такой туалетик, какой же у ёго был, и такой же козлик, и поставила у ёго в комнате а эти отобра́ла у ёго, которы были ченные. Вот когда он стал со сна и думает:

— Надо итти домой, как строк вышел, топерь она меня отпустит, а дорогой покушаю, пойду.

И приходит к старушки к этой, хозяйки, и говорит:

— Ну вот, баушка, полуци от меня за всё деньги, а я ухожу.

Вот он уплатил за стоимось квартеры и взял с собой козлика и туалетик.

— Ну, топерь мне всё удалось полуцить, и пойду.

Топерь он дорогой шол, и ёму не хотелось даже и йись. Он скорей шол, пробиралсе к дому. Когда он пришол домой, ёго увидел отець.

— Ну вот, Ванюша, ты топерь пришол, мне роскажи, как ходил и што с тобой было?

— Я тебе, папа, всё росскажу, как я ходил и покажу все редкости, которых еще ни у кого нет.

Сеця́с же принёс туалетик и козлика, поставил и говорит;

— Зови топерь моего дядю, и будем угощатьце.

Вот когда пришол ёго дядя, он и говорит:

— Здорово, дядя.

— Здорово, племянник.

— Вот садитесь, я вам буду говорить и будем угощатьце.

И вот он сказал:

— Ну, туалетик, накройсе!

Туалетик не накрываетце. Он другой раз сказал, и третий, туалетик не накрываетце. (Старушка ёму омменйла, дак!) Когда оне уселись за стол, тогда он сказал:

— Но-ко, козлик, потенись!

Козлик стоял на одном мести, ницють не потенулсе. Он и другой раз, и третий сказал. Козлик ницють не сдвинулсе даже. Тогда он видит себя омманутым черезь эту старушку перед отцём и дядей, и ёму сильнё стало обидно. Тогда отець ёму и говорит:

— Дак эти ли ты редкости, сынок, привёз, и показываш перед отцём и дядей, или у тя не хватило ума достать другие редкости?

И он только сказал:

— Ну, отець, пока я этой ошибки не исправлю, што со мной слуцилось, я больше говорить ни о цём не буду.

И кряду роспростилсе и ушол проць. И кряду же опеть пошол в тоё же чарьство, где получил эты подарки. Когда он приходит к этой красавице, котора дала подарки, она и говорит:

— Но, Иван, скажи мне, зацем ты пришол, или ты потерял эты подарки, которы тебе были даны?

— Да, прекрасная чаревна, со мной слуцилась большая беда дорогой, на этом постоялом дворе, про которой ты мне уж раньше говорила. Подменила у меня старушка обои предметы, как туалетик, так и козлика. Я когда пришол домой и стал редкости показывать отцю и дяде, у меня ницёго не получилось, и мне очень стало обидно. Поэтому я к тебе и пришол — мож, так поможеш, а нет — воля твоя.

— Да верно, Иван, беда-то, беда, но я помочь ничем не могу. Такие дорогие ченные вещи потерял, ну уж назад я тебе не могу достать.

И вот она уходит и приносит ёму пустой мешок, и в мешку была палка.

— И вот тебе на́ этот пустой мешок и палку, и иди на этот постоялой двор, а дарить мне тебя больше не́чем. Вот

если сумееш все эти ошибки исправить, вернуть, што у тебе было, тогда приходи ко мне, а уж не сумееш, тогда больше ко мне не приходи. Ну, я топерь тебе еще скажу: когда ты придёш на постоялой двор, стретит тебя старушка и примет тебя на квартеру. И также выпроси две комнаты: в одной будеш помещатце сам, а другую для сохранения этого мешка и палки. Когда будеш отдавать на сохранение этот мешок, то скажи ей: „баушка ты с этим мешком будь окуратней и не вызывай моей палки из мешка". Ну, она всё ровно не утерпит и вызовет палку из мешка, она выскоцит и будет эту старуху бить, даже до смерти, пока ты не уймёш. Она будет кричать и просить тебя, штобы ты унял эту палку. Когда ты придёш и скажеш: „ну, старушка, отдаш мои вещи, которы ты подменила, то я уйму палку, а уже не отдаш, то она тебя заколотит до смерти". И што она тебе скажет. Если она обещаетце, то уймёш палку и скажи: „палка, в мешок" и она кряду уйдёт в мешок. Вот когда получиш ты обратно вещи, то их проверь, если те самые, то скажи: „палка, из мешка" и она выскочит и забьёт старуху до смерти. И сам иди домой. Ну когда сходиш домой, тогда приходи ко мне, а топерь отправляйсе с богом.

И так роспростилсе он и отправилсе на этот же постоялой двор, и кряду же опеть же приходит на постоялой двор и попросилсе у баушки переночевать.

— Ну, пожалоста, на трое сутки.

— Да, на трое сутки, только дай мне опеть-же две комнаты, одну для мешка и палки, а в другую помещусь сам.

Тогда старуха ёму отвела комнату, и он сказал:

— Слушай, баушка, когда мой мешок и палка будут в особой комнате, то смотри, не говори, што „палка, из мешка".

Вот он живёт сутки и вторые. И старуха всё ходит и смотрит, што в этом мешке, как бы узнать и достать этот мешок и палку, да подменить другими, и узнать, што эта палка обозначает. Вот раз подошла к мешку и сказала:

— Палка, из мешка!

Как палка вывернетце и давай старуху чёсать. Она кричит, просит:

— Ой, помогите, а то смерть!

А она еще пуще. Когда он приходит в эту комнату, она и заговорила:

— Слушай, доброй цёловек, уйми свою палку, што хош бери, только уйми, я заплачу́.

— Дак вот, баушка, я тебе предупреждал, коли вызвала, то и не жальсе. Палка, прибавь!

Она еще пуще начала ю бить. Она стала ёго просить:

— Уйми, доброй цёловек!

— Ну слушай, баушка, уйму, коли отдаш мои вещи, што подменила прошлой раз другими вещами. Коли отдаш, то уйму.

Она говорит:

— Отдам, доброй цёловек, только уйми эту палку!

И он тогда сказал:

— Ну, ладно. Палка, в мешок!

И старуха стала на ноги, чуть опомнилась. И кряду же пошла розыскивать этого козлика и туалетик. Когда розыскала, принесла обратно, то он это всё проверил сначала, а потом сказал:

— Ну-ко, палка, из мешка, погладь у старушки спинку!

И палка так нача́ла бить старуху и до ти́х пор била, пока не убила на́ смерть.

— Ну, палка, в мешок!

И вот он получил эты свои вещи и пошол домой со своими козликом и туалетиком. Когда он приходит домой, спросил ёго отець:

— Ну сынок, с чем топерь пришол, так ли, как перьвой раз, опеть будеш такие глупости нам показывать с дядей?

— Да нет, отець, я все свои ошибки справил. А топерь зови дядю, сядем за стол и будет ина́че.

Вот приходит дядя. Он кряду же туалетик повернул:

— Ну, туалетик, накройсе!

И туалетик накрылсе и стали кушать. Отцю очень понравилось. Он приводит козлика:

— Ну, козлик, потенись!

И посыпались червонци.

— Ну, отець, а топерь я роскажу.

И вот он, конешно, всё росказал, што с ним случилось. Топерь отець говорит:

— Ну, сынок, топерь роскажи, как ты путём ходил это всё времё?

— Про это, отець, я никому не скажу, это будет никому неизвестно. А у чаря сад будет сохра́нной, никто больше летать не будет.

И отець больше не стал спрашивать и очень обрадел, што сын таки редкости принёс, про которы он ище и не слыхал нигде. Тогда он спросил дядю:

— Ну, што тебе, дядя, надо, как ты меня научил этому делу, я тебе уплачу за это.

— А сам знаеш, племянник, што мне даёш, то и хорошо. И не даёш — пускай останетце у тебя.

Тогда он сецяс сказал козлику:

— Козлик, потенись!

Козлик потягалсе челой час, и всё червонци сыпались на́ пол.

— Ну козлик, довольно!

Козлик перестал и он приказал дяде:

— Ну, собирай деньги, это тебе от меня будет подарок.

И он, конешно, деньги набра́л, все корманы по́лны, и поблагодарил племянника и ушол. А топерь забирает этот мешок и сказал отцю:

— Ну, а топерь я пойду туда, откуда я пришол, и приду к тебе еще на показ, и не один верно. Ну, и храни козлика и этот туалет до меня, покамест никому больше не показывай, не сказывай про них. А когда я приду, там видно будет.

И роспростилсе и пошол. Приходит к этой чаревны, красавице и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, я всё исполнил, што ты наказывала, и принёс обратно мешок и палку.

— Ну, молоде́ць, Иван крестьянской сын, коли ты так всё сумел сделать. Это знаеш кто был на постоялом дворе?

— Не знаю, прекрасная.

— Это была моя мать, котора гра́била че́стных людей, и я после этого уж не могла ей нави́деть. И дала тебе этот мешок и палку, сумееш ли ты им владеть или нет. Коли ты

так хорошо сумел им владеть, убрал мою ма́терь, теперь я слободна.

— Да не знаю, дорогая, я всем доволен, всеми твоими подарками, больше не смею ничего сказать.

— Ну говори.

— Мне бы узашно хотелось узнать твоё мнение, жалала ли бы ты пойти за меня замуж.

— Я согласна.

И потом, конешно, оне с ним сошлись вместе. Пожил он у ней три дня и говорит:

— Ну, слушай, прекрасная моя жона. Мне желательно повидатьце с отцём и штобы ты пожалала со мной ехать.

— Хорошо, я с тобой поеду с таким условием, штобы нам с тобой обратно сюда приехать и жить в этой чарьстви.

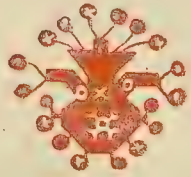
— Ну хорошо.

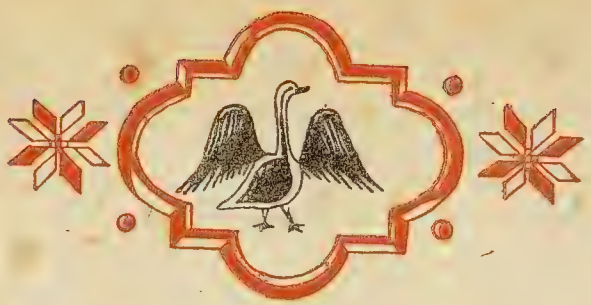
Вот оне кряду же собрали́сь и отправились в евонну деревню, или там в город. Когда он приходит домой, отець увидал, што он уж жонатой, отець еще тем более обрадел. Она такая была красавиця, што отцю было даже удивительно. И вот сецяс стали играть сватьбу, сделали пир, конешно, и все были на пиру́, как дядя, так и свойственники все. И прожил он после этого неделю и говорит отцю:

— Ну, отець, топерь я уежжаю от тебя, а тебе оставляю козлика, а туалетик возьму за собой. Тебе этого козлика на старость хватит, даже помоч можеш и дяде.

Ну, конешно, отцю и жалко было, ну делать было нечего.

Роспростились оне с ним и уехали в своё чарьство. И стали жить там до глубокой старости.





47. ЗАМОРСКОЙ ГУСЬ

Ну, вот, в оно́м городе жил был купець. Он, конечно, торговал, ходил на кораблях заграницю. У ёго была онна жона. И вот она ёму сколько раз говорила:

— Муженёк, привези мне заморского гу́ся.

Он всё не может там ёго найти, уж сколько раз ходил, а найти гуся не может. А жона ёго зналась с оннем, с дьяко́ном.

И вот он опеть пошол заграницю. Она ёму и наказыват:

— Муженёк, не забудь мне привезти заморского гу́ся.

Приходит он заграницю. Нагрузил корабли. И похо́дит этого заморского гу́ся искать. Обошол весь город — нет нигде, не может купить. И пошол по дорожке за го́род.

— Ну, ище зайду в какую-ни деревню, бу́де не куплю там, тогда буду сниматьце с якоря.

Так. И вот ёму попадает старицёк на стре́ту.

— Здраствуй, купцик.

— Здраствуй, дедушко.

— Куда идёш?

— Да иду, ищу, товарыщ, заморского гу́ся. Надо бы гденибудь найти.

— Купи, у меня есть.

— Скоко просиш?

— Триста рублей. Но только с тем продаю, што он тебя онного будет слушать. И я роскажу какой он есть.

Даёт он ёму деньги.

— Вот он у меня такой гусь: прикажош ёму „гусь, щиплись“, он ощиплетце, потом скажош: „гусь, ижжарьсе“, сам и ижжаритце. Бери на стол и еш. Потом собери кости в мешок, трехни ёго, и опеть сделаетце гусь, какой был. Но только слушать будет он тебя, а жоны слушать не будет.

Он гу́ся полуцил, на корабь сел и пошел домой... Приходит домой. Розгрузил корабли, и дома устроил такой небольшой бал.

— Но, жона, я топерь привёз заморского гу́ся.

И вот созвали когда гостей, наносили водки. Купець заговорил:

— Гусь, поди сюда!

Гусь сецяс пришол. Он опеть приказыват:

— Гусь, щиплись!

Гусь выщипалсе.

— Гусь, жарьсе!

Ижжарилсе.

— Гусь, на стол!

И уж гусь на столе.

— Ну, вот, гости, еште, только костей не роски́дывайте, а собирайте в куцю.

Потом он кости в мешок со́брал, тряхнул, — и образовалсе опеть гусь. Все гости издиви́лись. А жона и думает:

— Ну, ланно, топерь и я со своим дро́лей угощусь.

И вот так гости розошлись.

На второй день их позвали в гости. Купець и говорит:

— Но, жона, пойдём!

— Нет, я не пойду, у мня голова цё-то болит.

И он один ушол.

Гу́ся оставил дома. Да, вот она сецяс приказала притти этому дьякону, и говорит:

— Знаеш што, мы сецяс угостимсе. Привёз мне муж заморского гу́ся.

И вот она сецяс вызывает:

— Гусь, иди сюда!

А гусь ни с места. Она подходит к ёму и говорит:

— Гусь, щиплись!

Гусь шипит, не щиплетце.

— Гусь, жарьсе!

Он только онно, што шипит.

Она сецясь берёт палку и ударила ёго. Ударила и ульнюла и говорит дьякону:

— Помоги, брат, избавитьце от гуся.

Тот прибежал, замахнулсе и тоже ульнюл. И гусь их попёр из комнаты к своёму хозяину. Вот по улице их тащит. Идут два цёловека с лопатами:

— Эй, друзья, помогите от гуся нам оторватьце.

Оне возьмут, лопатами замахнутце, и тоже прильнюли. Вдруг йдут два цёловека с кирьгами.

— Братци, помогите, хоть выруците нас-то!

Крыцят эты, которы с лопатамы. Ну, те замахиваютце кирьгами и тоже прильнюли. Гусь всех их тащит. И видят идёт батюшко с крестным ходом. Оне ёму и крицят:

— Батюшко, помоги ради бога нам избавитьце.

Батюшко крестом как махнёт, да задел немного и тот прильнюл. Гусь их всех тащит. Вдруг бежит цертёнок.

— Эх, три года всё хотел ткнуть попа, а топерь-то уж ткну долговолосого!

Как ткнёт попа, так и цертёнок ульнюл с има. А гусь их притащил к онному дому и вверьх тащит, где-ка сидел хозяин там у онного купця. И вот говорит хозяину:

— Вот, хозяин, я тебе привёл правых и виноватых, смотри Кого топерь прикажеш держать, а кого отпускать?

— Ну, дак што же, гусь, правых отпусти, а виноватых оставь.

И гусь сецяс всех отпустил, оставил только жону да дьякона. И притащил их домой. Купець и говорит:

— Но-ко угости этого дьякона, гусь.

И он ёго столько натрепал, што тот весь в синяках убежал домой. Пришол, закрыл окна и зажог огонь, стал смотретьце

в зерькало, как он избитой. Стал смотретьце, а цёрт под окном и говорит:

— Мало ище тебе, вперёд не ходи к цюжим жонкам.

Тот испугалсе да ище скоцил и пуще того розбилсе.

Тогда купець нацинает свою жону бить, и та плацет, молитце, што не буду больше. А цёрт под окном и заговорил (поспел и тут!)

— Мало, не ходи с цюжи́ма мужиками, мало, мало, бей ей!

Купець и говорит:

— Хто там?

Гусь отвецяет:

— Цёрт там!

— Ну-ко, дай ёму, гусь, штобы не ходил под цюжи́ма окнами слушать.

И вот гусь гналсе, гналсе и захватил цёрта, притащил домой и говорит:

— Ну, што, хозяин, велиш с им делать?

Купець и говорит:

— За то, што ты, цёрт, ходиш под цюжи́ма окнами слушать, я тебе даю наказ: сроботай мне ище такой дом как у меня, а ина́це я тебя не отпущу.

Цёрт за два дня сроботал ёму такой же дом, как у нёго. Купець собрал новосельё, позвал купцей и цёрта тоже созвал. И напоил ёго пьяного. Вот цертёнок пьяной заходил, захвастал:

— Я никого не боюсь и даже твоего гу́ся не боюсь!

Купець и говорит:

— Раз так, то возьми ёго, гусь, убей!

Тут цертёнок змолилсе:

— Не убивай, я тебе буду всегда служить.

И с тех пор стал жить с гусем у этого купця. И купець не видал больше никакой нужды ни в цём при таких помощниках.

Тут она и концяетце.

48. ПОРОСЯЦЬЁ СЕРЦЁ

Вот нé в котором селé или в городе было дело на постоялом дворе. Съехались три уцёных цёловéка. И промéжду собой оне провели такой розговор, хто цёму уцилсе и хто што может сделать. Вот один говорит из професорёв этых:

— Я могу, — говорит, — отнять у себя рýку и черезь месець опеть вставить, и она такая же будёт.

Другой и говорит:

— Да штó рýку, я могу даже глáз отнять, и черезь месець вставлю, и он будет, как и раньше.

Третий и говорит:

— Ну, што ж, я тоже уцилсе, и могу не то што рýку, ли глáз, а могу даже сéрцё вынуть и черезь месець вставлю, и оно станет роботать по-старому. Только ёго надо где-нибудь сохранить в надёжном мести.

И вот оне сделали тако условиё. И один снял рýку, другой глаз, а третий серцё.

Все это оне отдали хозяину постоялого двора и сговорились съехатьце черезь месець, штобы на практики показать, как оне вставляют руки и глазá и серцё, и как будёт существовать.

И вот, конецьно, хозяин это взял, унёс в холо́дно место, скажем в ле́дник, штобы не запа́хло и не стравили мыши, или кошки.

Прошло неделя или две там, хозяин пошол смотреть. Когда пошол смотреть, то видит, у кошек или у мышей стра́влены эты предметы, которы ёму оставили учо́ны. Было потра́влено серцё, попорцен глаз и поедёна рука. И вот он сильнё задумалсе и стал спрашивать, как бы ёму выйти из этого положения, как он ответцят за эты вещы. И он был знако́м с онним врацём. Конецьно, стал он у этого враця спрашивать:

— Какии могут подойти, скажем, серцё, от какого животного, или там глаз, штобы класть на место потра́влёного?

Этот враць ёму обсказал:

— Глаз может существовать ко́шеций. А рука от мёртвого цёловека. Ясно, што живой нихто не даст руки, а как цёловек помрёт, дак надо отнять руку. А серцё подойдёт от поросёнка. Это всё ровно серцё, што у цёловека, а хоть у поросёнка.

Он это всё в голову взял, а ёму не сказал ницёго.

Да. И, конецьно, пришол, это все сделал. У кошки глаз вы́колол, руку достал от мёртвого цёловека, а серцё от поросёнка. Это он всё склал на место потра́вленого.

И потом не черезь долго эты учо́ны приехали. Один поставил себе руку, другой глаз, а третий серцё, и после этого оне розъехались. Но у их уговорка бы́ла: на то же место потом опеть съехатьце. И вот черезь месець оне съехались и нацяли россуждать между собою. А хозяин волновалсе, што если оне узнают, то ёму будет плохо.

— Ну, как, товарыщ, у вас существует рука?

Нацинает один из професорёв росказывать про свою руку.

— Рука норма́льня у меня, как была́, такая и есть, но только одно: што-то больнё уж она наха́льня. Где бы я ни шол по городу, или зайду в лавку, она всё лезет в корман в цюжой, и я еле удерживаюсь, и мне стыдно, а она так и метит зайти в цюжой корман. Этого раньше не́ было.

Другой и говорит:

— Да, глаз у меня хорошо видит, но дело в том, как я повалюсь спать, он не закрываетце, и ноцью я вижу им, как днём, ище лучче.

Третий профе́сор говорит:

— Да, товарыщи, серцё у меня хоро́шо, даже лучче прежного, но только цёго бы я хорошего ни поел, как бы хорошо́ ни пообедал, меня так и тянёт понюхать отхо́жо место, либо каку-ни вонь; где больше воняет и грязно, меня тут и тянёт.

А это хозяин слушал все ихны розговоры, но ницёго им, конецьно, не сказал.

И вот это было́ серцё от поросёнка, поэтому ёго и тяну́ло грязь нюхать. А глаз был от кошки, потому он и ви́дел по ноцям, а рука, как раз покойник был вор, и эта рука была от во́ра. Так эты професора́ розъехались и не узнали ницёго.

49. КАК ЖОНА МУЖА ОВВЕРНУЛА СОБАКОЙ

Вот, конешно, в одном городе был жил купець. Был грамотной довольно, имел торговлю большую, магази́н, но был холост. И вот ёму надо было жонитьце. И жонилсе на одной девушки, одного купця дочери. Ну, она была грамотная и имела черную ма́зию,[1] как по нашему колдовство. И вот он нача́л с ей жить. Ну она обедать с ним никогда не садилась. А как ноч придёт, неизвесно куды скроетце, приходит только на у́три домой. Вот он и стал за ней следить.

— Куда ж это она ходит ночамы?

Однажды она ушла ночью, он не спит, ну притворилсе, што спит. И вот он стал и пошол за ней. И она идёт и идёт, он вслед. И приходит она на кладбище. И вдруг откуль ни возьмись другая женщина. Вырыли покойника и начинают его йись. Он смотрит, ну к ним не идёт близко. Посмотрел, ёго устраши́ло. И пошол проць. Приходит домой, розделсе, повалилсе спать. Невдолге и она приходит, он ей ничёго не говорит.

Пе́респали ночь, на у́три ставают, садятце чай пить.

— Садись, жона, чёго ты?

— Не хочу, — говорит.

---

[1] Магию.

Он не стерпел, сказал:

— Так неужели тебе лучче, жона, покойника йись, ведь у нас всёго есть, не хуже людей, сама знаеш.

Ей пáло очень злобно, што муж узнал, взяла дунула на нёго и обратила ёго собакой, и прóгнала ёго с дóму.

Ну, куда? Побежал он на улицю, прибежал к магазúну к одному, вертитце там. Увидал один прикащик, приманил ёго ближе.

— Давай, возьму эту собаку, наверно, она бесприютная.

И вот он день проводил и вэял собачку. И очень она умная, всё понимает, принесёт всё, и с письмом отправить, и всё на свети (ну, конешно, как человек, дак!)

А в магазúнах сплош прежде случалось, што приносили фальшивые деньги, а собака эта настолько была хúтрая, знала даже в деньгáх, скоцит на выручку, которы хорошие деньги — в сторону, худые откинет проць. И оцень полюбил хозяин свою собаку, и кормил он ей, што сам ел, то и ей давал.

И вот раз приходит опеть покупатель, начинает рощытыватьце. Собака посмотрела, скоцила и половину откинула. А неподалёку стояла тут девушка, смотрела на эту собаку, потом подошла к прикащыку, он ей говорит:

— Што будете закупать?

— Да, нет, — говорит, — покупать-то так нéчего, а я интересуюсь твоей собакой.

— Да, — говорит, — собака хорошая, всё знает.

Она поглядела на собаку и говорит прикащыку:

— Это, — говорит, — не собака, а человек, я, — говорит, — знаю, хто и есть, такой-то и такой купець, — говорит, — с этого города:

Прикáщык этот удивилсе.

— Как же он мог быть собакой?

— Очень просто, жона ёго оввёрнула собакой. Хотúш, я ёго человеком сделаю?

— Воля твоя, давай. Пусть не бегает в собачьей шкуры.

Она на эту собаку дунула и обратила ёго человеком.

— Ну, поди топерь домой, пока ей дома нет, я тебе дам платок, старайсе ей перьвой ударить, пока она тебя не дунула.

А то опеть обратит другим зверём. А если ей перьвой удариш, обратиш ей сорокой, и будет она летать, покуда тебе не жалко ей. А я ей знаю, мы с ней вмести учились.

И вот, конешно, он поблагодарил эту девушку и пошел домой. Жоны дома нет, он и ждёт. Вот идёт она, он скоцил, ударил ей платком, и она улетела сорокой.

С тех пор она и летала сорокой, а он жонилсе на другой и стал жить, конешно, хорошо, стал торговать и так проводил жизнь до глубокой старости.

50. КАК ОВРАТИЛА ВОЛКОМ ЧЕЛОВЕКА ОДНА ВДОВКА

Это было в шеснатцетом году. Митрий Ивановиць так и росказал мне, сам очевидець был. Вот, конешно, это было в Тульской губернии. Был один кресьянин, и ёму пришлось выехать из своей деревни в город на побочную роботу. Вот он когда приехал в город, попросилсе на квартеру к одной вдовке. Она ёго взяла. И вот он живёт у ней, конешно, год, и она так ёго присвоила, што он и уйти не может. И два прошло, и стал он скучать об семьи своей, об до́ми.

— Пойду домой, што я здесь, уйти што-ли не могу?

И вот в одно прекрасноё времё собралсе, всё сло́жил в кошáлочку и вышел на крыльцё. Вдруг эта вдовка стречаетце с ним:

— Ты куда? — говорит.

— А домой пошол, довольнё я пожил здесь.

— А, домой пойдёш, хорошо!

И ударила ёго по плецю.

— Вот, — говорит, — тебе билет на семь лет!

Он и побежал во́лком. Прибежал в овраг к волка́м и стал с нима́ жить. Вот по ночам выходили на добычу, где овцю задёрут, где што, розделят и съедят. Так и проходил с волка́мы

семь лет. И вот в онно времё он как бутто спит днём, а ёму во сне снитце, этому волку-мужику:

— Ставай, мужичок, есть тебе единственной случа́й ожить. Сечас несут хоронить ту женщину, котора обратила тебя во́лком. Сечас бежи на дорогу, розбе́жись черезь людей и перевернёсьсе черезь гроб, будеш обратно человеком.

Вот он скоцил со сна, выбежал на бо́льшу дорогу, смотрит, несут гроб. И смотрят которы несут, што волк бежит ростерялись, опустили гроб на земь. И он перевернулсе черезь гроб; и обернулсе человеком.

— Ну, топерь я спасёной.

И вот ёё похоронили, а мужичок пришол домой. Деветь лет проходил, дома не бывал.

Ну, больше никуда не ходил.

51. КАК ШОЛ САЛДАТ ДОМОИ С НИКОЛАЕСЬКОЙ СЛУЖБЫ, С ДВАТЦЕТИПЕТИЛЕТНЕЙ.

Шол салдат с николаеськой службы и выслужил за дватцеть пять лет деветь рублей, три трёшника. Итти, конешно, было далёко. Много надо было деревень проходить до своей родины. И вот идёт он себе дорогою, стречаетце ёму настрету калика.

— Здраствуй, салдатик, подай Христа ради калики милостинку.

Подумал, подумал салдат:

— Да уж мне тоже эты не деньги. На́ три рубля от салдата милостинку.

Подаёт ёму три рубля, и сам пошол дальше. Идёт, идёт, попадает второй кали́ка. Поздоровалсе и просит опеть милостинку:

— Што делать? Онна́ко уж как я жил всегда без денег, дак и это не деньги. На́ три рубля, тебе, калика.

Калика взял деньги, а салдат пошол вперёд. Вот шол, шол вперёд, опеть попадает кали́ка и просит милостину:

— Да што вас, ка́лик, так много?

Подумал, подумал салдат:

— Да што, оннако, жил я и раньше без денег, дойду вот до села, дак накорьмят салдата. На́ три рубля.

Калика поблагодарил и розошлись оне. Немножко погодя попадает настречу ёму самой перьвой калика, которой ёму настречу шол. Да, поклонилсе ёму и говорит:

— Но́, салдатик, што тебе надь за перьвую милостину, как ты из скудных денег мне дал, скажи мне, и я тебе даю.

— Да мне ницёго́ не надо, раз я тебе дал, иди с богом.

— Как не надо, возьми у меня сапоги-скороходы.

— Нет, не надо, я их век не на́шивал и топерь не возьму.

(А это оказалось один калика был, он всё обегал кругом и всё ёго испытывал.)

И так отказалсе, пошол вперёд. Калика обежал ёго вперёд и опеть попадат ёму настречу.

Стречаетце, поклонилсе и спрашивает:

— Ну, што тебе надо, салдатик, за вторую милостину, как ты мне дал из последних денег. Возьми, што тебе надо.

— Нет, мне ницё не надо.

— Возьми у меня шапку-невидимку.

— Нет, мне век ей не надо, я никогда воровать не уцилсе мне ей не надо, а тебе, как надо, дак иди. Меня и так накорьмят, как я приду в село.

И так отказалсе и пошол вперёд. А калика не отступаетце, Обежал вперёд и опять ёму настрету. Но, он всё думат, што это уж третий калика. И заговорил:

— Здраствуй, салдатик, што тебе угодно за третью милостину; возьми любой из трёх предметов, а нет, дак хоть все бери, мне не охота тебя так отпустить, как ты мне отдал последние деньги.

— А я сказал, ничего не надо.

— Нет, возьми хоть што из трёх предметов: хоть сапоги-скороходы, хоть шапку невидимку, хоть кошелёк-самотряс.

Он отказываетце.

— Мне ницёго не надь.

— Как же ты отказываессе, возьми хоть какую вещ на вы́бор.

— Да не надо мне твоих вещей. Вот приду в село, меня накорьмят, напо́ят, а мне больше ницёго не надо. Я дватцеть пять лет служил и выслужил всего деветь рублей, и то отдал — и мне их не надо Вот мне што надь то бы, да ведь у тебя

нет, наверно, у калики перехожей, вот у меня табаку не стало, а село еще не знаю, далёко-ли, близко.

— Ну, на́, вот я тебе даю трубку самокурку, и всегда у тебя будет табаку довольнё, никогда покупать не надо будет.

И так роспростилсе он с каликой. Калика сказал ёму:

— Но, салдатик, хоть много ты горя примеш, но всё-таки ща́слив будеш.

И так розошлись. И вот когда пошол салдат вперёд, то па́ла такая сильняя погода, буран такой, и он сбилсе с пути, сам думает:

— Хоть бы выбратьце куда-нибудь в приют.

И вот смотрит по сне́гу следы свежие цёловечьи — цёловек шол босыма ногамы по сне́гу.

— Давай, пойду по этым следам.

И пошол. И эты следы довели его до кладбища. И видит из-за свежей могилы вышел покойник. Могила пустая. Он и думает:

— Дай-ко я залягу в эту могилу, пережду погоду, пускай покойник ходит.

Взял спустилсе в могилу и лежит. Вдруг приходит покойник, посмотрел на ёго и говорит:

— Зацем ты, салдат, забралсе в мою могилу, выходи.

— Нет, не́ выйду, пока погода не пройдёт, а ты вышел, дак топерь постой там.

И он ёго стал просить.

— Выйди, салдат, добром, а то смотри, хуже будет.

— Но, не боюсь я тебя, дватцеть пять лет прослужил, ницёго не боялсе, а тебя онного иш испугалсе.

Салдат лежит, да трубку посасывает.

— А хорошо мне здесь!

— Выйди, салдатик, выйди, мне времё пришло, ложитьце надь.

— А нет, не выйду, скажи, где ты ходил, потом я выйду.

— А скажу, только спусти ты меня.

— Нет, ты скажи снацяла, а потом я тебя спущу.

— Ну, што же, надь сказать, а то ты и совсем не спустиш меня. Вот я был вызван одним колдуном, и се́й ноци двух молодых вовсе заморил.

— Ах, дак ты этак ходиш, топерь и вовсе тебя не спущу. Вот скажеш, как их оживить, тогда спущу.

— Спусти, салдатик, скажу.

— Ну вот, скажи, тогда спущу.

— Ну, коли так, скажу: вот, когда я свалюсь в могилу, ты возьми, роспори мою грудь и достань мою жóлодь, и как этой жóлодью спрыснеш, тогда оне оживут. Топерь спусти меня.

— Ну, коли сказал, тогда спущу.

Вот мертвець только свалилсе, салдат роспорол ёму грудь и достал эту жóлодь, взял, налил себе в бутылодьку и пошол проць. Но, погода ище не уницьтожаетце. Отошол неподалеку, смотрит, едет барин с лакеем, блудúт, сбилсе с дороги. Подошол.

— Здраствуй, барин.

— Здраствуй, салдатик, здраствуй.

— Ну што, заблудилсе, барин?

— Да, салдатик, сбились с дороги.

— Ну давай, я буду править, сяду на кóзла.

И вот он правил, правил да к могилы и приехал, берёт этого покойника и говорит:

— Вот, барин, окорок!

Ну, салдата уж надь слушать, да ище запурúло, всё барину и не видать ничего. И вот оне поехали дальше. Ехали, ехали и приежжают в один дом, но попасть на двор никак не могут. Вот салдат скоцил черезь, отворил ворота, завёл кóней и говорит:

— Но, барин, пойдём в избу.

Барин боитце, не знает, куда завёз ёго салдат, но слушатьце надо. Вот оне зашли в дом, салдат и говорит:

— Но, хозяйка, давай нам йись.

А хозяйка и говорит:

— Да уж не знаю, што и дать вам, вот ище муж со сыновьями сецяс должны приехать, и их не знай цем корьмить (врёт, конецьно).

Топерь больше салдат ничего с ей не стал говорить, полез в пецьку, достал жареного гýся.

— Ну, барин, садись, што тут канителитьце!

Достал хлеба, съели они этого гу́ся.

— Ну, хозяйка, укажи, куда нам повалитьце спать, штобы мы хозяину не мешали и штобы хозяин нам не мешал.

И вот она отвела им комнату вторую и оне, конешно, кряду легли. Барин, промокши с дороги, устал и кряду же заснул. Ну, салдат не спит. И вот так лежал, лежал, слышит, приехали на двор, Значит, приехал хозяин. Ладно, пришол домой, она притаилась к нёму и говорит:

— Слушай, муж, у меня двое приехали, один богатой такой, а другой салдат хитрящий, гу́ся у меня из пецьки достал всё съели, а топерь повалились спать. Барин очень богатой, наверно, придётце их уницьтожить.

— Ну, ланно, пускай спят.

И вот сели за стол, стали розговаривать.

— Вот поедим, старшему сыну прикажем, пойди отруби им го́ловы.

И салдат сецяс розбудил своёго́ барина и приходит к хозяину:

— Здраствуй, хозяин, я хочу с тобой познакомитьце да выпить. Я дватцеть пять лет прослужил, много коё-чего могу тебе росказать.

— Ну, што-ж, садись. Хозяйка, принеси вина.

И барин сел, и лакей сел. Вот все сели за стол, а хозяин думает:

— Ну, што ж, напоим вином, с пьяным еще лехче.

И вот нанёс вина, нача́ли выпивать. Салдат выпил рюмоцьку, две, да стал остерегатьце, а хозяин уж подвыпил, да и сыновья пьяные Вот вышел сецяс салдат на двор и несёт окорок, которой оне привезли, и поло́жили ёго на стол.

— Вот, хозяин, будем закусывать, а ваша хозяйка пожалела нам гу́ся дать. Ну, к сожалению, я взял ёго, и сьели.

Вот и нали́ли всем по бокалу, выпили, ну салдат немного выпил. А сыновья до того уж напи́лись, што и на ногах стоять не могут. И хозяин сам стоит как чудо, думат:

— Вот так са́лдат, крепкой чорт!

А салдат стоит, всё поглядыват, и смотрит, висит на стены сабля́. Берёт эту саблю́, отрубил у хозяина голову и у всех сыновей. А барин сидит, в губа́х кро́ви нет.

— Вот, думает, попал я на беду с этим солдатом.

Осталась только одна хозяйка. Вот он заговорил:

— Ну, ста́ра ведьма, давай деньги, а то сеця́с убью, вы награбили много, у вас денег есь.

Она и говорит:

— Слушай, салдатик, сеця́с отдам, только не убивай.

Та, конешно, испугалась и повела ёго к деньгам. А салдат идёт и несёт саблю́ в руках и говорит:

— Ну, барин, иди и ты, лакей, тоже, берите денег, колько надо.

На́брал лакей денег, и барин на́брал корманы по́лны, а салдат не берёт.

— Берите, колько надо, а я на деньги не алчной.

Вот на́брали оне денег, салдат берёт саблю́ и отрубил у старухи голову; потом берёт керосину и поджог этот дом.

— Пускай это жилище сгорит, пога́но, штобы не грабили больше никого.

И вот запрегли, конешно, лошадь, уехали со двора на широ́ку дорогу. Барин поглядывать. Салдат видит, што барину охота хоть домой, а не смеет ничего барин сказать салдату. А салдат и гово ит:

— Ну, што, барин, куда твоя дорога, туда и поежжай, а я уж пойду своей дорогой.

— Спасибо, салдатик, што ты вывел нас и спас.

— Ну, вот, идите и не обижай своёго́ лакея, у нёго топерь денег есть; и тебе хватит.

Ну вот, роспростилсе он и в скором времени пришол в деревню. Пришол в деревню, конешно, и попросилсе в один дом переночевать. Ёго не пускают. Он и спрашивает:

— Почему вы не пускаете?

— А вот почему: што у нас все плачут, жалеют, один сын был, жонилсе и с перьвой ноци умер, какой то колдун ёго заморил. И вот потому не спускаем.

— Ну, спустите, дайте мне посмотреть молодых, может я хуже то не сделаю, чем могу — пособлю.

Ёго, конешно, спустили, накормили с дороги, потом он заговорил:

— Ну, дак што же, покажите мне молодых, может я их оживлю.

Те, конешно, очень обрадели, как он такое слово сказал; один сын у отця, жонилсе и с перьвой ноци умер. Вот ёго конешно, привели в особую комнату. Видит, што муж с жоной лежат обои мёртвые. Посмотрел он на них и вынул пузырёк с жолочью, котóра была вынута из покойника. Вынимает пузырёк, спрыснул этой жолоцью, оне оба скоцили. Отец-мать обрадели, стали салдата угощать, корьмить-поить и говорят:

— Ну, салдатик, спасибо тебе, што ты оживил у нас топерь сына с невёсткой. Живи у нас топерь до самой старости, штó тебе ходить!

— Ну, погодите, я посплю, а потом поговорим, я уже не спал несколько суток.

Так салдатик наш повалилсе спать. Проспал он челы сутки. Вот когда он стал, дак уж до того этого салдата угощают, што прямо на руках носят. Давáют ёму денег, одёжу хорошую.

— Ничего мне не надь, я много коё-чего видел и не брал, и с вас не возьму, цёловек дороже денег. А вот попадáю в свою деревню, так там кто-нибудь накорьмит.

— Возьми, салдатик, денег, чем тебе просить, так купить што на свои деньги!

— Нет, не надь, ничего не возьму.

Конешно, роспростилсе с хозяевами и пошол.

— Ну, салдатик, пойдёш в ту деревню, там колдун этот живёт, которой наших молодых убил, дак смотри, будь окуратнее.

— Ланно, ланно!

И вот он отправилсе. Конешно, пошол в эту деревню и как раз угадал, там свадьба заводитце. Вот он стал проситьце а ёму и говорят:

— Слушай, служивой, мы бы тебя спустили, да не знаем, как колдуну понравитце, и нам то будет и себя подведёш.

— Спустите, ничёго, я не вредной цёловек.

— А он ведь у нас такой колдун, спутает свадьбу. Вот пóиш и ёго — всё хорошо, а как услыхает какое слово, хоть от

других, сеця́с што-ни сделает. Вот недавно в той деревне загубил мужика молодого с жоной.

— Ну, ланно, спустите, ничего не будет худого.

Так, конешно, ёго спустили, и на второй день начинаетце свадьба. Все дожидают этого колдуна, боя́тце, што вот скоро приедет. И салдат тут ве́ртитце. Посадили и салдата этого за стол, хотя кни́зу. И вот когда этот пришол, все нача́ли кланятьце ёму, понимаеш, угощать вином, посадили за стол, штобы он только не росердилсе. По́дали салдату, конешно, уж как салдату, дак не рюмоцьку, а просто чашецьку поднесли. Он стал на́ ноги и говорит:

— А што вы, — говорит, — этого пойте, — говорит, — да чести́те, — говорит, — так угощаете? Так по моему, — говорит, — ёго и угощать не надо.

— Што ты, што ты, салдатик, ведь он у нас тут глава!

Вот этому колдуну, конешно, не понравилось. Он и говорит салдату:

— А поди сюда, хто ты такой есь?

— А я уж дватцеть пять лет отслужил, дак видел вашего брата, шпану такую, видал, как вас честят.

Приходит салдат, сеця́с наливает ёму рюмку вина и шопчет на эту рюмку:

— На́, салдатик, выпей от меня рюмку.

— А што, думаеш не выпью? Ничего мне не сдеетце.

— Ну, ну, не сдеетце, то и хорошо.

Он берёт эту рюмку, перекрестил крестом и сказал:

— Господи благослови, — и дунул.

Хоть бы што салдату. Потом салдат заговорил:

— А ну-ка, выпей от меня рюмоцьку!

Он берёт, налил этой жолчи с левой стороны от покойника и говорит:

— А ну, выпей от меня!

— А што мне на столе вина мало, што я от тебя буду пить?

— Дак я тебе и налил со стола, топерь и выпей от меня, ничёго тебе не будет, выпей-ко от меня.

Конешно он не пьёт. Потом ему говорят:

— Да што, выпей!

Величают ёго, конешно.

— Што ты — хуже салдата, ёму ничёго не сдеялось, и тебе ничего не будет.

Ну, он и выпил. Выпил и нача́ло ёго ломать, крутить по́ полу; орёт и ничего сделать не может. Салдат и говорит:

— Бейте ёго, такую собаку, штобы он не смел ходить колдовать сюда!

Ну, хто ёго бить, хто пина́ть, а уж он молитце:

— Салдатик, избавь, ради бога, уж я не буду топерь ни лечить, ни калечить и ничёго такого, токо избавь.

— Ах так, ты канатьце стал у меня, всё ровно бы тебе не претерпеть было, если бы я избавил. Ну ланно, коли бро́сиш это ремесло, то я избавлю тебя.

— Не буду, — кленётце!

— Ну, ладно!

Дал ёму выпить из правого от этой жолочи. Он и оправилсе.

— Ну, вот, смотри, брось это ремесло, а то жив не будеш!

Так он роспростилсе со всема́ и ушол. Салдата нача́ли благодарить, угощать, посадили за стол и стали просить ёго, штобы он у них денег взял и осталсе жить у них. Ну, он это всё отказывалсе.

— Нет, я жить не буду, я пошол до дому, а уж там видно будет. Может под старость приду, приберите́, и хорошо будет.

И так он пошол опеть впрёд. Идёт себе и приходит опеть в один город. И много он коё-где просилсе на квартеру, и нигде не пускают, и говорят ёму:

— Вот, салдатик, есть в городу́ токо одна квартера у исправника, там пускают, а больше никуда не пускают.

— Ну, што же, я и туда пойду, тем более, я уж к ним привык, могу и у нёго бысть на кварте́ры.

И вот он постучалсе, конешно, ёго спусти́ли на квартеру, напоили, накорьмили, и он так провёл ноць. На утро приходит этот самой исправник:

— Вот, салдатик, ты откуда идёш?

— Да с миколаеськой службы, ваше благородие, попадаю домой топерича.

— Так вот, салдатик, знаеш што? Переночуй у меня в одной комнаты. У меня есть доць больня́, и не знаю, што с ней такое, и очень она через эту болезь, беспокоитце. И вот я за то и пускаю на квартеру, што может хто узнает ейну болезь. Вот переночуй в этой комнаты. А я за это заплачу, конешно.

Спрашивает ёго этот салдатик:

— Слушай, господин исправник, у вас же раньше ночевали в этой комнаты? Чем она беспокоитце, ваша дочка?

— Ну, не знаю, токо она очень беспокоитце ночами.

— Ну ланно, дай мне водки и карты, я согласен ночевать. И потом поло́ж воды кипечо́ной в котёл в эту комнату, где она лежит.

Вот он, конешно, исправник, всё сделал, и он согласилсе итти на эту ноч ночевать, где она лежала. И вот, конешно, он повалилсе, но не спит, а по рюмоцьки выпивает, да в карты розбираетце, там орешки пощолкиват, так проводит времё до полно́ци. Вдруг прибегает пять цертёнков. И хочут ей беспокоить, как раньше. И увидали солдата: сидит, выпивает.

— Салдатик, што ты, зацем сюда пришол?

— Как зацем, да мне здесь рай, а вам топерь му́ка. И я здесь буду жить. Вы думаете, как и раньше будете муцить исправника доцерь? Нет, погодите!

— А што, салдатик, пойди проць, нам приходитце ей домуцить до конця, штобы она умерла.

— Нет, я отсюда никуда не пойду. Чем мне здесь плохо, вином по́ят, в карты играю. Нет, буду здесь жить до сме́рти, никуда не пойду.

— Ну, как салдатик, в карты играеш, а с нами будеш играть?

— Давай!

— А как будем играть?

— Да в щолкуны́, конешно. Если вы обыграете, то мне давайте, а если я вас, то я вам.

На это оне согласились. Конешно, чертята промеж собой говорят:

— Неужто мы салдата не обыграем?

Конешно, оне ёго совсем обыграли. Он и говорит:

— Ну ланно, давайте, я вам поставлю широкий лоб, щолкайте.

А у нёго стоял котёл с кипечоной водой, нагрётой. И приводит он ёго к котлу и говорит:

— Ну, вот, ударь щолкуно́м в лоб, а потом опускай руку, а потом следующего буду вести сюда.

И первый чертёнок как ударил в котёл щолкуно́м, так ёму удар назад отскоцил.

— Ну, крепкой же у салдата лоб!

— Ну, купай топерь сюда руку в котёл.

И чертёнок, как спустил пальци, ошпарил, затряс руку, побежал и не сказал своим братьям. И так он их всех проводил. И всю ноць эта доць исправно провела, спокойно, спала даже не пошевелилась с места.

Вот на утри уже знает по обы́цяю по прежнему исправник: хто бы у нёго этта ноч не спал, всегда был мёртвой. Вот говорит исправник своёму́ сторожу:

— Поди, вынеси евонно костьё, всё ровно ёго нет живого.

И вот, конешно, этот идёт сторож, творит молитву. Он ёму отвецяет:

— Аминь.

Сидит себе, попивает вотоцьку и орешки пощолкивает. Сторож очень испугалсе и побежал к исправнику.

— Не знаю, хто там есть живой, дочь твоя или салдат, ну хто то ответил — „аминь".

И вдруг исправник роспо́лохалсе и говорит:

— Давай пойдём, посмотрим, неужели салдат живой.

Вот открывают дверь, салдат сидит себе, выпивает воточку да конченное дело. Когда он пришол, увидал салдата и говорит:

— Ну што, салдатик, видел ли кого в эту ноць здесь?

— Ну конешно, видел, я хороших гостей здесь видел.

— Так што, салдат, согласен здесь на вторую ноць поноцевать?

— Я хоть век здесь проживу, только вотоцьки мне носи, а я сколько хочеш ночевать здесь буду. До ти́х пор не пойду, пока не испытаю их, гостей, для чего они сюда забираютце.

Исправник удивилсе:

— Што за цёловек? Дак сколько тебе, салдатик, воточки надо?

— А четверётку то принеси!

Вот исправник приносит ёму водки, закуски и всего, штобы ёму было проводить веселее времё.

— Ну, и как, салдатик, будеш ночевать ещё?

— Конешно, буду.

Он очень обрадел, этот исправник, и он осталсе на вторую ноць. И вот как полно́ць приходит, вдруг прибегают эты пять чертят.

— Ты, сал́дат, всé здесь ещё?

— Здесь. Я отсюда век не уйду!

— Нет, салдатик, поди проць.

— Нет, довольно вы поделали. Хочеш, поиграем в карты, а не хочеш, как хош.

И опеть согласились.

— Всё ровно, салдата обдурим.

И засели в карты. И вот таким же путём опеть сели в карты играть. Ну, уж черти, так черти, известно, начинают опеть салдата обыгрывать. Он поочерёдно начинает водить их к этому котлу. Вот приводит, перьвому как ударит, он потряс рукой и опеть убежал. И так второго, третьего, четвёртого и пятого. И так все убежали. А эта девушка не вставала, пока ёго беспокоили, она была мёртвая. И так он до утра́ проводил времё и думает:

— Вот жизнь то мне какая, вином по́ят, житьё хоро́ше, только жить мне-ка здесь. Сто лет проживу, всё ровно не выйду, а чертей выживу.

И вот на утри опеть в восемь цясов посылает исправник этого сторожа.

— Вот поди, сходи, ещё ли жив салдат, или замучили ёго черти, или поела моя доч. Сходи сторож, посмотри.

И вот сторож приходит, открывает дверь, а салдат сидит за столом, попивает водку. Когда увидал сторож салдата и пошол объевил исправнику. И вдруг приходит исправник и говорит:

— Ну, салдатик, видел ли ты кого во вторую ноць?

— А кого я видел? Никого не видел.

— Ище ли будеш здесь ноцевать?

— Буду хоть сто лет жить, и до тих пор отсюда не выйду, покуда не выздоровеет твоя доць; только запаси мне-ка водки, да закуски.

— Ну хорошо, салдатик, живи, тебе будет всё готово.

Исправник очень обрадел, што салдат будет тут ище оставатьце и доць ёго не станет пожирать людей. Всё ёму приготовил, и салдат осталсе на третью ноць. Так он пробыл до полно́ци, и вдруг прибегает пять цертёнков. Приходят эти цертёнки и говорят:

— Слушай, салдат, ты ище всё здесь?

— Здесь.

— Дак ты нам всё дело испортил, мы бы эты три ноци проходили и совершили всё своё дело.

— Нет. Я отсюда не уйду и буду жить хоть ище сто лет. А вот жалаете, друзья, буде вы мышонками оввёрнитесь, да в мой ранець заберите́сь, тогда я отсюда хоть сецяс уйду. (Он их облопо́шит).

И вот оне между собой говорят:

— Да неужоли мы салдата не ухи́трим?

А он ранець росстегнул и ждёт, когда оне мышонками оввёрнутце.

И вдруг оне сецяс мышонками оввёрнулись и бегают по по́лу.

— Ну, ползите, ползите сюда.

Оне один за однем зашли в ранець, и как только последний забежал, он крепко по салдацьки задёрнул ранець и стал своё дело делать.

— Ну уж топерь то вы у меня скоро не выберетесь.

Сецяс вытащил из гроба этого покойника, исправника доцерь, взял, достал жо́лоць и дал с правой стороны от этого

покойника, которой очелял людей. И она встала и пришла в нормальноё состояньё. Он посадил ей за стол и сказал:

— У мня этта есть закусить кое-чего, а утром сторож нас выпустит.

И она села с им за стол, стала закусывать и ёму наливать, а он стал по маленькой выпивать, и стали проводить времё.

И вот в скором будущем приходит сторож в восемь часов и открывает дверь. И только увидал, што этот салдатик сидит, розговаривает с исправниковой доцерью, до цего он испугалсе! И сразу побежал к исправнику. И вот сецяс же прибежал исправник, смотрит, сидит доць за столом, розговаривает с салдатом. Сама смеётце и здоровая вся, как и раньше была. А салдат сидит, по маленькой рюмоцьки выпивает.

Вот когда пришол и говорит:

— Ну топерь вижу, што ты спас мою доцерь.

— Да, папа, я топерь уж совсем здорова, и этот салдатик спас меня от невинной смерти.

Тогда он сказал:

— Но, салдатик, пойдём ко мне, я тебя буду угощать и все тебе предложенья делать, каки только пожалаеш сам.

Салдатик стаёт и берёт свой ранець. Он и говорит:

— На што́ ты, салдатик, ранець берёш?

— А как же мне ёго не взять? Я дватцеть пять лет служил, никуда без ранця не ходил, да как же топерь пойду. У меня ище там подарки ку́плены невёсткам, дак неужели я их оставлю — и не подарить своих невёсток, а у меня их есть три.

Взял салдат ранець, и оне пошли.

И вот он ёго, конешно, корьмит и по́ит, и спрашивает:

— Чего ты, салдатик, жалаеш, в награду? Хош — бери мою дочерь замуж, как ты ей спас от смерти.

А он отвецяет:

— Слушай, исправник, мне ницего не надо, я уж матёрой, а она моло́дая, пусть она так живёт или выйдет за кого замуж — мне ницють будет этого не обидно.

Ну, и вот он говорит тогда:

— Ну дак што, салдатик, живи у нас до самой смерти, пей, еш, што хош.

Он и говорит:

— Ланно, я у вас поживу день-два, а потом мне всё-таки надо подарки невёсткам снести. Уж потом буде перед смертью приду, дак тогда меня приберите.

— Приходи, приходи, уж как не жалаш жить топерь, дак потом приходи, да возьми денег себе на пропитаньё, сколько надо.

— Нет, куда мне с деньгами! Ну, уж разве возьму привальнё дома братьям справить, да неделю дома пожить, а ведь я всё ровно скоро к вам приду. Чуствую, што скоро мне и смерть придёт. А твоя голубка доць пускай замуж выходит за кого она жалат, пускай живёт, да меня, миколаеського салдата, споминат.

И вот так взял он у исправника двести рублей и пошол домой. Вот идёт он себе путём-дорогою. Смотрит, на дороге стоит кузниця.

— Дай-ко, — думает, — зайду в кузницю, што-то ранець стало тяжело нести. Надо ёго поуцить, штобы легце было нести (а он уж знат, как уцить свой ранець).

Да. И заходит в кузницю и говорит кузнецю:

— Слушай-ко, кузнець, как у меня што-то ранець стал за плецями худо держатьце, тяжело нести ёго стало. Пособите-ко мне ёго направить, покуйте-ко ёго двумя молота́ми. А за это заплачу вам сто рублей.

Те, конешно, засмеялись.

— Ланно, салдатик, поло́ж ёго на накова́льню, да и дёржи а мы ёго будем ковать.

Вот он склал ёго на наковальню, а оне с двух сторон стали по этому ранцю молота́ми, раз по десять що́лкнули. Он и говорит:

— Но топерь довольнё, я топерь ранця поуцил.

И вышел из кузници. Те засмеялись:

— И глупой же миколаеськой салдат, по десеть раз що́лнули — сто рублей дал. Эдак бы можно деньги заробатывать, как бы почаще ходили.

Да. И вот он идёт. Приходит в свою деревню. И встретил он онного знакомого своёго́ соседа.

— Ой, старицёк, дак ты топерь из салдатов попадаеш?

— Попадаю домой. На-ко, возьми мою сумку, неси домой, а я привороцю в кабак, братьям привальнё хоцю купить. Там у меня в сумки-то невёсткам подарки, пусь только без меня то не открывают! (Разве оне утерпят?)

И вот, знацит, он принёс сумоцьку, сусед, и говорит братьям да невёсткам:

— Ваш то брат, ведь из салдат домой идёт, вот послал сумоцьку со мной, а сам зашол в кабак за привальним. А в сумоцьки, — говорит, — невёсткам по подарку принёс. Только до самого́ не велел открывать.

Разве оне утерпятце! Только принёс он, поло́жил сумку, оне меж собой и говорят:

— Невёски, надо посмотреть, што за подарки нам принёс салдат.

Занесли в зау́лок (у нас зау́лки за печами есть) и вот начинают открывать. Как только розвезали, роздёрнули этот ранець, церти выпрыгнули оттуль, да прямо в потолок. Одна дырка только в потолки осталась. И вот приходит салдат. Невёстки говорят:

— Но, братець, обновки то ты нам принёс, а мы хотели поглядеть, мешок розвязали, да оне вы́фурнули и черезь потолок вылетели на улицю.

— Но, уж упустили, дак сами виноваты, мне топерь больше негде взять их!

Братья обрадели. Сели за стол и нацяли выпивать, да салдата росспрашивать.

— Но, как, братець, путешествовал?

Он, конецьно, росказал свою службу, и как он путешествовал домой, и как купил у одного исправника невёсткам по обновки. Потом, как он их нёс домой, но уж топерь упустили, да што делать, назад не воро́тиш, а были ченны, хороши обновки. Топерь он и говорит братьям:

— Што же вы всё живёте без меня уж тритцеть лет, всё в отцёвськом старье, не могли сроботать нового дома?

— Што же, братець, сам знаешь, всё не могли справитьце, нажить на́ дом.

— Эх, братья, плохо! Погодите, я уж вам помогу, хоть сам строить не буду, но на до́м денег дам. Сеця́с их у меня нет при себе, но достану. И были денжонки-то, да израсходовал. Давали мне и много, но я не брал, как век не люблю носить их с собой.

И вот так он прожил у их месець времени и захворал и говорит брату среднему:

— Но-ко, брат, запряги лошадь, да отвези меня к этому исправнику, я наверно уже скоро умру. Ну, всё-таки и там тебе денег на дом дам. Возьму у этого исправника.

Да. Конешно, брат собра́лся и повёз ёго. Нанял лошадь, своей-то верно не было. И вот в скором времени приехали к исправнику. Исправник выбежал и стречает ёго:

— Здраствуй, салдатик, што с тобой?

— Да што, незамо́г.

— Но, незамо́г, дак иди в избу.

Привели ёго в избу, и спрашивает исправник:

— Но што, салдатик, лецитьце будеш, али умирать станеш?

— Да нет, мне никакого враця не надо, я уж по́жил, и топерь пора умирать.

— Ну, смотри, а то можно послать за дохтуром.

— А нет, не жалаю лецитьце, а ты лучче, господин исправник, дай моёму́ брату тыщу рублей. Пусть идёт стоить себе избу, как оне там живут бе́дно. Я уж топерь не могу тебе эты деньги отдать, скоро умру, а буде есь за што, ты сам знаеш, дак дай эты деньги.

Исправник даже не переменил слова, даёт полторы тышеци.

— Ты мне уж давно заплатил не только што эты полторы тышеци, а сколько бы тебе не потребовалось.

Только деньги брат тот полуцил, полторы тышеци, и поехал домой, обрадел.

Вот салдат всё хворал, и хворал и сильнё уж стал бо́лен. Потом и говорит исправнику:

— Вот, друг, я тебе што скажу, уж исполни ты мою просьбу: поло́ж при смерти мне с собой больших два листа бумаги и карандаш, и поло́ж ище эту трубоцьку, всё это полож мне в гроб, когда я помру,

И так не в до́лгих салдат помер. Всё исправник сделал, как салдат приказал. После этого ёго похоронили. Вот салдат уже прибыл на тот свет. И как раньше было, всё шли, хто в рай, хто в ад. Грешники шли в му́ку, а праведники — те в рай. Но, а он, как грешил на свети, да служил, да ходил, ну и попал в му́ку. Когда он попал в му́ку, а черти ты там и бегают, увидали ёго:

— Смотри, смотри, салдат то здесь уж попал.

Салдат с има́ ницёго не говорит. Берёт бумагу, карандаш, садитце и начинает цертить монастыри. Церти видят — плохо дело!

— Што он нас там-то выживал, да ведь и отцель выживет, как монастырей этта настроит.*)

И так их он стеснил, что уж оне столпились в один угол и стали бога просить:

— Господи, што ты нам кого послал, ведь он нас выживет совсем, и нам не́где будет грешников муцить.

А он им и говорит на ответ:

— Слушайте, он цёловек военной, прослужил дватцеть пять лет и все порядки военны знает. Посмотрите, когда он задремлет, не всегда ведь он не спит. И вот каравульте ёго. Когда он задремлет, вы забейте за воро́тами в барабан, и он выбежит, подумает, што на старой службы, выбежит, а вы закройте воро́та.

И церти с тех пор стали следить салдата, когда он задремлет. И вот всё смотрят и смотрят. Салдат раз пишет и дремлет. Оне как забили в барабан, салдат глаза скинет, и бежать за воро́та. А в это времё цертята закрыли воро́та. Он и заговорил.

— Господи, дак мне уж и в аду-то места нету? Уж не попал я в рай, дак мне уж и в аду то места нету.

Ему и говорит господи:

---

* (Это-то тут и приврано уж отцясти немного есть!). (*Прим. Коргуева*).

— Ну, салдат, уж как тебя черти выгнали, дак я поделать ницёго не могу, а уж как ты нагрешил на свети, дак я тебе даю задацю: носи три года смерть за плецями, а потом уж и в рай.

И вот приводит к ёму смерть. А смерть ведь раньше страшная была, знаеш, с коса́мы там, с топорамы, с пи́льями и слишком была тяжо́ла. Салдат только с вёрсту ей мог оттащить и сел на кустышо́к, вытягает свою трубочку. Начинает курить. А смерть поглядыват из-за спины:

— Салдатик, ты што делаш?

— Што делаю — курю, неужели всё ходить с тобой и не покурить?

— Салдатик, а дай мне покурить, тоже ведь хочетце.

— Да, дам я тебе! Я тебя ношу, да ище давать тебе курить, должна ты меня угощать, а ты сама просиш.

— Дак ведь хочетце, салдат.

— Хочетце! Дак буде мухой оввернёссе, да в мою трубоцьку заберёссе, потом кури сколько хош.

Ну, как делать этой самой смерти? Она взяла овве́рнулась мухой и забра́лась в эту трубоцьку. Салдат взял, запецятал концы, трубоцьку сунул в карман, да и ходит слободной три года. И вот отходил три года, потом выпустил смерть и спрашиват:

— Ну, как, накурилась теперь?

— Накурилась, салдат, до-не́хотя. Но, теперь, салдатик сходи, спроси бога, што мне делать, уж раз ты относил свой строк.

Он пошол и спросил.

— Господи, што прикажеш теперь смерти делать, три года я ей относил.

— Пусь теперица она людей мори́т. На этот год пусть умертвлят стариков и старух старого возраста.

Вот он приходит к смерти и говорит:

— Поди, воро́цяй стары пе́нья этот год, та́к тебе бог приказал.

Вот она воро́цяла челой год стары пе́нья и коре́нья, и сделалась худая, хоть была и толста раньше. Потом, год прошол, салдату и говорит:

— Но-ко, сходи, спроси, што мне топерь делать?

Салдат пошол и говорит:

— Но, што второй год ей делать, смерть приказывала спросить?

— А скажи ей так: пусть она среднего возраста людей год морит.

Салдату стало жалко.

— Но, уж коли я стариков пожалел, дак пусть она ещё год лéсу дáвит.

Пришол и сказал:

— Вот тебе топерь год челой надо средний лес валúть и морúть.

И вот она челой год простаралась и ище хуже стала. Потом и спрашивает:

— Ище сходи спроси, салдатик, ище ли мне год мучитьце?

Салдат пошол, спросил, а бог ёму и говорит:

— Пускай ище этот год она морит млаччий самой возраст — от пяти лет и так до младенéй до сáмых.

Салдату жалко стало:

— Ведь она зá год погубит очень много их.

Вот он пришол и сказал:

— Топерь бог ище велел челой год мелкой вичáжник, кусты корчуй, да обирай.

И вот когда она проработала ище год, сделалась совсем худая. И салдату больше не поверила, пошла сама.

— Господи, почему ты так меня измуцил? Я целых три года старалась, валила лес, пéнья-корéнья корцевала, мелкой вицáжник убирала.

— Нет, я салдату не так говорил. Я велел на перьвой год морить стариков да старух; на второй год — среднего возрасту, а на третий — млаччий возраст, малышей; он тебе всё не так передал. Ну топерь ты сама што хош делай с салдатом.

И вот смерть, конешно, надумалась кряду. Срубила толстоё дерево, обтесала ёго и корыто колупáет, да крышку приделывает, штобы салдата похоронить. Салдат и спрашивает:

— Што ты, смерть, делаеш?

— Да вот пробую тебе гроб сделать, салдатик. И вот сделаю, потом применись.

— Ну ланно, готовь, готовь, потом я применятьце буду. Только ты не по мне роботаш-то, не влезу я, как вижу.

Вот когда сготовила и говорит:

— Повались-ко, салдатик, примерь, ладно-ли?

А уж сама крышку дёржит наготове, и обруць железной, только надёрнуть.

Салдат и повалилсе. Ноги по́днял и руки кверьху, и лежит.

— Нет, салдатик, ты не так, ты ноги протени, руки на груди сло́ж, рот зажми, глаза запри, — уцит ёго.

— Да я не умею, хоть бы ты легла сама, показала мне.

Смерть залезла в гроб. Ноги в куцую зажала, руки накрест на грудь сло́жила, глаза закрыла и лежит. А салдат крышку закрыл, обруць жолезной надёрнул и говорит:

— Но, лежи топерь, пусь люди своей смертью умирают. Ты делала для меня, а попала сама, но и умирай, а я умру с лавоцьки. Как люди умирать будут, так и я умру.

И после того салдат немного по́жил и умер с лавоцьки. Его похоронили и он в рай попал.

На том и концилось путешествие салдата миколаевського.

52. САЛДАТ СИМКИН

Шол салдат со службы. Служил он дватцеть петь лет. И вот он идёт и идёт, домой попада́т. А на службы он был скрыпацём и вы́служил за дватцеть пять лет скрыпку. И вот он шол, все по сёлам, из села в село, и ёго всё кормили. А тут как-то был большой перегон из села в село, и он изголодал. Ищё не знает, далеко ли село. Сел под кустышок:

— А дай, думат, сыграю. Как бывало музыка заиграет, дак идёш, ног под собой не слышиш и никакого голоду не испытываш.

Вот он поиграл, ёму много легче стало. Хочет только итти, как выбегает из-за куста цертёнок.

— Салдат Симкин, сыграй пожалоста, ты очень хорошо играш.

— Иди ты, чорт, я и так голо́дной, а ты играть заставляеш.

— Да сыграй, Симкин! Я тебе заплацю́. Мне очень понравилось.

— Ну уж, как заплати́ш, дак сыграю. У меня оннако денёг нет.

Вот и заиграл. Поиграл немного и конци́л. Потом цорт заговорил:

— А знаеш, Симкин, продай мне эту скрыпку, сколько возьмёш?

— Да што ты, дурак, окаянна сила! Я дватцеть петь лет прослужил и выслужил только онну скрыпку, а цем я буду забавитьце? Нет, не продам!

— Слушай, Симкин, продай, я тебя попо́м поставлю, только продай. Хоть ты и малограмотной, а будёш служить.

Солдат подумал:

— Ну, ланно, окаянна сила, коли так, дак продам я тебе скрыпку.

Вот он ёму, конешно, про́дал скрыпку. Потом приходит в село, попил там, поел и живет, отдыхает. А у их в этом приходе нету попа. А раньше как кресьяна, или миря́на собирались в земську.

— Давай, робята, надо выбирать попа.

А цёрт тоже под видом крестьянина пришол. И говорит:

— Надо выбрать, миря́на, этого салдата. Он дватцеть петь лет служил: грамотной хорошо, и будет у нас попом. Он не даром ведь миколаеськой салдат.

Вот оне все согласились. По́звали ёго на сход и наняли за триста рублей в год. А кроме того, он будет получать доходы за крестины там, за молебны, за похороны, как все это было, однем словом, раньше. Вот ёго на́няли, отвели квартеру. И нача́л Симкин служить священником. И прослужил он восемь месецёв священником. Потом, в воскресеньё, нацинает Симкин служить обенню. Приходит чорт.

— Слушай, Симкин, направь мне скрыпку, што-то сломалась.

— Да иди ты к чорту, кака́ тебе тут скрыпка, как мне надь сецяс обенню служить.

— Да нет, направь, а то всё ровно тебя откажут.

Ну, он, конечно, не мог отказатьце. Как достойну́ стали петь, а попу в то времё перерыв бывает, он взял в то времё скрыпку и направил. Вот, когда направил, чорт ёму и говорит:

— Ну, сыграй топерь.

— Да погоди ты, окаянна сила, вот обення отойдёт, тогда и сыграю, а сецяс, как я буду играть, как служба идёт.

— Сыграй!

— Да ведь меня тогда откажут.

— Ну, сыграй, откажут, и не сыграеш — все ровно откажут, а раз направил, дак сыграй!

Вот тогда поп и заиграл. Тогда заговорили, конецьно, миря́на:

— Надо ёго отказать, такого нам попа не надо, которой на скрыпке за обедней играт.

И вот ёго отказали. Ну, што делать? Бы́ло у ёго немножко деньжо́нок со́брано, которо заслужил, и пошол.

— Может в другой какой приход не возьмут ли?

Вот идёт, идёт и идёт по дороги, и в такой лес зашол, и заругалсе:

— Вот ты, окаянна сила, ведь был я попом, а заставил ты меня топерь бродить здесь по́ лесу, не знай, когда попаду и на место.

Вот вдруг евляетце к ёму чорт:

— Кого ты ругаш, Симкин?

— Да тебя, окаянна сила, нѐ дал мне служить попом, дак я и путайсе здесь.

— Не печалуйсе, Симкин, вот придёш в этот город, близко тут, я тебя архиреём поставлю. Топерь будеш жить не в деревни, а в городи.

И вот оны приходят в город. И как раз нацинаетце у попов собраньё, кого выбрать архиреём.

И пришол Симкин на это собраньё. Ну, как он старой поп и благоцинной, дак ёго и выбрали архиреём. А уж цёрт тут помогал этому делу немало.

Ну вот, поступил он архиреём вёсной, и прослужил он лето и зиму, до великого поста. Ну, а в великой пост, знаш ведь, раньше, собирались говеть (бывал ведь раньше и сам, наверно?) Ну вот, в это времё собирались старушки сдавать грехи, попы у их примали грехи. А потом, когда пошло начальство — купцы, енералы и ихны доцеря́ и сыновья, и вообще всяки уцёные люди, надо было уж самому архирею ихны грехи примать. Вот так он нача́л примать грехи. Снацяла у разного мелкого нацяльсва, потом у купецеских доцерей, потом у ене-

ральских доцерей и уж потом у губернатарских доцерей. Вот пришла раз губернатарська доць.

— Сказывай грехи, — говорит архирей.

Она нацинат только говорить свои грехи, приходит в это време цёрт и говорит:

— Симкин, знаеш што? — Сделай с ней грех. Сделаеш грех — откажут, и не сделаеш — откажут. Она тебе поддаетце. Ты скажи, што без этото тебя бог не простит.

— Да што ты, окаянна сила, ведь если она кому-нибудь скажет, дак меня убьют.

— Не убьют. Если тебя арестуют и повёдут на виселицю ли куда казнить, я в это време таку́ бурю сделаю, што у всех палацей песком глаза засыплёт, и ты убежиш. Ницёго не бойсе, а грех с ей сделай (сказано — цёрт си́лен, копнёт и в си́нем).

Топерь так. Этот ушол. Симкин подошол к ней и говорит:

— Вот што, дорогая, тебе надо со мной согласитьце, ина́це тебя бог не простит.

Она снацяла так и эдак, отказываетце, а тот всё своё твердит.

— Согласись, а то я тебя и ка́ить не буду.

Потом што ей делать? Он, конешно, ей использовал и больше ка́ить не стал. Она пошла домой.

Вот после этого она забере́менела. Черезь шесь месяцёв отець, мать заметили и стали спрашивать:

— Скажи, от кого это ты забеременела, ведь ты никуда не ходила, ни с кем не вида́лась, и никого ты цюжих не видала, и даже совсем мусьского духу не знала?

Ну, ей што делать? Наконець, пришлось сказать. Вот она и говорит:

— Вот што, батюшко и матушка, когда я была на покаяньи, тогда архирей меня приневолил это с им сделать.

— Ах, так! — говорит отець.

Сразу пошол, доло́жил цярю, и кря́ду черезь сутки, назнацили виселицю. Вот арестовали Симкина. Сидит он и думает:

— А, нециста сила, вёл, вёл, да в петлю и сунул.

А он под окном и говорит:

— Ницёго, Симкин, выведём, ты опеть меня ведь ругаеш?

— Конечно, тебя, окаянна сила, кого же больше?

— Вот как тебя повёдут, ты смотри, посыплетце песок, и у всех глаза засыплёт, но у тебя не засыплёт. Ты и смотри, как оне будут росчищать глаза и тебя отпустят, ты в эту пору бежи́, и убежиш.

И вот так кряду же, на другой день, ёго повели на виселицю. И вот такая па́ла вьюга. Ну, у ёго глаза не мути́т.

— Ланно, видно дело будет, — думает Симкин.

И вот остоялась вся публика. И тут нача́ли кашлять и глаза процищать. И отпустили Симкина. Он видит, што слободен, и давай бежать. Когда оне схватились, то у Симкина след простыл, и неизвесно, куда он убежал. Все следы замёло, и не знает нихто, куда и убежал. Так, конешно, дело это успокоилось, а Симкин бежал, бежал и в такую чащу забежал, што и пропехатьце не может. И заругалсе:

— Вот, окаянна сила, куда завёл. Отсюда и не выбратьце будет, придетце погибать.

И вот опять услыхал:

— Кого ты ругаш, Симкин?

— Да кого? Тебя, окаянна сила, куда я топерь зашол — и сам не знаю.

— Но, не пецялуйсе, сецяс вы́йдём.

Пошли. Цёрт наперёд. Симкин сзади. Пришли в город. Вот и говорит чорт Симкину:

— Я топерь пойду онну купеческу доць му́цить, а ты займи номер в гостиници и прибей вывеску: „Здесь живёт дохтур". Тебя позовут к этой больнёй, и ты ей вылециш. Никаки́ дохтура́, кроме тебя, ей не вылецят. Но только ты не бери ей замуж после этого, хоть она и станет за тебя даватьце.

Пришли в город. Симкин нанял номер, купил себе оцьки и стал жить как дохтур. А уж пошо́л слух, што у купця доць больня́. И вот сколько дохтуро́в ни приглашали, никак ей вылецить нихто не можот. И даже не узнали, кака́ болезь. Топерь вот говорят:

— Есть на такой-то улице в номерах такой дохтур, можот быть ёго позвать?

Сеця́с, конецьно, призывают этого дохтура. Приходит вецёром этот дохтур. Только по лестници идёт, а чорт и спрашивает:

— Хто идёт?

— Симкин идёт.

— А, ну, иди, иди.

Так по три дня Симкин приходил и совсем вылецил эту купецеську доцерь. Потом, когда она совершенно выздоровела и пришла в чуство, этот купець призывает дохтура:

— Но, господин дохтур, што тебе вознагражденья за это надо?

— Я уж не знаю, вы самы должны́ знать, што надо за поправку своей доцери заплатить дохтуру.

Ну, тогда он предло́жил:

— Ну, што — я тебе даю сто тышець, довольнё будёт?

— Ланно, довольнё и этого.

Взял деньги, пошол к себе в номер, купил вина, и сидит и споминает:

— Нейдет ко мне окаянна сила.

А он и приходит:

— Кого ты ругаш, Симкин?

— Да кого-же, што не тебя, цёго ты ко мне не ходиш?

— Но вот, я к тебе и пришел. Много ли взял с купця денег?

— Сто тышець.

— Мало, дурак, взял.

— Ладно, довольнё.

— Но, довольнё, дак довольнё.

— Садись, давай выпьём.

— Давай, выпьём.

Ну вот и ся́ли и выпили.

— Знаеш,— говорит чорт,— я таким же манером пойду енеральску доць муцить. Ты опять же приходи лецить, а хоцёш, когда вылециш, бери ей замуж, она за тебя пойдёт. Потом я пойду цярьску доцерь муцить, но ты уж лецить не приходи

а то, смотри, тебе худо будёт. Я тогда с тобой розгрешусь и могу тебя убить, если придёш. Как вылециш енеральску доцерь, дак кряду же стирай дохтурску вывеску, больше минуты не дёржи, штобы тебя не знали, штобы цярь не позвал.

Ну вот цёрт ушол. На второй день заболела енеральска доць. Ну, там по́звали одного, другого дохтура, пользи нет. И спомнили, што есть тот дохтур, которой вылецил купецеську доцерь. Сецяс позва́ли ёго к этой енеральской до́цери. Он идёт. Цёрт спрашивает:

— Хто там?

— Я, Симкин.

Цёрт говорит:

— Ладно, я уйду.

И вот он приходит к ей, приводит в чувство, и так прово́дит три дня. И она вы́здоровела. Енерал очень обрадел этому слуця́ю и говорит дохтуру:

— Ну, если хоцёш, бери мою доць замуж, коли ты спас ей, а то́ бы она была погибшая, я против не буду.

Симкин подумал:

— Нет, надо узнать, што у ёго будёт с цярьской дочерью — и говорит:

— Нет, я жонитьце не буду.

— Ну дак тогда бери денёг, сколько тебе надо.

Симкин подумал и сказал:

— Я не знаю, господин енерал, сами, наверно, мо́жете ущытать мою работу.

Енерал и говорит:

— Дак што же, петьсот тышець довольнё будет?

— Хорошо, довольнё, — и сам подумал: — Денёг много, можно пожить на эты деньги. Я ище нигде столько не полуцял.

Топерь он полуцил деньги и зашол в трахтир. Пьёт день, и другой, и третий. А чорт во всю там своё дело делат. Всех дохтуров пе́резвали к цярьской доцери, всё ницем не помогает. А Симкин пьёт, и вывески своей с квартеры не о́торвал. И узнали, што есть такой дохтур. Несколько раз ходили, и всё

не могли ёго на квартеры найти. Потом нашли в трахтири пьяного и велели итти обязательнё к цярю. Симкин сказал:

— Черезь два цяса буду.

Вот пришол домой и думает:

— Што топерь будет, я ведь не о́торвал вывески, и топерь итти надо, а то от чаря будут тоже наказанье. Ну, ланно, пойду, всё ровно.

Приходит к цярю. Подымаецьце по лесници и идёт к ейной спальни. Снял сапоги и идёт в цюлках, штобы цёрт не слышал.

Вот идёт, а уж чорт как раз услышал.

— Хто там?

Он тихонько и говорит:

— Я.

— А зачем ты идёш, как я тебе не велел; со́рвал вывеску?

— Нет.

— Дак зачем пришол?

— Да скуцьно мне стало, хотя бы в картишки с тобой сыграть.

— Ну, ланно, иди.

А он, когда пришол в цярьство, сказал:

— Вы приготовьте мне стеновы́е тиски́, — и это бы́ло сделано.

— Ну дак в цём же дело, давай играть в карты.

— А как будём играть?

— Как? Да в щолкуны.

— А ты, если больнё будеш меня щолкать, ведь у тебя, окаянна сила, руки-ты, што гири хороши.

— Нет, я буду лёгонько тебя бить. Ну, а как ты у меня выиграеш, дак как будёш бить?

— Ну, у меня ведь сила-та не твоя, сам знаеш.

— Ну, ладно, давай играть.

Сыграли. Выиграл чорт. А цяревна спит в это време спокойно. Щолкону́л салдата, хоть и не шибко, а тому всё-таки больнё. Сыграли второй раз, а разве чорта обыграш? Вот Симкин и говорит:

— Но-ко, стасу́й, нециста сила, хоть раз!

Вот он тасует, а ведь у цёрта нохти длинны, тасует и нохтями карты-ты рвёт. Симкин и говорит:

— Виш, нечиста сила, сам не ра́цит купить карты, зацем их рвёш-то, мне приходитце новые купить. Дай-ко я тебе обрежу нохти, дак больше не будёш рвать.

— Ну-дак што-же, обреж!

Вот Симкин и повёл цёрта в ту комнату, где были стеновые клещи. Вот привёл.

— Ну-ко, сложь руки-ты вместе, вот так (*показывает, складывая руки ладонями вместе внутрь*). Я тебе все вместе сразу и обрежу.

Чорт сло́жил, а Симкин вло́жил ёго руки в тиски́ и давай накруцивать.

— Ой, Симкин, больнё!

А Симкин больше ищё накруциват.

— Ой, Симкин, отпусти, не буду больше так рвать, уж и так ногти отпали!

— Нет, не отпушшу, — говорит Симкин.

Ну и чорт начинает рватьце. Рвалсе, рвалсе по́локоть руки ото́рвал и побежал.

— Ланно, салдацька морда, всё ровно попадёссе ко мне, я тебя поимаю.

Ну, што же, вот Симкин так провёл дня два, три. Царьская доцерь поправилась, заходила веселёхонька, куда надо.

— Ну, што господин дохтур, пожалеш за то, што вылецил мою доць? Жалаеш, дак бери ей замуж, я тебе дам полчарьства, а когда буду умирать, дак поставлю на чарьство.

— Ну, што же, — говорит дохтур, — я согласен, раз вы благословляете вашу дочку замуж взять, я согласен на это.

Ну, ланно, оне сецяс согласились весёлым пирком да за свадебку. Произвёл ёго чярь в енералы, и так стали жить. Вот оне живут полгода там времени, ну, пусть год живут, а он всё цёрта боитце, выходить из города не смеет никуда. Вот она оннажды ёму и говорит:

— Поцёму ты, муж, никогда не хоцёш меня прокатить куда-нибудь на лошади́ за город, ведь нам везде есть воля ездить.

А ёму это беда: попадёссе на цёрта, пропадёш ни за што.

— Ну, ланно, жона, коли ты так хочеш, дак буде будёш мои приказанья исполнять все, как если кого встретим, или што худо́ увидим в дороги.

Она согласилась. Взяли они лошадь, поехали. Выехали за город. Только въехали в лес, чорт увидал их и крыцит своим цертеня́там:

— Бежите, поимайте ёго, схватите, это Симкин едёт, хватайте их обоих с цяревной. Топерь он от нас никуда не уйдёт.

Симкин видит, што их бежит пять человек, и он шестой, этот цёрт. Вот он и говорит жоны́:

— Ведь я тебе говорил, што не ехать. Этот чорт, которой тебя муцил, бежит за нами.

Остановил потом лошадь и говорит:

— Ну, становись топерь, жона, кверьх раком, выйдём из этого положенья.

И жона это исполнила. Он скрыцял:

— Ну-ко, ну-ко, суньтесь сюда, у всех в тиска́х руки оторву!

Этот цёрт как увидал, и закрыцял:

— Бежите проць, робята, вот ведь солдацька морда, никуды без тиско́в не ездит.

И вот так оне убежали. А салдат Симкин никуда больше без жоны не ездил. Потом он полуцил престол, и стал править, и живет до сих пор, проводит жизнь до глубокой старости. Обдурил всё-таки цёрта.

53. КАК КУПЕЦЬКОЙ СЫН КУПИЛ НЕЗНА́ЕМУ ВЕЩ

Вот не́ в котором чарьстви, не в котором государьстви жил был купець милионер, имел двенатцеть кораблей, ходил заграницю. У ёго уж был, конешно, сын годов петнатцети, шеснатцети, звали ёго Иваном. А отець, этот купець, был в годах, лет под петьдесят. Вот и говорит сыну:

— Ну, сынок, давайте се́году пойдёмте заграницю, посмотриш её, купиш што-нибудь и будеш потом сам ходить, а я уж стал стар, больше ходить не буду.

Ну, и вот так оне средили двенатцеть кораблей и отправились вместе, отець с сыном.

И вот в скором времени приходят заграницю, отець пошол товаров закупать и говорит сыну:

— У тебя есть деньги, и ты што угодно купи для себя, для своей утехи.

И вот отець ушол, а сын ходит по магази́нам. Вот ходит по магази́нам, ничего такого хорошего нет для ёго утехи, ничего найти не может. Приходит он в один магази́н, спрашивает то, другоё. Кото́ро ёму нужно, того нету. Потом подходит к нёму один из старых прикащыков и говорит:

— Молоде́ць, купи у меня незна́ему вещ, а вот когда придёш домой, то увидиш.

— Нет, я так в тёмну не покупаю.

И так ушол проць из этого магази́на. Ушол он проць, и отець уже товар частицьно купил, а он всё ходит, ничего не может найти. Опеть пришол в этот же магази́н. Приходит в этот магази́н, опеть прикащык подошол и говорит:

— Ну што ты, молоде́ць, всё ходиш, ницёго́ не покупаеш, купи у меня незнаему вещ.

Он подумал, подумал:

— Сколько стоит?

— Сто рублей.

— Ну, подумаш, сто рублей каки деньги, давай, уж всё ровно.

Даёт ему деньги, и этот прикащик приносит ёму ящык запечатаной. Приносит ящык и говорит:

— Ну, молодець, вот тебе, токо до до́му ёго не открывай, а там увидиш, што будет. Денег тех сто рублей стоит.

И он сеця́с нана́л извощыка и привёз ёго на корабь и думает:

— Што бы не было, сто рублей всё ровно пускай, повезу до до́му.

И вот, конешно, корабли уж были готовы, собираютце.

— Ну што, сынок, купил?

— Да, купил, сам не знаю, какую то незнаему вещ.

— А купил, так всё ровно, для себя мне не надо.

Вот, конешно, оне собра́лись, пошли по мо́рю и в скором времени пришли домой. Отець стал выгружать товары, а он повёз ящык домой. Когда он приехал домой, он стал этот ящык роскупоривать. Роскупо́рил, посмотрел, там девушка живая. И вот он на ней посмотрел, она ёму не понравилась. Приходит к отцю и говорит:

— Ну, купил же я незнаему вещ.

— Ну што, сынок?

— Да што, отець, купил незнаему вещ, а там оказалась девушка живая.

— Ну, што, разве плохо цёловека живого купить за сто рублей. Не годитце она тебе, пускай у нас живёт куха́ркой.

— Конешно, я с ней жить не буду.

— Не будеш, ненадо, отведём ей особую комнату, может она што делать, пусть поделает, не может, ненадо, а всё-таки купленая вещ дороже денег.

И вот, конешно, ей отвели комнату особую, и живёт там несколько поры́. Днём не видят, ницёго́ не делает, а ноцью всё переделает, вы́пашет, обгла́дит, помоет, всё переделает. Мать утром встанет, всё переделано, и мать прямо дивилась и говорила отцю:

— Вот у нас роботниця, так роботниця, не то што за сто рублей не купиш, ни за какие деньги. Не знаю, чего она не нравитце моему сыну. И главно, не видим, когда она роботает.

И вот у их не хватает товару. Вот купець и говорит сыну своёму́:

— Ну, сынок, топерь тебе приходитце итти за товарами, ты топерь всё знаеш, и купи всего.

Ланно, средили корабли, сын похо́дит, а отець оставаетце дома. Он направилсе совсем и пошол заграницю, так он и не бывал у этой девици ни разу. А она живёт всё у них, исполнят, што она раньше делала.

А он в скором времени приходит заграницю, опеть же в этот город, закупать товары. Вот он закупил всё, прожил там месець времени, и в скором времени приходит домой. Приходит домой, товары стали выгружать. Вот живёт он дома и к ней совсем не ходит. И вдруг у них опеть товаров стало мало. Отець и говорит:

— Ну, сынок, тебе опеть итти надо.

Вот он идёт вецером к себе и случайно заглянул к ней в окно и видит: такая красавиця сидит в окне, где она раньше сидела. Вот он пришол к ней, поздоровалсе.

— Здраствуй, красавиця.

— Здраствуй, Иван, купецеськой сын, уж долго ты ко мне не ходил, ну всё-таки пришол.

И потом он стал ей говорить:

— Ну, красавиця, пойдёш за меня замуж?

— Дак раз ты меня купил, так и должо́н взять за себя.

Вот он так ей полюбил, што не отходит от ней ни на шаг и не оставаетце совсем без неё, и забыл, што ёму надо итти

заграничу. А уж батюшко совсем корабли снаредил, ёму надо токо итти на кора́бь. И отець задумал:

— Ну, где же мой сын, как я корабли снарядил, ёму надо итти.

И пошол розыскивать по всем спальням, и к нему зашол — нигде нет.

— Ну, как же, неужели он пошел к этой девици?

И пошол к ней. Вот приходит он, конешно, к ней, смотрит сын сидит за столом с ней. И увидал такую красавицю, што просто удивилсе, ещё не видал такой красавици, как она была. Отець заговорил:

— Слушай, сынок, корабли уже ожидают тебя, токо надо выйти заграницю за товарами.

Вот он и заговорил:

— Слушай, батько, я не пойду от своей жоны никуда, пока не жонюсь, а ты найми кого-нибудь или пойди сам, а я ей не оставлю, потому што ты знаеш сам, я её купил за сто рублей, незнаему вещ, вот она и есть.

Она, конешно, ницёго́ не говорит, токо смотрит на нёго. Потом ёму говорит отець:

— Ну, Ванюша, ты уж этот раз сходи, а твоя невеста останетце у нас, мы ей будем хранить, береч, а што ей нужно, мы ей всё сделаем, так што ты об этом не заботьсе. А придёш потом, жонись и живи со своей жоной.

Вот он стаёт на ноги и говорит:

— Ну, прекрасная моя, прощай, уж надо сходить, послушать батюшка.

Она и говорит:

— Послушай, Иван, купецькой сын, коли ты меня хочеш взять, ну на́, я тебе даю кольцё своё, ну смотри, не потеряй. Если потеряеш, то не увидиш меня во ве́ки. Ну будь окуратней, смотри храни, тебя будут поить пьяным. Это кольцё узнают из того магазина, где я была, они давно хотели ёго взять, но не удалось.

Ну, ланно, конешно, она сняла с руки и дала ёму. Он простилсе с ней и пошол на корабь. Корабли были совсем гото́вы и оне кряду же вышли в море.

И пловут оне топерецю по мо́рю и становетце близко к тому чарьству, где он всегда закупал товары. Так пришли оне, конешно, в это чарьство. Он у тех же купцёв закупил товары и стал погружать. И большинство товару он купил в тем же магази́не, где он купил незнаемую вещ. И прикащык всё за им следил и присматривал, и заметил у ёго кольцё на руки. И вот когда он весь товар погрузил и пошол рощыты-ватьце, ёго хозяева, купци, стали угощать вотоцькой, и тут же находилсе этот прикащык. И вот он сначала, конешно, не пил, отказывалсе, а потом, как напилсе, што не помнил себя, даже уснул. Когда он опомнилсе, стал смотреть документы, деньги, всё было че́ло, взглянул на́ руку, а кольця уже нет, и кряду запечалилсе.

— Ну, не видать мне больше моей королевны.

И вот кряду же собралсе на корабь и отправилсе в море плыть.

И вот в скоро времё приходит опеть в своё государьство, к своёму отцю. И как закрепил корабли, то кряду же пошол домой, смотреть где у нёго жона. Приходит в ейну спальну, где она жила, уж ей тут не было. Приходит к матери и к отцю. Пришол и спрашивает:

— Ну, мама, где же моя жона, куда вы ей дели, или вы ей выгнали проць?

Она отвецяет:

— Нет сынок, нет, мы ей не выгнали. Когда она узнала, што ты потерял кольцё́, пришла к нам и сказала: „Ну Иванушко, коли он не сумел сохранить кольця, больше он меня и не увидит". Роспростилась, и кряду же улетела.

И он после этого ушол к себе в спальну, повалилсе лежать и всё думал:

— Ну, как бы мне ей теперь увидать?

Никак не мог придумать, лежал челые сутки. И вдруг невдо́лге приходит ёго отець и говорит:

— Ну, што ты, Иванушко, лежиш, надо суда выгружать, по магази́нам возить и так далее. А што уж ты потерял, то вини на себя, коли не мог кольця ухоронить, а мы ей не выгнали; и всё таки не на той, так можеш жонитьце на другой,

и печаловатьце не́цего. Всé ровно твоих только если пропало, так сто рублей, изьян тут не вели́к.

Он и говорит:

— Слушай, отець, мне не жалко ста рублей, а жалко жоны, всё ровно, такой красавици не видать. И мне не надь твоёго́ капиталу, всё ровно я пойду искать жону, а ты как хош, так и делай, а я всё ровно уйду. Найду — воротюсь обратно, а не найду, всё ровно не приду.

Вот он тогда стал на́ ноги, пришол к отцю и матери и говорит:

— Ну, маменька и папенька, прощайте меня, а я пойду.

И так взял денег, конешно, роспрощалсе и пошол путём-дорогою.

И вот он шол близко ли далёко, низко ли высóко, и приходит к онной речке, к плёсу. И так сильнё задумалсе, што и итти дальше не может. И вот што он придумал:

— Дай, — думат, — задавлюсь, на лесúны повешусь, дальше мне и итти не стоит.

И взял ростегнул, конешно, пояс свой, сделал пéтлю, токо сунуть голову. И видит по плёсу едет старичок на серебреной лодочке, весёльця золотые, и гребёт, и так торопитце, што устал весь. И увидал издалёка этого цёловека, што хочет давитьце, и закричал:

— Стой, стой, Иван, купецеской сын, не дависъ, я тебе добра хочу и к разуму научу, вперёд так не делай.

И он конешно остоялсе, а старицёк выходит к нёму на берег из лодки и говорит:

— Ну, Иван, купецькой сын, я тебе помогу, чего ты думаеш, я знаю, чего ты так грустиш и хочешь давитьце.

— Ну, дак коли знаеш, дедушко, так научи меня, как мне достать прекрасную королевну, потерял я кольцё, черезь это она и ушла.

— И вот, Иван, купецькой сын, я с тем тебе её достану, как прилетиш сюда на это место, я тебе даю кафтан серой, ты на нем ей и прúнесёш, только што перьву ноць мне с ней спать, с тем я достану. И научу тебя, как ей достать. Я знаю, где она живёт. И даже скоро замуж выйдет за онного прынця.

А это кóльцё сецяс у этого прынця, но она с ним обруцялась и кольцё уж топерь у ней. И ей дано три дня строку только, а уж потом поедут к венцю.

Он подумал, подумал и говорит:

— Да, дедушко, это всё хорошо, но дело в том, што ты уж стар, как же будеш с такой молóдой спать, мне будет жалко.

— Ну, жалко, дак как хош, но черезь это ты можеш сам себя погубить.

— Ну, уж я её знаю, конешно, какая она, а топерича мне опасатьце нéцёго. Ну, дедушко, я отдам, цёго ты жалаеш.

Вот дедушко скидавает с себя кафтан серой и говорит:

— Вот в этом кафтане ты полетиш в то государьство. И прилетиш прямо к трактиру, останóвиссе. В этом трактире есть лакей, зовут Мишей. И вот у нёго есть несколько десятков гуслéй, попроси ёго, он тебе даст, токо проси ёго те гусли, которы вéснут вверьху на лычки на лóкты. Он тебе и те гусли даёт, токо не пожалей денег. И вот когда он тебе принесёт их, садись к окну и играй. А она уж будет три дня к этому трактиру ездить и слушать, а гусли то будут играть, што ты думаеш. И она будет спрашивать, ну ты не обьевляйсе, а уж на третий раз тебе придётце сказать.

И вот росказал это всё дедушко ёму, он садитце на рóкон и полетел, што на ковре-самолёте.

И кряду же прилетает в этот горóд, остановилсе у трактира. Он этот рóкон надел на себя, а наверьх надел свою одежду. И заходит в трактир. Зашол в трактир, поздоровалсе и увидал Мишу.

— Здраствуй, Миша.

— Здраствуй, здраствуй, дóброй цёловек. Как будто знакомые, но не помню, где тебя видал. Ну, што тебе будет угодно?

— Вот принеси винця немного и садись со мной выпьем.

— Пожалоста.

Вот он это, конешно, всё принес, сел с ним, выпили по стакану пива, и он нацинает у нёго спрашивать:

— Ну, скажи, дорогой мой Миша, што у вас какие новости в городу́ есь, кто женитце или кто выходит замуж? (У кого што болит, тот об том и говорит уж).

— Да, у нас в городу́ сецяс ницёго́, спокойно, была у короля потерявшая доць, ну нашлась, и сецяс у ней уже есь жоних, у нёго заповедно кольцё ейно нашлось, то она и решила за нёго выйти.

— И как, скоро она выходит за нёго?

— Да вот, как токо три дня, так и выйдет.

И вот оне выпили по второму стаканчику и по рюмоцьке, он и говорит:

— Слушай, Миша, помоги мне в этом деле, дай твои гусе́лышки поиграть. А я ведь хочу ей отсюда увезти, она была моей женой, потерял я кольцё, вот она и улетела.

— Эх, эх, трудно тебе будет ей взять.

— Слушай, Миша, у тебя есь гусли?

— Есть у меня много гу́сел, токо какие подойдут, я тебе могу их дать, играй, колько хочеш.

И нанёс гусли десятками.

— Нет, Миша, эти мне не подходят. Вот ты принеси те гусли, которы у тебя висят на лы́чки на ло́кты, вот те мне подойдут.

— Слушай, Ваня, эты старые, ржавые, на них и играть нельзя.

— Нет, Миша, принеси мне их, ты потом послушай, когда я буду играть и скажи мне, когда поедет эта красавиця, ты ведь знаеш?

— Знаю.

— Вот я тогда и буду играть.

И вот он приносит эты, конешно, ёму гусли и говорит.

— Вот она скоро поедет.

— Слушай, Миша, когда она придёт сюда и будет спрашивать, ты скажи ей, што я не знаю, кто это играл.

Миша, конешно, дал ёму и говорит:

— Ну, начинай играть, она скоро будет.

И вот он нача́л играть, и што токо думает, то уж гусли играют. И как токо услыхала красавиця эту игру, то остано-

вила тройку, оставила своих кучеро́в, телохранителей и зашла в трактир. Когда зашла в трактир и спрашивает у Миши, а он уж скрылсе:

— Миша, хто у тебя здесь играл, скажи мне-ка?

— А што же, прекрасная королевна?

— Да уж оцень мне игра знакомая, пондравилась.

— А зашол какой то цёловек, поиграл, да ушол.

— Слушай, Миша, последи за ним, я завтро приеду.

— Ну, ланно.

И пошла проць. Конешно, уехала, он опеть вышел, стал с ним выпивать. Так провёл день, приходит другой.

А она и думает:

— Где же этот Иван, купецеской сын? Хотя мне топерь и не сойтись с ним, потому што сецяс уж воля не моя, а воля того, кто имеет моё кольцё, но хоть поговорить, как он потерял это кольцё.

И вот опеть на второй же день она и поехала. А от ней телохранители никуда, берегут ей, штобы она не уехала и так далее. А он кряду играет, вот она приехала и говорит телохранителям:

— Вы здесь подождите, а я зайду в трактир, мне надо Миши кое́-што сказать.

Те, конешно, остались, а она пошла. Вот она приходит в трахтир, он затаилсе неподале́ку, она у Миши и спрашивает:

— Скажи, Миша, хто у тебя, уж у тебя хто-то есь, наверно, это Иван, купецькой сын. Уж я слышу по игры, и как он сюда попал.

— Не знаю, правда, есть у меня, приходил Иван, купецькой сын и говорил, што хотел тебя видеть.

Тогда уж ёму не в терпе́ж, он выходит и говорит:

— Тебя ли я вижу, прекрасная королевна?

— Да, я. Как же ты сюда попал?

— Да уж хотел увидать тебя, думал не увижу, ну всё-таки увидал.

— Да, Иван, купецеской сын, хотя увидал, но дело уж топерь поздно. На завтро я поеду к венцю, а после увезёт

в своё королесьтво. Почему ты потерял кольцё, ну помощь тебе́ топерь ничего не могу.

— Ну, дак слушай, прекрасная королевна, может ты за меня и пойдёш?

— Я бы, конешно, с радостью пошла, ну воля сецяс не моя, так што завтро в двенатцеть часов повезёт меня к венцю, ну уж тут укрытьце мне не́куда. А сецяс нам с тобой никак не скрытьце, а тем более завтро.

— Вот што, если ты согласна, я завтро приду к тому собору, где ты будеш венчатьце и ты прямо скачи из кореты, а у меня уж будет ростелён серой ро́кон, ты скоци на нёго, и там мы улетим, никто нас не поймает.

Конешно, она согласилась.

— Конешно, если сумеш так сделать, то я согласна.

И так оне поехали проць.

И кряду же на другой день было на ней подозренье, што она выходила два раза к трактиру и кряду же ей приказали выйти к венцю. И он переспа́л ноць, с Мишей, конешно, роспростилсе, дал ёму порядошно денег, а сам пошол пробиратьце к собо́ру, пока мало толпы, и стал к крыльцю и стал ожидать, когда приедет эта королевна к венцю. И вдруг слышит, говорят, што едет королевна и идёт такая толпа людей, што это и не знай сколько. И вот как раз приехала только к крыльцю, стали выходить из кареты. Она выходит и видит, што стоит Иван, купецькой сын наготове. Она токо сделала два шага́ к нёму, он ростилает этот ро́кон, она падает на нёго, он тоже, и полетели. Тут поднялсе шум, крик, а их уже и след простыл, улетели.

Так и о́сталсе этот прынць холостым.

Дальше. Когда оне прилетают на этом сером ро́коне к этому плёсу, и тот старик уже их дожидал, которой ёму дал этого ро́кона. И подошол к ним.

— Ну, здраствуй, Иван, купецькой сын, здраствуй, прекрасная королевна.

— Здраствуй, дедушко́, здраствуй.

— Ну, дак как, Иван, купецькой сын, как у нас было гово́рено, отдаш мне свою жону сходить и погулять.

— Да, дедушко, уж жалко хоть, да уж раз было говóрено, дак нá, бери.

И она тоже ницёго не говорит.

Так старик, конечно, взял её за руку и повёл, но не теряетце из ви́ду, из евонных глаз. Отвёл немного, и обратно вернулсе. Пришол к ёму и говорит:

— Нá, Иван, купецькой сын, ведь я только вобщем испытал тебя, ведь я старой, мне не надь ничёго, топерь возьми ей и живи с богом, а мне не надь ничёго.

Иван, купецькой сын, берёт жону свою и роспростилсе с дедушком и пошол домой. А дедушко сел в свою лодку серебрену, захватил два весéльця и погрёб по этой рецьки.

Топерь оне пришли домой. Отець и мать увидали, што она пришла и што у ёго та же жона, котора убежала, и очень обрадели и начáли играть сватьбу. Конечно, сватьбу сыграли и вéсело начáли жить.

И не черезь долго у них родилсе сын, которому дали имя Сергей — назвали Серёжкой. Вот этот мальцик начáл так остро рости, што дивились дедушко и баушка, и мать и отець, што так остро ростёт сын. И вот когда он вырос уж восьми лет, то выуцилсе грамоты и такой был окуратный мальцик, што все дивились. И росту был уж полного.

И раз в онно времё говорит отцю, матери:

— Мама и папа, я пойду похожу по городам, я нигде не бывал, а может быть мне там и помравитце и узнаю коё-цёго́ хорошего. И если удачно будет, может быть и жонюсь. Тогда я приду домой скоро.

Так отець и говорит:

— Конецьно, молодому цёловеку сидеть всё времё с нами может быть и скуцьно, а только, если думаеш жонитьце, не лучче ли тебе жонитьце дома, цем ходить в цюжие города.

— Да, нет, батюшко, ты ведь тоже жонился не на своей стороны, как я по розговорам слышу. Дак и я жалаю тоже постранствовать.

— Ну, тогда же с богом, раз жалаеш итти.

И так он простилсе с отцём и матерью, с дедушком и с бабушкой, и пошол.

Идёт себе путём-дорогою. И вот шол, шол, шол и наконець, приходит в город в один. А в этом городу́ жила чарица. И она очень грозная была. И у ней были всегда нака́зы слугам там своим и всем. Хто бы лиш только не провинилсе, как она узнает, всё давала розги: кому дватцеть и до пети-десяти, не щыталась ни с кем. Да. Когда он пришол, конечно. на двор и стал просить слуг, штобы ёго пропустили к чарици попроситьце на какую-нибудь должнось. Когда он пришол, поздоровалсе:

— Здраствуйте, грозная цяриця!

— Здраствуйте, здраствуйте, молодой цёловек. Зачем ты ко мне пришол, и как вас звать?

— Меня зовут Серёгой.

— Хорошо. А каких ты будеш городов или родов, вобщем из какого звания, и почему тебе придумалось сюда притти ко мне?

— У меня, конешно, был отець купець, но как он сецяс обанкрутился, дак мне стало дома жить не́ по чему, и я пошол, штобы поступить куда-нибудь робочим или найти какую-нибудь роботу.

Это уж он, конечно, приврал, што обанкрутилсе отець, то ёму надь было предлог како́й-ни.

— Да, я такого молодого парня, как ты, могу взять себе лакеем, только помни, што жить у меня надо очень честно.

— Хорошо, буду старатьце.

И вот отвела, значит, ёму особую комнату, и сказала:

— Ну, обеды приноси мне и заказывай какие я там буду кушанья требовать, и делов тебе столько.

Да. И прожил он у ней около года и ёму ни разу не было наказанья. А он видит, как она порет там кухарок, горнишных и разных служащих. Вот эты горнишны и кухарки очень обижались и часто спрашивали Серёжу:

— Почему же тебе она слова дурного не скажет, а нам чуть немного сразу даёт наказанье?

— Погодите, устрою я, што не будет вам никому наказанья, дайте только волю мне ознакомитьце с оннем кузнецом. Ни вам и ни салдатам, никому не будет наказанья.

Да. И раз он пошол к этому кузнецю. Кузнець принел ёго очень хорошо и как гостя посадил за стол. А у кузнеця такая была красавиця жона, што эта чариця. И личностью друг на друга были схожи. Он заказал водоцьки, и стали оне выпивать. И кузнець так сильнё напилсе, што уж и сам себя не помнит. (Как я грешной, доберусь, дак тоже не упущу своёго́). И вот этот Сергей подошол к кузнеця жоны и говорит ей:

— Выпей хотя маленькую рюмоцьку вина или пива, што тебе, хозяюшка, сидеть с нами с пьяныма, ведь скушно.

Ну, она, конешно, согласилась выпить рюмочку. И он, когда наливал, в это време лену́л ей несколько сонны́х капель в эту рюмку. Когда она выпила, то почуствовала себя сонно́й и повалилась на кровать. А этот кузнець уж был в дрезину пьяной и сидел, шаталсе на стули. А он скорей пошол подавать чарици обед. Пришол, приносит обед, приготовляет всё и в конце обеда тоже ей лену́л сонны́х капель в питьё. И она как пообедала, напилась, так и легла спать. Он сеця́с ее роздел, переодел в другу одежду и взял унёс к кузнецю, повалил на кровать. А эту кузнециху унёс в чарьство и одел в чарицино платьё и повалил спать. И сделал он это всё настолько тайно, што нихто не видал, как он заносил и выносил их.

(Ну, пока мы захватимсе за эту чарицю, котора была принесёна от кузнеця. Нам надо с этой сначала отделатьце.)

Вот как она спа́ла, спа́ла до утра, как глаза скинет, везде всё светитце, звонки звонят, и такая роскош кругом, што она не знает, где это всё деетце, и не знает во сне ли на яву она. Места́ все убра́ные, везде перины, одеванья шолковые, ковровые, и сама испугалась. Вдруг прибегают горницьны. Она им ницёго не сказала. Тее убежали и думают:

— Ну топерь чариця такая сердитая, и нам будет наказанье обязательнё.

Позвали оне Серёжу и обьесняют:

— Опеть цяриця сердитая, цёго то у ей дурное, и нам беды будет сегодне.

Серёжа сказал им:

— Погодите, я схожу и всё дело устрою, может быть вам и ницёго не будет.

И пошол к ней. Приходит в спальню и говорит:

— Слушай, чариця, давай ставай со сна.

Она даже и говорить с им не смеет.

— Тебе, смотри, это не во сне снитце, а наяву.

Она потом узнала этого Серёжу и говорит:

— Как же, Серёжа, могло слуцитце, што я очутилась здесь и стала чарицей?

— Погоди, я тебе объесню, ты сецяс ставай, чариця, и умойсе. Тебе подают завтрак, поеш, я же и принесу ёго. И вот когда поеш, оденьсе в цярьско одеяньё, одень корону и заходи на трон, я тебе покажу всё. И вот когда будеш там стоять, тогда я приду, принесу тебе манифест, ты подпиши ёго и скажи „не будет больше у нас в чарьстви телесного наказанья". Там всё будет написано, тебе только подписать. И там ище будет написано, што салдатам тоже отменить телесно наказанье, и дать по дватцеть пять рублей, и на три дня гулянки кажному. Пусть и министры все подпишутце тоже к этому манифесту. Когда это всё окончиш, а уж я обратно тебя снесу к кузнечу, а ей принесу сюда. И ты себе денег тут возьми, конечно, побольше, штобы жить вам было потом слободно, не бойсе, тебе топерь всё доступно.

И кряду же он ушол. Она стала. Служанка увела ей мытьце и потом зашла она в столовую. Принесли ей завтрак и смотрят служанки:

— Какая у нас сегодне чариця весёлая, не знаем, што дальше будет только.

И вот как поела, так кряду пошла на трон. Одела корону и пошла на трон, а Серёжа приносит ей манифест. Она велела всем министрам подписатьце. Министры, конечно, процитали и подписались. Она тоже подписалась и ушла, сняла с себя цярьску одежду. Министры и думают:

— Што это, как наша чариця всё передумала и вдруг отменила все телесныи наказанья? Но топерь служащим будет хорошо служить, а также и салдатам.

В ту же минуту провели этот указ, приказали, штобы всё было выполнено. А ей Серёга приносит обед. И во времё обеда ей даёт опеть незаметным образом сонных капель. Так, как только поела, повалилась спать, а он в это времё пошол к кузнецю.

— Надь посмотреть, как кузнець поживает с новой жоной.

Ну, а кузнець ведь не знат. Вот приходит Серёжа к кузнецю:

— Ой, брат друг, я забыл тебе заказ то дать, как выпил тогда, дак и забыл.

— Садись, друг, а я тебе обскажу, што со мной слуцилось, с моей жоной, после тебя, как ты ушол.

— Ну, што с тобой слуцилось, с жоной?

(Как бытто и не знает дела.)

— Да как же, посмотри, после тебя я ставаю со сна и говорю: „хозяйка, наставь самовар", а она как крыкнула: „Я — чариця, мне должны все подавать". Она крычит: „Я чариця". Я тут загибаю матом: „Какая ты ..... чариця, ставь самовар, мне нужно итти на роботу". Ну, и онно она поет: „я чариця". Я отстегаю ремень и уж так напорол, она всё своё кричит: „я — чариця". И вот так пришлось самому согреть самовар, не знаю, што случилось?

— Брось ты, кузнець, тут горевать не́ об чём, давай выпьем, дело потом само направитце, у баб, сам знаеш, бывает дурная привычка порой.

И вот оне нача́ли выпивать. Наливает ёму стакан, другой, а сам выпивает по рюмочке, и напилсе до такой степени кузнеч, што свалилсе. Сецяс Серёга берёт стакан молока, нали́л туда сонны́х капель и приносит на блюдечке чарици к кровати. Подаёт. Она с радосью берёт стакан молока, ище как была не евши, выпила и кряду заснула. А слугу своего́ заметила и подумала:

— Наверно это всё мне во сне показалось.

Сецяс он берёт ей и уносит во дворець. Там переодевает ей в чарьску одежду и повалил на кровать, а эту кузнеця жону переодел в свою одежду и незаметно унёс к кузнецю.

Кузнець, когда со сна стал, подходит к кровати и говорит:

— Ну, старушка, ищё ли будеш чарицей, или будеш ставить самовар. А то мне тебя придётце прогнать, больше делать нецего.

Она и говорит:

— Слушай, Сеня,— его Семёном звали,— я на самом деле была чариця.

— На... ты была, иш к тебе мóлотьё како пристало!

— Да ты не вериш всё ищё, посмотри, сколько у меня денег, а остальнё он сам тебе роскажет. Он сецяс меня к тебе принёс, а чарицю от тебя унёс на своё место.

Кузнеч и говорит:

— Ну, молодеч Серёжа, коли умел так устроить.

И вот, конечно, кузнеч стал жить хорошо.

Вот чариця спáла, спáла, как глаза скинет, смотрит звонки все запели.

— Што это я так долго спала, и сны каки мне всё снились нехороши.

Стаёт со сна, умываетце. Подали ей завтрок, поела она и идёт на свой трон посмотреть, какие у ней порядки. Когда она пришла на свой трон, посмотрела и видит, што проведёны приказы, таки постановленья и за ейной подписью. И вот делать ей уж было нечего. Так с тех пор и были отменёны все у ей телесны наказанья. А Серёга в это времё дал в отставку и смылсе от этой чарици.

И она после этого поняла, што это сделал Серёга, которой у меня был слугой.

А топерь, после того Серёга приходит к кузнецю:

— Ну, как, кузнець Сеня, поживаеш?

— Да, хорошо же ты, Серёжа, поступил, почудил, насмешил всё чарьство, отменил у нашей грозной чарици эты все телесны наказанья. А топерь садись со мной, я тебе отомщу за то, што ты угощал меня.

Вот оне сели за стол, пришла жона и улыбалась, всё времё смеялась, ей уж больно было смешно, как она поживала в чарьстви.

Вот оне, конешно, повыпили немного, он угостил ёго и просил, штобы он принял денег, как уж жона принесла денег.

Он сказал:

— Нет, мне не надо, живите себе, а я уж пойду из этого чарьства, здесь жить не буду, устроюсь на какое-нибудь хорошее место.

И вот так, конешно, он прóжил у нёго сутки и сказал:

— Ну, Сеня, досвиданья, а я пойду вперёд искать места.

Так он распрощалсе с кузнецем и пошол.

А оне остались очень довольны, с тех пор они живут хорошо, нужды никакой не видят.

Вот он, конешно, Серёга, отправилсе. Приходит в один город и поступил к одному купцю в магази́н. Это купець милионер был, ну, у нёго никого не было дитей. И вот он так торговал хорошо, што у купця сколько не было магази́нов, но он оборот давал почти што такой, как и остальные. И купець им был очень доволен и ченил ёго и сказал:

— Ну, Серёга, быть ты моим сыном, как ты не имееш родных никого, как ты мне говорил, быть ты моим сыном.

Конешно, Серёга говорит:

— Почему, можно; чем мне ходить по белому свету, хотя у меня и есть родина, не будем говорить, што нету, но почему, быть у такого купця сыном, если ты жалаеш, раз нету у тебя никого, токо одна жона.

И вот купець очень обрадел этого, што он обещаетце ёму сыном, отвёл ёму пол именья и дал ёму квартеру в своём доми и сказал:

— Ну, сын, ты топерь торгуй и закупай товары и всё такое, сам знаеш. И хочеш если жонитьце, то я тебя и женю, коль ты не имееш своей жоны.

Ну, этот купець был, конешно, старой, а у нёго жонка была такая молодая, што он никогда её не показывал, всегда замыкал в избы и оставлял ей замкну́тую. Этот Серёга, конешно, всё-таки нашол выход и увидал ёго жону, она ёго так полюбила и сказала:

— Ну, Серёжа, я даже готова с тобой жить, но токо боюсь своёго́ мужа, он меня замыкает, не пускает никуда.

Вот тогды ей Серёга и говорит:

— Знаеш што, мы сделаем подземельной ход из твоей спальны наружу, а я в это врéмё буду жонитьце, а потом уеду в свой город, показатьце родным тамотки, и таким путём мы сделаемсе. И мы можем уежжать гулять с тобой, а потом устроимсе в ближнем городишке и сыграем свадбу, и он будет участвовать, как бытто я жонюсь, в этом городе на какой-нибудь девушке, а будеш ты у меня жоной.

Тогда оны устроили этот подземельной ход. Когда выходил купець куда-нибудь, то она выходила этим подземельным ходом гулять с Серёжей. Уж купець в это врéмё мало бывал в магази́нах, токо ходил закупать товары, вся дове́рия была на Серёжу.

И вот в онно прекрасноё врéмё говорит купець Серёже:

— Вот што, Серёжа, кабы ты жонилсе на ком-нибудь, это было бы хорошо, так што я жонатой, у меня жона никуда не ходит, сидит дома. Вот если бы наши жоны ходили друг к дружке, им было бы веселее.

Когда он услыхал это предложенье от купця, што он велит ёму жонитьце он сказал:

— Хорошо, отець, я буду жонитьце, токо у меня нет в этом городе невесты, у меня в суседнем городе есть невеста. И вот жалаеш если, то поедем на вечо́рку. Как по старому обряду, посмотриш на ней, может она тебе и понравитце.

Купець очень обрадел:

— Поедем.

— А ты не возьмёш свою жону?

— Нет, я никогда не беру, так што она молодая, боюсь, што бы не потерять ей.

А у нёго уже было сгово́рено с ёго жоной.

— Вот приежжай в такой то город, в такой то номер, у меня там откуплено, устроим вечо́рку, пока до венця.

И вот он приходит к своей жоны и говорит:

— Ну, жона, Серёжа у меня заводит жонитьце, тебе товарыща достанем, будет веселее, а пока уж побыть под замко́м по старому.

— Ну, што же, ланно!

И так он ей замкнул, а сам поехал со Серёгой в город.

Только купець ушол, она кряду же оделась в хорошую одежду, снарядилась, вышла по этой тунели, наняла лошадь, и приехала еще вперед их. И кряду же оне приехали.

Вот оне приехали, он попросил, штобы ёму показали невесту, она приходит. Купець издивилсе:

— Што такое, как моя жона!

И говорит:

— Ну, Серёжа, у тебя красивая жоночка, как моя, у меня такая же красивая жоночка есть.

И вот оне, конешно, посидели, потанцовали, и говорит:

— Ну, ланно, когда мы назначим венець?

Невеста и говорит:

— Ну, венець можно назначить завтро.

Вот так оне сговорились и она ушла в свою комнату. Скорее оделась, села на лошадь и умчалась и приехала раньше их.

Когда купець пришол домой, она уже спала на своём месте, он кряду же пришол, кряду открыл комнаты.

— Ну, жона тут, наверно никуда она не выходила.

Подходит к ней и говорит:

— Ну, жона, какая у Серёги жонка красивая, как ты.

— Вот и хорошо, што у нас будет такая молодая невёстка. Хотя ты тогда отпустиш с ней гулять.

— Вот, вот, отпущу.

И так купець не мог ничего узнать.

И вот прошло двое суток, оне уже всё переговорились с ёго жоной, как ей уехать, и он пришол к отцю:

— Ну, папаша, теперь поедем к венцю, а потом я съежжу к себе домой на родину, сразу на несколько дней и потом приеду к тебе.

— Ну, ланно, сынок, токо смотри, не долго, штобы я не соскучилсе об тебе.

И вот оне собрáлись, купець приходит к своей жоны, замыкает ей и говорит:

— Ну, ты, жоноцька, уж побыть еще с неделю, а потом приедет Серёжа и будет жить.

И замкнул ей на несколько замков и думает себе:

— Ну, наверно уж она никуда не уйдёт.

И кряду собра́лись с купцём и поехали. Только отъехали, она оделась в хорошее платьё, собра́ла всё лучшее, наня́ла лошадь и поехала. Вот приехали они туда и не в до́лгих ёму подали невесту. Купець очень радовалсе на свою невёску. И так оне поехали венчатьце. Как повенчались оне, приехали обратно, Серёжа и говорит:

— Ну, папаша, топерь я поеду, а ты поежжай домой, а я к тебе приеду черезь неделю, ожидай, не позднее.

И вот купець с ним роспростилсе, приежжает домой, открывает спальну жоны, ей нет. Он так и ахнул и закрычал, забегал по комнатам, сошол с ума. И взял, когда он был помешанным, выбежал на улицю, а там был пожар, он кричит:

— Всё сгорело, всё сгорело.

И броси́лсе в огонь.

И так этот купець сгорел с этого удару. Ну, публика не могла узнать, отчего так купець сбеси́лсе и сам сгорел, не знали почему. А этот Серёга не в до́лгих приежжает домой. Отець-мать очень обрадовались, што он приехал с жоной и такую нашол красавицю, где токо достал. И вот сеця́с после этого Иван, купецькой сын, сделал пир сыну своёму́ богатой, продолжалсе пир челых три дня. После этого Серёжа стал торговать с отцём и жить со своей жоной до глубокой старости и до си́х пор живут.

И я там был, пиво-вино пил, по усам текло, только в рот не попало.

54. КАК КУПЕЦ СДЕЛАЛ ДОГОВОР С ОДНЕМ КОРОЛЕМ

Вот нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви был жил купець. У купця, конешно, не было никово дитей, а он имел обширную торговлю и имел кораблей для выхода товару на заграничную торговлю.

И вот он всякой раз у одново становилсе короля, познакомилсе он с ним. И вот часто оне с ним розговаривали про торговлю свою, уж очень были знакомые.

И вот однажды даёт предложение этот король:

— И вот у нас если бы были дети, то как ты со своей стороны думаеш, если бы у меня была доць, то отдать за твоёго сына, а если у меня сын, то жонить на твоей доцери, или там у которого которой будёт. Согласен ты или нет, скажи мне правду, как мы уж с тобой друзья?

Купець ёму отвечает:

— Да, и я бы очень согласен, если такое ты даёш предложение.

И он сечас достаёт бумаги и делает с этим купцём дóговор. Когда оне сделали дóговор и хранили всяк у себя свой. И в это времё он уехал домой, после этого всёго.

Он уехал домой. Недолго спустя после этого купциха понеслась, и так же королева понеслась. Королева принóсит доцерь, а купциха сына. Ну, матеря́ этого договора совер-

шенно не знали, што у их бы́ло сделано, у отцёй. И так оне проводили это времё всё, а дети росли. И он часто заежжал к ним, как товары надо вести.

Вот этот купець, как сын подрос годов восемнатцети, этот купець заболел и умер. Осталсе этот сын с матерью один. Вот она и говорит:

— Слушай, сынóк, тебе надо отцёво имущество пощытать, какие есть долги́ или ростраты. Надо бы всё заплатить и нача́ть торговать, как и отцю. И потом вдобавок, сам знаешь, надо бы тебе и жонитьце, времена приходят.

Он говорит матери:

— Да, мама, — верно, надо; уж этого нельзя допустить, штобы у нас страдала торговля.

Берёт евонные книги, нача́л просматривать. Когда он стал в этых делах смотреть, то берёт бумажки и стал читать.

— Ну, глу́пы же наши отци, когда еще нас не было на свети, а уж нас поженили.

Ничёго больше не сказал, а бумажку эту берёт и поло́жил себе в корман. Берёт бумажку в корман и думает:

— Всё-таки топерь у меня уж невеста прийскана, как предлагала мать, жонитьце можно, топерь я пойду.

Пришол к матери и говорит:

— Ну, мама, топерь я пойду вот в такоё-то королесьтво: утка есть, дак утку взять, а утки нет, то клетку отдать.

Она ничего не знала про это, но говорит:

— Ну, иди, сынóк, сам знаешь.

И вот он кря́ду же собралсе, собрал торбоцьку с собой и пошол себе по дорожки. Вот идёт он близко-ли далёко, тамотки, вдруг наежжает ёму чёловек сзади на лошади́. Подехал и здороваетце:

— Здраствуй, молодой цёловек.

— Здраствуйте, здраствуйте, молодой цёловек.

И спрашивает ёго этот, которой на лошади́:

— Хто вы есть такой и куда идёте?

Он ему отвецяет:

— Я есь одного купця сын иду в такоё-то королесьтво, утка есть, дак утку взять, а утки нет, так клетку отдать.

Тот ничёго у него понять не мог больше. А он ёго стал спрашивать.

— А вы хто такой будете?

— Я буду вот недалёко отсюда из одного королесьтва прынць, и еду к королю свататьце на ёго доцери. Поедём вмести, нам по дороги.

— Да, вмести, — отвецяет.

— Вмести-то мы вмести, но жалко то́, што я на лошади́, а ты нет, и жалко тебя оставить.

И так он не оставаетце от него и не уежжает, идут себе вперёд. И вот шли, шли, потом он говорит:

— Ну, надо будет чай погреть, попить чаёк.

Прынць тоже остоялсе. По́пили чаёк.

— Вот если бы у нас были щепки, поиграли бы, позабавились.

Прынць ничего понять не может из этих розговоров. Вот оне немного посидели, пошли вперёд. Приходят к ручью.

— Вот если бы у нас сечас было́ по стре́лоцьки, то стре́лили бы, узнали, где мельче брод.

И тоже ничего не по́нял. Он, конешно, обошол, нашол, где мельче, и идут дальше. Он, конешно, от него не уежжает, всё и́дут шагом. Вот уже оне, наконець, приежжают в это королесьтво и подходят к королеському саду. И он, этот самой прынць и говорит:

— Вот посмотри, какой у короля сад хорошой.

— Да, сад-то хорошой, да садови́ця не совсем.

И тот ничего опеть не понимает. Вот уж оне подходят к королеському дворцю, он и говорит:

— Смотри-ко, товарыщ, какой у короля дворець хорошой.

— Дворець-то хорошой, да окна косы́.

Прынць сам себе думает:

— Ну, как косы́, я не вижу ничего.

Да, он ёго спрашивает:

— Ну, как ты пойдёш к королю, или куда?

— Нет, я не пойду к королю; я туда пойду, где зима на хоромах.

— А я пойду туда, куда иду, прямо лично к королю к самому́.

И так розошлись. И вот когда приходит прынць к королю, тот ёго узнал кря́ду и посадил за стол и стал ёго спрашивать:

— Зачем вы сюда пришли?

И прынць стал росказывать, как он шол сюда.

— Я лично шол для этого, што хочу узнать твое жаланьё, не отдаёш ли ты свою дочерь за меня?

Король, конешно, снацяла ёму в этом ничёго не отказал. А прынць наця́л ёму обсказывать, как оне шли дорогой с другим товарыщом и как пришли потом в это чарьство.

— Вот как раз я еду и догони́л ёго дорогой и спросил ёго: „Куда, молодець, попадаш?“ — „Вот в такое то королесьтво“. Меня тоже спросил, я ёму ответил, што попадаю туда же. И вот мы немного подошли и стали чай пить. Я ёго и спросил: „А вы зацем идёте в это королесьтво?“ „Я? А вот зачем: утка есть, то утку взять, утки нет, то клетку отдать“. И меня спрашивает: „А вы зацем?“ „А я к королю свататьце на ёго дочери“. Ну, мы стали попадать вмести. Когда мы по́пили чаю, он мне и говорит: „Вот были бы у нас щепки, мы бы поиграли, позабавились“. Я опеть ницёго понять не мог. Пошли дальше. Приходим мы к речки, он мне и говорит: „Вот если было бы у нас по стрелоцьки, мы стре́лили бы и узнали, где мельче брод“. Я опеть у него понять ничёго не мог.

И всё это слушает у нёго король.

— Тогда он отыскал мельче место, пошли дальше. Приходим в ваше чарьство, к вашему королесьскому саду, я ёму и говорю: „Смотри-ко, товарыщ, какой у короля сад-то хорошой.“ Он и отвецяет: „Сад-то хорошой, да садови́ця-то не совсем“. Теперь мы уже добрались до вашего дворця, и я опеть говорю: „Смотри, у короля какой дворець-то хорошой“. „Дворець то хорошой, только окна косы́“.

Король соскоцил со стула и подошол к окнам.

— Каки́ у мня окна косы́? Смотри, окна прямые.

— Я тоже вижу, што прямые, — отвецял прынць.

— Топерь он меня спрашивает, куда я пойду на квартеру. Я ответил: „Я пойду лично к королю“. И спрашиваю ёго:

„А ты куда?“ „Я туда, где зима на хоромах“. Я тоже этого не знаю, куда он пошел. Может вы знаете, ваше королеськое величество?

— Нет, я тоже не могу понять.

Это всё слушала королеськая доць. Когда выслушала всё, то вышла к им к обоим и говорит во-перьвых отьцю:

— Слушай, отець, я гляжу, вы обои не умные, ницёго вы не понимаете. И я вам про нёго роскажу, куда он шол и зачем, и где он топерь есть.

Вот она нацинает говорить отьцю и этому прынцю:

— Когда ты стретилсе с этим с молодым цёловеком, и вы сели чай пить, он сказал: „были бы щёпки, мы бы поиграли, позабавились“ — если бы были у вас карты — вы бы поиграли и позабавились, вот он к чему это сказал. Дальше. Когда вы пошли вперёд и пришли к ручью, он тебе говорит: „Если бы у нас по стрелоцьки, мы бы стре́лили и узнали где мельце“— если бы у вас было по лакею, вы бы послали и узнали бы где брод, вот он к чему сказал. Когда вы подошли к нашему саду, и ты ему, прынць, сказал: „какой у короля хороший сад“, он тебе на ответ — „сад-то хорошой, да садови́ця не совсем“— дествительнё, я росту небо́льшого, — вот он это к цёму сказал. Дальше. Когда вы подошли к нашему дворцю, ты ёму сказал: „какой у короля дворець хорошой“ и он тебе ответил: „Дворець-то хорошой, только окна косы́“. — Вот он это к цему сказал: я хороша, да глаза у меня немного дествительнё косы́, а вы всё понять никоторой не можете. И вот он зачем идёт сюда, когда ты ёго спросил, зацем он идет, он сказал так: „Я иду в это королесьство ежели есть утка, то утку взять, а нет утки, то клетку отдать“. Вот утка — это есть я, а клетка, наверно, нет ли, батюшко, у тебя какого-нибудь договора нащёт меня с каким-ни купцём, и вот клетка и есть до́говор. И шол он взять меня или отдать до́говор, если меня нет.

Король кряду спомнил и говорит:

— Да, есть у меня с однем купцём заключон договор.

И прино́сит ёго. Она процитала этот договор и говорит:

— Так и есть. Ну, прынць, ты мне не жоних, а я тебе не невеста. Топерь, я ище вам скажу; он вам сказал, што „пойду

туда на квартеру, где зима на хоромах", а я знаю куда он пошел. Он пошел в отводно́й дом.

Этот прынць роспростилсе и пошол не со́лоно хлебавши, видит:

— Тут мне не уха́!

Топерь она идёт к кухарке своей, берёт корзинку и собирает три еицька, булоцьку и бутылку молока в эту корзинку и спросила кухарку:

— Ты знаеш, где зима на хоромах?

(А уж други не знали, дак она подавно не знает).

Она отвецяет:

— Нет, не знаю, ваше высочество, объесните мне! Где же мне-ка знать?

— Иди на отводну́ю квартеру, и когда ты приде́ш, то вызовёш там одного молодого человека и отдай эту корзинку ёму лично. Когда ты отдаш, скажи так: „По́лон ли месець, щи́таны ли звёзды и у берёго́в ли во́да?" И пусть он мне ответит уж со своей стороны.

Сецяс отдаёт корзинку, и кухарка пошла. Вот приходит на отводну́ю квартеру и кряду же розыскала этого молодого человека. Даёт ёму корзинку и говорит:

— Вот што велела королевна у вас узнать — „по́лон ли месець, щи́таны ли звёзды, у берёго́в ли вода?"

Он ей сказал:

— Погоди минутку, я тебе сецяс ответ дам, тогда пойдёш.

Открыл эту корзинку и смотрит. Посмотрел и сказал.

— Скажи своей королевной так: месець не по́лон, звёзды щитаны, и вода не у берёго́в.

Вот она пришла и королевны говорит:

— Он сказал, што месець не по́лон, звёзды щитаны и вода не у берёго́в.

— Видиш ты, кухарочка, ко́ль верная! Значит ты доро́гой булочки поела, еичко съела и молочка попила.

Тогда кухарочка, конечно, стала извинятьце. Она ей за это ругать очень не стала и сказала:

— Топерь поди обратно к нёму и скажи: „Король просил вас, молодой человек, притти к ёму".

Кухарка ушла, а королевна пошла к отцю. Пришла и говорит:

— Слушай, папа, я вызвала к тебе твоего будущего зятя, стречай ёго.

Вот он только приходит к королю, ёго там уже стрéтили и провели лично к самому королю. Он пришол, поздоровалсе с королём и с дочерью и кладёт на стол дóговор:

— Вот я зацем пришол. Если можно, отдайте за меня доцерь, а нет, дак возьмите это себе.

Король посадил ёго за стол и сказал:

— Всё будет для тебя, зятюшко, готово.

И нацяли играть сватьбу. Сватьбу провели, и он стал посли этого всего собиратьце домой, в своё место. Конешно, уж оне обратно не пошли пешком, а поехали на лошадú. Отець наделил ей приданым и сказал:

— Ну, зять, я тебе при смерти уступлю своё место королеськое.

Когда оне вернулись в своё место, этот купецькой сын занялсе торговлей, как и отець ёго, стал ходить загранúцю.

(Тут и конець, уж я не знаю дальше, как там было, получил-ли нет он королесьтво, этого не знаю.)

55. СЕМЁН И МАРЬЯ

В не́котором, конешно, государьстви жил был купець милионер, у нёго не было детей никого. А он ходил всегдашную пору заграничу на кораблях за товарамы. И заграничей останавливалсе у онного короля, был оцень с ним знаком. Потом, знацит, бывали такие слуця́и, што оны выпивали когда, под весе́лу руку, пошли у них розговоры:

— Вот, дорогой товарыщ, если бы у нас с тобой у которого были дети, мой совет такой (оны оба были бездетные): вот если бы у меня родилсе сын, а у тебя доць, вот их соединить, согласен ты к этому или нет, скажи мне, дорогой товарыщ? Или если бы у меня доць, а у тебя сын, и я выдал за твоёго́ сына?

Ну, купець был согласен и оцень радовалсе евонному предложению.

Да, вот оне сделали такую за́пись промеж собой и хранили до ти́х пор, покамест у них не вышли дети.

Тогда королева почувствовала себя беременною и также купецькая жона, после того. Вот королева принесла доцьку, а купецькая жона сына. Королеськой доцьке дали имё Мария, а купецькому сыну Семён.

Эты дети пошли и стали расти так быстро, што невидимо ростут. Так, вот, когда достигло им пять лет возраста, тогда отдали их учитьце, оны были оцень суровые. Вот когда купець приходил к королю, то своёго сына за собой водил, и эты дети жили просто как оцень дружно, Семён и Марья. Их родители не запрещали.

Прошло им двенатцеть лет возраста, уж оне окончили все науки, стали учоные.

Да, у купця случилось одно нещасное положение — пожар, загорелись все магазины, двенатцеть. Купець узнал об такой неприятности, побежал смотреть. Когда он прибежал, уж пожар во всю пылал. Прибегает к дому, и уже дом горит. Осталась жона в дому, конешно, не знала этого, сгорела; и он бросилсе с этой досады сам в огонь, сгорел.

Тогда осталсе наш Семён, как сиротка, один без отця, без матери. Ну, ёго во времё пожара не было, он был на королеськом дворце, с Марией гуляли.

Вот когда Семён прожил петнатцеть лет, тогда Мария (он жил, конешно, при королесьтви) даёт ёму такое предложение:

— Вот што, Семён, ты топерь осталсе так што сироткой, тебе топерь надо поучитьце какому нибудь ремеслу, так што науке, штобы поступить на хорошую должность.

Вот Семён говорит:

— Ланно, Мария, учитьце то бы и хорошо, но средствов больше у меня нет, ты сама знаеш, в каком положении я живу.

Тогда Мария и говорит:

— Ну идёмте в мою комнату, поговорим, а потом идём к батюшку, может привыкнеш к нашим законам, посмотриш, а ёго сецяс как раз дома нет.

Вот она ёго взяла, повела ёго к отцю.

Приходят когда на отцёвской трон, начинает она розбирать отцёвские законы. Вот когда она вскрыла, несколько посмотрела, ей попала эта запись, сделана у отцей. Она посмотрела: Марья штобы вышла за Семёна замуж.

Вот Мария процитала, передала Семёну.

— Ну-ка, Семён, процитай, што тут написано.

Начинает Семён цитать. Семён процитал эту запись и говорит:

— Ну, Мария, не знаю, умные што-ли были наши отцы или глупые. Ну, теперь я не знаю, не отдаст наверно батюшко вас за меня замуж, што я сиро́тка.

— Тебе, Семён, мой совет такой, ехать сеця́с же заграницю и учитьце какому-нибудь ремеслу, а я без тебя замуж ни за кого не пойду.

Берёт ёго за руку и ведёт в свой кабинет. Открывает сундук и вынимает деньги. Даёт ему сорок тышець денег.

— Ну, Семён, учись год, два или три, ну не приежжай без какой-нибудь науки, тогда будеш жонитьце.

Получил Семён деньги и пошол на корабельную пристань, штобы ёму лехче всего было уйти заграницю на каком-нибудь корабле. Приходит на корабельную пристань, там отходит корабь заграницю. И он стал проситьце матросом. Ну, и как раз на этом корабле не хватало матроса, он искал раньше и не мог найти, взял Семёна матросом, пошли в плаванье морем.

Конешно, шли оне несколько ме́сецей. Наконець уже пришли заграницю. Тогда Семён заявил рощот и сошол с корабля в город.

Да, вот он идёт себе по городу. Куда зайти?

— Давай, — думает, — зайду хотя́ в трактир.

Потом ходил, откупил себе номер, отдал деньги за челой год, отдал две тышеци, штобы ёму прожить пока. Потом вот прошли три дня, всё он ходил по городу, не знат, где бы ёму найти какой работы.

В один прекрасной день еще походит, идёт по городу, видит, стоит прекрасной клуб.

— Дай, — думает, — зайду, што творитце в этом клубе?

В этом клубе што делали? Играли, конешно, в карты. Купци-милионеры играли оцень задорно или азарно, приносили деньги порядошны́. Один купець проигравши, вышел из-за стола, а Семён не играет, ходит по комнаты и не знает, не и́грывал, как и играть. Тогда этот купець и говорит:

— А поцему же ты, молоде́ць, не играеш?

— Я не умею.

— Садись, я тебя научю или буду играть на твои деньги. Што выиграем, то вместя́х.

Вот этот купець нача́л играть на ево́нны тогда деньги и проиграл у него десять тышець. Тогда Семён сказал ёму:

— Нет, друг, на мои деньги не будеш играть, лучче я сам поиграю.

Сел играть сам. Семён поиграл, поиграл, и тоже десеть тышець проиграл, и подумал:

— Деньги то я проиграю, а к чему я приехал, не научусь.

Конци́л игру и ушол. Знацит, денег вышло у нёго дватцеть пять тышець, осталось только петнатцеть. Топерь он подумал:

— Как быть? Да я ни к чему не научилсе, а уже больше половины прожил.

Топерь он проводит времени еще два месеця и ничего не роботает, не найдёт он себе никакой должности, штобы поступить ёму в какую науку. Опеть раз вышел, идёт по городу и подумал:

— Дай, еще заворочу в этот клуб.

И заворотил. Заворотил, конешно, и сел.

— Давай, еще сыграю, што будет.

Так, сел, поиграл, опеть десеть тышець проиграл, остаётце у нёго только пять тышець. И игра опеть сошлась на пять тышець. Как ёму делать?

— Ну, думает, сыграю и проиграю последние деньги. Давай уж сыграю!

Когда он сыграл и выиграл пять тышець; и дальше нача́л играть. До ти́х пор он доиграл, пока не выехали все купци, а он всех обыграл. Даже проигрывали тройки, одёжу с себя (тройки лошадины конешно).

Вот когда эти купци, проигравшись, розъехались все по домам, осталсе только один заведующий клубом. И он запоежжал, ну заведующему жалко ёго было отпустить с деньгами. Тогда заведующий ёму говорит такую штуку:

— Вот, товарыщ, давайте ещё сыграем на двести тышець, а тогда поежжай.

Семён подумал.

— Давай, сыграем, ещё я буду не в проигрыше.

Тогда он сыграл, выигрыват у заведущего клубом ещё двести тышець. Заведущему еще боле стало обидно. Подошол к Семёну и говорит:

— Ну, Семён, сыграем еще на петьсот тышець, а уж тогда боле играть не буду.

И Семён решилсе еще сыграть на петьсот тышець.

Когда он это проиграл, опеть же у нёго выиграл петьсот тышець. Заведущий так осерчал, што уже на одном мести сидеть не может, и отпустить ёму было жалко. Заведущий походил, походил по комнаты и говорит:

— Ну, Семён, есь у меня три корабля с красныма товарами, давай все твои деньги и вещи какие, ну, конешно, тройки и одёжу. Если проиграеш, то всё моё будет.

Семен подумал.

— Если я,— думает,— сыграю, проиграю, мне будет обидно.

Но заведущий наступает, предлагает играть. Наконець, Семён решил поиграть. Да. И сыграли. Конешно, было Семёну, жутко, што проиграет, но ёму удалось благополуцьно окончить. Выиграл опеть.

Заведущий чуть не сошол с ума и приписал ёму три корабля с товарами. Заведущий помыслил и говорит Семёну:

— Ну, ты хорошой игрок больно, давай ещё сыграем, есь у меня еще три корабля. Если выиграеш, владей ими, а на остальные больше играть не будем.

Тогда Семён решил:

— Давай еще сыграем, што же.

И выиграл у нёго три корабля.

Тогда заведущий начáл ходить по клубу и всё думал, как ёго отпустить с кораблями и с деньгами, а у нёго кораблей всех было двенатцеть. Тогда заведущий предлагает ёму такое положение:

— Вот, Семён, есь еще у меня шесь кораблей, и этот клуб-заведение, а ты ставь все деньги и товары, тогда кто уж заберёт.

Семён немного подумал, надумал:

— Как бы мне не проиграть, уйти пустому!

Наконець решилсе:

— Давай, сыграем!

Когда он сыграл, то выиграл у нёго все эти шесть кораблей и клуб, каменной дом.

Топерь давайте, говорит, — писать станем до́говор, штобы перевести эти корабли на меня все и также дом.

Вот оне сецяс заня́лись этой работой и переписали всё на нёго.

— Тогда пойдёмте на корабельную пристань, укажи, где эты корабли стоят, я буду има́ хозяин.

Приходят оне на корабельную пристань, он и говорит:

— Вот, капитаны, вот вам хозяин, так што эти корабли у меня сданы́, можете итти с ним, или не итти, — он будет вас нанимать.

Тогда он говорит купцю:

— Ну, друг, я тебе отдам каменной дом и выигранны вещи, ну с остальными пойду домой, мне оне ни к чему.

А тогда обратилсе к капитанам, стал с има́ реч вести, согласны ли они плыть в ёго город, и также с командой.

— Какое жалованьё вы получали? Если получали двести то я дам вперёд триста, так же и матросам увеличу в полу́торном размере, если кто будет согласен.

То все капитаны согласились на ёго предложение, все как один; и так же матросы были согласны, очень ченили своёго́ хозяина.

Семён, конешно, не о́тжил срока, то, што он заплатил пять тышець в год, ну с этым он не щыталсе, поплы́л домой,

Вот оне пловут конешно месець, два и три, может пловут полгода. И приплывает он в своё королесьтво, становит суда на прописку и говорит штурмана́м, штобы вывести ёго на го́ру; и говорит капитану:

— Я поеду на го́ру, и в каком бы виде и с кем бы я не приехал, то меня перевезти на корабь, а попрошусь на пристане́.

Еще предупреждает капитана:

— Когда я приеду с города, в какоё бы времё не приехал и што я попрошу, штобы мне-ка вы испóлнили, но не выказывали, хто я есь такой.

Да. Перевезли Семёна на пристань, выпустили. Семён пошол по городу. Идёт Семён по городу, стречаетце с одным знакомым кóнюхом и начáл спрашивать:

— Што у вас в городý деетце хорошего?

Тогда росказал ёму конюх:

— Вот короля доцька выходит замуж за онного прынця.

И Семёна как будто ударила какая мысль плохая. И он стретилсе с одным трубоцистом и говорит:

— Вот, друг, дай мне свою одёжу, поменяемсе.

Трубоцист на нёго немного посмотрел и стал роздеватьце, думает, он не в полном уже уме.

Тогда Семён оделсе в одежду трубоциста и попросил еще корзинку, в которую он собирает мусор; и пошол по городу вперёд. Идёт прямо на королеськой двор к поварáм, к тем, которые уже очень были знакомые ёму.

Когда увидали повáра, што пришол Семён:

— Ого, Семён, ты откуда?

— Из заграничи, сами видите.

— И какому ремеслу научилсе?

— Да, да, хорóше ремесло самое.

А в это времё уже у короля велась свадьба во всю, Мария выходила за прынця замуж.

Когда она узнала о приходе Семёна, то сразу она побежала к поварáм на кухню. Увидала Семёна сидящим с поварáми и бросúлась ёму на шею, не щиталась, што был он оцень грязной, как трубоцист. И говорит ёму:

— Ну, Семён, Семён, уж наверно ты меня забыл. Уж никакому ты ремеслу не научилсе, нашол себе роботу с такими деньгами.

А он говорит ей:

— А, брось, Мария, толковать ни об чем, мы прокормимсе этой роботой, вот один, два дома отмашý и получай десятку, две, так што ты ни об чом не беспокойсе, и скажи мне ответ.

Мария была на всё согласна, она крепко держалась того до́говора отцёвского, которым их отци благословили.

Сеця́с узнал король о приезде Семёна и пришол на кухню в поварску́ю и говорит Марии:

— Што ты тут, Мария, делаеш, с каким то трубоцистом сидиш?

Король не узнал ёго.

Тогда Мария говорит:

— Кажетця, батюшко, вам не безызвесно, ты знаеш Семёна сиро́тку, у вас был до́говор сделан с отцём, я должна за нёго итти, и отказываюсь от прынця.

Тогда король говорит:

— Ну, ланно, коль ты хочеш итти, то уходи с глаз проць, мне уж больно за тебя позор, уходи со своим сиро́тком.

Семён потом сказал Марии:

— Мария, пойдём, — проживём, прокормимсе, не печалуйсе, пойдём.

И вместе вышли из города. Подходят оне к корабельной пристани.

— Вот, Мария, пойдём, попросимсе на иностранной корабль, а заграничей народ хорошой, наверно нас пустят, перевезут.

Но Мария не рощитывала, не зная, што собственность Семёновы корабли, куды он ей сеця́с везёт, потому што он был в одежде трубоциста. Тогда он нача́л крычать названиё корабля. Приплыла к ним лодка, штурман и два матроса. Когда приехали на корабь то он спросил капитана:

— Где бы нам можно поместитьце?

И говорит Марии:

— Видиш, какой заграничной народ хорошой!

Капитан, конешно, узнал ёго. Говорит ёму:

— Вот вам каюта, можете в этой каюты помещатьце, и заказывайте, што вам надь, подают.

Семён открывает каюту, заходит. Там, конешно, убранство заграничное, ковры, зерькала́. Садитце на ковро́вой диван и сажат Марию. Она и говорит, Мария Семёну:

— Што вы, Семён, хорошо ли, ведь вы всё замараете, хорошо ли будет?

— Ну, брось, Мария, заграничной народ слова не скажет, очень хорошой.

Семён не снимат своей одёжи, по́дал звонок, подают ёму обед, и так далее, угощенье какое заграничное. Тогда сеця́с приходит повар, приносит угощенье, конешно, водочки и сели оны кушать. Мария дивитце.

— Што же, Семён, нас как угощают?

— Ну, Мария, народ заграничной, слова не скажут, вот мы топерь отдохнём немножко, поспим.

Вот оне повалились, конешно, поспали.

Встают и Семён говорит Марии:

— Сходи-ко к капитану, можно ли нам в этой каюты пожить еще до какой поры, и не отдаст ли нам её однем?

Мария пришла к капитану:

— Можно ли нам до какой поры в этой каюты пожить, и Семён просил, можно ли нам пожить однем.

Капитан отвецят ей:

— Што-ж, пускай Семён живет, хош отдам весь корабь, не только одну каюту.

А в это времё Семён вошел в умывальню, пока она ходила. Семён успешно умылсе, оделсе в заграничную одёжу и вышел на палубу вместе с капитаном и с матросами. А Мария прибежала в каюту, а уж Семёна нигде нет. Выбежала на палубу и не узнала своего́ Семёна:

— Где мой Семён? Дайте мне моего́ Семёна, то я без нёго жить не могу.

Подходит к Марии капитан и говорит:

— Брось ты, послушай, плакать о каком-то Семёне трубоцисте, посмотри сколько нас людей есь, неужели мы хуже твоего́ Семёна?

(Вот как скрыто делает!).

И Мария пала в омморок. Как скоцила, так броси́лась на ре́леньгу (это на борт судна щитаетце, ре́леньга) и хотела броси́тьце в море. То подбегает капитан, захватывает ей, а в это времё Семён уже ушол обратно передеватьце.

— Да, — говорит, — погоди, я тебе найду Семёна, и ты не плаць, увидиш своего́ Семёна.

Завёл он ей обратно в каюту. Семён сидит за столом, угощаетце, пьёт, конешно, воточку, в той же одёже трубоциста. Она подходит к нёму, садитце и говорит:

— Што это, Семён, ты делаеш, куда убежал, а я чуть с ума не сошла, хотела бросйтьце в море, тебя утеряла.

— Брось, Мария, думать, я тебя не брошу. Пришлось мне зайти к одному знакомому кочегару, вот меня и не было близко, а я тебя не брошу, не плач обо мне.

Вот тогда он нажáл звонок, приказал принести обед. Да, вот оне пообедали. Когда оне пообедали, то он тут и говорит:

— Вот сходи-ка ты опеть, Мария, к капитану, штобы он дал нам парового катера покататьце, што он тебе ответит, попроси ёго.

Она сецяс же вышла на палубу.

— Капитан, дайте, нельзя ли будет, Семён просит, нам парового катера покататьце, и дать одного мотористá?

Тогда капитан сказал Марии:

— Иди, зови своёго́ Семёна, а уж катер будет готов, так што можете кататьце ехать.

Приказал спустить катер штурману на во́ду.

Вышли оне из каюты, катер был спущеной, и сели оне в катер, поехали кататьце. Покатались оне извесное времё, тогда Семён и говорит:

— Ну, ланно, Мария, поедем топерь на корабь.

Тогда оне обратно приехали на корабь, капитан приказал катер поднять, оне пошли в каюту. Потом позвонил, конешно, подали ёму кофеёк. Выпили оне ко́фей, он и говорит:

— Вот што, Мария, поди попроси капитана, не даст ли он нам корабля совсем, может быть даст.

Мария пошла к капитану, а Семён пошол опеть в умывальник и нацáл одеватьце и умыватьце и одел одёжу прежную. Тогда она пришла к капитану и просила, штобы он отдал весь корабь в ихно роспоряженье. Капитан сказал:

— Пожалоста, владейте этим кораблем всем.

Она была обрадована. Вот она с радостью забегает в каюту, Семёна уже не было, он стоял на дéке вместе

с капитаном. Тогда, кода она увидела опеть себя оммáнутой, выбегает опеть на корабь со слезами и просит:

— Отдайте мне Семёна, где мой Семён?

Вот и плацет, и бегает по кораблю, не знает, куда детьце. И говорит:

— Брошу́сь я, наконеч, в морё.

Тогда подходит Семён к ней, она, конешно, ёго не узнала.

— Вот што, Мария, пойдёмте в каюту, я покажу тебе, где Семён сидит, ты не узнала ёго.

Она, конешно, послушала ёго, и пошли в каюту. Семёна в каюте не было.

— Што ты мне врёш, ёго же нету.

Говорит Семён ей.

— Слушáй, Мария, убедись, ведь я есь Семён.

— Нет, нет, не верю, Семён не в такой одёжи был, и облик у нёго не такой, как сецяс вы; укажите, где он сидит.

Тогда он сказал:

— Ну, иди, Мария, в умывальню, там я тебе ёго покажу.

Когда он ей заводит в умывальню:

— Смотри, вот твой Семён, — и показывает ей одёжу. Забыть и думать, это всё мои достатки, всё до одного корабля.

Тогда она посмотрела на нёго, броси́лась ёму на шею.

— Што ты делаеш, Семён, — говориш мне одно, а у тебя оказываетце другое.

И вышли в каюту. Когда оне вышли в каюту, сели за стол, то Семён открывает большой сундук, вынимает ей хорошее платьё заграничное.

— На, Мария, переденьсе, ты уж больно запачкалась.

Когда Мария концила это платье передевать, переделась, то почуствовала, што она уже находитце не за трубоцистом, а за Семёном, которой прибыл из заграничи с двенатцетью кораблямы, и была оцень обрадована.

Эты корабли стояли челой месець, только были прописаны, но не розгружали их почему то.

Тогда приехала опеть же таможня и говорит:

— Вот што, корабельщики, капитаны, вам надо прописатьце, или розгружатьце пойдёте, хто у вас есть хозяин.

То подходит Семён к таможне.

— Вот што, это все корабли есь Семёна Сиро́тки и будут черезь несколько время розгружатьце.

Тогда узнал король о приезде зятя своёго́ на двенатцети кораблях с дорогими заграничными товарами. Да, очень обрадел и поехал на корабь посетить их. Вот когда он приехал на корабь, увидел свою доць и зятя своёго́, сказал:

— Ну, доць, вы вышли, не проиграли, живи́те себе с богом, я благословляю.

В то же времё сказал:

— Семён, зять, выежжай на город, у меня есь дом, на доць записан, можеш в нём жить, тебе ехать отсюда некуда, можеш розобрать свой товар.

Тогда Семён приказал капитанам своим, штобы подошли к пристани, нача́ть розгружать корабли.

Отвели ёму двенатцеть магази́нов, а сам пошол во дворець. Тогда капитаны повернули корабли, приступили к выгрузке, а Семён сидит, конешно, советует со своим тестем и росказывает, што с ним произошло, как он добыл эты корабли.

Тогда розгрузили все корабли по магазина́м, наня́л он прикащиков, стал торговать, стал рощитывать капитанов и матросов. Когда он их рощитал, поблагодарил капитана, дал им один корабь, штобы оне выехали заграничу на свои места, а остальние оставил для себя.

После этого всего наця́ли собирать почёсной пир, играть свадьбу. Когда оне концили свою свадьбу, после пира́, король предло́жил, уступил престол, своё место Семёну; поставил Семёна на престол.

Пошла у Семёна торговля и стал править королесьтвом.

Тем она и кончаетце.

56. АРСЕНИЙ И ХЕОНА

Ну вот, не́ в котором чарьстви, в городе в каком, не знаю, жил был один купець. Была у нёго снацяла жона, а потом эта жона умерла. Взял он роботницю, одну девушку; звали её Хеона. Вот он прожил с ней три года. Когда он уверилсе с ней, што она была очень верная и исправная девушка, то её за себя замуж взял.

Когда не хватало у них товаров, то он уежжал в город и оставлял ей до́ма. Когда он вора́чивалсе обратно домой, то она так хорошо вела торговлю, што при нём торговля плоше шла, как он отъежжал за товаром. Он был очень доволен своей жоной, и жили оне очень хорошо.

Вон он прожил с ней десятки лет и знаком был с однем купцём; хотя тот не так был богат, как он, но знакомы были, сидели частенько розговаривали; и напились оне один раз пья́ны. И вот, раз он пьяной, то пошол такой розговор, дошла реч до жон и до верности. Арсентий и говорит:

— Ну, у меня жона очень верная, ведёт торговлю и не смущаетце ни на какие редкости.

И вот этот самой купець говорит ёму:

— Не правда, што не смущаетце, я могу так твою жону подговорить, што она даже и со мной может пуститьце на розговоры.

— Ни за што не поверю, и тебе ей не смутить, ни за што, — грит, — не поверю.

— А вот ежели жалаеш, ударимсе в пари. Если я смущу́ твою жону за один год, то весь твой капитал и дом — мои, а если не смущу́, то я тебе отдам весь дом и весь мой капитал.

Так оне и ударились. Если удастце ёму смутить ей, или узнать, какие у ей признаки или вещи какие-нибудь есть, он и говорит:

— Ланно, я в какой-нибудь город выеду на год, а ты мне пиши, я тогда обратно не вернусь, и ты получиш по договору мой капитал и магази́ны и всё такое.

Как оне решили, так он ушол домой. Пришол к жоны, пожил несколько дней и говорит:

— Ну вот, жона, я топерь прохожу и проежжу может быть год, а ты оставайсе при доме.

А у них жила при доме роботниця, тоже девушка. Вот уехал когда муж, не прошло недели две, как вдруг и заходит этот купець к ней. И говорит ей тамотки такие слова, которые ей не подходят.

Она и говорит:

— Слушай, если ты гость, то и сиди гостем, вот угощайсе, а если с такими речми, то больше ты не ходи ко мне никогда.

Вот прошло недели две, он призывает эту служанку, которая у них жила. Словом подговорил ей, штобы она пришла к нёму. Конешно, эта служанка приходит, и он начинает говорить:

— Слушай, когда ты ей топиш байну, то скажи мне-ка, я приду.

Конешно, дал ей денег, штобы она помогла ёму. Вот она и сказала:

— Хорошо, я скажу, как истоплю байну, редко когда мне приходитце с ней мытьце, она моетце одна.

И вот прошло несколько времени, она и говорит:

— Ну, служанка, вытопи мне байну, я што-то давно не бывала.

Она, конешно, вытопила байну и хозяйки сказала:

— Байна, хозяйка, готова.

А сама в это времё пошла и сказала купцю, што она пошла в байну. И он вскоре собра́лсе, приходит туда в байну, она еще не успела и роздетьце. Он зашол к ней в байну. Когда он подошол, даёт ей предложенье, штобы она вобщем на евонно предложенье согласилась. А она:

— Нет, уходи лучче отсюда, а то тебе плохо будет.

Потом этот купець, конешно, захватил ей в руки, а она была кре́пка, могу́тна женщина, схватила ёго и посадила в котел с кипящей водой. Купець обжогсе, заругалсе и ушол домой.

— Ланно, всё ровно до тебя дойду.

Когда она пришла из байны, сидит и думает:

— Што это такое случилось, што этот купець второй раз налезает ко мне с глупостями. Мой муж ушол — не знай куда и насколько, нет ли поэтому меж них какого сговору, может он поэтому и ушол.

А она вела торговлю всё по старому и была очень хитрая.

И она сецяс устроила што? Взяла сецяс наняла́ роботников тайно, штобы и служанка не знала, сделала подземельнё сообщение под дом, просто помещенье сделала тако́. Когда сделала это всё, устроила, рощитала роботников и говорит им:

— Вы смотрите, никому не говорите и даже моему́ мужу, если он вернётце.

И сама стала большие ченности из дому туда носить, подвенечно платьё и большие деньги; ну сама еще не знает, што такое будет. Когда всё это убра́ла, а этот купець всё злитце и приготовляетце хоть ни што больше, как узнать хоть какие тельные признаки или кольцё, браслет или што-нибудь.

Раз этот купець созывает кухарку и говорит:

— Вот што, может ты с ней когда бывала в байны, ты знаеш, какие у ней признаки на теле есть, скажи мне-ка. И потом когда она ложитце спать, оставляет какие перьстни, бруслеты, не можеш ли у ней какую вещ взять и передать мне, а я тебе уплачу.

Даёт ей деньги, штобы она более как старалась. И потом еще говорит. Этот тоже купець был холост; была жона, но умерла. Он и говорит:

— Если ты это всё мне сделаеш, то я возьму тебя замуж за себя.

Она говорит:

— Хорошо, я постараюсь, а сецяс не знаю, какие есть признаки, и вот схожу когда в байну и всё тебе докажу.

И так она ушла к хозяйки, к Хеоны.

И проходит, конешно, известное времё, она и говорит:

— Истопи байну, кухарка, сходим в байну, я уж давно топерь не бывала.

Она и говорит ей:

— Пойдём топерь со мной в байну.

Сама думает, штобы не ворвалсе опеть этот купець, однаси стала ходить боятьце. Вот оне, конешно, вымылись, обсмотрела она у ней всё, узнала; и когда Хеона мылась, она оставила перьсни, бруслеты и всё. Вот роботниця вымылась, Хеона и говорит;

— Ну, поди, ставь самовар, а я буду одеватьце и сецяс приду.

Вот она побежала вперёд, взяла один перьстень и бруслет, которой был подарён мужем и закрыла всё, как было. Вот она сецяс пришла, по́пила чай, легла спать и про эти бруслеты забыла, думает:

— Ну, куда мне их одевать, как я сецяс одна.

И так не схватилась сразу, прошло несколько дней. Она хотя и хитрая была, но не знала коварности своей кухарки, не знала, што она проделывает: ложилась спать, а в это времё кухарка бежала к купцю с вещами и обсказала все её признаки. Когда она пришла, сецяс начинает ёму говорить, подаёт перьсни и бруслет. Он очень обрадел.

— А топерь, говорит, — я тебе обскажу про остальнё. И вот когда мы мылись в байны, то у ней есть на спины родимое пятно, а на хо́лке борода́виця, тоже такая родимая.

Когда он это всё узнал, а потом уже пишет мужу письмо. Прошло, конешно, времени боле как полгода. Вот пишет ёму

в таком духе: „Твоя жона имеет вобщем со мной, и она дала мне такие то подарки, перстень и бруслет, и имеет вот такие то признаки: на спине родимое пятно и на хóлке бородáвицю. И она такая слабáя, што пустилась топерь во всю, с кем хош, с тем и пойдёт гулять".

Это пишет он Арсентию.

Когда Арсентий это письмо процитал и задумалсе:

— Неужели моя жена позволила такое сделать?

И черезь несколько дней пишет на ответ: „Коли моя жона позволила себе такое сделать, можеш полуцить по договору всё, а я отсюда не вернусь; а жоне отрубите голову и пришлите мне, я хош на ней посмотрю".

Когда прочитал этот купець письмо, то очень обрадел:

— Вот получу тако громадно наследство и буду жить, всё-таки сумел обдурить ей, хотя как-нибудь.

И вот приходит к ней и даёт это письмо. Когда он процитал это письмо ей, она сказала:

— Ну коли ты сумел так сделать, то и живи, а я пойду куда голова несёт.

И он не успел ей отрубить голову, она скрылась, а он послал мужу собачью голову.

И она пошла, взяла, конешно, денег, колько ей было нужно; а остальнё у ней уже былó раньше спрятано.

И вот она, конечно, приходит в город, купила мусское платьё и постригла все волосá. И ушла на корабельную пристань, где корабь уходил заграницю, и нанялáсь матросом на этот корабь. И вот когда она нанялáсь матросом, то оне перешли в город заграничу и стала там узнавать, где такой то находитце Арсентий. Конешно, в тáйны стала роспрашивать. И себе имё назвала Иваном. Вот топерь, значит, она узнала, што он служит в армии наёмным салдатом. И она пошла на этот военной пункт, где брали наёмных салдат. И вот она нанялáсь в ту же самую роту, даже в один взвод, где он служит. И вот оне скоро с ним познакомились, этот Иван и Арсентий пили, ели с одного стола и ходили в город, знакомились, розговаривали, когда было такое времё слободное. Потом она ёго стала спрашивать:

— Ну, какого города тамотки, почему ты служиш салдатом, по какому делу, почему ты не весёлой, туманной такой, бледной, скажи мне товарыщ, как мы друзья. Всё ровно я никому не передам, как ты мне скажеш.

Он ей отвецяет:

— Слушай, Иван, как мне говорить, так мне без слёз и нельзя.

— Ну, зайдёмте в трактир, выпьем пива или чего там, всё веселее будет.

Вот она завела ёго в трактир, купила пива и несколько стаканов вина, хотя она сама и не пила, но поддерживала ёму компанию. И он напилсе, хоть не совсем пьяной, но был уже в полном порядке. И стала ёго роспрашивать, ей нужно было узнать, как он сделал договор с купцём и на сколько времени. Вот он, когда подвыпил, нача́л ей объеснять.

— Вот с таким то купцём ударились мы в пари́, нащот жон. И вот в какие-нибудь семь-восемь месецев она нача́ла с ним гулять, и он даже прислал мне нательные признаки и кольцё и бруслет. И так што на родину я не пойду, мне не охота. И она со стыда с этого, што так сделала, ей и живой топерь нет. Я не пойду, и так што у меня торговля пропала, и ехать туда не́ для чего.

И всё это он росказал Ивану, своёму́ товарыщу. И сам утиралсе платком и плакал. Она, конешно, ёму говорит:

— Ну, што же, бывают такие случа́и, на это обращать внимание не надо, а отслужим известное времё, и мне охота поехать в тот город, — поедем вместе, я хош поинтересуюсь, какие твои были постановки, магази́ны.

— Так вот нам токо осталось служить три месеця, а потом поедем, если тебе охота; токо мне больно обидно будет смотреть на свои магази́ны.

И сам сильнё за это времё похудел. Вот она, конешно, говорит ёму:

— Брось печаловатьце, розбито́ва да пролито́ва назад не воро́тиш. Вот отслужим срок и поедем, а потом опеть куда-нибудь розъедимсе.

И вот прослужили оне три месеця, она и говорит:

— Што, Арсентий, поедем, съездим?

И он согласилсе, поехали.

Ну, у неё деньги, конешно, были с собой захва́чены. Ну, и у нёго были, сначала он пьянствовал здо́рово, а потом уж не стал.

И прошло это времё челых два года, как оне уехали. А этот купець владел ёго имуществом, торговал и очень радовалсе. И эту кухарку он, конешно, взял за себя замуж.

Вот он, конешно, надумал с ней ехать. И приежжают оне в одно прекрасное времё в этот город. Когда приехали оне в этот город, этот купець, конешно, не узнал ни которого; и оне пришли к нёму проситьце на квартеру, штобы он их спустил побыть там несколько времё. Этот купець, конешно, дом этот пустовал, никто не жил, и он спустил их в те комнаты, даже, где она и жила. И вот живёт он неделю, вторую и сильнё стал печалитьце, задумыватьце еще боле, как и раньше, што он живёт в этом доме, где торговля ёго велась.

И вот однажды вечером она уходит от нёго и говорит:

— Вот я сецяс пойду в город, закупить там чего, водки или чего, штобы розгони́ть твою скуку, а вы посидите.

И ушла. Она ушла, конешно, не в город, а спустилась в эту тунель, которую никто не знал. И оделась в своё подвенечно платьё, а волоса́ у ней были в кормане. И приходит к нему женщиной.

Когда он токо ей увидал, в такой пришол о́мморок или просто в ужас и говорит:

— Што ты пришла, меня пугаеш, коли ты себе позволила такое сделать, тебя и живой нет, а ты меня пугаеш. Уходи проць, а то закрыцю.

Она походила, походила немного и ушла. Ушла, конешно, розделась, убра́ла всё, закрыла и приходит к нёму, приносит пару пива и половинку вина. А он сидит, побелел весь, што полотно. Вот она сецяс ёму и говорит:

— Што ты, Арсентий, побелел, или што ты думаеш, што с тобой?

— Да как што с тобой? Сецяс со мной такой о́мморок или цёрт знает што. Сецяс будто приходила моя жона в подвенечном сарафане, и откуда у ней голова! Коли она держала

себя как собака, то у ней и голова была собачья, и это не может быть, она сецяс где-нибудь.

— Да брось, Арсентий, ни об чем думать. Это тебе во сни, потому што ты всё думаш. Ну она в том же образе приходила, как с тобой венчалась?

— Да, да, — говорит, — ну со мной ничего не заговорила и ушла проць.

И вот оне сели за стол, выпили, он немножко стал повеселей и так оне еще прожили день-два. И он вечером никогда никуда не отлучался в город. А она в один прекрасной вецер ушла и сказала ёму:

— Я сецяс не надолго схожу и приду.

И она опеть же ушла в это подземельё, таким же родом средилась и приходит опеть же к нёму.

Приходит к нёму, он и говорит:

— Ну, што за беда, выживать ли с этого дому меня ходиш, што тебе надо?

И очень побелел с лича́. Она обернулась несколько раз и ушла проць. И вот ушла, розделась, приходит обратно; ну водка у ней была запашо́на. И когда пришла, она опеть ёму нацинает говорить:

— Ну, што ж ты, Арсентий, опеть препеполо́ха́лсе?

— Да што за беда, — говорит, — нет спокою от старой жоны, выживает из этого дому, надо совсем из этого городу ехать куда-нибудь.

И вот она достаёт вино, закуску всю, и нача́ли оне выпивать. И этот Иван начинает говорить ёму:

— Слушай, Арсентий, дак может это дело всё сложилось напрасное, вот она и ходит тебя убедить. Мало ли он как поддельно мог все узнать и достать черезь какую кухарку или как. Если она была верная, так я щытаю, она не изменила тебе, и, может, и жива.

Он ей и говорит:

— Што ты, брось ты Иван, разве мыслимо из мёртвой будет жива?

— Нет, может и так. Хочеш я тебе докажу и про всё это узнаю?

— Ну как ты, Иван, можеш доказать?

— А вот именно, што я тебе докажу и всё узнаю про это дело, токо слушай меня.

— Ну, хорошо, буду слушать.

— Я тебе докажу то, што она жива, и это всё вышло через кухарку поддельно, признаки тельные и всё. Ты токо сумня́есьсе, што тебе была послана голова собачья, ну она сумела скрытьце раньше.

Вдруг он ёму и говорит, этот Иван:

— Ну, хочеш, пойдём со мной, я тебе покажу, где она живёт.

И оне пошли вместе. Заводит ёго в тунель, спускаютце в погреб. Когда спустились в погреб, то он смотрит:

— Што такое, я не знаю этого погреба! Што творитце в моём доми, ченности все хранятце в этом погреби.

И стал спрашивать Ивана:

— Ну, докажи!

Потом она открывает сундук и показыват:

— Вот, смотри, тут ейно подвенечно платьё и ейны воло́са.

Он говорит:

— Да, верно, ейно это всё.

Закрыла она этот ящык и говорит:

— Ну, садись топерь на сундук, я тебе докажу об ей.

Потом она сейчасом начинает роздеватьце. Розделась она до нага́ и говорит:

— Ну, смотри, кто я есь, женщина или мужчина.

— Да женщина.

— Ну, я и есь твоя жона. Я всё здесь спрятала, ну, а это всё подвела кухарка, а он не мог никак меня смутить. И вот с кухаркой раз мы были в бане, она узнала мои тельные признаки и стащила у меня перьстень и бруслет, и всё ему обсказала. Черезь это он всё узнал и тебе написал. И послал собачью голову, а я скрылась.

Он потом посмотрел на ней и заплакал:

— Действительно, Хеона, если это всё правда!.. если мне не снитце, то это всё верно.

Она и говорит:

— Слушай Арсентий, ты не плач, оденьсе, и пойдём в комнату, там поговорим.

Она взяла волоса́ с собой, да подвенечно платьё, да еще денег, остальнё всё оставила. Когда пришли обратно, она ёму:

— Ну, Арсентий, если вперёд так и случитце, не бейсе в пари нащот жоны, мало ли каким омманом всё можно делать. Провалил теперь весь свой капитал. Ну, ланно, мы ёго назад воро́тим.

Он сильнё обрадел черезь это.

И вот оне повалились, конешно, спать. И он так сильнё в эту ноч спал, как не спал во времё всех этых трёх лет. Безо всякой печали ту ночь спал. Потом стают со сна, она ёму и говорит:

— Слушай, Арсентий, ты иди к этому купцю и попроси розрешенья сделать бал или банкет какой, и мы позовём всех купцёй, и он придёт. Угощенье будет, конешно, с нашей стороны, ты знаеш, как я деньги спрятала. А уж на этом балу я буду выступать, и он сам всё роскажет.

И вот, конешно, Арсентий вставает и пошол. Ну, Хеона, конешно, в муськом платье, как и раньше была. Пришол, конешно, к этому купцю и говорит:

— Вот, хозяин, позволь мне сделать бал с купцями, я хочу познакомитьце с купцями, я хочу в этом городе остатьце и завести торговлю и обскажу об себе, как я нажил деньги, как пошла торговля и так дальше.

То хозяин сказал:

— Пожалоста, пожалоста, можеш устроить бал и знакомьсе с нашими купцями.

— Я тебя, хозяин, прошу, штобы ты пришол со своей жоной.

— Хорошо, я приду.

И вот он пришол, конешно, сказал своей жоны Хеоны. Она очень обрадела, и устроили оне бал. Вина, закуски у них было достаточно, так што розвеселить гостей вполне можно было. И вот, конешно, когда оне всё устроили, собираютце купчики со всего города и пришол хозяин. Пошла у них по-

пойка, начинают выпивать и хвастать — кто как. И вот, конешно, купци росказывают про своё, как оне начáли свою торговлю. И Арсентий говорит, как с мелкости начáл торговать. А этот хозяин молцит, хотя уже подвыпил, ну он никоторого их не узнал. И потом этот купець, когда подвыпил порядошно, то ухмыльнулсе:

— Да, — говорит, — никому так не пришлось нажить лехкó капитал, как я с однем купцём билсе на парéй.

Вот нацинает говорить:

— Вот когда мы ударились с однем купцём, ёго звали Арсентий, а жону звали Хеоной. Вот мы выпивали, он и говорит: „Если ты мою жону можеш соблазнить, то получиш весь мой капитал, а если не соблазниш, то отдай мне весь твой капитал".

А оне всё сидят, слушают.

— И вот так мы с ним ударились и он даёт мне строку год, што если в год ты пришлёш мне ейны признаки или какие вещи, то я сюда и не вернусь, можеш владеть моей торговлей. И вот он с этой поры уехал, а я осталсе. Ну, конешно, коварна у нёго женщина, ничего не сдавалась, даже и на розговоры не хотела пускатьце, а не то што какие редкости. Потом черезь кухарку я, конешно, узнал тельные признаки, она мне достала бруслет и перьстень. Я, конешно, пишу письмо мужу, а он мне в ответ: „Убей ей и пришли мне голову, а сам живи в моём доми и всё получай". С тех пор я их и не видал, наверно ёго живого нет, и ей в живых нет. А конечно, он велел мне когда ей убить, она больнё хитрая была, мне не пришлось, она куда то скрылась, и я послал ёму собачью голову. Вот как мне удалось обдурить и достать лехкó капитал. И так никому не достать, как я достал очень лехкó.

Тогда заговорила Хеона:

— Вот слышали, господа купци, што этот сецяс говорит?

— Да, слышали.

Конешно, тут присутствовали из начальства и так далее.

Она сецяс стаёт нá ноги и говорит:

— Вот што, господа купци, вот тут мой Арсентий сидит, а я есь Хеона, из-за чего я пошла страдать. И вот тут мои волоса́.

Сеця́с роздевает пиджак, брюки и надевает подвенечно платьё.

— Вот судите, гра́ждане как знаете, а я вся тут есь.

И этот купець о́ммер и побелел как полотно.

Тогда, конешно, сеця́с тут милицию позвали, этого купця посадили вместе с жоной и выслали неизвесто даже куда. А капитал вернули обратно, и евонной, этого купця, отдали тоже Арсентию.

И вот Хеона и Арсентий нача́ли жить по старому, и торговать, конешно, и прожили оне до глубокой старости.

На этом она и кончаетце.

57. КАК МУЖИК ЧАРЮ ЗАГАДКИ ЗАГАДЫВАЛ

Ну, это было, конешно, в онном городи или, скажем, в большом селе. Жил был один кресьянин, сидел на земли, роботал. Имел он большую сёмью.

И раз ёму пришлось роботать в поли. Подъежжает к полю онноколка и выходит, конечно, один стройного, высокого росту мущина. Он не знает, хто это такой. Мущина поздоровалсе и сказал:

— Божья помоч, мужичок!

— Спасибо, — он ответил.

— Так ты трудиссе и роботаеш, а большое ли у тебя семейство?

— У меня семейство — доцерей и сыновей, и отець и мать.

— А вот ты топерь роботаеш, скажи мне, мужицёк, куда ты деньги кладёш?

— Я деньги делю на три цясти, — отвецяет мужицёк.

— А как на три цясти делиш деньги?

— А вот как: старый долг плацю, в воду мецю и в долг даю.

— Умная твоя голова, мужицёк, но только роскажи мне эти загадки, в цём оне составляютце? Поесни, а я тебе за это заплацю.

— Слушайте, доброй цёловек, мне как объеснять, дак времени много пройдёт. Люди все доробатывают, да все идут в город смотреть цяря. Мне тоже охота посмотреть ёго.

— Ты не торопись, мужицёк, я тебе покажу цяря. Сядем вот потом на мою онноколку и вместе поедем смотреть, и увидаш ёго.

И вот он даёт ёму денег, конешно, и говорит:

— Ты, мужицёк, роскажи мне эти загадки, я понять их не мог, а ты успеешь цяря высмотреть.

Но, тогда он ёму говорит:

— Я тебе роскажу, доброй цёловек, коли хоти́ш: старой долг плацю — отця-мать кормлю; в долг даю — сыновей ро́щу, а в воду мецю — доцерей ро́щу.

Выслушал это всё цёловек и говорит:

— Умная твоя голова, мужицёк!

И когда мужицёк допахал полоску, этот мущина сказал ёму:

— Но, топерь садись со мной на онноколку и поедем чаря смотреть.

И вот оне едут.

И он говорит ёму:

— Вот ты увидиш, когда мы приедем на большую площадь, то все люди будут без шапок, только два цёловека с шапками будут.

И вот, когда оне приежжают на эту площадь, мужицёк видит, все люди стоят без шапок. И он спрашивает:

— Слушай, доброй цёловек, а где же у нас цярь?

И он ёму и говорит:

— Слушай, мужицёк. Вот топерь мы приехали, и оба стоим в шапках, знацит, которой-то из нас, видно, цярь.

Мужицёк выскакивает и снимает шапку.

— Слушай, ваше величество, уж я не знал.

Сам снимает шапку.

— Уж вы меня извините.

И вот он ёму сказал:

— Ланно, вот прилетят с Ру́си се́ры лебеди, умей их ощипать. А топерь иди домой; и этой загадки, смотри, никому не сказывай, а то будеш от меня нака́зан.

Он ёму тут тоже загадку заганул.

Так мужицёк уехал домой. И уехал цярь домой, то сказал своим министрам:

— Хто отга́нет эту загадку, котору я знаю, и тот награждён будет всеми цярьскима наградами. Эту загадку я услышал от онного мужицька в поли.

И загану́л загадку всем трём министрам. Потом министры позадумались и говорят:

— Мы вот подумаем и отга́нем эту загадку, ваше велицество.

Потом министры собра́лись ехать розыскивать этого мужика, которой цярю загадывал. И оне поехали.

Вот оне долго ездили по лесам, по доля́м, может там сколько местности объехали. И увидали оннажды мужика роботящёго на поли и спрашивают ёго:

— Мужицёк, скажи нам, ты роботаш столько времени на поли, скажи нам, куда ты деньги кладёш?

— Я деньги кладу на три цясти, — отвецяет мужицёк им.

— Ну, как это на три цясти ты полагаеш?

— Старой долг плацю, в долг даю и в воду мецю, — отвецяет мужицёк им.

— Дак вот што, мужицёк, розгадай нам эту загадку.

— Нет, не розгадаю дёшево я вам. Которой даёт больше денег из вас из трёх, тому розгадаю.

И вот один министр вылагает денег порядоцьно, другой ище больше, а третий ище всех больше. Он эты деньги собират от перьвого, от второго и от третьего, и он говорит последнему:

— Но ланно, как у тебя денег больше, дак я тебе розгадаю.

И эты министры, конецьно, ушли проць, и он нацинает третьему говорить:

— Ну, слушай, я тебе скажу: старой долг плацю — отця-матерь кормлю, в долг даю — сыновей ро́щу, а в воду мецю — доцерей ро́щу. Вот как я деньги на три цясти делю.

— Но и хорошо, молоде́ць, — отвецяет ёму министр.

А он, конецьно, ёго не знал. И вот он с ним попрощалсе, поехал домой. И приежжают все министры к цярю. Третий министр и говорит:

— Ваше величество, я узнал, што тако обознацят ваша загадка.

— Ну, говори.

— А вот какая загадка: старой долг платить — отця и мать кормить; в долг давать — сыновей кормить, а в воду мецю — доцерей рóщу.

— Умной, молодéць, розгадал, но за это я привлеку этого цёловека, которой тебе розгадал.

И он сецяс призывает это мужицька. Когда он призвал, то и говорит:

— Зацем ты мужицёк росказал эту загадку, как я тебе не приказывал? И ты, может быть, полуциш церезь это свою смерть.

— Слушайте, ваше велицество. Кажетце, вы мне говорили, што — прилетят с Рýси серые гуси, умей их щипать. Наверно, вы говорили.

— Помню, говорил. — Ну, как ты их пощипал?

— Хорошо, до тих пор щипал, пока всех денег не взял у их.

— Умная твоя голова, мужицёк, коли моих всех министров оцистил, я боле с тебя спрашивать ницего не буду. Топерь можош жить.

И пошол домой этот мужицёк и стал жить до тих пор, покуда жизнь велась.

На том она и концилась.

58. ЦИГАН, ПОП И МУЖИК

Ну вот идёт мужик по базару, стречаетце ёму поп.

— Куда мужицёк?

— Да, батюшко, иду, с труда кормлюсь, дак иду, знаеш, где бы нажи́ть.

— Давай, седем, мужичок, этта на бесёдку.

Вдруг, откуль ни возмись, выскакивает чиган:

— Здраствуй, батюшко!

— Здраствуй, здраствуй, садись с нами бесёдовать.

Тот тоже уселсе. Вот поп спрашивает чигана:

— Слушай, откуль ты деньги берёш, я вижу ты никогда не роботаш, а ходиш чисто и сам себя ведёш окуратно.

А чиган любит языком чесать и говорит попу:

— Я то ланно, батюшко, а вот откуль вы деньги берёте и ходите в такой длинной рясы?

— Как откуль? — говорит ёму поп. — Я служу богу, исправляю службу; крещу робят, моли́влю, служу панафиды, и вот откуль у меня доход, так што деньги идут мне кажной день, — вот откуль у мня деньги. Но скажи топерь, чиган, где ты берёш деньги, я про себя росказал.

Чиган и говорит:

— Да, правда, батюшко, ты росказал, а я тоже про себя

роскажу. Ты, батюшко, служиш, поёш, омманываеш людей, — отвечает чиган попу — А я заробатываю языком, вот омманываю людей: кому чего предскажу, кого ожменяю, вот чем и заробатываю, батюшко.

Мужичок всё это слушал и говорит им — попу и чигану:

— Батюшко, я как вижу из твоих речей, ты заробатываеш горлом, а чиган языком — оба вы омманываете людей, а я как цёловек простой, мужик, заробатываю горбо́м — где тяжёльше труд, тут и роботаю, тем и достаю на росходы; и эти деньги делю на три цясти: свиней кормлю; в воду мечу; в долг даю и старой долг плачу.

Топерь оне и спрашивают:

— Роскажи, мужичок, што это за загадки.

— А вот, буде мо́жете отгадать эти загадки, то берите мой кафтан, а не можете, — дак давайте мне вашу одёжу. На том условии я вам роскажу эти загадки. Если которой отгадат, пусть берёт мой кафтан, а не отгадаете, дак я возьму вашу одёжу и вам роскажу эти загадки.

Вот поп и чиган согласились на это. Сняли одёжу: поп рясу, хоть и жалко ёму было, а думал, „может отгадаю, дак кафтан будет мой“. И так же чиган снял со себя шубу. Ну сколько не бились, отгадать не могли. Тогда мужичок им и говорит:

— Вот слушайте, только с тем, што ваша одёжа уж назад не вернётце — будет моя.

Вот свиней кормлю — царю подать плацю; в воду мечу — таких как вы оммащиков кормлю; а третья цясь — старой долг плацю — отця-матерь кормлю, а в долг даю — детей ро́щу.

Вот когда это всё мужичок росказал, взял ихну одежду и пошол домой весёлой.

На том она и кончаетце.

59. КРЕСЬЯНИН КУПИЛ ТРИ СЛОВА

Ну вот, не́ в котором чарьстви, не́ в котором государьстви, дело было в онном городе, жил был кресьянин. Жил он ни богато, ни бедно пора́то. Имел, конешно, он жону. И родилось у ёго два сына. Были оне ище совсем маленьки, только нацинали цють ползать. И он говорит жоны:

— Слушай, жона, ты топерь виш, ницё мне не можно от малых робят роботать. Дай-ко мне денег триста рублей, я пойду в город, куплю хоть какого-нибудь товару. Станем торговать.

Но, конешно, у их деньжо́нки были, как жили оне не пора́то бе́дно.

— Дак поди, — говорит, купи да поторгуй.

И вот он идёт в город. Попадает ёму старицёк настрету. И заговорил:

— Здраствуй, молоде́ць.

— Здраствуй, дедушко, здраствуй.

— Куда ты, молоде́ць, пошол?

— Да пошол в город купить цёго-нибудь, товару. Так што робята как маленьки, дак помогать не могут, надо занятьце поторговать.

— Купи, молоде́ць, у меня три слова.

— Дак што я от слова! Товар-то как продам, дак я наживу да ище куплю, и опеть наживу; а што мне от слов-то?

— Смотри, молоде́ць. Погодятце тебе слова; купиш, дак спомниш меня.

— Ну, како твоё перьво слово и сколько стоит?

— Стоит оно сто рублей, вот купиш — скажу.

— Ну, скажи; уж так и быть.

— Да вот моё перьво слово: „пойду и не боюсь".

— Дак на што мне это слово покупать?

— А уж топерь тебе сказал, придётце купить. Да смотри оно тебе пригодитце.

— Но ланно, куплю.

И даёт ёму сто рублей.

— Ну, молоде́ць, коли купил онно, купи и друго слово, оно тебе ище нужней будет. Коль купил перьвое, купи и второе.

— Ну уж как, — сколько стоит?

— Тоже сто рублей — оно тебе сгодитце очень, только не сеця́с, а получиш и будешь щасли́вой черезь нёго.

— Ну ланно!

И даёт ёму опеть сто рублей. Он сказал:

„Бей паре́й и не бойсе".

Отдал деньги и похо́дит. А старик и говорит:

— Слушай, молоде́ць. Купи третье слово; смотри, потом пожалееш, если не купиш.

— Ну, уж купил два, дак пусть и третье куплю.

Отдаёт ёму сто рублей.

— Но вот, молоде́ць, я тебе последне слово скажу: „Замахнись и не ударь". Смотри, тебе оно оцень погодитце.

И оне розошлись.

Идёт наш кресьянин и думает:

— Ну, што я купил три слова, на што оне? Што я приду скажу жоны? А деньги вы́держал.

Но всё ровно, итти надо. И приходит он домой. Когда домой пришол, жона у ёго и спрашивает, когда сели цяй пить:

— Ну, што ты, муженёк, накупил? И цем завтро торговать будеш?

— Да, жона, и хвастать нéцем. Купил я себе три слова только за триста рублей, а больше ницёго не купил.

— Муж, муж, конешно, воля твоя, а только я бы не советовала. Ты деньги-то издержал, а ницёго хорошего мы не купили. Как же мы будем вперёд жить?

— Ладно, жона, не пецялуйсе, я пойду к купцю и наймусь на корабь, а тебе на перьво времё денег оставлю. А уж што куплено, деньги издёржаны, дак их назад не воротиш.

Топерь он идёт к купцю. А у купця двенатцеть кораблей йдут загранищю. И нанялсе он матросом за триста рублей. И выпросил денег полтораста рублей — оставить жоны. Купець, конешно, ёму эты деньги дал. Приносит жоны и сказал:

— Ну, вот тебе, жона, на перьво времё, а я завтро пойду, и после завтро мы выйдем.

— Ну ланно, муж, што же сделать, поди, испытай щастья.

Переспал ноць, конешно, роспростилсе со своимá сынками, хотя те были мáлы, и пошол к купцю на корабь, на пристань. Приходит, уж корабли совсем были наготове к отплытию. И он попал как раз на один корабь с хозяином.

И вот поплыли корабли в морё, отплыли уж далёко. Чуть не подплывают к иностранным чарьствам, но земли ище было не видать. И вдруг, хоть повитерь тянет, корабли остоялись, парусá надуты, а корабли остоялись на одном мести. Да. Хозяин, конешно, задумалсе:

— Почему у нас корабли не идут?

И стал выкликать жалающих хоть бы недалёко спуститьце узнать, што есть впереди кораблей, што мешает им итти. И пообещал корабь со всем товаром в ёго собственнось, и што есть команда, уплатить в обе стороны на хозяина щот. Ну, конешно, колько он не вызывал, нихто не нашолсе. А этот матрос спомнил слово этого старика: „Пойду и не боюсь“. И согласилсе. Хозяин очень обрадел. Нашли ёму водолазной костюм и спустили ёго на большую глубину. Когда ёго спустили на большую глубину и он видит, стоят два чаря морских против ихных судов и спорят. Увидали этого водолаза, подошли и сказали:

— Вот, доброй цёловек, ты топерь из Русии, или в общем с того свету. Скажи нам, што дороже: золото или булат? Скажи нам, и мы тебя вознаградим.

И вот он стал говорить:

— Слушайте, не спорьте, я объесню одно при другом. Правда, ченнее золота нет на свети, хоть у вас, хоть у нас, это вы напрасно спорите; но и булат тоже идёт в большом розмере, так што он тоже ченитце.

Тогда оне перестали спорить, и подошол к нёму тот чарь, который спорил об золоте. И — даёт ёму драгоченной камень и сказал:

— Ну, спасибо, молоде́ць, как сказал.

Он потряс за верёвку и ёго по́дняли. Как подняли, так корабли стронулись с места и пошли. И как только корабли пошли, хозяин кряду же отделил ёму корабь свой, и он пошол на своём корабле вслед за этима́ кораблями.

И вот оне приходят загранецю, хозяин корабли свои крепит к онной пристани. Тут же и он причепилсе тоже. Вот на второй день походят, знаеш, к чарю нести подарок все судохозяева и капитаны. Хто лучче принесёт подарок, того корабь будет в перьвую очередь грузитьце самыма луччими товарами и безданно, беспошлинно. И вот и говорит ему хозяин, этому Ивану:

— Што ты, милой, понесёш, ведь денег то у тя нету, а этого товару не понесёш, которой мы привезли; и будеш ты стоять до последней очереди. Ведь тебе не рощытатьце с людьми будет.

— Ты не пецялуйсе обо мне, думай лучче об себе, может я ище лучче других подарок снесу.

— Ну, где тебе, как у тебя ни денег, ницего́ нет. Пошол ты от меня, нанялсе и взял полуторасто рублей, да и те оставил жоны. И мне их ище не отроботал. Ну, да уж я прощаю тебе.

И потом он ёму говорит, купцю:

— Ну, а што, как я принесу цярю луччей подарок, дак тогда што будет?

— Ну брось ты говорить глупости, принесёш ты луччей подарок, где тебе!

— Ну, дак видно будет.

— А коли видно будет, дак давай, пусь будет так,— говорит купець,— если ты принесёш цярю подарок лучче моёго́, то я тебе отдаю все остальние одинатцеть кораблей и сам наймусь к тебе матросом, только дойти до́ дому. Но уж если мой подарок окажетце лучче, то отдать тебе обратно мне мой корабь и самому итти обратно до́ дому бесплатно, ударимсе!

Он тогда спомнил слово старика: „Бей парей, не бойсе".

И так оне, конецьно, ударились. На другой день все корабельщики пошли к цярю с подарками. И так же и этот Иван пошол с одного корабля. И вот пришли когда корабельщики, за стол их чарь посадил и стал угощать. А оне стали дарить ёму подарки. Чарь принимает, конецьно, благодарит их. И вот так все ёму дают подарки, а уж наш Иван подаёт в последнюю оцередь. Подаёт там ёму в газеты или в тряпки.

Чарь розвернул и говорит:

— Но, Иван, крестьянской сын, твой подарок настолько че́нной, што я тебе в перьвую оцередь даю грузить все товары, каки ты только задумаеш; и со своей стороны даю ище один корабь с товаром.

Все купци удивились: откуль у Ивана такой че́нной подарок, што всех лучче и всех ченне́й. А хозяину и ёму пришлось уступить все деньги и корабли и итти матросом у Ивана до до́му.

Потом чарь уступил ёму таких дорогих товаров, што таких купци и не важивали. И подарил еще свою шпагу вдобавок.

И вот в скором времени отправились домой. И этот купець шол у ёго вместо матроса. Когда оне пришли, купциха увидала, што и́дут ихны корабли, она броси́лась стрецять своёго́ мужа, приехала на пристань. Когда она стретила, выходит этот купець, она ёго стала спрашивать:

— Ну, што ты, хозяин, такой унылой?

— Ланно жона, пойдём домой, а я тебе там роскажу всё, што со мной слуцилось. Здесь говорить не будем.

Пришли, конешно, домой, и он обсказал ей всё своё происшествие.

А этот Иван, крестьянской сын, пришол домой утром и видит, што жона ище спит. Он зашол в спальню и видит, што она спит с двума мужиками, два мужика по́ боку. И вот он посмотрел на их:

— Што это жона сделала? Она привела каких-то двух мужиков и с има́ спит.

Он вынял эту саблю́ и хоцет ударить. И потом вдруг спомнил это слово: „Замахнись, а не ударь".

И вот он нацинает будить жону:

— Ну, ставай, цего ж ты спиш? Я пришол из-заграници.

Она глаза скидавает. Он и стал спрашивать:

— А это хто у тебя тут спит, какие мущины, или ты уж приобрела себе полюбовников?

— Нет, муж, ты опомнись! Как ты ушол, дак кого мне оставил? Эты „полюбовники" — твои да мои два сына. Уж наверно не мало времени ходил, как робята так выросли.

И он обрадел, што таки выросли ёго мужики.

Когда оне сели пить чай, он и говорит:

— Но, жона, топерь мы будем жить хорошо, я не зря купил тогда у старика эти три слова, оне мне пригодились.

Потом приказал одетце, и когда оне справились, пошол со сыновьями и с жоной на пристань. Пришли на пристань, а жона спрашивает:

— Но, это чьи корабли?

— Эты все корабли мои, жона.

Она очень обрадела. И стали оне выгружать товары в те магазины, которые были раньше купецьки. Конешно, выгрузили товар, и нацяла́сь у их торговля. Выстроил он камённой дом и стал торговать, да горе забывать.

60. КАК КРЕСТЬЯНИН ЖОНИЛСЕ НА ЛЕСНОЙ ДЕВУШКЕ

Ну, жил один кресьянин в одном селе, и он занималсе всё, конешно, охотой, и с этого кормилсе с жоной. И был у нёго один сынок, он был ма́лой. И вот, конешно, когда он стал подроста́ть, то остарел отець, он уж больше не замо́г ходить в лес, ёму было трудно. И вот говорит отець сыну:

— Ну, сынок, топерь уж твоя очередь в лес ходить, ты немного подрос, я тебе показывал все места́.

Вот напекли ёму с собой, и он отправляетце с собакой охотитьце. И вот день охотитце, заходит в одну лесную избушку ночевать. Закусил и ложитце спать. Угас огонёк в печки, и вдруг открылись танци в избе. И всю ноч проплясали чуть не до свету, а потом никого не стало. И он всю ноць поцти не спал. На второй день вышел и говорит:

— Ну, в ту избу я больше не приду, всю ноць беспокоили, не давали спать нисколько.

И он ушол на второй день по́ лесу гулять. Ходил, ходил по́ лесу челой день, стало те́мно, и он хочет достать себе суши́ну и розложить костёр огня, где-ка спать, ночевать. И смотрит:

— Но! рядом изба! Што я буду таскать сушйну, когда рядом изба.

Зашол, зажог пецьку.

— Но, та же изба!

Ну, делать нéцёго, пришлось ноцевать.

Ну, только огонёк у нёго потух, опеть открылись танци, всю ноць. И так он не спал опеть всю ноць. Топерь вышел утром из избы и говорит:

— Ну, уж топерь то не пойду сюда ноцевать.

Пошол ходить пó лесу. Вот настигла ёго темень, он срубил сушйну, хочет огонь роскладывать. Пошол только срубить концй и видит изба стоит опеть.

— Ну, што мне тут на улице спать-ноцевать, когда изба рядом стоит.

Зашол, вытопил пець.

— Што за чудо, та же изба стоит! Ну уж судьба, ночую и пойду домой.

Ну так опеть, как огонёк потух, опеть открылись танци. И он опеть ночь не спавши осталсе. И он на утро выходит из этой избы и сказал:

— Нет, я пойду домой.

Приходит он, конешно, домой, мать и спрашивает:

— Почему ты, сынок, не неделю ходил?

— Да так уж, што-то не охота.

Поел, отдохнул с дороги, поспал и на другой день пошол к своей тётушки к одной. Приходит, сел и говорит:

— Здраствуй, тётушка!

— Здраствуй, сынок! Садись и роскажи што-нибудь, полесáм ходиш, так знаеш чего-нибудь.

Вот он нацинает ей говорить:

— Дак вот, тётушка, какое дело: пошол я на неделю пó лесу и зашол в одну избушку ночевать. Зашол, вытопил пець, поел и повалилсе ночевать. И как только огонёк у меня потух, открылись танци, и всю ночь я не спал. А утром пошол. И ушол я на утри не спавши, проходил чéлой день и вечером пришлось попасть в ту же избушку. И вот так же было, што и в перьву ноць, танци до утра. Утром ушол и

думаю: „Ну, уж в эту избушку я больше не приду". И где я не ходил, где не бродил, стéмнилось, и всё-таки впотьмах вижу изба, — опеть зашол, и опеть та же изба, и всю ноч опеть не спал, танци открылись до утра. А я потом на утро решил домой итти, и пришол, баушка, к тебе, может ты мне скажеш, што творитце.

Вот баушка и говорит ёму:

— Да, сынок, вот тут есть молодая девушка, которая была унесёна цёртом, конешно, деревеньская; и вот она топерь выросла в полной рост и она проситце замуж, конешно, за какого-нибудь кресьянского сына или какой из города, конешно, молодой; и хто ей откроет, тот ей должóн замуж взять.

— Дак как же, баушка, ей откроеш то?

— Дак вот, сынок, если жалаеш замуж взять, то я тебя научу, только придётце замуж взять.

— Хорошо.

И вот она ёму дает туесóк и свецю:

— И вот поди, придёш в избу, вытопиш печ, а эту свечý зажги раньше. Когда вытопиш печ, поставь в тýес и прикрой крышкой немного. И когда откроютце танци, тогда эту крышку снимай сверьху и увидиш, откроеш ей.

И вот, конешно, он так пришол домой и говорит:

— Ну, отець, я пойду полéсовать немного.

И забрал продуктов, хотя немного берёт, и ружьё и собаку. И вот он только пришол в лес и отыскал кряду эту избушку, в которой ночевал. И совсем приготовилсе вытопил печь и уж огонь в пéчи потух. И вдруг, только потух, открылись танци. И он сецяс стаёт, спокойно крышку поднимает и смотрит девушка, прямо как ягода, и заговорила:

— Ну, молодéць Иван, кресьянской сын! Коли открыл, то должóн меня взять замуж.

— Ну, хорошо, я возьму тебя.

— А топерь иди домой, и конецьно скажи отцю и матери и собери свою родню, и приежжайте сюда на двух или на трёх лошадях. А мы здесь приготовимсе.

Он, конешно, до утра́ провёл времё и встал, пошол домой кряду. Приходит домой и говорит:

— Ну, отець, я буду жонитьце, вот нашол девушку в таком то мести, и собирайсе, поедем.

Вот взяли родню, баушку, еще ко́е-кого за́брал, и собра́лись оне, поехали. И так когда поехали, то приежжают к лесной избушки, и смотрят пустая изба. Говорит отець:

— Слушай, сынок, где же ты будеш жонитьце?

— Погодите немного, приедут.

И вот вдруг едет три тройки. На перьвой едет старик с роднёй, на второй невеста, а уж третья с приданым. Подъежжают к избы, а уж эта изба совершенно переменилась в другом виде, открылась большая комната. Накрыли столы, сели гости за стол, невеста с жонихом, а отци сели напротив. И вот, конешно, нача́ли выпивать. Сколько у нёго было у жониха вина, то выпили. И вот тогда и говорит отець:

— Ну, погоди, зять, тогда я угощу со своей стороны.

Приносит небольшой кукши́нчик, так не больше рюмки и и начинает из этого кукши́на наливать всем гостям. Вот оне пили челых три дня из этого кукши́на, вино не уба́вилось. А потом уж стали розъежжатьце. Вот, конешно, и говорит отець дочери своей:

— Вот, дочка, тут тебе три ящика приданого. Вот из крайного носи по будням, из второго носи по празникам а уж из третьего носи по большим празникам, там на па́ску, на рожество и так далее. А уж если тебе в жизни будет плохо́е, то спомни меня, я к тебе приду.

И вот так оне роспростились все и поехали домой.

Ну вот приходит па́ска. Она одевает из третьего ящика сарафан и похо́дит к службы. Вот пришла, стала в черковь и вдруг приходит рядом стала енеральская доч. Поглядела на ней и заговорила:

— Слушай, гражданка, ты у меня сарафан почему украла?

— Нет, ошибаессе, я у тебя сарафана не брала́, мне ёго купил отець, и я ничего не знаю.

— Дак вот, наверно, купил твой отець, а сарафан мой, год назад, как потерялсе.

И она выходит, енеральска дочь, из черьквы и подаёт в суд на ней, што „вот такая-то гражданка украла у меня сарафан".

И суд нача́л розбирать. И ей было такое неприятно, што не знает, што и делаетце. Ну, когда суд стал розбирать, она и спомнила про отця. И вдруг евилсе отець. Она и говорит:

— Я ничего не знаю, про это отець знает, и он вам ответит.

Он и выходит и говорит:

— Вот, судьи господа, я вам объесню про этот сарафан. Вы знаете што, гражданочка, вот вы прошедшой год походи́ли к службы к па́ски?

— Походи́ла.

— Одевали ёго на себя?

— Одевала́.

— А што говорили? Ругались?

— Да, мне немножко он не понравилсе.

— А што ты сказала?

— Я сказала: возьми чорт сарафан, я не надену.

— Вот я и взял. А моя доць не виновата. И я не виноват, а просто ты отдала, я и взял.

Тогда суд решил на этом:

— Ну, значит гражданин не взял сарафан, а она отдала по согласию.

Отправили их обоих. Ушол отець, а она приходит домой. Приходит домой, и нача́ли оне жить да быть.

И до сих пор живут и никакой нужды не видят.

61. ПРОИСШЕСТВИЕ ПРО ЖЕНЩИНУ И СЛЕСАРЯ

Вот в одном городе жил слесарь. У нёго было́ трое детей и жона. И вот он был партейной, большевик и вёл подпольную работу. Этого слесаря звали Николаем. И были у нёго товарыщи Иван и Илья Петровиць. Большинство оне просиживали по ночам, только делали это тайно. И ёго сын тоже с ними вёл эту работу. Вот. А тогда были англичаны, сербы и тому подобное, белые власть держали, и преследовали совецькую власть, штобы не было совецькой власти.

Конешно оне, этот слесарь, однажды ошиблись: пришли жандарма, их арестовали, вдвоём со сыном этого слесаря, а другие успели скрытьце. И отправили их в Сибирь. Осталась жона с двума детьми и с баушкой. Жону звали Стешей.

И вот прошло тому полгода времё, получает она письмо от нёго. Он пишет: „Стеша, приготовь для меня места, штобы скрыть меня на трое сутки. Может увидаемсе скоро, у меня пропуска́ готовы".

Вот она получила письмо. У себя в подвале стала рыть ёму яму, обила досками, штобы ёго случа́ем скрыть, и никто ёго не найдёт. Отписала ёму ответ. Да, вот стала она ёго ждать. Там ждёт может месець, всё ночами, конешно. В одну

прекрасную ноч было пасмурно, тёмно, вдруг што-то ворота заскрыпели.

— Кто там?

— Стеша, я, открой, я приехал!

Она открыла, пустила ёго, закрыли окна. Сецяс же она дала знать суседу Ивану, которой был евонной друг. Пришол и тот. Вот оне, конешно, сидят, советуют, розговаривают, што им только нужно было. И как раз в эту ноч прослушали городовы́, стали стучатьце у о́кон. Она сецяс не ростерялась, повела ёго в подвал, в комнатку, закрыла, так што и узнать не можно. Сама вы́стала, пошла открывать дверь. Вдруг приходят эти городовы́, конешно, и их начальник.

— Ну, где твой муж, он должо́н приехать, потому што у вас какое-то собрание в доме, мы слышим.

А этот сусед Иван сидел за столом, она и говорит:

— Я не знаю, вот Иван у меня ночует, да своя семья, больше никого нет, я не знаю.

— Ну, сказывай, сука, а то сецяс застрелим.

— Не знаю, стреляйте, воля ваша, у меня нет никого.

Сама сидит, конешно, плачет. А он стегнул ей нагайкой так сильно, што она упала чуть не мёртвая. И пошол у них повальной обыск. И этого суседа Ивана стали допрашивать:

— Я ничего не знаю, воля ваша, што хотите делайте.

Искали, искали, всё перерыли: в сундуках, в шкапах там, в подвале всё перерыли, ну што там, земля и только! Пришли обратно, а она сидит, плачет. Тогда сказал:

— Ну, одевайсе, пойдём в штаб наш. Там скажеш, где твой муж.

— Куда ж я пойду, у меня малые дети.

Ничего, дети останутце в доми.

И вот, конешно, оне их увели на допросы. Привели в камеры, стали допрашивать.

— Ну, говори, жоночка, тебе ничего не будет, оне тебя только запугивали, а тебе ничего не будет.

— Ну, што же я буду говорить, как у меня никакого мужа не было, был, да увезёной, больше я ничего не знаю.

И вот приходит второй:

— Ну, говори, сука, а то стрелять буду.

— Што хош, на месте стреляйте, ну я ничего не знаю.

И также допрашивали этого Ивана. И отпороли их до такой степени, што оне полсутки без чуств лежали. Когда пришли в чуство, опеть приходит особой серб.

— Слушай, хозяйка, скажи, тебе ничего не будет.

— Как же я буду говорить, как я ничего не знаю. Если бы знала, так не дала бы себя на такую муку, сразу сказала.

Ну, конешно, колько оне их не спрашивали, ничего добитьце не могли. Потом решили выпустить, только были сильно избитые. Вот она прибежала домой и схватилась по муже.

— Как он там? Не задóх ли у меня?

Побежала в подвал. А дочка раньше бóльшенькая прибегала, плакала: „папа, папа!“. Ответу не было. Росказала матери. Вот мать и пошла. И вот она бросúлась к этой двери, рванулась, смотрит уж земля насыпалась на нёго, уж он без души. Тут ей еще больше тоски и горя. Вот она приходит к Ивану и говорит:

— Слушай, Иван, у меня Николай помер, надо хоронить. Ночью надо вывезти на телеге, штобы люди не заметили.

И вот конешно он собрáлсе в ночную пору, вырыли ёму могилу, отвезли ёго и похоронили за гóрод, так што никто не мог узнать. Когда похоронили, она больше этого еще стала мстить, што погубили мужа моёго.

— Ну, уж это вам так не пройдёт!

Пошла к другому товарыщу Ильи Петровицю. Приходит к нёму, росказала это всё проишествие.

— Ну, как же ты, Стеша, будеш топерь жить?

А он уж был не молóдой.

— А вот што я думаю, Илья Петровиць, дай мне несколько розрывных бомб, хош две, я поеду в Сибирь, повидаю еще хош сына своёгó, а потом и умру.

— Слушай, Стеша, мне не жалко дать, ну погубиш себя, а куда ты оставиш своих малых сирот?

— Ну, поеду, мне уж надо ехать.

А у ней уж были пропускá достáты, штобы только ехать. И вот он даёт ей бомбы, и она их подвязала пониже грудéй,

так што никто и подумать не мог, у ней слишком груди были большие. И вот сказал Ильи Петровицю:

— Посмотри моих сироток, как оне буду жить с баушкой, может я и не вернусь, я и не знаю.

И так отправилась на вокзал. Купила билет и поехала с англичанами, с сербами в однех вагонах. И вот оне ехали, она сидела, скромно себя держала, а те нахалы такие! И приехала она, конешно, в Сибирь на вокзал. Ей нужно попасть, где в каких лагерях сын живёт. Дошла она до лагерей и остановилась на одной квартеры, стала спрашивать. Ей указали. Достала она пропуск и пошла на свиданье к сыну своему. И вот увидала она ёго, поговорили, росказала про отця, как он скончалсе. Сын сказал:

— Ну што же, наверно, нам так и быть! Ну, всё ровно мы ведём подпольную работу, и сецяс будет собрание, и ты можеш итти даже. И тут даже надзиратели некоторые сочувствуют совецькой власти, и оне нам разрешают собрания. Ну только штобы не узнали англичаны.

И вот оне вечером провели собрание. После собрания она и говорит сыну своему:

— Слушай, сынок, проведи меня в их штаб, где у них хранятце взрывчатые вещества, всё равно я отомщу за мужа своёго.

— Ну не знаю, меня туда не пустят, я тебя только доведу.

— А тебя, сын, благославляю, и когда вернёссе домой, не забывай своих родных сироток, а меня уж наверно в живых не будет.

— Ну хорошо, давай пойдём.

И вот шли оне, шли, очень было далёко. И вот он довёл до той двери, где был надзор, и сам вернулсе проч, она пошла одна. И вот стретилсе с ней серб.

— Куда пошла?

— Мне нужно пройти в штаб, штобы достать пропуск, выехать обратно из Сибири.

— Ну хорошо, если возмеш меня вместе, то идём, а одну тебя не пропустят.

Тогда она захватила ёго за́ руку и пошли вдвоём. Не доходя штаба стояли лагеря́ с взрывчатым веществом. Она вытягивает руки, суёт под па́зуху, достала бомбу и броси́ла на́ пол. И сделалсе ужасной взрыв, взорвалсе весь штаб, всё полетело к чорту. И тут не мало пало жертв; конешно, погибла и сама, но всё-таки отомстила за мужа своёго и за себя, што над ней издевались.

Тут и конець.

62. ПРО НЕСТЕРА, У КОТОРОГО БЫЛО РОБЯТ ШЕСТЕРО

Вот, конешно, жил был кресьянин Нестер, у нёго было робят шестеро. Жил он очень бедно́ и даже порой незнал, как робят своих воспитать.

Што задумал Нестер?

— Уж лучче пойти воровать, лехче будет робят воспитать.

Придумал Нестер так:

— Давай пойду к барину, поло́жу шапку на забор и прыгну черезь; если на ходу шапку украду, то умею воровать.

И вот так пошол наш Нестер. Приходит к барина забору, поло́жил шапку на забор и прыгнул черезь. Обратно перепрыгнул и на ходу невидимо как шапку схватил.

— Хорошо, — думает, — топерь я умею воровать.

Вернулсе домой, взял мешок порожной и приходит опеть к барина забору. Перепрыгнул черезь забор и приходит к ёму в сад. Слуги ёго не видают. Вы́стал на дерево и наломал яблоков челой мешок. Вышел обратно к забору. Перекинул мешок черезь забор и сам перепрыгнул и ушол на рынок, яблоками торгует. Продал яблоки, накупил робятам хлеба и приехал домой.

— Ну вот, жона, я топерь научилсе воровать, топерь будем жить поживать.

Услышал барин, што у ёго яблоки из саду потерялись, а Нестер торговал на рынке яблоками, слуг и спрашивает, са́дников:

— Ну как вы не видали, как Нестер яблоки воровал?

— Нет, барин, не видали.

— Ну хорошо, спросим у Нестера, сознаетце ли, а то отдам под суд.

Вот призывает барин Нестера.

— Нестер!

— А што, барин?

— Ты яблоки украл у меня из сада?

— Нет, барин, я не украл, а взял.

— Как же ты взял?

— Да просто взял, семья голодная, я взял да и продал и семью накорьмил.

— Ну, хорошо, Нестер, я тебя за это прощаю, што ты у меня яблоки взял. Сумел яблоки взять, сумей у меня украсть с поля вола́, там будет дежурить три роботника.

— Ну, хорошо, барин, украду́, в чом же дело.

Идёт Нестер домой. И пошол на рынок, купил трёх зайченков живых и поло́жил их в мешок. И идёт к барину на по́жню. Видит, стоит барина вол, и с ним три роботника. Вол был запряжо́ной. Нестер розвязывает мешок и спуска́ет одного зайчонка. Зайчонок побежал и нача́л кувыркатьце. Зайчонок вертитце там и пробежал к роботникам.

— Погоди, я ёго ударю, и сва́рим!

Один побежал. Прибежал роботник к зайцю:

— Да што мне ёго бить, я ёго и живьём поима́ю!

И погналсе за ним, а заець всё дальше и дальше и роботник уже дале́ко отошол. Он спускает второго зайця. Второй заець тоже пошол кувыркатьце. Вот увидал второй роботник и кричит тому роботнику:

— Поди сюды, он здесь.

А тот и не слышит, он уж дале́ко. Роботник другой побежал за зайцем. Заець вперёд, а он вслед. Вот уловить никак не может. Последний роботник говорит:

— Погоди, я помогу.

И за ним. Бежали, бежали — ловили, ловили, так далёко убежали, што их и не видно. Нестер видит, што далёко роботники отошли, подходит к волу, роспрягает ёго и привязал к упряжи третьего зайця. Взял вола и повёл. Скоро выбралсе, пришол, ведёт мимо о́кон:

— Барин, смотри, я вола́ украл.

И пошол на базар, продал ёго и накупил всякого добра.

Воротились роботники, смотрят, зайчонок привязан, а вола нет.

— Вот так Нестер, он у нас вола украл, што мы скажем барину?

Ну уж делать было не́чего. Приежжает барин к роботникам:

— Ну, куда же делсе вол?

— Не знаем, барин, вот мы гонялись за зайчами, а вол исчез.

— Молоде́ць Нестер!

На второй день призывает барин Нестера опеть же снова:

— Ну, Нестер, я тебя за то прощаю, што ты у меня вола украл, сумей завтро у меня сивого жеребця украсть, которого будут стереч пять человек.

— Хорошо, барин, украду́, украду́, в чом же дело?

И сам пошол домой. Приходит он, конешно, домой и пошол к суседу:

— Дай мне друг, брат, коня на времё, а я тебе за это заплачу. Потом дай мне мялку, на которой лён отбивают и ту палку, которой отбивают.

Вот, конешно, сусед это всё ёму дал, и Нестер поехал на базар, накупил челой воз порожных ящиков и один ящик с вином. И едет неподалёку барина конюшни, где-ка стоят пять цёловек охраны и сивой жеребець в запряжки. И вот ёго конь был неважной, пло́хонькой, он упал и стать никак не может.

А охрана видит, што мужичок с какими-то ящиками едет, конь упал, поднять не может.

— Не вино ли в ящиках? Нам бы заплатил, дал выпить, мы бы согрелись и помогли ёму!

Все были согласны. Приходит один из них:

— Што-ж, доброй цёловек, помоч, што ли?

— Да, помоги, доброй цёловек, я тебе чем хош заплачу только помоги коня мне поднять.

— Зачем, чем хош, даш вина?

— Бери.

Вот он, конешно, помог ёму коня поднять.

— Вот я эты ящики довезу до складу, сдаю, а на́ этот ящик тебе.

Вот роботник обрадованной пошол с этым ящиком, а Нестер поехал вперёд. Принёс роботник вино и говорит:

— Ну, давай обогреемсе!

— Давай!

Все спустились и нача́ли выпивать. Вот оне так наугощались, што где кто сидел, там и уснул. А Нестер следил за нима́. Нестер приежжает, роспрёг жеребця, и поло́жил эту мялку вместо жеребця, а вместо уздечки привязал верёвочки. И вот сецяс сажает одного роботника верьхом на палочку, другого привязал за верёвку, одного в конець поставил, а двух по бокам оставил. Жеребця взял и поехал. Едет мимо бариновых о́кон.

— Ба́рин, я жеребця украл!

Приежжает к суседу, о́тдал коня, даёт ёму сто рублей деньги за это, а сам поехал продавать коня. Вот, конешно, продал этого жеребця, денег получил порядошно. Жона обрадела, дитей одели как следует, и прошла у них нужда.

Не стерпел барин. Пошол смотреть.

— Што делает моя охрана, где оне!

Приходит, смотрит, один на скамье сидит верьхом пьяной, второй держитце за ко́нця за о́головьё, третий по за́ду за хвост держитце, а сам спит. Двое спят по бокам. Он возьмёт заднего, которой за хвост держалсе.

— Што ты спиш?

— Тпру, не уйдёш, нет! — а сам не помнит себя.

Подошел к тому, которой держалсе за уздечку, ударил ёго кнутом.

— Тпру, тпру, не уйдёш! — а сам глаз не открывает.

Третьего ударил тоже кнутом, тот закричал:

— Тпру, не вертись, Нестера нету, никуда не уйдёш.

А глаз не открывает.

И вот барин их, когда оне пришли в чуство, таскал, ругал.

— Где жеребець, пропили?

— Не знаем, барин.

— Ну, хорошо, поди́те домой, проспитесь, а завтро приходите ко мне.

Барин выбрал остатнё вино не до́пито и пошол домой. Вот оне на второй день приходят к барину.

— Ну, где ж жеребець?

— Не помним, барин.

— Пья́ны были?

— Да, барин, пья́ны.

— Дак го́ловы болят?

— Да, болят, барин, што сделаеш!

Барин приносит вино, наливает им всем по стакану, пять стаканов.

— Ну, на́те пейте.

Вот оне выпили по стакану, он говорит:

— Ну-ко, палач, выходи и дай им всем по дватцеть пять розог.

И вот их всех отстегал.

— Ну, топерь идите домой.

И призывает к себе Нестера.

— Ну вот, Нестер, украл ты у меня вола́, украл жеребця, очистил сад, укра́дь деньги из под кровати, где я буду спать.

— Ну, што же, барин, хорошо, укра́ду, укра́ду.

И вот пошол Нестер домой. А в это времё как раз умер цёловек один, ёго личность была — как раз Нестер, похожа. И вот он дождалсе ночи и пошол, этого мертвеця вырыл из земли и принёс ёго спокойно к барину, к окну́. Барин не спал, всё ожидал, как Нестер придёт деньги воровать. Вот, конешно, к серёдке ночи приходит Нестер к барину к окну и начинает этого мертвеця тряха́ть головой. Барин видит:

— Ага, Нестер пришол.

А уж он окно розбил и просунул мертвецю голову в окно.

— Жона, дай тесáк, сецяс я у нёго голову отрублю, больше он у нас пакостить не будет.

Сецяс жона даёт тесак. Когда барин отрубил голову и говорит:

— Ну, погоди, жона, я сецяс ёго снесу, оберу тело из под окна, штобы люди не знали, сецяс мы отделаемсе от нёго.

А Нестер в ту пору уж к двери подошол. Вот выходит барин, а Нестер заходит в дверь и приходит к бароне. Приходит и говорит, сделал голос, как у барина.

— Ну вот, жона, огня не доставай, дай мне умытьце. А деньги давай мне, я уберу в сундук, топерь Нестера боятьце нéчего.

Вот она, конешно, даёт ёму воды и достаёт деньги из под кровати.

— Нá, пряч!

— Хорошо.

Вот Нестер умылсе, берёт деньги и вышел вон. Не прошло минут десеть, приходит барин. Приходит и говорит:

— Ну, жона, я тело снёс, дай мне умытьце.

— Да што ты, муж, давно ли ты мылсе?

— Да што ты?

— Да мылсе, — говорит.

— Ну-ко, достань огонь, есть ли у тя деньги?

— Да я тебе деньги дала.

— Ну вот, у нас деньги то Нестер украл. Вот так Нестер!

Вот проходит день, два, у Нестера всё есть: деньги, одёжа, еда. Барину очень обидно стало.

— Надо во што бы то ни стало Нестера убить.

Думал, думал барин и говорит:

— Вот, жона, пусть у тебя Нестер с руки украдет кольцё, а не украдет, — голову с плець.

Так и решили.

— Будем все не спать и следить.

И вот барин призывает Нестера.

— Ну, Нестер, украл ты у меня деньги?

— Украл, барин, украл, раз ты велел, то я и украл.

— Ну вот, Нестер, украдь у моей жоны кольцё с руки. Не укра́деш — убью.

— Ну, хорошо, барин, укра́ду, укра́ду, в чом же дело?

И ушол Нестер домой, думает:

— Как мне топеричу сделать?

И надумал.

— Давай пойду на рынок!

Пошол Нестер на рынок. Приходит на рынок, што ёму купить? Купил он вар, потом купил овеций хвост, потом купил дудоцьку. Пришол домой и из этого хвоста сделал живую куколку, вроде робёнка. И вот сутки прошли, нету Нестера, вторые прошли, нету Нестера. Барин и роботники всё не спят. На третьи сутки замучились все, заснули, даже мать старуха заснула. Вот он на третью ноць приходит, зашол в кухню, видит два роботника спят, голова с головой. Он взял им вар этот пустил между голов. Вар когда разогрелсе, росплылсе по волосам, эты роботники прилипли друг к дружке. Он пошол дальше. Пришол во втору комнату, видит две роботници спят вместе. Он взял им эту куколку пустил в серёдку, вроде как робёнка, и сам пошол дальше. В третьей комнаты спит старушка, барина мать, она обычно спала на ше́стке. А повыше старушки на кожухе́ стоял горшок с тестом с белым. Вот он берёт этот горшок, а дудочку сунул старушке в корман. А сам с горшком пошол к барину в спальню. Подходит к ним, оне спят. Он берёт этот горшок и выливает тесто между има́. А сам выходит на улицю, к окну слушать, што будет дальше. И вот только он вышел, роботник пошевелилсе и другого за́ волосы дернул.

— Што ты, больно!

— Ты што, дурак?

И заскондалили, шум поднялсе у них. Волоса́ оборвали и давай дратьце. Роботницы вскочили, одна ощупала:

— Што такое, родила?

— Да это ты́ родила, беги скорее, пока барин не встал, снеси ёго в сортир, штобы не узнали.

И убежала. Опустила и барина шумом то розбудила. Барин скочил, смотрит:

— Што такое, жона, обклалась, што с тобой?

— Да не знаю!

Побежал барин к матери.

— Доставай скорей огонь.

Она скоцила, испугалась, полезла в корман, думала спички а схватила дудочку и давай свистать.

— Да што ты, и так шуму много, давай огонь.

Стали искать кремня, да ничего в темноты, да и в испуге не найдут. Пока это всё роздули и видят налито тесто у них.

— Ну, наверно, кто-нибудь был. Ну, жона, роздевайсе, да умывайсе скорее.

Вот бароня стала убирать постель, прежде всего одела плохую одежду и скинула кольцё с руки, штобы ёго не запачкать. Сама убираетце, а барин пошол на кухню.

— Што там за скандалы?

А Нестер увидал, што бароня сняла́ кольцё с руки, сеця́с незаметным образом пропихает стеко́лко, берёт кольцё, и ушол.

Когда это всё успокоилось, умыла она всё, схватилась — кольця то нет.

— Ой, барин, кольця то нет.

— Ну, Нестер унёс, больше делать нецёго́, он эту всю панику нам навёл. Ну, знаеш што, я Нестера буду топить.

— Как ты ёго будеш топить, как приказывал воровать.

— А так я сделаю, на куле́ напишу, што Нестер ты такой специалист, тебя требуют на том свети, и даю пять тышець жалования. Нестер на это согласитце.

Вот и призывает на второй день Нестера и говорит:

— Слушай, Нестер, ты меня вокруг обворовал, за это я тебя не виню, я сам нарвалсе. Я хочу тебя на тот свет отправить и дать тебе пять тышець жалования, штобы ты там хорошо зароботывал, и я тебя опущу в залив в куле́, и на куле напишу, што такое-то жалование такому-то идёт. Вот приготовляйсе на завтрошной день, хош прочитай надпись, проверь!

— Ну, хорошо, барин, я согласен на таких ставках жить. И на том свети можно пороботать да сюда притти, заместителем ково оставить.

Пришол Нестер домой и говорит хозяйки:

— Ну вот, ты меня сегодне не жди, барин хочет меня в кули́ утопить, а это видно будет. Если утопит, останешся ты не бедной.

Приходит Нестер к барину:

— Ну вот, Нестер, читай надпись на куле́, не обману тебя.

— Ну што, хорошо, буду служить на том свети. Ну, што же, барин, давай, зашивай куль.

Барин нача́л зашивать и приказал роботнику запречь лошадь, везти ёго топить. Тот зашил, барин собра́лсе.

— Ну, поедем вместе.

Вот приехали оне на лед, а у них пе́шни нет, чем достать пролубь. Барин и говорит казаку́:

— Надо итти за пе́шней.

— Нет, слушай, я один с Нестером не останусь.

— И я один не останусь.

Так решили оне итти вместе. Пошли. Вдруг случилось купцю ехать мимо. Смотрит — куль лежит.

— С чем это, подъеду ближе!

Подъехал, прочитал надпись.

— Да, хорошая чена, ничего́, можно жить. Пожить там, ничего не делать, потом оставить заместителя и обратно можно.

Нестер в куле́ и заговорил:

— Слушай, купець, я то бы и так и сяк, такое жалованье хорошо, я бы и рад, да вот малограмотной, боюсь, выгонят.

— Давай, спусти меня, а я грамотной, я пойду.

Сеця́с этот купець залез в мешок, Нестер зашил ёго, вскоцил на ёго лошадей и поехал.

Вот приходит барин с роботником и начинает пролубь делать. А он кричит:

— Ну дак што же, долго ли вы будете кона́тьце, пора мне на тот свет убиратьце.

— Слышь, Нестер заговорил!

Взял роботник пе́шень и ударил по головы, тот замолчал. Подготовили пролубь, спустили ёго туда, сами сели на лошадь и поехали домой.

— Топерь уж не придёт больше Нестер объегоривать.

Вот прошол день-два, Нестер залóжил своих лошадей и едет мимо барина. Барин смотрит.

— Што такое, Нестер, как же он вернулсе?

И опеть призывает Нестера.

— Ну, как ты скоро оттуль попал?

— Да я заместителя нашол.

— А где ты лошадей взял?

— Где? Купил, там сколько хош, только денег давай. Только нету бурых, а красных и воронúх колько хош.

— А как же, Нестер, мне бы достать лошадей?

— Да как, зашейсе в куль да спустись, там сколько хош. Я очень дёшево купил, сто рублей за пару. Только, барин, знаеш што, надо на кулé написать, што скупщик такой-то едет за лошадьми, а так там тебя не знают.

— Ну, хорошо, Нестер, давáй, делай!

Сразу же приготовил, зашил барина в куль, роботнику и говорит:

— Ну, давай, вези!

Поехали, пролýбу подправили да барина спустили. Барин пошол, только „буль, буль". Нестер и говорит:

— Эх, чудак, всё бурых выбирает, я же говорил, што бурых нет, только красные.

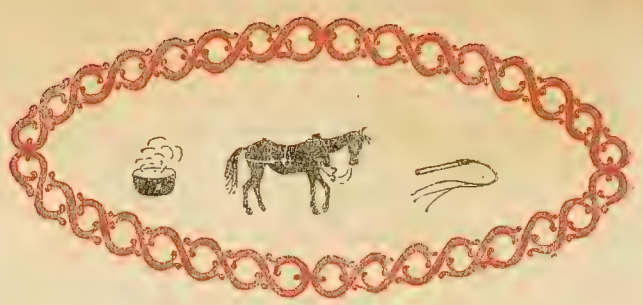
Вот роботник приехал домой. Барыня и спрашивает:

— Што, мой муж скоро приедет?

— Не знай, Нестер говорил, што бурых там нет, а он спустилсе и всё кричал бурых, ну, наверно долго проездит.

С этим только Нестер и отделалсе от барина. Стал жить хорошо, вырастил дочерей и сыновей, и прожил до глубокой старости.

А барин там всё бурых выбирает.



63. ТРИ БРАТА И ИВАШКА ДУРАЧОК

Вот не́ в котором чарьстви, не́ в котором государьстви жил был кресьянин и у ёго бы́ло три сына, Ну два было умных, а третий был дурачок, звали ёго Ванькой. В этом хорошесьтва не было: кого омманет или там как, однем словом, был дурачок. И вот у этого кресьянина был брат, этым робятам приходил дядей. Жил он прожитоцьно. Вот раз приходит и говорит он:

— Брат, дай-ко мне старшего сына, я пойду в лес на охоту, дак возьму ёго, как он моло́дой, дак к цёму он будет стремитьце, узнаем, дельней ли из нёго будет человек, ли безумной.

И вот оне, конешно, отправились. Дал он ёму сына. Пошли оне в лес. Зашли в один лог, и он говорит дяди:

— Вот, дядя, кабы это место все выкорчевать, опалить, порубить лес, да посеять хлеб, хороший бы был хлеб тут.

Дядя смотрит. Ну толковой парень. Выйдет из нёго хорошой домохозяин.

Приходят оне домой. Он и говорит брату:

— Да, брат, из старшего сына выйдет у тебя хорошой домохозяин, сразу в лесу нашол тако место, што для кресьянства оно необходимо. Завтро ты дай-ко мне среднего сына, узнаем, к цему у ёго есть желанье.

Так на второй день отправились со вторым. Вот ходили, ходили и пришли в таку́ се́льгу — стоит ложбина с березняком. Парень и говорит:

— Вот, дядя, сколько тут добра́, сколько тут березняка́ для дровён, сколько тут берёста можно надрать. Вот если бы всё это достать, можно бы хорошие деньги зароботать.

Дядя ничего не говорит, а сам думает:

— Ну, из этого парня хороший мастер будет, я ницёго тут не нашол такого, а он сразу всё заметил, толковой у брата этот сын.

Приходят домой, он росказыват всё брату:

— Ну, брат, из этого парня у тебя хороший мастер будет. Он сразу такой материал облюбовал, што я подивилсе. А завтра уж ты дай мне этого Ваньку-дурачка, хоть уж наверно, из ёго ницёго не будет, но всё-таки попытаем, к цёму он будет больше вниманья обращать.

Ну и вот на другой день пошли оне с этым Иваном. Ходят челой день. И зашли в густой лог. Уж повернулись обратно. Ванюха стал ходить кругом берёзы и смотрит на берёзу. А берёза высокая, только так нагнувшись немного черезь ру́чей. Вот дядя и спросил:

— Чего ты, Ваня, смотришь на эту берёзу?

— Да как берёза-та, дядя, хоро́ша.

— А чем она, Ваня, хоро́ша?

— Дак вот бы тебя да моёго отця взять, да связать за́ волосы, да туда бы и повесить.

Ну, дядя думает:

— Вот дурак, дак дурак и есть.

А сам ницёго не сказал. И вот вы́шли оне на ровнину, на гладкой, на веселой бор. Он и говорит:

— Дядя.

— Што, парень, Ваня?

— Да вот, дядя, бор-то хорошой, на этом бору бы город устроить, было бы хорошо.

— У дурака всё-таки есть мысль-та хороша, — дядя про себя и говорит.

Вот идут оне дальше. Приходят оне к озёрку. Смотрит Ванька утка плавает. А у ёго был небольшой топорик.

Ён возьмёт, да топориком утку-ту и бросит. Да и попал, убил утку-ту топориком. Но топор, конешно, ушол в воду.

— Дядя, я убил утку, — как бы теперь ей достать?

— Дак сплавай.

— Да я плавать-то, дядя, не умею.

— Дак погоди, я сплаваю.

Дядя скинул платьё, потом бельё и по́плыл за уткой. Дядя у́плыл, а он взял да в верхно платьё камень завернул, да в озёро и бросил, оставил ёму только нижно бельё, штобы не голому итти домой. Смеётсе. Дядя вы́стал из воды и ищет.

— Ванька, не видал э́тта платья моёго?

— Нет, не вида́л.

— Дак хто ёго взял, как мы двоё, тут кроме нас никого нет!

— Дядя, а ты ведь со мной мимо городу то шол, когда по́ бору проходили, ну вот наверно там посацки у тебя и украли платьё.

Так и пришлось итти дяди в одном нижном домой. Пришли оне в деревню, дядя и говорит отцю:

— Ну, дурак, дак дурак и есть, ницёго из ёго не выйдёт. Я уж больше с им в лес не пойду.

И обсказал отцю всё ихно путешествие.

— Мы пришли к о́зеру, он бросил утку и попал ей, потом и говорит: „Дядя, сплавай". И вот я поплыл, а он в это времё взял да платьё всё с каменём в воду и бросил. Я ищу, а он и говорит: „Дядя, не ищи, мы ведь по городу-то шли, дак у тебя посацки платьё-то унесли". Дак и пришлось мне цють не нагому домой притти.

И потом недолго ище оне прожили, отець у этых робят помёр, и вслед за им мать тут же померла. Братья што думают:

— Мы с дураком жить не будем.

А была у их кобыла старая, да конь.

— Даём Ваньке кобылу, и пусть со сёстрой живёт.

У их была́ сёстра старая. Розделились, а Ванька и говорит:

— Ну што же, живите, я и без вас проживу.

Братья и заговорили:

— Да, топе́рь-то придетце робо́тать, надеетьце тебе не на кого.

— Ладно, — он ответил.

А он был знако́м с поповыма сыновьями. Цясто оне к ёму ходили, он там им залива́т, росказыват што-нибудь, а оне слушают. Все эты братья поповици были жонатые. Ну вот раз Ванька и говорит сёстры:

— Што мы станём делать с кобылой, она только ест, а роботать на ней нельзя. Я вот как сёстра, придумал: у нас денёг еще немного есть, я возьму сколько-ни денег, суну ей в ж . . . и буду поповицям росказывать, што кобыла деньгами с . . . . Оне мне и поверят.

Взял, накорьмил ей, да рублей петьдесят в ж . . . и сунул. Пришли эты поповици, а он купил полштоф водоцьки, и сидят с братьями, выпивают. Оне и говорят:

— Как ты, Ваня, живёш со своей сёстрой, как ницёго не роботаш, дак как ты деньги имееш?

— Хм, да што мне жить, кабы была у вас така́ кобыла, как у меня, дак и вам бы не надо роботать.

— А што, Ваня, у тебя за кобыла?

— А што, вот кажной день мне петьдесят рублей с . . . . Эта кобыла досталась нам с наделу от отця. Жить можно.

Вот братья промеж собой и переговариваютце:

Не продаст ли он нам этой кобылы? Ведь сколько она за год накладёт. А он такой маховáтой, да ище как напоим ёго пьяного, дак он нам может быть и продаст.

Вот побежал один за вином. Потом собрали́сь, и ёго поят. И вот заговорили:

— А што, Ваня, продай нам кобылу.

— Да не знаю, как ты, сёстра, думаш, продаём?

— Да не знаю, как знаш.

— И потом вы сперьва́ посмотрите, а то потом ище будете говорить, што я вас омманул.

Все выскоцили на ноги и пошли смотреть. Приходят, Ванька сецяс подходит к задници и начинает в куци рытьце, деньги собирать и говорит:

— Ну, смотрите, она навозом с . . . ., а в навози деньги.

Деньги он со́брал. А у братьёв глаза горят.

— Дак што Ваня, продаёш?

— Да буде даите́ петьсот рублей, дак берите.

Братья подумали и говорят.

— Ладно, Ваня, пей ли́тки.

Приносят ёму деньги, и уводят кобылу домой. Накорьмили ей, конешно. Росказали отцю.

— Вот так и так, мы Ваньку обдурили, купили кобылу, деньгами с . . . .

Тот тоже обрадел:

— Ну ладно, сынки.

(А ище хто кого обдурил-то). Вот до у́тра только корьмят. Не смотрят.

— Пускай больше накладёт.

Но на утро приходят.

— Она у нас ище больше должна деньга́ми с . . . ., ведь Ванька не кормил ей так хорошо.

Пришли. Смотрят и нача́ли рытьце в г . . . . А у кобылы нас . . . . — че́лой воз черезь ноць. И вот оне рылись, рылись,— ни одной копейки найти не могли. Потом батько и говорит им:

— Да, омманул вас Ванька. Ступайте, продайте кобылу за што можете только, куда нам с ней.

Оне сходили, продали кобылу за сто рублей, принесли деньги. Потом осердились на Ваньку, долго к ёму не ходили. А потом один и говорит ёму:

— Но, Ванька, Ванька, омманул же ты нас, продал кобылу за петьсот рублей, а она деньгами-то и не с . . . .

— Э, дураки вы, сгубили кобылу, продали за сто рублей. Привели бы ко мне, я бы вам семьсот дал, а топерь может ей и живой нету уж.

Вот поповиць прибежал и говорит:

— Зря мы поторопились, продали кобылу. Ванька говорит — „семьсот бы дал". А не с . . . . деньгами, говорит, што мы ей много накорьмили тогда.

И вот оне с той поры опеть нача́ли ходить к нёму. А он им коё-что заливат, да росказыват тут. Потом, когда оне уходят, он и говорит сёстры:

— Завтро их обдурю. Ты навари котёл щей сладких и кипети ёго, а я вынесу котёл на улицю и щи будут кипеть там.

И вот сестра, конешно, это сделала, и идут поповы сыновья. Идут, а он уж горшок вынес на улицю. Оне думают:

— Как же горшок может кипеть на улици?

Вот он приносит горшок в избу, розливает по торелкам.

— Давай, садитесь, робята, щи хлебать.

Оне сели, хлебают и спрашивают:

— Как же ты таки хороши щи, Ванька, на улици вари́ш?

— Да я всегда на улици варю. Такой у меня этот котёл.

— А ты ёго нам не продаш?

— Да, вам этот котёл оцень хорошо, потому што как вы ходите на поко́с и на другие роботы, дак ницёго не надо брать с собой. Только возьмите немного хле́ба, а котёл поставиш на куст, и он сам собой таки́ шти приготовит.

— А што, Ванька, сколько возьмёш?

— Да уж де́шево я ёго не отдам. Я только с кобылы да с котла и жил-то. Кобылу вы у меня уходи́ли, дак уж котла я вам де́шево не отдам. Уж если даите́ четыреста рублей, дак наделю вам втору вещ.

Те сходили домой, принесли четыреста рублей, и с радостью потащили котёл домой. А Ванька опеть живёт на деньги на поповськи. Хоть-бы-те што — ницё не роботат. И вот оне летом пошли косить. Уходят в лес на неделю. Берут с собой немного хлеба и этот котёл.

— Вот, — говорят, — хорошо-то, хоть не надо с лишним таскатьце.

Приходят, конешно, начинают косить. А горшок поставили на пожню. Косили, косили, захотелось йись.

— Ну, — говорят, — пойдемте обедать.

Приходят. А горшок стоит пустой холодной.

— Дак што, Ванька, видно, опеть нас омманул.

А другой говорит:

— Да нет, может и не омманул, дак ведь мы тоже ушли и оставили ёго пустой, надо было хоть воды налить.

Ну в тот день поели с водой. А на второй день налили в котёл воды, сами опеть стали косить. Покосили, пришли обедать, а котёл стоит с холодной водой. Остатки хлеба съели, и млаччи братья давай ругатьце на старшого:

— Ведь ты затеял купить этот котёл.

А старший брат смотрел, смотрел, да как ударит колом по горшку и росколол ёго. Поспорили, поспорили и пошли домой. Хлеба нет, дак жить им тут стало не́-по-цёму. Приходят домой и начинают с Ванькой ругатьце.

— Ты опеть нас омманул, мы только зря времё потеряли, а горшок ницёго не вари́т. Поставили, пришли, а в ём и воды не согрелось.

— Да где он у вас?

— Где, а старшой брат розбил ёго.

— Дураки, вы дураки. Принесли бы мне, я бы вам петьсот рублей дал, а топерь другу вещ уж у меня сгубили. Я только и жил-то што с кобылы, да с горшка. Покупаете вы вещ, а сами не спрашиваете, как с ей обращатьце, а я думал, вы знаете, раз не спросили.

Ну, братья в этот раз не россердились на Ваньку. Видят, што сами оплоша́ли. Крыть не́цем больше. Топерь, знацит, оне опеть к нему ходят, не сердятце. Он сёстры и говорит:

— Знаеш, сёстра, уж я топерь поповицей обдурю.

И убил барана. Начедил пузырёк мочевой крови и завязал ёго. Потом сделал плётку и говорит сестры.

— Вот когда поповы братья придут, я тебе этот пузырёк с кровью привяжу под па́зуху. Оне придут, я буду сидеть с бутылкой за столом и скажу: „Гости пришли, сёстра, наставь самовар". А ты скажи: „Да ну вас к цёрту, не буду". Я второй раз скажу, а ты всё лёжи, не ставай. На третий раз скажу, ты всё не ставай, да ругайсе. А я потом уж выскоцю, ножо́м и ткну тебя под па́зуху. Это боранья кровь у тебя польётце, и ты пади́ как мёртвая. Потом я тебя плёткой три раз ударю и скажу: „Плётка живулька, оживи сёстру". Ты скоци и наливай самовар. Оне у меня эту плётку купят: у их жоны злые.

И вот он сходил за вином, принёс бутылку и сидит, а сёстра лёжит на кровати. И вот пришли поповици. А он:

— Эй, товарыщи, но-ко садитесь, выпьём. Сёстра, наставля́й самовар, гости пришли, што ты там поля́живаш-то.

— Да ну вас к цёрту с самоваром-то! Што не придите́, запьянствуете, да вам тут самовары грей!

Он второй раз:

— Сёстра, как тебе не совесно, ставай, грей самовар!

А она лёжит, ругаетце. Он и третий раз сказал. Она всё не стават, ругаетце. Ванька хватил нож, скоцил и ударил ей ножом под пáзуху. Кровь полилась. Братья испугались.

— Вот дурак, ведь убил сестру.

А он сецяс заскáкивает на полати, берёт эту плётку. Раз ударил и говорит:

— Плётка-живулька, оживи сёстру!

Другой раз ударил. Как третий раз ударил, она скоцила и сецяс самовар наставила, кровь затёрлá, те и думают:

— Што за цюдо. Какой раз не придёш, всё у ёго какоё-нибудь новоё, што ни есть.

Стали промеж себя говорить:

— А што, братья, жóны-ты у нас злые, — придёш другой раз, как ище подвыпивши, дак никогда самовару не согреют. — А што, братья, не купим ли мы у ёго эту плётку?

А уж как подвыпивши, дак и говорят все:

— А што, купим, испытам своих жон, как оне упрямы у нас оцень.

И стали говорить, конешно.

— А што, Ваня, не продаш нам этой плётки?

— Да продать-то што, можно. Дак ведь вы опеть будете обижатьце как на меня.

— Да не будём. Сколько просиш?

— А што с вас взять — дайте триста рублей, по сотни с каждого.

И вот оне знацит дают ёму триста рублей и уходят домой. А уж пьянова́ты, да ище взяли вина́. Приходит старшой брат и говорит жоны.

— Наливай самовар, ходи тут, пошевеливайсе!

— А ну тебя к цёрту, пришли опеть пья́ны, нализалсе там у Ваньки, дак ложись спать, какой тебе самовар?

— Наставляй, я приказываю.

Она ище пуще заругалась.

— Не будет тебе никакого самовара, леший стамоно́гой, вались спать.

Он и третий раз ей приказывает, а она:

— Не буду, будё хош, дак хлебай молока́, да ложись спать!

Принесла ёму молока́. Он скоцил и раз ей ножом. Ну, она немножко покачалась и упала, конешно.

— Но, ладно, погоди, скоро ты оживёш!

Берёт плётку и начинат ей стёгать, и до того ей достёгал, што смотрит, она уж застыла вся. Но тут он роспола́халсе сам и побежал с плёткой к брату.

— Ладно, снесу брату, уж все ровно, пусть всем отвецять.

Принёс, отдал брату, тот и спрашиват:

— Ну как, брат?

— Да, ницего.

Ста́ршой брат ушол, а этот пьяной уж бу́райдат:

— Жона, наставляй самовар!

— Не буду, какой тебе ноцью самовар, спи!

И тот он до трёх раз ей велел, а потом скоцил, да ножиком и ша́рнул. Кровь потекла, и она пала. Он взял плётку и сколько не приговаривал, она все не стават. У ёго хмель обдирать стало.

— Да што, я ведь убил жону-то?

И побежал к старшему брату спрашивать, как он с ней поступил. Пришол спрашивает:

— Ну как, о́жила?

— Да како́ о́жила, я уж снёс ей под ле́д бросил, штобы люди не видели.

— Ну дак и я тоже свою снёсу. Пойдём, брат, помоги мне.

И пришли к среднему брату оба. Средний понёс свою жону, а старшой в это време кровь обра́л, замыл всё. И вот когда вернулсе средний брат, оне и говорят:

— Но пойдём топеря ко млаччему брату, посмотрим, што тот наделал. Успел ли он свою жону убить.

Приходят, а он уж плёткой стёгат... (тоже ей застёгну́л). И он ростерялсе, видит братья пришли.

— Ну што, брат?

— Да што, видите сами.

— Но, то же и у нас вышло. Давай скорее, неси ей под ле́д, а уж потом пойдём Ваньки отомстим, убьём в этот раз ёго самого

Вот всё обра́ли и пошли к Ваньки. А Ванька это дело уж знал и вот говорит сёстры:

— Ты топерь переодевай меня в бе́ло платьё и говори, што я умёр, а сама сиди да цлаць.

А уж ноць прошла. Утро. Вот оне приходят.

— Но, где Ванька?

— Да умёр у меня братець!

— А, поспел помереть! Все ровно живого не поспели, дак хош мёртвого, а уж в воду бросим!

И взяли ёго в куль собра́ли и на цюнках потащили к прулубы. Пролуба маленька, а пешен нет, пошли за пешнямы, а Ванька лежит. Спервá старший пошол; те ждали, ждали, долго нету, потом средний пошол, не может найти. И так и млаччий ушол, всё нету. Вот поп и говорит:

— Да не найти им, цертям, день че́лой.

И сам побежал. А в это времё барин ехал. И смотрит в кулю вертитце хто-то. Барин и спрашивает:

— Хто там?

— Да я, барин, Ванька.

— Дак зацем ты тут?

— Да видиш, поп дает мне доцерь в замуж, а приданого даёт две тышеци рублей, а я прошу три, и вот как не согла-шаемсе, дак вот ушли за пешнямы.

А барин подумал:

— Да што ж, жонитьце разве на поповной, ведь попова доцька хоро́ша, да и две тышеци рублей возьму.

А Ванька там из куля ёму и крыцит:

— Што, барин, буде жалаш поповну взять, дак розвязывай меня, да залезай сам скорей сюда!

Вот барин соскоцил с саней, розвязал куль. Ванька вылез, а барин залез, и ёго зашил Ванька в кулю́, а сам сел на пару лошадей и уехал проць. Вдруг поп приходит со сыновьями и нацинают пролубу пешать. Приготовили пролубу, а барин там в кулю крыцит:

— Возьму, возьму, батюшко, доцерь замуж, буде даёш две тышеци рублей.

Оне слышат:

— Но, да Ванька-та там ожил видно. Иш ище говорит: „возьму дочерь замуж".

Поп скорей подбежал да обухом ша́рнул. Ну тот и замолцял там. Потом хватили куль, да и спустили в пролубу, только забулькало „буль-буль-буль".

Приходят домой, а Ванька ездит по деревни на пары, гулят:

— Смотрите-ко, Ванька ведь на пары-то розъежжат.

И поповици набежали к нёму и стали спрашивать:

— Откуль у тя, Ванька, лошади?

— Откуль, а с того свету. Вот спустили меня в пролубу, а там такая халь, дак выбирай каких хош. Я эту пару совсем с коретой купил за сто рублей.

— Дак как бы, Ванька, нам купить?

— Да купить про́сто, денег только больше берите, а я вас живо спущу туда.

Те домой прибежали.

— Батюшко, Ванька с того свету таку́ пару вороны́х пригнал и заплатил совсем с коретой всего сто рублей за пару. А у нас ведь лошадей-то хороших нету.

Вот все братья собрались и поп с има. Поп даёт старшому сыну двести рублей.

— Ну, поди, покупай.

И Ванька спускает его в пролубу. Он пошол туда: „буль-буль-буль". Ванька и говорит:

— Вот дурак-то, бурых: „буры-буры!" — там бурых и нет, есть только красны и вороны, а он бурых спрашиват.

И вот долго нет, поп и говорит среднему:

— Бери деньги и иди, покупай всё ровно, хоть красных, ли цёрных, раз цена дешова́, да зови ёго, што мешкат там?

И вот другой спустился, тоже: „буль, буль, буль".

— Ну, батюшко, дураки оне каки́ у тебя, и этот бурых спрашиват, ведь уж я говорил, што там нету этого цвету ко́ней.

Поп и закрыцял третьёму:

— Ступай, спускайсе, да покупайте там скорей, денег хватит.

Там и третьего спустили. Тоже самое и с третьим, што и с перьвыма. Батько дожидал, дожидал, да и сам махнул.

— Какого оне цёрта там?

И вот когда поп скоцил, Ванька пошол, засмеялсе.

— Ну и дураки каки́ есть на свете.

И у попа осталась только доцька да матушка.

Ванька пришол домой.

— Но, што делать, сёстра, денег у нас стало мало, топерь придетце занятьце воровством, всё ровно я роботать не буду.

И подумал, Ванька, што делать: бедного ограбить, што у ёго взять, да и жалко ёго, а богатого ограбить, ведь с ума сойдёт, тоже жалко.

— Лучче я пойду казну грабить, верней дело будет.

И вот, конешно, пробралсе он в казначейство каким-то путём, набрал денёг и вернулсе домой. Как нехватит, опеть сходит, берёт сразу не так много, но живёт хорошо. И вот там стали догадыватьце, а вора поимать не могут. Ну и вот придумали. В проходе поставили рядом два обреза — один с мёдом, а другой со смолой, уж если падёт, не выстать будет. И вот так устроили. А дядя пришол к Ваньки и спрашивает:

— Слушай, Иван, роскажи, откуль ты деньги берёш?

Ванька и сказал:

— Я бы тебе и обьеснил, да боюсь, што ты, как пойдёшь со мной, дак позадориссе много взять, да попадёш, но тогды и пропал ты, и я вместе. Ну ладно, давай уж возьму тебя, только смотри не задорьсе.

И Ванька провел ёго так тайно, што нихто и не заметил. Набрали. Ванька немного взял и говорит дяди.

— Ты немного бери, а то попадёш в этот обрез.

Но взяли окуратно и вышли. И вот прошло там неделя или больше, дядя опеть и приходит:

— Пойдём, Ванька.

— Нет, я не пойду, а ты будё пойдёш, смотри не задорьсе.

Так дядя решил итти один себе. И прошол-то он благополуцьно. А набрал денёг побольше, штобы, знаеш, больше не ходить. И вот пошол он обратно, да кацьнулсе как-то, де-

нёг-то мешок был тежолой, и пал в обрез со смолой. И тут пришлось ему погúнуть. Приходят:

— Вот вор-то и попáл.

Ну, он уж, конецьно, был не живой. Вот полóжили ёго на дровни и поволокли по городу и по этой деревни, што хто заплацёт, тот знацит свой, и того забрáть штобы всю семью, значит. А Ванька это дело узнал и вот говорит сёстры:

— Ты увидиш как дядю потя́нут по деревни, дак смотри не плаць так, а как дяди жалко, дак возьми, розьбей крынку молока и будто над этым плацёш, и дéинку предупредил тоже так же. А то мы все погúнём.

И вот дядю тя́нут. Ванька и говорит сёстры:

— Но, иди, да смотри, не признавайсе.

И вот так, конешно, по крынки молока розьбили и плацют. Сецяс подбегают царьски слуги и спрашивают:

— Над цем вы плацете?

— Да как не плакать, вот купили по крынки молока, да розгледелись на это проишествие и молоко роздили и крынки сломали. Как не плакать?

— А, а мы думали вы над телом плацете.

— Нет, какó над телом, мы об своём гори плацём.

Потом, после этого всёго ёго, конешно, похоронили.

Ну, конешно, после приходит дéинка и говорит:

— Переходи, Ваня, ко мне в дом. У тебя избёнка плохая, а у мня никого нет.

И вот он перешол со сестрой к дéинки и стал там жить, никогда не жонилсе и так жил до старости. Денёг у ёго всёгда было много.

Ну, на этом и будем концять.

64. БАРИН И СОБАКА

Ну, вот в онной деревни был кресьянин, а тут недалёко жил барин в своём имении. Кресьянину слуцилось разпройти мимо имения этого барина. А у барина собака была оцень злюцяя. Вот шол он как раз с по́сохом. Собака накинулась на нёго, а он ударил собаку посохом и убил ей.

И барин подал в суд. Позвали этого кресьянина судитьце с барином. Да. И вот когда пришли на суд, судьи спрашивают барина:

— Што ты хочеш от этого мужицька, посадить ёго хочеш, али ему како́ наказаньё дать?

— А я вот што хоцю сделать. Как он убил мою собаку, дак лишить ёго цёловецеського званья и го́лоса, и пусь он станет собакой, охраняет моё именьё и живёт у меня при дворе.

Ну, конешно, суд на этом решил. Лишили мужицька цёловецеського званья и заставили жить ёго у барина, штобы он охранял барьско имущество.

Мужицьку, конешно, пришлось притти к барину и стать заместо собаки: лаеть по ноцям и охранять ёго имущество.

И вот в онно прекрасно времё сговорилсе он с вора́ми:

— Приходите, воры́, в таку то ноць, пограбите, а там поделим.

И вот в онну ноць вот в такую приехали воры, погрузили всё ченное и все вещи. Но собака лаела, барин слышал, што хорошо собака лает. И вот когда барин утром встал, то видит, што имущества у ёго увезли много. И он подаёт на собаку в суд, што она худо охраняла: были воры и ограбили. Когда пришли на суд, то судьи стали спрашивать барина:

— Ну, барин, скажи, лаела ли у тебя ту ноць собака?

— Оцень хорошо лаела, сильнё лаела ту ноць, когда была покража.

Тогда судьи отвецяют барину:

— Дак што тебе надо от собаки, ведь раз она лаела, дак она тебе знать подавала, а што же она ище могла сделать, как она лишóна цёловецеського голосу? Знацит она правá.

И решили судьи, што собака права, и дали ёму право цёловецьим голосом опеть говорить.

Тогда барин был недоволен судом и повёз этого мужицька в город на пересуд. И поехали оне с ним вместе. Да. И вот оне отъехали, конешно, далёко, и заехали в лес. А уж было тёмно. Мужик и говорит барину:

— Смотри-ко, барин, медведь стоит на дороге-то.

— Ну, мужицёк, пугай тогда.

— Да нет, я топерь лаеть не стану, как я полуцил цёловецьё право. Лай, барин, сам, а то поди-знай, медведь-то может нас съйись.

— Мужицёк, полай немножко, хоть поуци меня.

Мужицёк полаел немного и говорит:

— Топерь лай сам, а то медведь нас съест.

И вот барин нацинает лаеть. И до того барин долаел, што уж и голосу не стало. А мужик всё ёму и говорит:

— Лай, барин, лай, медведь-то ближе подошол.

А сам сидит не смеётце. И барин до того долаел, што уже и совсем у ёго голоса не стало. И в это времё нацялсе свет. Мужицёк и говорит:

— Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам повиделась кокóра.

Тогда барин заговорил:

— А, дак ты меня омманул и всего замуцил. Топерь я тебя отдам под суд.

— Ну ланно, барин, я всем скажу, што ты всю ноць по-собачьи лаел. Тебе неприлицьно будет.

— Послушай, мужицёк, я тебя отпущу домой, и дам тебе денег и корову. А ты иди, живи с богом, только никому не росказывай, што я по-собацьи лаел.

И так оне вернулись к этому помещику, к барину. Он даёт мужицьку корову, да денег, а мужицёк пошол домой, да там ище полуцил цясь того, што у барина имущество увезли.

И стал он жить ни в цём нужды не знать с тех пор, как барина обдурил.

65. КАК БАРИН КУПИЛ У КРЕСЬЯНИНА ОВЦЮ́

Вот был жил один барин. И он имел у себя одного кучера. И ёму раз случилось ехать черезь одно село, ну было это не близко от своёго́ дома. И приежжают оне в онну избушку покорьмить лошадь. А дело было зимой. И у этого кресьянина было овець много, но одна овця только родила́ ягнят. И она слишком замёрзла, была́ принесёна в избу обогретьце. А этот барин, как зашол в избу, у нёго была шуба на волчьем меху. Вот овця как услыхала запах волчий, она ощетинилась и стоит. Барин смотрит — што такое! Барин и спрашивает хозяина.

— Што у тебя, хозяин, за зверь?

— А это, барин, у меня овця.

— А што же она так щетинитце, не спокойно стоит?

А кучер шопчет хозяину:

— Слушай, хозяин, скажи што овця эта волков давит, а у тебя шуба волчья, вот она и щетинитце.

Барин и говорит:

— А што, кучер, ведь нам такая овця хороша́ в дорогу, волков-то ведь много в дороги, купить бы ю.

— Да не плохо, барин.

Вот и говорит барин:

— Хозяин, што, ты не продаш овци?

— Да нет, барин, она у меня содёржит всё стадо, пасёт от волков, она дорогая.

— Да што, хозяин, может ты продаш ей?

— Да уж так и быть, петьсот рублей даш, дак продам, спокойно доедеш до до́му.

— Ну, хорошо, получай.

Барин даёт петьсот рублей кресьянину и собираетце ехать. Вот взяли овцю и поехали. Вдруг дорогой видят бежит волчонок. А овця увидала волчонка и ощетинилась.

— Дак што, кучер, спустим овцю?

— Давай!

Вот оне немного завернулись сами вле́во, а овцю оставили на дороги.

— Ну-ка, кучер, поедем, посмотрим, уж наверно овця задавила во́лка.

Кучер приходит и видит, што уж овця то вся ростре́пана, и волк доедает последние кости. А волков еще бежит много. Приходит к барину:

— Ну, и овця, барин, какая! Погрызла одного волка и дожидает еще стадо, хоть и ростре́пана немного. Пойди, барин, посмотри, как она их давит.

Барин с радосью побежал. Смотрит, овця лежит на дороги, а куски шерсти лежат по сторонам:

— Ну и овця, вот как меня охраняет!

И барин так обрадел, што не роспознал, што это волк. Бежит прямо на нёго и кричит:

— Ай, овця, ай, овця, не зря петьсот рублей о́тдал!

Подошол за несколько сажен, волк рванулсе на нёго и барина розорва́л. А кучер взял пару лошадей и поехал домой.

Больше к бароне и не поехал, стал себе дома жить и робо́тать. И так барина не стало. Конець.

66. КАК БАРИН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ СКАЗКИ У СВОЁГО́ СЛУГИ

Ну вот был жил барин, а у ёго был слуга. Этот барин всё заставляет слугу сказки сказывать, и очень был любопытной слушать. Слуга не знал, што и сказывать, сказок не знал совсем. А барин всё заставляет и заставляет. Вот слуге это надоело, и думат:

— Ну, давай тебе скажу уж!

И начинает:

— Вот раз мы, барин, с тобой шли, шли, шли, шли, шли...

Барину надоело это слово „шли“, и он спрашивает:

— Да куда мы пришли то?

А тот всё своё:

— Вот мы, барин, с тобой шли, шли, шли, шли, шли...

И так готов челой день говорить. Надоело это барину. Осерча́л он и прогнал слугу проч.

Вот на второй день барин опеть призывает ёго и заставляет росказывать. Тот и говорит:

— Вот, барин, мы шли, шли и пришли к высокой горы́. И давай в эту гору ставать. Ставали, ставали, ставали...

И так челой день всё говорил, как оне ставали. Барин не может терпеть.

— Да скоро-ли мы вы́станем-то?

— А он всё своё:

— Ставали, ставали, ставали, — и так без конця.

Барину надоело это, и он прогнал слугу.

Приходит этот слуга на третий день. Барин опеть ёго спрашивает:

— Ну, дак когда мы выстанем?

— Вот погоди, барин, выстанем. Вот мы ставали, ставали да и выстали. Потом опеть и пошли. Шли, шли, шли, пришли. Стоит две боцьки, одна с навозом боцька, а друга с мёдом. Вот меня, как слугу, посадили в навоз, а тебя, как барина, дак в мёд.

— Ну вот это, слуга, правильнё, это хорошо, — говорит барин.

— И вот мы сидели, сидели, сидели...

А барин всё слушал, слушал и говорит:

— До скоро-ли нас вытянут?

А он всё своё:

— Сидели, сидели, сидели...

Барин опеть осерцял и прогнал ёго.

На четвёрто утро опеть барин и спрашивает:

— Дак долго ли мы там сидели?

— Вот, барин, нас и вытянули. Пришло два нацяльника. И оне заставили меня тебя лизать, а тебя меня облизывать.

— Ах, сукин сын, уходи, штобы духу твоёго́ не было. На́ сто рублей и больше ко мне-во веки не ходи.

Слуга полуцил деньги и пошол искать себе друго место.

На том она и концяетце.

67. КАК ПОП, СОЛОМЩИК И ДЬЯКОН СИДЕЛИ ПОД БУРАКОМ

Вот в одном приходе жил свещенник. И в этом же приходе жил сапожник. А у ёго была жóнка молóдая, красивая и бездетная, к тому же религиозная. Она любила часто в церьковь ходить молитьце. А муж её, сапожник, не любил ходить и никогда не ходил в церьковь.

И вот все: свещенник, дьякон и соломщик на эту сапожника жену поглядали и желали с ней поговорить наединé. И она, конецьно, не знала, што оне это думают во время обедни. И раз она приходит к обедни. Приходит, а батюшко думает:

— Надо сёгодне поговорить с ней.

Нацинает обедня отходить, и, конецьно, пошли ко кресту люди. И она идёт после всех. И вот батько што придумал: кого крестом в зубы тыкнёт, кого пó лбу ударит — никому не дал по гóдному креста поцеловать. И вот люди все ушли из церкви. И она похóдит ко кресту. Подхóдит, а он ей даёт креста поцеловать и говорит:

— Слушай, Марья, нельзя ли к тебе будет притти вецёром. Есть у меня триста рублей; я их тебе даю, только пригласи.

А соломщик и дьякон смотрят.

— Ну, уж ланно, батя, приходи в шесь цясов, а я мужа отправлю за кожей в город.

Она всё кряду смекну́ла.

И вот только от священника отошла, как ей дьякон стретил и заговорил:

— Слушай, Ма́рьюшка, нельзя ли к тебе как-нибудь притти, я тебе дам двести рублей.

— Ланно, приходи сёгодне в половину седьмого.

И пошла. А соломщик и подходит к ей:

— Слушай, Ма́рьюшка, есть у меня полтораста рублей, нельзя ли к тебе сёгодне притти?

— Можно, приходи в семь цясов.

И она ушла.

Оне это ницёго не говорят друг другу, взяли, закрыли церьковь и ушли.

Она прихо́дит домой и росказала мужу это всё.

— Ну, муж, уж сорвём с их деньги да науцим как следует, а ты купи сходи вина. И потом выйди в шесть цясов, выпей немножко и ровно в семь цясов приходи.

Так он, конецьно, и сделал.

— Уж науцим долговоло́сых как ходить по цюжо́ добро.

И вот так он ушол, вина заготовил и сам вылез на сарай. А у них была только онна коровёнка. И вдруг, шесь цясов времё, батюшко закатываетце.

— Ну дак што, Ма́рьюшка, давай.

Ну вот она нацинает самовар ставить. Только наставила самовар, да тут то да другоё, вдруг колотитце.

— Хто это?

— Да будё муж!

А изба онна, скрытьце не́где.

— Дак куда мне, Марьюшка?

— Пихайсе под бурак, больще не́куда.

И поп полез под бурак. Грязи там было до-колена. Но уж деватьце не́куда. Сидит. Вдруг приходит дьякон.

— Ну дак, Марьюшка, как?

— Да брось ты торопитьце-то, вот попьём цяю да потом и справим своё дело.

И вот только по чашки налúли, да по рюмки выпили, вдруг заколотилось. Дьякон перепугалсе:

— Да, наверно, муж идёт, пихайсе под бурак скорей, больше нéкуда.

И дьякон туда, знацит, сунулсе. Смотрит, — поп тут.

— Ты, батя, как здесь?

— Молци! Как здесь? — а ты как здесь?

И сидят. Вот она дверь открыла, закатываетце соломщик. Ну, она дверь закрыла, а он:

— Давай, Мáрьюшка, скореи, времё-то уж семь цясов.

— Не торопись ты, вот выпьем по рюмоцьки, да и нацьнём дело делать.

Только выпил соломщик рюмку, рóзлил чашку, вдруг в двери застуцяли. Он заговорил:

— Ну, куда я топерь?

— Пихайсе скореи под бурак, выйти нéкуда. А это, наверно, муж идёт.

И соломщик залез под бурак. Залез, смотрит — там дьякон и поп.

— Вы што здесь?

— Молци, што здесь? Топерь как муж пришол, дак будёт нам тут!

Вот он пришол и топчетце, ругаетце.

— Што у тебя тут за празник, што за бесёда, хто у тебя тут есть, сказывай!

— Никого тут у меня, муженёк, нет. Я сёгодне вить именинница, дак самовар согрела да вотоцьки купила, и тебя жду.

— А ты именинница, дак пои, зови батюшка да матушку на именины.

И она пошла.

Вот прихóдит к батюшку в дом и говорит:

— Матушка, я сёгодне именинница, дак пришла звать вас с батюшком на именины.

— Да батюшка нету дома.

— Ну ланно, нет, дак, оннако, придёт, можно после позвать, пойдём хоть ты, матушка.

И вот матушка с Марьей приходят. Сапожник и говорит:

— Садись, матушка, выпьем винця.

Матушка, конецьно, села, не отказалась и пошла у них попойка. Матушка и приопьенела.

Вот он и говорит:

— Ну-ко, жена, неси масла на стол.

Та масло принесла, а он и говорит:

— Вот, матушка, у нас корова все маслом доит и молока не даёт совсем.

Потом и говорит жоны:

— Слушай, пои-ко — зови батюшка, где он там долго ходит.

И она ушла [*следует неудобный для печати эпизод о продаже масла и коровы*].

Только они успели это всё оконцить, приходит жена и говорит:

— Да, нету батюшка дома ище.

— Ну, нет, дак ницёго не сделаеш, давай, матушка, садись ище выпьём, а я завтро тебе посулёно представлю: которо хош бери.

И вот оне немного ище выпили, матушка запоходи́ла. Простились, и он говорит:

— Ну, ланно, я повалюсь теперь спать.

Батюшко думат:

— Ну, хоть бы повалилсе спать, дак мы выбежим в это времё.

А он и говорит жоны:

— Но-ко, жона, топи пець, ведь надо телёнка-то попоить, да, наверно, бурак то не мыт уж давно, надо бы и бурак ошпарить кипятком, а уж тогда телёнка-то заносить в и́збу. Поставь другой цюгун к пецьки.

Цюгуны оба закипели, и она их потянула из пецьки. Оне это всё слышат там. Вот только што цюгун потянут из пецьки, как оне бурак повёрнут, да и бросятце вон из избы.

— Што за цёрт, хто это там под бураком-то был, дёржи его, дёржи!

Но оне уж убежали; так их и не словил.

Утром стаёт сапожник и идёт к свещеннику, как будто ницёго не знает. Приходит под окна и говорит:

— Матушка, цёго тебе лучче масло нести или корову вести?

А свещенник как выбежал на крыльцё:

— Иди ты, дурак такой, а то урядника позову, што тут под окнами орёш!

— Иш ты, по цюжим жонкам ходиш!..

Только это стал говорить, и свещенник убежал в избу. И с тех пор ни поп, ни дьякон, ни соломщик к Марьи не приставали.

68. СОЛОМА, ТЫ, СОЛОМА

Вот жил был один старик со своей старухой. И он жонилсе не моло́дым, а она была моло́дая. И вот она такая прихотливая была, всё посылала старика или рыбки хорошей наловить или птиць настрелять — всё ей было мало. А она зналась с дьяконом.

Раз она говорит старику:

— Поди, старик, или вылови или купи где-ка мне рыбы сёмги, потому што ты сам знаешь, я моло́дая, а ты старой, и вот у моло́дых людей всегда бывают разные прихоти.

Старик пошол исполнять, што ёму говорит жона. Идёт себе в город и попадаетце ёму старицёк настрецю, тянет соломку в керёжи.

— Здорово, старичок!

— Здорово, рыбак. Куда попадаеш, скажи мне, рыбак?

— Иду я старухины прихоти исполнять, так што она моло́дая, а я старой; купить ей нужно сёмги или выловить.

— Слушай, рыбак, у твоей старухи прихотей много, а хош, я тебе все ейны прихоти покажу?

Этот старик знал все ейны прихоти.

— Ты эты прихоти сам увидаеш, только ложись ко мне в керёжку, и я тебя прикрою соломкой, оне все будут у тебя на глазах.

Старик, конешно, согласилсе.

— Давай, коли уж ты это всё знаеш.

И он повалилсе в керёжку, а старик прикрыл ёго соломой и потащил в то село, откуда был этот рыбак. Притянул он к этой избушки, в самой ёгóной дом, и проситце на квартеру. А там сидел уже дьякон. Старицёк стал ситьце.

— Спусти меня, хозяюшка, переноцевать.

— Да я уж не знаю, у меня квартера тéсна, куда я тебя спущу?

— Спусти на одну ночку, хозяюшка, не надолго.

Старуха не спускает. Дьякон и говорит:

— Да, спусти старика, пусь он переноцует, может быть хоть нам чего роскажет: сказку ли песню споёт, спусти, пусть переноцует.

Ну, хозяйка и говорит:

— Ну, ладно, дедушко, ноцюй, уж што же сделаеш!

И вот оне ёго спустили. Он и говорит:

— Хозяюшка, уж раз меня спустила, дак спусти и керёжку мою в избу занести, у меня там ченные вещи тянутце, мало ли што может быть на улици.

Ну и говорит хозяйка:

Ну што же, уж раз так, тени в избу, раз ченные вещи, там штобы ты сумленья не держал.

Ну вот он керёжку затянул, полóжил в пóдпорог.

— Можно, хозяюшка, этта класть?

— Можно, ничего.

— Вот, хозяюшка, я повалюсь на печку, ваше дело путать не буду, только воды дай мне напитьце.

— Ну, дак што, ложись, дедушко.

Подала воды, и дедушко повалилсе на печку.

А рыбак когда ложилсе в керёжку, старик ёму сказал:

— Слушай, вот когда я притяну тебя, и мена заставят песен петь. Я и запою, выпью рюмоцьку и запою:

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, солома, што деетце дома!
Да на спици безмéн,
Пусь достанетце обéм.

Это я буду петь до трёх раз, а ты уж сам узнаш, што надо будет делать.

Это он предупрежал, когда рыбак валилсе в керёжу.

И вот старицёк повалилсе на печку, вдруг хозяйка приносит вина, закусок и начинают пить, угощатьце.

Когда оне подвыпили, завеселели, дьякон говорит:

— Слушай, дорогая, давай позовём старика-то, пусь выпьет с нами маленькую с дороги и што-нибудь [может старик не споёт ли нам; это нам для веселья кстати.

Вот, конецьно, хозяйка и говорит:

— Давай, дедушко, спускайсе к нам, выпьеш с нами.

— Да нет, спасибо, дети, я устал да прозяб.

— Вот, вот, с у́стали да с дороги-то и хорошо, спускайсе к нам.

Вот старицёк, конечно, спустилсе, сел. Налили ёму стопоцьку. Выпил. Налили вторую. Старик выпил, закусил, и говорит дьякон:

— Слушай, дедушко, а умееш ли ты песен петь?

— Я бы, отець дьякон, и спел, дак ведь может быть вам не понравитце, у меня стари́нны песни все.

— Ну, спой, ницёго́.

Вот он и запел.

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, солома, што деетце дома!
А на спици безмéн
Да достанетце обéм.

Старухи и дьякону очень помравилась песня, и оне заставляют ёго второй раз петь, а уж сами подгулявшись порядком. Он и второй раз спел. Когда он спел второй раз, оне и говорят:

— Спой ище, дедушко, раз! Да выпей стопочку и закуси

Вот он выпил ище стопочку, закусил и третий раз запел.

Солома, ты, солома,
Посмотри-ко ты, солома, што деетце дома.
Да на спици безмен,

(указал, где и взять),

Пусь достанетце обе́м.

И вот когда он третий раз спел, из под соломы выскоцил старик, взял безмен в руки, и давай нахаживать. Сперва угостил дьякона так, што тот и домой едва ушол. И потом, конешно, и старухи не мало было.

А потом и говорит старичку.

Ну, топерь седем мы с тобой угощатьце.

И вот сели оне. Трое сутки он ёго угощал, и говорит:

— Но, спасибо тебе, што ты мне все эты тайны открыл. Вот тебе ище петьдесят рублей, больше, как ты сам знаеш, у меня, у бедного рыбака, нету.

Старицёк отказываетце от денег.

— Не надь мне твоих денег. Как ты мой го́док, дак мне было охота тебе показать, цё твоя старуха хочет.

Старички на том роспростились, и после этого старуха жила со старичком тихо, спокойно и никуда ёго из дому не отправляла.

69. УПРЯМА ЖОНА

Вот у онного кресьянина была жона. И она была до цёго упряма, што всё делала напротив. Если он скажет так — дак она обязательнё другоя́ко — и всё делает напротив. И вот он так к ней привык, што если ёму надо што испець ли сварить, или што сошить, или куда ехать, итти, он ей всегда уж говорил:

— Ты, жона, не пеки, ли там не вари, или не шей, или там, мы туда не пойдём.

Однем словом всё, што надо, дак говорил напротив. Так к ней применилсе. И вот так и жил.

И вот приходит лето́, конешно, сенокос, и он ей говорит:

— Ты завтра, жона, ницёго́ не стряпай.

— А вот состряпаю!

Уж он знает ей, дак так наоборот всё и говорит. И она столько ёму наделала, што он уж и смерти ейной рад. И надумал тако раз дело:

— Слушай, жона, не пойдём сёдне косить, день худой.

— А вот дак пойдём, — она ёму говорит.

Вот начинает собирать з собой, наклал там хлеба, коё́ камней, да коё́-цёго, и говорит:

— Жона, ты не бери этого кошеля́, тежолой он будет тебе.

— А вот дак возьму!

И взяла этот кошéль. Пошли. Йдут, а надо было переходить рецьку по жордоцькам. Он, конешно, с лёхким кошелём перешол и говорит жоны:

— Пойдёш, ну смотри по жердям не тресись, а то упадёш в воду.

И вот она пошла.

— Ну, смотри, жона, не тресись!

— А вот да потресусь!

И стала потряхиватьце на этых жердях. Он еще предупреждат:

— Не тресись!

Она ище пуще стала трестись. И цёрт ей хватил, оборвáлась в воду. Ну, это каменьё и потянуло ей на дно.

— Ну, слава богу, топерь я от тебя избавилсе.

И пошол против теценья, а там косили други сенокóсци. Пришол и спрашивает у этых людей:

— Слушайте, товарыщи, не видали ли вы моей жоны, как она упала, дак не несло ли ей по реки сюда?

— Да што ты, цюдак, разве может цёловека против воды нести?

— Да как же, она такá протúвница мне всегда была, дак ей, наверно, уж понесло не по теценью, а напротив.

Ну, конешно, этот крестьянин после этого жонилсе на одной вдовке молодой и стал жить по хорошему.

70. БИ́ТОЙ МУЖ

Онному кресьянину пришлось ехать черезь село на лошади́. У ёго не хватило сена и он заежжает в онну деревню́шку. Приежжает в онну избушку и, конешно, попросилсе на квартеру. Ёго спустили. А ёму што? Во-перьвых, нет у коня сена подать под но́с. И приходит в дом. Видит жона ходить така́ бурли́ва, а муж сидит плацет. И он сел и думает:

— У которого мне топерича просить сена? Если муж плацет, он наверно не знает, а лучче попрошу у жоны, может хозяйка даст.

Он и заговорил:

— Да. Хорошо, мужичок, ты ище виш как плачеш би́той, а у нас жоны бьют, дак и плакать не дают.

Жона услыхала и говорит, пришла:

— Видиш, што в людех-то деетце, а ты плачеш, губы роспустил!

И вот мужичок сразу из дела понял и говорит:

— Хозяюшка, нельзя ли будет сенця ло́шади достать?

— Ну, хорошо, мужичок прохожий, поди, бери на сеновале, сколько надь, да ло́шади клади, да садись, обедай.

Он сходил, конешно, ло́шади сена наклал, да еще себе оставил несколько во́локов. Пообедал и поехал дальше.

А уж там не знаю, што у них дальше было.

71. ЗАЛЕТЕЛА ВОРОНА В ВЫСО́КИ ХОРОМЫ

В некотором чарьстви, не́ в котором государьстви был жил чарь. И у этого чаря потерялись деньги. Но розыскать он их не может. Не может узнать, хто их украл. Ищет таких людей, колдунов в общем, штобы указали, хто их похити́л.

А тут в этом же городи жил старик со старухой. Старуха и говорит:

— А што, старик, я пойду, скажу, што я могу найти, хто украл деньги.

— Што ты пойдёш, куда ты пойдёш, голову чарь тебе отрубит только зря.

Ну, когда она это повестила, што найдёт деньги, то сразу за старухой приехали в кореты, повезли ей во дворець. И эта корета была тёмная. И вот как раз слуги ей везут, она думала, думала и надумала там сказать:

— Попала топерь коса на камень.

И как раз на дороги коса лежала на каменю. Слуги и говорят промеж собой:

— Порядошна она колдунья: корета закрыта и тёмна, а уж она видит, што коса на ка́меню лежит. Наверно, достанетце этым вора́м, которы скрыли деньги.

И вот приехала она во дворець. Конешно, приняли ей там, приготовили обед. Цярю там уж сказали, што так и так, ехала дорогой и видела скрозь стены.

А у цяря было две слуги, которы скрыли деньги — Брюшкóв и Хребетóв. И эти слуги старухи подавали обед. Оне взяли ей ворону сварили.

— Узнает если, тогда она настоящая колдунья.

Теперь когда она стала йись, про себя и говорит:

— Залетела воронá в высоки хоромы, дак не знает, как и вылетит.

Оне сразу ей и покаелись.

— Прости, баушка, ведь мы тебе ворону сварили, мы уберём ей проць.

— Ланно!

Старуху, конецьно, накормили. Приходит чарь.

— Ну уж раз ты, баушка, умеешь гадать, дак узнай, кто у меня деньги украл.

— Надо истопить байну, я уж там погадаю.

Вот когды байну истопили, этот Хребетóв и Брюшкóв пошли слушать за двери, как старуха будет ворожить и стали за дверью. Да. Старуха берёт веник и начинает паритьце. Хвощет себя веником и приговариват:

— Брюшку-то поменьше, а хребетку-то побольше.

Вот оне и говорят:

— Надо старухи покаетьце, всё ровно она уж узнала.

Вот она выходит из байны, оне ей и говорят:

— Баушка, ты чарю не говори на нас ницёго, возьмите деньги пóд полом в байны, а только на нас цярю не сказывай.

Она приходит к цярю и говорит:

— Вот, ваше велицество, я узнала, идите отрывайте из под угла.

Те пришли, и правду, там лежат деньги, как раз та сумма, котора украдена. Конешно, чарь очень обрадел. Наградил старуху деньгами и приказал отвезти старуху домой. Конешно, старуху отвезли домой. Оне со стариком перешли на другу квартеру жить, а эту квартеру сожгли, штобы ей больше не просили гадать.

И вот случилось, у онного купця лошадь потерялась. Стали ей звать ворожить, а она говорит:

— Стара изба сгорела — и колдство всё сгорело.

На этом и конець.

72. КАК ТРИ БРАТА ПОШЛИ ПОЛЕ́СОВАТЬ

Три брата пошли поле́совать и взяли хлеба и горшок или котёл, штобы там што-нибудь сварить И вот оне шли, шли, убили там ко́е-цёго. Сели пойись и сварили каши. Сварили кащи, и едят. Потом когда поели, пошли дальше. Идут и нашли берлог медведя. Старшой и говорит:

— Но, вы тут постойте, а я спущусь в берлог. И ёго там привяжу за́ но́гу, а потом мы вытащим и убьём.

И вот он пошол в берлог. Спустилсе туды наперёд головой, а ноги у нёго торцят вверьху́. Братья смотрят. И вот как он спустилсе туда, стал вязать медведя за ноги, а медведь схватил ёго и отьел ёму голову.

А братья-ты всё были вроде как малоумные. Ждали, ждали оне старшого брата, дождатьце не могли. Взяли потом и вытащили. Вот когда оне ёго вытащили, один и говорит другому:

— Смотри, головы-то у ёго нет.

А другой отвецят:

— Да хоть была ли у нёго голова-то?

— Ну как, помниш, кашу ели, дак борода у ёго тряслась, поэтому была у ёго голова.

Тогда заговорил сренний брат:

— Ну-ко, я пойду, посмотрю, што за медведь, што го́ловы ест.

Спустилсе сренний брат таким же путём, как и старшой.

Вот млаччий брат дожидал, дожидал и вытащил его. Вытащил и думает:

— Што́ как я в деревню пойду да у мужиков спрошу, были ли хоть у моих братьев го́ловы?

Пришол в деревню и когда росказал, пошли други охотники и убили медведя.

73. ТУ́Т НЕ ПОПАДЁТ, ДАК ТА́М ПОПАДЁТ

Был-жил кресьянин. И он ницёго не роботал, только если умел што украсть, или кого-нибудь обделать, только на этых правах и жил. И у ёго был товарищ такой-же. И вот оне уселись оннажды на дорогу и знали, што по этой дороге ездят со сига́мы. Вот оне вырубили по проду́бки: онну по ту сторону дороги, другу по другую. Потом он сел и долото́ передяргивает из онной пролубки в другую. И вдруг едет мужик со сига́мы. Едет и думает:

— Што мужик тут удит в этых пролубках на пустое долото?

Один удит, а другой стоит в сторонке. Мужик одержал лошадь и спрашивает:

— Што ты тут удиш на пусто долото́?

— Как што? Да ту́т не попадёт, дак та́м попадёт.

Это всё приговариват, а сам в той пролубки поудит, да в другу перебежит. Рыбак смотрит на ёго. А он всё приговариват:

— Ту́т не попадёт, дак та́м попадёт.

А товарищ ёго в это времё сиги с воза выгружат, да носит в сторонку. Когда ёму надоело смотреть, он пошол

к возу, а уж там ни онного сига нет. И нет и этого второго мужика.

— Вот это он к цёму говорил, што „ту́т не попадёт, дак та́м попадёт“ — ёму и верно попа́ло, а зато у меня на возу ницёго не ста́ло.

74. БЕТЬ, КРАСОТА, БЛАГОДАТЬ

Жил-был один кресьянин, он был, как сказать, не богатой и не бедной пора́то, исправно жил. И зашол оннажды к ёму на квартеру прохожой. Когда прохожой розделсе, то сказал:

— Хозяин, нет ли воды попить?

— У нас не вода, а благодать.

— Ну, благодать, дак благодать, дай и благодати.

А у хозяйки пецька топитце. Этот прохожой подошол к пецьке, руки греет, а сам говорит:

— Ах, как хорошо огонёк-то горит.

— Это у нас зовётце не огонь, а красота.

— Ну, што же, пусть красота.

Он сел, а к ёму прибежал коти́шко. Прохожой гладит ёго:

— Ах ты, кошецька хорошая.

Хозяин опеть и говорит:

— Нет, это по нашему не кошка, а бе́ть зовётце.

— Ну, бе́ть, дак бе́ть, пусть по вашему будет.

Потом, значит, он переноцевал ноць, утром хозяин ушол на работу, а он одеваетце и уходит проць. Хозяйка там што-то уборку делает. Он вышел на крыльцё, беть к ёму прибегает и лащитце. Он взял и привязал ей кусок моцяла к хвосту,

привязал и сам зажог. А сам пошол проць, вперёд попадат. Идёт мимо хозяина, где тот роботал, и заговорил:

— Слушай, хозяин, твоя бéть побежала на повéть и утянула красоту на высоту, если не поспеет благодать, то беды не миновать.

Как хозяин глянул, а у ёго уж сарай горит, солома там загорелась.

75. КАК СТАРИК ЖОНИЛСЕ НА ОННО́Й ЯГО́Й БАБЫ

Вот был жил старик с своей старушкой. У их была онна дочка. И вот оне эту дочку подро́стили почти до полного возраста и заболела жона у ёго, старушка, и умерла. Осталсе старичок с дочерью вдвоём. Ну, он еще был моло́дой, годов под сорок пять. Ему што здумалось: надо жонитьце всё-таки, хозяйку взять, дочка дочкой — выйдет замуж, а я останусь один. Дочерь и говорит:

— Слушай, отець, не бери перьвую, хто настречу попадёт, и вторую не бери, а третью бери, говорит.

И пошол. Вот идёт, идёт по городу, город прошол, вдруг попадает ёму женщина настречу.

— Куда, мужичок, пошол?

— Да, жонитьце, — говорит.

— Возьми меня!

— Нет, не возьму, — говорит.

И она оббежала ёго вокруг и второй раз стречаетце. Стречаетце и говорит:

— Куды, мужичок, пошол?

— Да женитьце, хозяйку взять.

— Возьми меня!

Он посмотрел, посмотрел на ней.

— Нет, — говорит, — не надо.

Она оббежала второй раз ёго, опеть ёму настречу.

— Куда, мужичок, пошол?

— Да жонитьце, хозяйку искать.

— Ну, кого у тебя из семьи есть?

— Да у меня онна дочка, а у тебя?

— Да у меня тоже дочка. Ну, дак вот, будет нашим дочкам вёсело жить.

— Ну, давай, возьму уж тебя.

Приводит домой. В перьвое времё жили оне хорошо, а потом эта яга-баба так не взлюбила свою падчерицю, и говорит старику:

— Вези ей куды хош, а то и тебе будет плохо, а я с ей жить не стану.

Старик запечалилсе.

— Как я доч свою родную повезу? Жалко!

Наконець говорит:

— Ну, ланно, собирай ей подорожнички, я ей увезу.

Она вместо хлеба поло́жила ей камень, вместо крупы — золы, а вместо масла поло́жила ей смолы.

— Ну, я всё собра́ла ей, можеш везти.

— Ну ланно!

Говорит доцери:

— Собирайсе, дочка, поедем.

Но не сказыват, куды он ей повезёт. И вот он повёз ей. Везёт, везёт и везёт. Вот немного погодя видит стоит лесная избушка. И привозит ей в эту избушку.

— Ну вот, дочка, здесь останьсе, а я поеду домой.

— Ну, што ж делать, уж мне здесь, наверно, придетце поги́нуть, уж я отседа не выберусь.

Приходит вечер, ей захотелось ись.

— Ну надо посмотреть, што она мне кла́ла, мачеха.

Начинает смотреть. Смотрит хлеб белой есть, крупа есть и масло.

— Буду кашу варить, ланно!

Расклала огонь, нача́ла варить.

Вдруг прибегает мышка.

— Девушка, девушка, дай кашки на красной ложки!

Она зачерпнула кашки, поло́жила ей. Мышка сказала:

— Ну, спасибо, девушка, я тебе помогу.

И вот она поужинала, ложитце спать. Но самой не спитце в лесной избушки. Вдруг приходит чорт:

— Ну, кто ко мне сюды пришол, сегодне съем!

И прибегает мышка. Скрыла эту девушку, сама обратилась девушкой и вкруг печки бегает. Чорт всю ночь за ней бегал, ну поймать не мог. И девушка ничёго не слышала, проспа́ла ноч. Ставает со сна.

— Давай-ко сварю кашки.

Смотрит, крупа не убавилась, а хлеба тем более прибавилось, и масла.

— Ланно, вот хорошо!

Сидит и ва́рит. Когда кашу сварила, мышка и прибегает:

— Девушка, девушка, дай-ко кашки на красной ложки!

Она почерпнула на тарелки каши полну ложку:

— На́, мышка, на́ еш!

Поела и побежала.

— Спаси́бо, девушка, я тебе за это всё заплачу.

Вот девушка ложитце спать. Вдруг приходит чорт:

— Фу-фу, в ноч не съел, ну сегодне съем!

И вот мышка прибегает, скрыла ей, а сама обратилась девушкой и бегает вкруг печки. И он всю ночь пробегал, поймать ей не мог. Наконець, стало светать. Вышел на улицю, плюнул и бро́сил мешок золота.

— На́, — говорит, — подарок, кто там есть, я больше сюда не приду.

Она стават со сна, смотрит, што такое! — золото. Поло́жила в уголок и сама стала опеть кашу варить. Ва́рит, зготовила, опеть прибегает мышка:

— Девушка, девушка, дай кашки на красной ложки!

Она опеть также ей покорьмила и третий раз. Мышка и говорит:

— Вот, девушка, эту ноч не бойсе ничего. К тебе придёт одна красавиця, оденет тебя с ног до головы, а завтро при-

дёт твой отець и тебя увезёт. Это тебе всё за послушанье, и што меня не обижала.

И вот она не ложитце спать, сидит и думает. Вдруг на улице зазвенело и едет тройка лошадей. И в комнату токо ступила девушка, и эта комната сделалась такой у́браной, красивой, и всё на свети есть.

— Здраствуй, красавиця!

— Здраствуй, здраствуй, не знаю, как тебя звать.

— Ну хорошо, вот я тебе подарок привезла.

— Ну што же, если будет милость, ваша воля!

Вот сецяс она роскрывает ящик и достала ей всю одёжу хорошу. И вот, конешно, коё́-што поговорили, поугощались, всё стало тихо, она уснула.

А у старика, когда прошли трои сутки, баба и говорит:

— Ну старик, поежжай, вези косьё обратно.

И вот старик поехал. Приехал в избушку, смотрит, доч сидит снаря́жена, словно кукла.

— Здраствуй, дочь!

— Здраствуй, здраствуй, папенька!

— Ну, как живёш?

— Ничего, папенька, хорошо.

— Ну, вот тебе матка велела домой ехать.

— Ну ладно! Слушай, отець, возьми мешочек, што в углу лежит, он нам пригодитцё.

Наси́лу старик этот мешок дотащил в сани и поехал домой. А сам обрадел: и дочка живая, и оделась хорошо, и денег везёт с собой.

А у старика была собака. Вот она видит, как едет старик, и лает:

— Тяв, тяв, старикову доч в золоте, се́ребре везут!

Яга-баба и слышит.

— Не лай, на́ блин, скажи, што стариковой дочки косточки в мешочке бренчат да стучат.

Собака съела блин и опеть:

— Тяв, тяв, тяв, старикову дочку в золоте, се́ребре везут, а золото в мешочке стучит и бренчит.

Она опеть ругатьце. А собака всё своё.

Вот старик с дочкой и приехали. Баба смотрит: одета дочка, как чаревна и еще золота мешок. Вот ей очень стало зави́дно. Она и говорит старику:

— Вези мою дочерь.

И собра́ла ей с собой и пшона, и масла, и хлеба, и всё такое.

И вот старик повёз ей. Привёз к избушки, оставил, а сам уехал домой. Вот она, вечер подходит, нача́ла варить кашу. Вдруг прибегает мышка.

— Девушка, девушка, дай кашки на красной ложки!

— Не будет едоков почище тебя здесь, не дам каши!

Ударила ей чумичкой, мышка убежала. Вот приходит ноч. Вдруг приходит чорт:

— Ага, — говорит, — перьву и вторую ноч не достал, пришол проведать, думал уехала, ну уж топерь съем.

Вот он начинает ей мучить. Мучил всю ночь. Прибегает мышка, штобы он до конця ей не убил, и выгнала чертёнка. И так чорт девушку намучил, што она весь день проспа́ла. На вечеру́ стала, ва́рит ка́шу. Прибегает мышка:

— Девушка, девушка, дай кашки на красной ложки!

— Не будет едоков почище тебя, я и сама голонна!

Мышка убежала, она поела и легла спать. Приходит этот самой чертёнок:

— Ну, сей-ночи не будеш жива́!

Содрал у ней шкуру, съел её, а кости в мешочек со́брал, сам ушол. Вот прошло трое сутки, ягой бабы не терпитце.

— Поежжай, старик, вези дочку.

Вот старик приехал, видит в углу мешочек, здынул ёго, а там кости бренчат, шкура повешена черезь грядку. За́брал старик шкуру, мешочек и поехал домой. А собака и залаела:

— Тяв, тяв, тяв! Ягую доч — кости в мешочке везут.

— Не лай так, на́ съеш блин, говори — в золоте везут.

Собака съела блин и опеть:

— Тяв, тяв, тяв, от ягóй дочери шкуру везут, а косточки в мешочке стучат и бренчат.

Она ударила ей палкой, заругалась.

Вот приехал старик, и видит старуха, как на самом деле собака лаела, так и есть.

— Ну, теперь, старик, вези меня в избушку!

Ну, старик и повёз ей, а сам уехал домой. Вот она на перьвую ночь сварила каши, прибегает мышка:

— Слушай, умница, дай кашки на красной ложки.

— Не будет у меня едоков почище тебя! Я и сама с дороги голо́дна.

Мышка убежала, а она легла спать. Вдруг приходит чорт:

— Ага, сама пришла, ну вот, будет у меня и закуска!

И сорва́л с ней шкуру и съел.

А старик за ней и не ездил.

Теперь эту дочку сватает купеческой сын, она и говорит:

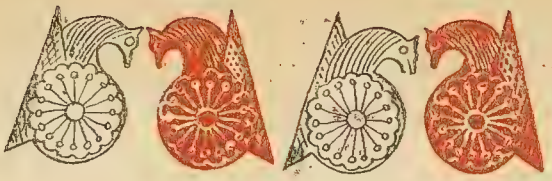
— Ну што, отець, отдаш, так я пойду.

— Да как хочеш, дочка, я, конешно, жонитьце не буду, а хош, так иди.

Ну, она решила пойти замуж.

И вот, конешно, весёлым пирком и за свадебку. И, конешно, после этого стали жить да быть. Старичок перешол к ним и до си́х пор живут.

Так он избавилсе от яго́й бабы.



76. ЛИ́ПА-ЛИПА́НУШКО

Жила-была баушка. У баушки был Ли́па-Липа́нушко. И вот когда баушка уйдёт, то ёму и говорит:

— Ты смотри, Липа-Липа́нушко, не выходи на речку, а то баба-яга тебя унесёт.

И вот когда эта баушка ушла, прибегает вдруг баба-яга и кричит:

— Липа-Липанушко,
Прибежи-ко бережку,
К осинову деревцю.
Я тебе дам рыбки,
Я тебе дам кашки,
Напою, накормлю
И спать уложу́.

И вот он думает, што это баушка ёго, и выбежал ко бережку. А яга-баба захватила ёго и потащила домой. Притащила домой и говорит дочери:

(а у ей было две дочери)

— Ижжарь мне ёго к у́тру, а я приду, поем и тут же и вам оставлю.

Да. Та топит печку, а Липа-Липа́нушко в подпо́лье посадила. И вот когда печка была на у́голье, взяла большой лист

жолезной и вызывает ёго из подпóлья. Когда вызвала и говорит ёму:

— Но вот, Липа-Липанушко, садись на этот лист, я тебя посажу в печку.

Вот он сел на пекло и сидит, а эта девка ёму и говорит:

— Не так, Липанушко, ты подбери ножки, да подбери ручки.

— Дак я не знаю как, ты сперьва покажи мне сама.

Вот она уселась на пекло, подобрала руки, ноги и закрыла глаза, а он сецяс рáз ей — и в печку! И закрыл заслоном, а сам сидит. Вот прошол час, два, он ей ижжарил, вытащил и полóжил на стол, а сам убежал домой. Попил там, поел, закрылсе и сидит. Вот ведьма утром приходит, смотрит, а уж жáрко́ готово. Поела и пошла за водой. Идёт, да поет:

Угорела, угорела,
Сама по воду пошла,
Липа-Липанушка вы́жарила.

Посмотрела как в окно, а в избе в своей Липа-Липанушко сидит.

— Ах, чорт возьми, кого же я ела?

Прибежала домой, посмотрела, и видит — нет старшей дочери.

— Ну, видно, я съела старшу доч. Пойду ище мани́ть, может не выйдет ли ко мне. А уж если выйдет, дак меньша доч с им справитце, той не обдéлаш.

Вот прибежала к бéрежку и начинает манить:

— Липа-Липанушко,
Прибежи-ко к бережку,
Я тебе дам рыбки,
Я тебе дам кашки,
Напою, накормлю
И тебя спать повалю.

Он и думает, што баушка. Да и выбежал. Как только выбежал, она ёго сгребла и потащила.

— Но топерь, подлець, не урвёссе от меня.

Принесла домой, заперла в подпóльё, и говорит мéньшой дочери:

— К утру штобы был ижжареной, а я пойду сецяс зубы точить.

Вот эта доч печку вытопила и вызывает ёго.

— Ну, выходи, Липа-Липанушко, садись на пéкло.

Вот он вышел, сел на пéкло, руки пóднял, ноги пóднял, и сидит. А она и говóрит:

— Нет, Липа-Липанушко, не так ты сел, повались, руки склади вместо, ножки — вместо и глазки закрой.

— Да, я не умею, как надо, покажи сама.

— Но вот смотри!

Вот она повалилась на пéкло, руки, ноги слóжила вместо, глаза закрыла; а он сецяс ей в печку задёрнул и заслоном закрыл. Держит, штобы не выскочила. А там в горячей печки не много надо держать. Скоро жаркó зготовилось. Черезь цясик-два вытягает из печки, полóжил на стол, скатерéткой прикрыл и сам убегает.

Баба-яга приходит утром и нацинает это жаркó ись. Вот поела, полежала немного, и пошла за водой. И вот идёт и розговаривает:

Угорела, угорела,
Сама пó воду пошла,
А Липа-Липанушка выжарила.

Смотрит, а Липа-Липанушка в своей избы́ у окошка сидит.

— Ну, погоди, уж третий раз попадёссе ко мне, дак не уйдёш. Ушла домой, посмотрела — другой дочери нет.

— Ах, чорт возьми, он и другу доць ижжарил.

Сецяс опеть и пошла на берег. Вот и нача́ла кликать:

— Липа-Липанушко,
Прибежи ко бéрежку,
К осинову деревцю,
Я тебе кашки,
Я тебе рыбки,

Накормлю, напою
И тебя спать повалю.

Он думает баушка зовёт, и выбежал. Она сецяс схватила и унесла ёго. Вот сецяс ёго посадила в подпóлье. Сама топит пецьку. Направилась со всем, штобы сажать ёго только в печку.

Ну, Липа-Липанушко, выходи из подполья, садись на пéкло.

Ну, вот он и вышел. Стал на пéкло, руки ноги рошширил и стоит.

— Нет, Липа-Липанушко, не так, ложись!

Он ложитце, руки-ноги опеть подымает.

— Да нет, не так, — говорит, — ты руки, ноги сожми, глаза запри, вот как надо!

Вот она села на пéкло, повалилась. Руки, ноги зажала и глаза закрыла, а он ей раз! — и в печку. Сам заслоном закрыл и держит. Вот она там в печки побарахталась и потом смирнее и смирнее и замерла совсем. Он ей подержал, подержал, смотрит потом, а от ней уж одне у́голья остались. И побежал к баушки. Вот пришол, обсказал это всё баушки и с тех пор живут тихо и спокойно.

Тут и конець.

77. КОЗА-НИРЁЗА

Был-жил старик да старушка, а у нёго была доч. Имел у себя одну козу́. И очень старик эту козу́ любил, никому не доверял ей корьмить, только дочери, да сам. Раз он и посылает дочерь:

— Поди, покорьми козу́.

И вот доч погони́ла ей в лес, по́ит, корьмит челой день, гонит обратно домой. А старичок дожидает у ворот и спрашивает козу́:

— Коза ты моя, козинька, што сёдне пила и ела?

— Твоя дочка прогоняла меня челой денёк, а я съела один только листок.

Осерчал старик и говорит:

— Ну, старуха, завтро ты иди.

Вот погони́ла на второй день старуха козу́ в лес. Пасёт челой день, по́ит, кормит, а вечером ожидает старик опеть козу́ домой и спрашивает.

— Коза ты моя, козинька, што сёдне пила, ела?

— Гоняла твоя старушка челой денёк, я только успела схватить один листок.

Осерчал старик.

— Ну ладно, завтро сам пойду пасти.

И вот походит старик сам. Коза челой день ест, пьёт. Так челой день прошол. Обегает старик козу́ вперёд, ожидает дома настречу:

— Ну, коза ты моя, козынька, што сёдне пила, ела?

— Сёдне побегала челой денёк, хватила один только листок.

— Ну, держи козу́, сецяс пойду зарежу. Давай нож!

Коза видит, што хозяин хочет ей резать, рванулась и бежать. И убежала из виду. Бежала, бежала, прибегает в заинькову избушку, завалилась на печ и лежит. Вдруг заинька прибегает:

— Кто, кто в мою избушку зашол?

— Я, — грит, — коза-нирёза,
За три гро́ша куплена́,
Под бока луплена́,
Топу́, топу́ ногамы,
Заколю тебя рогамы,
Ножкамы затопчу,
Хвостиком подмечу!

Заинько испугалсе, побежал проч. Попадает ёму настречу лиса.

— Што, заинька плачеш?

— Не знай кто-то в избу пришол, не могу выгнать.

— Ну, пойдём, я выгоню.

Вот пошли оне; приходит лиса на поро́г и закричала:

— Поди отсюда проч!

Отвечает коза:

— Я коза-нирёза,
За три гро́ша куплена́,
Под бока луплена́,
Топу́, топу́ ногамы,
Заколю тебя рогамы,
Ножками затопчу
И хвостиком подмечу!

Лиса испугалась, проч вернулась; и заинько вслед бежит, плачет. Попадает волк настрéчу.

— Што вы плачете?

— Да вот не знай хто-то в избушку зашол, не можем выгнать.

— Ну, пойдём, я выгоню.

И пошли. Вот приходит волчонок и кричит:

— Хто в избушки заинькиной, ступай проч!

— Я коза-нирёза,
За три гро́ша куплена́,
Под бока луплена́,
Топу́, топу́ ногамы,
Заколю тебя рогамы,
Ножками затопчу,
И хвостиком подмечу!

И волк опеть же испугалсе, побежал проч. Попадает им медведь.

— Што ты, заинько, плачеш?

— Да не знай кто-то зашол в избушку, не могу выгнать.

— Ну пойдём, я тебе помогу.

Вот пришол медведь и закричал:

— Выходи проч, кто здесь сидит!

А коза с печки отвечает:

— Я коза-нирёза,
За три гроша куплена́,
Под бока луплена́,
Топу́, топу́ ногамы,
Заколю тебя рогамы,
Ножками затопчу,
Хвостиком подмечу!

Подумал медведь, испугалсе и проч побежал. Вдруг идёт петушок настречу.

— Здорово заинько, што плачеш?

— Да вот забралсе кто-то в избушку, не могу выгнать.

— Пойдём, я выгоню.

И пошли. Иду́т, петушок вылетел на порог и закричал:

— Кто в заиньковой избушке, выходи проч!

Отвечает коза:

— Я коза́-нирёза,
За три гро́ша куплена́,
Под бока́ луплена́,
Топу́, топу́ ногамы,
Заколю́ тебя́ рогамы,
Ножкамы истопчу,
Хвостиком подмечу!

Петушок не йдёт и заговорил:

— А я иду́ на нога́х
В красных сапога́х.
Несу́ косу́,
Твою́ голову снесу́
По саме пле́чи.
Полезай с пе́чи!

Коза́ так сильно испугалась, упала с пе́чи, розбилась, тут и околела. Петушок да заинько насилу вытащили ей, а сами стали жить да быть в избушки.

И до сих пор живут.

78. КОТ, ЛИСА И ПЕТУХ

Был-жил кот да петушок. И вот оне жили в одной избушки. Кот побежал за пищей и говорит петушку:

— Ты смотри не выглядывай, лиса близко живёт.

Ну, конешно, петушок осталсе. Вдруг прибегает лиса.

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Ма́слена головка,
Шо́лкова бородка,
Выгляни на улку,
Посмотри, как девушки катаютце,
Красны колупаютце!

Петушок выглянул, а лиса сгра́била ёго и потащила. Петушок и закрычал:

— Ко́тя, котя́,
Несёт меня лиса
За синие моря,
За высокие леса.

Кот услыхал, прибежал, петушка вырвал у лисы и принёс домой. По́пили, оне, поели, кот и говорит:

— Ну смотри, петушок, я опеть пойду, а ты не выглядывай. А то я дальше уйду и не услышу.

И ушол. Вдруг ниоткуль возьмись прибегает лиса.

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Ма́слена головка,
Шо́лкова бородка,
Выгляни на улку,
Посмотри, как девушки катаютце,
Красны колупаютце.

Петушок сидел, сидел, хочетце посмотреть. Выглянул, она ёго и схватила. Петушок и закричал:

— Ко́тя, котя́,
Несёт меня лиса,
За синие моря,
За высокие леса.

Кот опеть и услыхал. Прибегает, заловил лису за хвост, лиса рванулась, выронила петуха, кот захватил, и домой. Вот прибегает кот домой и говорит:

— Ну, петушок, я опеть пойду, а ты смотри, больше не выглядывай, а то схватит лиса. А я пойду.

Вот кот ушол. Вдруг прибегает лиса:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Ма́слена головка,
Шо́лкова бородка.
Выгляни на улку,
Посмотри, как девушки катаютце,
Красны колупаютце.

Вот петушку интересно посмотреть. Выглянул, лиса сгребла ёго и понесла. Вот он и закричал:

— Ко́тя, котя́,
Несёт меня лиса
За синие моря,
За высокие леса.

Кот чуть-чуть только издалека́ услыхал и бежит опеть. Броси́лсе к лисы́ и перегрыз у ей шею. Принёс петушка и говорит:

— Ну, петушок, топерь можеш выглядывать в окно, больше лиса тревожить не будет.

И стали с тех пор оне жить да быть в своей избушки.

БЫЛИНЫ

КОЗАРИН

Во го́роде было во Муромле
Да во селе было Карача́рове,
То у того ли Данила Коромыслова
Зародилсе сын, да Козарин-свет.
Отець с матушкой сына на́ руки не бра́ли
И отдали ёго баущки задворенки,
Не велели ёго кормить хлебом крупищатым
И не велели ёго поить клюцевой водой.
А баушка того не слушала,
Кормила сынка хлебом крупищатым,
Поила ёго ключевой водой.
Стал Козарин-свет ходить по улицьки
И услышал он таковы слова:
„Не отцёв ты есь сын да не ма́терин,
„Ты баушкин сын да задворенкин".
Вот приходит он да ко баушки
И говорит он ей таковы́ слова́:
„По чужим словам ты есь мне баушка,
А по мне — живёш как бытто мать родна́,
Уж ты баушка, да родимая мать,
Ты спусти меня из Литвы в Литву,

Из Литвы в Литву да прогулятисе,
Да в Потай-реценьку да покупатисе".
„Уж ты гой еси, да Козарин-свет,
Ище мо́лод ты ехать в эту реценьку.
Эта реценька змеиная,
А змеиная есть реценька, лебединая.
Ты поедеш топерь в этой реценьки,
Как во перьву́ струю нырнёш, дак токо дым столбом пойдёт,
А во вторую струю нырнёш, ты вы́нырнеш,
А во третью́ струю нырнёш, ты не вынырнеш.
Налетит на тебя да змея лютая,
Змея лютая, змея пещорная,
Она захватит тебя во ко́гти лютые,
И потащит тебя детям на съеденьицё".
И умолк Козарин с таковых-то слов,
И прожил ище Козарин два года́.
Он ходил с робятами на поцесной двор
И там роспрашивал, да всё розведывал.
У нёго шутка была да нехорошая,
Хоть он по́любя шутил,
Да всё смертельнеё,
Кого шуткой возьмёт за́ ногу — нога проць,
Кого возьмёт за́ голову — и голова проць.
Имел Козарин силу непомерную.
Остальные дети в укоризну пошли:
„Не отцёв ты сын есь да не материн,
Тебя кормит, поит баушка,
А што баушка да ведь задворенка.
Обиделсе Козарин и пошол себе домой.
И приходит он к своей баушки
И говорит ей он да таковы́ слова:
„По цюжим словам дак ты мне баушка,
А по мне живёш, дак бытто мать родна́,
Роскажи-ко ты мне, баушка,
Есть ли у мня хто роду-племени,
Есть ли у мня люди родители?"

„Я скажу тебе, да Козарин-свет,
„Есть у тебя ведь родители,
Отець-от твой да знатной есть,
Он Данило есть да Коромыслов,
А мать у тебя змея лютая".
Услыхал Козарин таковы́ слова́
И говорит он ей да таковы слова:
„По людя́м ты есь мне баушка,
А по мне живёш будто мать родна́,
Ты пусти меня в Потай-реценьку,
В Потай-реценьку да покупатисе.
Съездить мне-ка, до́бру молодцю
Из Литвы в Литву,
В прокляту Литву, да в Белокаменну".
Тут и баушка на ответ ёму:
„Уж ты свет-Козарин, да ясён соко́л,
Не советую тебе я ездить
Да в Потай-реценьки купатисе.
Ты ище, сынок то мой да молодёшенек,
Тебе от роду всего есть деветь лет,
А Потай-реценька змеиная,
А змеиная реценька, лебединая".
Невтерпёж было Козарину.
Говорит он баушки таковы́ слова́:
„По цюжим словам ты мне баушка,
А по мне живеш ты как мать родна́,
Ты отправь меня как родного сына есь!"
Ну, отправлю я тебя, родимой ты мой,
Не родимой ты мой да возро́щеной,
Ну на́ тебе, сынок, я даю плётоцьку.
Как понесёт тебя да змея лютая,
Она захватит тебя в когти змеиные,
Понесёт сынкам да на съеденьицё.
(И она ткнула плётоцьку ёму под пазуху.)
Когда понесёт тебя змея лютая,
Ты спомни меня и бей змею да этой плётоцькой,
Этой плётоцькой по хоботу по правому,

А по правому хоботу, да и по левому,
Ударяй ты ей да и приговаривай:
Вот тебе, змея лютая,
От Козарина перьвой подароцек.
Она змолитце, да и прироскаетце.
Упадёт она да на сыру́ землю́,
И роскажет тебе да и всю правду,
Всю правду роскажет, всю истину."
Благославила баушка сынка своёго́,
Хоть не ро́дного, да жаланного,
И сказала ёму таковы слова:
„Приедеш ты к Потай-реценьки,
Будеш ты в Потай-реценьки купатисе,
И смотри да поглядывай,
Налетит змея поганая, лютая,
И захватит тебя в когти во змеиные,
Не забудь тогда, Козарин, мою плётоцьку,
И спомни свою баушку-кормилицю".
Ну тогда он поехал.
И приехал прямо к этой реценьки.
Роздеваетце Козарин-свет,
Он во перьву́ струю забрёл — дым столбом пошол,
И в струю нырнул, он вынырнул,
Во втору́ струю нырнул тоже вы́нырнул,
А во третью́ струю нырнул, то уж не вынырнул.
Налетела на нёго змея лютая,
Змея лютая, змея пещорная,
Захватила ёго в когти лютые, во змеиные,
Потащила детям на сьеденьицё,
И спомнил Козарин свою баушку,
Вытащил плёточку из правой пазухи,
И нача́л плёткой этой помахивать
Отбил у змеи шесть хоботов,
И упала змея на сыру́ землю́
И говорит Козарину таковы́ слова:
Уж ты гой еси ясён соко́л, Козарин-свет,
Ты не бей меня до́ смерьти,

А оставь меня на помин души,
Своих деток покорьмить да подро́стить их,
А роскажу тебе да всю правду истину
Про сестру твою да про родимую.
Унесёна она трёмя татарамы,
Эти татары-то есть да больши во́ины,
Оны сильны есть да могутные.
И живёт она в проклято́й Литвы,
В проклятой Литвы́, да в белокаменной.
А татары будут скоро де́л дели́ть,
Де́л дели́ть, да пай отпаивать,
На перьву́ кисть кладут красна зо́лота,
На второ́ кисть кладут чиста се́ребра,
На третью́ кисть кладут ей, красну девушку́,
И кому она топерь достанетце.
Вот поежжай ты, Козарин-свет, да выручай сестру,
Выручай сестру да жаланную.
Ты не знаешь, свет, как она жила,
Ты не знаешь свет, как ты вырос есь“,
Да еще ёму змея добавила:
„Когда выруциш ты роди́му сестру,
То приедеш ты на свою родину“.
„Ну, отпущу тебя я, змея лютая,
Утащи назад к добру́ коню,
Дай одетце мне добру мо́лодцю“.
И сказал ей таковы слова:
Ты оставь привычки-то змеинные,
Ты змеинные, да лебединные,
Если будеш ты это делати,
Не прощу тебя за посулочки,
Всё за старые, да за прежние,
Носить людей себе в пещорушку,
Пожирать их или в плен брать.“
Роскаялась змея лютая:
„Слушай ты ясе́н соко́л, да Козарин-свет,
Не буду я больше это делати,
Дам тебе клятву я, да клятву верную,

А коль услышиш ты это, да ты и сам меня знаш."
Тогда сел Козарин на добра́ коня,
И поехал он из Литвы в Литву,
Из Литвы в Литву, в проклята́ Литву,
В проклята́ Литву, в белока́менну.
Увидал в поли три шатра стоит,
Три шатра стоит белокаменных.
Подъежжает он к перьвому шатру,
И скрылсе он за ракитов куст,
И услышал он плач да де́вичий,
Плачет девушка да обливаетце:
„Заплечо́на моя коса на свято́й Руси́,
Придётце мне росплетать в проклято́й Литвы́,
В проклято́й Литвы́ да в белока́менной."
Вдруг приходит татарин во бело́й шатёр,
Говорит девици таковы́ слова́:
„Што ж ты, девушка, плачеш, да убиваессе,
Мы на завтро ведь будем де́л дели́ть,
Де́л делить да пай отпа́ивать,
На перьву кисть кладём красна зо́лота,
На втору кисть кладём чиста се́ребра,
А на третью кисть тебя, красну девицю.
Если ты мне достанессе, красна девиця,
То я возьму тебя за себя заму́ж.
Тогда не стерьпело серцё богатырьское,
Закипела кровь тут могучая,
Приходит он во бело́й шатёр,
Ударяет татарина этой плёточкой,
От татарина только осталось основаньицё.
Второй татарин заходит во бело́й шатёр,
А она пуще плачет, убиваетце:
„Што ты, девушка, плачеш, да убиваессе,
Мы на завтро будем де́л дели́ть,
Де́л дели́ть, да пай отпа́ивать,
На перьву кладем кисть красна зо́лота,
На втору чиста се́ребра,
— На третью тебя, красна девушка.

Если ты мне достанессе,
То я возьму тебя в судомойнички."
Опеть выходит татарин из бела́ шатра́,
Не стерпело серцё богатырьское,
Ударил Козарин-свет этой плёточкой,
И от татарина только славы́ поют.
Она пуще плачет, убиваетце,
Да брата своёго Козарина споминает.
„Если бы был бра́телко мой, Козарин-свет,
Не пришлось бы росплетать мне русой косы́,
Он бы выручил и помог бы мне".
То приходит тогда старший татарин их,
И говорит ей таковы́ слова́:
„Што ты плачеш, девушка, убиваессе,
Да какого брата споминаеш ты,
На завтро будем де́л дели́ть,
Де́л дели́ть да пай отпа́ивать,
На перьву кисть кладём красна зо́лота,
На втору кисть кладём чиста се́ребра,
На третью кисть — тебя, красну девушку,
Да роскрасавицю да молоде́шеньку.
Если ты мне, красна девиця, достанессе,
Отрублю твою я буйну голову,
Россею тебя по чисту́ полю́,
И розвеет тебя по буйну́ ветру́".
Ище пуще плачет слезамы горе-го́рькими.
Не стерпело серцё богатырьское,
И заходит Козарин-свет во бело́й шатёр,
Увидал татарин — могутной самой:
„Это есть ли твой братець Козарин-свет,
Я вот ёго сецяс розмечу!"
Берёт Козарин свою плёточку,
Ударил Козарин ёго по плеча́м,
Упал татарин на сыру́ землю́,
От татарина только славы́ поют.
Увидала бога́тыря красна девиця,
Стала ёго просить да ума́ливать:

„Уж ты гой еси, ясён соко́л, бога́тырь незнаемой,
Ты вези меня с проклято́й Литвы,
Увези в своё отечество,
И поедем с тобой ко божьёй черьквы,
Ко божьёй черьквы, да повенчаемсе.
Тогда берёт Козарин ей из-под бела́ шатра,
Посадил ей на добра́ коня,
Приехали оне ко божьёй черьквы.
Говорит тогда красна девиця:
„Ты скажи-ко, доброй молодець,
Чей ты есь да откулешной,
Какого роду ты будеш, какой племени?“
Отвеця́ет ей до́брой мо́лодець:
„Я есь тебе ро́дной брат,
Ясён соко́л да Козарин-свет.
Хотя мать то моя уж ненавидела,
Отдала меня уж баушки задворенки,
И воспитывала она как будто мать родна,
И я узнал про тебя у змеи лютоей,
У змеи лютоей да пещорноей,
И поехал тебя да выруця́ти.
Да ище змея мне добавила:
Когда выручиш-то родиму́ сестру́
Приедеш ты на свою родину,
А для тебя маменька уж всё приготовила,
Коль она тебя от роду ненавидяла,
На воро́тах стоит змея лютая,
Она броси́тце на тебя на света-Козарина,
Когда ты привезёш роди́му сестру.
Ты ведь скоро с ней-то справиссе,
Коли ты меня победил, такову змею,
Но ище, Козарин, тебе говорю:
Твоя маменька, да родимая,
Оберёт змею эту лютую,
Да натопит сало змеиное,
Напекёт тебе колациков на том ли на сале на змеиноем,

Ты не еш, Козарин, тых колацíков.“
И приехал Козарин-свет в свою родину,
Да в свою отцёвщину.
К своему отцю да ко родимому,
К своей матушки да ко родимоей.
Увидала змея и бросúлась на Козарина,
Вытягает Козарин свою плётоцьку,
И ударил ей змею по хóботу,
И свалилась змея на сырý землю.
Приходит Козарин в широ́ки хоромы.
Стретили молодця со почéстьицём,
Дарили подарками и корьмили, поили ёго.
„Ты скажи-ко нам, доброй мóлодець,
Какого ты есть роду, какой племени?“
Стали поить, корьмить и вином угощать,
И нанесли пищи разной,
Нанесла мать колацíков заморскиих,
И говорит ёму таковы́ слова:
„Уж ты пей, доброй мóлодець, да закусывай,
За спасенье да моей доцери.
Когда выпил Козарин, дак и говорит ей таковы́ слова:
„А не пивал я от роду воды клюцёвой,
Не едал хлеба крупивчатого.
Не благословлёно мне было отцём-матерью,
Не отцёв я был сын, да и не материн.
А сестра плакала, да обтираласе,
Да и на матерь ро́ду да обижаласе.
„Я есть-то сын того ли Данилы Коромыслова,
Из города из Муромля, из того ли села Карацярова,
Отець с матушкой меня на руки не́ брали,
И отдали меня баушки задворенки.
По цюжим словам она мне баушка,
А по мне была как будто мать родна́,
Ты изволила меня, да ро́дна матушка,
Корьмить меня салом змеиным,
Не прощу я тебе за это.“
Вынимает он тут свою плётоцьку,

И ударил ей мать по крутым бедрам,
И упала мать на́ пол замертво.
Приходит тут отець Коромыслов-свет,
И говорит сыну таковы́ сло́ва:
„Ты послушай, сын, да Козарин-свет,
Твоя волюшка топерь хозяйницять,
А у ж меня отця ты за старо прости.
Ну тогда сказал Козарин-свет:
„Я простил бы и ро́дну матушку,
Да за то не простил,
Што корьмить стала меня салом змеиным.
Тут она и концяетце.

ОКСЁНЫШКО

От отця Оксёнышко осталсе ровно трёх лет,
А от матушки осталсе ровно семь лет.
Ни от кого он не видал слова гладкого,
Слова гладкого, да хлеба мяхкого.
А поехал Оксёнышко в город Вологду,
В город Вологду да к вологжа́нишкам.
Ехал Оксёнышко чистым поле́м,
При дороженьки Оксёнышко задумалсе,
При широкой он ведь приросплакалсе,
Про житьё-бытьё свое, да про прежное,
Как осталсе он от отця, от матери.
Вот он едет путём-дорогою,
И видит Оксёнышко огонёцик горит,
Огонёк горит, да горит ту́хленькой.
Подъежжает Оксёнышко к огонёцику тому,
И видит сидит да сорок воров.
Сорок воров, сорок грабителей,
И сорок черковных ведь да розорителей.
И делят денежек сорок тышець оне,
Сорок тышець оне с половиною.
Он скрыцял, прокрыцял да громким голосом:

„Ох вы, сорок воров, да сорок розбойницьков,
Сорок черковных вас есь тут грабителей,
И дайте мне денежек хоть половиноцьку."
Розбойницьки друг на дружку огленулисе,
Огленулись розбойники и розмахнулисе,
И говорят оны Оксёнку таковы слова:
„Не даём мы тебе денег ни копеецьки,
А сорвём у тя всё цветно́ платье́,
Оторвём у тя да буйну го́лову,
Поотнимем-то у тя коня до́брого,
Розрубим тебя ведь на мелки́ цясти́,
Роскидаем-то тебя мы по цисту́ полю́,
И россеем-то тебя да по буйну́ ветру́."
Ну, того Оксёнко не пытаетце.
Он второй раз сказал:
„Ох вы, сорок воров, сорок розбойников,
Сорок черковных вас грабителей, розорителей,
Дайте мне денежек хоть третью цясь."
Розбойники друг с другом перегленулисе,
Перегленулисе, сами росмехнулисе.
И говорят Оксёнку-то таковы́ слова:
„А не даём тебе мы денег ни копеецьки,
А сорвём у тя-то всё цветно́ платье́,
Оторвём у тебя мы бу́йну го́лову,
Самого тя розрубим мы на мелки́ цясти́,
Да роскидаем тебя мы по цисту́ полю́
И россеют тебя ветры буйные."
Ну, на это Оксёнко не сдаваетце:
„Ох вы, сорок воров, сорок грабителей,
Што черковных ли сорок розорителей,
Дайте мне-ка денежек хоть пети рублей."
А розбойники друг на дружку огленулисе,
Оглянулисе да й усмехнулисе.
И опеть говорят Оксёнышку таковы́ слова́
„А сорвём-то у тя мы всё цветно́ платье́,
Отрубим твою ведь буйну го́лову,
Мы возьмём твоего́ коня до́брого,

А тебя розрубим на мелки части.
Ну не даём тебе денег гроша медного."
Как услышал Оксёнко эты слова,
Осердилсе Оксёнышко, соскоцил с коня,
Захватил розбойницька за́ ногу,
И стал тут розбойником помахивать.
Убил розбойников до онной души,
Всех сорок воров, сорок грабителей,
Сорок черковных розорителей.
И взял денежки все он до копеецьки,
Сорок тышець денег с половиною.
И приехал потом в город Вологду,
В город Вологду да к вологжа́нишкам;
На фатеры зашол, на постоялой двор,
И наця́л Оксёнышко тут пьянствовать.
Сперьва пил ведь со купцями он,
А потом уж пил и со крестьянами,
А потом уж пил со пьяницями он да с голь-кабацкима.
Пропил денежки все Оксёнышко сорок тышецей,
Сорок тышецей денег с половиною,
И не осталось на утро опохмелитьце.
Вологжа́нишки стали подумывать,
„Этот молоде́ць ограбил Миколу да Можаньского,
Ёго вести надо на плаху на убитую."
Подошли и говорят Оксёнку таковы́ слова́:
„Ты, молоде́ць, да не почёсной есь,
Ты ограбил Миколу да Можаньского".
И говорит Оксёнко вологжа́нишкам да таковы́ слова́:
„Уж вы дайте мне да опохмелитьце,
Дайте чарочку да зелена́ вина
И штобы мерой чара была да полтора́ ведра́,
А весом бы чара была да в полтора́ пуда́,
Вы мне дайте снацяла опохмелитьце,
А потом ведите на плаху убитую".
И приносят Оксёнку ця́ру зелена́ вина́.
„Уж нам с пьяным-то легце будет справитьце".
Брал Оксёнышко эту ця́ру на онну руку,

Выпивал молодой на единой дух.
И говорит Оксёнко им да таковы́ слова́:
„Уж вы умные людишки, дак подите проць,
А безумные, дак те ступайте вслед“.
И говорит Оксёнко им еще да таковы́ слова́:
„Уж вы дайте мне-ка, молодцо́, втору цяроцьку,
Втору цяроцьку зелена́ вина опохмелитьце;
Штобы мерой цяра была да в полтора́ ведра́,
А весом цяра да в полтора́ пуда́“.
Вот приносят оны ёму да эту цяроцьку,
И брал ей детинушка на онну руку́,
Выпивал он эту цяру на единой дух.
И говорит вологжанишкам таковы́ слова́:
„Уж вы умные людишки, дак подите проць,
А безумные, дак ступайте вслед“.
Вот все умные люди воротилисе,
А безумные да вслед за Оскёнком пустилисе.
И приходят оне да во цисто́ поле́,
На ту ли плаху на убитую.
Брал Оксёнко вологжанишка за ногу,
И наця́л он им тогда помахивать,
Всех убил он вологжанишек,
Всех убил он нёу́мныих,
А уж умны то те воротилисе.
И садилсе Оксёнко на добра́ коня́,
И поехал Оксёнко в Киев-град,
Ко тому ли Владимиру-Красну-Солнышку.
Приежжает он к нёму с поклоном,
Извинилсе ёму и поклонилсе в поес
И обсказал своё всё положение:
Как напали на нёго да розбойницьки,
А ненавидели потом вологжа́нишка.
„Поцему ж ты Оксёнышко, доброй мо́лодець,
С розбойникамы ты не попротивилсе?“
Говорит ёму Оксёнко таковы́ слова́:
„Я противилсе со розбойницьками,
И убил-то их всех да до единого“.

И сказал ёму́ Владимир Красно-Солнышко:
„Молодѐць же ты, да мой Оксёнышко.
А почему ж ты, доброй мо́лодець, Оксёнышко,
Не попротивилсе ведь с вологжа́нишками?“
„Попротивилсе я, Владимир Красно-Солнышко,
И с вологжа́нишками,
Всех безумных я убил, а умных домой отпустил“.
„Ну дак где же ты, Оксёнышко, жить будеш?
У кого жить-быть и кому служить?“
Говорит Оксёнко Владимиру таковы́ слова́:
„Буде ты Владимир Красно-Солнышко, возьмёш меня,
Дак буду тебе служить я верой-правдою,
Исполнять твои все приказаньиця“.
Тут Владимир Красно Солнышко сбирает поцёсной пир,
Созывает бога́тыря Дуная да сын Ивановиця
И знакомит он ёго с Оксёнышком.
И на пиру он поил, корьмил и угощал он их,
И дал потом полну свободушку,
Говорить, баить, всё росказывать.
И задаёт бога́тырям сам таковы́ слова́:
„Уж ты старой бога́тырь Дунаюшко,
Ты возьми себе Оксёнышка хотя меньши́м братом.
И поежжайте-ко вы к Опраксу Королевицю,
И привезите-ко мне Опраксу Королевицьну.
Не отдаёт если он за меня, берите силою“.
Добры мо́лодци тут поклонилисе,
В путь-дороженьку оне пустилисе.
Приежжают скоро к Опраксу Королевицю,
И выступили на ёго рать великую.
И побили рать ту всю великую
И приступили потом к городу Опраксову.
„Ты отдай-ко нам Опраксу королевишну,
За того-ль Владимира Красна-Солнышка,
А не отдаш, дак розорим тебя до основаньиця“.
Тут выходит Опраксий сам да королевиць с поклонамы,
И говорит им таковы́ слова́:
„Вы не розоряйте меня, моёго́ го́рода,

Я отдам вам Опраксу Королевицьну.
За ласкового князя за Владимира".
Выводит доць Опраксию Королевицьну,
Посадил ей Дунай на добра́ коня,
И поскакали оне с Оксёнышком.
И привозят ей ко князю ко Владимиру:
„Вот тебе, князь, да службиця нами и испо́лнена".
Тут Владимир Красно-Солнышко обрадел оцень,
Собирает он почо́сной пир
И становитце он в брак с Опраксией Королевицьной.
И обченил своих богатырей,
Наградил их наградамы великима.
Тут оне осталисе жить и охранять,
Владимира Красна-Солнышка.
На этом она, былина, и концяетце.

ВАРИАНТЫ СКАЗОК

ВАРИАНТЫ СКАЗОК

ВОЛК-ЛЮДОЕД

Вот не в котором чарьстви, не в котором государьстви жил был чарь, у него было́ три сына. Ста́ршой, конечно, Василий, второй Фёдор, а третий Иван, млаччий. Вот отець стал стар, призывает ста́ршого сына Василия и говорит:

— Вот, сынок, я тебя, как старшего сына, ставлю на чарьство и даю полчарьства.

Призывает он потом Фёдора и говорит:

— Ну, сынок, я вот скончаюсь и тебе даю полгосударьства.

Когда узнал меньшо́й сын Иван, приходит к отцю и говорит:

— Ну, што ты, папенька, я вот узнал, старшего сына ставиш на чарьство и даёш полчарьства, среднему даеш полгосударьства, ну а што мне тогда останетце после твоей смерти?

Он ёму ничего не ответил. Протяга́ёт руку в корман и вытяга́ет удочку со шнурком.

— Вот тебе, Иванушко, от меня наде́л. Пойдёш к озёру, поудиш и увидиш што будёт.

Да, конешно, сын берёт эту удочку и пошол проч, сам думает:

— Ну уж плохо меня батюшко наделил, ну испытаю, пойду поужу, што будет.

И кряду же пошол к озёру. Закинул в озёро удочку, и ёму попала рыбка. Вытаскивает рыбку из озёра и смотрит на ней. Посмотрел и видит, рыбка отличяетце от разных рыб и решил тащить ей домой. Когда он притащил домой, положил рыбочку на стол, она прыгнула на пол, и такая сделалась красивая девушка. Он смотрит на ней и не может слова сказать. Вот она долго смотрела ёму в глаза и говорит:

— Ну што ж, Иван чаревиць, наверно, ты меня не узнал? Коль не знаеш, я тебе про себя скажу. Я есь Анна Петровна, волка-людоеда сёстра. Ну и вот жалаеш со мной вместе жить, как ты думаеш?

Он очень обрадел иметь такую жону за собой.

И вот прошло несколько времени, узнал средний брат, што Иван чаревиць такую красавицю приобрёл, што прямо ужас. Приходит к старшему брату Василию. Когда он пришол к нему и говорит:

— Вот, брат, ты как старшой брат, как чарь, имееш власть, а я только полчарьства, я до сих пор не жонатой, может ты мне поможеш, в чем я тебя буду просить.

— Ну, говори, брат, я могу, так помогу.

Он начинает говорить:

— Вот у нашего брата Ивана, меньшого, есть такая красавиця. Во што бы ни стало мне ей взять за себя замуж. А Ивану, нашему брату, мы можем дать службу, от которой он откажетце, не исполнит и службу с приговором, если не исполнит, то голова с плеч.

Тогда говорит Василий:

— Ну што же, конечно, в наших руках, брат, дело; придумай службу, попытай, я не отрекаюсь.

— А вот по-моему сделать ёму такое дело: штобы отрыл землю около нашего дворця и устроил канал. И кругом этого канала устроил сад, штобы в этом саду пели пташки, плавали муравьи, лаели собачки, кричали грачи. Вот ёму служба, не исполнит — уступит жону.

— Ну хорошо, иди, я ёго призову.

Вот ушел Фёдор, призывает он млаччего брата Ивана. Когда призвал Ивана и говорит:

— Вот, Иван, ты сослужи службу нам, а если не сослужиш, то уступить тебе придетце жону.

— Ну какую, брат, што за служба?

— Да вот, отрыть вокруг нашего дворця землю, устроить канал и вокруг сады, и штобы в саду пели пташки, плавали муравьи, лаели собацьки и кричали грачи. Вот и вся служба. А уж если не устроиш или не отдаш жону, то голова с плеч.

— Ну, хорошо, брат, кажетце ты знаеш, што мы росли в одной семьи, где же мне испóлнить. И жону отдать жалко.

— Ну, как хочеш, брат, решай, а то придетце отдать.

— Ну хорошо, брат, дай мне на сýтки строку, а я топерь пойду к своей жоны.

И так ушол наш Иван к своей жоны. Вот приходит он к своей жоны, садитце на лавоцьку, повесил голову и ничего не говорит. Подошла к ёму Анна Петровна и говорит:

— Што ты, Иван чаревиць сильнё задумалсе, или тебе чем брáтья обидели? Скажи мне, не тай.

— Да скажу я, только топерь будет позно времё. Дали мне только одне сутки строку.

— Ну, говори.

— Топерь братья меня призвали для той чéли, штобы мне обвести вокруг дворця каналы и розвести сад. А в саду штобы пели пташки, плавали муравьи, кричали грачи, — вот мне и служба. А не исполню, то голову с плеч или тебя отдать. Вот я и запечалилсе.

Она и говорит:

— Слушай, Иван цяревиць, не печалуйсе. А вот поеш, попей, да ложись спать, утром видно будет, кто кого перехи́трит.

Вот она, конешно, ёго накорьмила, напоила, спать улóжила, с ним сама немного полёжала. Он заснул, а она стала в полнóчи. Вышла на крыльцё, вынимает она из кормана свой волшебный платок, махнула платком и сказала:

— Дядьки, няньки, старые служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите, Анны Петровны.

Вот в ноч надо провести около дворця канал и сады устроить и штобы в этых садах пташки пели, плавали муравьи, лаели собачки и кричали грачи, и штобы все было готово к у́тру, к шести часам.

И столько навалилось войска — силы, што чо́рного во́рона. Взялись за работу, и закипело. Анна Петровна ушла обратно в комнату.

Вот она вышла на крыльчо в шесь часов — все было готово. Она будит Ивана:

— Ставай, Иван чаревиць, роботу робо́тать, старого не розоряй, да и но́вого не прибавляй, што сде́лано, так и пусть. А в деветь часов сдавай братья́м роботу.

И вот он, конешно, по́пил, поел немного, вышел часов в семь, ходит, ко́ё-где лопаточкой поколачивает. Так провёл времё до девети часов. В деветь часов бра́тья приехали. Бра́тья роботу приняли, сказали:

— Молодець, Иван чаревиць, скоро сделал.

Бра́тья домой уехали, а он пошол к своей Анны Петровны.

Как пошли только домой бра́тья, Фёдор сказал брату такоё слово:

— Вот што, ёго надо заставить, штобы по этому каналу плавали кораблики и утоцьки и селезни. Пусть эту роботу еще сделает.

И кряду же, токо домой пришли, Василий цяревиць брата Ивана вызывает. Когда пришол Иван, Василий говорит:

— Слушай, братець, сделай мне ище вторую службу. Да уж раз тебя перьвая служба не затруднила, не затруднит и друга́. Сделай канал, и штобы по этому каналу плавали кораблики и утоцьки и селезни. А если не сделаеш эту роботу, то тебе голова с плець.

Тогда сказал:

— Ну, хорошо, дайте мне на су́тки строку.

И пошол от брата домой. Когда приходит домой, сел на лавоцьку, повесил голову и сидит, молцит, ницёго не говорит. Да. И вот подходит к ёму Анна Петровна и говорит:

— Што ты так сильнё задумалсе, скажи мне, што; какую тебе бра́тья приказали роботу?

И он начинает:

— Велели мне бра́тья сделать канал и штобы по этому каналу плавали утоцьки и кораблики, ина́це хотят тебя, Анна Петровна, отобрать и мне голову сказнить.

Не пецялуйсе, Иван цяревиць, попей, поеш и ложись спать, а утро вечера мудренёе будёт.

Да, вот она накорьмила, конечно, напоила и поло́жила спать, а сама встала около по́лноци и вышла на крыльцё. Вытяга́ет платок, махнула им и сказала:

— Дядьки, няньки, старые служанки, как вы батюшку служили, как вы матушке служили, так и мне послужите. Сделайте по этому каналу, штобы плавали утоцьки, кораблики и селезни.

Да, и кряду же навалилось людей, как цёрного во́рону и начали робо́тать. Она в шесь часов поставила самовар. Поставила самовар, и будит Ивана цяревича.

— Ставай, Иван цяревиць, не спать пришол, а роботу робо́тать.

И вот он встал, чаю по́пил, и она говорит ёму:

— Но поди, посмотри, старого там не розоряй и нового не начинай, а времё до девети часов проводи́ и братьям роботу сдавай.

Да. Он кряду же пошол, смотрит, все сделано. Вот он прово́дит роботу до девети часов и видит братья приежжают. И вот принели роботу и говорят:

— Ну, молодець, Иван.

И поехали домой. Вот опеть сренний брат и говорит ста́ршому, Василию:

— Слушай, брат Василий, даём ёму третью службу, отправим ёго к волку-людоеду. Штобы он сходил и принёс от волка людоеда мець-самосек. И вот как он пойдёт, то всё-ровно назад не воротитце, волк людоед ёго съест.

И кряду же опеть призывают Ивана цяревича. Когда при́звали Ивана цяревича, Василий цяревич и говорит:

— Вот слушай, Иван цяревич, исполни мою просьбу, отдай свою жону.

— Нет, не отдам, а скажи, што у тя за задача?

— Дак вот такая задача: надо тебе сходить к волку-людоеду и принести меч-самосек, а пойдёш — всё-ровно не видать тебе ничего хорошего — всё-ровно волк-людоед тебе голову отъест.

— Ну, пусть ест, пойду.

И ушол Иван домой. Вот приходит к своей жоны, и заплакал.

— Што ж ты, Иван цяревич, чем сёгодне сильнё тебя бра́тья изоби́дели, што ты́ заплакал?

— Как же мне, Анна Петровна, не плакать, отправляют меня братья к волку-людоеду принести меч-самосек, отправляют на верную смерть или штобы тебя уступить живую. Но уж лучче я пойду на верную смерть, чем тебя уступить, пусть уж лучче бёрут, когда меня не будёт живого.

Да, вот она и говорит:

— Утро мудренее вечера, я тебе еще раньше говорила, што это не служба, а службиця, а служба будет вся впереди. И вот топерь наступает служба, а ты не думай, ложись спать.

И вот оне пе́респали ноць, она стаёт, согрела самовар и будит ёго:

— Ставай, Иван чаревиць, попей чай, да иди, путь тебе, дорога дальняя.

Вот он по́пил, поел, она ёму в это време собрала в сумку подорожники, и когда он совсем собралсе, то заплакал. Она и говорит:

— Не плаць, Иван цяревиць.

— Да как мне не плакать, ты одна без меня останесьсе, ведь оне тебя без меня возьмут.

— Не беспокойсе.

И достаёт ёму из кормана платок:

— Ну, смотри, не теряй. Придёш ты в перьвую избушку, там стретит тебя старуха на пороге и скажет: „Ну, молодець, сам пришол на верную смерть, теперь я тебя съем. Фу, фу, на Руси не бывала, руського духу не слыхала“. А ты скажи: „Слушай, баушка, ты накорьми меня да напой с дороги, да дай мне умытьце, а пото́м и еш, тебе́ лучче будет меня йись“. Когда она тебе всё даёт, ты будеш мытьце, ну вытирайсе

своим платком, она тебя и узнаёт и роскажет, што дальше делать. А топерь собирайсе, ну, ничего не бойсе, меня нихто не возьмёт.

Да, и вот пошол наш Иван путём-дорогою. Идёт он, идёт, близко ли, далёко, низко-ли, высоко, сам всё впёред попадает, идёт и идёт. До ти́х пор дошол, што у нёго уж продуктов нисколько не стало, и думает:

— Ну, наверно, мне придётце дорогой умереть.

И вот он отвёл глаза и смотрит, стоит избушка, ве́ртитце кругом.

— Избушка, повернись к лесу оконцём, а ко мне кры́льцём.

Избушка [остоялась к нему крыльцём, он зашол, видит сидит старуха.

— Фу, фу, на Руси тритцеть лет не быва́ла, человечьёго мяса не еда́ла, наконець увида́ла.

Вот он заговорил:

— Слушай, баушка, не еш меня, ради бога, напой, накорми, да умытьце дай, а потом уж и еш, тебе вкуснее будет.

Вот старуха, конечно, накрыла стол, накормила, напоила ёго, а он стал умыватьце. Когда вы́мылсе, берёт из корзины платок Анны Петровны. Как только стал утиратьце, баушка смотрит:

— Ну, кто пришол ко мне, да это зять мой, моя родная племянниця за тобой!

Посадила ёго снова за стол, стала угощать.

— Ну-ко, зятюшко, роскажи, куда идёш, может, я што тебе и пособлю́. Вот он нача́л обсказывать.

— Так и так, тётушко, меня бра́тья посла́ли к волку в лес, достать мець-самосек. Не достану, так убьют меня или возьмут Анну Петровну.

— Ну, хорошо, не печалуйсе, зятюшко, путь-дорога тебе будёт весёлая, я тебе всё обскажу. Волк тебя тоже не съест, у тебя платок есть. И достанёш ты всё, за чем пошол, только надо терпеньё.

И вот баушка начинает ёму говорить:

— И вот когда ты приде́ш к волку-людоеду, то он тебе скажет: „Ну, молодець, сам на явную смерть ко мне пришол“.

А ты ёму скажи: „Слушай, волк-людоед, ты меня не еш, а накорми, да напой, а потом трои сутки будём с тобой в карты играть, если я тебя обыграю в карты, то ты мне-ка дай меч-самосек, а если ты меня обыграеш, то уж казни или еш". И он охотно седёт с тобой играть три дня, не спавши будёт, знает, што обыграет. Вот вы будете играть не спавши перьвые сутки. Тебе захочетце спать. Я знаю, ты это времё замолчи, когда тебе захочетце спать, ничего с ним не говори. И он узнает, што ты Иван чаревич, и спросит тебя: „Ну што молчиш, Иван чаревич, или думу думаеш?" — „Да, думу думаю". — „Ну, какую?" — Ты ёму и скажи: „Мне охота узнать, сколько в твоем владеньи есть лесу стоячего?" И он тебе скажет: „Ну, хорошо, я сечас сбегаю, пощытаю". И пока он бегает, ты в ту пору и высписсе. Опеть снова сéдете на вторые сутки играть. На вторые сутки опеть же тебе захочетце спать. Ты таким же путём замолчи. Он спросит: „Ну, што, Иван цяревиць, спиш или думу думаеш?" — „Да, думу думаю". — „Ну, какую?" — „Мне охота узнать, сколько у тебя есь мелкого лесу наперечёт". Он и побежит щытать, а ты в это времё спи. Он придёт, скажет, и опеть седёш на третий день играть в карты, и он тебя обыграет и говорит: „Ну, Иван чаревич, што теперь думаеш, говори, а нет, дак я тебя съем, потому што я тебя обыграл". Ты ёму скажи: „Ну, хорошо, волк-людоед, еш, только пойдём на речку, я умоюсь, ты меня тогда чистого и съеш".

И вот они вместе поднялись и пошли на речку. Иван чаревиць умылсе, и только стал утиратьце, он и увидал платок.

— А, ты мой зя́тюшко, хорошо! Моя сёстра за тобой?! Ну, я тебе помогу. Скажи топерь, зачем ты пришол.?

— Дак вот, шурин, я зачем к тебе пришол. Нужно моим братья́м достать меч-самосек, а то они меня убьют или отнимут у меня жону, Анну Петровну.

— Ну, хорошо, шурин, топерь садись на меня и держись, я понёсу тебя в чарьство. Коли оне не хотели добро́м, дак я посмотрю на их. А меч захвачу с собой, в руки я ёго никому не даю и тебе не дам. А топерь скачи на меня и держись за мою шкуру крепче.

И так отправились оне в чарьство. Токо приехали в чарьство, то кряду пришли к брату Василию и тут же пришол Фёдор. Как только подошли, то кряду волк-людоед снял у Василия чаревиця голову и потом снял голову у Фёдора чаревиця. А Ивана чаревиця поставил чарём на чарьство и устроили такой пир, што мир от нача́ла не вида́л такого пиру́. И волк участвовал на этом пиру́. И стал Иван чаревиць со своей Анной Петровной чарьствовать, а волк улетел в свои леса́ и с тех пор больше у них не бывал.

На том она и кончитце.

*

КАК ОТПУСТИЛ ИВАН-ЧАРЕВИЧ ХИЩНИКА ИЗ КОТЛА

Был-жил не́ в котором чарьстве, не́ в котором государьстве чарь, у него был один сын, которого звали Иван. Этот сын то́ко был еще двенадцетилетний. Вот в одно прекрасноё времё поежжает чарь в какоё-то другоё государьство и оставляет жоны своей ключи и сказал:

— Ну, смотри, сама не ходи в моём за́мки и никому ключов не давай, потому што я знаю только один.

И вот, конешно, она взя́ла ключи, подвяза́ла их под по́яс и носитце с нима́, берегёт их как благо своёго, никуды их не дава́ет. А этот сын был у них двенадцетилетний, и што ёму здумалось? Захотелось ёму посмотреть отцёвскоё имущество, до си́х пор он еще ничего не знал. И он слышил и видял, што отець, когда поежжал, то передавал ей ключи и наказывал, штобы она берёгла их. В одно прекрасноё времё он приходит к своей матери и говорит:

— Мама, поищи-ко мне сёгодне в головы́, у меня што-то голова чешетце.

Вот мать сказала ёму:

— Ну, што-же, сынок, привернись ко мне на коленки, а я буду искать у тебя в головы́.

И он уля́гсе. Когда он уля́гсе и увида́л, што у матки ключи вя́снут за поясом, и потихонько нача́л их розвязывать. Вот когда он это розвязал, спокойно су́нул себе в корман и сказал:

— Ну, мама, отпусти, топерь я пойду.

Вот он взял эты ключи и пошол по евонным за́мкам ходить, што у нёго хранитце. Все он за́мки обходил, конешно, все че́нности обсмотрел. Для нёго это казалось чу́дным, потом подходит к одной двери, котора была написана: „заповедна". А в этой заповедной двери сидел хищник в котлы́ и вко́ван в чепя́х. Ну, всё-таки Иван осмелилсе, открыл эту комнату и заходит туда. Когда зашол туда, то видит котёл, под котлом огонь, и среди котла стоит старик вкован в чепях. Когда увидал этот старик Ивана-чаревича и сказал:

— Слушай, Иван чаревич, вы́пусти меня из котла, а я тебе пригожусь.

Он отвечает:

— Слушай, дедушко, как же я тебя выпущу, ты око́ван в чепях, мне тебя не выпустить будёт.

— Токо ты меня вы́пусти, а я уж тебе скажу.

Так. Тогда старик ёму говорит:

— Вот што, Ваню́ша, принеси мне воды напитце, а потом увидиш.

Вот Иван сеця́с побежал за водой, принёс ёму кружку, воды и по́дал. Старик стал пить. Когда старик напилсе, он сказал:

— Ну, Ваня, топерь ты мне сделал хорошоё добро́, а я для тебя ещо лучче сделаю, токо спомяни́ меня, што тебе будет в жизни нужно. А топерь, Иван чаревич, нало́жь руку на котёл к этой че́пи.

Иван чаревич токо нало́жил руку, то сразу старик исчез из котла и больше не видел. А потом и думает:

— Што я топерь сделал? Выпустил этого старика из чепе́й. Как узнает отець, што мне-ка скажет?

Ну, уж делать было́ нечёго. Так. Тогда он закрыл эти все темници, вышел вон и приходит к матери. Пришол к матери и говорит:

— Мама, поищи у меня еще в головы́, што-то уж больно опеть зачосалось.

Вот и она также ёму сказала:

— Ложись на коленки, я тебе поищу.

Когда он лёг и таким же путём обратно привязал, штобы мать не заметила и не услышила. Немного погодя и сказал:

— Ну, ланно, теперь я больше не буду, отпусти и не ищи меня.

Вот проходит день-два, Иван-чаревич очень стал грустить:

— Што теперь мне скажет отець, как приедет, што я отпустил этого хищника.

И стал худа́ть от печали, не стал ни есть, ни пить, и всё стал хуже и хуже. Вот она подходит к сыну своему и говорит

— Што ты, Иван-чаревиць не пьёш, не ешь, все худа́ш? Што влияет на твоё здоровьё?

Он отвецяет матери:

— Да, мама, ницёго, просто так.

Ну, этого она, конешно, не знала.

Не черезь долго — вдруг приежжает ёго отець. Как приехал, то кряду же взял ключи у жоны своей и нача́л ходить по своим за́мкам. Обходил он все за́мки, заходит в эту дверь, открыл ей и смотрит: — нет этого старика хищного в котлы́. Куда-то ушол, и хто отпустил, не знает. Вдруг закрыл эту темницю и бежит с таким гневом обратно, што очень был росся́ржоной. Подошол к своей жоны и говорит:

— Ну, жона, сказывай, хто ходил у меня по за́мкам, и хто отпустил хищника из котла, то жизни тебе больше не будет, а мне после этого не будет езды ни в какоё государьство, потому што выпустили ёго.

То она говорит ёму:

— Слушай, муж, я сама не ходила и никому ключей не давала, не знаю, што могло случитце с этим.

А сама сразу догадалась.

— Это никто больше, как сын, што два раза я у ёго искала в головы́.

Но не смеет сказать на сына своего, жалко ей, и стоит, точно умерла, не смеет сказать. А сын стоял и всё слушал

ихны розговоры, отця и матери. Потом подходит к отцю своёму и говорит:

— Слушай, папа, не вини мою матку, а это выпустил я, грех мой, делай со мной, што хочеш, но вина моя.

Тогда отець заговорил:

— А хто тебе ключи дал, матка или ты сам взял у ней?

— Нет, папа, мне мать клюцей не давала, а я попросил у матки, штобы она поискала мне в голова́х, а в это времё у ней отвязал клюци и сходил, выпустил ёго из котла, когда он стал проситьце.

— Где ж тебе с таким хитрым и волшебным стариком, разве он тебя глупого не уговорит?

Потом сказал:

— Ну, сын, коли ты мне это сделал, то сецяс прикажу тебя казнить.

И мать сильнё заплакала, но всё-таки он не решилсе ёго казнить, собрал своих ду́мных всех бояр и стали думать, как в общем, што с им делать? Те потом ёму такой совет дают:

— Слушайте, ваше величество, ведь как будто-бы и раньше бывало, што цярського роду не казня́т, не ве́сят, а лучче отправить ёго на вольноё поселение, куда он жалает.

Тогда он сказал своему сыну:

— Но, сын, я цярськой одёжи с тебя не сниму, а топерь иди, куда жалаеш.

Мать еще пуще заплакала:

— Слушай, муж мой, разве он тебе не сын, што ты так же́стоко ёго наказываеш, двенадцетилетнего мальчишка, хочеш куда-то отправить. Куда он пойдёт, как он еще мал? Хотя бы ты ёму дал лошадь, да какого-нибудь лакея. Доро́гой мало-ли што! Но хоть он бы захотел пить, дак он бы ёму по́дал.

Вот потом он сказал:

— Дак вот я ёму даю лошадь и потом лакея из салдат, которого зовут Офоня, он к тому-же еще кривой.

Вот тогда сецяс отыскал ему лошадь, дали лакея, и мальчик отправилсе.

Вот едут оне там близко-ли, там дале́ко-ли, вдруг подьежжают оне к колодцу.

— Слушай, Офоня, достань воды мне, я пить хочю.

А он ёму на ответ:

— Иван-цяревиць, ты лёхкой, а я тежелой, если я опущусь, тебе меня не поднять будёт, а я тебя спущу на ремне, напьёссе и выздыну, и дальше поедем.

Вот Иван-цяревиць подходит к колодцу, привязывает на ремень и опустил ёго, а в колодце была бесёдка и ковшицёк. Уселсе он на бесёдку и выпил ковшицёк, и чуствует в себе силу. Он второй — еще больше. Ему ище захотелось. Выпил как третий, почуствовал в себе таку силу! А это старик ему всё сделал.

И говорит:

— Ну, Офоня, тени меня обратно топеричу.

А этот Офоня лакей говорит ёму:

— Вот, Иван-цяревиць, как тебя отець отправил на смерть, дак тебе всё ровно умирать, быть ты в колодци, а я тебя не потену.

Он говорит ёму:

— Што ты, Офоня, вытени, как же тебе не страшно оставить меня в колодце, ты мне-ка ведь лакей.

А он потом и говорит:

— Если снимеш свою одёжду и даёш мне, в общем, если будеш моим лакеем, а я Иваном-цяревицём, тогда я тебя вытену.

Ну он говорит:

— Ладно, — говорит, я согласен, токо ты меня вытени, и пусть ты будеш цяревичем, а я лакеем.

Он ёму приказал:

— Кленись, што не омманеш.

Иван-царевич поклялсе и он посли этого его вытенул.

Вот когда ёго вытенул, Иван царевич сразу, не переменил слова, отдал свою одёжду, сам оделсе в одёжду Офони и стал лакеем. Когда оне подошли к лошади, только што Иван-цяревич хотел скочить на лошадь, как лошадь подохла, такой стал сйлен Иван цяревич. Ну, а Офонасий об этом ницёго не знал. Ну, што им топерь делать? Оне, значит, пошли пешком в какоё-нибудь цярьство. Да. Вот идут путём дорогою, не

в до́лгом времени приходят оне в чарьство. Когда оне пришли в чарьство, то Офонасия стретили уж как чаревиця и спросили.

— Куда прикажете класть слугу вашего Ивана?

Тогда цярь ответил:

— У нас нет ёму такой роботы, только может быть он на конюшни и пасти наших лошадей.

Вот тогда сказал ёму лакей:

— Ну, мож итти роботать. Поступиш на конюшню кучером.

Когда Иван пришол туда, ёму отвели комнатку, указали лошадей, и он поступил на свою роботу. Ну, кормили ёго, конешно, простой пищей, как по обыкновенности полагалось конюха́м.

Так. А к нему один мальчик приходил всёгдашную пору Он ёго любил и сказал:

— Ванюша, ты приходи ко мне всегда.

Потом слуцилось дело у царя плохое: вы́стал из моря змей и просил пожрать цярьскую дочерь. Вот когда чарь это узнал, то па́лсе в великую печаль и не знал, хто бы мог ёгонную доч спасти, и даёт такой клич по всему городу и дальше: „Што если кто может спасти мою дочерь, то я за того отдам ю замуж и впоследствии поставлю на чарьство". Когда узнал Офонасий чаревиць, он сказал:

— Ваше величество, дайте я спасу вашу дочерь, пришлите мне лошадь, шпаги и там всё на свети.

Тогда цярь приказал дать ему хорошую лошадь и снаредил ёго всема́ запаса́ми. А эту чаревну тоже снаредили в чёрну корету и отправили к морю. Офонасий-чаревиць поехал вслед.

Тогда Иван-чаревиць где-то узнал, што у цяря вышел такой случа́й. Вышел он в поле и подумал, то-есть спомену́л, а не подумал. Когда он спомену́л про дедушка.

— Ох, кабы мне дедушко пособил, дал бы мне меч-кладенеч, па́лицу бу́ену, да коня хорошего, я бы поехал с этым чудо́вищем попротивитьце. (Офони то не видать моря и змеи!).

И вдруг перед им стоит старицёк этот са́мой, которого он выпустил из темници.

— Ну, говори, Иванушко, я тебе помогу, как обещал, всё помогу, как тебе надоть.

— Да вот, дедушко, што мне надо: меч-кладенеч, палицу бу́ену, доброго коня и латы богатырьские, я бы поехал с этым чудовищем поборотьце, которой вы́стал и хочет пожрать цярьскую доч.

— Дак вот, Иванушко, я тебе даю.

В-перьвых подаёт ёму две бутылоцьки:

— Хотя у тебя и есь си́ла, но возьми эты бутылоцьки. Вот, Иванушко, пойдёш от меня и увидиш белой камень. Ты выпей рюмку из одной бутылоцьки и рюмку из другой, тогда ты этот камень мож отвернуть, инаце у тебя не хватит силы. Когда ты отвернёш камень, увидиш, там стоят три коня и латы богатырьские. Бери ты одного коня из них, только ворonóго. Когда тебе придётце второй раз ехать, возьмёш карёго, а уж когда тебе придётце третий раз ехать, тогда ты спомени́ меня, так не поежжай на белом кони́.

Когда он выслушал всё у дедушка и пошол, куда тот ёму указал, дедушко скрылсе.

Приходит Иван в полё к этому белому камню, преже всего вы́пил по рюмочки из бутылок и отвернул этот камешо́к. Он ёму показалсе очень лёхкой. И он спустилсе. Видит три коня: вороной, карий и белой; кря́ду же одел латы богатырьскии, кладенець и во́стро копиё, сам садитце, и поехал. Только сел, то сразу достиг Офонасья цяревиця. А тот сидит на лошади́, дремлет, попада́ет к морю. Он посмотрел на него, хлы́снул нагайкой и скрылсе.

Вот только приехал Иван-царевич к морю, видит сидит в кореты чаревна и плачет, у ней нету никакой обороны. Вот он не сходит с лошади, ожидает, когда будет ставать змей. А чаревна видит, што это приехал не Офонасий чаревич, но не знает, хто. Вот не черезь долго начинает ставать вода, подыматьце. Раз, второй, третий. На четвёртой вылезает змей. Змей сразу заговорил:

— Ох, какой цярь милосливой, сразу мне даёт обед и с закуской, цяревну и Ивана цяревиця.

Тогда цяревич ёму и говорит:

— Ты не хвастай в поле е́дучи, а хвастай, из поля когда поедеш.

Тогда змей сказал:

— Ну, дуй лесу, с тобой воевать!

Он ёму на ответ:

— А дуй, проклятоё чудовище, как тебе нужно, а я наперёд не стану.

Тогда чудовище дунуло — на шесь вёрст лес пал, а Иван чаревич дунул — на восемь вёрст лес пал и позолоти́л, — сделал прекрасныи площадки. Вот оне кря́ду и розьехались. Как только сьехались, Иван чаревич ударил ёго мечом и отрубил сразу три головы́. Потом он спустилсе с лошади́ и вырезал у змея языки́, го́ловы склал в мешок, а туловище розрубил на мелки части, а язы́ки сунул в корман и сел на лошадь и поехал. Сровнялсе с цяревной, она ёму и говорит:

— Слушай, Иван-цяревич, скажи мне, где ты живёш и я выйду за тебя замуж!

(Она так-то не знала ёго, а услыхала как змей называл).

Тогда он ей сказал:

— Слушай, прекрасная чаревна, ты меня скоро не увидиш, но всё-таки потом увидиш.

И она ёму подарила свой именной перстень. А в это времё Офонасий-цяревиць стоял на высоком мести и это всё видял, што Иван цяревич порубил змея. Вот Иван цяревич скоци́л на ло́шадь и поскакал, а этот Офонасий цяревич ёму и говорит:

— Слушай, Иван цяревич, отдай мне го́ловы и эти язы́ки, што хош с меня бери, я тебе уплачу.

Он сказал:

— Нет, Офонасий цяревич, у меня го́ловы и язы́ки эты не продажны, а ответны.

Он заговорил:

— А што овет Иван цяревиць?

— Вот овет: если ты согласен отдать мне с руки пёрст и с ноги пёрст, тогда отдам тебе го́ловы и языки́.

Он говорит:

— Я согласён.

Протяга́ёт ёму руку.

— Режь любой.

Иван цяревиць отрезал указательной палець. Потом тоже отрезал с ноги, отдал ёму языкй и поехал. Офонасий чаревич оделсе и поскакал к чаревны.

— Вот, прекрасная цяревна, если ты не скажеш отцю своёму, што я убил змея, то я тебя на месте убью.

Она, конешно, забоялась и сказала:

— Я, Офонасий чаревич, скажу, только оставь мою жизь.

Тогда сели они на лошадь и поехали к отцю. Топерь Иван цяревич поехал на это место, где он и был, взял, коня поставил опеть под камень, сам переоделсе и всё скинул, взял мешок и пошол, конешно, домой. Когда он идёт и ко дворцю уж подходит, вдруг стречает ёго чарь. Он и спрашивает:

— Што ж ты, Иванушко, такой устáлой, или ты разве гоняеш далёко лошадей?

— Ваше велицество, сёгодни ушли лошади оцень далекó и я сёгодни устал.

Тогда чарь у ёго спрашивает:

— А што ж ты несёш с собой в мешкý?

— Ваше велицество, я как был сёгодни далёко в лесу дак сóрвал три клубки берёста, котóро пастуху мне понадобитце.

— Ну, ладно, иди топерь домой, поеш и ложись отдыхай

Вот Иван лошадей запустил, сам зашол в свою комнату и начинает йись. Топерь он токо начáл йись, а к ёму приходит этот мальчик, которой всегда приходил.

— Вот ты, Ванюша, слушай, я топерь повалюсь спать, а чарю опеть придёт беда — шестиглавой змей будет требовать цяревну, дак ты приходи меня будить. Я буду спать розно четыре дня и привяжу гирю против лба, ты как придёш будить, срезай эту гирю, не жалей меня, инáце тебе меня не розбудить.

Вот он подал ёму несколько денег:

— Но, Ванюша, бежи домой!

А Иван приготовилсе и заснул. А тогда уж приехал и Офонасий чаревич с этой чаревной. И вот она не посмела сказать, што не он спас (*покамесь, а там уж она после вы-*

яснит). Когда он приехал, то цярь очень обрадовалсе и сказал:

— Но, Офонасий чаревиць, будь ты моим наречённым зятём.

Не прошло сутки, он пришол к чарю и говорит:

— Ваше величество, топерь я буду приготовлятьце к сватьбы.

Чарь говорит:

— Воля ваша, мож в любую пору.

Вот он кря́ду же пошол к чаревны и сказал:

— Вот, прекрасная чаревна, ты приготовляйсе, а уж я к венцю совсем гото́вой, хош сёгодне.

Вот она и говорит ёму на ответ:

— Слушай, Офонасий чарев ч, ты поме́шкай хоть дня четыри. Сам знаш, как я испугалась посли этого бою.

А сама думает про этого Ивана чаревича. Но ёму не говорит ничего. Вот конечно, он отло́жил на три дня, но не больше. Вот на четвёртый день приходит посёл, приносит повестку, што везите дочь на сьеденье шестиглавому змею. Чарь подумал и говорит:

— Ну, Офонасий чаревич, уж стал спасать, дак приготовляйсе.

Ну, оне стали сряжатьце и поехали к морю.

(*Сецяс пойдёт скорей, дедушка сечас не будем споминать, вот на последний раз он будет опеть говорить*).

В это времё узнал этот Ваня, што в городу́ неблагополучно, уехала цярьска дочь и побежал к Ивану. Прибегает и кряду же стал ёго будить:

— Встань, Иванушко, встань дорогой, ведь уж цяревну увезли.

Но Иван спал крепким богатырским сном. Наконець, увидал гирю, и хоть жалко ёму было, взял срезал гирю. Гиря пала по́ лбу, Иван скоци́л. Скоци́л и спрашивает:

— Давно уехали?

— Да не так давно.

Вот он вы́скоцил в конюшню, берёт всех лошаде́й, и сразу двинул в полё. Приходит в полё, к этому камню, приздыну́л

ёго, и кряду же оделсе, взял красную лошадь и поехал. Вот и едет. Уже близко становитце у моря и догна́л Офонасия цяревиця. Ударил плетью, тот посмотрел, а уж Иван цяревич уехал. Приежжает к морю. Сидит цяревна и плачёт, што нет никого. Увидала Ивана чаревиця и сразу обрадела. Вот хотела ёму што-то сказать, но кряду стала ставать вода. Он ей говорит:

— Прекрасная чаревна, верни́тесь в корету, топерь некогда.

Вот до шести раз вода поднялась, на седьмой раз выскочил змей. Когда вы́скоцил сразу заговорил:

— Фу, фу, как хорошо, я просил цяревну, а дали ей вмести с цяревицём. А ты, цяревиць, убил моёго брата, но меня не убьёш, я тебя возьму на лодонь поло́жу и другой прихло́пну, останетце из тебя только грезь и вода.

— Напрасно, проклятое чудовищо, рано хвалиссе! Ты сначала испытай, а потом и хвались.

Отвечает чудовищо:

— Ну, спорить нам нечо, дуй ле́су и будём начинать.

— Дуй ты наперёд, проклятое чудовищо!

Это чудовищщо дунуло, лес пал на десеть вёрст, а Иван на двенадцеть сделал площадку и позолоти́л. Потом вы́ехали. Перьвой раз он срубил, как сьехались, у змея две головы́. На второй одну, и у него осталось ещо три головы. Когда сьехались третий раз, то она ёго смахнула уж хо́ботом с ло́шади́, и оне броси́лись в рукопашную. Вот броси́лись рукопашкою, он стоптал змея по-колен в землю, и всё продолжаетце битва. Потом до того добилсе, што он ёго стоптал по-пояс. И уж потом по-пле́ча, так што видно было только одне головы. Когда он стоптал, то у ёго не было близко меця. Конь видит это положенье, и стал ёму мець подпи́нывать. Он сецяс же ухватилсе за мець и отрубил сразу все три головы. Языки́ поло́жил в корман, го́ловы взял себе в мешок, сам сел на коня, а туловище осталось в земли. Эта чаревна (*надо было бы сказать раньше, ну, да всё ровно!*) стояла, плакала, как увида́ла, што змей смахнул Ивана цяревиця с ло́шади, плакала, покуль он не приехал. Когда он подьехал к ней, она о́бняла ёго и говорит:

— Иван цяревич, возьми меня с собой, не оставляй здесь, я на всё согласна. Роскажи, Иван ц ревиць, где ты живёш?

А он ей:

— Нет, прекрасная цяревна, всё ровно мне придётце приехать третий раз.

Теперь он попрощалсе с ней и поехал, а настречу Офонасий чаревиць, и говорит:

— Но, Иван чаревиць, што хош с меня бери, а отдай мне язы́ки.

— А у меня оне не продажны, а заветны, сам знаеш.

— Ну, што завет, скажи?

— А завет у мня такой, кажетця уж известен. Вот даш палець с руки, с ноги, и пряжку вырезать из спины твоей кожи?

Он на это согласилсе. Иван цяревиць мигом отрезал у ёго палець с руки, с ноги, также пряжку на кожи. Сам скочил на лошадь и поехал, а язы́ки отдал ёму.

Офоня оделсе, прискакал к цяревны и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, если не скажеш, што я тебя спас, сеця́с убью.

Она ёму:

— Што ты, Офонасий чаревиць, я обязательнё скажу.

Вот оне вместе и поехали во дворець. Вот когда Иван чаревиць приехал, обра́л ко́ней своих и погони́л в чарьство. Пригони́л лошадей, а идёт как раз ёму настречу чарь и говорит:

— Што ты, Иванушко, сёгодни такой печальной и как бытто сонно́й, откуль ты идёш и што та́щиш за собой в мешку́?

— Вот, ваше величество, сёгодни лошади так дале́ко ушли в сузёмок, што насилу нашол, а в мешку́ несу берёста шесь клубков.

— Но, поди, Иванушко, поеш и отдыхай.

— Вот Иван загони́л лошадей и сам зашол в свою избушку, вдруг опеть прибежал этот Ванюша. Он и говорит:

— Ище раз меня побуди, Ванюша, как придёт беда, только буди гирей, ина́це не розбудиш. Я теперь буду спать шесь суток.

И вот накорьмил ёго, дал денег, а сам привязал гирю и заснул. И вдруг приежжает Офонасий чаревиць и говорит:

— Ну, папенька, я и в этот раз убил змея, змея шестиглавого, и вёзу языки.

Он отвецяет:

— Ну, што же, нареченный мой зять, ты уж два раза избавил, и топерь воля твоя, можеш хоть сечас под венець, если жалаеш.

Вот он не теряя времени, кряду же прихóдит к цяревны.

— Ну, прекрасна цяревна, готовьсе, будём играть сватьбу.

А она знала это, потому што ей сказал Иван цяревич, што ей придётце ещо раз ехать, и говорит:

— Вот што, Офонасий чаревич, ты ведь знаеш, как я испугалась, и надо хоть дня четыре помéшкать, мне опомнитьце.

Он говорит:

— Ну ланно, обождём немного.

А сам не знает ейной хитрости, потому што близко нé был, как ей сказал Иван чаревиць. Вот прошло четыре дня, опеть требует чарьску доч на сьиденьё топерь деветиглавой змей, „што если не отдаст, то сецяс приду, цяря в полóн возьму, и всё ровно же ей вытену". Чарь испугалсе такого наказа и велел дочери собиратьце, а Офонасию цяревицю сказал:

— Но, нареченный зять, спаси доч и в этот раз.

Ну, оне скоро собралúсь и кряду же выехали.

Мальчик Ванюша узнал, што в городý неблагополучно и бежит сразу к Ивану.

— Стань, Иван чаревиць, стань дорогой!

Но тот спит, не слышит. И хоть жáлко ёму былó, гирю стал рубить. Кряду же Иван скочил, поблагодарил Ванюшу и выехал в полё. Там отворотил камень и вывёл лошадь белую, и потом сказал:

— Дедушко мой, явись ко мне.

Сецяс дедушко явилсе.

— Ну, што тебе, Иванушко надо?

Вот он и говорит:

— Слушай, дедушко, дай мне силы, ты знаеш, приехала деветиглавая змея, мне, может быть, с ней не справитьце.

А дедушко ему на ответ:

— Нет, Иван цяревиць, я тебе больше силы не даю. А почему не даю? Потому што тебя не понесёт конь, а во-вторых, тебе не владеть будет этой силой. А ты поежжай, Иван цяревиць с этой силой, но смотри, когда приедеш к морю, будь окуратён. Когда вылезёт змей, и вы будете битьце, тебе будет очень трудно. Твой конь тебе покажет. Токо ты отрубиш у ёго две головы, а уж на второй раз она тебя свернёт с ло́шади. И вот побьитéсь и она тебя стопчёт по-ко́лен в землю, потом и по́-пояс, а уж потом по-грудей и ты увидиш, што конь твой уж станет не белым, а красным. Тогда ты спомни меня, и я тебе помогу.

Вот с этима́ словами дедушко скрылсе, а Иван поехал к морю. Когда приехал, ёго увидала цяревна и обрадела, а ёго ударил кряду крепкий сон, так што он упал на землю и заснул. Увидала цяревна, што Иван цяревиць спит крепким богатырским сном, прибегает к нему и нациная ёго будить. Она будит и плачет:

— Стань, Иван царевич, стань, дорогой, гибель нам близко, вот уж вода вы́стала!

Но Иван цяревич спал так крепко, што ницёго не слыхал. Вот уж восемь и деветь раз ставáет вода. Конь видит, што хозяин спит, прибежал, и так крепко ударил ёго копытом по головы́, што Иван цяревиць проснулсе и скоцил на ноги, а змей близко уж ставает из воды. Топерь зверь только вылез и говорит:

— Но, успел ты сесь на лошадь, то бы обоих сгло́нул. Ты в те разы́ убил моих братьёв, но меня не убьёш!

Он говорит:

— Слушай, поганоё чудовищо, не хвастай в поле и́дуци, а хвастай как из поля пойдёш.

Топерь зверь ёму и говорит:

(*топерь не стал корить, так озлилсе!*)

— Но, дуй ле́су, штобы нам воевать.

А Иван цяревич отвецяет:

— Дуй сам, поганоё чудовищо, коли́ тебе надь.

Вот змей дунул и на шеснадцеть вёрст лес выломал, а Иван цяревич только на двенадцеть. Сделали площадки и сьехались. Как перьвой раз сьехались, то он у ёго отрубил две головы. На второй раз сьехались, то она свернула ёго с лошади и схватились оне опеть же рукопашкою. Вот бились, бились, она ёго по-колен в землю и втоптала, Ивана цяревича.

— Ну, — говорит, — поганоё чудовищо, бьютце, дерутце, дак и здо́ху дают.

— Ну, што же, Иван цяревич, отдохнём.

А в это времё царевна смотрела и плакала, как змей Ивана цяревича по-ко́лен втоптал в землю, и говорит:

— Пропала ёго молодая жизь, также и моя!

Вот сецяс же змей прино́сит кувшин воды и ворой приносить ёму:

— Ну, на́, Иван цяревич, попей, — и сам пьёт.

Он когда по́пил воды, то чуствует в себе силы меньше, а змия́ бодрее — потому што она ёму даёт бессильную воду, а себе сильную. Вот пошли и снова стали битьце. И уж она стоптала ёго по-пояс в землю, Иван цяревиць говорит:

— Ну, поганоё чудовище, бьютца, дерутце, и здо́ху дают.

— Ну, што же, Иван цяревич, отдохни.

Приносит опеть же кувшин воды и так же сама начинает пить. Немного попили, Иван чует себя ещо слабже. Стали битьце в третий раз. Вот уж она на третий раз стоптала ёго по-плець в землю. Он посмотрел на своёго коня и видит, што конь стал совсем переменно: из белого заво́дитце уж красной. Топерь говорит:

— Давай, поганое чудовище, третий раз отдохнём, а уж потом воля твоя, што хош делай со мной.

И в это времё он спомнил про дедушка. Когда оне сели, опеть же змея ему даёт воды пить и сама пьёт. Ей оказалась бессильная вода, а сильная Ивану чяревицю. Пока оне сели отдыхать, дедушко переменил кувшины у змея́. Потом змея́ сказала:

— Но, Иван цяревич, решим бой на этом разе окончательно.

И согласились опеть в рукопашку. Вот оне бились, бились два часа. Он уж топерь змею́ стоптал по-колен в землю. Вот чудовище и говорит:

— Ну, Иван цяревич, бьютце, дерутце, и здо́ху дают, как я тебе давала отдых, так и ты мне давай.

А он ответил:

— Ну, што же, поганоё чудовище, отдохни́.

Сели отдыхать, и змей опеть подаёт по кувшину. Иван цяревич попил и цюствует, што силы у ёго прибыло ище больше, а змей попил, и у ёго силы убавилось. Вот попили, он говорит:

— Ну, давай, поганоё чудовище, сойдёмси в третий раз.

Как схватились, так Иван чаревич ей за час стоптал поплець в землю. Вот она опеть утомилась и говорит:

— Ну, Иван цяревиць, дай третий раз мне отдохнуть, а там твоя воля, што хош, то и делай.

Вот опеть сели и попили кажной из своего кувшина. А в это времё цяревна смотрела и видит, што у Иван цяревиця дело идёт добре́й и конь из красного опеть стал совсем белой. Вот оне по́пили, и у Ивана цяревиця ещо силы прибавилось, он и сказал:

— Но, давай, поганоё чудовище, ещо поборемсе.

Так оне и схватились на цетвёртой раз. Черезь цяс времени Иван цяревиць втоптал зме́я в землю так, што остались одне головы. Оглянулсе, а мець дале́ко, но конь увида́л и стал ему мець ногами подталкивать. Когда он зме́я держал, штобы она не вышла из земли, ёму змей прокусила руку, а конь ушиб ногу о меч. Иван чаревич отсек головы, вырезал языки́ и поло́жил в корман, а головы спустил в мешок и поехал. Потом приежжает к чаревны, она ёму и говорит:

— Ну, прекрасной Иван чаревич, ище ли ты мне не скажеш, где ты живёш или не во́зьмёш меня с собой.

Он сказал ей:

— Слушай, прекрасная чаревна, мне топерь не до этого. Ты перевяжи-ка мне руку и ногу у коня, тогда я тебе ище што-нибудь скажу.

Она сецяс снимает с головы шолковый платок и перевязывает спе́рьва у ёго руку, а потом от того же платка лоску-

то́м — у коня ногу, больше у ей ниче́го не было. Тогда он заскакивает на коня и говорит:

— Ну, прекрасная чаревна, когда ты приедеш в своё цярьство и будёш выходить за Офонасия чаревича замуж, созови на пир всех, хто есь в вашем чарьстви, от конюхо́в и до поваро́в, тогда ты увидиш и меня.

И больше ничего ей не сказал. Вот немножко отьехал и увида́л своего слугу — Офонасия чаревича. А тот сошол с ло́шади и стал у ёго просить:

— Вот што, Иван чаревиць, бери што хош, а отдай мне эты языки́.

Он ёму и сказал:

— Я не знаю, што с тебя взять, у тебя и так вырезано всё, што есь. Но уж е́жели не пожалееш ещо по пальцю с рук и по пальцю с ног и протяну во всю спину ремень, тогда уж отдам.

Вот тот сечас же розделсе, и Иван чаревич протянул ёму ремень во всю спи́ну, потом отрезал по пальцю с руки и ноги, всё это завёрнул, а ёму отдал языки, сел на коня и поехал.

Вот когда он приехал, Офонасий чаревич поехал к чаревны и сказал ей:

— Ну, прекрасная чаревна, если топерь не скажеш отцю, што я тебя спас, сецяс же убью на мести.

Она ёму говорит:

— Офонасий чаревич, мож на мне жонитьце хоть сецяс, как приедем в чарьство.

А Иван чаревич приехал в полё, закрыл своего коня под камень, сам переоделсе как попало, со́брал ко́ней и идёт чуть-чуть, насилу, так он устал. Как раз пригони́л в чарьство, а стречаетце цярь и спрашивает:

— Што же ты, Иванушко, так устал, што чуть бредёш только?

— А я ваше велицество, был сёгодни так далёко в лесу, што чуть-чуть мог выйти и сецяс насилу иду.

— А што же ты, Ванюша, несёш в мешку́?

— А сёгодни, как я был очень далёко в лесу, дак со́рвал деветь клубков берёста, может быть когда-ни пригодитце.

— Ну, ладно, иди, Ванюша, спать.

Вот он за́гнал лошадей в конюшню, а сам не пи́л, не ел, повалилсе и заснул крепким сном богатырьским, в этот раз никому ницёго не сказал.

Вот и вдруг приежжает Офонасий чаревич с чаревной. Чарь очень обрадел, как увида́л их. Когда пе́режил Офонасий чаревич сутки, то пришол и говорит:

— Но, ваше величество, не будем топерь откладывать сватьбу.

Но чарь нача́л собирать пир. Когда нача́л собирать пир, и гости собирались, шесь дней это всё тянулось, а Иван чаревич спал. На седьмые сутки, когда собрали́сь все гости, зашол Офонасий чаревич с чаревной за стол. Потом вы́ступила чаревна с речью и говорит:

— Всех ли ты со́брал, папенька из наших подданных: конюхо́в и поваро́в, и прочих, как я просила тебя?

Потом он сказал:

— Да, всех как будто бы, дочка, токо нет у нас одного пастуха, которой прибыл у нас с Офонасием-чаревицём.

А она и говорит:

— Вот надо и ёго созвать.

А Офонасий чаревич говорит:

— Нет, моёго лакея звать не нужно.

Чарь заговорил:

— Нет надо уж всех звать, раз всех зовём.

И приказал ёго созвать и привести. Вот сецяс послал слуг. Слуги пришли и видят пастух спит и рука у ёго обранена. Будили, будили, а добудитьце не могли, так крепко спит. Вот эти слуги приходят и говорят цярю:

— Вот, ваше велицество, ваш пастух спит и у ёго из руки сильнё течёт кровь, но он так спит, што мы добудитьце ёго не могли.

Тогда, когда услыхала чаревна, она сразу догадалась про всё, и сказала:

— Батюшко, я сама пойду ёго будить.

И вышла из-за стола. И чарь вслед за ней.

Когда оне пришли к этой избушки и открыли дверь, она и говорит:

— Но вот, смотри, што это есть за цёловек.

— Да я не знаю, вижу, што это Иван пастушок, лакей Офонасия чаревича.

— Нет, батюшко, это неверно, это не пастушок, а это и есть Иван чаревиць. А вот Офонасий чаревиць, тот — лакей Ивана чаревиця, и он же ездил к морю и убивал змей, а Офонасий чаревич носил вам только языки́. Когда мы розбудим, он скажет всё сам. А меня Офонасий чаревич стращал всё, што убьёт, если я тебе скажу, што не он убивал змей. Топерь всё я тебе, батюшко, высказала и буду будить Ивана чаревиця.

Вот накинулась потом ёму на шею и стала будить:

— Встань, Иван чаревич, встань, друг дорогой. Много ты перенёс, но теперь я всё узнала, хотя ты и скрывалсе и не сказывал мне ницёго до последнего раза.

Наконець она ёго добудилась и говорит:

— Но, топерь стань, оденьсе и пойдём на пир.

Вот когда он встал, оделсе и сказал:

— Но, топерь вы идите, а я приду́ потом, пока пускай он сидит за столом, а там дело выеснитце и видно будёт.

Вот когда пришол Иван на бал, чарь посадил ёго за стол, потом подали ёму чару вина. Когда он выпил эту чару вина, потом и заговорил:

— Ваше величество, можно у вас спросить слово или нет, а то хотелось бы мне сказать.

Он сеця́с пока не называет ёго никак. Чарь отвечает:

— Говори, Иванушко, говори — всё можно, на пиру́ розрешаетце всё.

Он вышёл на середину и говорит:

— Ваше величество, почему же на пиру́ жоних сидит в перщатках и на ногах у ёго валеные сапоги, а на себе тёплая рубашка, а у гостей у всех ботинки обуты и камаши?

То чарь сказал:

— Дак вот, Офонасий чаревиць, я бы попросил тебя снять перщатки, как все гости сидят без перщаток.

И приказал снять с ног валеные сапоги.

Когда он снял одну перщатку, чарь видит, што у ёго нет на одной руки трёх пальце́й. Чарь ёго спрашивает:

— Што же, Офонасий-чаревич, у тебя нет пальцéй?

— А это, ваше величество, у меня в бою погрыз змей.

Потом он снял другую перщатку и валеные сапоги и говорит:

— А это второй раз когда билсе, тогда змей погрыз пальци.

— Ну, теперь снимай тёплу рубашку, почему ты сидиш в ей, раз люди сидят в лёхких, у нас в помещеньи тепло.

Вот когда он снял тёплую рубашку, цярь видит, што у ёго изь спины вырезаны пряжка и ремень во всю спи́ну. Чарь и спрашивает:

— А это почему у тебя?

— А это, ваше величество, когда я третий раз билсе со змеёй.

Тогда Иван чаревич достаёт узёлок, розвязывает и кладёт на стол:

— Вот твои пальци и пряжка, и ремень из спины, это за перьвой, второй и третий раз. А убивал змéёв не ты, это, наверно, знает и чаревна.

Тогда чарь посмотрел на эты пальци, стали прикладывать ёму к рукам, но, а оне, как тут и были. Тогда все гости подтвердили, и сказал чарь:

— Но, Иван чаревич, коли ты сделал всё это, дак тебе влада́ть и моим полцярьством и бери доць замуж, а с ним как хош росправляйсе.

Тогда Иван чаревич берёт ёго за горло и перекидывает черезь окно прямо на панель. От ёго осталась только одна грезь.

Тогда все гости обрадéли и стали пить, йись и хвалить Ивана чаревиця, што спас йихно чарьство и чаревну. Потом он это всё росказал. Кто он, и как он выпустил хищника из котла, и што с им случилось доро́гой и как билсе со змеямы.

Посли этого пира́ говорит ёму цярь:

— Ну, Иван чаревиць, становись на престол и правь моим государьством, а я уже становлюсь немóлод и тебе в своё государьство итти нéзачем.

Тогда Иван чаревиць поступил на чарьство и стал править государьством до глубокой старости.

На этом и кончилось.

*

ИВАН ВОЛОВИЦЬ

Ну вот, в не́котором чарьстви, не́ в котором государьстви жил был чарь. Ну у этого чаря не было дитей от роду. И вот он уж стал немоло́дой и думает:

— Как же мне быть топерича, кому я чарьство передам?

Потом ёму говорит один старичек:

— Вот, ваше велицество, вылови своима́ руками сёмгу, накорми жону и будут дети.

И вот, конешно, чарь так и сделал. Пошол с рыбаками ловить, закинул невод и вытянул невод со сёмгой. Пришол домой и приказал лакею её сварить. И вот когда лакей сварил, то чариця поела и она понеслась. И лакей накорьмил свою жену, и та понеслась, и дали волу попить, и тот понёссе.

И все через деветь месецёв приносят по сыну, и всем имена дали Иванами.

И вот эты робята, понимаеш, стали рости так быстро, и все ростут на одном двори, и хоть тот был от вола, но был мужик, и он был всех сильнее, оне даже боялись с ним баловатьце, отбегали проць от нёго.

И вот в одно прекрасноё времё Иван Чаревич и Иван Лакеич, взяли по коню и уехали гулять в полё, от нёго, не сказались. И он узнал, што братья от нёго бегают, взял самого хорошего коня, которого чарь никому не давал, взял мець и поехал их розыскивать в поле. И вот он, конешно, розыскал их и сказал:

— Ну, братья, коли вы уехали от меня, поедем вперёд, от меня уж вы топерь не убежите.

Ну, конешно, им было делать нецёго, оне не смели даже противитьце и поехали за ним вслед. Вот он приежжает к одному мосту и говорит:

— Вот мы сецяс роскинем шатёр и будем караулить, хто по этому мо́сту ездит, кинем жре́бий.

И вот оне тоже были согласны. Роскинули шатёр, кинули жребий, на перьву ноч нужно было выежжать Ивану Лакеичу. Втора ноч была Ивану Чаревичу, а третья ноч Ивану Воловицю. Тогда Иван Лакеич заговорил:

— Слушай, Иван Воловиць, замени меня, я не смею ехать, меня застращает хто, и я там погину, для тебя будет хуже.

— Ну ладно, коли не будете спать, случай какой, придите мне на помогу, тогда я пойду караулить за вас, даже и за обоих, только не спите.

И вот он, конешно, вечером ушол караулить, взял свой мець и повалилсе под мост, и сидит, сам не спит.

И в друг в полноць едет трёхглавой змей, говорит на все три голоса:

— Кто-то есть под мостом, а я никого на свете не боюсь, только есть Иван Воловиць, да и того здесь нету. А если бы был здесь, то я его положил на долонь, другой прихлопнул, осталась грезь да вода.

А он выскакивает и говорит:

— Не хвастай, поганое чудовищо, хорош пирог едучи, да смотри подависсе. Прежде всего, чем спорить, дак давай померимсе силой.

И вот ударил Иван Воловиць два раза, дак три головы у его и отрубил. И приходит к братьям в шатёр, а те спят.

— Што вы делаете, разве я велел вам спать, я вас сеця стегать стану.

Братья испугались, заплакали, говорят:

— Мы больше не будем спать.

— Ну, ладно, я сеця убил трёхглавого змея.

Вот на вторую ноць надо итти Иван-чаревичу.

— Ну ладно, Иван Воловиць, поежжай за меня, всё ровно мне не убить будет змея, а мы уж спать не будем.

— Ну ладно, смотрите!

И вот он поехал на вторую ноч, там же дожидал до полноци, вдруг едет шестиглавой змей. Вот нацял говорить на все шесь голосов:

— Што я, мол, никого не боюсь на свете, а кто-то здесь есть, оприч Ивана Воловиця, а если бы он здесь был, и того не боюсь, положил бы на долонь, другой прихлопнул, осталась бы только грезь и вода.

Потом он выскакивает из под мосту и говорит:

— Не хвастай, погано чудовищо, хвастай как из по́ля обратно поедеш.

— А, дак ты брата моёго́ убил и меня хош! Погоди, посмотрим!

Вот и выехали дратьце. И он смотрит, и́дут ли братья на помо́гу. Нет никого. И вот он, конечно, скочил на нёго, ударил мечом, три головы ёму отмахнул. Ударил второй — ещо три головы как не бывало. Россек ёго на мелки куски, броси́л под мост, сам пошол к братьям. Приходит, а оне опеть спят. Он их по плеча́м ударил, оне заплакали, он и говорит:

— Ну ладно, уж не буду вас бить, а если вы третий раз заснёте, то всё ровно жи́ву не будете.

Переспали день, он походит на третью ноць.

— Ну, смотрите, не спите, приде́тце вам помогать. Сегодне будет деветиглавой змей.

И вот пришол опеть, сидит дожидат полно́ци, вдруг едет деветиглавой змей и нацинат крицять на все деветь голосов. И заговорил:

— А, Иван Воловиць, ты у меня брата убил и другого убил, ну меня не убьёш, я тебя на доло́нь кладу и только грезь да вода от тебя останетце.

— Да не хвастай, погано чудовищо, в поле е́дуци, а хвастай, как из поля едеш. Хоро́ш пирог е́дучи, да смотри подависсе.

И так выскоцил на нёго из под моста и броси́лсе. Ударил перьвой раз, три головы́ отрубил у нёго, на второй раз две отрубил, на третий раз онну отрубил, и осталсе зьмей с трёма́ головамы.

И вот он наця́л братьев крыцять на помогу, а братья спят, ницёго не слышат.

И видит, што братья к нёму не идут, он бьётце со змеем и никак не может отрубить ёму остальних голов. Взял сапог с ноги сдёрнул и бросил в шатёр. Братья скоцили со сна и побежали помогать брату. Когда прибежали, то змей засмеялсе над таки́ма ма́ленькима богатыря́мы. И вот когда змей на них оцень загляделсе, Иван Воловиць отрубил ёму все три головы, потом сказал:

— Ну спасибо, братья, хотя мне много не пособили, но змей посмеялсе над вами, а я той порой ёго убил. Топерь отдохнём маленько и потом поедем вперёд.

Вот, конецьно, оне отдохнули там сутки ли двое, и потом сели на лошадей и поехали вперёд обсматривать змеиное жительство. И вот оне едут путём-дорогою и увидали дворець. Стоит домик; подьежжают к нёму, заходят все трое, обсмотрели они весь дом и не нашли никого, только еды́, конешно, было вдоволь. Оне поели и сели на коней и поехали дальше. Вот оне приежжают к другому дому. Этот дом гораздо лучче был. И как приехали, видят сидит какая-то девушка у окна. Вот приходят оне в дом. Поздоровались, конешно. Она им и говорит:

— Здраствуйте, до́брые молодци, но только дело в том, што вы напрасно сюды приехали, смотрите, как прилетит шестиглавой змей, дак он убьёт вас, да и мне то худо будет.

Тогда заговорил Иван Воловиць.

— Нет, не пугайсе, красавиця, змей топерь уж больше не прилетит к тебе. Мы ёго убили. А будет ты жалаеш выехать отсюда, дак поедем с нами, мы ищо поедем отсюда вперёд до третьего змеиного дому.

Ну, она, конешно, обрадовалась оцень и обещалась приготовитьце.

Вот оне едут вперёд, дальше. Иван Воловиць тот напереди, братья не отстают и не смеют отстать от нёго. И, вот, конешно, оне в скором будущем приежжают к третьей избушки. И эта избушка была лучче тех. А у окна сидела девушка-красавиця, лучче той и плакала над приежжа́ющима. И оне зашли в дом, поздоровались, и она с има́ поздоровалась и сильнё заплакала.

— Ох, молодци, молодци, напрасно вы приехали на верную смерть. Прилетит сецяс деветиглавой змей, вас пожрёт и меня не оставит.

Заговорил Иван Воловиць:

— Ты уж не плаць, красна де́виця, не пецялуйсе, деветиглавой змей больше уж не прилетит сюда, мы ёго убили. А если ты жалаеш выехать отсюда, дак мож ехать с нами.

И потом ещо спросил:

— Какого ты есь государьства или королесьтва?

Она и говорит:

— Я есь королеськая доць и унесёна уж год как сюда. И вот он в этот раз улетел мне за подáркам, и хотел принести и меня замуж взять.

Тогда он сказал:

— Ну, прекрасная корóлевна, жалаеш вот за Ивана-цяревиця замуж, дак садись на лошадь и поежжай в ёго отéцество.

И она оцень обрадовалась, конецьно, села с Иваном цяревицем на лошадь и приежжают оне ко второй избушки. Та девиця уже было совсем сготовилась. Когда оне приехали и сказали:

— Ну, прекрасная, одевайсе и поедем.

Она им обсказала, што вот, я такого-то князя есь доць.

— Ну, вот, бери ей Иван Лакеиць на лошадь и поедем.

И вот, конецьно, посадил он ей на лошадь, и оне отправились в своё чарьство. И в скором времени приехали. И кряду же, конечно, эти братья начáли жонитьце, Иван царевиць и Иван Лакеиць обои. И очень обрадовались отци и матеря, што оне вернулись в своё чарьство. И вот, конечно, сделали свадьбу. Ивана Воловиця так напоили пьяного, што он ходил и не помнил даже себя, но с ног ёго не могли свалить.

И вышел он из города и сам идёт кацяетце, пьяной. Вдруг стретилась какая-то старушка и говорит:

— Ну-ко, Иван Воловиць, пойдём со мной.

И вот он, конецьно, пьяной, котóро не понял другó, и пошол. И вот эта старуха вела, вела ёго и завела в подземельё. Да. И приводит она ёго к подземельнему цярю Сéмеры-Вилúщам и стала говорить этому Сéмеры-Вилúщам:

— Ну, вот Сéмеры-Вилúщи, он у меня убил три сына, и ёму надо какоё-нибудь наказаньё дать.

А это как раз змеёвицёв мать была.

Тогда заговорил цярь Сéмеры-Вúлищи:

— Ну-ко, — говорит, — принесите мои семеры вилищи и ростените мои бровúщи я посмотрю, какоё ёму наказаньё дать.

И вот он, конешно, ёму принесли семеро вилищи и ростянули длинные бровищи и заговорил:

— Вот, Иван Воловиць, тебе надо сходить за тридеветь земель, за тридеветь морей и принести мне Елену Красу-Золотую Косу, тогда я тебя отпущу, а ёжели не принесёш, тогда я тебя убью.

— Ну, — сказал Иван Воловиць, — я пойду, конецьно.

И так он отправилсе, и вот он пошол дорогой. Шол, шол, шол и видит: нóситце лошадей табун и один старик их пасёт. Сам сидит верьхом и обуцят, сам крыцит:

— Лошадей нужно, лошадей нужно!

А их табун. Он подошол и поздоровалсе с этым стариком.

— Здраствуй, дедушко.

— Здраствуй, здраствуй, Иван Воловиць, куда идёш?

— Я иду за тридеветь морей, в тридевято государьство достать Елену Красу-Золоту Косу.

— Возьми меня с собой.

— Пойдём.

— Ну, ланно, спомни, дак я там буду.

И он пошол вперёд. Идёт, и опеть увидал старика. Сидит, кругом в хлéбах, суёт пó два за щоку, а третий подпи́хиват и крыцит:

— Йись хоцю, йись хоцю.

И он подошол к нёму:

— Здорово, дедушко!

— Здраствуй, Иван Воловиць, куда ты?

Он ёму и отвецяет:

— Иду в тридесято чарьство, достать Елену Красу-Золотую Косу.

— Возьми меня с собой.

— Давай, пойдём.

— Но, ланно, спомни, когда понадоблюсь, я там и буду.

И вот он идёт дальше, и увидал: старик у рецьки. Река вся ёму в рот тецёт, ни одна капля никуда мимо не бежит, а всё в рот, а старик крыцит:

— Пить хоцю, пить хоцю!

Он подошол к нёму:

— Здорово, дедушко!

— Здраствуй, Иван Воловиць! куда идёш?

Он ему опеть так же отвецят.

— Иду за тридеветь земель, за тридеветь морей, в тридесято чарьство, доставать Елену Красу-Золотую Косу.

И старик ёму даваетце:

— Возьми меня с собой.

— Давай, пойдём!

— Ну, ланно, спомни, я там буду.

И он опеть пошол вперёд. Шол, шол, шол и видит: старик лежит под семи́ма шубами и крыцит:

— Ох, холодно!

Он поздоровкалсе опеть с ним:

— Здраствуй, дедушко!

— Здорово, Иван Воловиоь, куда идёш?

— Да иду в тридесято чарьство, за Еленой Красой-Золотой Косой.

— Возьми меня с собой.

— А пойдём.

— Ну, ланно, спомяни, я там буду.

Он идёт опеть вперёд и смотрит: старик снял штаны и присел с...., а сам смотрит на́ небо. Подошол он к нёму и говорит:

— Здраствуй, дедушко!

— Здорово, Иван Воловиць, куда ты идёш, куда путь дёржиш?

— Иду я, дедушко, за тридеветь морей в тридесято чарьство доставать Елену Красу-Золотую Косу.

— Возьми меня с собой.

— Ну, ланно, пойдём.

— А ты спомни меня, я там буду.

— А зацем ты, дедушко, смотриш на́ небо?

— А как мне не смотреть, ведь я звездоцёт, мне надо все звёзды увидать на не́бе.

Ну и вот он пошол опеть дальше. Шол, шол, шол и смотрит: сад такой хорошой, и сидит старик в саду. И в этом саду цветков разных столько, што глазами не овведёш. Подошол он к нёму:

— Здорово, дедушко!

— Здорово, Иван Воловиць, куда идёш? — спрашиват дедушко.

— Иду в тридеветь морей, в тридесято государьство достать Елену Красу-Золотую Косу.

— Возьми меня с собой.

— Ну, ладно, идём!

— Спомни меня, там буду.

И он ёго опеть и спрашиват:

— Дедушко, все ли ты эти цветки знаеш?

— Как же, дитё, все знаю, и те которы должны родитьце, все они у меня на учоте.

И вот приходит в это чарьство, где жила Елена Краса-Золотая Коса. И вот кряду же, конешно, пришол к чарю.

— Здраствуйте, ваше велицество!

— Здраствуй, доброй мо́лодець. Как тебя звать?

— Меня зовут Иван Воловиць.

— Зачем пожаловали, скажите мне-ка?

— А вот, ваше велицество, я зачем к вам пришол. Токо вам послужить и попросить, штобы вы выдали мне-ка дочь замуж.

— Слушай, Иван Воловиць, я жалательно за тебя дочерь отдам, но дело в том, што во перьвых, тебе надо выполнить задачу, а не выполниш, то знаеш, твою голову потеряеш. А выполниш — отдам за тебя дочерь.

— Ну, што же, цярьско велицество. Скажи перьвую задачу, што у тебя будет за задача.

— Вот, Иван Воловиць, вот у меня есь колько хлеба в моём городе, можеш сйись, то я отдам дочерь за тебя замуж.

— Ну, хорошо, укажите тогда магази́ны мне-ка.

Конешно, повели его к магази́нам. Магази́ны стоят на три версты с хлебом печоным. Ну, што-же, много-ли сьест, буханку, может одну, другую, и говорит:

— Где же у меня старичок, которой гора́з хлебы есь?

И вдруг старичок являетце.

— Ну, што, Иван Воловиць?

— Да вот, дедушко, помоги-ка мне хлебы йись.

— Ладно, пусь мне роют хлебы в рот.

И вот начинают ёму в рот хлебы рыть, только успевают, он всё йист. И вот не прошло несколько цясов, уж магази́н был пустой, перешол в другой, так же другой сьел, старик закрычал:

— Йись хощю, не наелсе ищо в половину.

Слуги отвечают:

— Да што же, у нас больше и хлеба нет для вас.

И так старик ушол. Иван Волович пошол к чарю. Приходит и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я думаю, што вашу службу сделал. Топерь скажите, отдаите́ ли мне вашу дочерь замуж?

— Отдам, Иван Воловиць, только сослужи мне вторую службу. Вот в моей-ка рецьки, падёт она с о́зера, вот выпей с этой рецьки воду, а не выпьеш, то отсеку тебе голову.

— Ладно, — ответил Иван Воловиць и пошол к речки.

Речка течот быстро, с о́зера, подсел и немного выпил и вспомнил:

— Где то у меня старичок, которой пить хочет?

— Ну, вот, Иван Волович, я при́шол тебе помогать.

— Ну, дак вот, дедушко, выпей воду из этой речки.

Дедушко свалилсе под по́рог и побежала вода ёму в рот, ни одной капли не потерял. Не прошло и трёх часов, как всю воду выпил и крычит:

— Пить хочу, и в половину ищо не напилсе.

— Ну, што же, — говорят, — пить хочет, а у нас уж в озери больше воды нет.

И старик пошол проч.

Иван Воловиць поблагодарил ёго, конешно, и пошол к чарю. И вот приходит это, конешно, и говорит:

— Ну, што, ваше велицество, может отдаш мне топерь вашу Елену Красу-Золотую Косу?

— Отдам, Иван Воловиць, только надо выполнить третью задацю. Я вижу ты с дороги, так надо тебе в бане выпаритьце. Уж какая она не была, надо выпаритьце, а не выпариссе — голова проць.

— Ладно, што же сделаш, надо с дороги и попаритьце.

И пошол к этой бани. Приходит к байны и за петьдесят сажен ближе подойти нельзя, так накалёна, такая жаркая, што какоё там паритьце! Он и вспомнил:

— Где то у меня дедушко, што лежал по семи́ма шубами и кричал „мне холодно“?

Вот дедушко являетце.

— Ну, што, Иван Воловиць?

— Да вот, дедушко, надо в байны вымытьце, чарь приказыват, да больнё жаркая байна, не могу.

— Погоди, Иванушко, вымоемсе.

Подошол старик, дунул, да плюнул, баня и погасла. Посидели на каменки, старик и говорит:

— Ну, и холо́дна, такой холоди́ны от роду не видал.

Роспростилсе старик с Иваном Воловицем и пошол. А Иван Воловиць пошол к чарю. Приходит и говорит:

— Ну, ваше велицество, я исполнил и эту задацю, ну только за эту байню вам не спасибо, я помылсе и никогда такого холода и не видал.

Цярь и думает:

— Ну, здоровой парень, ницёго ему не деетце!

И говорит:

— Ну, Иван Воловиць, раз ты выполнил и эту задацю, то вот выучи у меня ищо коня. Если выучиш, то отдам дочерь замуж.

Он, конешно, ничего ёму не сказал, только сказал:

— Хорошо, попробую ёго поучить!

Приходит на второй день, стоит конь—как зверь, и вспомнил:

— Где то у меня дедушко, которой учил табун лошадей?

Старик пришол и говорит:

— Погоди, Иванушко, ты на эту лошадь не садись, а я ей скоро обучу.

И вот старицёк, конешно, садитце на ней, берёт прут и давай ей жарить. Один прут изломал, берёт второй, она стала уж меньше, берёт третий, изломал и этот, она уж па́ла на коленки. И потом он поворотил обратно, уже конь не мог итти, уж он вёл ёго на поводу. Приходит к чарю и говорит:

— Ваше величество, ты мне дал такого коня, што уж он не мог меня нести, пришлось ёго на поводу вести.

И говорит ищо:

— Ну, ваше величество, ты уж должóн топерь отдать мне дочерь, я тебе исполнил четыре зáповеди.

— Ну, ладно, отдам, приходи завтро.

И он устроил пир, пожонил Ивана Воловиця и отправил домой на своем коне.

И вот они ехали до этого сáду, которой сад стоял с цветами, и она стала спрашивать:

— Иван Волович, говори мне правду, себе ли ты везёш меня или для Сéмеры-Вилúща?

Он и говорит:

— Слушай, Елена Краса-Золотая Коса, везу для себя.

— Врёш, Иван Воловиць!

И она обернулась цветком, улетела в сад. И он вспомнил про этого старика сáдника и пошол к старику.

— Дедушко, ты знаеш все цветки у себя в саду, посмотри, не прилетел ли к тебе сегодне какой цветок?

— Погоди, Иван Воловичь, у меня все цветки на учоте, сеця́с найду.

Пошол в сад, походил, походил, нашол цветок, срывает ёго и обратил в Елену Красу-Золотую Косу.

— На́, Иван Воловиць, больше она ко мне не прилетит.

И он поехал дальше. Вот он едет опеть дорогой, она и начинает спрашивать:

— Слушай, Иван Волович, ты везёш меня к Сéмеры-Вилúщам, а не для себя, скажи мне правду?

— Да нет, дорогая Елена Краса-Золотая Коса, я везу тебя для себя.

— Врёш!

И она опеть обернётце звездой и улетела в небо. И он спомнил про старика, сидящего на дороги, которой смотрел в небо. И тот являетце.

— Што тебе, Иван Волович?

— Да вот, дедушко, у меня Елена Краса улетела звездой в небо.

— Погоди, я сеця́с узна́ю.

И он сел на землю и стал смотреть в небо.

— А погоди, вот она где.

И он полетел кверьху, не долгое времё прилетел, спустилсе и принёс Елену Красу-Золотую Косу и сказал:

— Ну, Иван Воловиць, на́, а уж больше она от тебя никуда не улетит.

Тогда Иван Воловиць опеть вперёд поехал. Вот едет, уж недале́ко стали от Се́меры-Вили́ща. Она и говорит:

— Слушай, Иван Волович, топерь уж ты мне окончательно скажи, не ври, не тай, если хочеш ты ищо жить на свети. И вот скажи, кому ты меня везёш?

— Да, Елена Краса-Золотая Коса, меня действительно послал Се́меры-Вили́щи тебя привести, я не знаю, как от нёго топерь отделаюсь.

— Да нет, Иван Воловиць, тебе от нёго ещё́ не отделатьце скоро будет. Он тебе приготовил такое средство, што тебе уж дальше ехать не́куда, и он будет делать тебе пы́тки. И вот когда ты приедеш к нему, он тебе скажет: „Вот, Иван Воловиць, привёз ты ко мне Елену Красу-Золотую Косу, молодець, а ты гулял дорогой с моей жоной?“ — Ты скажи — „Нет“. А он тебе верить не будет. А о́н-таки уже приготовил яму, и в этой ямы приготовлены порох, змей, гады́ и всё на свети, и над ямой положен вал. И он скажет: „Ну, если не гулял с моей жоной, то перейди по этому валу́, а если гулял, то не перейдёш“. А ты ёму скажи так: „Слушай, Сёмеры-Вили́щи, а я не верю, што ты не ездил на моем коне́, у меня здесь осталсе конь“. Он будет оправдыватце: „што я не видал твоего коня и не ездил“. А ты скажи: „Не верю, вот пойди по валу́, тогда поверю“. Он пойдёт, а ты в это времё верй за этот вал, там есь колесо на конци и дело будет наше.

Ну, и так он приежжает, конешно, к Се́меры-Вили́щам. Когда он приехал, то Се́меры-Вили́щи говорит:

— Ну, молоде́ць, Иван Воловиць, што привёз мне Елену Красу-Золоту Косу. Топерь ты должо́н мне покаятьце, што ты гулял с моей жоной доро́гой.

— Нет, Се́меры-Вили́щи, я не гулял.

— Нет, не верю, вот если пройдёш по этому валу́, тогда поверю, што ты не гулял с моей жоной дорогой, награжу и отпущу домой.

Тогда заговорил Иван Воловиць ёму:

— Слушай, Се́меры-Вили́щи, коли ты так напираеш, то я тоже не верю, што ты не гулял на моем кони.

— Нет, я не гуля́л.

— Не верю, вот если пройдёш по валу́, тогда поверю.

Тогда Се́меры Вили́щи не знал ничего про Ивана Воловиця, думал, што он не знает ёго хитрости, и пошол сам. А Иван Воловиць стал к концю ва́ла. Только Се́меры-Вили́щи успел отойти на середину, верну́л колесо, и Се́меры-Вили́щи полетел в яму и сгорел там в смолы́.

Тогда Елена Краса-Золота Коса говорит:

— Ну, Иван Волович, топерь я верю, што ты будеш мной владеть, а уж топерь воля твоя, жалаеш здесь жить, то живи, а не жалаеш, то выходи в свое чарьство.

А он и говорит:

— Слушай, Елена Краса-Золотая Коса, конешно, чарьство не моё, и я им не владею. Конешно, меня не выгонят, и я голодать не буду, ну как тебе нравитце.

— Слушай, Иван Воловиць, как же нравитце, здесь мы будем жить как в лесу. По моему взять ченности, остальное закрыть и поедем.

Так они и сделали. Взяли порядошно денег и погрузили на две ло́шади и выехали из подземелья.

Приежжает, он, конешно, в это чарьство, где чарь жил, и ёго братья. Братья очень обрадели, што приехал Иван Воловиць и привёз жону. Это была не жона, а ягода, Елена Краса-Золотая Коса. Чарь очень удивилсе и приказал ёму строить дом, где он пожалает. И он выстроил дом напротив чарьского дворця такой же, што у чаря, даже и лучче.

И сделали оне, конешно, богатой пир. Повенчалсе он на Елене Красы-Золотой Косы, и стали оне жить в этом чарьстве до глубокой старости.

*

ГРИША-КАШЕВАР

Не́ в котором чарьстви, не́ в котором государьстви жили-были старик да старуха. Вот стал старик ста́рой, а всё у их дитей не было. Ни с молоду и никак.

Да. И вот оне стали думать. Потом старуха, конешно, стала просить бога. Бог дал им сразу сорок сыновей. Старик, конешно, очень обрадел, што бог дал им помощников, на работу им хвата́ло.

Вот этот Гриша-кашевар был больше всех, и братья ёго слушали, и порядки он все вёл.

Когда оне нака́шивают сено на лето и зиму, то у них это сено стало терятце. Потом заговорил Гриша-кашевар.

— Ну, братья, коли наше сено теряетце, нам нужно итти караулить, кто наше сено увозит или крадёт.

И вот так оне, конешно, собра́лись и вечером все братья пошли, осталсе дома только один старик со своей старухой. Он был очень ста́рой, роботать не мог ничего.

И вот приехали на этот луг и стали караулить. Росселись по заколи́нам, по зоро́дам и всяк в своём мести караулил. Вдруг уж полно́ч времени, выбегает кобылиця златогривиця с тридцетью девети жере́бятами, начинает это сено топтать, рыть, колотить. Ну, а братья все заснули, осталсе один Гриша-кашевар. И вот он сидел, сидел, ёму всё охота поима́ть кобылицю саму́, а не жере́бятков. Да, и так не пришлось ёму в ту ноць поймать. Утром розбудил братьев и говорит:

— Зацем вы, братья, заснули, прибегала кобылиця-златогривиця с тридцетью девети жере́бятками. Можно бы артелью её поймать. Смотрите, на другую ноць не спите.

День проспали, а вецёром опеть сбираютце. Вот на вторую ноць росселись по заколи́нам и сидят. Он спрашивает:

— Братья, не спите?

— Нет, не спим.

И каждому приказал:

— Если увидите саму́ близко, то скочите на ней, а уж жере́бятки никуда не денутце от ней.

И так оне сидели до-полуноч и вдруг выскакиват. Он подходит к одному брату:

— Спиш?

— Нет, не сплю,— говорит.

— Передавай дальше, только тихонько.

И так все не спят и смотрят. А уж Гриша-кашевар на втору́ ноць закопалсе в сено, штоб ёго не видно было. И вот кобылиця прибежала, как раз к евонной заколи́ны и нача́ла сено хватать. Он как выскоцит, схватилсе ей за гриву, она и понеслась. А эты жере́бятка скачут вслед за ней. Потом носилась, носилась, никак не могла сбро́сить ёго, и говорит:

— Ну, молоде́ць, Гриша-кашевар, умел меня поймать, а теперь спусти меня на сутки гулять.

— Нет, не спущу, извериссе,— говорит.

Она говорит:

— Нет, не изверюсь, Гриша-Кашевар, приду черезь сутки и все мои ко́ни будут у тебя.

— Ну, ладно, коли так говориш, спущу.

Вот она и убежала. Бегала, бегала, вот черезь сутки прибегает к нёму в поле и стала проти́в нёго.

— Ну што, узнала, милая кобыла?

— Нет еще не узнала, спусти меня еще на двое сутки.

— Нет, не спущу, извериссе.

— Нет, не изверюсь, спусти.

— Ну, ладно.

Вот она бегала, бегала двое сутки и прибежала к нёму и говорит:

— Ну, Гриша-кашевар, спусти меня еще на трое сутки, тогда тебе всё роскажу.

Он говорит:

— Нет, ты извериссе!

— Не изверюсь, спусти, тогда уж всё роскажу.

Вот она и убежала. Черезь трое сутки прибежала и говорит:

— Ну, Гриша-кашевар, узнала путь, где у баушки хранитце сорок доцерей, хочеш если жонитьце, то поедем. И как туды попасть, и как обратно.

Он спросил братьев:

— Ну што, братья, жалаете жонитьце, то поедем.

И братья все ответили:

— Жалаем.

И так роспростились с отцём, матерью; поехали.

Вот оне ехали, ехали, ехали, приежжают к морю. И она кряду спустилась вплавь и спустились все жерёбятки. И в скором времени переплыли морё и были у баушки-Егисни в чарьстви. Когда приехали к ней, то пошли к ней в дом, оставили лошадей. Она очень обрадела.

— Вот хорошо, Гриша-кашевар, топерь я жоню тебя и твоих братьев на моих дочерях.

— Да, баушка-Егисня, для того мы и приехали.

И она завела их в третий етаж в дом, и говорит:

— Ну, топерь вы пейте да еште и ложитесь спать.

И нацяла их поить водкой.

— А как напьитéсь, то я вас повалю со жонами, будете спать.

И вот она нацинает поить, братья некоторые уже выпили, а он подлаживаетце, как бы меньше. И вот он запоходил своих кóней посмотреть, а братья остались за столом. Вот приходит он к своей кобылы, а кобыла стоит перемéнна, поколéн ноги в крови. Он спрашивает:

— Што же ты, моя кобыла, предвещаеш, какую судьбу сули́ш, мне или себе?

— Да, Гриша-кашевар, я сулю тебе. Смотри, не напивайсе, если хочеш выехать отсюда. Надейсе на себя, твои братья уж пьяны стали. А если сумееш уехать оттуда, то будеш щасли́вой. И вот топерь пойдёш когда обратно отсюда, она будет ло́жить спать братьев и тебя, смотри не ложись перьвой, а то она кряду зарежет. А ты сиди и думай, как выехать отсюда. И вот она три раза будет спрашивать, потом она принесёт, положи́т на вас чорны шляпы, а на девок белые, и черезь три часа придёт и отрубит волшебным мечом головы у чорных. А ты не спи, и возьми братьям надень белые шляпы, а девкам чорные, и потом уежжай проць. Снимай одёжу у них, сбирай в куцю и прыгайте на лошадей. А мы поедем дорогой прямой, оне нас не догонят.

Гриша-кашевар пришол, сел за стол, а уж братья напи́лись, што лежат. И она начинает места стелить и братьев ло́жить на постели. Гриша-кашевар притворилсе, бытто бы пьяной, а сам нисколько не́ пил. Всех братьев розредила спать, подошла к нему.

— Ну, што, Гриша-кашевар, пьяной?

— Да, пьяной.

Вот он пошол, повалилсе спать, а она черезь час прибегает за двери и спрашивает:

— Гриша-кашевар, спиш?

— Нет, не сплю.

— А што делаеш?

— Думу думаю.

— Какую думу?

— Как приехал сюда.

Она опеть убежала. Черезь час прибежала и спрашивает:

— Гриша-кашевар, спиш?

— Нет, не сплю.

— А што делаеш?

— Думу думаю.

— Какую думу?

— Да как приехали.

— Как приехал? Ну не уедеш отсюда!

И убежала. На третий раз прибежала:

— Гриша-кашевар, спиш?

Он молцит. Приходит, приносит шляпы. Надела всем девкам шляпы белые, а им цёрные, ушла мець тоцить. А он в то времё переменил шляпы и переодел платья женские, а девиць одел в муское. И вот она черезь два цяса прилетает и давай всем чорным шляпам го́ловы рубить. Розрубила всех доцерей. Побежала, замкнула двери на четыре, пять замков и спать свалилась.

А Гриша-кашевар встал и стал будить братьев.

— Ставайте, братья, беда! Пока баушка-Егисня пошла спать, убежим проць.

Конешно, оне уж не знают, што и делать. Давай сдирать сарафаны и привязали все, и давай спускатьце за окно. И вот

спускались, спускались, Гриша-кашевар осталсе последний. Пошол в конюшню, взял лошадей и кряду собра́лись и поехали. И вот едут, приезжают к морю. Кобыла броси́лась вплавь и нача́ла плысть.

Бабушка-Егисня встала в восемь цясов, смотрит, все доцери зарублены, а Гриши-кашевара и братьев нет. Села на коня, броси́лась за нима́ в погоню. И вот, конешно, бежала, бежала, гони́ла лошадь свою и не догони́ла. Ну, уж делать ей было не́цёго, и она вернулась домой.

И вот оне переплыли церезь морё. Гриша-кашевар и говорит:

— Ну, братья. я повалюсь спать, а вы как хотите, я не спал давно, и почти што не ел и не́ пил, всё думал, как попась обратно с этой женитьбы.

Ну те, конешно, против ницёго́ не имели, он связал кобылу свою и сам лёг спать ей под но́с. И вот, конешно, эти братья не спят и говорят:

— Наверно, Гриша-кашевар наших жён убил, бытто мать убьёт своих детей. Давайте, убьём ёго самого.

Решили подойти к нёму ближе, но кобыла не подпускала их близко. Как какой подойдёт, стегане́т ёго ногой, так тот и гото́вой.

И так он спал двое суток, кобыла почти што всех убила, не подпустила никого близко. И вот как он стал, то и смотрит, братья все перебиты. Он и спрашивает у кобылы?

— Што, моя милая кобыла, кто моих братьев убил?

— А оне сами себя убили, потому што оне сделали заговор, штобы тебя убить, я их и угостила.

Он и говорит оставшимсе братьям в живых:

— Ну и дураки же вы, не умели честью жить.

И прикончил остальных. Она и говорит:

— Ну, Гриша-Кашевар, отпусти моих жере́бяток, а я тебе буду слугой.

Он их и отпустил всех.

И вот сел на кобылу, поехал один. Едет он широким большим полем и видит, лежит перо жар-птици. Он берёт это перо и надел на голову. Кобыла и говорит:

— Слушай, Гриша-кашевар, не бери этого пера, от этого пера увидиш много вреда, и тобе будет большая беда.

Ну, он конешно ю не послушал, взял ёго, завернул в тряпку и сунул себе в шапку, и едет дальше. И вот приежжает он в именье к одному помещику, которой жил недалёко от чарьства князя. Приехал, попросилсе у нёго на квартеру переноцёвать. И этот помещик ёго спустил. И вот пришол вецёр, так што уж ноць и ёму не видно своёго́ коня. Он взял это перо и поло́жил на окно и увидал, што́ конь ёго ест. И такая сделалась светлота, за́рево, што в чарьстви все увидали и думают, што этот помещик горит. И чарь, конешно, ростревожилсе, посылает дружину пожарную и конницю и так дальше. И вот едут. А Гриша-кашевар в это времё не спал, всё смотрел, што конь ёго наедаетсе. И вот эта конница очень близко уж скачет, токо брякают. Гриша-кашевар обернул перо, конница прискакала и говорит помещику:

— Што ж ты сецяс горел, а сецяс уж и нет ницёго́?

Тот и сам не знает, и оцень заволновалсе. Те стали говорить:

— Ну, скажи, помещик, зачем ты потревожил чарьскую конницю, тебе будет плохо, если не скажеш.

Тот сильнё перепугалсе.

— У меня нет ницёго, только есть у меня какой-то квартирант, он приехал вчера ко мне на лошади́, спрашивайте ёго, а я не знаю.

И вот, конешно, оне к нему:

— Ну, скажи, доброй цёловек, што у тебя хранитце, какие вещи, а то мы скажем чярьскому величеству, и он тебя посадит в тюрьму.

А чарь был очень строгой и холостой, не жонатой, хотя и ста́рой уж. Тогда сказал Гриша-кашевар:

— Дак вот, господа вельможи, я лучче сам поеду к чарю и скажу.

— Ладно, поедем.

И так оне поехали. Приежжают к чарю, поло́жил кобылу на конюшню и сам пошол к чарю. Вот эты пожарники и слуги обсказали всё чарю наперёд:

— Што у этого помещика не было ницёго́, а это всё было у одного наезника или как ёго назвать, што такая за вещ, не знаем.

Вот чарь ёго приказал привести к себе. Пришол Гриша-кашевар к нёму и сказал:

— Здраствуйте, ваше величество.

— Здраствуй, здраствуй, молоде́ць. Скажи, какие у тебя вещи есть, што перепугал всё государьство? Думали, што помещик горит, разве можно скрывать от чарьского величества?

— Слушайте, ваше величество, меня зовут Гришей-кашеваром, а у меня есть такая вещ, перо от жар-птици. Ну, только на свету́ ты так не увидиш, а вот когда сте́мнетце, я тебе покажу.

И вот, конешно, пришол вечер, он приказал погасить свет во всех комнатах. Достал перо, и такая сделалась светлота́ и красивой свет. Чарь очень издивилсе и говорит:

— Ну, молоде́ць, Гриша-кашевар, што сумел достать такую вещ. Отдай мне её, а я за это поставлю тебя старшим конюхом на конюшню, и будешь получать большое жалованье. А роботать ничёго не надо, только следи за другими конюха́ми, да заставляй их роботать, корьмить лошадей и так дале.

И вот Гриша-Кашевар поступил в эту конюшню.

И конюха́ настолько обижались, служили по сорок лет, да не были старшими, а он в один день поступил старшим конюхом. И стали на нёго кляузы доносить, врать нахальнё, просто напра́слину. И вот, конецьно, оне колько не думали, придумать ницёго́ не могли. А потом один ста́рой конюх был знаком с одной старушкой, волшебницей, и стал спрашивать:

— Не знаеш ли чего, што бы сказать на Гришу-кашевара, штобы ёго в чарьстви убили или выгнали.

— Да, я знаю. Есть еще у баушки Егисни доць. Когда она срежаетце в по́лноць, молния блестит. И вот скажите, штобы он узнал, што блестит.

А это чарь тоже не знал раньше. И вот, конешно, один из слуг пришол и говорит:

— Вот, ваше величество, Гриша-кашевар знает, што блестит в серёдке ночи, што молния, и он хвалитце.

И вот чарь приказал ёго позвать.

— Как же так, я не знаю, што блестит в серёдке ночи, што молния, а он знает.

И вот позвали ёго. Гриша-кашёвар приходит по повелению царьскому, как он ёго зовет. Он ёму и говорит:

— Што ты, Гриша-кашевар, молциш, как знаеш, што блестит в серёдки нóци, што молния. Ну, скажи мне топéриця, как знаеш, — я тебе даю один город, а не скажеш, голову сказню.

— Ваше величество, кабы я знал, я бы тебе сказал. Как я нашол перо жар-птици, дак ведь сразу óтдал.

— Но, если не скажеш, дак голову сказню, а скажеш — город дам, и можеш там жить.

— Но, ваше величество, дай мне подумать, тогда я тебе скажу.

И сам пошол и заплакал. Приходит к кобылы и сам залúлсе слезами. Она и спрашивает:

— Што ты, Гриша-кашевар, так сильнё плацеш, или какýю тебе царь службу дал?

— Ох, милая кобыла, кабы ты знала, какýю мне дал задачу он, дак и ты пожалуй што задумалась бы, а не то, што я.

Она на ответ и говорит:

— Ну вот, не слушал меня, дак и плаць топерь. Вот видиш, кóгда ты ехал пó полю, я тебе говорила: „не бери, Гриша, пера", а ты взял, ну вот, топерь и плаць. Да это ище нé служба, а службишка, а служба еще впереди. Потом он тебе такýю даст задацю, што никакой колдун ей не отгадат. Но, ладно, это не служба, а службиця. Поди, скажи цярю так: „есть у баушки Егисни за окияном доць, ище осталась одна. Было всех сорок одна, а остальних она зарубила при твоих глазах. Так вот эта доць кажну ноць срежаетце на гулянье и одеваетце в золотую одёжду, в самую в дорогую. И вот поблёскиват, што молния, когда ходúт гулять.

И вот он приходит к цярю:

— Ваше величество, я тебе скажу, што блестит серёд ноци.

— Но, говори, Гриша-кашевар, за это я тебя награжу.

— Да вот кто: есть у баушки Егисни за окияном доць, она кажну ноць срежаетце на гулянку и вот она и блестит. Эта всех млачче и всех красивше.

Вот тогда цярь и говорит:

— Вот, Гриша-кашевар, как ты узнал, дак достань мне ей в жóны. Как достанеш, дак дам я тебе город с подгородком, и ты станеш там жить, уж топерь уйдёш с конюшни.

Гриша пошол и сильнё задумалсе.

— Всё ровно, как я топерь буду, што ёму говорить, он мне не поверит.

Да, и приходит к кобылы, она ёго спрашивает:

— Ну што Гриша-кашевар, плачеш?

— Да как мне не плакать, чарь велел мне достать эту Егисню доць ёму в жóны. Вот беда, дак беда топерь!

— Да, вот за то тебе беда, што не слушал меня. Ну ладно, садись на меня, к баушки Егисни дорога мне знакома.

И вот, конешно, он сел на свою кобылу, объехал это синё морё и заежжает в тот сад, где она ходила гулять всяку ноць. Вот приехал в этот сад, оввернулась кобыла яблоней и говорит:

— Ну полезай на яблоню, а как придёт чаревна, Егисьной доць, сéй-ноци, ты захвати ей зá косы, да спомни меня, а уж мы будем в дорóги.

И вот он залез на яблоню и сидит. Вдруг в полнóць-времё россвéтилось. Подходит эта доць Егисьной к яблони и начинает смотреть. Как только сровнялась с ним, он схватил ей зá косы и спомнил:

— Где моя кобылка?

А уж кобылка выскоцила из саду и несётце по дороги.

И скоро он приехал в своё цярьство. И вот привёз он эту чаревну.

— Вот, ваше величество, я тебе привёз ей.

— Но молодéць, Гриша-кашевар, я вот тебе даю еще город с подгородком, мож там жить, а я на ней стану жонитьце.

Но она была волшебниця. Вот он полуцил эту чаревну и говорит ей.

— Вот, прекрасная чаревна, давай топерь со мной повенчаемсе, я давно жалал тебя в жóны себе, но не знал, где ты живёш.

Да, она как была волшебница, дак вынула волшебно зеркальцё и смотрит.

— Ах, это тот самой воришка Гриша-кашевар, которой у меня сгубил сорок сёстер и меня увёз. Ну уж я ёго обязательнё должна сгубить. А как ёго сгублю, дак я за этого чаря замуж не пойду.

И вот она сецяс говорит ёму:

— Достань мне моё подвенецьно платье, дак тогда я пойду за тебя замуж.

— А где твоё подвенецьно платьё?

— Да вот маменька завтро похоронит ёго в землю. И надо доставать как можно скорей, а ина́це я за тебя замуж не пойду.

— Кто ж ёго может достать?

— Да вот кто меня достал, тот пусть и платьё достанет.

Чарь позвал Гришу-кашевара и велел ёму достать платьё.

— А если не достанеш — голова с плець!

Гриша ёму ницёго́ не сказал. Когда пришол к кобылы, то сказал:

— Ну, беда, кобыла, пришла!

— Вот за то тебе беда, што не слушал ты меня. Ну, што тебе чарь сказал?

— Да вот он велел достать подвенецьно платьё.

— Ну, садись на меня, это еще не беда, беда будет вся впереди. А топерь садись скорей на меня, доро́га нам туда знако́ма.

И вот он сел, конешно, на кобылу и поехал. Когда приехал в чарьство, она велела взять ёму корзину и выпросить кусков деся́ток хлеба и стать к собору за двери.

— А когда я оборочюсь золотым конём и все выбежат меня има́ть ты возьми это платьё и поло́ж в корзину. Потом уж я тебя допущу, и мы уѐдем.

И вот он кряду же отпустил ей. Пошол купил корзинку и напросил кусоцьков, и идёт к собору. Стал у собора за двери, штобы ёго не видели. И вдруг поевилсе золотой конь, только нача́ли священники и архиреи отпевать это платьё, и все друг за дружкой выбежали за двери има́ть ёго. Выбе-

жали все до единого цёловека и даже сторож последним тоже выбежал. Тогда Гриша-кашевар зашол, взял это платьё, закрыл кусками и вышел на волю. Сам забежал в толпу и говорит:

— Слушайте, братци, дайте я поймаю, вот к хлебу она подойдёт.

И ростянул руку. Она остоялась.

— Вы погодите минутку, я ей поймаю и тогда вам отдам.

И он выбежал наперёд и стал ей куском манить. И как подошол ближе, скочил на ней и уехал.

— Ну, вот, — говорят, — уехал!

Пришли в собор, а платья там нет.

— Ну, наверно, тот вор и был, которой чарёвну увёз, топерь взял платьё и уехал.

А он приехал в своё чарьство и принёс это платьё, отдаёт ёму и говорит:

— Ну, вот, ваше величество, я привёз это платьё.

— Но молоде́ць, Гриша кашевар, топерь мож ты жить начальником в этом городе, и я ище тебе даю город с пригородком.

Она злитце:

— Што́ он ёму отдал уж почти полчарьства, а с чем же он сам-то останетце? Как же он мог привезти это платьё?

И сама смотрит в волшебное зерькальцё. Да, смотрит и говорит:

— Скажи мне, зерькальцё, есть ли кто меня краси́вее и хитрее на свети?

— Да, тебя краси́вее есть, — говорит зерькальцё, — а хитрей тебя нету.

— А кто краси́вее меня?

— А есть в тридесятом чарьстви царя Зинзевая доць, на два раз тебя краси́вее, а хитрее тебя нет никого.

И вот приходит чарь к ей и говорит:

— Но, милая моя, топерь мы оввенчаемсе, достал я тебе платьё подвенечно топерь.

— Да оввенчаемсе с полным удовольствием, только достань мне мою подругу на свадьбу. У нас с ней сделан договор, штобы друг без дружки замуж не итти.

А она ей не видала, и не знает, только зерькальцё сказало ей.

Вот он:

— Дак кто же за ней съездит, и где она живёт?

— А вот Гриша-кашевар съездит, а нет, дак отруби ёму голову. Если не исполниш просьбы, то я не пойду за тебя замуж.

Вот он призывает Гришу-кашевара и говорит:

— Ты должо́н съездить в тридесято чарьство и достать на свадьбу подругу чаревной — доць короля Зинзевея. Будё достанеш, я ище тебе дам город с пригородком и сделаю тебя князем; а не достанеш, дак и не евляйсе ко мне, голову срублю, как не поедеш.

Гриша-кашевар ницёго́ не сказал, заплакал и пошол к кобылы. Приходит, плацёт. Она ёго спрашивает:

— Ну, што ты плачеш?

— Как мне не плакать, как чарь велит ехать и сам не знаю куда, доставать доць короля Зинзевея.

— За то тебе беда, што не слушал меня. Вот эта служба дак служба. Но тебе то ище не беда. Беда будет после, будё достанем. Поди сходи к цярю, два мешка принеси пшоници, дорога да́льня.

Он пришол к царю.

Царь приказал выдать. Вот взял он съестны припасы для себя, поло́жил пшоницю и поехали.

Вот оне ехали, ехали, ехали, один мешок пшоници он скормил дорогой. Подъежжают оне к окияну-морю. Когда подъехали к окияну-морю, кобыла и говорит:

— Но, Гриша-кашевар, отсеки мою голову, роспори брюхо, достань девятое ребро и брось ёго на воду. Увидиш, што будет. А тебе ина́це не попасть никуда.

И вот, конешно, он ей говорит:

— Жалко мне тебя, милая кобыла, а куда же я-то без тебя денусь?

— Но руби, смотри, а то ницёго́ тебе не сделать.

Вот он, конешно, отрубил у ей голову, роспорол брюхо, отсчитал девятое ребро и кинул ёго на́ воду. И кряду образовалась серебряна лодоцька, весе́льцо золото́. Лодоцька поплыла в морё, а Гриша осталсе на берегу и стал дожидать.

Вот он дожидал сутки, други, третьи, на цетвёрты сутки заснул, так как сильнё утомилсе.

И вот он спал целые сутки, а эта лодоцька плавала и уже была на десяты сутки в тридесятом чарьстви. Дружевня Зинзевеевна увидала такую красивую лодоцьку и села в ней. Лодоцька быстро-быстро пошла в морё и на седьмые сутки прибежала к берегу к тому, где сидел Гриша-кашевар.

И вот как только лодоцька ударилась в берег, уже лодоцьки не стало, а стояла кобыла на том же мести, где Гриша ей голову отрубил. Дружевня вышла на берег и как увидала ёго, спросила:

— Ну, Гриша-кашевар, зацем ты меня сюда доставал, за себя замуж, или по какому делу, говори топерь правду.

Он ей отвецят:

— Слушай, прекрасная Дружевня, за себя замуж, там видно будет, а сецяс я тебя достал потому, што доць Егисной выходит за нашего чаря замуж, дак у вас сделан договор друг без дружки не выходить. И я тебя достал к ей на свадьбу.

— Иш она какая хитрая, хотела тебя видно сгубить, и меня поэтому вызвала. Погоди, поедем туда, я ей совсем не знаю и не слыхала даже про ней, не то, штобы кака-ни подруга.

И вот, конешно, скорьмил кобылы пшеницю, а остатки взял он с собой и оне поехали. И в скором времени приехали в чарьство.

(Конешно, уж не так-то скоро, но, а в сказки-то всегда скоро бывает).

Когда он привёз ей, привёл и чарю и сказал:

— Но вот, я сделал последнюю службу, достал тебе Дружевню Зинзевеевну, котору она жалала.

Она сецяс же пришла к ней и говорит:

— Ну, ты меня вызвала, то я к тебе приехала.

Егисьной больше делать нецёго́, и она приказала чарю:

— Ну, топерь пойдём к венцю, а Гришу-кашевара убей и ижжарь и подай мне на стол, как я приду от венця.

И приказала Дружевне ижжарить и подать ёго на стол. И сама ушла.

Она ушла к венцю, Дружевня приходит к Грише-кашевару и говорит:

— Но, Гриша, я бить тебя не буду и жарить не буду. А вот на́ тебе мець. И когда она придёт от венця и будет просить на стол, я буду отвецять, а ты приходи к столу с мецём.

Да, и вот оне повенцялись. Пришла и сразу говорит:

— Ну, подайте мне Гришу-кашевара.

И вдруг приходит Дружевня и заговорила:

— Слушай, чариця, разве людей едят, и разве тех людей убивают, которы исполняют должности, ваше величество? Ну-ко, Гриша-кашевар, иди сюда.

И она замолцяла. Как Гриша-кашевар пришол, она и говорит:

— Руби перьвой у цярици голову!

Он рраз мецём — голова проць.

— Вали зараз и у цяря!

И кряду же отмахнул и у чаря. Она тогда и говорит:

— Но, слуги, я здесь буду чарицей, коли достали меня. Пойдём, Гриша-кашевар к венцю.

И кряду же пока гости сидели за столом, Гриша-кашевар оввенчалсе с Дружевней и стали свадебку играть, веселитьце.

После этого Гриша-кашевар поступил чарём на чарьство.

Ну, я там, конешно, был, пиво-мёд пил; по усам текло, а в рот не попало.

*

КРЕСЬЯНСКОЙ СЫН

Жил был кресьянин, старик со старушкой. У этого кресьянина был сынок, ещо маленькой, так было ёму лет ну, пусь двенадцет. И он говорит своей матери:

— Дай, мама, мне корзинку, и я побегу за грибами, а потом поджарите и покушаем.

И вот, конешно, он бегал, бегал челой день, набрал корзинку грибов. И заблудилсе, попась в деревню не может.

Ёго настигла ноць. И вот он, конешно, што делать? В лесу было опасно, зверя много, и вылез на лесйну. Ну, всю ноць не спал и видел огонёк недалёко, но не знал какой огонёк. И вот он проводил времё до утра, утром спустилсе с лесйны и побрёл на огонёк. И вот он шол, шол и увидал дом. Заходит в этот дом, в доме нет никого. А ему йись хочетце очень ужасно, а стол стоит полной, чего только хочеш. И на столы́ стоит скатерётка хлебосолка. И вот, конешно, он боитце, и пойись надо, двое суток не ел. Немножко поел и думает:

— Куда мне топерь привалитьце поспать? Вот если я повалюсь на кровать, то засну, помешаю, конешно. Лучче повалюсь под кровать.

И залез под кровать, а сам не спит. Вдруг видит, идёт старик, такой громадной, большой старик. Садитце за стол и начинает йись, а он смотрит. Старик этот поел, по́пил и свалилсе на кровать. Поростенулсе, да и правду выпустил, по нашему сказать, пёрнул, знаеш. Он из под кровати и говорит:

— Батюшко, я вылетел.

— Ну, коли вылетел, хош йись, садись со мной за стол.

Вот он ёго покорьмил, попоил, отвёл в особу комнату, поло́жил спать.

И вот проспал он до утра́, утром ставает, дедушко и говорит:

— Ну, как тебя, сынок, звать?

— Зови Иваном.

— Хорошо. Ну, вот, Ваня, топерь ты будеш жить у меня.

И вот говорит;

— Ну, што, Ваня, жалаеш:

— Да што, дедушко, какую ты мне роботу даёш, то я и жалаю.

И вот он ёму одинадцеть ключиков даёт:

— Ну вот, ходи ко мне в одинадцеть комнат во все, в двенадцету не ходи, того я тебе ключа не даю.

И вот старик обернулсе орлом и улетел, а Ванюша стал ходить по комнатам. И чего только у старика нет: и зо́лота

и се́ребра, и сбруи, и товару, и продуктов, очень Ванюшу заинтересовало. И вот на вечеру́ приходит он домой обратно и старик прилетает, спрашивает:

— Ну, как, Ваня, што видел хорошего?

— Да што, дедушко, это ли молодому цёловеку забава?

— Ну, ланно, погоди до утра́, утро мудренее вечера, я тебе второй способ даю.

И вот он проспал до утра́. Утром приносит старик ёму ковёр-самолет и палоцьку и говорит:

— Вот эта палоцька имеет такую силу: вот ударь концём, увидиш, што будет, ударь другим, увидиш, што будет. А этот ковёр-самолёт может летать по всем городам, а вечером обратно ко мне прилети.

— Ланно.

И старик улетел. И вот прежде всего он испытал эту палоцьку. Ударил концём в землю, посыпалось зо́лото и се́ребро, ударил другим — всё пропало. Это ёму оцень хорошо показалось. Вот он сел на ковёр-самолёт и полетел. Летел-летел челой день, а вечером вернулсе обратно.

И вот вечером прилетает дедушко орлом и спрашивает:

— Ну, как, Ванюша, што тебе сегодня понравилось или нет?

— Да што, дедушко, это ли забава молодому цёловеку?

— Ну, ланно, спи, до утра́, а утром видно будет.

Вот он проспал до утра. Утром старик и говорит:

— Ну, Ванюша, я тебе даю двенадцетой ключик, и вот сходи посмотри три девици, токо смотри, не открывай стекляной двери, а откроеш, смотри, тебе плохо будет.

И вот он даёт ёму ключик и остальные ключи все даёт.

И Ванюша наутри, когда старик улетел, пошол.

— Пойду, посмотрю, што такие за девици?

И видит скрозь стекляную дверь, стоит таких три красавици, што точно ягоды.

(*И он уж не только што живет у него три дня, а живет уж у него три года*).

Топерь ему охота лучче высмотреть, и он взял ключиком открыл вторую дверь стеклянну. Эти девушки обернулись

голу́бками и вылетели. Он перепугалсе здорово и пошол в избу.

Приходит в избу, поло́жил ключи на стол, сам берёт ковёр-самолёт и палоцьку и полетел. А уж видит этот старик летает о́рлом за голубями, има́ет их.

Вот он летал, летал, летал, несколько государьств пролетел. И прилетает в одно королесьтво. И в этом королесьстви он остановилсе. И купил себе дом и остроил мага́зи́н и стал торговать, сделалсе крупным купцём, потому што у нёго денег было довольно.

И вот он поторговал год, конешно, но в то же времё ёму надо жонитьце. Уж он в городу́ прославилсе перьвым купцём.

— На ком, — думает, — мне топерь жонитьце?

И вот у короля была дочь. Ну он знакомой был короля, так што́ часто король заходил к нёму в магазин и самы дорогие товары покупал. И вот, конешно, он подумал:

— Дай, у короля попробую посвататьце.

Ну, он, конешно, парень был большого стройного росту и из себя парень был краси́в. И он посылает своёго слугу свататьце к этому королю. Когда приходит слуга, обьевляет королю, што вот сватаетце такой то купець, король не переменил слова, говорит:

— Я отдам доцерь свою за такого милионера, можно отдать, таких богачей редко живёт.

И вот, конешно, весели́м пирком и за свадебку, наш кресьянской сын и жонилсе на королеськой дочери. Хотя ей было выйти не по́любя, она любила одного прынця, но батько не о́тдал.

И вот он прожил с ней почти год, она стала ёго спрашивать:

— Скажи, милой мой, и как ты приобрёл столько капиталу и откуда ты мог ёго взять, у тебя прямо возами зо́лота и се́ребра.

— Слушай, жона, а што тебе нужно до этого? Ведь это капитал — птиця летучая.

— Дак однако же ништо, ведь я никому не пойду передавать, но мы живём, конешно, хорошо.

— Да, жона, нам хватит капиталу, не прожить будет, пока у меня есь такие вещици.

— Дак што у тебя такое есь?

— Вот у меня есь палоцька, я ударю концём и у меня будет зóлота и сéребра колько я хочу, ударю вторым — не будет. И потом у меня есь ковёр-самолёт, куды хочу полечу и обратно прилечу.

И она кряду это взяла в голову, собразила.

— Што я за этым кресьянским сыном жить не буду, а улечу за прынцем, коли он мне это сказал.

И вот она, конешно, встаёт черезь день, черезь два и говорит мужу:

— Слушай, муженёк, давай соберём гостей и угостим их.

— Ну, што же, конешно, угостим.

И вот, конешно, он собрáл пир, собрáл гостей и короля позвал. Сидят на пиру, угощаютце, пьют водку и он ницёго не знал, пьёт тоже, сколько ёму в шкуру влезет. И так напúлись крепко, што за столом чуть-чуть сидят. Уж даже не помнят сами себя. Когда видят гости, што опьянел ихной хозяин, стали росходитьце и также ушол король. И она сецяс сказáла кухаркам:

— Берите ёго из-за стола, переоденьте в старую одёжу, везите за гóрод и пусь он там лежит. А когда придёт обратно, то ёго в дом не пускайте.

И так, конешно, оне всё и сделали. И она берёт ковёр-самолёт и палоцьку и улетает к этому прынцю, а ёго отвезли. И вот когда он спал, спал, как скóчит, смотрит, небо над ним, земля под ним и больше нет ницёгó. Посмотрел на свою одёжу, уж не нашивал такой давно. И давай, сошол с этого места и пришол к своёмý дому и проситце в дом. Выбегают слуги-дворники.

— Какой ты там, куды ты лезеш, што ты за хозяин, мы тебя не признаём, уходи проць, а то сецяс позовём милицию.

И он кряду спомнил, што сказал жоны.

— То она это мне сделала!

И пришлось ёму уйти проць, но денег у нёго не было ни копейки при себе. И стал шарить по корманам и нашол только

петнадцеть копеек, заворотил в магазин, купил кусочек хлеба и пошол дальше, думает:

— Ну, што же, мне в этом городе? Придетце попадать в новой.

И вот он отправилсе вперёд и пошол по лесной дороге.

Идёт себе по лесной дороге и увидал стоит яблоня о дорогу. Вот он подходит к яблони и говорит:

— Вот я сорву яблоко и с кусочком хлеба поем.

Вот, конешно, срывает яблочек, сьел ёго, и вырос у нёго рог.

— Вот и хорошо,— топерь уж мне нельзя являтьце в город, буду ходить вместо дикого оленя. Ну, уж ланно, сьем и другой, йись охота!

Он сьел и другой, вырос у нёго второй. Он потом нача́л яблоки обхаживать, и видит яблоки не одинаковы. И вот он отщипывает ещо яблок третий.

— Дай уж ещо сьем третий, всё ровно мне жить в сузёмки оленем, в город уж я не пойду.

И вот он сьел этот яблок, отпали у нёго обои рога. Хорошо! Топерь уж он дело понял в чом.

И вот он набрал три яблока, которы рога ростут, а шесь штук набрал, которы отпа́дывают и пошол вперёд. И вот приходит в этот город, в котором жил этот прынць и ёго жона. Сецяс продал один яблочек, рублей по двадцеть пять и купил себе пиньжачок почище с брюками и купил корзинку. Сло́жил яблочки в лукошко и понёс на этот прынцев двор торговать. И вот когда он пришол во дворе́ць, приходит одна служанка:

— Сколько стоит?

— Петьдесят рублей.

Продаёт ей яблочек хорошой. И эта служанка этот яблочек сьела и такой ей показался вкусной, хорошой, она прибегает к своей прынцесы:

— Вот, бароня, у нас тут какой-то продаёт яблоки, до чёго хоро́ши, вкусны, я сьела один и почуствовала себя здоровой, сильнёй. Только стоит петьдесят рублей.

— Ну, коли хоро́шой, поди купи для меня два.

И вот приходит эта служанка и говорит:

— Ну, продай для нашой прынцесы два яблока.

— Пожалоста, пожалоста!

— Сколько стоит?

— Чена одна.

Вот он продаёт ей эты яблочки, што рога ростут. Вот, конешно, продал, а сам смылсе со двора, получил деньги сто рублей, да с той петьдесят, и ушол.

И вот эта служанка принóсит яблоки:

— Ах, какие налúвные, хорóши яблочки!

Как сьела яблочко — рог и вырос, сьела второй — второй рог вырос. Она заорала, закрычала, схзагилась этого яблочника искать, продавця, но того уж и след простыл!

Вот позвали врачей лецить ей, штобы отпарить, пилить, што-нибудь с этими рогамы сделать. Врачи бы што не творили, ничёго не могли с этими рогами сделать.

В это времё Ваня ушол, взял номер, купил себе костюм серенькой и набил вывеску на стенку, што „я есь такой то заграничной дохтур". И вот, конешно, все дохтурá ничёго не могли сделать, и говорят прынцю:

— Вот на одной улици есь ещо такой-то заграничной дохтур, надо ёго позвать.

Вот, конешно, приходят ёго звать, он говорит:

— Ладно, только за визит нужно платить сто рублей.

— Хорошо, хорошо, рощитаетце с вами прынць, только идите.

И вот когда он приходит, то прынць и говорит:

— Ну, дохтур заграничной, вылечи мою жону, а я тебя награжу деньгами.

Ну, конешно, жона не могла узнать ёго. И вот он подошол к больнёй и говорит:

— Вот што, господин прынць, я лечить твою жону не намерен в комнаты, надь истопить байну, што три версты за городом, и там я ей отпарю рога наедине. А инáце я лецить не буду, а я ручаюсь, што ей вылечу вполне.

Конешно, этот прынць согласиле на это.

— Только как-нибудь ей вылечи, а уж я на всё согласен.

И вот сеця́с же вытопили эту байну, и посадили ей в корету и повезли с одне́м лакеем. И вот когда привезли в байну, он сказал лакею:

— Ну, ты сеця́с отьежжай проць, вы сами знаете, што у нас был с прынцём сговор, што я отпарю ей рога наедине, только не больше, как час и приежжайте обратно.

И вот, конешно, лакей уехал, он ей приказал выйти на поло́к и роздетьця.

— Буду я у тебя парить рога, если хочеш быть здоровой.

И она скида́ла одёжу и влезла на поло́к. А он отстёгает свой ремень, и давай ей пороть. Она кричит и говорит:

— Што ты, дохтур, за што ты меня пореш, разве так рога парят?

— А как же ина́це, так надо сначала, а потом оне и отпадут. И ищо добавляет:

— Вот што, прынцеса, твои рога до ти́х пор не отойдут, ты знаеш, хто у тебя сечас есь здесь дохтур, у кого ты взяла ковёр-самолёт и палочку и припаял тебе рога, вот тебе и дохтур. И до ти́х пор у тебя рога будут, пока ты мне всё это не отдаш. И всё равно я тебя живой не оставлю, если не отдаш. А если отдаш, за петь минут я тебе рога отпарю. И ни раны не будет, ничего.

Она потом как узнала, што ейной муж старой, сильнё заплакала и говорит:

— Ну, Ваню́ша, я на всё согласна, только отломи мне рога, а уж потом бери меня к себе, если жалаеш, и я тебе все возвращу эти вещы, только отломи рога, а я за тобой согласна.

— Вот до ти́х пор я не соглашусь с тобой ни на каки розговоры, пока не приставиш мне эти вещи сюда.

— Ну, ладно, Ваня, надо вызвать этого лакея сюда, а я напишу служанке и она достанет этот узёлок с места, где они хранятьце и лакей привезёт их сюда.

Вот он пошол звать лакея и она стала писать письмо служанке и приказала принести этот узёлок, достать из-под кровати, где они хранятце.

И как только лакей приехал, письмо было приготовлено. Приехал домой, передаёт письмо служанке. Служанка кря́ду же достала узёлок, как он хранилсе под кроватью.

Приво́зит ёму в байну, конешно, и приказал он лакею отьехать обратно на полчасика.

— А потем приежжай, увидиш прынцесу.

И она подаёт ему узёлок. Он розвезал, увида́л эту палоцьку, стукнул концём о́б пол, посыпалось золото и се́ребро, он стукнул другим, всё уничтозылось, ничёго не стало. И смотрит на этот ковёр-самолёт, тот же. И вот она говорит:

— Ну, топерь, Иван, возьми меня к себе и вылечи мне рога.

— Нет, дорогая, ты мне не надо, ты мне изменила и жила со своим прынцем и со своей злости я тебе и рога не буду отпаривать.

Она заплакала:

— Слушай, Ванюша, отпарь мне рога и бери меня к себе и полетим к батюшку, он даёт тебе престол.

— Нет, не даст, я знаю, почему он не даст. Потому што ты не с позволенья батюшка улетела, а просто сделала нахальнё, тем и кончитце, но всё-таки щасье меня ещо не забыло. Коли ты улетела, стала с прынцем жить, наруши́ла закон, ну и живи, пусь у тебя останутце рога. Ну, уж мне жалко, што ты будеш веки с рогами, на́, сьеш яблочек, а мне тебя не надо.

И вот она сьела яблочек, обрадовалась и стала с ним ещо больше проситьце.

— Не надо, вот иди со своим прыньцем!

И он роспростилсе с ней, сел на ковёр-самолёт и улетел ей оставил с прынцем.

И вот он летал, летал, летал, розыскивал своё село. Всё-таки нашол, но уж отця с матерью живых не было, потому што оне были старые. И вот он в этом селе или городе остоя́лсе, купил дом себе, построил лавки и нача́л торговать.

И стал таким купцём, што ещо в этом городи не было такого крупного купця.

И потом надо ёму было жонитьце. И вот взял у одного купця дочерь в замуж.

И вот пожонилсе, сделал свадьбу, пир.

После этого стал торговать и стал со своей жоной жить до глубокой старости.

И на этом она, конешно, и кончитце.

*

ИВАН-СКОРОХОД.

Нé в котором чарьстви, нé в котором государьстви жил чарь. У нёго былó три сына и доць. Этот сын Иван был мéньшой, ёго звали Иван-скороход. И мало ёму приходилось жить дома, он всё ходил и ходил и большинство по лéсу. И вот уже стал чарь не мóлод. При старости своей жизни поделил свой капитал и чарьство между трёх братьев, а Ивана-скорохода с дочерью совсем забыл. Когда пришол Иван домой, подошол к батьке, он находилсе совсем прú смерти, болен, и спросил ёго:

— Чем же ты, батюшко, меня обеспечил?

Тогда сказал отець ёму:

— Ну, Иван, уж я нахожусь прú смерти, ну если дадут братья какой надел с сестрой, так ладно, а уж коли не дадут, так ницёго, так што я топерь не в силах.

Вот когда он скончалсе, прошол месець, братья получили пóровну: кому начальство — тот начальство, а кому капитал. И стали их гонúть обоих с сестрой из дому. Вот, и братья сказали так:

— Вот у отця есь у мóря баня старая, и можете итти в баню жить с сестрой обеи.

Простилсе со своимá братьями, пришол и говорит сестры:

— Ну, сестриця, пойдёмте тогда, хоть уж вы итти не можете, то я тебя на спинú унесу, быстро мы попадём туда.

Вот когда оне приходят к морю, увидали, конешно, баню. Заходят в баню, скороход нарвал моху, поправил ей, и на-

ча́ли жить. О́бжили оне сутки, на второй же день он и говорит:

— Ну, погоди, Таня, я пойду в лес, поищу чего, а потом снесу в город, может и продам.

Тогда он уходит в лес, наломал дубу такой огромной куст — и тащит ёго себе в город. Он был, конешно, си́лен и скороход. Когда он шол по дороге, то случилось ехать одному кресьянину, но он не в силах бы́л доехать до ле́су, стал спрашивать:

— Продай мне, добрый цёловек, этих, хотя я срублю на дрова.

Он спустил с плеча и говорит:

— Сколько мне-ка, добрый цёловек, даш?

— А вот сколько спросиш?

— Даш двадцеть пять рублей?

Он достаёт деньги и подаёт ёму. Иван получил деньги и хочет итти проч. Когда кучер стал поднимать дрова на во́з, у нёго нету силы. Тогда стал просить Ивана:

— Добрый цёловек, подними мне на во́з, уж я тебе заплачу ещо пять рублей.

Да, он ёму по́днял и спокойно пошол к сестры с деньгами. Пришол к сестры и о́тдал ей деньги.

— Ну, Таня, бежи в город, всего три версты, купи сама чего знаеш. Вобщем больше надь сьесного и чего из хозяйства, а я ещо куда-нибудь пойду.

Вот она пошла в город, накупила, конешно, на тридцеть рублей ко́ё-чего много. Остальноё привезла домой. Иван приходит домой, она росказывает:

— Вот тово-то, тово купила, брат.

— Ну, ланно, сестра, а я ещо пойду, топерь мы будем жить.

Пережили оне сутки, на утро встаёт Иван и говорит:

— Ну, сестра, дай мне корзинку, я побегу за грибами.

Вот он берёт корзинку и ушол в лес. Ходил, ходил и сбилсе с дороги, заблудилсе, конешно. Надо было ёму ночевать ноч в лесу. Потом уже провёл ночь всю в лесу, стало светать. Он выстал на высокое дерево и стал смотреть, где

есь огоньки, туда и пойду. Топерь увидал вдалеке огонёк. И как росве́ло, он и побрёл на этот огонёк. И в скором времени увидал дом. Когда увидал дом, приходит на широкой двор, видит, што двор слишком обширной был пустой, на нём не было никого. Ну, и не подозревал он того, што этот дом был розбойников. Ходил он по́ двору, ну не подозревал, в чом дело. Подходит он к одному колодцю:

— Ну, напьюсь я топерь.

Тут как раз был ковшичек. Зацерпнул воды и выпил, поцюял, вода была очень хорошая. Выпил он второй ковшичек, также и третий, но этот колодець был не с водой, а с вином и почуствовал в себе силу и храбрось. Вдруг слышит шум, топот лошадиный, ржание ко́ней. Смотрит, едет большая конница, и на них всё наезники. Когда оне подбли́жились к двору, то он подумал, што это хищники какие-нибудь и немного скрылсе, штобы оне не сразу ёго видели. Когда оне залились во двор, то стал их щитать, их было не меньше, как сто цёловек и промеж них один атаман. Привезли оне две тышеци денег и стали их делить, грабленых, конешно. Тогда заговорил атаман:

— Вот што, робята, вы деньги отдайте все мне, а возьмите двенадцеть ушатов вина и делайте себе пьянку и роспоряжайтесь, как знаете, а деньги пусь мне.

Броси́ли все розговоры и пошли двадцеть четыре цёловека за вином, за двенадцетью ушатами, с коромыслами, конешно. Иван смотрит, што за люди.

Когда оне увидали, што стоит цёловек у колодця, то сказали:

— Вот, робята, выпивка и закуска, давайте, убивайте вы ёго, а мы станем водку черьпать в ушат.

Когда Иван услыхал такие розговоры, то видит, подходит к нёму один цёловек и хоцет ёго коромыслом ударить. То он не допустил, выдернул у нёго коромысло и угробил их всех двадцеть четыре цёловека. Тогда асаул подождал немного.

— Што оне так долго, сходите за нима, пускай скорей йдут, зовите их.

Когда увидали, што один цёловек осталсе, один не ихной, остальные все убиты, тогда сказали атаману и бросúлись все на нёго. Ну и Иван, когда оне пришли и напали на нёго, в такую ярость пришол, што перебил всех их сто цёловек. Осталсе только один асаул, тот скрылсе, он ёго прозевал. Тогда Иван-скороход телá убрал в скороё времё и сам зашол в комнаты, смотреть, какое есь у розбойников имущество. Вот когда он зашол в комнаты и стал смотреть, чего-чего только у них не было: и злáта и сéребра, и еды, и одёжи. Сам подумал:

— Ну, ладно, топерь пойду, розыщу Таню, принесу сюда, и будем жить, вот нам и дом.

Но этот асаул, которой скрылсе, тот жил под мóстом, он не показалсе. Он пошол розыскивать свою сестру и в скором времени нашол.

Когда он пришол к сестры своей:

— Ну, как Таня, ты это времё проводила? А я нашол дворець, которой, пожалуй, не поддаётце и нашим братьям. Идём, будем там жить, там есь всего.

Сестра согласилась и он посадил ей на плеци и понёс её, и всё так оставили в своём доми. Вот он в скороё времё розыскал и принёс ей и сказал:

— Ну, сестра, еш-пей, на што только взглянеш, а я буду ходить, носить дич тебе, а ты приготовляй.

Вот óбжил он день-два и пошол охотитьце. Конешно, у розбойников было оружие, всего достаточно; а она осталась одна. И было ей оцень скуцьно, конешно, в таком огромном доми. Вот она здумала выйти на двор погулять. Вот прошла раз какой пó мосту, ну из под мóсту вышел асаул и говорит:

— Спаси меня, красавиця, от своёге брата.

Она выслушала ёго розговоры, конешно, испугалась, а потом говорит:

— Почему? Мой брат хорошой, он никого на свети не обижат.

— Нет, наоборот, он у меня был не так давно. Когда он ворвалсе во двор, убил у меня сто цёловек войска, и я насилу успел укрытьце от нёго. И я не смею ёму показатьце.

Тогда она сказала:

— Ну, как же я могу спасти от брата своёго́, если вы сделали такое нарушение с ним.

А он ей на ответ так:

— Вот што, красавиця, тебе лехко меня спасти, а я тебе брат и жених. А мы когда ёго отправим, то вместе будем жить до глубокой старости.

Она немного подумала и сказала:

— Ну, ланно, а как ты меня мож научить.

Вот он сказал:

— Тогда погоди, я тебе скажу. Когда он придёт домой, тогда ты сделайсе больнёй и скажи: „Ой, брат, я немогу".

Пришол брат домо́й, а уж сестра больняя и брат стал спрашивать:

— Чего вы, Танечка, неможете, чего вам недостаточно?

Этот розбойник росказал всё заранее. „Вот в лесу ещо есь, сад, там живут триста розбойников, вот послать ёго к этому са́ду, ёго там убьют. А ёму скажи, принести из этого сада, там есть яблоки, апельсины, лимоны, и во́т ты этого поеш и поправиссе". Это уж он заранее сказал.

Тогда сестра стала брату говорить:

— Вот, братець, я сегодня видела во сне, отсюда за триста вёрст есть сад, со́служи мне службу; в этом саду́ есь разные ростения, когда я поем, тогда я поправлюсь.

И сказал:

— Ну, сестра, я схожу для тебя не токо триста вёрст, хоть три тыщеци.

Берёт корзинку́ и с тема́ слова́мы вышел из дому.

До́лго он шол глухою тайгою, наконець, он увидал большой дом, и кругом дому была жолезная ограда. Подходит он к жолезной ограды и розыскал дверь, которая была тоже жолезная, а под низ было́ отверстие, в которое мог он ворватьце и зайти в сад или во двор. Когда он вышел на широкой двор, подходит к саду и видит разные ростения: яблоки, лимоны, апельсины. Подумал:

— Если я сеця́с наберу ростения, хозяева придут, подумают, што я украл. Лучче я обожду хозяев. Верно мне-ка оне дадут.

И вернулсе к жолезным дверя́м. А у этих двере́й стоял запасной жолезный запор и за этым запором он продолжал времё. Бросит ёго кверьху, поймает, и за этим запором он ожидал хозяев. Ну, он не знал, што это розбойники. Долго он ждал, наконець слышит, едет хто-то, и стали приближатьце ближе. И он прикрылсе за жолезный мост, штобы ёго сразу не видел хто, пусть проедут. Когда розбойники подьехали к дому, открыли жолезные ворота, заехали во двор и он нащитал их триста один цёловек. Да. Вот он немного погодя:

— Ну, надо попросить сходить, всё-таки наверно люди дают.

А оны привезли десеть тышець денег, асаул говорит:

— Вот што, робята, вы этых денег не берите, оставьте мне, а берите, сколько вам надо водки, будем играть сватьбу, я буду жонитьце.

А у этых розбойников была украдена чарьская доч, и сидела она в терему́. Да. Когда Иван это всё выслушал и говорит:

— Ну, всё-таки надо пойти.

Как только он показалсе, асаул вскричал:

— Ну, робята, несите скорее водку, вот вам и мясо. Мы ёго зарежем тут-же к свадьбы.

Ну вот, он видит уже дело не ладно, сецяс же вернулсе обратно за запором, за этым жолезным мо́стом. Берёт этот запор и идёт прямо на двор. И розбойники напали на нёго. И нача́л их кроить так, как только у нёго было сил, и убил всех триста один цёловек. И сказал:

— Видиш, вы противники ещо где живёте!

И пошол в ихну комнату в дом. Когда он в дом пришол, конешно, было всего довольнё, но нигде ни души. Он подумал:

— Где же эта чаревна, я слышал, надо итти искать.

Тогда он вышел к саду и смотрит, за садом стоит небольшой теремок. Подходит к те́рему, смотрит, на нём был замок великой. Он взял этым запором ударил по замку́, замо́к, конешно, роспалсе. И видит скрозь хрустальнюю дверь, сидит девушка, плачет. Он и спросил ёе:

— Што ты, красавиця, плачеш, чья ты есь, и кто тебя сюда принёс?

Она назва́ла ёго добрым рыцарем и говорит:

— Напрасно ты сюда зашол, приедут триста один цёловек и убьют тебя вместе со мной. Уходи, пока ты ещо один.

Вот он ей сказал:

— Не плачьте, красавица, так што о мне не печалуйтесь, я уж поспешил их убить, все триста один цёловек. А вы скажите мне, жалаете со мной итти или остаётесь здесь?

И он сказал про себя, што он такого-то чарьства, и хто он такой, и как ёго зовут. И она обсказала: какого она королесьтва, и унесёна была петнадцети лет.

— А уж топерь мне стало восемнадцеть. Вот если бы вы не поспели их убить, то в этот раз он бы на мне жонилсе, хотя не по воле, но насильнё, но вы успели убить их Иван-Скороход.

И он росказал ей всё, што у нёго творитце и деетце, што у ёго есь дом и сестра.

— И давайте поедёмте со мной, и будем там жить, тебе будет весело, может вы пойдете за меня замуж.

— Ну, я рада отсюда уйти от этой муки, хотя бы на одну минуту, хош куды хош, только бы жить не здесь.

Вот он набрал огурцёй, то-есть яблоков, лимонов, апельсинов, и сказал:

— Ну, давай за мной! Вам, конешно, держатце за мной нельзя, а вот садитесь на меня, я вас понесу.

И в скороё времё он притащил ей домой и сказал:

— Вот, сестра, я принёс тебе не токо яблоки, лимоны, апельсины, вот я принёс тебе ещо весельё, так што тебе будет совершенно не скушно жить: — принёс Марью-королевну.

Она стала и говорит:

— Ну, братец, дай откушать яблока!

Он подал ей челую корзину.

— На́, кушай и садись обедать.

Когда он сел за стол и говорит:

— Ну, Марья, садись со мной йись.

Но она говорит:

— Нет, с дороги ничего не хочу.

А в это времё сестра ушла из дому повещать асаула, которой у ней осталсе. Да. Когда она ушла, дверь немножко была открыта, на леснице, где оне сожда́лись с асаулом. Прихожая Мария эты речи все слышала, што она передала асаулу.

Да, вот она всё передала. Он и говорит:

— Неужели он убил всех триста один цёловек и асаула, и принёс королескую доць Марию?

— Да, принёс.

— Топерь знаеш што сделаем? Когда он поест, попроси ёго, штобы он играл с тобой в карты простого дурака, хотя он не умеет и будет отказыватьце но всё-таки будет играть. Но с таким условием: когда ты обыграеш или он тебя, штобы вязать друг дружке руки. Конешно, он вязать тебя не будет. Когда ты ёго обыграеш перьвой раз, свежи у ёго руки стоя́нкой, крепко попутай и не розвязывай. Скажи: „брат, рви". Если он пройдёт стоя́нку, то у меня потолще есть тро́сик, второй раз обыграеш когда. Если порвет этот тро́сик он дегонько, тогда обвяжи цепкой крепко всего, руки и ноги, И приди и скажи мне, я приду, отсеку ёму голову.

С тема́ словами вышла она в комнату. Когда она пришла в комнату и говорит:

— Ну, братець, я поздоровела, топерь знаете, после этого всего обеда, давайте в карты играть станем. И вы, Мария, с нами будете.

Она отказалась:

— Нет, я не буду, у меня болит голова.

— Глупая Таня, я, ты знаеш, играть не умею.

— Ну, давай, как-нибудь сыграем, токо с тем условием, кто кого обыграет, связать руки и не розвязывать.

— Ну, давай сыграем.

А Мария сидела ни жива, ни мертва на диване, и думает:

— Што у них дальше будет.

Вот и нача́ли оне играть перьвой раз в карты. Иван-скороход обыграл сестру и связал ей руки перьвенцём и сказал:

— Ну, рви, как есть договоренность.

Она нажáлась, но, конешно, сорвать не могла.

— Ну, брат, я не могу.

— И, глупая, а еще играет.

Когда он розвязал ей, она и говорит:

— Ну, брат, давай сыграем.

— Ну, давай!

Сели оне играть второй раз. Второй раз она ёго обыграла. Связала руки стоянкой и сказала:

— Ну, брат, рви, розвязывать не буду.

Вот он и говорит:

— Да што вы, Таня, ведь это не верёвочка тонкáя!

Ну нажáлсе раз и сóрвал. Она и говорит:

Ну, брат, давай ещо сыграем.

— Давай!

Оне и сели. Эта Мария всё слушала, как у них игра продолжалась. Вот она обыграла ёго второй раз. Принесла толстые верёвки и сказала:

— Ну, брат, рви, розвязывать всё ровно не буду.

Он постоял немного и говорит:

— Што ты, сестра, ведь это не стоянка, наверно ты хочеш меня в горячку привести.

Как нажалсе, веревка на куски. Она и просит:

— Давай, брат, ещо в третий раз сыграем.

— Давай!

Когда оне сыграли третий раз, всё ровно сестра обыграла ёго. И принесла она цепи и связала руки, ноги и весь корпус и сказала:

— Ну, брат, рви, а я пойду проветритьце, а розвязывать не буду.

Он сказал:

— Сестра, розвяжи, ведь я тебя розвязал.

— Нет, рви.

И сама ушла, пошла передавать асаулу. Когда передала асаулу, а тут прóтив Марии на стенке был меч. Она сняла со стенки меч и встала к дверям. Когда услыхала йдут двое, подняла меч и как асаула щолк! Ударила ёго мечом по головы

и зарубила на́ смерть. В это времё, когда Иван увидал, што асаул выходит из дверей, хотя она ударила ёго, но он так изо всей силы дёрнул чепи, пре́рвал, успел бы себя спасти. Тогда он сказал сестры:

— Ну, Таня, если ты не умела жить, топерь твоя жизнь кончаетце.

Захватил ей за́ руки за обеи и пре́рвал пополам. С тем она и кончилась. Подошо́л к Марии и говорит:

— Ну, топерь вы есь единственная моя спасительниця. Ра́з я вас спас, а топерь вы почти меня, топерь будем здесь жить.

Ну, остались вдвоём. Вот она ёму говорит:

— Слушай, Иван-чаревич, ради бога унеси меня из этой пропасти, уж я не буду здесь жить, пока ты не унесёш меня в свое́ королесьтво, а там сойдемсе.

Он ответил ей так:

— Слушай, прекрасная королевна. Если я унесу тебя в твоё королесьтво, да увидает отець, што я принёс тебя из какой-то тайги, словно я тебя похити́л, то моей головы не будет.

Она говорит ёму:

— Слушай, Иван, я тебя не выдам. Если ты опираессе на это́, то прошу своёго́ батюшка и обскажу всё дело, где вы меня взяли.

Тогда бро́сил Иван дом розбойников, посадил ей на плечи и потащил в то королесьтво, из какого она была. Скоро времё он пришагал в это королесьтво. Зашол в ихно́й сад и идёт с ней за ручку по са́ду. Вот когда увидали слуги, што в ёго саду откуль-то́ взялась до́ч ёго, с каким незнакомцем, то король кряду выехал в сад. Когда он выехал с мечом в руке:

— Ну, скажи ты, какой есь хищник, то сеця́с твою голову сказню.

Доць упала к ёго ногам и говорит:

— Милой мой папа, сначала выслушай, а потом убивай хош обеих.

Тогда Мария стала на́ ноги и стала обьяснятце, как она жила, как её украли розбойники, и три года она жила у розбойников, и как спас этот самый чаревич Иван-Скороход от розбой-

ников. Когда король узнал о спасении доцери ёго Иваном-Скороходом, то сказал:

— Ну, шагайте за мной, дети мои, идёмте в королесьтво.

Привёл, посадил за стол и стал Ивана-Скорохода спрашивать, каким путём он ей нашол и где он путешествовал. Он обсказал, как дело было, што он убил триста цёловек розбойников, отнял её и принёс в дом тоже розбойников, где он жил. Эти розбойники тоже были убиты его руками. Когда он принёс в этот дом, то сказал ей: „Ну, што, Мария, будем здесь жить?" А она ответила: „Нет Иван-Скороход, унеси в своё королесьтво, будем там".

— Вот я отнёс.

Тогда король говорит ёму:

— Ну, Иван-Скороход, коли ты сумел отнять ей от розбойников, спас ей жизнь, то тебе с ней жить.

Тогда взялись чесным пирком за свáдебку, сыграли свáдебку. По окончании этого всего дела, наделил своёго́ зятя в пол именья и при смéрти посулил принять ёму королесьтво.

Ну и вот до тих пор жили, покамест ко́роль не умер. Когда умер король, получили королесьтво и стали жить до глубокой старости.

*

ШУТ

(Запись 1933 г,).

Но, конецьно, как говорили у нас по старинному, в некотором цярьстви, не в нашем государьстви, был жил купець. У купця было́ два сына. И он, конешно, не так што бéдно и не богато, средне жил. Имел скотá двор разного.

Потом это ремесло ёму надоело. Он стал уже матёрой и говорит жоны:

— Мне уж со скотом стало жить тежело, так што я стал матёр и кроме того, лучче нам продать скотá и купить товару — нацять торговать.

Так оне, конешно, и сделали. Он розделил скот, часть взял себе, другу половину погони́л на базар: лошадей, свиней, коров, овець там — разного скота. Так уехал в город. Стал всего скота роспродовать. Роспродал скот, накупил товару разного.

Когда он едет обратно с лошадьми, и был тут на пути большой мост железной или деревянной — не знаю, я, конешно, не был там. Да вот, этот, конешно, мост обрушилсе, почитай он погиб. Ёго потащило в ре́ку со всем ёго товаром, этого продавця или купця. Да. И несло ёго не мало места. С большим трудом на берег выбралсе, а весь его товар погиб. С больши́м трудом стал на́ ноги, повесил голову и смотрит с тоской на эту ре́ку.

— Ну вот — думает — пропал топерь весь мой живот в этой реки.

Вдруг слышит, роздалсе крык на той стороне берега реки.

— Што, мужицёк, думаеш, — повесил голову до самой земли?

Он и говорит:

— Как мне не думать, раз весь мой товар погиб в реки, разве не повесить головы?

— Не грусти, мужицёк, я товар тебе весь обратно верну, токо дай мне то, што есть у тебя незна́емо дома.

— Хто ты есь такой, што можеш мне товар обратно вернуть? Скажись!

— Я? Я есь Шу́т, тот, которой может обратно вернуть весь твой товар.

И он говорит:

— Ну тогда я соглашусь.

— Дак вот, отдай мне, што имееш незна́емо дома.

Долго думал мужик.

— Што у меня есть незнаемо? Всего еще три месеця с дому...

И согласилсе. Когда он сделал договор отдать, што есть незна́емо дома, шут ёму сказал:

— Ну, иди топерь к мо́сту, — твой товар с подводами будет опеть по старому.

Когда он отошол обратно к мосту́, — мост стоял по старому, и ёго подводы тут. Он сел на лошадей и поехал дальше. А он ёму сказал:

— Я к тебе приеду за долгом черезь восемь месецев.

Вот он добралсе до́ дому. Ёго стреця́ют на дворе сыновья и говорят:

— Папа, у нас родилсе брат, зовут Иваном. Он ходит, говорит и уже грамотной.

Когда увидал жону, посоветовались с ней долго, жона и говорит:

— Ланно хоть сам выбралсе, а всё-таки Шута́ мы постараемсе ухи́трить своима́ хи́тростями.

Истёк срок восемь месецев. Настал тот день, когда пришлось отдавать им сына. Да. Сидят оне один раз обедают и стало у их вдруг в комнаты те́мно. Посмотрели, видят, стоит у окна лошадь такая, што у их сте́мнилось в комнаты.

— Ну, хозяин, говорит хозяйка, — приехал Шут за нашим сыном, сеця́с идёт в избу.

Хозяйка и говорит:

— Ланно, пущай угадает, которой самой маленькой, — тогда и возьмёт:

Так. Когда зашол этот Шут в избу, сказал:

— Но, хозяин, я зашол за долгом, сам знаеш за каким.

А тогда отвеця́ет хозяйка:

— Ну, што же, узнайте, которой самой млаччий — и берите.

А этот сын хоть и был самой млаччий, но ростом был больше всех. Да, тогда Шут улыбнулсе и говорит:

— Хм, да неужели вы меня учить будете? Вот тот, которой больше всех — тот самой млаччий.

Тогда, конешно, он распростилсе с хозяином, посадил этого Ивана с собой и повёз в своё помещенье. И долго оне ехали, не меньше цетырёх месецев.

Когда он приехал к высоким каменным сте́нам, перескоцил высокой тын, отпе́р ворота и завёл ёго в комнату.

Да, вот тогда он ёму сказал:

— Слушай, Иван, ты топерь останесся от меня на три года, и я тебе оставляю двенадцеть клюцей от двенадцети

дверей. В одинадцеть ты ходи, а двенадцетая заперта маленьким замком и пущай запечатана, — туда не ходи. Черезь три года я приеду.

Так на другой же день собра́лсе он в отъездку и говорит:

— Вот, Иван, ты топерь остаёссе один и помни, што я тебе сказал: Если ты зайдёш в эту дверь, то тебе не удержать головы, а инде́ — везде ходи.

Вот он уехал наконець. Иван подумал пойти по этым дверям смотреть, што у нёго есть ценного, ина́це ёму было оцень скуцьно, так как никого не было, он один. Да. Вот, когда он обошол все двери — всё ёму было неинтересно, потому што нигде не нашол живой головы, всё было мёртвое. Подошол он к заповедной двери и долго стоял в роздумье:

— Што у ёго тут хранитце.

Наконець решил открыть дверь. Когда же он открыл дверь — перьвым бросилась оттуда кровь литьце рекой черезь порог. Когда эта кровь уницьтозылась, он взошол туда и увидел связанного коня. Он оцень обрадовалсе, розвязал коня, вывел ёго на двор, конешно, накорьмил и напоил. Когда он напоил коня — он принёс пшоници и стал корьмить. И вот как стал конь йись пшоницю — стал наливатьце, а он стал искать лесницю, штобы вылезти на этого коня. Конь был оцень высокой. Отыскал лесницю, вылез на эту лошадь долго там любовалсе и так ёму стало хорошо, он на лошади́ и заснул. В это времё Шут узнал, што выведена евонная лошадь, вернулсе и застал ёго спящим на лошади́. Когда увидал спящего на лошади́, он ударил ёго кнутом так, што без сознанья вышиб оттуль и говорит:

— Ну, Иван, убить тебя или оставить живым?

Тогда решил — Шут-то:

— Но, Иван, в этот раз оставлю тебя живым, но помни, што в последний раз.

Взял эту лошадь, накачал в ёго прежной воздух, запер и сам уехал опеть. Шут уехал, осталсе Иван один. Долго он не решалсе открыть заветной двери, но, наконець, опеть, не удержалсе и таким же манером опеть открыл эту дверь.

— Будет — што будет!

Опеть вытекла оттуль кровь. Вывел он, конецьно, эту лошадь, сецяс же накацял воды, насыпал пшоници и начáл ёго корьмить. Тогда лошадь заговорила по цёловецьи:

— Но, Иван, когда ты осмелилсе вторично так скоро меня опеть достать — бери скорей лопату и рой у моих передних ног яму глубиной хотя с аршин. И наклонись, увидиш, што там будет.

Когда он вырыл яму:

— Ну, што там видиш?

— Там — говорит — клюцём золото кипит...

— Ну, спускайсе наперёд руками — золоти́ руки по-локо́т.

Да, теперь он спустилсе, позолотил руки.

— Ну, теперь зарой же яму, — говорит, — штобы никогда этому злодею ей не узнать. И рой под за́днима нога́мы.

Когда он вырыл эту яму:

— Ну, што — говорит — видиш?

— Там — говорит — се́ребро клюцём кипит.

— Ну, спускайсе наперёд ногами.

Когда он высеребрил ноги, конь ёму говорит:

— Скорей за́рывай эту яму, сецяс Шут воро́титце. Теперь беги скорей в его́ву комнату — тащи седёлко, которое моё и есь. Торопись, Шут едет.

Когда он прибегает в эту комнату, берёт это седёлко, — у ёго не хватило силы снять. Бежит обратно к ло́шади и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, мне-ка этого седла не поднять.

— Ну, дорогой мой Иван, коли не поднять, беги скорей в комнату, там направо есть шкап, а в нём три бутылки. Онну белую выпей, а две пусть остане́тце, и тогда тащи седёлко скорей, а то Шут едет.

Тогда вернулсе Иван в комнату, откры́л шкап и увидал три бутылки: онну с красным, онну с зелёным и онну с белым. Взял с белым и выпил. Тогда снял легонько это седёлко, притащил, нало́жил на коня и говорит:

— Ну, вот, я и принёс седёлко.

— А ты знаеш-ли, Иван, сколько весит седёлко?

— Нет, не знаю.

— Это седёлко весит сто пудов. Вот теперь беги обратно в комнату и тащи мне-ка уздецьку, которая будет, конецьно, тяжелее, она весит полтораста пудов. Ежели у тебя не хватит силы ей поднять, то возьми в шкапу бутылоцьку с красным и выпей, да только всё сделай скорее — Шут близко.

Вот он когда прошол, поднял эту уздечку, таким же манером, уже силы у нёго не хватало. Вот он скорей взял бутылоцьку с красным, выпил единым духом, снял уздецьку, притащил, одел на лошадь. Конь ёму и говорит:

— Ну, теперь надо тебе попробовать: можеш ли усидеть на мне. Надо сделать винта́ два по́ двору, штобы приготовитце к прыжку.

Да. Вот он ёму приказал сесть на себя верьхом. Только што сделала лошадь один круг — на половине второго кру́га Иван не удержалсе и упал. Вот конь и говорит:

— Ты еще, Иван, молод ездить на мне, но только што ты смел. Вот ты поди скорей в колодець, нырни, а в другой вынырни, тут есть рядом два колодця; — затем беги в комнату и забери три вещи: во-перьвых, забери, мыло; во-вторых, — щотку и платок, а из бутылоцьки выпей зелёное, штобы ты мог дерьжатьце крепче; и еще возьми два мешка яблок, только скорей, а то Шут близко — уже земля тресётце.

Когда он забегает в колодець, в один нырнул — в другой вы́стал, забрал с собой пузырёк с водой; потом забежал в избу, взял мыло, щотку и платок; выпил из бутылки зелёного и потом спустилсе в сад. Забрал два мешка яблоков, прибежал, сел на коня. Конь скрычал:

— Но, теперь держись крепче.

Когда он сделал два винта́ по двору, то тогда только конь выскочил через каменной тын и поехал.

Тут Шут стал нагонять и крычит:

— Иш, надумал уехать, а самому еще год восемь месецёв. Ище какой-нибудь год у меня всего живёт и уж уехать!

Вот когда стал шут их настигать, то стал в их спускать огненные стрелы. Конь и говорит:

— Ну, Иван, ты теперь не бойсе, хотя и платье на тебе загоритце — возьми достань мыло и спусти мне под хвост.

Тогда он взял достал скоро-проворно мыло и спустил ёго коню под хвост, так што стали сзади леса непроходимые. И Шут осталсе по другую сторону этых лесов. Тогда Шут увидал это, што уже не Иван действует, а действует ёго конь — вернулсе скорее домой, взял скребки́, вернулсе и прорубил себе дыру; и нача́л их снова настигать. Да. Когда он снова стал их достигать, он снова стал на их стрелы огненные спущать, так што у Ивана уж платья на себе очень мало осталось: одна́ те́льна рубаха. Конь и говорит:

— Ну, Иван, тогда спускай мне под хвост щотку.

Вот Иван уже проворно вытащил щотку и когда спустил, то стали каменные стены назади́. А самы проворно поехали вперёд.

— Послушай, мой дорогой Ваня, спустись с меня и послушай — далёко-ли Шут едет?

Когда спустилсе с ло́шади Иван, то земля уж так шибко треслась, што он не мог стоять на ногах: упал и катаетце, всё ровно што мячик, так сильно Шут напирал. И говорит коню:

— Ну, дорогой мой конь, я топерь погиб.

Когда конь увидал, што хозяин оцень испугалсе, наклонилсе, взял ёго в зубы, перекинул на́ спину и говорит:

— Спускай скорей платок.

Конь знал, што он не удержитце на ногах, но велел спуститьце: ёму надо было ёго испытать.

Когда он спустил этот платок коню под хвост, то позади оказалась огненная река. Тогда Шут сказал:

— Ну, Иван, щастли́в ты, што сумел взять у меня волшебного коня и волшебный платок, — а то бы я тебя догнал.

И, хоть Иван уж уехал, Шут всё-таки броси́лсе в это огненное морё и там сгорел.

Топерь, когда оне уехали от Шута́, оне выбрали себе площадь хорошую, и конь говорит:

— Ну, хозяин, ты знаеш, што мы долго ехали без отдыху, топерь, когда шут оставлен, можно нам отдохнуть. Я пойду пощиплю траву, а ты тоже ложись спать.

— Да, мой дорогой конь, отдохнуть хорошо, но ты сам видиш я на́г.

— Но в чом дело, што ты наг? Не беда! Видиш, вот волы, цело стадо ходит. Возьми сдери с вола шкуру, оденьсе и ляг спать.

Топерь Иван взял снял с одного вола шкуру, завернулсе, не отрубил ног и головы, в эту шкуру и лёг спать. А конь в это времё не спал. Он сбегал в одно цярьство, чтобы узнать, што ёму нужно было узнать. Там у цяря была на выходе замужества дочь, и цярю надо было садовника, штобы мог посадить сад и росплодить яблони с золотыми яблоками. Вернулась, конешно, лошадь, обратно, а Иван всё спал. Но лошадь только не спала. Она пришла из этого чарьства, разбудила Ивана:

— Но, как поспал?

— Да хорошо, мой конь, хорошо поспал.

— А я тоже поспала. Но топерь знаеш што тебе надо делать? Иди, тут неподалёко в город, там чарь набирает садовников: ёму надо розвести в саду яблони с золотыми яблоками а там уж ест часть садовников, и ты иди с ими к чарю. Ёму надо, штобы эти яблони черезь три дня после посадки дали яблоки, и эты яблоки налились бы, и их можно было кушать. Там многие будут отказыватьце, а ты берись, мы это сделаем. Ну, топерь иди!

— Ничего чарю будет не возбранно, што я в такой одёже евлюсь?

— Ничего. Садовники всегда такие бывают. Иди, берись, мы сделаем.

Так наш Иван приходит в чарьство и становитце на площадь, куда были собраны другие садовники. Он стал в ихну ширйнгу и стал ждать своей очереди.

Топерь нацинает по порядку роспрашивать цярь перьвого садовника:

— Ну-ко, за сколько времё ты, друг, мож розвести сад с золотыми яблоками?

— Только за три месеця.

— Вот што я скажу, садовнички, мне-ка сад надо розвести в три дня.

— Ну, этого из нас сделать нихто не может, — проговорили другие садовники. — Раз уж перьвой берётся за три месеця, дак и нихто меньше не согласитце.

А Иван всё стоял и молцял, до нёго еще оцередь не дошла. Да, цярь переспросил всех, потом обращаетце к Ивану:

— Но-ко, ты, малой — я тебя малым назвал потому, што ты очень большой — мож ли ты мне посадить сад с яблонями из золотых яблоков в три дни? И, знаеш, штобы оне в три дня соцвели и созрели и штобы кушать можно. За это я заплачу, чего ты сам пожалаеш. Што ты мне скажеш?

Топерь Иван не долго думал и ответил:

— Дак што, ваше велицество, ты мне заплатиш, што я пожалаю?

— Да, заплачу. Но если не исполниш службу, то будет снёсена голова.

— Ну, дак вот, спашите землю наготово, а я завтро приеду и буду нацинать.

Топерь Иван вернулсе к лошади и говорит:

— Ну, дорогой мой конь, я за роботу взялсе.

— Да, а што будет, хозяин, если мы не исполним этой роботы, как ты скоро так её взял?

Ну, тут Иван голову повесил. Да, конешно, когда Иван голову повесил, тогда конь видит, што он струсил и гововит ёму:

— Я тебя немного попугал. Это мы сделаем. Давай, собирай яблоки и поедем.

Да, когда он со́брал яблоки и приехали на эту отдалённую землю, конь говорит:

— Ну, топерь, Иван, повернись личом к хвосту, а спиной к головы и смотри, как я буду ходить и как только подниму ногу, ты в сту́пок и спускай яблоко. Спускай и на меня не смотри. Когда все выспускаеш, отъедем в сторону.

Вот Иван повернулсе к хвосту лицём и стал спускать в сту́пки яблоки. Когда он всё поле кругом обошол, Иван говорит:

— Я, дорогой мой конь, все яблоки вы́спускал до конця.

— Все? Ну, давай поедем отдыхать.

Вот отдохнули немного. Покушавши, конь говорит Ивану:

— Ты топерь смотри, штобы хто-нибуть не проходил тебе по саду и не напортил, а я от тебя на некоторое времё уйду сецяс, мне-ка надо.

Топерь, как перьвые сутки прошли, яблони все росцвели. На вторые были наливши и на третьи были совсем готовые. Вот не прошло еще и третьи сутки, Иван утомилсе и от аромату этого заснул. Тогда приходят в сад все три цярьски дочери смотреть етого садовника, што он есть за садовник. Две были замужние, а третья не замужняя. Топерь, насилу розыскали, и от ёго шол очень тяжолой дух, так што времё было летнее, а у ёго одёжа была из сырой шкуры. Две перьвые испугались:

— Ну, — говорят, — што это за зверь такой? — и скорее отбежали проць. А третья, которая была еще не замужняя, та стала розглядывать ёго и не убежала. Топерь она ёго так тоцьно высмотрела, но он был в шкуры.

— Дай-ко, помотрю ёго еще лучче.

Взяла приподняла шкуру за переднюю ногу и увидала руки: пальци золотые и дальше по-локот золотые руки. Сама думает:

— Этот цёловек не простого звания, што так скрываетце.

Потом посмотрела на ноги, видит — ноги серебреные.

— Да, думает, — этот цёловек большого чина.

Топерь она, наконець, несмотря на то, што была у отця обручона с ерманским прынцем, и што ёму только притти ей взять, — и сад разводилсе на свадьбу, — несмотря на это, она сдумала выйти замуж за этого садовника. Сняла со своёго́ пальця свой именной перстень, но он не вошол ёму ни на один палець. Тогда она этот перстень завязала в свой именной платок и обвязала вкруг пальця, штобы показать ёму, што жалает выйти за ёго замуж. Топерь отошла она к сёстрам и говорит:

— Но, — говорит, — садовник у нас роботает трое сутки, он утомилсе и спит. Нам бы надо принести ёму подароцек: выпить и закусить.

— Так што! — говорят сёстры.

Топерь оне собра́ли десертов на три тарелоцьки и три графина водки. Иван просыпаетце и говорит:

— Но, начинает цярь меня уж дарить, а где то у меня лошадь, хоть бы с ней мне поделитьце.

Топерь он только што промолвил — лошадь уж была тут.

— Ну, што, мой дорогой Ваня, поспал?

— Поспал. И видиш, цярь уже начинает нас дарить. Прислал выпить и закусить.

— А ище што тебе подарил?

— А ище подарили, не знаю хто, кольцё.

— Ну, вот, Иван, это кольцё подарила тебе цярьская доцерь. Топерь тебе ей придётце замуж взять.

— Дак што, давай, выпьем!

Вот оне выпили, закусили, конь и говорит:

— Вот што, мой дорогой Иван, яблоки то у нас уж поспели. Возьми сорви одно яблоко, снеси в магазин и спроси: „дайте мне, што надо на себя одеть". И оне всё это тебе дают, да еще спросят не надо ли цёго. Яблока за всё хватит.

Топерь он сорвал этот яблок, принёс в магазин. Там ёго спрашивают.

— Што, доброй цёловек, продаш этот яблок?

Он говорит:

— Нет, не продам. А дайте мне, што на себя одеть и также на́ ноги, за этот яблок.

Ёму прикащики говорят:

— Бери любое платьё, и если мало, ты мы еще и деньгами платим.

Топерь Иван наш долго подбирал одёжу, он был оцень большого роста. Ну, наконець, всё подобрал и оделсе так, што трудно было и узнать прежнего садовника. Пришол к коню, конь и говорит:

— Ну, топерь сорви еще три яблока и неси цярю пробу.

Тогда он сорвал еще три яблока и походит. Конь ёму говорит:

— Вот, когда придёш, скажи цярю: „ваше высокое цярьское велицество, яблоки готóвы, можете откушать". Он ответит тебе: „с большим удовольствием, как вас зовут?" — Ты ёму скажи: „Иваном, ваше цярьское велицество". Топерь он, знацит, и скажет: „ну, Иван, што будет ваша робота стоить?" „Ваше цярьское велицество, вы обещали заплатить што я хоцю; если не возбранно будет, то я прошу вас отдайте за меня

замуж вашу млаччую дочь". Тогда ответит: „Слушайте, — говорит, — хотя у меня доць и не выдана, но всё ровно што уж выдана за ерманского принця. Он черезь два дня приедет, и тогда как же я ёму скажу и перед ним отцитаюсь, если за тебя выдам доць? Эй, слуги, идите-ка сюда. Повалите Ивана и дайте ёму дватцеть пять розог за таки слова".

Топерь повалили ёго на скамью и дали ёму дватцеть пять розог, но он не слышал, будто бы соломинкой ударили ёго несколько раз. Да, он встал и пошол к коню. Вернулсе он к лошади и говорит:

— Ну, дватцеть пять я получил.

— Чего?

— Да розог?

— Ну што-же, топерь иди снова и скажи: „ваше цярьское велицество, я пришол вторицьно, штобы сказать вам мое веское слово".

Когда пришол Иван к чарю снова, он сказал:

— Ваше цярьское велицество, я пришол к вам еще раз и не за розгами, а штобы сказать вам мое веское слово. Ваша доць давно мне пообещалась выйти за меня замуж и вот спросите ей сами.

Топерь так: когда он это сказал, чарь сказал:

— Посмотрим, — говорит, — как она посулилась за тебя. Ну-ко, Мария, поди-ко сюда. Ты посулилась за этого садовника замуж?

— Да, — говорит, — батюшка, я не жалаю выходить за ерманского прынця и хощю вытти за этого садовника.

— Ну, што, — говорит, — коли ты сама выбрала этого садовника, дак выходи, но только сецяс же скрывайтесь оба из моих глаз и из моёго́ чарьства, и больше вам от меня никакой награды не будет.

Вот оне пошли к коню. Оне пришли к коню, то государыня пришла к чарю и говорит:

— Слушай, — говорит, — дорогой муж, у нас две перьвые доцери выданы замуж как следует, а третью ты как собаку выкинул на улицу. Ты хоть бы чем-нибудь ей наградил или отвел бы комнатку какую, штобы им жить.

— Ну, што-же — говорит — у меня есть за дватцеть вёрст от города хутор. Пущай едут и там живут.

Когда Иван узнал это, он спросил:

— Куда нам ехать?

Цяревна сказала:

— Поедем, я знаю куда. Там нам будет хорошо.

Топерь говорит коню:

— Ну, дорогой конь, поедем на хутор.

Вот оне приехали и стали жить, как ни в цём не бывало; и при них же этот конь.

Топерь, черезь сутки двое приежжает ерманский прынць за невестой и когда узнал, што чарь выдал ей за какого-то садовника, он там по 'каким то принцыпам объевил войну ёму. Войну, конецьно, открыл. Он двух затьёв взял и поехал настрету ерманскому прынцю на защиту. Топерь узнал конь это, што открылась война, приходит к Ивану и говорит:

— Вот, Иван, открылась из-за нас, скоряе из-за тебя война. Германский прынць объевил войну, и нам надо ехать помогать здешнему цярю. Оденьсе в латы богатырьские, возьми мець, садись на меня и поедем, только никому не сказывайсе, хто такой.

Как решили, выехали на войну против германского прынця. Выехали в средину прынцева войска, так што розделили ёго пополам и нацяли избивать. Не столько Иван мецём сбивал, сколько конь ногами топтал, так што уже черезь три цяса войско прынцево было розбито, и он с остатками убежал обратно.

Топерь когда оне оконцили эту битву, чарь увидал такого суровóго витезя, велел призвать ёго к себе. Когда он слез с лóшади и пришол к ёму:

— Здраствуй, ваше цярьское велицество, зацем вы меня звали?

— Скажи нам, храбрый воин, хто ты таков, што оказал нам таку важную помощ, которую нихто не мог оказать из наследников? Почему ты это сделал, и хто ты таков, скажи нам своё имё, и поедем с нами, штобы мы могли

попировать и наградить тебя и рознести славу по всем государьствам.

Так, он отвецяет:

— Я вам, ваше велицество, пособил за двадцеть пять.

Оцень цярь удивилсе, што не знает, што такое „за двадцеть пять".

— Я, ваше цярьское величество, ехал здесь мимоходом и пособил, а с вами ехать не могу, так как тороплюсь домой.

Сел на коня и уехал. Чарь осталсе думать, о чем с им говорил этот воин. Приехал Иван на хутор и лёг спать, а лошадь ушла щипать траву. А чарь уехал со своим войском в столицю.

Топерь еще немного времени прошло, черезь сутки германской прынць собрал в два раза́ больше войска и опеть вышел на этого цяря войной. Знацит, Иван еще спит, пришол конь и говорит:

— Пора, Иван, ставать, опеть у цяря битва нача́лась, надо итти пособить, ведь што же делать, хоть он и огрубил, но надо пособить своёму́ батюшке.

— Ну, што же, — говорит, — давай поедем.

Вот скоро собра́лись также и поехали, как и раньше. Въехали в середину, россеели войско напополам и наця́ли избивать. Прошло цяса цетыре-пять и всё войско оказалось розбитым. Он садитце на коня и хоцет ехать домой. Опеть увидал цярь и говорит:

— Слушайте, дорогой витезь, скажите, хто вы такой и поедемте с нами.

— Нет, — говорит, — ваше цярьское велицество, мне сецяс уж совсем некогда, я еду домой, тороплюсь, а пособил я вам за двадцеть пять.

И сел на коня и уехал.

А чарь никак не может понять, што это значит „двадцеть пять". Приехали, поспали, конешно. Да. А потом опеть лошадь пришла и стала будить:

— Ставай, Ваня, нам опеть надо ехать на войну. В этот раз нам будет очень трудно. Хоть во́йска там и в три раза́

только, но зато есть деветь богатырей и деветь богатырьских ко́ней. Вот, — говорит, — и топерь ты знаеш Изан, принеси-ко пузырёк, взятой нами от Шута, нам надо подкрепитьце. Сам попей и мне дай.

Вот принёс, конецьно, этот пузырёк, повыпили эту воду и отправились в путь. Цярь там со своима́ войсками уже выступил и делает своё дело, а оне — своё дело. Вот оне приехали к во́йску и нацяли по прежнему рубить это войско так быстро, што головы, как мячики, летят. И за три часа́ выруби́ли всё войско. Вот выехали тогда настречу Ивану три богатыря. Топерь так. С этима́ с богатырямы оне быстро покончили: Иван отрубил головы, а конь загрыз ихных ко́ней. Как только оне справились с тремя этыми богатырямы, на их выехали еще три богатыря. И цярь со страхом следит за этым Иваном, потому што помоч ничем ёму не может.

Да, также и нача́л с этима́ трёма богатырями, долго билсе с има, но наконець отсёк им головы, а конь загрыз опеть коней. А после этого выехали ёму навстречу последние три самых сильных богатыря, так што сами оне оцень сильные, да и ко́ни почти што насупроти́в Иванова коня. Когда он наця́л битьце с этима́ богатырями, второй богатырь сильно ранил Ивана; так сильно, што Иван упал с коня. Но лошадь Иванова не ростерялась, она оттащила хозяина зубами в сторону, а сама одна наця́ла продолжать битву с этима́ богатырями. Топерь она сумела и второго богатыря победить и загрызла лошадь второго богатыря. И тогда броси́лась на третьего и сперьва загрызла богатыря, а потом ёго коня, хотя и ей было оцень трудно и она была вся изранена мецём и хромала на все ноги. Но когда победила и последнего этого богатыря — прибежала к раненому Ивану. Она прибежала к Ивану и перьвым долгом спросила:

— Ну, как, дорогой Ваня, как себя чувствуеш, жив ли?

— Жив, только оцень слаб.

Тогда лошадь пала перед ним на коленки, подхватила ёго зубамы, проворно перекинула ёго себе за́ спину.

— Давай, скорей поедем к себе домой, дорогой Ваня.

А в это времё подъехал чарь и говорит:

— Вот, дорогой витезь, поедем с нами. Мы тебя положим в больницю вылецим и наградим за твои услуги. Только скажи нам, хто ты такой?

— Нет, ваше величество, сецяс вам ницёго́ не могу сказать, потому што я очень ранен и тороплюсь домой, а только скажу вам одно, што я это всё вам помогал за „дватцеть пять“ и заплатил этот долг за „дватцеть пять“ полностью.

— Топерь ты куда ж поедеш домой? Ведь ты умрёш дорогой!

— Нет, мы поедем домой. Лошадь хоть моя и ранена, но, может быть, мы доедем домой.

И с этыма́ словами уехал.

Приехал домой, жона ёго приняла, положила в больницю и стали дохтура делать перевязки; а коня взяли конские дохтура, стали лецить.

Но битва, знацит, концилась. Чарь уехал с войсками в столицю и всё жалел об этом витезе.

Топерь так: когда этот государь приехал домой, то созвал большой пир. После этой битвы — большой празник, и пригласил на этот бал князей и государей с нескольких государьств. Только што не знал, где у нёго этот витезь, Иван, находитце. То́перь подошла к ёму жона своя, государыня, и говорит ёму:

— Ваше цярьское велицество и мой муж, у тебя много со́брано гостей, как своих, так и чужих, и у тебя две дочери с мужьями приглашо́ны; а ведь есть еще и третья доч, хотя с нелюбимым зятем и нелюбимая дочь, но хоть не для себя, дак для людей, а надо бы ей пригласить с мужем на этот пир.

Сецяс он не проць.

— Ну, што же, — говорит, — можно пригласить.

Послал одного ближнего посланника розыскать и пригласить их на бал. Да, когда посёл приежжает и зашол к им в дом, то просит доложить чаревны. И вот когда она к ёму приходит, он говорит ей:

— Вот што, прекрасная Мария, ваш батюшко и король просил вас пожаловать с мужем на пир к ёму во дворець.

Она ёму и отвецяет:

— Скажи же моему папе большое спасибо, но передайте, што быть я никак не могу, потому што муж мой болен. Он только што вернулсе с битвы раненой и топерь лежит больной.

Этот посёл вернулсе обратно и росказал, што там у цяревны делаетце. Тут чарь догадалсе и сказал своей королеве:

— Ну, жона, давай собирайсе в екипаж, и поедем на хутор к зятю.

Так, скоро государь собралсе в екипаж, и приехали на хутор. Приехали, зашол в комнаты, поздоровалсе с дочерью и спросил:

— Где ваш муж?

— Батюшко, вы, наверное, сами знаете — мой муж вернулсе с битвы раненой и топерь лежит больной.

— Ну, топерь знаете, доч, покажите мне вашего мужа.

— Пожалоста!

Открывает дверь и пропускает короля в комнату к мужу. Приходит он к нёму в спальню, подходит к нёму к дивану и сразу упал перед им на колени:

— Ну, мой дорогой зять, прости мне моё дерзкое дело, которое я допустил, а топерь не откажи, поедем к нам на бал в гости, и с жоной.

Он и говорит:

— Слушайте, батюшко, я еще болен и не могу ехать, а во-вторых, в вашем экипаже я ехать не могу и кóни ваши меня не потянут. А жоны моей я приказываю к вам ехать с вами и быть на пиру, а я, если мне будет лехче, может быть приеду и застану пир.

Вот оне управились, уехали, знацит, а Иван одеваетце и пошол к коню.

— Ну, што, дорогой конь, ведь был государь, звал на бал. Как думаеш, поедем или нет?

— Слушай, Иван. Поехать — поедем, если ты будеш исполнять всё, што я тебе скажу, а то я не поеду, а ты поежжай один.

— Всё буду исполнять, дорогой конь, только скажи в чом дело?

— А вот чем: я поеду с тобой, если ты меня там не привяжеш, а пустиш свободно на дворе ходить. Но только я там буду шутки шутить нехорошие. Сколько там есть государей, князей, министров — а оне все приехали, знацит, на лошадях, — и вот я всех ихних лошадей передавлю. Это, конецно, им будет неприятно, то чарь скажет: „Иван, поди, привяжи лошадь". А ты становись на ноги и скажи: „бешеной скотины нельзя держать, сецяс пойду — голову срублю". Топерь так государь скажет: „слушайте, гости, за все убытки я вам заплачу деньгами или чем хотите, но только такую ценную лошадь, как у моёго́ зятя Ивана, убивать не надо, она очень большую службу сослужила".

Тогда наш Иван стал на́ ноги и сказал:

— Нет, я как сказал, так и сделаю: отрублю голову.

И пошол. Все гости, конецьно, за им. Он выходит, а конь стал как вкопанной. Подходит Иван к коню, выхватывает саблю́ и на один раз отсек голову, Когда он отрубил коню голову, то конь обращаетце мужиком и подаёт Ивану руку:

— Ну, здраствуй, — говорит, — мой дорогой зять. А топерь пойдём вместе на бал.

Вот оне зашли вдвоём на бал, то все гости вылупили глаза, как мог образоватьце из лошади цёловек. Тогда он обращаетце ко всем гостям:

— Гра́ждане, — говорит, — позвольте я вам слово скажу, позвольте, ваше цярьское величество, слово сказать?

Цярь говорит:

— Пожалоста!

Тогда он нацинает:

— Ваше величество, у вас был ли сын при времени вашей жизни?

Цярь долго помолчал и наконець сказал:

— Да, был у меня сын восемь месицев. И вот пришлось мне лет двадцеть тому назад заблудитьце в одном большом лесу и я пообещал ёго, сам не зная, какому то Шуту. Пришлось потом отдать и с тех пор прошло уже двадцеть лет.

— А што бы сделали, если бы ваш сын вернулсе?

Король говорит:

Я бы не знаю, што я сделал, я бы просто обрадел.

— Дак вот, ваше цярьское велицество! Я из лошади ваш сын, вернулсе вместе с вашим зятем Иваном от Шута.

Тогда чарь стал на́ ноги, обнел своёго́ сына, поцеловал ёго и посадил рядом за стол. И стал бал так весело проводить. Топерь стал Иван-цярьской сын росказывать о том, как оне с Иваном зятем приехали от Шута, и как ро́стили сад с золотыма яблоками, и как он жонил на своей сестры Ивана. Гости все порозъехались по домам, не щитали за зло того, што были погу́блены лошади, так как это оказалсе цярьской сын, и оцень он был славен.

Топерь зятя Ивана наградил генеральским чином, построил ёму дворець рядом с собой, а сына жонил на цярьской дочери из другого цярьства и назначил наследником престолу. А после этого престол должен был перейти млаччему Ивану, зятю.

Тут и конець.

*

КОНЁК-ГОРБУНОК

Не на не́бе, на земле́
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Перьвой умной был детина,
А второй был так и сяк,
Млаччий во́все был дурак.
Братья сеяли пшоницю
И возили во столицю,
А столиця та была
Недале́ко от села.
Там пшоницю продавали,
Деньги щотом получали
И с набитою сумой
Возвращалисе домой.
В до́лгом времени иль вскоре
Приключилось братьям горе:

Кто-то в поле стал ходить
Да пшоницю шевелить.
Много ел, много косúл,
Да с собою уносил.
Мужички такой печали
Уж от роду не видали.
Стали думать и гадать,
Как бы вора им поймать.
Наконець оне смекнули,
Штоб стоять на каравуле,
Хлеб-пшоницю поберець,
Злого вора подстерець.
Старшой брат был Онтон,
Средний брат был Ондрон,
Млаччий брат был Иван.
Походил он на чурбан.
Вот жерéбий свой кинýли,
Кому итти в дозор из трёх.
Вот походит наш Ондрон,
Берёт вилы и топор
И отправилсе в дозор.
Ночь ненасная настала,
На нёго бóязнь напала,
И со страху наш мужик
И забралсе на сенни́к.
Только стало чуть смеркатьце
И дозорной стал спускатьце,
Обкатил себя водой,
И подходит он к кольцю.
За кольчо он тут стучит,
Сколько мочи есть кричит:
„Эх вы, сонные тетéри,
Отворите брату двери.
Брату двери отворили,
Каравульного впустили.
Стали спрашивать ёго,
Не видал ли он кого.

Каравульной помолилсе,
Вправо, влево поклонилсе,
И прока́шлявшись сказал:
„Никого я не видал.
Всю я ноченьку не спал,
До костей я весь промок
С головы до самых ног.“
Похвалил ёго отець:
„Ну, Ондрон, ты молодець!“
Только стало лишь смеркатьце,
Надо среднему сбиратьце,
Берёт вилы и топор,
И отправилсе в дозор.
Ночь ненасная настала,
На нёго бо́язнь напала.
Он зашол к соседке молодой
И спал во го́ренке сонно́й.
Утром рано на заре
Забегает он во двор.
Из ведра себя обкатил
И прибегает он к кольцю:
„Эх вы, сонные тете́ри,
Отворите брату двери.“
Брату двери отворили,
Каравульного впустили.
Стали спрашивать его
Не видал ли он кого.
Каравульной помолилсе,
Вправо, влево поклонилсе,
И, прока́шлявшись, сказал:
„Никого я не видал.
Всю я ноченьку не спал,
До костей я весь промок
С головы до самых ног.“
Похвалил ёго отець:
„Ну, Онтон, ты молодець.“
Только стало лишь смеркатьце,

Надо млаччему сбиратьце.
Иван ухом не ведёт,
На печи в углу поёт.
В каравул он не идёт.
Вот приходит тут отець:
„Ну, Ивашка молодéць,
Ты поди в дозор, Иван,
Я куплю тебе сапожки,
А ище куплю фуражку.“
Иван с печки тут слезает,
Шапку рвану надевает,
Забирает он кафтан,
Краюшку хлеба захватил,
С песней в поле покатил.
Не брал ни вил, ни топорá,
Пошол с песней со двора.
Вот приходит он на поле
И уселсе наш Иван,
Краюшку хлеба опряга́ет,
Звёзды на небе щитает.
Раз он пять сбивалсе с щоту,
Уж отбило всю охоту.
Посмотрел под рукавици
И увидел кобылицю.
Кобылиця та была
Точно белой снег белá.
Грива бела золотая,
В мелки кольци завитая,
Да алмазные копыта,
Сверьху жемчугом подбиты.
„Погоди-ко ты, сецяс
Я отделаюсь нараз.“
Вот Ванюша кралсе, кралсе,
На хребёт он к ней забралсе.
Ну, забралсе на хребёт,
Хоть и задом наперёд.
Кобылиця понеслась,

Хочет сбросить тут Ивана,
Но Иван тот был не плох,
Крепко держитьце за хвост.
Вот кобылиця понеслась,
И носилась, и носилась,
Наконець ёму змолилась:
И сказала, наконець:
„Ну, Ивашко молодéць,
Ты спусти меня на волю,
Погулять по чисту полю,
Через три я тут денька,
Дам тебе я три конька.
Двух держи, а хош — продай,
Ну, конька не отдавай.
На спине с двума горбами,
И с аршинныма ушами,
Ростом только три вершка,
Ну куды какой башка!
На земли и под землёй,
Он всегды товарыщ твой.“
Тут Иванушко слезает,
Отправляетце домой.
Вот приходит он во двор,
Ухватилсе за кольчо,
Во кольчо он тут стучит,
Сколько мочи есть кричит:
„Эх вы, сонные тетéри,
Отворите брату двери.“
Брату двери отворили,
Каравульного впустили,
Стали спрашивать ёго
Не видал ли он кого.
Каравульной помолилсе,
Вправо, влево поклонилсе
И, прокáшлявшись, сказал:
„Чорта, братци, я видал.“
Братья долго хохотали,

За бока себя хватали,
Наконець, сказал отець:
„Ну, Ивашко молодéць,
Забирайсе в миг на пець.“
Тут Иванушко забралсе,
Раза два пробормотал,
Наконець и захрапел.
Вот прошло два денька,
А на третий-то денёк
Он уж видит три конька:
Между двума-то коньками
И тут же горбынёк.
На спине с двума горбамы
И с аршинныма ушамы.

Вот Иван пас трое сутки. Братья стали замечать, што ходит в изгородь Иван. Вот походят оне смотреть, когда Ванюшка спит. Притодят и видят: три конька. Тут говорит ёму Ондрон:

— Ишь, хитрой Иван, ну на што ёму три конька, мы два уведём в город.

Для Ивана дурака
Хватит третьего конька.
Видно так уж век ведётце,
Дуракам и клад даётце.

— Забирай коня сецяс и поедем в город, продаём. Пока Ванюша наш спит, мы пойдём и их угоним.

И вот оне сецяс собрáлись, оседлали кóней и погнали.

Вот стават тут наш Иван и идёт кóней смотреть. И обвёл он тут глазамы, видит кóней нет. И заругалсе:

— Ох вы, черти, негодяи, кто моих конéй покрал?

А конёк ёму в ответ:
„Не кляни, Иван, судьбины,
А садись ко мне на спину,
Крепче за уши держись,
Их догоним мы тотчас“.

Вот Иванушко тут сел, ухватилсе он за́ уши и понёссе наш конёк. Не прошло еще и час, как оне увидали братьев зараз. Вот увидал он тут братьев и нача́л ругатьце:

„Дураки вы, негодяи,
Вы зацем коней забрали?“
Тут говорит ёму Онтон:

— Слушай-ко, брат Иван, ты ведь знаеш, што хлеба нет у нас сецяс, ко́ней этих продаём, и денег много мы возьмём. Ко́ни эты дорогие, ко́ни царьски, не простые. Ко́ней этих продаём, купим мы тебе кафтан, купим тебе фуражку, да ещо полусапожки. Вместе с намы ты поедешь, торговать коня́ми будеш, только с тем, што деньги нам.

Согласилсе наш Иван вместе с ними в город ехать. Вот и едут оне вперёд. Увидали огонёк, говорит ёму Онтон:

— Слушай-ко ты, Иван, съезди, посмотри што за огонёк там?

Вот Иван конька вернул и подъехал. Увидал, што лежит жар птици перо. Иван с конька слезает, перо мигом забирает и за шапку положи́л. И говорит ёму конёк:

— Не бери, Иван, пера, черезь это ты перо увидиш много вреда.

А Иванушко захватилсе за́ уши конька и давай братьев догонять. И потом братья стали спрашивать ёго:

— Ну, кого, Иван, видал?

Иван ответил так:

— Братья, там ни селу́шки, ни дереву́шки, а горит гнила пенюшка.

Братья долго хохотали, за бока себя хватали. Вот приежжают в град-столицю и зашли в торговой ряд. И поставили ко́ней, где стояли ко́ни дорогие, где стояли тут купци. Вот приежжают тые министры всех ко́ней проверять и подходят, ко́ней видят, ко́ни оцень дорогие. И спросил министр у их:

— Кто хозяин лошаде́м?

Тут Иван и выбегает, шапку рваную снимает и поклон им отдаёт:

— Я хозяин лошаде́м.

— Ну, за сколько хош продать, этих ко́ней нам отдать?

— Хочу десеть тышець взять, — отвечает тут Иван.

Чарь узнал и тут же сразу деньги выдать приказал. Говорит министр Ивану:

— Это дело я изла́жу, тышець пять за ко́ней дам, не отдашь за эты деньги, то тебя я накажу.

Говорит Иван тогда:

Ну, и ладно, я отдам.

Деньги кряду отщитал,

Иван братьям их отдал.

— Но, топерь, Иван, иди — жить тебе с нима́ в конюшни, корьмить и чистить будеш ты на конюшни с конюха́ми.

Вот Иван тут наш поехал. На конюшню он приходит, и коне́й туда заводит. И тут же вместе с ним конёк. Вот Иван живёт месець, два и три, ла́дит, цистит и пои́т. И в перьвой день святого Марка попала Вани цярка. Был Иван наш во хмелю и подралсе с конюхами и в драке выронил перо.

Эти ко́нюхи брали
И чарю про то сказали,
Што скрыват Иван перо
От жар птици дорого́.
Чарь Ивана призывает:
„Ну, ступай, Иван Макаров,
По прозванью Сухопаров,
Отыщи тую жар-птицю,
Привези ко мне в столицю!“
„Где мне, где ей отыскать,
Я не знаю, где ей взять.“
„Говорю уж без резону,
То сецяс задам трезвону,
Поведут тебя нараз,
Срубят голову как раз.“
Вот приходит он в конюшню,
Па́дает коньку в ноги,
Говорит ёму в тревоги:
„Помоги ты мне, конёк,

Помоги мне, горбунёк,
Штобы отыскать жар-птицю,
Привезти сюда в столицю."
„Говорил тебе про это —
Не бери, Иван, пера́,
Што от этого пера́
Будет много нам вреда."
„Да, об этом я не спорю,
Я и рад помочь бы горю".
„Да за то тебе беда,
Што не слушал ты меня.
А теперь поди к чарю,
Ведро меду принеси,
Да два корыта принеси."
И пошол Иван по службы,
Росказал чарю про ну́жды.
Чарь об этом лиш узнал,
Выдать это приказал.
Вот приходит и приносит,
Говорит ёму конёк:
„На меня, Иван, садись,
Крепце за́ уши держись."
Полетел Иван из столици,
Стал розыскивать жар-птицю.
Вот он выехал в долину,
Цють сидел Иван ни спи́ны.
Вот приехал на то место,
Где слеталисе жар-птици,
А потом конёк сказал:
„Ну, слезай теперь, Иван,
Выливай ты мёд в корыто,
А под второе ложись сам.
Налетят сецяс жар-птици,
Этот мёд тут роспивать,
А тебе уж тут има́ть.
Поима́ш — тогда держи,
Да скорей меня зови."

Вот повалилсе наш Иван,
Налетели жар-птици,
Стали мёд роспивать.
Тут Иван уж был не плох,
Зацепилсе ей за хвост и крыцит:
„Помоги ты мне, конёк,
Помоги, мой горбунёк.“
Прибегает горбунёк,
Иван птицю поимал
И сел на конька.
Полетел наш удалец,
Сразу видит и дворець.
Прилетает он в столицю
И привёз с собой жар-птицю.
Вот увидел цярь-отець и говорит:
— Ну, кажи́ ей топерь, Иван.“
Говорит чарю Иван:
„Коли хочеш посмотреть,
Дак надо о́кна запереть.“
Чарем изданной приказ
Окна заперты как раз.
Вот Иван из мешка вытрес на пол.
Закрыцял тут цярь-отець:
„Ой, горим, ой, пожар, пожар!“
Говорит сецяс Иван:
„Нет, отець, пожара нету,
А ты видиш много свету.“
Похвалил тут чарь-отець:
„Ну, Ивашко, молодець!“
И Иван пошол в конюшню,
У чаря новые загадки.
Он приказал позвать Ивана:
“Вот, Иван, тебе наказ:
Привези мне цярь-девицю.“
Говорит Иван цярю:
„Где же мне ее достать:
Я не знаю, где живет.“

А чарь приказал ёму достать.
„Говорю я без резону“,
А не то задам трезвону.“
На конюшню Иван пошол
И говорит коньку:
„Помоги ты мне, конёк,
Помоги мне, горбунёк:
Отыскать велят цярь-девицю,
А то будет мне беда.“
„Да, беда с тобой, не спорю,
Помогу я в твоём горе,
Но за то тебе беда,
Што не слушал ты меня.
А топерь иди к чарю,
Гусли, шатёр и десертов попроси,
Да ко мне и принеси“.

Вот приходит он к чарю и говорит:

— Дай мне гусли, шатёр и десерты, а то ина́це ехать нельзя.

Цярь всё выдать приказал. Как Иван наш это всё взял, и говорит ёму конёк:

„На меня топерь садись,
Да крепце за уши держись.
Мы поедем к окияну
На широкую поляну“.

Вот уселсе наш Иван, полетел конёк стрелою и спустилсе к окияну, прилетел, у моря стал:

И потом говорит Ивану:

— Ставь сецяс здесь ты шатёр, стол хорошой понакрой и положи́ все десерты и гусли, а сам укройсе в шатёр, но сам не спи. Вот она когда только придёт в гусли играть и десерты поедать, ты ей уж захвати.

И вот не долго прошло, видит лодка плывет: весёлки золотые, лодка серебряная. Приежжает прекрасная цярь-девиця. В шатёр белой она заходит и видит цюдо, какого и никогда не видала. Вот зашла она в шатёр, где стоял тут

убран стол; в шатре не было никого, только стояли одне гу́селки, и на столах десерты разные. Она села тут за стол и стала играть. Наш Ванюша не спит. Только заиграла она в гусли, кряду наш Иван заснул. Вот она, конешно, попила, поела, поиграла, потонцовала, собралась и уехала. Вот про это знал конёк; розбудил конёк Ивана, розбудил, ёму сказал:

— Если ты проспиш второй раз девицю — не попасть тебе в столицю.

Он попомнил все слова и поставил как надь быть и еще ёму сказал:

— Ну, Иван, топерь не спи. Вот приедет как девиця, ты ей уж захвати, крепче за́ косы держи.

Так конёк наш и ушол. А Иван осталсе тут. Вот ждал, ждал, ждал. Вот приехала девиця, во белой шатёр идёт, за белой стол садитце, берёт гусли и давай опеть играть. Соскоцил сецяс Иван, ухватил её за ко́сы и кричит:

„Помоги ты мне, конёк,
Помоги мне, горбунёк“.
Конёк быстро прискакал,
Вот уселись и поехали.
Привезли эту девицю
Да во цярьскую светлицю,
Как увидел чарь-отець:
„Ну, Ивашко, молодець!“
Вот подходит цярь-отець
К молодици цярь-девици.
„Вот с тобой уж мне-ка жить,
Да тебе меня любить“.
А она ёму в ответ:

— Хорошо, я буду жить, только нужно это сделать: моей маменьки родной отвести поклон от меня и просить у ней благословенья, на луны живёт она. Потом брату-месецю привет. Вот тогда я только за тебя пойду.

Призывает чарь Ивана и даёт ему наказ:

— Вот, мой слуга Иван Макаров, по прозванью Сухопаров, вот съезди, отвези письмо ейной матери и скажи сонцю привет, штобы она ответила ей.

Вот Иван не смеет ни спорить слова, взял письмо, пошол к коньку.

— Помоги ты мне, конёк, помоги мне, горбунёк, отвести благословенье, на луну съездить к матери и передать то письмо и привет сонцю, брату ейному.

„Да, беда, Иван, не спорю.
Как помоч мне в этом горе.
Да за то тебе беда,
Што не слушал ты меня.
Так и быть, Иван, сбирайсе,
На меня, Иван, садись,
Крепче за уши держись,
Ведь далеко нам, Иван,
Ехать надо в окиян".

Вот Иван на конька садитце. Взвилсе наш конёк по степям и по лесам. Приезжает к окияну, говорит конёк Ивану:

— Слушай-ко, Иван, на море на окияне кит огромной тут лежит, будет спрашивать тебя: „Вот, слуга Иван Макаров, ты спроси-ко про меня, долго в мори мне лежать?"

Вот поехал ко киту, на ките сёла стоят, ездят кони и телеги, ходят люди и прохожи. Доехал до головы, кит и говорит:

— Ну, спроси, Иван, про меня, долго ли мне здесь лежать, да мои кости топтать?

Ответил Иван:

— Как поеду — доложу, о тебе я роскажу.

Так Иван приехал, поднялсе в облака. Приежжает на луну, подаёт письмо матери. Прилетела и сказала:

— Благословляю тебя, родная (видит, здумал в семьдесят женитце на молоденькой девици).

Написала тут ответ и он поехал дальше. Приежжает он на месець, подаёт ёму пакет. Отвецяет месець так:

— Ну, скажи ей там привет, только ей уж с им не жить.

Вот и спрашивает Иван месеця:

— Ты скажи, долго ли жить киту в мори-окияне, ёму уж очень тежело?

Говорит месець Ивану:

— Как поедеш ко киту, предупреди всем сёлам и людям, штобы сбирались все с кита и за собой всё увозили. Когда выбросит обратно тридцеть кораблей, што он проглотил, тогда больше не будет лежать.

Роспрощалсе Иван и поехал. Скоро он к киту приехал, по киту несётце конёк, подъежжают к голове:

— Ну, што месець сказал?

— Погоди немножко и уйдёш ты в синё морё.

Росказал Иван народу, штобы сразу собрали́сь, да с кита и убрались. Стали люди собиратьце, освободили кита.

— Ну, когда выпустиш тридцеть кораблей, так и уйдёш в синё морё.

Кит тут пасть широ́ку открыл и выпустил корабли и освободилсе. Повернулсе кит и сказал:

— Ну, спасибо, Иван, и я тебе сослужу.

Вот Иван поехал в столицю.

Вот приехал во столицю,
Отдаёт письмо девици,
И приходит цярь-отець:

— Ну, как твое благословенье?

„Вот послушай, цярь-отець:
В синем мори-окияне,
Близко острова Буяна,
Красной ящичек найди
Да ко мне и принеси“.
Призывать цярь Ивана:
„Вот, Иванушка Петровиць,
Съезди к морю-окияну,
Близко острова Буяна,
Красной ящичек найди
Да ко мне и принеси“.

Вот Иван пошол, не сказал ни слова. Приходит к коньку и говорит:

„Вот опеть нова беда,
Посылает чарь-отець
К синю морю-окияну,
Близко острова Буяна
Красной ящичек найти,
Да, к нёму и привезти".
„Да беда, Иван, не спорю,
Как помоч твоёму горю?
Да за то тебе беда,
Што не слушал ты меня.
На меня, Иван, садись,
Крепче за уши держись".

Приежжают к окияну. Вот Иван кита́ кричать. Спрашивает кит Ивана.

— Ну, Иванушко Петровиць, ну кака тебе нужда?

Обсказал Иван ёму, кит и говорит:

— Ну хорошо, я тебе заплачу, што ты меня ослободил, и ящичек розыщу.

Кит ушол глубо́ко в морё, дал приказ ершам, карасям, тюленям принести ящичек. Вот все искали, искали, не могут найти. Кит дает кряду приказ!

— Розыскать всех лещей. Они знают, должны знать, где хранитце благодать.

Вот побежали оне розыскивать. Ёрш дерётце с карасём.

— Ты знаеш, где красный ящичек.

— Знаю.

— Надо сецяс же розыскать и киту ёго достать.

Отыскали, принесли, кит отдал Ивану ящичек.

Вот поехал наш Иван к чарю в столицу. Отдал ящичек, сам пошол на спокой

— Ну, послушай, цярь-девиця, ну топерь давай собиратьце к венцю.

— Это всё будет ладно, но ты стар, я молодая, положи на двор три котла: котёл молока кипечоного, котёл воды

студёной, третий котёл воды кипечоной. Вот искупайсе, ина́че не пойду за тебя.

Цярь думает:

— Давай, попытаю Ивана.

Призывает Ивана:

— Ну, мой слуга Иван Макаров, по прозванью Сухопаров, искупайсе в молоки.

Тут Иванушко заплакал:

— Што ты, цярь-отець, за добро́ ты платиш ли́хом, хочеш меня топерь сожга́ть.

— Говорю я без резону, а то сецяс задам трезвону!

Пошол Иван, заплакал. Пришол к коню и говорит:

— Ну, прощай, мой коне́к.

— Да, беда, Иван, не спорю, но топерь последняя беда. Иди топерь, Иван, и попроси чаря, штобы он меня привёл с тобой роспроститьце, а как я приду, обойду вокруг котла, ты сразу в котёл ныряй, а я пойду к другому, ты и в другой ныряй, и так в третий.

Вот приходит Иван на двор, а народу собралось видимо-невидимо смотреть Ивана. Приходит и цярь. Иван и говорит:

— Слушай, царь-отець, дай повидатьце мне с конём перед смертью.

Цярь велел привести конька. Привели конька. Конёк обошол котёл. Иван и прыгнул в котёл. Вы́стал из котла, а конёк пошол ко второму и так к третьему. Вот вышел наш Иван из котлов таким красавцем, што ёго никто и узнать не может. Даже чарь удивилсе. Вот чарь сецяс пошол к котлу, а конёк ушол на место. Как цярь в молоко нырнул, так назад уж не вернулсе. Тут приходит цярь-девиця, Ивана за руки берёт, во святой уж храм ведёт. Свадьбу сразу тут сыграли, да Иван на чарьство стал. Стал он чарьством управлять, повенчалсе и стал жить-быть со своей жоной до глубокой старости.

ОПИСАНИЕ СЮЖЕТОВ
и
ПРИМЕЧАНИЯ

ОПИСАНИЕ СЮЖЕТОВ

30. ТРИ ЦАРЬ ДЕВИЦЫ

Родители отдают сына учиться старику. Старик запрещает мальчику ходить в одну комнату. Иван не исполняет приказания старика, видит через хрустальную стену трех девиц. Они учат его, как украсть у дедушки ключ. Он достает ключ, девицы обращаются голубками и улетают. Старик ловит их, женит Ивана на младшей и отпускает домой. Не велит давать жене разноцветное платье. Жена выпрашивает у Ивана платье, обращается голубем и улетает. Иван отправляется разыскивать жену. Попадает к трем старухам — теткам его жены. Они дают ему щучьи зубы, коготь орла и учат, как перехитрить царь-девицу. Отвозят его к жене. Царь девица хочет его казнить, но он просит разрешенья спрятаться от нее три раза. Первый раз его разыскивает по приказанью царь-девицы щука, но он отдает ей щучьи зубы и она целым и невредимым привозит к царь-девице. Второй раз сует орлу орлиный коготь, третий раз прячется за дверью. Царь-девица не может его разыскать и соглашается вернуться к мужу. Иван становится царем в царстве царь-девицы.

31. ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

У купца в море останавливаются корабли. Волшебница требует купца к себе. Его спускают в шлюпке, корабли освобождаются и уходят. Шлюпка привозит его к острову, он попадает в дом к волшебнице. Среди игральных карт находит червонного валета, перекидывает его с руки на руку, из валета появляется молодец. Валет помогает ему вернуться домой. Купец попадает на корабль. Волшебница прилетает на корабль орлом, валет убивает ее, рубит тело на куски и бросает в море. Предупреждает купца, что он избавился от волшебницы на 20 лет и просит сохранить его (валета) от рук волшебницы. Купец кладет валета в чемодан, который прячет в 12 других чемоданов и замуровывает в стену. Через 18 лет купец умирает. Сын его проматывает все имущество купца, находит чемодан. Валет возвращает ему все богатства. Иван женится на купеческой дочери. Уезжает на охоту, жена

в это время обменивает червонного валета волшебнице на простые карты в золотых рамках. Все богатство Ивана сгорает во время пожара. Он хочет повеситься, его спасает старик. Учит, как вернуть валета. Иван берет у тестя корабль и отправляется к волшебнице. Видит во сне валета, который объясняет ему, как погубить волшебницу. Иван читает в доме волшебницы евангелье, от которого из камня выходит девушка. Она дает ему перстень, который придает богатырскую силу. С помощью кольца Иван отворачивает камень и достает спрятанного под камнем валета. Дочитывает до конца евангелье и тем самым снимает колдовство с валета. Убивают девушку, которая появилась из камня, убивают волшебницу и возвращаются вместе домой. Иван получает свое богатство, а валет женится на княжеской дочери

32. ШУТ

Товары купца гибнут в реке. Шут спасает товары, взамен требует то чего купец не знает дома. Получает родившегося без отца сына. Шут, уезжая из дому, разрешает Ивану ходить по всем комнатам за исключением одной. Иван не исполняет приказания, открывает дверь, достает коня. Конь золотит Ивану руки, серебрит ноги, награждает силой. Велит забрать от Шута мыло, щетку, платок и два мешка золотых яблок. Шут бросается за ними в погоню но Иван бросает мыло — образуются леса; бросает щетку — встают каменные горы; бросает платок — появляется огненная река. Шут бросается в реку и сгорает.

Иван при помощи коня выращивает царю в три дня сад с золотыми яблоками. Просит отдать ему царевну в жены. Царь наказывает Ивана розгами. Царевна выходит замуж за Ивана против воли отца. Царь прогоняет Ивана с дочерью на хутор. Бывший жених царевны, германский принц, идет войной на царя. Иван, переодетый рыцарем, на своем коне три раза выезжает и разбивает германского принца. В последнем сражении ранен. Царь, празднуя победу, устраивает пир и приглашает дочь и зятя. Узнает, что победой обязан зятю. Иван едет на пир, убивает своего взбесившегося коня. Убитый конь превращается в юношу. Юноша оказывается сыном царя, отданным Шуту и обращенным в коня. Царевич получает престол, а Иван — генеральский чин.

33. НЕЗНАЙКА

Купчиха, по наущению любовника — генерала хочет погубить пасынка. Дает ему зелье в пирожках, дает волшебную рубашечку, от которой он должен сгореть. Жеребенок три раза предупреждает Ивана об опасности (стоит по-колени в крови, по-грудь, затем — весь в крови). В третий раз купчиха

хочет погубить и мужа. Притворяется больной и просит убить жеребенка. Иван не слушается и узжает на своем жеребенке из дома.

Поступает помощником к царскому садовнику, на все вопросы отвечает „не знаю". Делает царевне корону из цветов. Она берет его слугой во дворец. Отвергнутый жених царевны „неверный" король объявляет царю войну. Царь отправляет старших зятьев биться с королем. Незнайко, вызывает коня, превращается в рыцаря и три раза побеждает „неверного" короля. Наказывает зятьев за плохое отношение к войску и к битве. Перед битвами поднимает уроненные царевной и царем с балкона именные платки и перстни. По этим предметам царь узнает о подвигах Незнайки и женит его на своей дочери.

Незнайка отправляется за своим отцом, которого жена выгнала из дому и сделала свинопасом. Наказывает мачеху, а отца увозит к себе.

34. ВИНОГРАД ВИНОГРАДОВИЧ

У царевны родятся два сына — близнецы: Виноград и Виноград Виноградович. Царь замуровывает их в башню. Мальчики разрушают стену, выходят из башни, находят корабль, переплывают море, поступают на работу к царю. Царевна влюбляется в одного из братьев и выходит замуж за Винограда Виноградовича. Виноград Виноградович забывает пригласить брата на свадьбу, тот уходит из царства, но предупреждает: если в стакане из воды образуется кровь, значит он погиб. Буря разбивает корабль Винограда, выбрасывает его на берег. С помощью дедушки — волшебника Виноград проводит в одну ночь царю вокруг дворца реку Неву, по реке корабли плавают, через Неву мост хрустальный, себе строит дворец. За это получает полцарства и женится на младшей царевне. Баба-яга требует старшую царевну отдать за своего сына змея. Дедушка наделяет Винограда силой и конем и учит как убить змея. Виноград тайно едет к морю и освобождает царевну. Затем убивает второго змея и третьего, который потребовал в жены младшую царевну — жену Винограда. В последнем поединке змей ранит Винограда и его коня. Жена по ранению узнает его и его тайные подвиги открываются. Баба-яга вызывает царя с придворными и Винограда к себе в гости, чтобы их погубить. Дедушка велит сделать девять одинаковых карет, кучеров и коней, исполняет ее задачу и учит Винограда, как спастись от смерти. Виноград выбивает бабе-яге оба глаза. Она тонет в море, все возвращаются в свое царство. Ночью Виноград видит свинку — золотую щетинку. Свинкой обращается баба-яга, Виноград бросается за ней в погоню. Она завлекает его в море, вызывает Олешу кривого и топит Винограда в море, Виноград Виноградович узнает о смерти брата, едет его выручать. Его также завлекает к морю свинка-золотая щетинка, но он ее ловит. Побоями добивается, чтобы она оживила брата. Виноград оживает. Братья убивают бабу-ягу. Виноград Виноградович возвращается домой, а другой брат Виноград получает престол и становится царем.

35. БОВА КОРОЛЕВИЧ

Милитриса Кирбитьевна со своим возлюбленным, королем Додоном при помощи хитрости убивает своего мужа. Ее сын, Бова королевич, бежит из королевства со своим дядей, но его ловят и сажают в темницу. С помощью девушки-чернавки Бова бежит из темницы и попадает к разбойникам. Они его продают капитану иностранного судна, а тот, в свою очередь, перепродает царю Зинзевею. Бова убивает жениха Дружневы Зинзевеевны, Лукопера, и освобождает ее отца Зинзевея из плена. По проискам дворецкого Бова должен ехать к Султану с письмом, в котором написано, что он убил Лукопера. В дороге встречает старика Чилигрима, который дает Бове сонных капель, отнимает у него лошадь, латы богатырские и меч-кладенец. Султан сажает Бову в темницу. В Бову влюбляется дочь Султана, Мильцигрия, но он отказывается на ней жениться. Она велит его заморить голодом, но при помощи старика Чилигрима, Бова убивает стражу и бежит из темницы на корабле. Приплывает в царство Маркобруна, который собирается жениться на Дружневе Зинзеевне. Дружнева бежит с Бовой от Маркобруна. Бова побивает посланную за ним рать, побеждает Полкана богатыря и братается с ним. Полкан побивает высланное Маркобруном в третий раз войско и затем вместе с Бовой разбивает Маркобруна. Отправляются в царство к Урило князю, где опять воюют с Маркобруном. Затем Бова едет к своему дяде, а жену с двумя детьми оставляет на попечение Полкана-богатыря. Лев убивает Полкана, а Дружнева под видом старухи поступает прачкой к барину. Бова мстит за отца и убивает царя Додона. Думая, что Дружнева разорвана львом, Бова собирается жениться на дочери Султана, но встречает своих сыновей, находит Дружневу, а дядю женит на дочери Султана.

36. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

Еруслан Лазаревич, обладая большой силой, во время игры с ребятами, уродует своих товарищей. За это царь Картаус велит его прогнать из царства. Отец дает ему уздечку, седло и меч-кладенец. Еруслан Лазаревич уходит из царства Картаусова, достает у пастуха Ивашки коня, которого называет Орош Вещий. Борется и затем братается с Иваном-русским богатырем. Иван-русский богатырь побивает рать-силу и женится на королевне. От королевны Еруслан Лазаревич узнает, что есть богатырь сильнее его. Ивашка Епанча-Таратинская Шапка и что самая красивая девушка это — дочь царя Вахрамея. Он едет к царю Доломату, убивает его дочерей, которые считают самым сильным богатырем Ивашку Епанчу. Царь Доломат идет войной на Еруслана Лазаревича, но его войско разбито. Еруслан Лазаревич убивает Ивашку Епанчу и отправляется к царю Вахрамею, борется со змеем, получает у него драгоценный камень и убивает его. Женится на Настасье Вахрамеевне. Узнает, что царь Картаус и его отец Лазарь Лаза-

ревич взяты в плен и ослеплены Данилой Белым. Едет к ним в темницу и узнает, что они могут прозреть, если он убьет Огненный щит, Пламенное Копие и его желчью смажет им глаза. В поле встречает голову Рослонея-богатыря, который учит его, как убить Огненный Щит, Пламенное Копие. Еруслан Лазаревич просит Огненный Щит, Пламенное Копие взять его в работники. Тот посылает его достать меч из под головы Рослонея-богатыря. Достает меч, убивает Огненный Щит, Пламенное Копие, берет желчь, оживляет желчью Рослонея богатыря, покоряет царство Данилы Белого, вылечивает отца и царя Картауса и возвращается к жене. Затем едет в девичье царство, живет там семь лет. Сын Еруслана Лазаревича, Еруслан Еруславович едет на поиски за отцом. Они встречаются у ворот Девичьего царства, отец узнает сына по драгоценному камню, полученному от змея. Возвращается в царство Вахрамея и Еруслан Лазаревич получает престол.

37. ФРАНЦИЛЬ ВЕНЦИАН

При рождении Венциана астрологи предсказывают ему корону. На шпажном поединке Венциан борется в честь королевны Рынцевены с несколькими рыцарями. Получает свидетельство о своих подвигах и второе имя — Франциль. Отправляется к себе домой в Испанию. Рынцевена назначает Франтилю свидание, он пробирается к ней во дворец в женском платье. Посылает отца свататься к королю Брамбеусу — отцу Рынцевены. Получает отказ и приказание выехать из Испании. Венциан похищает Рынцевену, но король Брамбеус ее возвращает. Франциль бежит в Алжир. После многих приключений и подвигов попадает к турецкому султану. Участвует в войне с шахом персидским, борется с амазонками и богатырями. Война с персами при помощи Франциля кончается победой Турции. Франциль воюет с французским, германским и испанским королями. Берет в плен короля Брамбеуса, требует руки Рынцевены. Женится на Рынцевене, получает турецкий престол. Побеждает французского и германского короля, сам становится королем Испании.

38. ПОЛКАН БОГАТЫРЬ

У царя исчезает дочь. Полкан-богатырь отправляется на поиски царевны. Он ловит безрогого чорта, тот приносит его к бабе-яге. Она хочет убить Полкана, но он расстраивает все ее козни. Она говорит ему, что похитил царевну Черномор. Посылает его к ослепленному черномором Богуслаю-царевичу. Безрогий чорт убегает от бабы-яги, просит Полкана взять его к себе на службу. Чорт превращается в коня и везет Полкана. Полкан возвращает Богуслаю-царевичу зрение, едут вместе к Черномору. Чорт обращается кораблем, китом, привозит их к подземельям Черномора. Они бьются

сорок дней и сорок ночей с разными чудовищами. Убивают Черномора, освобождают царевну, привозят к царю. Богуслай-царевич женится на царевне, а Полкан получает генеральский чин.

39. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Расслабленного Илью исцеляют два калики. Награждают богатырской силой, учат, как достать богатырского коня. Илья поездает к разбойникам, побеждает их, едет дальше. Побеждает Соловья Разбойника, отвозит его к князю Владимиру. Слуги ссорят Илью с Владимиром. Князь велит посадить Илью в подземелье, где он сидит тридцать лет. Во время нашествия царя Ка́лина, Илью выпускают. Калин-царь берет Илью в плен. Илья расправляется с татарами и освобождает Киев, отправляется домой. Узнает от Ивэнища, что князь Владимир побежден Идо́лищем. Илья убивает Идо́лище, освобождает Владимира. Борется с несколькими богатырями. Едет к Святого́ру. Жена Святогора во время сна последнего спускает Илью с конем в мешок. Проснувшийся Святогор за это ее убивает. Отправляется с Ильей в дорогу. Наезжает на гроб, в котором Святогор умирает. Илья находит второй гроб, ложится в него и умирает

40. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Добрыня Никитич отправляется на го́ры Сарацинские и купается в Потай-реке. Борется со змеей и заключает договор: Добрыне не ездить на горы Сарацинские, змее не летать на Русь. Змея нарушает заповедь, уносит Забаву Путятишну. Князь Владимир посылает Добрыню выручать Забаву. По совету матери Добрыня убивает змею, освобождает „русских пулонов" и Забаву. Забаву передает Алеше Поповичу, а сам встречает удалую поленицу На тасью Ми уличну, которая его осиливает и выходит за него замуж. Через три года Добрыня отправляется поляковать, а княгиня Апраксия сватает Настасью за Алешу Поповича. Добрыня является на свадьбу и, играя на гуслях, рассказывает о себе. Кидает свой перстень в чашу с вином. Настасья Микулична узнает его. Они соединяются, а Алешу Поповича наказывают.

41. БРАТ И СЕСТРА

Царевич, увидев у купеческого сына портрет его сестры, хочет на ней жениться. Посылает брата на корабле за сестрой. Во время обратной дороги Ягична выкалывает у девушки глаза, а в ее платье наряжает свою дочь. Царевич женится на дочери яги, а купеческого сына сажает в темницу. Покинутую д вушку берет себе встретившийся ей в лесу старик. Она посылает старика продать царице платок „за глазок", потом другой — „за дру-

гой глазок". Ягична хитростью заманивает получившую зрение девушку, убивает ее, тело выбрасывает за город, а душу ее прячет в яичко. Царевич во время охоты находит тело красавицы и около нее ребенка. Он берет ребенка к себе, мальчик достает у ягичны яичко и играя сует это яичко своей мертвой матери в рот. Она оживает, царевич убивает свою жену и ее мать, женится на красавице, а брата ее выпускает из темницы.

42. АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Младшая из трех сестер просит отца привезти ей из-заграницы в подарок аленький цветочек. Купец достает цветок, но за это должен отдать дочь чудовищу, которое посылает девушке в подарок кольцо. Она надевает кольцо на палец и сразу переносится к чудовищу. Через некоторое время девушка едет в гости к родным, задерживается там более положенного срока. Когда возвращается, то чудовище оказывается мертвым. Она плачет над ним, от ее поцелуя чудовище оживает превращается в царевича и женится на дочери купца.

43. БАРХАТ-ЦАРЕВИЧ

Младшая из трех сестер просит отца привезти ей кровать с четырьмя голубками. Отец исполняет ее желание, но она не кормит голубков и голубки уносят ее к Бархату царевичу в жены. Она дает клятву не говорить три года. Мать Бархата-царевича хочет погубить невестку и посылает ее стричь волшебных овец — волков, доить волшебных коров — медведей. Бархат царевич учит жену, как избавиться от опасности. Наконец, мать посылает ее в лесную избушку, где ее должны разорвать собаки, раздавить ворота, ошпарить щи. По совету Бархата-царевича Василиса справляется со всеми трудностями, а мать погибает сама в избушке.

44. НЕ-МАЛ ЧЕЛОВЕК

Не-мал человек под видом купца Нирангы завлекает царевну на корабль с редкими товарами и похищает ее. Портупей-прапорщик едет на корабле разыскивать царевну. Убивает не-мал человека, освобождает царевну. Царевна дает ему перстень, который он забывает в доме не-мал человека. Портупей возвращается за перстнем, но капитан не хочет дожидаться его и увозит царевну к отцу. Портупей поступает слугой к полковнику. Другой слуга Ванюша запрещает ему трубить в два рожка на крыше, но Портупей не слушается и полковник велит его выгнать. Ванюша дает ему волшебную саблю и коня. Портупей наказывает коварного капитана и женится на царевне. На царя идет войной король, возлюбленный царевны. Портупей прапорщик с помощью своей сабли два раза побивает войско

короля. Царевна подменяет волшебную саблю обыкновенной. Портупей попадает в плен, а царевна уезжает к королю. Из темницы Портупея освобождает девушка-чернавка. Он бежит к Ванюше, тот дает ему порошок, благодаря которому он получает способность превращаться в разных зверей. Во время королевской охоты Портупей превращается в уточку. Король бросается в озеро его ловить, оставляет саблю на берегу. Утка ныряет, хватает саблю, превращается в Портупея, убивает короля и царевну и женится на чернавке.

45. ШОЛМОНИ

Жадный купец хочет погубить своего приемного сына. Посылает его к Шолмони узнать, кто на свете всех хитрее, сильнее и богаче. По дороге мужики просят Ивана узнать у Шолмони где потерявшиеся ключи от собора, перевозчик — сколько времени ему перевозить через реку. С помощью жены Шолмони получает ответы на все вопросы. Кроме того узнает, где находится смерть Шолмони и клад. Убивает Шолмони, освобождает заколдованную девушку, достает клад и возвращается домой. Прельщает купца золотом Шолмони, тот отправляется к колдуну. В дороге перевозчик выскакивает из лодки, оставляя купца перевозить людей на тот берег всю жизнь. Иван женится на жене Шолмони.

46. ЦАРСКИЙ САД

В царском саду исчезают яблоки. Царь вызывает желающего — найти вора. Иван-крестьянский сын по совету дяди ловит вора — жар-птицу. Она уносит его в свое царство. Жар-птица оказывается царевной. Просит Ивана скрыть ее проделки, дает ему подарки: туалетик, который его будет поить и кормить, и козлика, приносящего золото. Иван отправляется домой. Дорогой хозяйка постоялого двора подменивает у него волшебные предметы обыкновенными. Дома Иван это обнаруживает, идет опять к царевне. Она дает ему мешок и палку, которая сама бьет. Побоями заставляет старуху вернуть его вещи, женится на царевне. Дарит отцу козлика, а дядю награждает деньгами.

47. ЗАМОРСКИЙ ГУСЬ

Купец покупает заморского гуся, который сам щиплется, жарится и вновь из собранных костей оживает. Жена хочет угостить им своего любовника-дьякона, но прилипает к гусю. Затем прилипает дьякон, прохожие, поп с крестным ходом и чертенок. Купец велит гусю отпустить правых и оставить виноватых, гусь освобождает всех, за исключением купчихи и дьякона, которых купец наказывает.

48. ПОРОСЯЧЬЕ СЕРДЦЕ

Три профессора, поспорив между собой, вынимают один свое сердце, другой глаз, третий отрубает свою руку и отдают на сохранение хозяину постоялого двора. Кошка съедает сердце, глаз и руку. Хозяин заменяет их глазом кошки, сердцем поросенка и рукой вора. В результате три профессора наблюдают странные явления: один видит ночью, другой ищет грязных уголков, третий ворует.

49. КАК ЖЕНА МУЖА ОБЕРНУЛА СОБАКОЙ

Купец женится на девушке, которая оказывается колдуньей. Она ест мертвечину, обращает мужа собакой. Собаку берет себе приказчик магазина. Она проявляет большой ум, умеет отличить фальшивые деньги от настоящих. Пришедшая в магазин девушка возвращает собаке человеческий образ. Купец, по совету девушки, обращает жену в сороку.

50. КАК ОБРАТИЛА ВОЛКОМ ЧЕЛОВЕКА ОДНА ВДОВКА

Мужик хочет уехать от своей квартирной хозяйки. Она обращает его на семь лет волком. Во сне он узнает о способе вернуть себе человеческий образ. Перескакивает через гроб с умершей женщиной, которая обратила его волком, и становится человеком.

51. КАК ШЕЛ СОЛДАТ С НИКОЛАЕВСКОЙ СЛУЖБЫ ДОМОЙ, С ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ

Солдат за двадцатипятилетнюю службу выслужил девять рублей. По дороге домой встречает три раза одного и того же калику, и отдает ему все деньги. За это калика предлагает ему сапоги-скороходы, шапку-невидимку, кошелек-самотряс. Солдат отказывается от всех чудесных предметов, берет только трубку-самокурку. Попадает на кладбище, ложится на могилу, покинутую колдуном-покойником, который ходил морить людей. Уступает могилу покойнику с одним условием: научить, как оживить замученных людей. Покойник дает свою желчь. Солдат отправляется дальше. Встречает барина, дает ему покойника под видом окорока. Попадает к разбойникам, которых в это время не оказывается дома. Съедают их пищу, ложатся спать в их комнате. Солдат подслушивает разговор вернувшихся разбойников, поит их пьяными, кормит окороком-покойником, убивает разбойников, все золото делит между барином и слугой, себе не берет ничего. Попадает в деревню, где покойник заморил двух человек — мужа и жену, и оживляет их желчью. Отказывается от награды, идет дальше. Попадает на свадьбу, наказывает колдуна и отучает его от колдовства. Берется вылечить больную дочь

исправника. В течение двух ночей играет в карты с чертями, которые мучат исправникову дочь. Заставляет обыгравших его чертей бить (вместо его лба) по медному котлу и опускать руку в кипяток. На третью ночь обещает уйти, но прежде просит чертей забраться в его ранец в виде мышей. Завязывает ранец ремнем. Оживляет справникову дочь. Берет у исправника 200 рублей и отправляется на родину. В кузнице велит кузнецам бить молотами по ранцу, отдает им 100 рублей. Придя домой, не велит невесткам раскрывать ранец. Они не слушаются, открывают, черти убегают. Отдает деньги братьям. Собираясь умирать, едет к исправнику, просит у него 1000 рублей для братьев. Умирает, попадает в ад. Чертит в эду план монастыря, пугает чертей. Бог учит чертей, как выгнать солдата из ада. Черти бьют за воротами ада в барабан, солдат выбегает на барабанный бой, черти закрывают ворота. Бог велит солдату за его грехи носить три года смерть за плечами. Смерть просит у солдата покурить трубку. Солдат обещает дать, если смерть обернется мухой и заберется в ранец. Носит ее в ранце три года. Через три года смерть посылает солдата спросить у бога, что ей делать. Бог велит ей морить стариков и старух. Солдат говорит: „бог велел ворочать старые пенья да коренья". На другой год вместо того, чтобы морить взрослых людей, солдат велит смерти валить лес, на третий — кусты и вичажник. Наконец, смерть перестала верить солдату, идет сама к богу, обман солдата выясняется. Смерть собирается похоронить солдата, делает гроб, велит ему примериться, солдат отговаривается неумением, просит смерть показать ему, как надо лечь в гроб. Она ложится, он заколачивает крышку, сам попадает в рай.

52. СОЛДАТ СИМКИН

Солдат, прослуживший двадцать пять лет, возвращается домой со скрипкой. Встретившийся ему чорт просит продать скрипку. В награду становит солдата попом, но заставляет во время обедни сыграть на скрипке За это соддата прогоняют со службы. Тогда чорт ставит его архиереем и приказывает соблазнить (во время покаяния) дочь губернатора; архиерея-солдата ведут на казнь, но чорт его спасает. Они убегают в другой город, где чорт мучит царскую дочь и предлагает солдату не вмешиваться, однако солдат попадает во дворец, хитростью побеждает чорта, оторвав ему в тисках руки. Солдат женится на царской дочери. На загородной прогулке встречается с этим чортом и пугает его с помощью жены.

53. КАК КУПЕЧЕСКИЙ СЫН КУПИЛ НЕЗНАЕМУЮ ВЕЩЬ

Купеческий сын во время заграничного плавания покупает ящик, который не должен открывать до прихода домой. В ящике находит некрасивую девушку. Она становится служанкой у его родителей, работает только по

ночам. Случайно Иван видит ее ночью, она оказывается замечательной красавицей, он хочет на ней жениться. Отправляется перед свадьбой заграницу, она дает ему кольцо. Продавший Ивану девушку приказчик поит его вином, крадет у него кольцо. Невеста его исчезает из дома Иван с горя хочет повеситься, но его спасает старик, учит его, как достать невесту и дает ему свой рокон (кафтан), на котором Иван летит за невестой. В тридесятом царстве Иван достает у лакея гусли, играет вызывает царевну. Сговариваются о бегстве и перед самой свадьбой с принцем, царевна улетает на роконе. Иван женится на царевне. У них родится сын Сергей. Сергей отправляется путешествовать. Поступает к грозной царице лакеем. Знакомится с кузнецом и его женой, которая очень похожа на царицу. Сергей дает сонных капель царице и относит ее кузнецу, а жену кузнеца переносит на место царицы. Объясняет жене кузнеца свою проделку, просит ее издать манифест от имени царицы об отмене телесного наказания. Кузнец наказывает царицу, как непокорную жену. Затем Сергей опять поит обеих сонными каплями и водворяет на свои места. Жена кузнеца набирает денег, а царица излечивается от жестокости. Сергей отправляется дальше. Становится приемным сыном купца, тайно бывает у его жены Проделывает подкоп в ее дом, дурачит мужа. Купец сватает за него свою жену, убеждая в том, что это другая женщина. Купец погибает во время пожара, а Сергей с женой купца возвращается к родителям.

54. КАК КУПЕЦ СДЕЛАЛ ДОГОВОР С ОДНИМ КОРОЛЕМ

Купец и король сосватали своих еще не родившихся детей и заключили договор. Сын купца, после смерти отца узнает о договоре и отправляется за своей невестой. В дороге встречает принца, который едет свататься к его невесте. Купеческий сын объясняет свое путешествие загадочными словами: „Иду, если утка есть, то утку взять, а утки нет, то клетку отдать“ и т. д. Царевна по иносказательным выражениям узнает своего жениха и выходит замуж за купеческого сына.

55. СЕМЕН И МАРЬЯ

Дети купца и короля сосватаны родителями до рождения. Купец разоряется и умирает. Король берет Семена к себе. Дети находят договор отцов об их предполагаемом браке. Марья дает денег Семену, он отправляется заграницу учиться ремеслу. Попадает в игорный дом, выигрывает большие деньги, корабли, игорный дом и дома. Семен возвращается в свое королевство скрывает свой выигрыш, наряжается трубочистом и приходит во дворец за Марьей. Король выгоняет их обоих. Семен с Марьей возвращается на корабль. Семен испытывает верность Марьи, но она оказывается преданной женой. Король, узнав о богатстве Семена, прощает дочь и передает зятю престол.

56. АРСЕНИЙ И ХЕОНА

Муж спорит с купцом о верности свей жены. Ставит в заклд весь свой капитал, сам уезжает из дому. Купец с помощью подкупленной служанки пробирается к Хеоне в баню. Она бросает его в кипяток. Заподозрив хитрость, Хеона прячет в подземелье свои драгоценности и часть денег. Купец обещает служанке жениться на ней, если она достанет перстень и браслеты Хеоны и расскажет о каких-нибудь приметах у нее на теле. Купец посылает мужу обманом добытые доказательства о неверности жены. Арсений отдает весь свой капитал, жене велит отрубить голову, сам поступает в солдаты. Хеона спасается, переодевается в мужское платье и поступает в солдаты в один полк с мужем. Отслужив срок оба возвращаются и занимают квартиру в бывшем своем доме. Они устраивают пир, на котором купец, хвастаясь, рассказывает о том, как он завладел капиталом Арсения. Хеона его разоблачает и возвращает мужу его богатства.

57. КАК МУЖИК ЦАРЮ ЗАГАДКИ ЗАГАДЫВАЛ

Царь встречает в поле мужика и спрашивает, куда он тратит деньги. Мужик отвечает загадками: „Деньги делю на три части — старый долг плачу, в воду мечу и в долг даю". За деньги объясняет царю смысл своих загадок. Царь не велит объяснять никому загадок и говорит мужику: „Вот прилетят с Руси серы лебеди, умей их ощипать". Царь загадывает загадки мужика своим боярам. Они едут за разгадкой к мужику, он за большие деньги объясняет свои загадки, „ощипывает" серых лебедей. Царь его награждает.

58. ЦЫГАН ПОП И МУЖИК

Встретившиеся на базаре цыган, поп и мужик разговаривают о своих доходах и расходах. Мужик говорит загадками: „деньги делю на три части: свиней кормлю, в воду мечу, в долг даю и старый долг плачу". Цыган и поп не могут отгадать этих загадок. Мужик требует у них одежду и объясняет свои загадки: „Свиней кормлю — царю подать плачу; в воду мечу — таких как вы, обманщиков, кормлю; старый долг плачу — отца-матерь кормлю в долг даю — детей рощу".

59. КРЕСТЬЯНИН КУПИЛ ТРИ СЛОВА

Крестьянин покупает у старика три добрых совета. Нанимается матросом на корабль. В дороге корабли останавливаются. Крестьянин вспомил первый совет: „Пойду и не боюсь". Спускается в море. Разрешает спор двух морских царей, они дают ему драгоценный камень. Крестьянин подымается наверх,

получает в награду от хозяина корабль. Вспомнив второй совет старика: „бей в парей и не бойся", бьется об заклад со своим бывшим хозяином на свое имущество, кто принесет царю лучший подарок. Дарит царю драгоценный камень, полученный от морского царя и получает право торговать безданно, беспошлинно. Выиграв пари, возвращается домой и находит у жены двух молодцов. Хочет убить их, но вспоминает третий совет старика: „замахнись, а не ударь". Молодцы оказываются его сыновьями.

60. КАК КРЕСТЬЯНИН ЖЕНИЛСЯ НА ЛЕСНОЙ ДЕВУШКЕ

Охотник ночует в лесной избушке, где всю ночь танцует кто-то невидимый. На вторую и на третью ночь опять попадает в эту избушку против своего желания. Его тетка объясняет ему, что это танцует девушка, унесенная чортом. Охотник, по совету тетки, достает эту девушку и женится на ней. Она получает в приданое от своего названного отца, чорта, три сундука. Надевает в праздник новый сарафан, который оказывается принадлежал генеральской дочери. Та подает в суд. Названный отец девушки, — чорт, оправдывается тем, что генеральской дочери сарафан не понравился и она сказала: „возьми, чорт, сарафан, я не надену".

61. ПРОИСШЕСТВИЕ ПРО ЖЕНЩИНУ И СЛЕСАРЯ

Слесаря, большевика, занимающегося подпольной работой, царское правительство ссылает вместе с сыном в Сибирь. После революции его город занимают белые. Слесарь бежит из Сибири, жена прячет его в подвале. Белые узнают о побеге, делают в доме обыск, его не находят, но берут жену и товарища. Их подвергают страшным пыткам, но они не открывают места, где спрятан беглец. За время пребывания жены в тюрьме, слесарь в подвемелье умер. Жена тайно хоронит его тело, получает у партийных товарищей несколько бомб. Отправляется в концентрационный лагерь белых, где находится ее сын, прощается с ним и взрывает штаб белых. Сама погибает во время взрыва.

62. ПРО НЕСТЕРА У КОТОРОГО БЫЛО РЕБЯТ ШЕСТЕРО

Бедняк Нестер с голоду ворует у барина в саду яблоки. Барин прощает кражу яблок, но ставит условием украсть у него вола. С помощью трех зайчат, Нестер крадет вола и показывает барину. По приказанию барина Нестер крадет у него жеребца, деньги из под кровати, кольцо с руки барыни. Барин хочет бросить Нестера в мешке в воду. Тот заманивает на свое место купца, получает его лошадей. Барин, завидуя Нестеру, просит и его бросить в воду, и тонет.

63. ТРИ БРАТА И ИВАШКО ДУРАЧОК

Дядя ведет трех племянников в лес, чтобы узнать, на что каждый из них способен. Один становится землепашцем, второй — мастером, третий — дурак. Крадет у дяди одежду. Братья, после смерти отца, делятся, дают дураку с сестрой только старую кобылу. Дурак обманывает поповичей, продает кобылу. Затем продает котел, который будто бы сам варит пищу, плетку живульку, оживляющую мнимо умершую сестру. Поповичи убивают своих жен, оживить не могут. Дурак притворяется мертвым, поповичи хотят его бросить в мешке в воду. Он заманивает вместо себя барина, сам забирает его лошадей. Поповичи из зависти просят спустить их в прорубь. Дурак грабит казначейство. Второй раз отправляется в казначейство с дядей. Дядя попадает в смолу, его ловят. Дурак учит сестру, как плакать по дяде. Она должна разбить кринку с молоком.

64. БАРИН И СОБАКА

Крестьянин убивает барскую собаку. Барин подает на мужика в суд. Суд лишает мужика человеческого звания и голоса и заставляет служить барину вместо собаки. Мужик сговаривается с ворами, которые обкрадывают барина. Барин подает в суд на мужика. Так как всю ночь во время кражи мужик лаял по-собачьи, суд его оправдывает. Барин не удовлетворен решением суда, везет мужика на „пересуд". В дороге мужик пугает барина медведем, заставляет лаять по-собачьи. Под утро сознается, что никакого медведя не было. Барин хочет его наказать, мужик обещает всем рассказать о том, как барин всю ночь лаял по-собачьи. Барин отпускает мужика и дает ему денег.

65. КАК БАРИН КУПИЛ У КРЕСТЬЯНИНА ОВЦУ

Барин покупает у крестьянина овцу, которая будто бы ловит волков. В дороге барин пускает овцу на волков, сам едет смотреть за ней. Волки съедают и овцу и барина.

66. КАК БАРИН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ СКАЗКИ У СВОЕГО СЛУГИ

Барин заставляет своего слугу рассказывать сказки. Слуга твердит все одно и то же. Наконец, говорит барину обидные вещи, тот его прогоняет.

67. КАК ПОП, ПСАЛОМЩИК И ДЬЯКОН СИДЕЛИ ПОД БУРАКОМ

Поп, дьякон и псаломщик приходят к жене сапожника один за другим. Появляется муж и жена прячет их всех под бурак. Приготовленное на столе угощение объясняет своими именинами. Муж велит вымыть бурак кипятком. Поп, дьякон и псаломщик убегают.

68. СОЛОМА ТЫ, СОЛОМА

Жена посылает мужа за рыбой, сама в это время принимает своего любовника — дьякона. Муж встречает старика, который уговаривает его вернуться домой. Старик прячет мужа в мешок с соломой и просит жену пустить его на ночлег. Жена с дьяконом угощают прохожего вином, он поет песню, в которой учит мужа расправиться с женой.

69. УПРЯМАЯ ЖЕНА

Жена отличается большим упрямством и все делает наоборот. Отправляется с мужем на сенокос. Муж говорит, чтобы она осторожнее переходила через ручей. Она из упрямства раскачивается на мостках и падает в воду. Муж, зная ее характер, идет разыскивать ее тело вверх по течению.

70. БИТЫЙ МУЖ

Крестьянин заезжает в деревню за сеном. Видит плачущего старика, которого била жена, говорит: „У нас жены бьют, так и плакать не дают". Получает от жены и сено и обед.

71. ЗАЛЕТЕЛА ВОРОНА В ВЫСОКИЕ ХОРОМЫ

У царя пропадают деньги. Старуха берется найти вора. Парится в царской бане, приговаривает: „Брюшку-то меньше, а хребетку-то побольше". Царские слуги — Брюшков и Хребетов — укравшие деньги, слышат эти слова. Думая, что старуха их обнаружила, возвращают украденное.

72. КАК ТРИ БРАТА ПОШЛИ ПОЛЕСОВАТЬ

Два брата спускаются по очереди в медвежью берлогу. Медведь отрывает им головы. Младший брат вытаскивает их тела, не может вспомнить, были ли у них головы.

73. ТУТ НЕ ПОПАДЕТ, ТАК ТАМ ПОПАДЕТ

Два брата рубят на озере проруби по обе стороны дороги. Один удит на долото в каждой проруби поочереди, а второй в это время крадет сиги с воза у заглядевшегося на рыболова проезжего мужика.

74. БЕТЬ, КРАСОТА, БЛАГОДАТЬ

Мужик велит прохожему называть воду благодатью, огонь красотой, кошку — беть. Прохожий привязывает мочалку к хвосту кошки, поджигает дом и говорит хозяину о поджоге также иносказательно.

75. КАК СТАРИК ЖЕНИЛСЯ НА ОДНОЙ ЯГОЙ БАБЕ.

Мачеха велит отвезти падчерицу в лес. Девушка в лесной избушке кормит мышку. Мышь спасает ее от чорта. Дарит девушке красивую одежду и мешок с золотом. Мачеха посылает старика привезти косточки дочери. Узнав о ее богатстве, посылает в лес родную дочь. Родная дочь отказывается накормить мышку и погибает. Мачеха сама отправляется в лесную избушку, где ее замучивает чорт.

76. ЛИПА-ЛИПАНУШКА

Баба-яга, подражая голосу бабушки, вызывает Липа-Липанушку к себе, велит дочери его зажарить. Он просит девушку показать ему, как надо ложиться на жаровню. Сует ее в печку, сам убегает домой. Баба-яга снова вызывает его и велит зажарить Липа-Липанушку младшей дочери. Младшая дочь гибнет так же, как и старшая. В третий раз Липа-Липанушка зажаривает бабу-ягу.

77. КОЗА-НИРЕЗА.

Старик посылает в лес пасти козу сначала дочь, потом жену. Коза, возвращаясь домой, заявляет, что она голодна. Старик пасет козу сам. За то, что она и в этот раз говорит, что голодна, старик хочет ее зарезать. Коза убегает в лес и занимает зайцеву избу. Ее не могут выгнать из избы ни заяц, ни лиса, ни волк, ни медведь. Коза пугается петуха, падает с печи и разбивается.

78. КОТ, ЛИСА И ПЕТУХ

Кот и петух живут вместе. Кот отправляется на охоту, а лиса заманивает петушка и уносит к себе. Кот догоняет лису, перегрызает ей шею и отнимает петушка.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ

Ан. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов, Издание Государственного Русского Географического Общества. Л. 1929 г.

Азадовский — М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского Края. Вып. 1, Иркутск, 1925 г.

Аадовский „Русская сказка" — М. К. Азадовский. Русская Сказка. Academia 1932 г.

Афанасьев — А. Н. Афанасьев „Народные русские сказки", изд. 2-е, М. 1873 г.

Афанасьев, изд. 5-е — А. Н. Афанасьев „Народные русские сказки", Academia, т. I, 1936 г., т. II 1938 г. Гослитиздат.

Bolte-Polivka — Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka", I — III. Leipzig, 1913—1918.

Барсов — Причитания Северного Края, собранные Е. В. Барсовым, I — II. М. 1872.

Гильфердинг — А. Ф. Гильфердинг „Онежские Былины", I—III. СПб. 1894 г.

Ефименко — П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. II, стр. 225—237. М. 1878 г.

Живая Старина — „Живая Старина", XXI. 1912, II—IV.

Зеленин. Вятские сказки — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. XL. II. П. 1915.

Зеленин. Пермские сказки — Великорусские сказки Пермской губернии, Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. XL. I. П. 1914 г.

Карнаухова — Сказки и предания Северного Края. Сборник И. В. Карнауховой. Academia. 1934 г.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. XXXIII, СПб. 1908 г.

Рыбников — Песни, записанные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е. М. 1910.

Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского Края. Записки Русского Географического Общества по Отделению Этнографии, т. XII, СПб. 1884 г.

Сказки Куприянихи — Сказки Куприянихи. Сборник А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого под общей редакцией проф. Плотникова И. П. Воронежское Областное Книгоиздательство. 1937 г.

Сибирские сказки — Сказки из разных мест Сибири. Иркутск, 1928 г.

Смирнов — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок из Архива Русского Географического Общества. Записки Русского Географического общества по Отделению Этнографии, вып. I—II, П. 1917.

Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского Края. Изд. Академии Наук. М. 1915.

Соколов — Барин и мужик. Сборник Ю. М. Соколова. Academia. 1932.

Худяков — И. А. Худяков. Великорусские сказки. I—III. М. 1860—1862.

ПРИМЕЧАНИЯ

30. ТРИ ЦАРЬ ДЕВИЦЫ

Ан. 329; Bolte-Polivka III 191. Дополнительно: Карнаухова, № 90. Существует и былинная обработка этого сюжета. См. „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым", изд. 2-е, т. II, № 126, стр. 136—145 „Ванька Удовкин сын". См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 618.

Сюжет довольно распространенный. Схема этого сюжета обычно строится в двух планах: 1) герой прячется три раза от Елены Премудрой с помощью животных, затем за волшебным зеркалом и в конце концов получает ее руку или 2) прятаться заставляет царь-чернокнижник (Ончуков, № 2, Азадовский № 10), а жена помогает герою исполнить все задачи. Наш вариант ближе всего к сказке Зеленина „Пермские сказки" № 1, где герой прячется от жены. Основное отличие от других вариантов этого сюжета — стремление сказочника четко замотивировать каждое действие сказки. Родители отдают сына старику, потому что не могут его прокормить и выучить ремеслу; жена, чтобы получить от мужа волшебное платье, не просто его выпрашивает, а действует на самолюбие мужа: она одевается нарочно в самую плохую одежду, чтобы окружающие смеялись над жадностью мужа. Четко объясняющие действие детали и реалистические подробности — черта очень характерная для творчества Коргуева.

Отличием от других вариантов является и помощь трех старух-теток царевны. В других вариантах герою помогает змей, старик, три брата, благодарные животные и т. д. Введение в сказку трех старух-волшебниц — момент вообще свойственный Коргуеву, приобретающий у него характер „общего места". У него часто препятствия разрешаются именно с помощью женщин-тёток, матерей, бабушек, но не отцов, братьев и т. д. См. мать в „Андрее Стрельце" № 2, тетки-волшебницы в „Трех братьях" № 10, пленница Черномора в „Зорьке молодце" № 12, бабушка в „Иване Медведевиче" № 14, бабушка в „Чортовом заводе" № 19, тетки в „Кузнеце" № 24 и т. д.

31. ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Ан. *611 I.

В русском репертуаре имеется только один вариант (сказка Ломтева, Зеленин, „Пермские сказки“ № 8), который имеет очень мало общего с нашим. Коргуевская сказка, повидимому, является сложнейшей композицией многих мотивов. Основная схема „Пикового валета“ добавляется Коргуевым большей частью не встречающимися у Ломтева отдельными эпизодами из сюжетов: „Садко“ (Ан. 677), „Сосватанные дети“ (Ан. *926), „Чудесные дары“ (Ан. 564), „Окаменелое царство“ (Ан. 410, I), „Царевна в подземелье“ (Ан. 870), „Чудесное бегство“ (Ан. 314). Характерно, что сказочник не сюжеты контаминирует, а только отдельные мотивы из этих сюжетов, т. е. по существу создает почти самостоятельную сказку. Большинства этих мотивов у Ломтева нет. Так, введен эпизод, который придает сказке совершенно другой конец: волшебница под видом старухи обменивает червонного валета на простые карты в золотых рамках. У купца все богатство пропадает. В горе он хочет вешаться, его спасает старик (В русских сказках этот эпизод нам не встречается. У Коргуева встречаем аналогичный эпизод в сказке „Как купецкой сын купил познаемую вещь“ № 53). Купец отправляется разыскивать валета, который оказывается заколдованным человеком. Поэтому дальше совершенно замотивированно вводится эпизод с отчитыванием заколдованного валета („Окаменелое царство“ Ан. 410 A).

Но и этого сказочнику оказывается недостаточно. Он выходит за пределы сказочных схем и вводит еще один замечательно интересный эпизод, который навеян, повидимому, хорошо известной ему Калевалой. Когда купец убегает с острова и плывет три дня морем на корабле, волшебница налетает на него орлом и хочет заклевать. Этот образ очень близок образу Лоухи, обратившейся орлом и бросившейся на лодку Вейнемейнена. Кстати, образ орла, в которого обратилась волшебница, встречается у Коргуева еще раз („Север“, № 9). Интересно другое сравнение. В Калевале Лоухи побеждена, но не уничтожена окончательно; в сказке первый раз волшебницу рубят на мелкие части и бросают в море, но она воскресает через 20 лет; убитая второй раз она должна ожить через 300 лет.

Надо сказать, введение новых мотивов у Коргуева не всегда удачно. Напр., имеется некоторая путаница с появлением другой сестры волшебницы; или другой пример: у Ломтева из валета выходят три злых духа, которые губят купца, купчиху и доводят до разорения сына. У Коргуева валет — заколдованный человек, друг купца, поэтому незамотивированным остается пьянство и падение сына. Некоторая несвязанность мотивов объясняется, очевидно, введением большого количества нового материала, стремлением Коргуева выйти за пределы неудовлетворяющей его схемы, найти какие-то новые пути в построении сказки.

Необычайное обращение с традиционным сюжетом, привлечение нового разнородного материала позволяет Коргуеву свободнее пользоваться и своим словарем. Поэтому в сказку введено много морских терминов и современных слов: „она упала на дек", „выходит на бак", „спустили якорь", „перевезли на гору", „спускать шлюпку", „водолазы", „поветерь", „чемодан", „загримировать" и т. д.

32. ШУТ

Ан. 314; Bolte-Polivka II, 79; III, 136.

В русском сказочном репертуаре сюжет в такой форме почти не представлен. Сказка, помещенная в сборнике Соколовых, довольно значительно отличается от нашего варианта. У Коргуева оригинально прежде всего начало, в котором частично использован сюжет „Чудесное бегство" (Ан. 313). Шут помогает купцу вернуть товары, за это требует „незнаемое дома", причем Шут сам едет за обещанным сыном и получает его, тогда как обычно в сказках он возвращается ни с чем. Интересно, что такая контаминация мотивов встречается только в одной известной нам русской сказке, в сборнике Карнауховой, № 47. У Коргуева мотив „Чудесное бегство" встречается в сказке „Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля" № 6. (книга первая).

Еще более интересным отличием является эпизод с обращением коня в царевича, заколдованного Шутом. Этот мотив нигде в русских сказках не отмечен.

Вся сказка очень напоминает сказки типа „Незнайко" (Ан. 532). Не говоря уже об основном мотиве змееборчества и тайных подвигов героя, следует отметить еще несколько эпизодов. Так например: 1) царь велит дать Ивану двадцать пять розог; после сражения Иван говорит, что помогал царю „за двадцать пять" (ср. „Живая Старина", стр. 331—335). 2) Конь золотит Ивану руки и серебрит ноги (ср. Зеленин, Пермские сказки, № 2 и Афанасьев, № 165, Примечание).

Нельзя также не отметить характерную для всего коргуевского творчества реалистическую замотивированность действия. Напр., Иван надевает на себя шкуру вола, потому что его платье истлело от огненных стрел, которые бросал во время погони Шут. В других сказках герой наряжается в шкуру быка, вола, надевает пузырь на голову и пр., обычно без всяких мотивировок.

Интересны реалистические подробности: Шут отбирает коня у героя и накачивает в него воздуху; или жена начинает лечить раненого героя: „докторов позвала, сама была сестрой милосердия"; или царю объявляет войну не просто иностранный король, а германский принц и т. п.

33. НЕЗНАЙКА

Ан. 532; Bolte-Polivka III, 126. Дополнительно, Карнаухова № 47. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 647—649.

Одна из самых распространенных волшебно-героических сказок. Начало сказки очень своеобразно переплетается с сюжетом „Звериное молоко" (Ан. 315 А). Надо отметить, что аналогичный эпизод встречается только в трех русских сказках („Живая Старина", стр. 241—245, „Живая Старина", стр. 331—335 и Афанасьев, № 165). Коргуевский вариант в остальном мало чем отличается от обычной разработки этого сюжета в русском сказочном репертуаре, но особенно близко стоит к сказке, напечатанной в „Живой Старине", стр. 291—295. Характерным для нашего варианта является традиционность, каноничность сказа. Так, например, в отличие от многих других русских вариантов, Коргуев четко проводит троичность действия с постепенным нарастанием напряжения, тогда как во многих известных нам сказах материал обработан очень свободно: мачеха два раза пытается отравить Незнайку, две битвы со змеями или иностранными королями, вместо 3-х и т. д. Еще более характерным и интересным отличием являются четкие мотивировки действия: мачеха хочет погубить сына, потому что он собирается рассказать про ее связь отцу; „неверный" король объявляет войну царю, потому что царь отказал ему в руке дочери.

Незнайка очень близко примыкает к типу сказок „Чудесное бегство" (Ан. 314), в коргуевском репертуаре „Шут", № 32. Вся история со службой у царя и богатырские подвиги в обеих сказках почти тождественны. Это подтверждается даже такой мелочью, что в обеих сказках герой служит у царя садовником, тогда как более обычно у Коргуева, да и в других русских сказках — служба пастухом или конюхом. В том же ряду стоят две другие коргуевские сказки, „Виноград Виноградович", № 34 и „Крестьянский сын и жар птица" № 4. Распространен у Коргуева и другой мотив: конь предупреждает героя об опасности — стоит по-колен в крови, по-грудь, и весь в крови (см. „Иван Меньшой Разумом Большой" № 16 и „Гриша Кошовар" (Приложения, II).

34. ВИНОГРАД ВИНОГРАДОВИЧ

Частично Ан. 303 + 532. Bolte-Polivka I, 60; II, 85 (для типа 303), III, 136 (для типа 532). Дополнительно „Сказки Куприянихи" № 11.

В международном указателе этот сюжет не зарегистрирован. Начало сказки для русского репертуара необычайно: царь велит замуровать дочь в башню, где у нее рождаются два сына. Характерно, что этот мотив в русских сказках почти неизвестен (см. только Азадовский, № 5). В международном сказочном репертуаре встречается довольно часто (ср. Bolte-Polivka I, 12; III, 127, с 42—43; III, 198).

Исключительно интересно описание путешествия братьев. Здесь особенно ярко сказывается, как много Коргуев привносит в свое творчество из жизненного опыта рыбака-помора. Прежде всего все действие сказки развертывается на фоне моря. Во-вторых, братья находят выброшенный бурей на берег корабль, поправляют поврежденные части, спускают на воду и отправляются морем в другое царство. Мотив выброшенного бурей корабля для сказки очень своеобразен. Отметим, что этот мотив в нашем варианте повторяется дважды. Вторая половина сказки контаминируется частично с сюжетом „Два брата" (Ан. 303) и „Незнайка" (Ан. 532).

Необходимо отметить, что и здесь материал подбирается довольно оригинально. Не отступая от сюжетной схемы, Коргуев совершенно переделывает сказку стилистически и композиционно. Наиболее традиционным сохраняется сюжет „Незнайки". Интересно сравнить его с Коргуевскими сказками „Незнайка" № 33, „Шут" № 32 и „Крестьянский сын и жар птица" № 4. Более оригинальной является обработка сюжета „Двух братьев", сюжета, у Коргуева встречающегося дважды („Север" № 9 и „Лани" № 20). Напр. введен мотив, который не встретился нам в русском репертуаре: после убийства своих сыновей — 3-х змеев — баба-яга приглашает царя со всем двором и Виноградa Виноградовича к себе в гости, в море, где хочет его извести. Когда это ей не удается, она обращается свинкой — золотой щетинкой и заманивает обоих братьев в море (в других русских вариантах ведьма обращается львом, стариком, старухой, мальчиком). Отметим, что свинка — золотая щетинка — образ характерный для Коргуева (см. „Андрей Стрелец" № 2).

35. БОВА КОРОЛЕВИЧ

Ан. *707 I.

Сказка о Бове королевиче, распространявшаяся в XVII и XVIII вв. в списках, впервые была напечатана в 1786 г. в сборнике „Дедушкины прогулки или настоящие русские сказки". В 1791 г. была выпущена отдельным изданием, которое затем повторялось в 1793, в 1815, 1820 и 1857 гг. В последнее время, в конце XIX и в XX вв. в устной традиции распространена сравнительно мало. В Указателе Андреева зарегистрировано только три варианта: Зеленин „Пермские сказки" № 18; Соколовы, № 114 и Худяков I, № 36.

Наиболее подробно разработана сказка, помещенная в сборнике Соколовых, сказки же Зеленина и Худякова более разложившиеся и упрощенные. По сравнению с этими вариантами наша сказка является наиболее полным собранием мотивов, объединяющихся вокруг данного сюжета. Так, в сказке Коргуева присутствуют эпизоды, находящиеся или только у Соколовых, или только у Худякова, или только у Зеленина.

Кроме того, в коргуевском тексте имеется несколько эпизодов, отсутствующих в других вариантах. Так, в других сказках отсутствует бегство Бовы с дядей от матери и отчима, встреча с разбойниками, продажа Бовы разбойниками капитанам и женитьба дяди Бовы, Тервеса на дочери Султана.

Наш вариант ближе всего к литературному источнику. Но подробно и довольно точно воспроизводя лубочную сказку, Коргуев сохраняет полную стилистическую самостоятельность и даже вводит иногда новые слова и обороты, напр.: „на линии горизонта показался пароход", „войска перешли на его территорию" и т. д.

36. ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

Ан. *650 II.

Сказка об Еруслане Лазаревиче очень распространенная в XVII и XVIII вв. в рукописных списках и лубках, в новейших сборниках сказок встречается очень редко. В Указателе даны только два варианта: в сборнике бр. Соколовых № 135 и в сборнике Смирнова № 220. Текст, помещенный у Смирнова, очень спутанный, разложившийся. Наш вариант ближе к сказке, записанной бр. Соколовыми. Но при сравнении и со сказкой помещенной в сборнике бр. Соколовых и с рукописным текстом XVII в., напечатанном в „Летописях русской литературы и древности" (1855 г. кн. IV-стр. 100—128) наш вариант имеет некоторые небольшие отличия. Прежде всего современная устная традиция выпускает некоторые мотивы. Так и в сказке бр. Соколовых и в нашем тексте отсутствует эпизод с поимкой дев-птиц, при помощи которых Еруслан Лазаревич узнает дорогу к Огненному Щиту — Пламенному Копию. Кроме того, Коргуев опускает одну битву с Данилом Белым, — у него Еруслан Лазаревич приезжает в свое царство уже после многочисленных подвигов и находит отца и царя Картауса ослепленными. Затем сказочник изменяет эпизод и с двумя девицами, кочующими в поле. Изменение это не случайно, а очень целеустремленно, потому что дает возможность Коргуеву развить описание еще одного военного подвига своего героя, показать его богатырскую силу. Так Еруслан убивает не неизвестных девиц-полениц, а дочерей царя Доломата, которые говорят, что есть богатырь его сильнее. Царь Доломат собирает рать на Еруслана, с которой тот быстро расправляется. В известных нам вариантах этого эпизода нет. Очень интересен наш вариант попыткой психологизации некоторых эпизодов. Напр., Еруслан получает меч от головы Рослонея-богатыря и из самолюбия, чтобы не потерять старшинства, не хочет обратиться к нему за советом как убить Огненный Щит — Пламенное Копие. Такой исключительный момент, как описание переживаний и колебаний Еруслана в этом вопросе, для сказочной традиции необычаен.

Сказка имеет некоторые параллели в былинной традиции. Бой Еруслана Лазаревича с сыном напоминает борьбу Ильи Муромца со своим сыном Соловниковым (см. „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым", изд. 2-е, т. II, стр. 91—95, № 114 „Илья и сын").

Наконец, некоторые мотивы имеют параллели и в других сказках Коргуева. Так, напр., исцеление с помощью желчи встречается в „Полкане богатыре" № 38, „Как шел солдат с Николаевской службы домой, с двадцатипятилетней" № 51; мотив — бить волшебным мечом врага при поединке один раз, а не дважды — в сказках „Елена Прекрасная", № 7, „Иван Сосновч", № 11; приезд героя в царство на побежденном змее напоминает аналогичный эпизод в сказке „Иван Медведевич", № 14.

37. ФРАНЦИЛЬ ВЕНЦИАН

В современной устной традиции сказка эта не встречается; в Указателе Андреева параллельного сюжета нет. Наш вариант очень близок к лубочной сказке, имевшей широкое распространение в XVIII и в начале XIX веков. Сам Коргуев рассказывает, что слышал эту сказку в чтении и после стал рассказывать на лесозаготовках. Этим и объясняется очень большая сюжетная близость к книжному тексту. Стилистически сказка переработана незначительно. Правда, Коргуев вводит более современную фразеологию, но все же сказка выпадает из обычного для Коргуева стиля, он даже не пользуется обычным характерным для него зачином: сказка начинается словами „В Гишпанском королесстве жил король Брамбеус", тогда как обычное для Коргуева начало: „нé в котором цярстви, нé в котором государстви".

38. ПОЛКАН БОГАТЫРЬ

В Указателе Андреева этот сюжет не зарегистрирован. Наш вариант очевидно заимствован из лубочной сказки о Полкане, которая была распространена в списках XVIII в. На связь с лубком указывают и имена действующих лиц (Черномор, Богуслай-царевич), и главный герой Полкан богатырь, появляющийся в другой лубочной сказке „Бова королевич". Отдельные мотивы нашей сказки встречаются и в других сюжетах: похищение царевны (Ан. 301 А); возвращение зрения слепому Богуслаю-царевичу (Ан. 613).

39. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Ан. *650 I.

Сказка не имеет широкого распространения. Отмеченные в Указателе Андреева варианты имеют немного общего с текстом Коргуева. Повидимому, наш вариант связан не со сказочной традицией, а является переска-

зом нескольких былин, объединяющихся вокруг центрального героя. В сказку Коргуева вошли следующие былины: „Первые подвиги Ильи Муромца" (Гильфердинг, т. II, № 120), „Три поездки Ильи Муромца" (Рыбников, т. II, № 128, стр. 169), „Илья и Соловей Разбойник" (Рыбников, т. I, № 4; стр. 15); „Ссора Ильи с Владимиром" (Рыбников, т. II, № 119, стр. 101), „Нашествие татар" (Рыбников, т. II, № 205, стр. 668); „Илья Муромец и Идолище" (Рыбников, т. I, № 6, стр. 33); „Илья и сокольник" (Рыбников, т. I, № 80, стр. 425); „Святогор и Илья" (Рыбников, т. I, № 51, стр. 318).

Все эти былины не всегда использованы в сказке полностью.

Связь с былинной традицией особенно заметна в стиле сказки; былинные обороты, ритмичность, размеренная речь встречаются довольно часто.

40. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Сказка представляет собой пересказ трех былин: „Добрыня и змей" (Рыбников, I, № 25, стр. 147), „Добрыня-сват" (Гильфердинг, I, № 94), „Добрыня и Алеша" (Рыбников, I, № 193, стр. 590). Сказка очень близка к былинной традиции и сюжетно и стилистически. Здесь особенно заметно стремление сказочника к ритмичности и рифмованности:

„Захочу, Добрынька, я те съем, сожру;
„Захочу, Добрынька, в хоботе сожму"

или

„Начал Бурушко наскакивать,
За три выстрела камешки от ног побрасывать".

41. БРАТ И СЕСТРА

Ан. 403 A. Bolte-Polivka III 135. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936, I, стр. 595—602.

Наш вариант очень напоминает сказку Афанасьева № 70. Сюжетные отличия незначительны, но Коргуевская сказка интересна четкой реалистической мотивировкой действия. Напр., хорошо замотивировано желание царя жениться на сестре героя. Брат и сестра оба отличающиеся красотой, обеднели. Брат поступает матросом на корабль, его встречает царь, обращает внимание на его красоту и спрашивает, все ли в его семье такие красавцы. Тогда герой показывает царю портрет сестры. Это и служит завязкой сказки. По сравнению со сказкой Афанасьева также лучше мотивируется появление ребенка и оживление красавицы. Царь находит тело красавицы в лесу, узнает ее по портрету и целует. От этого у нее родится сын, которого царь берет к себе. Мальчик плачет, тянется к шкафу, где у дочери бабы-яги спрятано яичко, в котором заключена душа купеческой дочери. Мальчик играет этим яичком, роняет его в рот матери, отчего она оживает.

Отдельные мотивы этой сказки встречаются в творчестве Коргуева неоднократно. Напр., выбор невесты по портрету находим в сказках „Шкип", № 3, „Верный слуга Иван", № 27.

42. АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Ан. 425 C. Bolte-Polivka II, 88. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938, II, стр. 638.

Наш вариант очень близок к „Аленькому цветочку" Аксакова. Основное отличие — это стремление Коргуева придать сказке еще более традиционный сказочный характер (неизмененная троичность действия: напр., купец три раза отправляется в плавание за цветком, а не один как в других вариантах). Еще более интересным моментом является перенесение действия сказки в поморскую среду. Так, купец каждый год ходит на своих кораблях заграницу за товарами; не может долго найти цветок, потому что дорого платить за простой в порту, необходимо ехать домой; обещает свезти на следующий год дочь заграницу и т. д.

Мотив заказа подарков дочерями встречается и в другой сказке Коргуева: „Бархат царевич", № 43.

43. БАРХАТ ЦАРЕВИЧ

Ан. 428 (425 C); Bolte-Polivka II, 88 (для типа 425 C). См. Афанасьев „Народные русские сказки", Academia, 1936, I, стр. 577—579.

Сказка представляет собою контаминацию двух сюжетов, причем оба сюжета использованы неполно. Первая часть взята из сюжета „Аленький цветочек" — младшая дочь просит отца привезти ей кровать с четырьмя голубками. Она их не кормит и они уносят ее к Бархату-царевичу — сыну ведьмы (ср. Садовников, № 16). Во второй половине сказки используется частично сюжет „Царевич-волк". Здесь жена Бархата-царевича исполняет с помощью мужа все задачи ведьмы, но дальше сказочником опускается бегство от бабы-яги, так как она сама гибнет в своей избушке (ср. Ан. 480 в).

Первая половина сказки — отец по просьбе дочери привозит ей подарок — напоминает другую сказку Коргуева — „Аленький цветочек", № 42.

44. НЕ-МАЛ ЧЕЛОВЕК

Ан. 301* C. + 315* B (+ 667); Bolte-Polivka II, 85, c, стр. 206 (для типа 315* B). Дополнительно: Карнаухова, № 39.

Сказка представляет собой соединение двух сюжетов „Солдат спасает царевну" (Ан. 301* C) и „Неверная жена" (Ан. 315* B). В последний

вставлен один мотив из „Воспитанника лешего“ (Ан. 667). Частично последний сюжет смыкается с „Волшебным кольцом“ (Ан. 560). Такое соединение для русской сказочной традиции ново; обычно оба эти сюжета существуют самостоятельно. Для Коргуева же контаминация в одной сказке целых сюжетов очень характерна.

К отдельным мотивам нашего варианта имеются параллели и в других сказках Коргуева. Так, похищение царевны напоминает аналогичный эпизод в сказках „Шкип“, — № 3, „Семь Симеонов“, — № 28, и „Верный слуга Иван“, № 27.

Коварная царевна встречается в сказках „Три лебедя“, № 17, „Север“, № 9, и „Собака и кошка“, № 26, и „Остров золота“, № 19.

45. ШОЛМОНИ

Ан. 461 (+ 302 + 405); Bolte-polivka I, 29 (для типа 461), III 197, с. 431—443 (для типа 302); II, 69 (для типа 405). См. „Народные русские сказки“ Афанасьева. Гослитиздат, 1938, II, стр. 654—658.

Сказка представляет собой частичное использование сюжета „Марка Богатого“ (Ан. 461), в которой вставлены отдельные мотивы из других циклов. Сюжет сказки: „Марко Богатый“ обычно носит легендарный характер. Коргуев опускает все религиозно-легендарные мотивы и придает своей сказке волшебные черты. Так, в „Шолмони“ отсутствуют все религиозные аттрибуты сказки: легендарное спасение ребенка, встреча со стариком, с богом и т. д. Сказка начинается с того, что жадный купец хочет избавиться от приемного сына и посылает его к волшебнику. Этот мотив интересно сравнить с сюжетом „Мачеха и падчерица“ (Ан. 480). В дороге мальчику задают вопросы, на которые он должен получить ответы от Шолмони. Этот мотив напоминает аналогичный эпизод в „Коньке Горбунке“ (А. 531, у Коргуева см. Приложения, II). Мотив вопросов встречается и в чисто-легендарной сказке о Христовом крестнике (Ан. 804. I). Но у Коргуева вопросы совершенно теряют свой религиозно-морализирующий характер, а приобретают чисто волшебный: герой узнает у Шолмони чему смеется пень на дороге, где находится смерть Шолмони, как расколдовать девушку, обращенную в сороку и т. д.

В сказку очень интересно вставлены мотивы из других сюжетов. Так, герой узнает через жену Шолмони, как освободить девушку, которая была обращена сорокой (ср. Ан. 405) или где находится смерть Шолмони и убивает его (ср. „Кащеева смерть“ Ан. 302). Довольно похожий эпизод — убийство змея — встречается в сказке Азадовского № 15, но там герой не разыскивает смерть змея, а просто отсекает ему голову и освобождает его пленницу

В сказке встречаются интересные местные черты: так перевозчик перевозит через реку в карбасе; чтобы убить Шолмони, надо одеть его верхницы (верхние рукавицы) и т. д.

46. ЦАРСКИЙ САД

Ан. 563; Bolte-Polivka I, 36. Дополнительно: Карнаухова № 37. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат, 1938 г., II, стр. 592—595.

В русском репертуаре сюжет не имеет широкого распространения. Наш вариант отличается от других сказок незначительными мотивами. Так, пропадают золотые яблоки в царском саду, а не горох у старика; и крадет их жар-птица, а не журавль. Это изменение, внесенное Коргуевым, оказывается неоправданным, так как царь потом никакой роли в действии не играет. Затем жар-птица оказывается царевной, которая, чтобы скрыть свой поступок, дарит герою волшебных козлика и туалетик одновременно. В других вариантах он ходит к ней за подарками три раза. Повидимому, превращение жар-птицы в царевну понадобилось сказочнику для того, чтобы придать сказке традиционный конец — свадьбу героя с царевной. Слабо замотивировано превращение старухи, которая крадет волшебные предметы, в злодейку-мать царевны. Этот эпизод носит морализирующий характер, но сюжетно не оправдан.

Первая половина сказки напоминает сюжет „Конька горбунка" (Ан. 531); эпизод, в котором с помощью волшебной палки и мешка герой возвращает похищенные чудесные предметы имеет параллель в аналогичном эпизоде в „Иване Несчастном", № 25.

47. ЗАМОРСКИЙ ГУСЬ

Ан. 571; Bolte-Polivka II, 64. Дополнительно Карнаухова, № 148. См. „Народные русские сказки "Афанасьева, Гослитиздат 1938, II, стр. 627—628.

Наш вариант очень близок к сказке Афанасьева № 142, но дополняет ее некоторыми мотивами, придающими сказке сатирический антиклерикальный характер. Так напр., кроме дьякона и прохожих к волшебному гусю прилипают и поп с причтом и пробегающий мимо чертенок, который три года все хотел ткнуть попа „а теперь то уж ткнул долговолосого". По сравнению со сказкой Афанасьева заново вставлен эпизод со службой чертенка у купца. В других вариантах этого мотива не встречается. Хотя присутствие волшебного гуся позволяет отнести сказку к волшебным, но по построению сюжета и стилю, она ближе всего примыкает к сказкам-новеллам, где измена жены обнаруживается совершенно реальным способом. Прилипание к волшебному предмету довольно часто встречается в сказках типа „Несмеяна царевна" (Ан. 559).

48. ПОРОСЯЧЬЕ СЕРДЦЕ

Ан. 660; Bolte-Polivka II, 118.

В русском репертуаре этот сюжет не встретился нам ни разу. В нашем варианте интересны реалистические и психологические детали.

Хозяин постоялого двора, которому три профессора оставляют на сохранение свое сердце, глаз и руку, — прячет их в холодное место, чтобы они не испортились. Когда кошка все съедает, хозяин пугается и советуется с доктором, органами каких животных можно лучше всего заменить человеческие, чтобы было незаметно. А когда три профессора приехали обратно, „хозяин волновался, што если оне узнают" и спрашивает: „Ну, кэк, товарыщ, у вас существует рука". Все эти реалистические и бытовые аксессуары и последнее слово „товарыщ" придают сказке, несмотря на фантастический сюжет, правдоподобность и реалистическую целостность.

49. КАК ЖЕНА МУЖА ОБЕРНУЛА СОБАКОЙ

Ан. *449 B; Bolte-Polivka III, 122, с. 7 — 8.

В русском репертуаре сказка не имеет широкого распространения. Наш вариант сюжетно очень мало отличается от других сказок; ближе всего к сказке Ончукова № 247. Небольшое отличие — купец обращает жену не в кобылицу, а в сороку. Сказка интересна реалистически-разработанными деталями. Так умная собака не только отличает фальшивые деньги от настоящих, но и носит письма и понимает человеческую речь и следит за выручкой в лавке.

50. КАК ОБРАТИЛА ВОЛКОМ ЧЕЛОВЕКА ОДНА ВДОВКА

Сказка не встречается в известных нам русских сборниках. У Андреева подобного сюжета нет. Отдельные мотивы, напр., обращение человека в волка частично напоминает сюжет „Жена-колдунья" (Ан *449 B).

51. КАК ШЕЛ СОЛДАТ С НИКОЛАЕВСКОЙ СЛУЖБЫ ДОМОЙ, С ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ

Ан. 330 A + 952 + 1162 (+ 330 B) Bolte-Polivka, II, 82 (для типа 330 A) II, 81, с. 157—162 (для типа 330 B); III 199 (для типа 952); дополнительно, Барсов „Причитания Северного Края". М. 1882, II, стр. 295 и Карнаухова, № 3 (мотив игры в карты). См. „Народные русские сказки" Афанасьева: Academia, 1936, I, стр. 624—626.

Основной сюжет „Солдат и смерть" (Ан. 330 A) в русских вариантах довольно неустойчив. Сказка представляет собой контаминацию нескольких сюжетов и отдельных мотивов из других циклов. Это соединение отдельных мотивов и целых сюжетов в сказке Коргуева служит одной цели: раскрытие центрального образа героя. Традиционный образ неустрашимого и ловкого солдата Коргуевым расширяется и приобретает уже черты полноценного человеческого характера. Так, кроме двух традиционных черт солдата, — смелости и ловкости, — Коргуев наделяет своего героя довольно необычай-

ной для сказочной традиции характеристикой. Это прежде всего мудрость, знание жизни, исключительно доброе, человечное отношение к людям. Кроме того полное отсутствие стяжательности, жажды наживы; наоборот, все, что дают солдату, он или возвращает обратно, или наделяет других людей: барина, его лакея, братьев, невесток и т. д. Все эти черты совершенно по другому окрашивают образ солдата: он не просто сметливый ловкач, а все его удачи происходят именно от большого жизненного опыта, знания и понимания жизни и мудрости. В этом отношении характерен один пример: во многих вариантах солдат, придя домой, отправляется в кабак и оставляет ранец с чертями в своей избе. Любопытные невестки открывают ранец, и черти убегают. В сказке Коргуева этот эпизод очень психологизирован и поэтому выглядит несколько иначе. Солдат, вернувшись в свою деревню, сначала заходит в кабак, чтобы купить угощенье для своих братьев и просит соседа отнести пока его ранец домой. При этом, зная женское любопытство и играя на нем, предупреждает, чтобы невестки не открывали его ранца. Невестки не выдерживают, черти убегают. Так обычный сказочный мотив вводится Коргуевым не для бытового оформления, как в других вариантах, а для раскрытия образа героя. Подобной характеристики героя в других вариантах не встречается.

52. СОЛДАТ СИМКИН

Частично Ан. 1159 (+ *1743); Bolte-Polivka I, 8; II, 114, с. 530, сноска 1 (для типа 1159). Дополнительно: Карнаухова, № 49.

Сказка очень оригинальна, традиционные схемы использованы лишь частично. В основной сюжет „Чорт играет на скрипке“ (Ан. 1159) Коргуев вводит совершенно новые эпизоды. Так, напр., за то, что солдат продает чорту скрипку, тот ставит его попом, потом архиереем и каждый раз заставляет грешить. Подобных эпизодов в других вариантах не встречается. Очень интересно переданы и традиционные мотивы. Это достигается исключительно разработанными реалистическими подробностями, напр, солдат, забыв о запрещении чорта, идет лечить царскую дочь. „Снял сапоги и идет в цюлках, штобы цёрт не слышал. А уж цёрт услышал. — Кто там? — Он тихонько говорит — Я.“ Или другой пример: чорт тасует карты, и рвет их своими длинными когтями. Солдат предлагает обрезать когти и зажимает руки чорта в тиски. Такой мотивировки в других сказках так же не встречается.

53. КАК КУПЕЧЕСКИЙ СЫН КУПИЛ НЕЗНАЕМУЮ ВЕЩЬ

Ан. *887 I (+ *901 I + *860) Bolte-Polivka I, 6, с. 45—46, сноска 4 (для типа *860). См. „Народные русские сказки“ Афанасьева. Гослитиздат 1938, II, стр. 615—616.

Сказка представляет собой контаминацию трех сюжетов: „Купленная жена“ (Ан. *887 I). „Исправление строптивой жены“ (Ан. *901 I) и „Укра-

денная жена" (Ан. *860). Все три сюжета соединяются механически. Первый разработан довольно своеобразно. Не имея существенных отличий в построении сюжета от других вариантов эта часть несет в себе черты волшебной сказки. Например, купеческий сын покупает „незнаемую вещь", которая оказывается некрасивой девушкой. Она поступает служанкой к его родителям и держит себя совсем как героиня волшебной сказки: днем прячется, а ночью работает и приобретает вид замечательной красавицы. Герой хочет жениться на ней, но у него крадут перстень невесты и она исчезает. Он отправляется ее разыскивать. Ему встречается старик-волшебник, который учит его, как добыть невесту. Иван играет на гуслях и улетает с царевной на волшебном роконе (кафтане) старика. Таинственное поведение героини, гусли, старик, волшебный кафтан — все это придает особые, фантастические черты сказке-новелле (ср. Зеленин. „Пермские сказки" № 4). В этом сказывается, очевидно, характерное для Коргуева тяготение к жанру волшебной сказки.

Второй сюжет „Исправление строптивой жены" в русской традиции встречается только в двух вариантах. У Коргуева он дан социально острее чем в сборнике бр. Соколовых. Герой исправляет не барыню, а грозную царицу, причем Коргуев вводит в сказку чрезвычайно интересный момент. Кузнечиха, которую герой переносит на место грозной царицы, по его совету издает манифест об отмене телесного наказания. Таким образом, герой не только морально воздействует на царицу, но и обеспечивает некоторые льготы государственным порядком.

В последней части сказки сюжет „Украденной жены" используется только частично. Герой заводит дружбу со стариком-купцом и хитростью заставляет его выдать за себя замуж собственную жену. Все эпизоды с добыванием вещей мужа Коргуев опускает.

54. КАК КУПЕЦ СДЕЛАЛ ДОГОВОР С ОДНИМ КОРОЛЕМ

Ан. *926.

Сюжет мало распространенный. В „Указателе" Андреева дан только один вариант. Весь сюжет построен на загадывании и разгадывании загадок. Наш вариант не имеет существенных отличий от сказки Афанасьева № 191, но у Коргуева гораздо богаче разработаны загадочные вопросы и ответы. Купеческий сын говорит только загадками, так же отвечает ему и невеста. Кроме того наша сказка имеет очень яркий поморский колорит. Так, купец каждый год ходит на своих кораблях заграницу, сын просватан за дочь иностранного короля, сын его тоже торгует с заграницей. Отметим интересную местную поговорку: Принц, узнав о договоре между купцом и королем возвращается домой и говорит: „Тут мне не уха".

Сюжет „Сосватанных детей" встречается в творчестве Коргуева дважды (см. сказку „Семен и Марья", № 55).

55. СЕМЕН И МАРЬЯ

Ан. *926 (+ *880 I + 887).

Сказка является контаминацией трех сюжетов, причем все три сюжета использованы только частично. Из первого (Ан. *926) взята основная схема — сосватанные родителями дети женятся, несмотря на все препятствия, и выпущены все загадочные вопросы и ответы. В эту схему вставлен эпизод с обыгрыванием в карты, взятый из сюжета *880 I. Но в нашем варианте герой возвращается на родину богачом, а не проигрывает все, как обычно для сказок этого типа. Также частично и очень своеобразно использован и сюжет „Терпеливой жены" (Ан. 887). В нашем варианте муж испытывает верность жены только бедностью. Он является к ней под видом трубочиста и все же она предпочитает его принцу и богатому капитану корабля.

Сказка очень насыщена местными морскими чертами. Прежде всего, половина действия развивается на море. Кроме того, очень подробно описываются корабли, взаимоотношения команды торговых судов и хозяина, пребывание судна в порту и т. д. Словарь сказки изобилует морскими и торговыми терминами. Такие выражения, как „корабельная пристань", „ставить судно на прописку", „платить простой", шлюпка, палуба, каюта, реленьга, борт, паровой катер, моторист и т. д. встречаются очень часто.

Сказка имеет некоторые параллели в коргуевском творчестве. Основной сюжет „Сосватанные дети" встречается в сказке „Как купец сделал договор с одним королем, № 54. Мотив игры в карты напоминает аналогичный эпизод в сказке „Как купеческий сын прожил отцовский капитал", № 23.

56. АРСЕНИЙ И ХЕОНА

Ан. 882 A; Bolte-Polivka III 135, с. 92, сноска I. Дополнительно: Карнаухова № 147; Азадовский „Русская Сказка" II, № 33 и Приложения.

В русском репертуаре сюжет довольно распространенный, но неустойчивый. Варианты этого сюжета очень разнообразны. Наша сказка разрабатывает только основную схему сюжета, опуская все побочные эпизоды. Муж бьется об заклад с купцом на верность жены. Купец обманом достает доказательства мнимой неверности жены, получает все имущество мужа. Жена переодевается в мужское платье, едет к мужу, все раскрывается и кончается благополучно.

Зато в пределах данной схемы Коргуев вводит несколько новых мотивов. Так напр., жена, заподозрив хитрость купца, строит подземелье, куда прячет свои драгоценности и часть денег. Муж, поверив измене жены, велит отрубить ей голову. Она убегает и купец посылает мужу голову собаки. Всех этих мотивов в других вариантах не встречается. Очень своеобразен конец сказки. Невинность жены показывается не при помощи вещественных доказательств, как в других вариантах (напр., доказательство — отре-

занный палец и т. д.), а подробной психологической подготовкой. Так жена под видом солдата все время ведет разговоры с мужем о том, что он наверно обманут ловким купцом, а жена его невинна и жива. Затем приводит его, все еще думающего, что жены нет в живых, в свой бывший дом и оставляет одного. Затем два раза показывается ему в подвенечном наряде. Потом ведет в подземелье, показывает все богатства и наконец открывается. Поэтому заключительный эпизод с разоблачением купца служит уже не доказательством невинности, а способом вернуть обратно все богатство и наказать клеветника. Все эпизоды, где жена доказывает свою невинность интересны именно своей психологической разработкой. Примечательно, как проникают в сказку современные мотивы, Хеона, разоблачив купца на пиру, говорит: „Вот судите, граждане, как знаете, а я вся тут". „Тогда, конешно, сечас позвали милицию и этого купца посадили вместе с женой". Такие мотивы, необычные для сказочной традиции встречаются у Коргуева неоднократно и служат доказательством совершенно живого, органически связанного с современной жизнью восприятия сказочных текстов.

57. КАК МУЖИК ЦАРЮ ЗАГАДКИ ЗАГАДЫВАЛ

Ан. *921 I A и B. Дополнительно: Карнаухова, №№ 54, 154.

Наш вариант объединяет два близких сюжета (Ан. *921 I A и *921 I B). Сказка очень традиционная и приобретает особый интерес при сравнении с другой коргуевской сказкой „Цыган, поп и мужик", № 58.

58. ЦЫГАН, ПОП И МУЖИК

Ан. *921 1 A. Дополнительно, Карнаухова №№ 54, 154.

Исключительно интересный вариант, дающий представление о том, как сказка претерпевает изменения в смысле социальной направленности в устах сказочника-колхозника. В нашем варианте традиционный мотив из сюжета „Умные ответы" Коргуев повертывает совершенно по новому. Обычная расшифровка загадочных ответов мужика на вопрос, как он распоряжается своими доходами такая: старый долг плачу — отца, мать кормлю; в долг даю — сыновей рощу; в воду мечу — дочерей рощу". Здесь же сказочник-колхозник уже предварительно подготавляет слушателя, предупреждает его, характеризуя деятельность попа и цыгана: „батюшко, я как вижу из твоих речей, ты зарабатываешь го́рлом, а цыган языко́м, оба вы обманываете людей". А про себя говорит: „А я, как человек простой, мужик, зарабатываю горбом — где тяжельше труд, там и достаю на росходы. И деньги эти делю на три части: свиней кормлю, в воду мечу, в долг даю и старый долг плачу". И дальше Коргуев с большой социальной заостренностью объясняет умные загадочные ответы старика: „Свиней кормлю — царю

подать плачу; в воду мечу — таких как вы, обманщиков кормлю, старый долг плачу — отца, матерь кормлю, а в долг даю — детей рощу".

В этих, по новому звучащих традиционных ответах умного мужика, помимо острой социальной направленности чрезвычайно современно определяется отношение отца к детям. В старой сказке — расходы на воспитание дочерей — пропащие деньги („в воду мечу — дочерей рощу"). У Коргуева стирается разница между сыновьями и дочерями.

Так Коргуев переосмысляет традиционный сказочный материал, заставляя его звучать сегодня по-новому.

59. КРЕСТЬЯНИН КУПИЛ ТРИ СЛОВА

Ан. 910 В. Дополнительно: Карнаухова № 48, „Сказки Куприянихи" № 46.

Сказка относится к циклу „Добрые советы" но несколько рознится от других вариантов. Муж покупает добрые советы не за изделия мудрой жены, а по собственной инициативе. Своеобразна вторая половина сказки. Очень интересно как традиционный мотив перерабатывается сказочником в зависимости от местных специфически поморских условий труда и быта. Обычно в других вариантах муж-купец отправляется торговать за границу. У Коргуева герой приобретает более близкие сказочнику-помору черты. Муж нанимается матросом на корабль и едет за границу. Особенно примечателен эпизод с подарками царю. Купцы не просто спорят чей подарок лучше и затем просят царя рассудить их спор, а каждый старается сделать лучший подарок, потому что тогда его корабли будут в первую очередь грузиться лучшими товарами безданно, беспошлинно. Эта черта очень характерна для Поморья.

60. КАК КРЕСТЬЯНИН ЖЕНИЛСЯ НА ЛЕСНОЙ ДЕВУШКЕ

Ан. *813 А. Дополнительно: Карнаухова №№ (80), 137. См. „Народные русские сказки" Афанасьева, Гослитиздат 1933, II, стр. 610—611.

Сказки этого типа следует отнести не к новеллистическим сказкам и не к фантастическим, а к типу преданий — бывальщин. В основе их лежит вера в силу проклятий. Наш вариант несколько отличается от других сказок: охотник не собирается жениться и не ищет невесту, как в других вариантах, а находит случайно лесную избушку. Помогает открыть девушку не товарищ, как у Зеленина в „Вятских сказках" № 36, а тетка. Эта черта очень характерна для Коргуева, у которого мудрость, жизненный опыт и волшебное знание обыкновенно сосредоточиваются в руках женщин, а не мужчин. Конец сказки — свадьба и суд из-за приданого, на котором выручает героиню ее названный отец — чорт, — напоминает сказку, помещенную в „Вятском сборнике" Зеленина, № 36.

Наш вариант интересен местными карельскими чертами, которыми насыщена вся сказка. Действие сказки развивается в условиях охотничьей жизни, в лесу, в лесной избушке. Герой охотник, который только и кормится своим промыслом.

Конец сказки, несмотря на легендарный мотив, звучит совсем не фантастически. Достигается это современной фразеологией и словарем. Например „Слушай, гражданка, ты у меня почему сарафан украла?" или „Тогда суд решил: ну, значит, гражданин не взял сарафан, а она отдала по согласию" и т. д.

61. ПРОИСШЕСТВИЕ ПРО ЖЕНЩИНУ И СЛЕСАРЯ

„Происшествие про женщину и слесаря" не имеет никаких параллелей ни в русском, ни в иностранном репертуаре и стоит в творчестве Коргуева в том же ряду, что и „Чапаев" и другие новые сказки с современным советским содержанием. Сюжет сказки навеян повестью Ф. Березовского „Мать".

Чапаев был для Коргуева опытом создания советской волшебно-героической сказки на материале гражданской войны. В „Происшествие про женщину и слесаря" сказочник также использует героический материал гражданской войны, но уже в другом жанре — жанре реалистической новеллы. Надо сказать, что Коргуеву, как мастеру, в основном волшебных сказок, „Происшествие про женщину и слесаря" удалось гораздо менее, и наша сказка на фоне всего коргуевского творчества и особенно его новых современных сказок, как напр. „Про Чапая" и „Цыган, поп и мужик" выглядит значительно слабее. Все же в сказке есть замечательно интересные моменты. Напр. характерный вообще для коргуевского творчества замечательный героический образ женщины. Героиня Стеша показывается в сказке исключительно сильным, поразительно мужественным, умеющим твердо и ловко бороться с врагом человеком с колоссальным размахом и самопожертвованием, устраняющим на своем пути все препятствия. После страшной смерти мужа, сама истерзанная пыткой, она не хнычет, не сгибается под тяжестью горя, отказывается даже от детей и все твердо и спокойно обдумав, отправляется к белым. Взрыв штаба белых — это не акт личной мести, а продолжение борьбы мужа и общего дела своего класса.

62. ПРО НЕСТЕРА, У КОТОРОГО БЫЛО РЕБЯТ ШЕСТЕРО

Ан. 1525 A (+1535 *B+1573*). Bolte-Polivka III, 192 (для типа 1525 A). Дополнительно: Карнаухова, №№ 118, 167, „Сказки Куприянихи", № 60.

Сказка является контаминацией трех сюжетов из цикла сюжетов о ловком воре, который все время дурачит глупого барина. Такая же контаминация встречается и в других вариантах (Ср. Зеленин „Пермские сказки"

№ 47). Отметим некоторые интересные моменты. Прежде всего довольно редкая реалистическая и морализирующая мотивировка: мужик начинает заниматься воровством от бедности. В сказках — анекдотах этого типа обычно воровство или никак не объясняется или объясняется приказом барина: „укради, да родителей корми" (Афанасьев, № 219а). Не менее интересный момент — это эпизод с пробным воровством: Нестер хочет узнать, способен ли он к воровству и крадет собственную шапку из сада барина. В других вариантах встречается не проба, а учение воровать. Напр., учитель учит молодого вора украсть яйца из гнезда у сороки (см. Афанасьев, № 219в).

Примечательны более реалистические мотивировки действия по сравнению с другими вариантами. Напр., когда Нестер обещал украсть кольцо с руки у барыни, барин со своей семьей сторожат дом и не спят две ночи подряд, а Нестер все не является. Измученные, они засыпают на третью ночь, чем и пользуется Нестер. Здесь определенный психологический расчет, что придает сказке более реалистические черты.

К этому же циклу принадлежит и другая сказка Коргуева: „Три брата и Ивашка дурачок", № 63.

63. ТРИ БРАТА И ИВАШКА ДУРАЧОК

Ан. 1539 (+1535*В+950); Bolte-Polivka II, (61), для типа 1539); III, 192, с. 395—406 (для типа 950). Дополнительно: Карнаухова. № 16 (Ан. 1539) и № 119 (Ан. 950). Сказки Куприянихи, № 50 (Ан. 1535*В).

Основной сюжет „Шут" (Ан. 1539) очень распространенный и в русском репертуаре и в европейском. Наша сказка контаминирует три сюжета, причем третий „Сокровища Рампсинита" (Ан. 950) в таком соединении встречаются редко. Обычно этот сюжет существует самостоятельно. Сказка имеет острую социальную направленность. Бедняк, которого все считают дураком, сам дурачит все время поповичей и барина. Данный вариант близко примыкает к другой коргуевской сказке „Про Нестера, у которого было ребят шестеро", № 62.

64. БАРИН И СОБАКА

Исключительно интересная сказка по своей социальной направленности. Соответствующего сюжета в „Указателе" Андреева нет. Очень близкий к нашему вариант встречаем в сборнике Ю. М. Соколова „Барин и мужик", Academia, 1932, стр. 32—36. Наша сказка не вносит никаких существенных изменений в текст Соколова, но отличается большей диалогичностью.

65. КАК БАРИН КУПИЛ У КРЕСТЬЯНИНА ОВЦУ

Ан. *1529 II.

Сюжет сравнительно мало распространенный. Интересно, как в данном варианте изменены некоторые моменты в соответствии с местными поморскими условиями быта. В сказке Садовникова № 41 барина обманывает крестьянин, хозяин овцы. В Поморье, где никогда не было крепостного права, крестьяне вообще мало сталкивались с барами. Поэтому в нашем варианте уже не крестьянин, а личный слуга барина, кучер, обманывает своего глупого хозяина и уговаривает крестьянина продать овцу. Дальше он же своими подзадориваниями, доводит барина до гибели. Для Коргуева это изменение гораздо более психологически закономерно.

66. КАК БАРИН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ СКАЗКИ У СВОЕГО СЛУГИ

Ан. *1376 B (+1920* Д); Bolte Polivka II, 112, с. 508—611 (для типа 1920*Д). Дополнительно: Карнаухова, №№ 62, 145 (для типа 1920* Д).

Сказка своеобразно контаминируется из двух сюжетов. Первый (Ан. *1376 B) очень редкий, в русском репертуаре имеется только один вариант (см. Афанасьев, № 249). Но и этот редкий сюжет в интерпретации Коргуева выглядит гораздо острее, так как героем является не солдат, а слуга, которого барин измучил, заставляя все время рассказывать ему сказки. Поэтому и конец сказки, когда слуга заставляет барина отказаться от слушания сказок звучит очень остро. Слуга не просто заставляет барина прервать свой рассказ, как в других вариантах, а отучает барина от слушания сказок и тем самым надолго отделывается от капризов самодура.

67. КАК ПОП, ПСАЛОМЩИК И ДЬЯКОН СИДЕЛИ ПОД БУРАКОМ

Ан. 1730. Дополнительно: „Сказки Куприянихи", № 69; Азадовский „Русские сказки", т. II, №№ 32, 33, см. также примечание к сказке № 33, стр. 184—187.

Из цикла сказок о влюбленном попе. Ближе всего к сказке, помещенной у бр. Соколовых № 84 и к первой половине сказки Зеленина: „Вятские сказки" № 35. Но Коргуев вводит в повествование один небольшой штрих и сказка приобретает очень резкую социальную направленность и политическую остроту. Так, в варианте Коргуева героиня отличается большой религиозностью и часто посещает церковь; муж же в церкви совсем не бывает. Поэтому дальнейшие приключения попа, псаломщика и дьякона приобретают исключительную политическую остроту и направленность. Муж не только осмеивает и наказывает неудачных любовников, но и отучает навсегда жену от ее религиозности.

68. СОЛОМА ТЫ, СОЛОМА

Ан. *1361, I; Bolte-Polivka II, 96. Дополнительно: Карнаухова, № 149. Существует этот сюжет и в былинной традиции, см. „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым", изд. 2-е, т. II, стр. 382—385, № 156. „Терентий муж Данильевич".

Сюжет довольно распространенный и устойчивый. Сказка Коргуева интересна ярким поморским колоритом. Муж — бедный рыбак; жена посылает его не за лекарством, а за семгой; прохожий прячет обманутого мужа в кережу с соломой и т. д. Примечателен еще один момент. Обычно в сказках этого типа муж играет незавидную роль, в нашем варианте наоборот. Наказанным и осмеянным оказывается любовник-дьякон. Это придает сказке сатирическую направленность.

68. УПРЯМАЯ ЖЕНА

Ан. 1365 А. Дополнительно: Карнаухова, № 56.

Сказка принадлежит к циклу рассказов об упрямой жене. Ближе всего к сказке Афанасьева, № 237в. Отличается от других вариантов бо́льшими бытовыми и реалистическими подробностями (напр., сборы на сенокос). Реалистическая разработка деталей — черта вообще характерная для творчества Коргуева.

70. БИТЫЙ МУЖ

У Андреева параллельного сюжета не встречается. Эта сказка-анекдот о хитром мужике, ловко обошедшем глупую и тщеславную бабу. Анекдот, повидимому, местного происхождения, рассказанный очень живо и остроумно.

71. ЗАЛЕТЕЛА ВОРОНА В ВЫСОКИЕ ХОРОМЫ

Ан. 1641; Bolte-Polivka II, 98.

Сюжет довольно распространенный. Наш вариант ближе к сказке Афанасьева, № 216в. В сказке имеются небольшие, но очень характерные для Коргуева отличия. Сказочник только переставляет два эпизода, отчего сказка приобретает бо́льшую реалистичность и логичность действия. Так слуги, укравшие деньги, сначала зажаривают старухе ворону, чтобы испытать ее умение ворожить, затем уже напуганные ее случайным отгадыванием, подслушивают ее слова в бане и сознаются в краже. В большинстве других вариантов, зажаривание вороны дается совершенно неоправданно в конце сказки, уже после раскрытия кражи.

72. КАК ТРИ БРАТА ПОШЛИ ПОЛЕСОВАТЬ

Ан. 1225.

Сказка принадлежит к циклу анекдотов о пошехонцах. По сравнению с другими вариантами, сюжет несколько обыдненный. Так, например, сказочник опускает эпизоды с путанием ногами, разыскиванием своего города и т. д. (ср. Смирнов, № 139).

73. ТУТ НЕ ПОПАДЕТ, ДАК ТАМ ПОПАДЕТ

Ан. 1525 С.

В известных нам русских сборниках существует только один вариант этого сюжета, см. Зеленин, Пермские сказки, № 38. Наша сказка опускает морализующий конец — поимку воров и выглядит более законченным анекдотом о ловких людях, обманывающих доверчивых простаков. Другой отличительный признак — это насыщенность анекдота местными чертами. Так, ловкий мужик удит рыбу не в луже по краям дороги, а делает две проруби на льду озера, (лоря), где проходит зимняя дорога. Зимний путь по рекам и озерам — черта очень характерная для Карелии. Другой вор крадет не цибики чая, как в сказке Зеленина, а сигов.

74. БЕТЬ, КРАСОТА, БЛАГОДАТЬ

Ан. 1940.

Анекдот, построенный на отгадывании загадок. У Коргуева рассказан неудачно. Сказочник выпустил основную мотивировку: хозяин не заставляет прохожего отгадывать иносказательные названия огня, воды и кошки, а сам объясняет свои загадки. Поэтому поджог прохожим хозяйского сарая выглядит совершенно неоправданным.

75. КАК СТАРИК ЖЕНИЛСЯ НА ОДНОЙ ЯГОЙ БАБЕ.

Ан. 480 *С; Bolte-Polivka I 24, с. 221—225. Дополнительно: Карнаухова, № 27, см. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Academia, 1936, I, стр. 575—576.

Сказка разрабатывает один из сюжетов, принадлежащих к большому циклу „Мачеха и падчерица“. По сравнению с другими вариантами Коргуев вводит несколько новых эпизодов. Во-первых, оригинально разработанный эпизод со вторичной женитьбой старика: дочь наказывает отцу, чтобы он выбрал в жены только третью из встретившихся ему женщин.

Баба-яга три раза забегает вперед старика. Старик все три раза не узнает ее и соглашается взять в жены. Таким образом баба-яга хитростью выходит замуж за старика. Во-вторых, по новому разработан эпизод с получением богатства падчерицей. У Коргуева не чорт дарит девушке золото, а мышка посылает к девушке какую-то неизвестную красавицу, которая ее одевает и дает мешок с золотом. В-третьих, изменен и конец сказки — после того, как старик привозит одни косточки, оставшиеся от родной дочери его жены, баба-яга сама едет в лесную избушку, где и погибает от собственной жадности. Кроме того, Коргуев вводит один очень редкий мотив: баба-яга, собирая падчерицу в лес, кладет ей в мешок вместо хлеба камень, вместо масла смолу и вместо крупы — золу. Такой мотив встречается только в сказке, помещенной у Карнауховой, № 27.

В сравнении с другими вариантами, наша сказка отличается еще и большой традиционностью сказа. Так напр. баба-яга трижды забегает вперед старика; обе девушки проводят в лесной избушке по три ночи; мышка испытывает доброту трех действующих лиц, сначала падчерица едет в лес, затем родная дочь и, наконец, сама бага-яга.

Таким образом для нашей сказки характерны два положения: во-первых, стремление Коргуева выйти за пределы данной схемы и для этого он вводит несколько новых эпизодов. И во-вторых, тяготение к традиционным формам сказочной поэтики — троичность эпизодов. Обе эти черты очень характерны для всего творчества Коргуева.

76. ЛИПА-ЛИПАНУШКА

Ан. 327 C; Bolte-Polivka I, с. 115—123. Дополнительно: Карнаухова, № 75. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, I, Academia, 1936 г., стр. 581—484.

Одна из самых распространенных детских сказок. Основной сюжет довольно устойчив, но отдельные мотивы в различных сказках варьируются очень широко. Сказка Коргуева довольно схематична. Сказочник опускает много украшающих эпизодов, имеющихся в различных сказках, отчего сказка, конечно, выглядит несколько обыденной. Так в нашем варианте опускается эпизод, когда баба-яга точит зубы, чтобы съесть своего племянника, описание бегства Липанушки, разговор с бабой-ягой и т. д. Основную схему сказки интересно сравнить с другой детской сказкой Коргуева „Кот, лиса и петухи, № 78.

77. КОЗА НИРЕЗА

Ан. 212; Bolte-Polivka I, 36, с. 346—349. Дополнительно: Карнаухва № 74. „Сказки Куприянихи“ № 27. См. „Народные русские сказки“ Афанасьева, Akademia, 1936, I, стр. 545—546.

Сказка принадлежит к числу широко распространенных детских сказок, для творчества Коргуева, впрочем, вообще очень не характерных.

Наш вариант ближе всего к сказке Карнауховой, № 72, но в коргуевской сказке больше разработана песенная часть.

78. КОТ, ЛИСА И ПЕТУХ

Ан. *61 II. Карнаухова № 84. См. также „Народные русские сказки" Афанасьева, Academia, 1936, I, стр. 532—535.

Одна из популярнейших сказок о животных. По сравнению с другими вариантами, наша сказка передана более сжато и схематично. Многие эпизоды, более разработанные в других вариантах, у Коргуева сокращены до схемы. Так напр. кража лисой петуха замотивирована очень примитивно и повторяется трижды без всяких изменений. Еще более схематично описание победы кота над лисой. Песенная часть очень однообразна.

ЗАМЕТКА О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА

Проф. Б. А. Ларин.

ЗАМЕТКА О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА

Мастерство одного из выдающихся наших сказителей — Матвея Михайловича Ко́ргуева — должно быть всесторонне изучено. Язык Ко́ргуева — блещущий и драгоценными орнаментами традиционного сказочного языка и счастливыми творческими неологизмами сказочного стиля — увлекает к детальному изучению. Но не место развернутому анализу его языка здесь — в собрании его сказок. Это увеличило бы и без того громоздкий объем книги, это сделало бы издание менее доступным, адресовало бы его — специалистам. Я ограничусь здесь изложением приемов редактирования текста, чтобы дать ясное представление о пределах точности, с какой воспроизведена в этом издании речь М. М. Коргуева.

Принципы издания фольклора у нас, как и за рубежом — сильно менялись на протяжении последнего столетия.

Два полюса, к которым тяготели фольклористы, остаются и сейчас теми координатами, между которыми вписываем мы свой отрезок кривой — изображающей историю фольклористики. Один полюс — уподобление литературному тексту, переработка записей в угоду читателю, далекому по языку от сказителя, литературная имитация или стилизация фольклора. Имя Чулкова приходит тут на ум всем, кто знает старые и ста-

ринные издания „народной словесности". Высокомерная отчужденность Карамзинского общества от народа объясняет нам историческую необходимость этих принципов.

Другой полюс — максимальная точность, протокольность передачи сказа. Образец — записи причетов и песен, пословиц и былин, сделанные акад. Шахматовым. Недавно еще ценность издания фолькора определялась степенью его приближения к записям диалектного материала средствами фонетической транскрипции.

Однако пора отойти и от этой крайности. Надо отдать себе отчет в том, что цели собирания, изучения и издания фольклора не тождественны, не совпадают с целями диалектолога — особенно в наше время. Надо помнить, что ценность „протокольной" записи зависит от степени уменья, подготовки, от фонетической тренированности записывающего, что до уровня акад. Шахматова не может подняться рядовой фольклорист. А вместе с тем нельзя упускать из виду и того, что даже диалектологи теперь уже не фетишизируют исключительно фонетические наблюдения. Современная диалектология от фонетических излишеств или изысканностей перешла к разработке семантики, лексики, синтаксиса народных говоров. И фонетика диалектов не противопоставляется так нормальному произношению, как прежде. Не может противопоставляться, ибо наш литературный язык во всех отношениях стал теперь ближе к народной речи, чем прежде. Исчезла пропасть между народом и интеллигенцией, вместо народных говоров, отчужденных от литературного языка, складывается общий язык русского народа, вместо народной словесности как подвального этажа господской литературы — единая национальная литература. Но это новое формирование грандиозного масштаба еще не закончилось. Следы и пережитки народных говоров еще существуют, различия между диалектами и литературным языком не исчезли в лексике, в грамматическом строе и в фонетике, — хотя их все меньше от поколения к поколению, из года в год.

Язык Ко́ргуева гораздо ближе к литературному, чем язык сказочников прошлого века по всем указанным причинам.

Однако в нем еще слышны отголоски не только вчерашнего дня, а и вековой традиции, в нем еще ярко звучат особые черты старого севернорусского наречия, идиоматика древнего народного говора. И этих отголосков седой старины — становится все меньше с каждым годом даже у одного М. М. Коргуева, т. к. он вырвался из узкого круга одной сельской общины — беломорского села Керети — и в широком общении с Петрозаводскими, Ленинградскими, Московскими и прочими писателями, учеными, студентами, рабочими — он обогатил и обновил свой язык за счет общего литературного языка, за счет других областных наречий.

Можем ли мы теперь остаться на прежних дореволюционных позициях при издании сказок, песен, ста́рин и новых сказов, которые „дома скла́дываны с подушкой со своей", по словам Конышкова, другого даровитого сказителя Беломорья. Не можем, понятно.

Лексика, фразеология, синтаксис народных сказителей должны быть воспроизведены в издании с документальной точностью. Своеобразие, идиоматичность языка Коргуева отображены в издании — как памятнике нашей эпохи, ибо это может быть плодотворным стимулом в процессе создания языка великой народной литературы.

Но никому не нужна та шелуха диалектной фонетики, какою надо признать ее неустойчивые, изредка являющиеся крайние отклонения от средней нормы языка самого М. М. Коргуева. Устранено и все сомнительное и излишнее в первоначальной записи, сделанной фольклористом, не обладавшим достаточной лингвистической подготовкой.

Новые для фольклористики принципы публикации текста, принятые в этом издании, я сформулирую в нескольких „правилах".

I.

1. Советский фольклор публикуется не для исторических лингвистических и палеонтологических разысканий горсточки специалистов, а потому не должен быть огражден от широких кругов читателей, видящих в нем одну из отраслей литера-

туры, — замысло атой и загадочной, недоступной для большинства читателей фонетической транскрипцией. Тем более недопустимо облекать эти тексты в некий суррогат научной транскрипции, какой выходит из под пера собирателей, не овладевших системой и техникой транскрипции.

2. В силу этого нет надобности отступать от обычной орфографии во всех тех случаях, где принятое (орфоэпическое) произношение отклоняется от орфографических написаний точно также, с тем же результатом, как и в диалекте сказителя. Мы, например, пишем сделал, вся, дуб, жить, а произносим: зделал, фс'а, дуп, жыть. Но точно также произносит и Коргуев эти слова. Следовательно мы смело можем в его сказках печатать по первому ряду (общеизвестные и всем привычные написания), а не по второму: впоследствии, а не *фпослетствии* и под.

3. В силу того же (1-го) принципа мы допускаем незначительные отступления от фонетической точности там, где она повела бы к двусмысленности, сильно затруднила бы понимание текста, напр. печатаем осёдлость вм. *ос'одлос'*, печатаем жизнь вм. *жыз'*, печатаем видно вм. *винно*, (ср. II. 8), печатаем полóн, а не *пулóн*.

4. Там, где некоторое приближение к орфографическому облику поможет легче понять форму и значение слова, не уводя от фонетической адэкватности в силу особенностей соотношения русского письма и языка, — мы допускали комбинированное начертание: печатаем удержатьце (инфинитив) вм. *удержацце*, но говоритце, вм. *говорицце* (3 л. ед. ч.), потому что и то и другое принятое в издании начертание по нормам русской орфоэпии никак иначе и не может быть прочитано, чем произносит Коргуев. Потому же печатаем: тридцеть, петнадцеть, вм. *тринцеть, петнаццеть*, или чарь, чуство, чаревич, доч, а не *чярь, чюство, чяревичь, дочь* (но прынць, молодець, цясти, верхници, а не *принц, молодец, цясти, верхницы*). Иными словами — мы сохраняли орфографическую форму в тех частях слова, где произношение Коргуева совпадает с нашим нормальным, и отклонялись в сторону фонетической передачи там, где звуковые элементы слова

у Коргуева отличаются от наших орфоэпических. Еще один пример: печатаем о т ц ё в с ь к а, вм. *оц'ц'офс'ка*.

5. Устраняем при издании случайные обмолвки Коргуева: печатаем с у щ е с т в о в а т ь, а не однажды записанное *шуществовать*, потому что несколько раз записано нормальное произношение у Коргуева. Точно также печатаем п р и к а щ и к, хотя один раз он произнес *прыкащик*.

6. Устраняем при издании словарные, не сквозные фонетические отклонения от орфоэпии, если для точной их передачи понадобилось бы ввести дополнительную нерусскую букву за отсутствием соответствующего знака в нашем алфавите: печатаем к о г д а, т о г д а, н е к о г д ы, с ё г о д у, а не *коуда, тоуда, некоуды, с'оуоду*.

II.

1. Вторым руководящим принципом издания было стремление передать характерные и важные черты диалекта у Коргуева там, где это не мешает пониманию, где читатель легко догадается, какому принятому орфографическому написанию соответствует фонетическая передача произношения Коргуева. Мы не можем допустить полного стирания диалектных элементов в языке сказочника, хотя бы и в одной только фонетике. Мы не можем пойти по пути Чулкова и первых собирателей фольклора, подкрашивавших, подделывавших его в угоду читателю-дворянину, ибо наши читатели ближе знают и иначе воспринимают диалектную окраску речи, ибо устранение ее исказило бы ее синтаксис,*) нарушило бы иногда самый стиль сказки, ее социальный и геграфический колорит, ее архаику, ее ритм и звукопись.

2. Поэтому мы оставили в точном фонетическом воспроизведении основные, характерные и насквозь проходящие звуковые особенности языка Коргуева: оканье, цоканье, особое смягчение 'р', ассимиляцию альвеолярных и губных последующим носовым: печатаем р о б о т а, з а в т р о ш н о й, к о р м а н.

*) Имею в виду такие случаи, как „оно у меня привезён" (вм. привезено) и под.

поздровляет, ёго, ёму, едёт, платьицё; цясти, голубцик, старицёк, церес (а на ряду с этим: чаревна, челой, коннича, останечча, зерькальчё, челювальником); ланно, онна, омморок, оммер, омман; перьвый, верьх, корьмить, чарьство, государьство.

2. Не устраняем и признаков диалектного смешения, обогащения за счет южнорусского наречия как помимо литературного влияния так и через литературный язык: печатаем салдат, камандир, главнокамандующий, карабь, карабля, жалаю, содярживал, патрет, панель, палаты и под.

3. Не нормализуем черновую запись, оставляем фонетическую передачу произношения в тех случаях, когда это не мешает пониманию вследствие наличия аналогичных форм произношения и у нас (при колебании орфоэпической нормы), а также при альтернирующем, двойственном произношении у Коргуева: печатаем лёхкой, конешно, наежжает, жона, жонитьце, одново (наряду с одного, своего, пятого, его, такого у Коргуева), опеть, сéду (наряду с сяли, пять, грязь у Коргуева).

4. Не вводим орфографического ь после шипящих в окончании именит. пад. женского рода, печатаем доч, мыш, рож, а также и во 2 л. ед. ч. наст. вр., и в повелит. накл. полож и под. Печатаем осталсе, посмеялсе, запечалилсе и под., так как это не затрудняет понимания текста, но печатаем пусть вм. *пусь*, невёстки вм. *невёски*, им, их, ихной вм. *йим*, *йих*, *йихной*, т. к. в этих случаях могло бы иметь место неузнавание слов читателем из-за непривычного начертания.

5. Не нормализуем и некоторые несквозные, единичные фонетические особенности речи Коргуева, когда они имеют словарный характер и появляются в окружении прозрачных или орфографических начертаний.*) Так печатаем йись (съедать), балхон (а не *балкон*), сашкой (а не *шашкой*), бароня (а не *барыня*), жолезной (а не *железной*), посёл (а не

*) На случай затруднения у читателя они поясняются в словаре.

посол), помравитце (а не *понравитце*), дохтур (а не *доктор*), лыцерь (при обычном для Коргуева рыцерь).

6. Сохраняем и такие древние звуковые и грамматические особенности языка Коргуева, как руськой, женськой, отцёвськой, деревенськой или довольнё, остальнюю, сильнё, игральню, обезательнё, больнё, или крык, скрычал, скрып и под.

7. Обозначаем ударение во всех случаях, где оно не совпадает с нормальным орфоэпическим ударением: ру́чей, ро́дить, на се́мена, три года́, заму́ж, моло́дый, жере́бятка, броси́лсе, сонны́е, броси́лась, сонно́го, на́гнал, со́брали, о́торвал, нанял, нача́л, руку́, кудри́, по ящику́, на отды́х, заберите́сь и под.

8. Не выравниваем характерных для Коргуева чередований, двойственного произношения одних и тех же слов, форм: ланно и ладно, онна и одной, омман и обман, своево и своего, ковды и некогды, еще и ещё и ишшо.

III.

1. Запись одного собирателя всегда содержит ряд недослышек, погрешностей, невольных уклонений в сторону нормализации, т. е. подмены своим типом произношения. Чтобы представить в издании возможно более точное воспроизведение речи сказителя, необходимо привлечь ряд наблюдений и записей нескольких лиц, необходимо дать в помощь фольклористу — лингвистов. Так и поступила редакция в этом случае. Речь Коргуева изучали кроме А. Н. Нечаева многие специалисты. Я записывал сказки М. М. Коргуева во время его приездов в Ленинград — четыре вечера. Один раз со мною вместе записывали мои ученики — А. П. Евгеньева, А. П. Конусов, Е. М. Иссерлин. Кроме того записывали и сообщили мне свои материалы Б. В. Лавров и А. Д. Соймонов.

Тщательно сличая все перечисленные записи и основываясь на своих неоднократных наблюдениях я произвел редакторскую правку записей А. Н. Нечаева, которые оказались удовлетворительными, но содержали некоторые излишние обозна-

чения, некоторые графически-неуклюжие, неудачные написания и мелкие недосмотры или недослышки, напр. *про́сицьця, роздецьця* (вм. проситце, роздетьце), *мушщина, женшщина, вешщь, ешще, шщитаю* (вм. мущина, женщина, вещ', еще, щитаю), *сьняли, усьпел, есьли* (вм. сняли, успел, если), *хозяіин, двоіи, устроіила, своіих* (вм. хозяин, двое, устроила, своих), *чьто, подвенечьно, достаточьно* (вм. што и что, подвенечно, достаточно) и под. В процессе правки и выработаны были вышеизложенные принципы публикации.

2. Имея в виду интересы лингвистов я приведу здесь образцы фонетической записи речи М. М. Коргуева, чтобы дополнить данные, содержащиеся в издании.

а) Про Чапая [ср. I, 1—3].

во́т н'е́ ф котором ч'а́р'ств'и | н'е́ ф котором госуда́р'ств'и | а и́м'енно ф то́м ф кото́ром мы́ с тобо́й жыв'о́м | бы́л жы́л кр'ẹс'ја́н'ин | зва́л'и јево́ Ива́н | и бы́ло у н'ево́ тр'и сы́на | ... во́т он'е́ жыву́т кон'е́шно н'ебоγа́то в б'е́нној с'ẹмјй | у н'и́х н'е́ было ору́д'иј ло́ва | н'е́ было посу́ды то́ј што вы́јехат' на ло́ф || от'е́ц̣ у́м'ер у ји́х | оста́л'ис' сынов'ја́ жыт' со своје́ј ма́т'ẹр'ју || и во́т н'е в до́лгом вр'ẹ́м'ẹн'и слуц̣и́лас' војна́ || наста́ло тако́ вр'ẹ́м'е | што ста́л'и фс'и́х поголо́вно бра́т' | н'и шчыта́л'ис' н'и́ с ста́рым н'и́ с ма́лым || е́тых ста́ршых сынов'е́ј забра́л'и на војну́ | оста́лс'е Вас'и́л'ẹј || во́т про́шло́ ишшо́ н'емно́го вр'ẹ́м'а | и во́т о́ч'ẹр'ẹт' дошла́ до мла́ч'ч'ево сы́на | ит'т'и́ на́до бы́ло на збо́рныј пу́нкт ч'ẹ́р'ез д'ẹр'е́вн'у | а в е́тој д'ẹр'е́вн'и т'о́тушка јево́ || коγда́ о́н пр'ишо́л в е́ту д'ẹр'е́вн'у и ду́мает: што́ ж д'е́лат' | мо́жет мн'е́ наза́т н'е в'ерну́цце | на́до к т'о́тушк'и заворотит' || и во́т он заворот'и́л к т'о́тушк'и | и во́т он обрат'и́лс'е к своје́ј т'о́тушк'и || да́ | т'о́тушка | то́жо вз'а́л'и на слу́жбу | на́до на војну́ || дак во́т пл'ẹм'а́н'н'ик | ја́ т'ẹб'е́ да́м тако́је кол ц̣о́ | кото́ро у м'ẹн'а́ у му́жа пр'ив'ẹз'о́н с тур'е́цкој војны́ | оно́ тако́је запов'е́дноје и волше́бноје | т'ẹб'а́ н'е бу́д'ет (бу́јет) пу́л'а бра́т' | и м'ẹ́ц̣ н'е бу́јет с'ẹ́ц̣ | оно́ им'ẹ́јет таку́ју бол'шу́'ју с'и́лу то́ко на су́шы | а на вод'е́

оно́ н'е им'е́јет н'икако́ј с'и́лы | то́ко хран'и́ у с'е̨б'а́ || Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' б'е̨р'о́т над'ева́јет јево́ || пр'ихо́д'ит на збо́рноj пу́нкт | б'еру́т јего́ кон'е́шно на слу́жбу || и та́к о́н хорошо́ вы́уч'илс'е воје́нному д'е́јств'иju | што́ јево́ произв'е̨л'и́ у́нд'ер оф'ице́ром | ста́ршым || Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' прослужы́л тр'и́ го́да | на е́том воjна́ кон'е́шно ко́нчылас' | ма́т' о́ч'е̨н' обрад'е́ла | топ'е̨р' бу́д'ем жы́т од'н'е́ | пот ста́рос' бу́јет корм'и́л'ицом и́ли на ут'е́ху || во́т он по́жыл та́к н'емно́го до́ма | и говор'и́т ма́т'е̨р'и | ја́ хоч'у́ жен'и́цце || нафпро́т'иф ма́т' н'ич'ево́ н'е им'е́ла || ... и получы́лас' об'и́днаја в'е́шш | та́к што п'е̨р'ешла́ вла́с' в ру́к'и б'е́лым || об'и́дно стало јому́ | н'е́ одда́м ја́ в об'и́ду труд'а́шчыj (?) наро́т || пр'ишо́л к своје̨́j родно́j ма́т'е̨р'и и говор'и́т | так во́т ма́ма | ја́ јешшо́ хоч'у́ ит'т'и́ воjева́т' || она́ јому́ и говор'и́т | слу́шај Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' | два́ бра́та пог'и́бло на воjны́ | и т'е̨б'и́ того́ же н'е м'инова́т' || одна́ко м'е̨н'а́ пу́л'а н'е воз'м'о́т | ну ма́т' | отпус'т'и́ м'е̨н'а́ до́бро̨го мо́лоццa | уш ја́ поjду́ | фс'о́ ровно́ н'е спок'и́н'ет т'е̨б'а́ сов'е́цкаја вла́с' | а то́л'ко н'е спок'и́н' мои́х ма́лых д'е́тушек || во́т ид'о́т на дво́р | б'е̨р'о́т своjево́ верона́ кон'а́ | сад'и́цце на верона́ кон'а́ | пр'иjежжа́јет о́н молоде́ц̨ (к) коман'д'и́рам кра́сноj а́рм'ии | здра́ствуjт'и каман'д'и́ры кра́сноj а́рм'ии | ја хоч'у́ поступ'и́т' ф кра́сну а́рм'иju | помо́ч' своје̨́j ро́д'ины | прогна́т' колч'ака́ и д'е̨н'и́к'ина || хорошо́ || мно́г'и так'и́ је̨с' | наболта́јут јазы́ком | а ты́ хто́ тако́j || ја́ је̨́с' Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' Ч'апа́јеф || ла́дно хорошо́ | так'и́х јеро́јеф мы́ воз'м'о́м к с'е̨б'е́ || н'е прошло́ как два́ д'н'а́ | нач'ина́јецце у н'и́х бо́j | наступа́јет колч'а́к со свои́м отр'а́дом || од'ева́јецце Ч'апа́јеф и пуска́јецце во вра́жеско во́јско || и нач'а́л м'е̨ч'о́м б'и́т' | ка́к траву́ кос'и́т' | коп'јо́м ко́л'ет | нага́ном б'јо́т || нос'и́лс'е по́ пол'у то́ч'но в'е́хор' || и во́т н'е прошло́ ка́к ше́с' ч'асо́ф | в'ерну́лс'е Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' || говор'а́т тогда́ јому́ кра́сны коман'д'и́ры | молод'е̨́ц̨ Вас'и́л'е̨ј Ива́ныч' || ну́ то́то | ја́ н'е л'убл'у́ јазыко́м болта́т' ||

Примечание. Кто захочет сличить эту запись с изданным в I томе текстом сказа о Чапаеве, тот должен будет констатировать с одной стороны большой диапазон вариации сказа у М. М. Коргуева, а с другой стороны и несомненное упущение некоторых синтаксических и фразеологических особенностей языка Коргуева в записи собирателя.

б) Из разговоров М. М. Коргуева.

...ну́ оп'а́т' пое́хал вра́т' | скла́дно вр'о́т || [о сказителе].

...табако́м то бы́ло ску́дно | снабжда́л фсе́х табако́м || остал'ны́је н'е кур'а́т | ја́ то дура́к закури́л | војна́ то јерма́нска науч'и́ла || некур'а́шчым залог'и н'е́т ||

...н'емно́шко бы́тто п'е́р'евосп'ита́лса | говор'и́т | рост'о́ш н'емно́го | ты́ уш ина́ч'е сло́во называ́јеш | ч е р'ес полтора́ го́да у т'е́б'а́ созна́л'и изм'е́нныје слова́ ||

в) Из „Солома ты солома“ (ср. II, 427 сл.)

...на́с дво́је — ту́т н'е́ко у́ды (т. е. нету места) || туда́ јево́ спус'т'и́л'и | спус'т'и́ и к'ер'о́шку вы́збу заташшы́т' || .. а слу́шај д'е́душко | спо́ј ты́ друг'и́жды | одн'е́жды мы́ н'е по́н'ел'и || соло́ма ты́ соло́ма | посмотр'и́ко ты соло́ма | што́ д'е́ицце до́ма | на п'е́ч'к'и б'е́з'м'е́н | да доста́н'ицце об'е́м || .. и дава́ј д'ја́кона звон'и́т' ||.

СЛОВАРНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Словарные пояснения в этой как и в первой книге имеют двоякое назначение. Главная цель — помочь читателям достичь полного и точного понимания текста сказок. Для этого отобраны и разъяснены: 1) слова какие не встречаются в общем литературном языке; 2) слова употребляемые М. М. Коргуевым не в общеизвестном значении; 3) те морфологические и фонетическне варианты слов литературного языка, какие не сразу могут быть опознаны, отожествлены читателями.

Но одним этим я не мог ограничиться. Язык М. М. Коргуева заслуживает всестороннего изучения и истолкования. Поэтому наряду с пояснительной задачей я ставил себе и исследовательскую: — отобрать материал для лексикологической характеристики сказок этого тома. Для этого кроме семантических пояснений (очень сжатых, синонимического характера) я привел и фразеологию М. М. Коргуева в цитатах, которые позволяют путем некоторой абстракции сосредоточить внимание на словоупотреблении и стилистическом назначении слов той или другой категории у сказочника. Эта часть словарика предназначена для лингвистов, фольклористов, литераторов. Иногда цитаты служат и пополнением к лаконичному семантическому определению. В тех случаях, когда только словоупотребление и представляет интерес (а значение слова понятно и без толкования), я ограничился указанием одного или

нескольких контекстов, цитат. Отмечены и типичные словообразовательные ряды, напр. слова с приставкой *природ-* и т. д. Для специальных справок насквозь проведено указание хотя бы одного места в этой книге, где употреблено данное слово. Если такого указания нет, значит, слово встречается много раз, и его легко найти даже при самом беглом просмотре сказок. В словнике (в отправных словах) обозначены ударения. Синтаксические признаки определяются из контекста.

Б. Л.

СЛОВАРНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

А.

Аза́рно — с азартом. *Купци-милионеры играли оцень задорно или азарно.* 348.

А́нделькой — ангельский. 206.

Асау́л — главарь шайки, атаман. 546 сл.

Б.

Ба́йна — баня. 359 сл.

Балхо́н — балкон. 66.

Бесе́да — вечеринка. *Што у тебя тут за празник, што за бесёда, хто у тебя тут есть.* 424.

Бесе́дка — скамейка. *Уселсе он на бесёдку и выпил ковшицёк.* 493.

Блуди́ть — плутать, потеряв дорогу. 291.

Бо́бушка — детская игрушка. 66.

Бо́лесть — болезнь. 168.

Большинство́ — нареч. по большей части. *Он всё ходил, и ходил и большинство по́ лесу.* 544.

Бор — 1. гора (поросшая лесом?) *[Святогор] ездит по крутым борам.* 206
2. равнина. *И вот вышли оне на ровнину, на гладкой на веселой бор.* 403.

Борода́виця — бородавка. 361.

Брата́н — родной брат. 91.

Бу́дё — союз 1. если. *Будё не куплю там, тогда буду сниматьце с якоря.* 276, 375 и др.
2. разве только. *Уж потом будё перед смертью приду, дак тогда меня приберите.* 302.
3. нареч. может быть, возможно. *Хто это [колотитце]? — Да будё муж!* 423.

Бу́сна (палица) — богатырская, мощная. 494.

Бу́райдать — гневно кричать. *А этот пьяной уж бу́райдат: — Жона, наставляй самовар!* 410.

Бура́к — короб. *Бурак-то не мыт уж давно, надо бы и бурак отпарить кипятком, а уж тогда телёнка-то заносить в избу.* 423—5.

Бу́рушка — кличка бурого коня. 226.

В.

В середи́ восто́к — (о курсе плавания) прямо на восток. 27.

В тре́тьих — третьим, как третий. *И я с вами поеду в третьих.* 184.

Венёць — свадьба, венчанье. *Когда мы назначим венець?* 337.

Ве́рхница — рукавица. 265.

Ве́хорь — вихрь. 643.

Винт — (о лошадином беге) круги, один меньше другого для разбега (пе́ред прыжком). 39. *Надо сделать винта́ два по́ двору, штобы приготовитьце к прыжку.* 559.

Ви́тязь — 1. герой 2. обращение к военному человеку. *Здраствуйте, витезь! Видит, што хто-то из военных.* 75.

Вича́жник — мелкие заросли, кустарник. 307.

Власть — кроме обычн. знач.: документ, подтверждающий полномочия. *Напиши власть, штобы меня слушались капитаны.* 254.

Вме́сто, вместя́х — вместе. *Руки склади вместо.* 452.

Внич — лицом вниз. 19.

Вози́тьце — бороться в рукопашную. 220 сл.

Вологжа́няшки — жители Вологды. 475, 476 сл.

Во́лок — мера сена (один захват руками). *Лошади сена наклал, да еще себе оставил несколько во́локов.* 434.

Воро́тничёк (воротницёк) — воин, охраняющий ворота княжого двора. 233.

Воро́тница (воротнича) — калитка подле ворот. *Подниму воротничу триста пудов и ударю этого добра молотця.* 210.

Воспита́ть — выкормить, прокормить. *И пришлось этому брату Ивану... нанятьце куда-нибудь на корабь матросом, штобы воспитать сестру, не была она голодная.* 236, 392.

Впо́л-лая — н а р е ч. лая не полным голосом, не во всю силу. *Ну, Соловей... впол-лая пролай по собачьёму.* 211.

Впо́л-свиста — н а р е ч. свистя не полным свистом. *Пропой впо́л-свиста по-соловьиному.* 211.

Времена́ (мн.) — срок, надлежащая пора. *Надо бы тебе и жонитьце, времена приходят.* 340.

Вы́держать — израсходовать, истратить. *А деньги выдержал.* 377.

Вы́кинуть (слова) — осмелиться промолвить. 214.

Вы́копать (глаза) — вырвать, выколоть. *А мы тебя не видим... у нас выкопаны глаза.* 147.

Вы́рыть — выкинуть, выбросить. *Виноград... россек туловищо на мелкие цясти. Потом вырыл эти цясти в морё* 88.

Вы́стать 1. подниматься (о море). *До девети раз вы́стала [вода].* 91. 2. взбираться, взлезать (на гору, на дерево) 195. *И давай в эту гору ставать. Ставали, ставали... — Да скоро-ли мы вы́станем-то?* 420. 3. выбраться, вылезть, вынырнуть. *Уж если падет [в кадку с мёдом], не выстать будет.* 413. *У того бе́режку нырнет, у дру́га выстанет.* 226.

Выть — привычная мера еды у человека. *У ёго выть была окуратная: ел он всёгда по кала́чику, а пил он всёгда по стаканчику.* 218. *Вот у меня какая выть: я ем семь печей хлебов, три коровы ем за один обед, три ведра вина выпью, на закуску ем двенадцеть гусей, запиваю ведром молока коровьего. Вот эта выть моя умеренна.* 218.

Вы́фурнуть — выпорхнуть, вылететь. 303.

Вя́снуть — висеть. *Ключи вя́снут за поясом.* 490.

Г.

Гла́дкий — ласковый. *Ни от кого не видал слова гладкого.* 473.

Год — срок; свое, соответствующее, подходящее время. — *Ну, дочка, на тебе это кольцё, штобы ты успокоилась до го́ду. А потом, когда этот год будет, я тебя возьму на корабь, увезу в этот сад.* 244.

Го́док — прил. сверстник. *Как ты мой го́док, дак мне было охота тебе показать, цё твоя старуха хочет.* 430.

Голова́ — человек, тварь. *Всё ёму было неинтересно, потому што нигде не нашол живой головы.* 557.

Голь-кабацкие — пьяницы, голытьба. 475.

Гони́ть — гнать. *И стали их гонить обоих с сестрой из дому.* 544.

Гора́ — берег, суша. *Сеця спустили якоря и вывезли ёго на́-гору.* 29. 79. *И пал сильной шторм, и вся команда погибла, только портупея прапорщика выбросило на го́ру.* 256, 351 и др.

Гуля́ть — *И она такая слаба́я, што пустилась теперь во всю, с кем хош — с тем и пойдёт гулять.* 362. *Она нача́ла с ним гулять, и он даже прислал мне нательные признаки.* 363. *Вот, Иван Воловиць, привёз ты ко мне Елену Красу-Золоту Косу, ...а ты гулял дорогой с моей жоной?* 520.

Гу́сельци — гусли. 232.

Д.

Дави́ть (лес) — валить. *Пусть она ещё год ле́су да́вит.* 307.

Дворе́ць — двор *[Еруслан Лазаревиць] играл с робятами на цярьском дворце.* 137.

Дворе́цькой — придворный. 115.

Де́инка (дя́инка) — жена дяди. 414.

Держа́ть — 1. владеть. *А если уж не вернусь, то держите [все эты корабли], сами всё делите и не обижайте матросов.* 19.
2. расходовать, тратить. *Держи из этых порошков не всё сразу, может тебе еще понадобитце.* 122.
Десни́чина — доска-половица. 91, ср. 96.
До-не́хотя — наречн. так, что больше не хочется. *Накурилась, салдат, до не́хотя.* 305.
Догóн — погоня. *Скоцил на коня и поехал в догóн за ней.* 96.
Долóнь — ладонь. 197 и др.
Дрóля — любовник. 277.
Другúжды — второй раз, дважды. 644.
Другоя́ко — иначе. *Если он скажет так — дак она обязательнё другоя́ко.* 431.
Дух — бесплотное сверхестественное существо. *Не иначе как её какой дух унёс.* 246.
На один дух (на единый дух) — залпом, в один прием. 205.
Духи́ — кроме обычного знач. — благоухания: *Потла в сад, и там ароматы, духи́.* 246.

Е.

Еги́сня (Ягисня) — баба-яга. 237 сл.
Его́в (ёгов) — принадлежащий ему. 101 и др.
Еди́нашство — одиночество. *И вот она так в еди́нашстви росла, што не видала никого, только нянюшки ей охраняли.* 77.
Ей, ею — ее (часто).
Е́йный — принадлежащий ей (часто).
Еро́й — герой. 643.

Ж.

Жа́дность — жажда. *Со жадности Бова королевиць напилсе.* 118.
Жере́бятка (жере́бятки) — жеребята 522 сл., 524.
(Жи́вность) — **В жи́вности застали** — застали еще живым. 191.
Живо́т — имущество, достаток. 262. *Пропал весь мой живот в этой реки.* 555.
Жи́лковатый — жилистый. *Ну крепкой татарин, жи́лковатой не со́рветца.* 215.
Жи́тельство — жилье, усадьба. *Ну у него в этом жительстве не было исключительно никого, жил один, ни собаки, ни кошки.* 36.

З.

Забо́титьце — быть опечаленным, тревожиться. *Жить ёму стало очень хорошо, только он очень заботилсе, што посулён у нёго сын.* 35.
За́висть — 1. желанье иметь, получить. *И ей стало очень за́висть, она сбегала к матери, выпросила глазок и купила этот платок.* 239.

2. сожаленье, тоска от жадности. *Зависть така нашла, што он овладеет моим животом.* 262.

Заворотúть — зайти в гости. 642.

Заворóтник — воин, сторож, охраняющий ворота. *Перескакивал через крепи черьковные и через башни высокие и не спрашивал ни плётников ни заворóтников и заскакивал к себе на почесной двор.* 232.

Заворóтничёк (заворотницёк) — то же, что заворотник. *Он не спрашивал ни плетницьков, ни заворотницьков, всех взашéй отталкивал.* 233.

Зáвтро (завтри) — завтра. 94 и др.

Загазýть — загадать (загадку). 372.

Загнýть (книгу) — закрыть. 31.

Загремировáть — замаскировать, сделать незаметным. *И потом приласил к себе мастера, штобы вырезали у ёго в стены такую дыру, в ёго спальни, штобы вложить туда эти чободаны и загремировать там.* 22.

Задворéнка (баушка) — бобылка, живущая на окраине (не при дворе царском). *И отдали ёго баушки задворенки. И услышал он таковы слова: — „Не отцёв ты есь да не материн, ты баушкин сын да задворенкин".* 463.

Задóритьце — жадничать. 413.

Задýматьце — опечалиться. 21.

Закáтыватьце — (иронич.) входить торопливой, крадущейся походкой. *И вдруг, шесь цясов времё, батюшко закатываетце.* 423.

Заколúна — стожок сена, навитой вокруг жерди или между двумя жердями. 538.

Закрепúть (корабль) — зачалить у пристани. 323.

Залагáть — закладывать, отдавать в заклад. 206.

Заливáть — рассказывать небылицы. 405.

Залúгьце — въехать во множестве, заполняя. *Когда оне залились во двор.* 546.

Залóга — короткий отдых среди работы. 644.

Замотáть — смотать клубок. *Замотала золота и сошила ёму платок.* 238.

Запашóна — (прич. страд. от запасти) — припасена. *Водка у ней была запашона.* 365.

Заплечóна — (прич. страд. от заплести) — заплетена. *Заплечóна моя коса на Светой Руси.* 468.

Зáповедь — 1. приказ. *И вот он дает заповедь Ильи Муромцю.* 226.

2. договор, соглашение. *А мы сделаем с тобой заповедь, штобы мне, змее лютой, не летать на святую Русь, а тебе Добрыни, не ездить на горы Таратинские, не топтать молодых змеёнышей.* 226.

Запоежжáть — собраться, приготовиться уехать. 176 и др. *И он запоежжал, но заведующему жалко ёго было отпустить с деньгами* 349.

Запоходúть — собраться уйти, пуститься в путь. 425 и др.

Запере́ть (глаза) — зажмуриться. 453.

Заска́кивать — вскакивать. *Тогда он заскакивает на коня и говорит.* 505.

Заста́вушка — оберегатель, защитник. *Нет у меня моей ладушки, нет крепкой моей заставушки.* 232.

Зау́лок — темный угол за печкой. *Занесли в зау́лок (у нас заулки за печами есть).* 303.

Захи́мкать — заговорить неясно сквозь сон. 264.

Згляну́ть — взглянуть 100 и др.

Звони́ть — колотить, дубасить. *И давай дьякона звонить.* 644.

Здох — отдых, передышка. *Бьютце, дэрутце, дак и здо́ху дают.* 519.

Здыну́ть — поднять. *Видит, в углу мешочек, здыну́л его, а там кости бренчат.* 448.

Земляно́й дух — дыхание смерти. 223.

Зе́мська — земская изба (помещение старинного органа управления волости) 310.

Змоли́тьце — взмолиться. 195.

Зна́тьце — быть в половой связи. *А она зналась с дьяконом.* 276, 427.

Зоро́д — стог сена 522; скирд хлеба.

И.

Изве́ритьце — обмануть доверие, не сдержать слова. *— Нет не спущу, изверисе! — Нет, не изверюсь... приду через сутки.* 523.

Изве́щитьце — заговорить. *Ехали, ехали, изве́щилсе под ней доброй конь: Слушай-ко ты...* 230.

Издиви́тьце — удивиться. 277, 337 др.

Интере́сы — богатство имущество. *Дом этот не сгорел, но выгорели все интересы, которо богатьство было в дому́.* 26.

Испора́нить — нанести многие раны. *Што убит Добрынюшка, испоранен весь.* 231.

Испроломи́ть — проломить во многих местах. 231.

Иш — (вводное слово) будто видиш-ты, словно бы. *Двадцеть пять лет прослужил, ницёго не боялсе, а тебя онного, иш, испугалсе.* 290.

К.

-Ка — (частица противопоставительная, выделительная) „именно", „а с другой стороны", „а только". *Коли ты этот цветочек хочешь взять, то я тебе даю, токо отдай мне-ка дочерь.* 244. *И он хочет достать себе сушину и розложить себе сушину и розложить костёр огня, где-ка спать, ночевать.* 382, ср. 266, 359, 111, 119, 242 и др.

Каза́к — работник. 400.

Ка́ить — исповедывать. 312.

Кана́тьце — просить прощенья, униженно вымаливать пощаду. 296.

Ка́пище — подземелье. *Ты знаеш его капища или подземелья.* 201.

Ка́рбас — небольшое гребное и парусное судно. 266 и др.

Керёжка — небольшие сани или большие салазки, которые тянут на себе люди за ременную лямку. 427.

Керёжка — то же самое. 428.

Кирьга́ — кирка (?) 278.

Кле́тнички (клетницьки) — сторожа у клетей. 233.

-Ко — частица с повелительным значением (употребляется в соединении с **ну, но, на** и отдельно при формах 2 лица един. числа повелит. наклонения — постпозитивно). *Но-ко ставай, Илья!* 205. *На-ко пей. Иле́юшко!* 205. *Ну-ко смотри, отец!* 206. *Ты скажи-ко...* 210. *Но-ко угости этого дьякона, гусь!* 278. *Но-ко садитесь, выпьём!* 409.

Кокóра — сухое дерево-бурелом, вырванное с корнем. *Это ведь не медведь, это нам повиделась кокора.* 416.

Колоти́тьце — стучаться в двери. *Только наставила самовар, да тут то, да другое — вдруг колотитце.* 423.

Колупа́тьце — щипаться, драться? *Выляни на улку, посмотри как девушки катаютце, красны колпуаютце.* 458.

Кон — начало, раз. *На перьвой кон* — на первый раз. 94.

Кона́тьце — 1. добиваться, просить. 2. считаться. 3. меряться силой. *Долго-ли вы будете кона́тьце? Пора мне на тот свет убиратьце.* 400.

Корабе́льщык — владелец, хозяин корабля. 110.

Коровя́тник — батрак со скотного двора, который ходит за коровами. 115

Королéсьтво — 1. королевство. 2. королевский двор.

Кото́рой — (кроме обычного знач. —) один из двух. *Этот купець... не узнал ни которого.* 364. *Вот теперь мы приехали и оба стоим в шапках, знацит, которой то из нас, видно, цярь.* 371.

Котышко́м — волчком. *Котышком закатало.* 57.

Кра́сный — светлый, чистый, прекрасный. *Красны девушки,* 458. *Красно золото,* 214. *Красно солнышко,* 200 и др.

Крепь — стена, ограда. 232.

Крои́ть — бить что есть силы, избивать. 549.

Кря́ду — тотчас же.

Кукши́н, кукши́нчик — кувшин. *Приносит небольшой кукшинчик, так не больше рюмки, и нацинает из этого кукшина наливать всем гостям.* 385.

Куст — куча, поленица. *Наломал дубу такой огромной куст и тащит ёго себе в город.* 561.

[Ку́ця] в ку́цю — вместе, тесно. *Ноги в куцю зажала.* 308.

Л.

Ла́вка, ла́воцька — скамья. *Умру с лавоцьки* — умру естественной смертью. 308.

Ла́душка — любимый (о муже, сыне). *Мать идет со слезами да плачетце: — нет у меня моей ладушки...* 232.

Легуля́рно — изготовившись и расположившись к бою (из „регулярно"). 184.

Ли — или. *Хто там вверь ли цёловек спит.* 43. *И поведут на виселицю ли куда казнить.* 312.

Ли́тки — вышивка после продажи. *Пей ли́тки.* 406.

Лог — долина, ложбина, заросшая лесом. *И зашли в густой лог.* 403.

Ло́кта — колышек, палочка вделанная в стену в избе. *Проси ёго те гусли которы ве́снут вверьху на лычки на ло́кты.* 325.

Лы́церь — рыцарь. 159 и др.

М.

Маста́к — умелый, ловкий в каком-нибудь деле, мастер. *И он был очень мастак нырять.* 226.

Матёрой — 1. старый. *Мне уж со скотом стало тяжело, так што я стал матёр.* 554. *Я стал матёрой и отказываюсь от престола.* 102. 2. пожилой. *Хотя не такая што была седатая, но была уже матёрая.* 131. *Я уже матёрой, а она молодая.* 301.

Махну́ть — прыгнуть. *Батько дожидал, дожидал, да и сам махнул.* 413.

Маховатой — глуповатый, неосмотрительный и быстрый в решениях. *А он такой маховатой, да ище как напоим ёго пьяного.* 405.

Ми́са — блюдо. *И даёт... ми́су красна золота и вторую мису чиста серебра.* 214.

Младе́нь — грудной ребенок. *От пети лет и так до младене́й до самых.* 307.

Могута́ — богатырская мощь, сила. *Дай мнс силы и могуты.* 87.

Могу́тной — очень сильный. *Она была крепка, могутна жснщина, схватила ёго и посадила в котсл с кипящсй водой.* 360.

Моли́вить, моли́влю — произносить молитвы. 374.

Мо́лотьё — бред, болтовня о небылицах. *Иш к тебе мо́лотьё како пристало.* 334.

Н.

Набежа́ть к — подбежать толпой. *И поповици набежали к нёму и стали спрашивать.* 411.

Навали́тьце — нахлынуть, обильно натечь. *Потом из этой змеи поганой навалилось столько крови могутной, что доброму коню поколен.* 228.

Нави́деть — (обычно с отрицанием) переносить, терпеть. *Не могла ей навидеть.* 275.

Надрыга́тьце — надругаться. *Над отцём надрыгалась.* 75.

Надь — надо.

Наежжа́ть сза́ди — догонять. 340.

Нажа́тьце — напречь все силы. *Она нажалась, но... сорвать [веревки] нв могла.* 551.

На́-зень — вниз, на землю. 211 и др.

Называ́тьце — вызываться что-н. сделать. *Вот когда услыхал чарь, што называетце салдат, то он обрадел.* 254.

Нализа́тьце — напиться до пьяна. 410.

Настре́ту — навстречу. *Попадаёт ёму старицёк настрету.* 376.

Настре́ч — в ответ. *А он одно настре́ч, што поеду и всё.* 155.

Наступи́ть — подступить с войсками, захватить войной землю. *Наступил на нас Калин-чарь.* 212.

Наткну́ть — прикоснуться. *Как стрела наткнёт до чего, так то место и горит.* 40.

Нау́три — поутру. 537.

Наха́живать — хлестать, избивать. *Взял безмен в руки и давай нахаживать.* 430.

Начеса́ть — отколотить, избить. *И так их начесал, што оне остались тут лежать без памети.* 67.

Невдо́лгих — вскоре. 22. 305 и др.

Неве́стоцька — невестка, сестра жены. 87 и др.

Незамо́чь — заболеть. 304.

Не́когды — нет места, негде. 644.

Не́чо — нечего. *Спорить нам нечо.* 499.

Ни — нибудь. *Зайду в каку-ни деревню.* 276. *Я возьму сколько-ни денег.* 405. *Когда-ни пригодитце.* 505.

Но — ну. *Но, скажи, старой водолаз, кого ты видал.* 19.

Ну — но. *Ты у меня брата убил... ну меня не убьёш.* 511.

О.

Обде́лать — обмануть, обойти. *Меньша доч с им справитце, той обделаш.* 451.

Обдира́ть (хмель у кого-н.) безл. протрезвлять. *У ёго хмель обдирать стало. — Да што я, ведь убил жону-то!* 410.

Обира́ть — собирать, убирать *Вы топерь обирайте тела.* 186.

Облопо́шить — обмануть, провести. 300.

Обохва́тный — в один обхват толщиною. *Отъехал Добрынюшка к обохватну дубу.* 230.

Образова́тьце — оказаться. *И вдруг гости образовались на мосту.* 96.

Обре́з — полубочка, открытая бочка, 413.

Обсмея́тьце — поглумиться. 226.

Оввернутьце — обернуться чем-н., превратиться во что-н. 300 и др.

Оввести́ — обвести. 515.

Овви́ть — обвить. 246.

Ове́т — завет. 496.

Ове́тной — заветный. 496.

Оврати́ть — обратить. 286.

Огруби́ть — худо обойтись, обидеть. *Хоть он и огрубил, но надо пособить своёму батюшке.* 567.

Огурцы́ — плоды, фрукты. *Вот он набрал огурцёй, то есть яблоков, лимонов, апельсинов.* 550.

Одержа́ть (лошадь) — остановить. *Мужик одержал лошадь и спрашивает.* 440.

Одне́жды — один раз, в первый раз. 644.

Однобрю́шный — единоутробный. 77.

Одна́си, одну́си — одна одинёшенька. *Штобы не ворвалсе опеть этот купець, однаси стала ходить боятьце.* 361. *Оставила ей в лесу одноуси.* 237.

Окура́тен — осторжен, осмотрителен. 269.

Омману́ть, омме́н, о́мморок — обмануть, обмен, обморок 25, 238, 245 и др.

[Опас] без опа́су — без тревоги, спокойно. *Топерь напейсе квасу, да ложись спать без опа́су.* 85.

Опера́тьце — не соглашаться, упираться. 569.

Опри́ч — кроме.

Опри́ч как не — разве если только.

Опряга́ть — поедать. *Краюшку хлеба опрягает.* 575.

Опусти́ть — выпустить из рук. 100.

Осерча́ть — разгневаться 420.

Остава́тьце — отставать. *И так он не оставаетце от него.* 341.

Оста́вить — выставить, направить. *Тогда Веньцыан оставил шпагу острой стороной и поехал на него.* 160.

Остоя́тьце — остановиться. 341.

О́стро — быстро. *Вот этот мальцик нача́л так остро расти, што дивились.* 329.

Отверте́ть — сдвинуть с места, перевернуть. *Ты этот камень отвертиш вполне.* 30.

Отга́нуть — отгадать. *Кто отганет ету загадку?* 372.

Отку́лёшной — откуда родом. *Ты скажи-ко теперь, доброй молодець, хто ты есь да откулёшной?* 208.

Отмаха́ть — очистить, обмести (трубы). 353.

Относи́ть — выносить до конца. 306.

Отпа́ивать — выделять паи. 468.

Отпоро́ть — высечь. *И отпороли их до такой сте́пени, што оне полсутки без чуств лежали.* 389.

Отцёль — отсюда. 305 и др.

Отъе́здка — выезд (на долгий срок). 557.

Очеле́ть — стать целым и невредимым. 32.

Очели́ть — сделать целым, исцелить. 31.

Очеля́ть — воскрешать, исцелять. 301.

Очуме́ть — очнуться, опомниться. 247.

П.

Панафи́да — панихида, моленье об умершем. 374.

Паре́й — пари. *Бей парей, не бойсе.* 380.

Пасти́ — охранять. *Ивашко-Епанця пасёт Индейское чарьство.* 143.

Па́сть — упасть, напасть. *На нёго пал страх* 29. *Кацьнулсе как-то... и пал в обрез со смолой.* 414.

Па́стьце — впасть, поддаться. *Вот когда чарь это узнал, то па́лсе в великую печаль.* 494.

Патре́т, патре́тик — портрет, карточка. 236.

Паха́ть — мести. *Умеешь ли ты пахать? На́ метлу в руки.* 63.

Пе́кло — железный лист, на котором запекают, противень. *Вот она уселась на пекло, а он сецяс раз ей и в печку.* 451.

Передева́тьце — переодеваться. 354.

Переживáть — перебиваться. *Так пощол ихной капитал по́д гору, што они стали переживать как попало.* 236.

Перемéнить (слово) — изменить своему слову (обычно с отрицанием) 175

Перемца́ть, перемча́ть — перенести, перевезти через. 36.

Перепóлохатьце — прийти в ужас, испугаться. 365.

Пересу́д — пересмотр решения суда в высшей инстанции. *Тогда барин был недоволен судом и повёз этого мужицька в город на пересуд.* 416.

Пе́рьвенець — тонкая веревка. 551.

Перща́тки — перчатки. 507.

Пеша́ть — пробивать лед пешнями. *И начинают пролубу пещать.* 411.

Пе́шень — лом для пробивания льда (на коротком толстом шесте). *Вот приехали оне на лед, а у них пе́шни нет, чем достать пролубь.* 400. *Взял роботник пе́шень и ударил по головы.* 401.

Пиха́ть — толкать. 216.

Пиха́тьце — забиваться, залезать с трудом. *Пихайсе под бурак — больше некуда.* 423.

Пла́вать — ползать. *Штобы в этом саду пели пташки, плавали муравьи.* 482. *Пусть эти волосы по земле червями плавают.* 241.

Пла́вина — бревно, дерево, носимое волнами. *Плывём, плывём уже деветь месяцей, а всё земли не видать... Выходит на бак и увидал каку-то пловущую пла́вину... Вот смотри, там будет земля.* 28

Плётники — стража у ограды, тына, плетня. *И не спрашивал не плётников, не заворотников, и заскакивал к себе на почесной двор.* 232.

Побóище — битва. *Ставайте вы братья, поедём на дело ратноё, на кровавоё побоищё.* 213.

Повали́ть — уложить спать.

Повали́тце — лечь спать.

Повести́ть, повеща́ть — сообщить. 35, 551.

По́ветерь, по́витерь — попутный ветер. *И вот хоть по́витерь тянет, корабли остоялись, паруса надуты, а корабли остоялись на одном мести.* 378.

Повéтреть — высохнуть на ветру. 100, 102.

Повыдавить — перебить всех под ряд. *Што сиротушек — всё повыдавит [Калин-царь].* 213.

Погóда — ненастье, шторм, метелица. *Вот змей опеть же такую погоду поднял, што её всю песком занесло, её корету,* 89. *Француль сильнё помогал команды во времё шторма или погоды.* 175. *И вот когда пошол салдат вперёд, то пала такая сильняя погода, буран такой, и он сбился с пути.* 290.

Погонúть — погнать. *И вот дочь погонúла ей [козу] в лес.* 454.

Погулять — вступить в половую связь. *Отдаш мнё свою жону сходить и погулять.* 328.

Подбли́житьце — приблизиться. 546.

Поди-зна́й — быть может, пожалуй. 416 и др.

Подмета́ло — работник, подметающий в саду, в усадьбе. 62.

Подоро́жнички — сухари в дорогу.

Подпи́нывать — подталкивать ногами. *Конь... стал ёму мець подпинывать.* 515.

По́дпорог — помещенье, углубленье под порогом. *Ну вот он керёжку (санки), затянул, поло́жил в по́дпорог.* 428.

Подточúть — подгрызть. *Молодые змеёнышки подточат у Бурушка резвы ноженьки.* 228.

Поединщик — противник в единоборстве. *Приежжает богатырь... и крычал поединщика.* 220 и др.

Позадо́ритьце — разохотиться, разжадничаться. *Позадорисся много взять да попадёш, но тогды и пропал ты.* 413.

Пойти́ — пуститься в плаванье на корабле. 32.

По-коле́н — от земли до высоты коленей. 228.

По́ле — место боя. *Хвастай, как из поля обратно поедеш.* 511 и др.

Поле́совать — охотиться. 384, 438 и др.

Половúнка — пол-бутылки. *Приносит... половинку вина.* 364.

Поло́жить — (кроме обычного значения) 1. назначить. *Илья Муромець поло́жил Олешу Поповиця на охрану города.* 220. 2. поместить. *Приежжают к чарю, поло́жил кобылу на конюшню и сам пошол к чарю.* 543.

По́лой — открытый. *Оставлю темницю полу.* 260.

По-локо́т — до локтей. *Золоти руки по-локо́т.* 558.

По́лон (пу́лон) (собир.) — пленные, невольники. *Добрыня Никитиць любил ездить на горы Сороцúнские, топтать молодых змеёнышей, выруцять русских пулонов...* 225.

Полшто́ф — мера жидкости, (около бутылки). 405.

Поля́на — поле битвы. *Не прошло как шесть или семь часов, как было уже чисто, не осталось никого на поляны.* 128.

Пома́хивать — побивать размахивая. *Схватил одного татарина за́ ноги, начал им Илеюшко помахивать.* 215.

Поме́шкать — подождать. *Ты помешкай хоть дня четыре.* 498.

По́мины (реже ед. **по́мин**) — замаливанье грехов, поминанье. *Он убьёт тебя и не оставит даже на по́мины.* 208. *Ты слушай-ко, Добрыня Никитиць, ты не бей брата до смерти, оставь брата на по́мин души.* 234.

Помра́витьце — понравиться. 429.

Понести́(сь) — забеременеть. *Недолго спустя после этого купциха понеслась и также королева понеслась. Королева приносит доцерь, а купциха сына.* 339.

Пону́дить — стегнуть (лошадь) 67.

Поплю́ивать — поплёвывать. *Да шол [Калин царь], да изредка ёму в глаза поплюивал.* 214.

Попрости́тьце — попрощаться. 173.

Попроти́витьце — вступить в единоборство, выйти на бой. 476, 477 и др.

Пора́то — очень, особенно. *Жил он ни богато, ни бедно порато.* 376.

Поса́цки — городские мещане, жители посада. *Дядя, а ты ведь со мной мимо городу-то шол.,. ну вот, наверно, там посацки у тебя и украли платьё.* 404.

Посёл — посол. 185 и др.

Посе́ять — (кроме обычн. знач.) — уложить на поле битвы, перебить. *Вот прошло опеть же несколько часов, как все это войско было посеяно.* 130.

Поско́к — след от скачка (конского). *И вот как раз наскоцил на поско́ки богатырские и поскакал, куда у богатыря ска́кано.* 97.

По́сох — палка. *Собака накинулась на нёго, а он ударил собаку посохом и убил ей.* 415.

Посу́да — рыболовное судно. 642.

Потену́тьце (о животном) — начать испражняться. *Скажи: „козлик, потенись!“ — то червонци тебе посыплютце, колько тебе надо.* 269 сл.

Потро́нуть — оцарапать, прикоснуться. *А зайдём в избу, кот сидит на печи, он на тебя броси́тце, коту сальця дай, ну он тебя не потронет.* 251.

Похмы́ливать — посмеиваться, улыбаться. *А оне друг на друга смотрели и похмыливали и выпивали изредка по бокалу вина.* 101.

Походи́ть — отправляться в путь, пускаться в плавание. *И вот походит он на третий год [за границю].* 243 и др.

Подю́ять — почувствовать. *Зацерпнул воды и выпил, поцюял, вода была оцень хорошая.* 546.

Правду выпустить — испустить газы. *Правду выпустил, по нашему сказать пёрнул.* 536.

Приобра́ть — 1. подобрать, выбрать. 179. 2. приютить. *Уж потом буде перед смертью приду, дак тогда меня приберите.* 302.

Привали́тьце — прилечь, улечься. *Куда мне теперь привалитьце поспать.* 536.

Приба́льнё — угощенье от приезжающего после долгого отсутствия. 302.

Прийти́ в года́ — достигнуть зрелого возраста. 194.

Примере́ть — умереть одному за другим. *Не было уж отця-матери — все оне были прима́рши.* 217.

Прирозбе́гатьце — обращаться в паническое бегство. *Тогда видит Францель, што турецького войска много, а французы уж прирозбе́гались.* 186.

Прироздýматьце — начать раздумывать. *Когда выехал, прироздумалсе:— Ну уж не хотел меча я кровавить-то, ну еще спущу калену стрелу.* 210.

Приросплáкатьце — *И простилсе он с отцём с матерью. Отець с матушкой приросплáкались.* 208.

[Приспи́чь] — *Тебе* **приспи́гла нужда** *итти на корабь матросом.* 236.

Приступка — ступенька. *А палач идёт по лесници и спускаетце со шпагой. Он видит, што палач спустилсе с последней приступки...* 120.

Продёрнуло хмель (у ёго) — он протрезвился. 24 (ср. *обдирать хмель стало.* 410).

Продолжать (времё) — проводить время. 549.

Прожи́точной — с достатком, зажиточный. 204, 402 и др.

Проздровля́ть — поздравлять. 183.

Пройти́ стоя́нку — разорвать тонкий канат (чалку). *Если он пройдёт стоянку, то у меня потолще есть тро́сик.* 551.

Проки́нуть — пропустить (при сказыванье сказки).

Пролу́ба, — прорубь. *Пролубу подправили, да барина спустили.* 401.

Пропека́ть(се) — пробивать лучами. *А под Киёв-градом было силы столько, што сонцё не пропёкало... Вот бились оне челы суточки... на вторые сутки немножко сонцё стало пропёкатисе.* 215.

Простéнки — часть стены между окнами. 219.

Пря́мь — насупротив. 233.

Пу́лон — см. **полон.**

Р.

Ра́дить (рачить) — озаботиться, постараться. *Сам не ра́дит купить карты.* 317.

Ре́дкости — драгоценности, сокровища. 6.

Ре́леньга — борт судна. 354.

Реши́ть — прикончить, убить. 196.

Роди́тьце — случиться, произойти. *Как мне-ка дедушко сказал, так и роди́лось.* 11.

Розверну́тьце — размахнуться. 201.

[Розгово́рич, розгово́риць] *Без розгово́рицю* — без возражений, без спора. 212.

Розгреши́тьце — согрешить. *Я тогда с тобой розгрешусь и могу тебя убить.* 315.

Роздéть (о жилище, комнате) — унести, сорвать все убранство, утварь. *Осталась не роздетой только отцёвська спальня.* 23.

Розжáть — раздавить. *Полóжили на камень, а другой накатили сверьху и розжали ёго вместе с конём.* 97.

Розредúть — назначить каждому место, распределить. *Всех братьев розредила спать.* 525.

Рóкон — кафтан, балахон. *Он садитце на рóкон и полетел, што на ковре самолёте... Он этот рóкон надел на себя...* 325.

Росполóхатьце — притти в ужас, перепугаться. 410.

Рóстéния — плоды, фрукты. *Подходит к саду и видит разные рóстения: яблоки, лимоны, апельсины. Подумал: если я сецяс наберу рóстения, хозяева придут, подумают, што я украл.* 548.

Рóстéшивать — забавлять, развлекать. *Я сюды не гулять прищол, не рóстешивать вашей милости.* 214.

Рукопáшкою — врукопашную. 215, 503 и др.

Рыть — бросать, откидывать, вбрасывать *Он её розрубил на мелкие цясти и по куску во времё ходу всё рыл в морё.* 21. *Пусь мне роют хлебы в рот.* 517.

С.

Сáдник — садовник. 41 сл., 62.

Сбелéть — побледнеть. 135.

Светлотá — сиянье света. *И такая сделалась светлота, зарево, што в чарьстви все увидали и думают, што это помещик горит.* 527.

Сглóнуть — проглотить. 502.

Сграбить — схватить. 458.

Сдýмать — вздумать. 191 и др.

Сёгоду — в этот раз, вот тут недавно. 198.

Седáтый — седой от старости, старый. *Хотя не так што была седатая, но была уже матёрая.* 131.

Сейчáсом — сейчас. 366; ср. *сецяс, сечас.*

Сéльга — лесистое место, удобное для росчисти или поселения. *Так вот, ходили, ходили и пришли в такýю сéльгу — стоит ложбина с березняком.* 403.

Семья́ — жена. *Ты спиш, Добрынька, да усыпаессе, а уж твоя то семья да взамуж пошла.* 232.

Сецáс, сечáс — сейчас.

Сúла — 1. мощь. *Черезь меру мы силы Ильи дали.* 205.
2. войско. *А под Киёв-градом было силы столько, што сонцё не пропёкало, не было где котла сварить.* 215.

3. народ, люди. *И вот увидал он там [Добрыня в пещере змеиной] много силушки: однех было царей сорок царевицей и сорок королей было королевицей, а простого народу и счету нет.* 229.

Си́льний — стихийный, необъятно-громадный, могучий. *Конь у богатыря был, как сильняя буря; богатырь был, как сильняя туча.* 221. *Конь стоит богатырьской, как сильняя гора.* 222.

Си́ний — (кроме обычн. знач.) — седой. *Сказано цёрт силен, копнет и в синем.* 312.

Ски́нуть (глаза́) — быстро взглянуть.

Скрозь — сквозь. 201 и др.

Сли́на — слюна. 197.

Сложи́тьце — случиться. *Вот и сложилось так: каким-то пу́тём стали эты яблоки уничтожатьце.* 267.

Сломи́ть (голову) — отрубить. 214.

Слу́жба — поручение, задание. *Возьми нашу службу тоже.* 262.

Смахну́ть — сбросить. *Она (змея) ёго смахнула уж хоботом с лошади.* 515.

Сме́тить — 1. догадаться 2. заприметить. 269.

Смехо́м вести — насмехаться, глумиться. *Красное Солнышко смехо́м вёл.* 221.

Смоли́тьце — взмолиться. 98.

Содёйствовать ч е м — справляться. *Как он содействоват этим делом, сам ли он может или хто ёму помогает.* 59.

Сожга́ть — сжечь. 197, 264, 587 и др.

Сожда́тьце — встретиться по уговору, назначить свиданье. *На лесницe, где оне сождались с асаулом.* 551.

Созыва́ть — призывать к себе. *Раз этот купець созывает кухарку и говорит.* 360.

Соло́мщик — псаломщик (церковный чтец и певец). 422.

Со́лоной — соленый, неприятный, вредный. *Меня не убьёш, тебе я буду со́лоной.* 91.

Сосе́ць, сосе́ч — отсечь. 88.

Спева́ть — петь. 161.

Спехну́ть — столкнуть. 79.

Спи́ця — колышек в стене, на который вешают в избе одежу, утварь... *Да на спици безме́н.* 429.

Споки́нуть — оставить без помощи. 643.

Спра́витьце — нарядиться, приодеться. 164.

Спусти́ть — 1. отпустить, позволить. 164.

2. впустить, допустить. *Надо просить ёго с честью, с милостью... А спустить ёго во двор, да пои́ть, кормить...* 210.

Среди́ть — изготовить, снарядить. 254.

Среди́тьце — одеться, нарядиться. 237.

Средства́ — волшебные силы. 259.

Става́ть — восходить, взбираться. 222. *Пришли к высокой горы. И давай в эту гору ставать... — Да скоро-ли выстанем-то?* 420.

Стамоно́гой — с негнущимися, прямыми ногами. *Леший стамоногой!* 410.

Станови́той — статный, рослый. 80.

Стегану́ть — лягнуть (о лошади). *Как какой подойдёт, стеганёт его ногой (кобыла), так тот и готовой.* 526.

Сте́мнетце — безл. стемнеет. 528.

Стеновы́е клещи́ (тиски́) — станочные (не ручные) тиски. 316 сл.

Стоя́нка — канат средней толщины. *Свяжи у его руки стоянкой, крепко попутай (... ведь это не верёвочка тонка́я).* 551.

[Стре́та] — на-стре́ту — навстречу. 276.

Стре́титьце — встретиться.

Ступо́к — след ступни (копыта). *Смотри, как я буду ходить, и как только подниму ногу, ты в ступок и спускай яблоко.* 562.

Сузёмок — глушь, дебри, мало доступные места. *Сёгодни лошади так далеко ушли в сузёмок, што насилу нашол.* 500. *Все ровно мне жить в сузёмке оленем, в город уж не пойду.* 540.

Сумле́нье — сомненье, опасенье. 428.

Сумня́тьце — сомневаться. 366.

Суровой́ — 1. крепкий, рослый. *Он был уже с порядочного сурового мальчика, ну так лет на двенадцеть.* 110, 347.

2. способный, искусный. *Теперь когда оне окончили эту битву, чарь увидал такого сурового витезя, велел призвать его к себе.* 582.

Суши́на — сухое дерево, сухостой. *Вот настигла его темень, он срубил сушину, хочет огонь раскладывать.* 383 и др.

Существова́ть — действовать, функционировать. *Глаз может существовать кощеций [у человека].* 287.

Сыпа́ть — многокр. к *спать*. *И только Олёшенька и жонат бывал, и столько Олёшенька и с жоной сыпал.* 234.

Т.

Та́к што — 1. точнее говоря, собственно. *Ты теперь остался так што сироткой, тебе теперь надо поучитьце какому-нибудь ремеслу так што науке.* 347.

2. и вдруг, и тогда, и вследствие этого. *Тогда он взял достал скоро-проворно мыло и спустил его коню под хвост, так што стали сзади леса непроходимые.* 560.

Та́мотки — 1. тут, в этом случае — как бывает. 2. и так далее. *И говорит ей тамотки такие слова, которые ей не подходят* ‹порядочной женщине›. 359. *Ну, какого города тамотки, — почему ты служиш салдатом.* 363.

Ти́тька — грудь женская. 216.

То́ко — только.

Толь — настолько, 189.

Топе́рь, топе́рича, топе́ричу — теперь. 81, 210, 209, 212, 25, 115 и др.

Торбоцька — дорожная сумка. 340.

Трескоток — треск, стук. *Тогда вдруг сделалась страсть, гром, стон трескоток.* 247.

Трёстка — палка, жезл. *Да шол [Калин-царь] да изредка ёму в бороду трёсткой потыкивал.* 214.

Туес, туесок — берестяный коробок цилиндрической формы с крышкой и ручкой на крышке. *И вот она даёт ёму туесок и свецю. Когда вытопиш печ, поставь в туес и прикрой крышкой немного.* 384.

Туманной — печальный. 363.

Тутотки — здесь. 264.

Тухленькой — угасающий. *Огонёк горит, да горит тухленькой.* 473.

У.

Убитая (плаха) — смертная, для казни предназначенная. *И повели ёго на плаху убитую.* 214, 215, 475.

Убрать — 1. спрятать, скрыть. *Она конешно ёго убрала, увела в другу комнату.* 263.

2. уничтожить, убить. *Ты убрал мою матерь, теперь я слободна.* 275.

Ужашно — ужасно. 275.

Улка — улица. *Выгляни на улку.* 458, 215.

Ульнуть — увязнуть, прилипнуть. 278. Ср. прильнють.

Упить — впитать. *Ты упей, упей, мать сыра земля, кровь змеиную да лебединую.* 229.

Урватьце — вырваться. 451.

Усыпатьце — спать до сыта, высыпаться. *Ты спиш, Добрынька, да усыпаесся.* 232.

Ухитрить — осилить хитростью, перехитрить. 54, 300, 556.

Уходить — 1. убить. *Позови ей в гости к нам, а уж мы ей здесь уходим, она не вернётце.* 239, 75.

2. загубить. *Кобылу вы у меня уходили.* 407.

Ухоронить — уберечь. 323.

Ухоронитьце — спрятаться. 6.

Учепитьце — схватить, уцепиться. 268.

Ущытать — оценить. *Сами наверно можете ущытать мою работу.* 315.

Х.

Халь — дешевизна, дешевка. *А там такая халь, дак выбирай, каких хош. Я эту пару совсем с коретой купил за сто рублей.* 412.

Хлебать — есть жидкую пищу. *Хлебай молоко, да и ложись спать.* 410, 407.

Хоббот — хвост. *Захочу, Добрынька, в хоботе (тебя) сожму* 226. *Бей змею да этой плётоцькой... по хоботу по правому.* 465.

Холка — лопатка (часть тела); нижняя часть шеи. *У ней есть на спины родимое пятно, а на холке бородавиця.* 361.

Хоро́шесьтво — ценное качество. *В этом хорошесьтва не было: кого оммане́т или там как, однем сло́вом был дурачек.* 402.

Хря́пнуть — стукнуть, ударить. 86.

Ц.

Цё — что. 277.

Цю́нки, чу́нки — санки, дровни. *И взяли его в куль собрали и на цюнках потащили к пролубы.* 411.

Цю́ть — чуть. 404.

Ца́рьство, чарьство — (кроме обычн. знач.) царский двор, дворец. 527. *[Серёга] эту кузнециху унёс в чарьство и одел в чарицино платье.* 331.

Ч.

Чарь, ча́рьский, ча́рьство — царь, царский, царство.

Чеса́ть — колотить. *И давай их чесать.* 67.

Четверётка — четверть (ведра) водки. 299.

Чи́стый — 1. открытый, безлесный. *Во чисто полё.* 213.
2. беспримесный, светлый. *Мису чиста серебра.* 214.

Чобода́н — чемодан. 23.

Чуми́чка — поварешка. 448.

Ш.

Ша́рнуть — ударить. *А потом скоцил да ножиком и шарнул.* 410. *Поп скорей подбежал да обухом шарнул.* 411.

Шевели́ть — трогать. *Ключик шевелёной* (= кто-то его брал). 8. *Кто-то в поле стал ходить, да пшоницю шевелить.* 573.

Шестихобо́тная — шестихвостая. 228.

Шири́нга — шеренга. 577.

Шишак — шлем. *Не трёснул его стальнёй шишак.* 210.

Шут — нечистая сила (водяной). 33 сл. и 587 сл.

Щ.

Що́лнуть — ударить, стукнуть. 302. *Вот он склал его [ранець] на наковальню, а оне с двух сторон по этому ранцю молотами, раз по десеть щолнули.* 302.

Э.

Этта — вот тут, в этом месте. *Хто бы у нёго этта ноч не спал, всегда был мёртвой.* 298. *Ванька, не видал этта платья моёго?* 404, 301.

Ю.

Юрта — сторожевой шалаш. *Иди к отцю на сарай за соломой и устрой таку юрту у цярьского сада.* 268.

Я.

Яблочник — продавец яблок. *Схватились этого яблочника искать, продавця, но того уж и след простыл.* 541.

Ягода — *Это была не жона, а ягода.* 521. *И видит скрозь стеклянную дверь, стоит таких три красавици, што точно ягоды.* 537.

РЕПЕРТУАР М. М. КОРГУЕВА, ВОШЕДШИЙ В I и II КНИГИ

(По указателю сказочных сюжетов Н. П. Андреева).

1. Про Чапая	—
2. Андрей Стрелец	465 A
3. Шкип	*515 I
4. Крестьянский сын и жар птица	502
5. Как царского сына унес комнатный аэроплан	575
6. Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля	222 *B + 313 BC
7. Елена Прекрасная	402 (+ 400 A + 302)
8. Кащей Бессмертный	552 (+ 400 A + 554)
9. Север	567 (+ 735 + 327 B)
10. Три брата	551
11. Иван Соснович	301 B
12. Зорька молодец	301 B
13. Сукин сын	300 *B (+ 303 + 513 A)
14. Иван Медведевич	650 A + 315 A (+ 300 A + + 301 A + 302)
15. Сон вещий	725 (+ 518 + 507 A + *946)
16. Иван Меньшой Разумом Большой	531 (+ 327 B)
17. Три лебедя	566
18. Чортов завод	315 A (+ 313 A + *313 I + + 554 + 300 A)
19. Остров золота	—
20. Лани	735 + 567 (+ 303 + 304 + + 554 + 401)
21. Учитель и ученик	325
22. Мотюша Пепельной Налитуровый Колпак	519
23. Как купеческий сын прожил отцовский капитал	361
24. Кузнец	400 A + 400 *B (+ 552)
25. Иван Несчастный	400 *B (+ *410 1 + 569)
26. Собака и кошка	560

27. Верный слуга Иван	516
28. Семь Симеонов	653
29. Три сына	513 B + 513 A
30. Три царь девицы	329
31. Червонный валет	*611 1 (+ 677 + *926 + + 564 + *410 1 + 870 + + 314)
32. Шут	314 (+ 313 A)
33. Незнайка	532
34. Виноград Виноградович	303 + 532
35. Бова королевич	*707 I
36 Еруслан Лазаревич	*650 II
37. Франциль Венциан	—
38. Полкан богатырь	—
39. Илья Муромец	*650 I
40. Добрыня Никитич	—
41. Брат и сестра	403 A
42. Аленький цветочек	425 C
43. Бархат царевич	425 C + 428
44. Не-мал человек	301 *C + 315 *B (+ 667)
45. Шолмони	461 (+ 302 + 405)
46. Царский сад	563
47. Заморский гусь	571
48. Поросячье сердце	660
49. Как жена мужа обернула собакой	*449 B
50. Как обернула волком человека одна вдовка	—
51. Как шел солдат домой с Николаевской службы, с двадцатипятилетней	330 A + 952 + 1162 + + (+ 330 B)
52. Солдат Симкин	1159 (+ *1743)
53. Как купеческий сын купил незнаему вещь	*887 1 + *901 1 + *860
54. Как купец сделал договор с одним королем	*926
55. Семен и Марья	*926 (+ *880 1 + 887)
56. Арсений и Хеона	882 A
57. Как мужик царю загадки загадывал	*921 1 A и B
58. Цыган, поп и мужик	*921 1 A
59. Крестьянин купил три слова	910 B
60. Как крестьянин женился на лесной девушке	*813 A
61. Происшествие про женщину и слесаря	—
62. Про Нестера, у которого было ребят шестеро	1525 A (+ 1535 *B + + 1573*)
63. Три брата и Ивашко дурачок	1539 (+ 1535* B + 950)
64. Барин и собака	—
65. Как барин купил у крестьянина овцу	*1529 II

66. Как один барин любил слушать сказки у своего слуги	*1376 B (+ 1920* Д)
67. Как поп, псаломщик и дьякон сидели под бураком	1730
68. Солома ты, солома	*1361 1
69. Упрямая жена	1365 A
70. Битый муж	—
71. Залетела ворона в высокие хоромы	1641
72. Как три брата пошли полесовать	1225
73. Тут не попадет, дак там попадет	1525 C
74. Беть, красота, благодать	1940
75. Как старик женился на одной ягой бабе	480* C
76. Липа Липанушко	327 C
77. Коза Нireза	212
78. Кот, лиса и петух	*61 II

Приложения

II. Варианты

Волк Людоед	465 B
Как отпустил Иван царевич хищника из котла	502
Иван Волович	300 *B + 303
Гриша Кашевар	531
Конек горбунок	531
Крестьянский сын	566
Иван Скороход	315 A
Шут (запись 1933 г.)	314

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОК М. М. КОРГУЕВА

Аленький цветочек	№ 42
Арсений и Хеона	№ 56
Бова королевич	№ 35
Бархат царевич	№ 43
Брат и сестра	№ 41
Барин и собака	№ 64
Битый муж	№ 70
Беть, красота, благодать	№ 74
Виноград Виноградович	№ 34
Верный слуга Иван	№ 27
Волк людоед	Приложения, II
Гриша Кашевар	Приложения, II
Добрыня Никитич	№ 40
Елена Прекрасная	№ 7
Еруслан Лазаревич	№ 36
Зорька молодец	№ 12
Залетела ворона в высокие хоромы	№ 71
Заморский гусь	№ 47
Иван Соснович	№ 11
Иван Волович	Приложения, II
Иван Медведевич	№ 14
Иван Меньшой, Разумом Большой	№ 16
Иван Несчастный	№ 25
Иван Скороход	Приложения, II
Илья Муромец	№ 39
Как Елена королевна вывела царского сына от волшебного короля	№ 6
Крестьянский сын и жар птица	№ 4
Кащей Бессмертный	№ 8
Как царского сына унес комнатный аэроплан	№ 5
Как купец сделал договор с одним королем	№ 54

Как отпустил Иван царевич хищника из котла	Приложения, II
Как купеческий сын купил незнаему вещь	№ 53
Как купеческий сын прожил отцовский капитал	№ 23
Как шел солдат домой с Николаевской службы, с двадцатипятилетней	№ 51
Крестьянин купил три слова	№ 59
Как три брата пошли полесовать	№ 72
Как поп, псаломщик и дьякон сидели под бураком	№ 67
Как крестьянин женился на лесной девушке	№ 60
Крестьянский сын	Приложения, II
Как мужик царю загадки загадывал	№ 57
Конек-горбунок	Приложения, II
Кузнец	№ 24
Как обернула волком человека одна вдовка	№ 50
Как жена мужа обернула собакой	№ 49
Как один барин любил слушать сказки у своего слуги	№ 66
Как барин купил у крестьянина овцу	№ 65
Кот, лиса и петух	№ 78
Коза Нireза	№ 77
Как старик женился на одной ягой бабе	№ 75
Лани	№ 20
Липа Липанушко	№ 76
Матюша Пепельной Налитуровой Колпак	№ 22
Незнайка	№ 33
Не-мал человек	№ 44
Андрей Стрелец	№ 2
Остров золота	№ 19
Поросячье сердце	№ 48
Полкан богатырь	№ 38
Про Чапая	№ 1
Про Нестера, у которого было ребят шестеро	№ 62
Происшествие про женщину и слесаря	№ 61
Север	№ 9
Сон вещий	№ 15
Сукин сын	№ 13
Собака и кошка	№ 26
Семен и Марья	№ 55
Солдат Симкин	№ 52
Семь Симеонов	№ 28
Солома ты, солома, посмотри-ка ты, солома, што деется дома	№ 68
Три лебеди	№ 17
Три брата	№ 10
Три царь-девици	№ 30

Три сына	№ 29
Три брата и Ивашка дурачок	№ 63
Тут не попадет, так там попадет	№ 73
Учитель и ученик	№ 21
Упрямая жена	№ 69
Франциль Венциан	№ 37
Чортов завод	№ 18
Червонной валет	№ 31
Шкип	№ 3
Шут (запись 1933 г.)	Приложения, II
Шут (запись 1936 г.)	№ 32
Шолмони	№ 45
Царский сад	№ 46
Цыган, поп и мужик	№ 58

Былины

Козарин	Приложения, I
Оксенышко	Приложения, I

ОГЛАВЛЕНИЕ[1]

	Стр.		
30. Три царь девицы	5	591	609
31. Червонный валет	18	591	610
32. Шут	33	592	611
33. Незнайка	55	592	612
34. Виноград Виноградович	77	593	612
35. Бова королевич	104	594	613
36. Еруслан Лазаревич	137	594	614
37. Франциль Венциан	158	595	615
38. Полкан богатырь	194	595	615
39. Илья Муромец	204	596	615
40. Добрыня Никитич	225	596	616
41. Брат и сестра	236	596	616
42. Аленький цветочек	242	597	617
43. Бархат царевич	248	597	617
44. Не-мал человек	253	597	617
45. Шолмони	262	598	618
46. Царский сад	267	598	619
47. Заморский гусь	276	598	619
48. Поросячье сердце	280	599	619
49. Как жена мужа обернула собакой	283	599	620
50. Как обратила волком человека одна вдовка	286	599	620
51. Как шел солдат домой с Николаевской службы, с двадцатипятилетней	288	599	620
52. Солдат Симкин	309	600	621
53. Как купеческий сын купил незнаему вещь	319	600	621
54. Как купец сделал договор с одним королем	339	601	622
55. Семен и Марья	346	601	623
56. Арсений и Хеона	358	602	623
57. Как мужик царю загадки загадывал	370	602	624
58. Цыган, поп и мужик	374	602	624
59. Крестьянин купил три слова	376	602	625

[1] Первая колонка цифр обозначает страницу сказки, вторая — описания сюжетов, третья — примечаний.

		Стр.	
60. Как крестьянин женился на лесной девушке	382	603	625
61. Происшествие про женщину и слесаря	387	603	626
62. Про Нестера, у которого было ребят шестеро	392	603	616
63. Три брата и Ивашко дурачек	402	604	627
64. Барин и собака	415	604	627
65. Как барин купил у крестьянина овцу	418	604	628
66. Как барин любил слушать сказки у своего слуги	420	604	628
67. Как поп, псаломщик и дьякон сидели под бураком	422	604	628
68. Солома ты, солома	427	605	629
69. Упрямая жена	431	605	629
70. Битый муж	433	605	629
71. Залетела ворона в высокие хоромы	435	605	629
72. Как три брата пошли полесовать	438	605	630
73. Тут не попадет, дак там попадет	440	605	630
74. Беть, красота, благодать	442	605	630
75. Как старик женился на одной ягой бабе	444	606	630
76. Липа Липанушка	450	606	631
77. Коза Нireза	454	606	631
78. Кот, лиса и петух	458	606	632

Приложения

I. Былины

Козарин	463
Оксенышко	473

II. Варианты сказок

Волк Людоед	481
Как отпустил Иван царевич хищника из котла	489
Иван Волович	509
Гриша Кошевар	522
Крестьянский сын	535
Иван скороход	544
Шут (запись 1933 г.)	554
Конёк-горбунок	572

Примечания

Описание сказочных сюжетов	591
Указатель сокращений	607
Примечания	609
Проф. Б. А. Ларин. Заметка о принципах публикации текста	635
Словарные пояснения	647
Репертуар М. М. Коргуева, вошедший в I и II книги	669
Алфавитный указатель сказок	672